Russ. 276 n

МОСКОВСКІЯ СМУТЫ

въ правленіе

ЦАРЕВНЫ

СОФІИ АЛЕКСѢЕВНЫ.

сочиненіе

Н. Аристова.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1871.

МОСКОВСКІЯ СМУТЫ

ВЪ ПРАВЛЕНІЕ

ЦАРЕВНЫ СОФІИ АЛЕКСѢЕВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Аристова.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1871.

(Изъ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій).

KS-00

Bayerische Staatsbibliothek München

Fgt/77/6167

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не завидна была судьба русской царевны Софіи Алексѣевны въ жизни, не почтило ее достойной памятью и потомство; доселѣ господствующее мнѣніе въ исторіи составлено о ней не совсѣмъ лестное. Всѣ мы съ дѣтства читали въ учебникахъ, что эта женщина надѣлена была блестящими дарованіями; но ихъ затмѣвало непомѣрное властолюбіе; она домогалась извести брата своего Петра, чтобы овладѣть самой царствомъ,—и еслибы удались ея злые замыслы, она навѣрно лишила бы Россію одного изъ величайшихъ дѣятелей историческихъ, выдвинувшихъ наше отечество изъ мрака къ свѣту. Во многихъ изслѣдованіяхъ охуждается вся ея правительственная дѣятельность, и всѣ смуты конца XVII стол. приписываются ея кознямъ. Но при глубокомъ изученіи правленія Софіи, старинный взглядъ на личность царевны и ея общественную дѣятельность оказывается не совсѣмъ точнымъ и вѣрнымъ. Правда, трудно сомнѣваться въ общепринятомъ издавна и теперь ходячемъ мнѣніи, при той громадной массѣ свидѣтельствъ, какая пущена въ оборотъ особенно въ XVIII стол.; но я попробую сначала провѣрить достоинство и направленіе этихъ историческихъ данныхъ, и затѣмъ постараюсь опредѣлить истинный смыслъ московскихъ волненій и смутъ въ правленіе Софіи. Что же касается до возстановленія характера царевны и ея дѣятельности въ настоящемъ свѣтѣ, а равно изображенія внутренней жизни Россіи въ концѣ XVII в., то этотъ предметъ мною уже изслѣдованъ и составляетъ содержаніе особаго сочиненія, которое скоро явится въ печати.

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ,

касающихся правленія царевны Софіи Алексѣевны.

Когда Софія была въ силѣ и заправляла всѣмъ русскимъ государствомъ, ея враги молчали или порицали ее втихомолку; а друзья и приверженцы хвалили и прославляли свойства и заслуги царевны передъ отечествомъ. Изъ числа ея сторонниковъ въ этомъ отношеніи самое видное мѣсто занимаетъ монахъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*. Какъ въ высшей степени даровитый и образованный человѣкъ, онъ любилъ собирать различныя сочиненія и въ его библіотекѣ находилось болѣе 600 томовъ разныхъ сочиненій, отчасти польскихъ и латинскихъ. Онъ вступалъ въ сношенія съ людьми просвѣщенными, знакомъ былъ со всей почти славяно-русской библіографіей и любилъ самъ заниматься сочиненіями. Родившись около г. Курска, онъ, по близкимъ сношеніямъ съ юго-западной Россіей, познакомился съ ея ученостью и заимствовалъ черты направленія ея жизни и воззрѣній; этому содѣйствовалъ и учитель его Симеонъ Полоцкій. Знаніе латинскаго и польскаго языковъ, глубокая начитанность, дѣльныя сочиненія и, вдобавокъ, сильный характеръ справедливо доставили ему громкую славу *(Обзоръ архіеп. Филарета 246—8)*.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ посѣщалъ Медвѣдева, когда онъ былъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, переписывался съ нимъ собственноручно и смотрѣлъ на его мудрость съ глубокимъ уваженіемъ [1]).

Послѣ Симеона Полоцкаго, онъ сталъ главнымъ духовнымъ лицомъ, при дворѣ Софіи и оставался вѣрнымъ стремленіямъ своего учителя, хотя не имѣлъ ловкости придворной царскаго духовника и наставника іезуитскихъ югозападныхъ школъ,—дѣйствовалъ рѣзко и энергично. И вотъ, этотъ-то человѣкъ, гонимый патріархомъ, обреченъ былъ раздѣлить судьбу сторонниковъ Софіи и сложить свою голову за приверженность къ царевнѣ и за искреннія похвалы въ честь ея.

По обычаю времени и по образцу своего учителя, Медвѣдевъ превозносилъ въ стихахъ Софію. Вмѣстѣ съ Шакловитымъ, *(оба-урожендцы с. Новоспасскаго около г. Курска)*, онъ старался возвысить личность царевны,—и съ этою цѣлью они устроили похвальную рацею, которую говорили царевнѣ братья Перекрестовы, послѣ 1-го крымскаго похода, а сочинялъ учитель Богдановскій. По ихъ же старанію, Богдановскій написалъ въ похвалу Софіи книжку о ея добродѣтеляхъ, какъ она „бунтъ утишила, и монастыри строитъ, и къ людемъ милостива, и премудра." За тѣмъ напечатанъ былъ ея портретъ и надъ нимъ „изліяніе седми даровъ Св. Духа," а подпись составлялъ отецъ Сильвестръ. Шакловитый всѣ листы носилъ къ Медвѣдеву, который ихъ, вѣроятно, проэктировалъ.

Заботясь, чтобы слава о царевнѣ и за моремъ въ чужихъ краяхъ была великая, Шакловитый образчикъ портрета послалъ въ Голландію къ амстердамскому бургомистру Николаю Витзену, черезъ дьяка Андрея Виніуса, съ просьбою—снять съ него копію и написать полное наименованіе *(титулъ)* царевны, вмѣстѣ съ виршами на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; стихи были сочинены С. Медвѣдевымъ. Виніусъ исполнилъ порученіе и послалъ за границу образцовый листъ. Витзенъ скоро выслалъ до сотни печатныхъ портретовъ Софіи Алексѣевны [2]).

Но не вирши, и похвалы Медвѣдева важны для насъ, а его замѣчательныя записки о правленіи Софіи. Какъ человѣкъ образованный по своему времени и какъ очевидецъ происшествій, С. Медвѣдевъ изложилъ разсказъ о нихъ въ высшей степени добросовѣстно и безпристрастно. Какъ точный библіографъ, Медвѣдевъ собиралъ акты и неудивительно, что въ его запискахъ они служили основаніемъ для правдиваго разсказа: онъ не рѣдко включалъ ихъ въ текстѣ цѣликомъ. Записки Медвѣдева передаютъ все отчетливо и точно; потому что ему вполнѣ были извѣстны событія, какъ современнику, видѣвшему всю картину разгорѣвшагося бунта, а какъ лицу, близкому къ правительству, ему доступны были многіе акты, переписанные имъ буквально [3]). Кромѣ того, изложеніе и языкъ его записокъ обличаютъ въ немъ человѣка дѣльнаго и умнаго, который искусно распоряжался матеріалами. Что же касается до сочувствія и непріязни къ разнымъ лицамъ, которыя выражены въ запискахъ Медвѣдева, то это дѣлаетъ честь автору въ пору схоластическихъ общихъ мѣстъ; слѣдовательно, онъ былъ личностію развитою, съ собственнымъ взглядомъ и убѣжденіемъ. А съ другой стороны, его пристрастіе къ Софіи слишкомъ преувеличено приверженцами Петра. Медвѣдевъ, какъ монахъ, не пускаетъ изъ виду моральной стороны обстоятельствъ, хотя говоритъ о дѣлѣ вовсе не съ точки зрѣнія аскетической, но по взгляду дѣльнаго и гуманнаго человѣка, для котораго всѣ люди равны и дорога

одна правда. Чѣмъ болѣе изучаешь записки Медвѣдева, тѣмъ сильнѣе увѣряешься въ полной ихъ достовѣрности и находишь въ нихъ громадныя достоинства. Когда другіе писатели, враждебные царевнѣ Софіи, стараются найти причины I-го стрѣлецкаго бунта въ тайныхъ интригахъ, Медвѣдевъ справедливо указываетъ ихъ въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ: стрѣльцы взялись за оружіе, вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій со стороны начальниковъ, ссылавшихъ правдивыхъ челобитчиковъ и притѣснявшихъ своихъ подчиненныхъ взятками и налогами. Поэтому онъ не ругаетъ стрѣльцовъ, какъ другіе, въ родѣ Матвѣева,—кровопійцами и исчадіями сатаны, но называетъ ихъ невѣжами и злыми, когда они выходили изъ предѣловъ, предписываемыхъ нравственностью, разсудкомъ и приличіями *(Зап. Сахарова 15—16)*; онъ пишетъ о замѣчательно честномъ обѣщаніи стрѣльцовъ—никого не грабить, которое они сдержали рыцарски. Но онъ не скрываетъ ихъ недостатковъ, что они не удовольствовались государевымъ указомъ, руководились сплетнями, бражничали и „возсвирѣпѣли тако, яко никому же дающе съ собою глаголати.“ Медвѣдевъ вовсе не относится къ стрѣльцамъ ни съ похвалою, какъ соучастникъ бунта, ни съ злобою, какъ врагъ ихъ; но слѣдитъ за ходомъ дѣла безпристрастно, старается выяснить причины бунта и отзывается о многихъ убитыхъ, какъ о людяхъ дѣльныхъ, принесшихъ пользу государству. Онъ пишетъ, что А. С. Матвѣевъ „бѣ человѣкъ остръ въ разумѣ, и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло;“ Г. Г. Ромодановскій,“ искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ и сильный мужъ;“ Ларіонъ Ивановъ, думный дьякъ, „мужъ въ дѣлахъ гражданскихъ и посольскихъ былъ разуменъ.“ Медвѣдевъ о Нарышкиныхъ говоритъ съ большимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ, когда могъ бы удобно избѣжать симпатическаго выраженія своего взгляда, если бы чувство было не искренно. Замѣчательнѣе всего, что онъ о патріархѣ выражается съ глубокимъ уваженіемъ: „Святѣйшій патріархъ съ верху, между множества стрѣльцовъ, едва пройде въ соборную церковь. Невѣжди же зѣло ему въ церкви досаждали всякими словесы, чесого было имъ и мыслити не довелося.“ *(Зап. Сахар. 13—14)*. Но самъ патріархъ съ своими приверженцами старались всѣми силами выставить на позоръ замѣчательную личность Медвѣдева, писали о немъ съ ненавистью и съ презрѣніемъ, когда привлекли его къ суду и онъ раскаялся; они злорадно относились, когда онъ унижался и слезно просилъ милости [4]).

Многія лица воскуряли ѳиміамъ Петру, Ломоносовъ восхвалялъ Елисавету, Державинъ—Екатерину II въ широкихъ размѣрахъ, и имъ никто не ставитъ въ упрекъ ихъ воспѣваній, а Медвѣдева всѣ обвиняютъ, что онъ былъ пристрастнымъ къ Софіи. Одна вѣжливость къ лицу правительственному заставляла современнаго писателя быть осторожнымъ въ

выраженіяхъ, каково бы это лицо ни было; если же это лицо дѣйствительно даровитое и заслуживающее похвалы, то и въ вину Медвѣдеву нельзя ставить подобной слабости, положимъ. Но онъ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно, благодаря энергіи Софіи и ея распорядительности, 1-й стрѣлецкій бунтъ улегся скоро. Описывая его, авторъ прибавляетъ: ,,тогда бо по истинѣ видѣти бысть ослаблѣніе рукъ у всѣхъ людей, яко нѣсть помогающаго и къ полезному укрѣпляющаго, мало бы не всѣ приказныя судилища опустѣша безлюдствомъ.“ *(Зап. Сахар. 16—21—24).* Въ эту-то страшную пору явилась на сцену энергическая царевна. И слѣдов. его слова не слишкомъ преувеличены, когда онъ говоритъ: ,,Въ древніи роды чудодѣйствуя жены мудрыя благоволилъ Господь послати въ пособіе правленія царства князя Петра Ал., въ юныхъ его лѣтѣхъ воздвиже сестру его, царевну Софію Ал. Ей же данъ чудный смыслъ и сужденіе неусыпнымъ сердца своего окомъ, непрестанно творяще къ россійскому народу велій трудъ.“ *(У Туманск VI, 82).* Подобные отзывы мы постоянно встрѣчаемъ о Софіи и у писателей, враждебныхъ ей.

Короче: каждое почти показаніе Медвѣдева въ настоящее время можно считать несомнѣннымъ послѣ обнародованія нѣкоторыхъ офиціальныхъ русскихъ актовъ, которые согласны и съ сказаніями современниковъ—иностранцевъ, особенно съ донесеніемъ датскаго резидента, вѣроятно—Розенбуша [5]).

Донесеніе датскаго резидента Розенбуша отъ 19 мая 1682 г. подтверждается офиціальными русскими документами и представляетъ драгоцѣнный памятникъ для изображенія 1-го стрѣлецкаго бунта. Онъ не только былъ очевидцемъ событій, но и самъ едва спасся отъ смерти. Розенбушъ находитъ причины волненій въ положеніи дѣлъ тогдашняго времени, какъ и Медвѣдевъ, а не въ интригахъ Софіи [6]). Другіе безпристрастные современники, писавшіе о правленіи Софіи, также не обвиняютъ ее въ интригахъ и козняхъ противъ Петра В. Стоитъ прочитать *Дневникъ Патрика Гордона*, чтобы увѣриться въ этомъ [7]).

Иностранные же наблюдатели и изслѣдователи русской жизни, хотя бы самые добросовѣстные, не могли избѣжать ошибокъ и промаховъ: одни руководствовались прежними подозрительными записками, выдаваемыми за свидѣтельства очевидцевъ и заносили въ свои дневники ложныя свидѣтельства предшественниковъ. Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя *Кемпферомъ* и *Аврилемъ*, которые, между дѣльными замѣтками, помѣстили много невѣрнаго; но и они не знали ничего объ интригахъ Софіи. Другіе руководились національными стремленіями [8]).

Записки Медвѣдева и донесеніе Розенбуша, какъ основательныя и добросовѣстныя, должны бы, казалось, отрезвительно подѣйствовать на

грядущее поколѣніе и внушить мысль, что причина 1-го бунта лежала въ общественномъ неустройствѣ разныхъ классовъ общества. Но страсти человѣческія искали своего оправданія въ интригахъ частныхъ лицъ и въ мелкихъ событіяхъ.

Сторонники Петра на словахъ часто льстили царевнѣ, когда у ней была въ рукахъ власть, зорко смотрѣли, чья сторона возьметъ, чтобы примкнуть къ сильному. Даже дѣльныя и образованныя лица поставлены были въ необходимость хвалить Петра непремѣнно вмѣстѣ съ Іоанномъ и Софіей. Мы имѣемъ интересный образчикъ подобнаго восхваленія въ статьѣ Игнатія, новоспасскаго архимандрита и впослѣдствіи митрополита тобольскаго, который написалъ „Свидѣтельство ко образу неизреченныя Софіи премудрости слова божія о россійскомъ благословенномъ царствіи". Въ статьѣ своей онъ предлагаетъ вопросъ: „По чесому образъ Софіи премудрости слова божія извѣствуетъ свидѣтельство о московскомъ россійскомъ царствіи?" И за тѣмъ даетъ отвѣтъ: „По всему: царство московское—царство божіе и божіихъ угодниковъ благочестивыхъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и благочестивой сестры ихъ в. государыни и в. княжны Софіи Алексѣевной всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ". *(Подробности въ примѣч.* [9]).

Въ грамотѣ своей въ Москву въ 1686 г. *патріархъ іерусалимскій Досифей* называетъ Софію: „образцемъ добродѣтелей, отеческого благородія пребываніемъ; царской державы строительницею, апостольской вѣры защитницею и поборницею". „Тишайшая православнѣйшая, пишетъ онъ, Богомъ вѣнчанная, защитница христіанского народа, милостію божіею царевна, великая княжна московская, госпожа Софія Алексѣевна, самодержица всея великія, малыя и бѣлыя Россіи, многихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчична, дѣдична, наслѣдница и обладательница, дщерь о Христѣ Іисусѣ возлюбленная отъ глубины сердца, возжелаемая". Въ томъ же родѣ писалъ къ ней патріархъ цареградскій Діонисій въ 1686 г.: „рѣдко самого благого мужа украшаютъ четыре главныя добродѣтели: теплая вѣра, разумъ, мудрость, цѣломудріе, ты обладаешь ими всѣми. Теплую вѣру дѣлами показуешь, разумъ явила въ истязаніи приснопамятномъ *(въ преніи съ раскольниками)*, мудростью ты предсѣдательствуешь и именемъ, и самимъ дѣломъ, какъ вторая Маѳа, а дѣвство сохраняешь, по примѣру пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вгрядешь въ радость жениха" *(Рус. Сл. 1852, XII, 421—2)*.

Когда же пали вѣрные сподвижники Софіи, то оставшіеся друзья принуждены были бѣжать или скрывать старую приверженность къ ней, боясь

грозной опалы; осыпанные милостями Софіи, надутые гордыней и блиставшіе счастіемъ отъ ея благосклонности, измѣнили ей, заплатили черной неблагодарностью и увлеклись подачками ея враговъ. При деспотизмѣ Петра, не осталось ни одного изъ сторонниковъ царевны, который бы даже тайно втихомолку составилъ правдивый разсказъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Дьякъ Андрей Виніусъ, который помогалъ, чтобы слава о царевнѣ была великая и за моремъ, и способствовалъ напечатанію въ Голландіи ея портрета, — съ паденіемъ Софіи чуть не проклиналъ себя за то, что былъ посредникомъ между Шакловитымъ и Витзеномъ и невольнымъ виновникомъ распространенія ея славы. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія онъ объяснялъ на слѣдствіи (1690 г. 5 нояб.), что послалъ во 195 г. листъ", опасаясь в. государей указу, а отъ Ѳедьки какова зла, отказать ему не смѣлъ, а потому де его Ѳедькину приказу тотъ образцовой листъ послалъ за море." Раскаяніе было полное и переходъ на сторону сильной партіи быстрый, какъ дѣлали всѣ иностранцы, начиная съ Гордона и вліятельныхъ лицъ, въ родѣ гетмана Мазепы; всѣ стали отрекаться отъ самыхъ невинныхъ отношеній къ ней пріязненныхъ. Когда партія Петра забрала въ руки всю власть, она усердно заботилась объ уничтоженіи всѣхъ прежнихъ сочиненій и другихъ знаковъ, выражавшихъ силу и власть Софіи, какъ то: ея портрета, монеты и т. под. Волей-неволей все дворянство должно было примкнуть къ партіи Нарышкиныхъ; являлись недовольные въ родѣ князя Козловскаго, который не хотѣлъ сидѣть за обѣдомъ съ Львомъ Кириловичемъ; но до энергическаго обнаруженія приверженности было далеко. Злобныя выходки прежнихъ сторонниковъ Софіи, Соковнина и Цыклера, обманутыхъ надеждой на счастье, ожидавшихъ возвышенія за измѣну царевнѣ, ни къ чему не привели и только повредили ей, усиливъ подозрительность царя къ сестрѣ. Во время розыска по дѣлу Цыклера, въ первый разъ Ив. М. Милославскій явился главнымъ виновникомъ мятежа, какъ обвинялъ его этотъ полковникъ. Софія тоже, по его словамъ, подзывала его когда-то къ своему окну и подговаривала на убійство царя Петра. И хотя эти показанія весьма сомнительны, они возбуждали еще болѣе злобы и ненависти въ царѣ и его приближенныхъ къ друзьямъ Софіи. Правда, народный голосъ, въ лицѣ стрѣльцовъ, стоялъ еще за нее: они говорили о Софіи съ уваженіемъ и звали ее опять на тронъ; но послѣ ужасной картины стрѣлецкихъ казней 1698 г. все замолкло: ни одинъ звукъ, ни одно слово измѣнчиваго дворянства не раздались въ ея пользу. И не удивительно. При единодержавіи Петра, всѣ приверженцы прежней правительницы, въ виду грозной опалы, должны были молчать или тянуть въ одинъ тонъ подъ управленіемъ суроваго капельмейстера. Онъ заставлялъ пи-

сать такую исторію при своей жизни, какая ему понравится, и не любилъ, когда говорили о темныхъ сторонахъ его царствованія.

Извѣстно, какого шума надѣлали заграничныя *Записки Корба*, которыя теперь во многихъ отношеніяхъ считаются правдивыми и добросовѣстными, а Петръ признавалъ содержаніе ихъ клеветой и требовалъ сожженія. Корбъ писалъ свои записки во время послѣдняго стрѣлецкаго погрома, слѣдовательно, когда уже не оставалось приверженцевъ Софіи или они боялись высказываться, и все, что онъ слышалъ, говорило не въ ея пользу. Впрочемъ, какъ правдивый писатель, онъ дѣлаетъ постоянно оговорки, что слышалъ отъ другихъ, или какая ходитъ общая молва, и эти слухи весьма интересны. По словамъ Корба, Петръ заточилъ свою сестру въ монастырь за многократные заговоры и злоумышленія противъ его жизни. Эти коварные замыслы Софіи начались очень рано. На похоронахъ царя Ѳеодора, при угощеніи стрѣльцовъ, царевна подлила отраву въ вино и сказала, что это сдѣлали бояре, которые извели ея брата Ѳеодора; одинъ стрѣлецъ попробовалъ этого вина, но тутъ же упалъ мертвымъ. Это обстоятельство произвело страшный бунтъ; стрѣльцы возбудили 60,000 человѣкъ изъ народа къ мятежу; но нѣмцы взяли верхъ и, благодаря имъ, царь Петръ спасся отъ гибели. Въ началѣ бунта 1688 г. женевецъ Лефортъ, при возмущеніи Софіи, спасъ царя, явившись въ Троицкую лавру съ горстью солдатъ; съ тѣхъ поръ государь осыпалъ его безпрерывными почестями. ,, *Общая молва*, по словамъ Корба, обвиняетъ царевну и въ томъ, что она была зачинщицею послѣднихъ смутъ. " Не смотря на крѣпкую стражу, царевна ухитрилась передать письмо стрѣльцамъ въ хлѣбѣ, который относила имъ нищая старуха, надѣясь на богатое вознагражденіе. Софія призывала ихъ двинуться на монастырь, перебить караульныхъ и начать кровопролитную борьбу; но хлѣбъ былъ перехваченъ. ,, Царевна Софія, *о которой говорятъ*, что она, въ теченіи 14 лѣтъ, покушалась на жизнь своего брата, не разъ была виновницей возмущенія въ царствѣ. Ея козни и заговоры были обнаружены и принудили наконецъ брата ея и государя обезпечить свою собственную безопасность: онъ счелъ это тѣмъ болѣе нужнымъ, что послѣднія смуты удостовѣрили его въ томъ, что въ Московіи ничто не будетъ прочно, доколѣ Софія пользуется свободою. Поэтому она была заключена въ Новодѣвичій монастырь подъ строгимъ надзоромъ царскихъ воиновъ; но, не смотря на принятыя противъ нея мѣры предосторожности, честолюбивая царевна обманула бдительность столькихъ глазъ: она обѣщала вновь возмутившимся стрѣльцамъ быть ихъ предводительницею, входила съ ними въ сношенія, посылала имъ совѣты, какъ дѣйствовать, указывала на обольщенія, которыми можно достигнуть успѣха. Царь самъ допрашивалъ ее касательно этихъ посяга-

тельствъ; неизвѣстно еще, что она отвѣчала, но то вѣрно, что царь оплакивалъ тогда какъ ее, такъ и свою судьбу. *Нѣкоторые увѣряютъ*, что царь хотѣлъ казнить ее, оправдывая свое намѣреніе словами: „примѣръ Маріи Шотландской, идущей изъ темницы подъ мечъ палача, по приказанію сестры Елизаветы, королевы англійской, указываетъ, что и я долженъ подвергнуть Софію моему царскому правосудію." Тѣмъ не менѣе, и въ этотъ разъ братъ простилъ преступную сестру, только въ наказаніе сослалъ ее въ дальнѣйшій монастырь „ [17]). Очевидно, Корбъ записалъ все, что слышалъ въ Россіи отъ высшихъ лицъ, которыя производили слѣдствіе надъ приверженцами Софіи. Съ общаго голоса враговъ Голицына, онъ обвиняетъ этого вельможу въ измѣнѣ, какъ и И. А. Желябужскій, будто оберегатель погубилъ тысячи народа, погнавъ полки по горящей степи за взятки, которыя ему дали Татары. „Поворотилъ свои полки назадъ и гналъ ихъ чрезъ мѣста, охваченныя уже дымомъ. Многія тысячи погибли ужасною смертью, задушенныя убійственнымъ чадомъ. Скоро открыли виновника толикаго урона: золото, найденное въ значительномъ количествѣ въ казнѣ Голицына, обличало злоумышлинника; за тѣмъ онъ *самъ признался* въ томъ, что его побудило къ измѣнѣ. Лишенный всего своего имѣнія, князь сперва въ Сибири занимался ловлею соболей." Вообще Корбъ не благоволилъ къ русскимъ, считая ихъ народомъ невѣжественнымъ, который относился не лестно къ иноземцамъ, навязывавшимъ Россіи свои высокія знанія и общественные порядки. Большая часть москвитянъ, говоритъ онъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами [10]).

Самолюбивому иностранцу простительно было ошибаться, (эти образцы и доселѣ у насъ предъ глазами): онъ смотрѣлъ на стрѣльцовъ и на партію Софіи, какъ на враговъ европейской цивилизаціи; но совѣстно позднимъ русскимъ писателямъ, которые промахи Корба выдавали за несомнѣнные факты.

Польскіе писатели тоже руководились при взглядѣ на правленіе Софіи чужими мнѣніями и писали по слуху. Они разглашали, что стрѣлецкіе бунты въ Россіи—дѣло двухъ придворныхъ партій; судили по внѣшности, не вникая во внутреннія движенія; иногда говорили вѣрно въ главномъ, но ошибались въ подробностяхъ. Вотъ сущность ихъ разсказовъ, которая заключается въ донесеніи одного неизвѣстнаго польскаго писателя: Diariusz zabóystwa tyrańskiego Senatorów moskiewskich w Stolicy, roku 1683 [11]). По смерти царя Алексѣя Мих. выступили двѣ партіи. Во главѣ Нарышкиныхъ стоялъ А. С. Матвѣевъ; онъ тайно дѣйствовалъ на стрѣльцовъ; во дворцѣ, среди ночи, онъ объявилъ о смерти

царя и посадилъ младшаго царевича Петра на царскій престолъ, доказывая, что Өеодоръ боленъ и неспособенъ къ управленію. На сторонѣ Милославскихъ стоялъ Долгорукій, опекунъ Өеодора; онъ обратился къ патріарху, вынесъ на рукахъ больнаго Өеодора и посадилъ его на тронъ. Матвѣева обвинили въ чернокнижьѣ и сослали въ Верхотурье. Первая супруга царя Өеодора, Агата Грузеска (*Агаөья Грушецкая*), полька родомъ, имѣла доброе вліяніе на Өеодора: подъ ея вліяніемъ, царь позволилъ завести въ Москвѣ школы польскія, даже обѣщалъ дать право на построеніе католической церкви. Другая супруга Өеодора, Марья Евпраксимовна (*Марья Матвѣевна Апраксина*), настаивала на томъ, чтобы царь возвратилъ Артамона изъ ссылки. По смерти Өеодора, Софія, противъ обычая страны, по которому должна оставаться въ теремѣ, участвовала при погребеніи царя. Петръ съ матерью удалился изъ церкви прежде окончанія обряда и этимъ возбудилъ неудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе къ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ вынести столь продолжительный обрядъ, утомился и поэтому долженъ былъ выйдти изъ церкви. ,,Оставьте въ покоѣ умершаго, — сказалъ при этомъ Иванъ Нарышкинъ,—нашъ царь не мертвъ, а живъ.“ Петръ хотѣлъ посѣтить смущенныхъ его поступкомъ царевенъ, своихъ сестеръ, но онѣ отказали ему. Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное царемъ Петромъ и Артамономъ; она говорила къ народу: ,,Ужели вы не видите, что нашъ братъ царь отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ цари. Если мы вредны для васъ и для бояръ, то пошлите насъ въ страны иныхъ государей, въ страны христіанскія.“ Этой рѣчью Софіи народъ былъ сильно смущенъ; а между Софіей и Натальей разгорѣлась жестокая вражда; царевна совѣтуется съ Милославскими и Хованскимъ, послѣдній дѣйствуетъ на стрѣльцовъ. Софія скрыла Іоанна въ своей комнатѣ и распустила молву, что царь Іоаннъ удавленъ Иваномъ Нарышкинымъ; оттого и возгорѣлся стрѣлецкій бунтъ. Хованскій домогался участія въ правленіи; но чины и бояре поручили заправлять дѣлами Софіи и просили, чтобы она не возвращалась въ Москву. Хованскій силой принудилъ вдову канцлера Ларіона, убитаго стрѣльцами Іаѳсе, (*вдову думнаго дьяка Иванова*), выйти за себя замужъ, и черезъ двѣ недѣли у нея родился сынъ. Хованскій на совѣтѣ предлагалъ вельможамъ, чтобы они выбрали его въ правители до совершеннолѣтія царей. Софію онъ думалъ выдать за мужъ за своего сына, обѣщая, что онъ такимъ образомъ удержитъ московское государство въ невозмутимомъ спокойствіи, спасетъ его отъ сосѣ-

дей-враговъ и проч. Всѣ воспротивились предложеніямъ Хованскаго; когда поняла его намѣреніе царевна, она стала придумывать, какъ бы отдѣлаться отъ него. Черезъ нѣсколько времени, Софія позволила сыну Хованскаго войти къ себѣ; онъ былъ очень молодъ и казался ей негоднымъ къ браку; посмотрѣвъ на него, она засмѣялась и сказала, „что онъ больше способенъ быть ея лакеемъ, чѣмъ ея мужемъ" [12]).

Производство иностранныхъ записокъ, мемуаровъ и разныхъ писемъ особенно сильно было во время путешествія Петра В. по Европѣ и вслѣдъ за тѣмъ. Писатели старались поскорѣе отыскать разныя свѣдѣнія о Россіи и сообщить для удовлетворенія возбужденнаго тогда любопытства европейцевъ. И вотъ нахватанныя разныя свѣдѣнія изъ десятыхъ рукъ приводились въ порядокъ разными аферистами и выдавались за наблюденія и свидѣтельства очевидцевъ. При такомъ состояніи и настроеніи общей любознательности, предположенія частныхъ лицъ являлись фактами. Главная мысль, которая руководила перомъ всѣхъ иностранцевъ, это — удивленіе къ энергическому царю Петру, который старался познакомить свой варварскій народъ съ европейской цивилизацией, самъ пріѣхалъ учиться всему доброму и училъ подданныхъ. Пріятно быть народомъ—учителемъ другихъ народовъ, цивилизаторомъ варваровъ. Поэтому, не зная прежней Россіи, европейцы увидѣли себя спасителями русскихъ отъ невѣжества и дикости, уничтожая все хорошее въ древнемъ. Началось рожденіе Россіи только съ Алексѣя Михайловича.

Саксонецъ Шлейзингъ, какъ пишетъ самъ, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22 апр. 1684), хотя вовсе не видалъ Россіи; о царевнѣ Софіи говорилъ мало, прибавивъ, что она tanzet nach dem Closter. Дальновидные писатели чуть не считаютъ этого выраженія пророчественнымъ; но дѣло обясняется просто: Шлейзингъ издалъ свою компиляцію уже въ 1688 г., когда шаткое положеніе Софіи обнаружилось [13]). Такого же свойства и компиляція *Крёля*, изданная въ 1699 г. подъ именемъ англичанина *Бове* (Bouvet); онъ никогда не бывалъ въ Россіи и высказывалъ нахватанныя чужія мнѣнія [14]). Онъ пишетъ, что царь Ѳеодоръ назначилъ наслѣдникомъ, передъ смертью, младшаго своего брата Петра, почитая Іоанна неспособнымъ къ правленію. Но Софія, будучи честолюбива, употребила всѣ свои происки для возложенія короны на своего брата Іоанна, или, паче сказать, на себя. „Къ лучшему достиженію сего намѣренія, она старалась распространить слухи, будто покойный царь Ѳеодоръ Алексѣвичъ, братъ ея, опоенъ былъ ядомъ отъ своихъ лекарей, по наущенію знатныхъ бояръ, имена коихъ нарочно были объявлены, яко виновниковъ и споспѣшествователей толь ужаснаго преступленія. Зная, что болѣе всего она можетъ утвердить свои пользы привлеченіемъ на свою сторону стрѣльцовъ, велѣла также разгласить, будто при дворѣ принято

было намѣреніе намѣшать яду въ ту водку, которую хотѣли имъ подносить на царскихъ похоронахъ." *(Изъ Корба?)* Стрѣльцы пришли въ бѣшенство, перерубили лекарей царскихъ и бояръ, которые означены были царевной, яко противные ея пользамъ, и возвели на престолъ Іоанна (стр. 6—7). „Царевна, честолюбіе которыя не удовольствовалось возшествіемъ на престолъ брата ея Іоанна, вступила въ заговоръ со стрѣлецкимъ начальникомъ Щегловитымъ, объявивъ ему, что братъ ея служилъ токмо предлогомъ къ возложенію короны на ея главу, что она желаетъ выйти за него замужъ и царствовать съ нимъ вмѣстѣ, если онъ соединитъ съ нею свои силы и старанія, что не трудно успѣть въ семъ намѣреніи, п. ч. россійская имперія есть несносное бремя для двухъ малолѣтнихъ отроковъ. Онъ не въ состояніи былъ противиться сильнымъ ея обольщеніямъ; и они употребляли всѣ мѣры къ произведенію вдѣйство сего предпріятія, которое долженствовало начаться смертію обоихъ царей, и кое бы непремѣнно удалось по ихъ желанію, если бы заговоръ ихъ не былъ заблаговременно открытъ царемъ. Цари удалились въ Троицкой монастырь, Лефортъ оказалъ отмѣнные знаки храбрости и вѣрности." Стрѣлецкій голова заманенъ былъ въ засаду подъ Троицкій монастерь, гдѣ онъ и другіе начальники бунта захвачены и наказаны были смертію. Царевна ушла въ монастырь (стр. 8). Оставалась одна недовольная партія между боярами, которые побуждаемы будучи происками царевны Софіи, нашли средство, не смотря на ея заключеніе, имѣть съ нею переписку о исполненіи своихъ умысловъ противъ особы государя. „Потеря любимыхъ стрѣльцовъ произвела непримиримую ненависть къ царю, и они вступили въ заговоръ противъ его жизни. Они склонили 4-хъ капитановъ 1-го стрѣлецкаго полка и рѣшились зажечь ночью домы и на пожарѣ убить царя во время замѣшательства." Затѣмъ намѣрены были, какъ послѣ сами признались, присоединить къ своей партіи Донскихъ казаковъ, освободить изъ заключенія царевну Софію, возвратить изъ Сибири кн. В. В. Голицына и вручить имъ правленіе, а они должны были привести имъ стрѣльцовъ въ прежнее ихъ состояніе. Но небу угодно было тронуть сердца двухъ изъ четырехъ капитановъ, которые были сообщиками въ семъ заговорѣ. Одинъ именовался Ларіономъ Елизаровымъ, а другой Григоріемъ Волеріе. Грызомые совѣстью о такомъ ужасномъ дѣлѣ, чистосердечно признались царю. О заговорѣ Цыклера царь узналъ 1 февраля 1697 г., обѣдая въ домѣ Лефорта. Онъ казался мало былъ тронутъ симъ ужаснымъ извѣстіемъ и, безъ всякой перемѣны въ лицѣ, всталъ изъ за стола и провождаемъ будучи малымъ числомъ надежнѣйшихъ людей, поѣхалъ прямо въ домъ главнаго злоумышленника, который назывался Иванъ Сиглеръ и возведенъ былъ царемъ на степень статскаго совѣтника. Его величество, пришедъ въ домъ сего злодѣя, при-

казалъ прочимъ остаться за воротами; самъ же взошелъ токмо съ тремя особами; и подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣетъ нужду въ его совѣтахъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, приказалъ за собою слѣдовать. Лишь только онъ вышелъ на улицу, взятъ былъ подъ караулъ и отведенъ въ темницу." Тоже было и съ пятью его сообщниками. „Какъ изъ признанія нѣкоторыхъ злоумышленниковъ оказалось, что Иванъ Милославскій былъ главнымъ зачинщикомъ бунта, случившагося въ 1682 г., то тѣло его вырыто изъ могилы и найдено цѣло и невредимо, (хотя оно лежало въ землѣ около 12 лѣтъ); поставлены были висѣлицы и на нихъ повѣшены разныя части его трупа, растерзанныя въ одну минуту разъяреннымъ народомъ." (стр. 36-39).

По всей вѣроятности, не былъ также въ Россіи и третій иностранный писатель *Нёвиль*, хотя онъ и говоритъ, что жилъ въ Москвѣ около пяти мѣсяцевъ, (съ конца іюля до половины декабря 1689 г.), въ качествѣ польскаго гонца. При множествѣ любопытныхъ подробностей, у Нёвиля разсѣяно громадное количество разсказовъ самыхъ невѣроятныхъ и выдумокъ, ни на чемъ не основаныхъ. Вдобавокъ, онъ смотрѣлъ на русскихъ, какъ на дикарей, и изображалъ ихъ съ явнымъ недоброжелательствомъ и пристрастіемъ. Онъ говоритъ: „Москвитяне, собственно говоря, сущіе варвары, недовѣрчивые, лживые, жестокіе, развратные, обжорливые, корыстолюбивые, неопрятные, нищіе и трусы." Съ ихъ грубостью нѣмцы ничего не могутъ сдѣлать. Личность царевны Софіи Нёвиль изображаетъ самыми мрачными чертами и заподозриваетъ въ неискренности и притворствѣ каждое ея дѣйствіе. Софія была весьма безобразна собою, необыкновенно толста, съ головою огромною, какъ кадушка; на лицѣ у нея волосы, на ногахъ наросты, и ей по крайней мѣрѣ 40 лѣтъ; но какъ не красива она собой, такъ напротивъ, хорошъ и проницателенъ умъ ея, и хотя она никогда не читала Макіавелли, но по природѣ знаетъ его правила и особенно то, что можно все предпринять и не считать самого убійства преступленіемъ, если этимъ пріобрѣтаетъ власть. „Эта принцеса съ честолюбіемъ и жаждою властолюбія, нетерпѣливая, пылкая, увлекающаяся, съ твердостью и храбростью соединяла умъ обширный и предпріимчивый." Въ вину Софіи поставлено было даже участіе къ больному брату; Нёвиль слышалъ, какъ Софія ходила за царемъ Ѳеодоромъ при смерти, и объясняетъ это заискиваньемъ и другими задними цѣлями царевны. . . . „Она оставалась у братняго одра. Всѣ заботы о немъ приняла на себя, безъ ея вѣдома никто къ нему не приближался, она подавала ему лекарства и утѣшала его. Эта умная царевна хорошо разсчитала, какъ и чѣмъ можно пріобрѣсть любовь, дружбу и признательность Ѳеодора. Въ самомъ дѣлѣ, она не только снискала любовь брата, но возбудила къ себѣ уваженіе со стороны вельможъ. Умѣя обойтись съ каждымъ, она привязала къ себѣ ихъ, удивляла

своимъ умомъ, своими свѣдѣніями, льстила ихъ самолюбію; привязала и народъ простой своимъ благочестіемъ и щедростью. Тѣ и другіе были преданы Софіи, любили и уважали ее и досадовали, что обычай запрещаетъ ей показываться въ обществѣ. Честолюбивая царевна не замедлила выполнить какъ ихъ, такъ и свое задушевное желаніе: она оставила монастырь." По словамъ Нёвиля, правленіе Софіи „ободрило и другихъ принцессъ царской крови оставить свои монастыри, въ которыхъ онѣ обыкновенно живутъ, и перейдти въ царскій дворецъ, гдѣ находилась Софія" [15]). Изложеніе событій, касающихся стрѣлецкихъ бунтовъ, спутано до послѣдней крайности. Нёвиль заставилъ бунтовать стрѣльцовъ до избранія Петра, потому что Софія подстрекала Хованскаго, и тутъ же выбрали Петра; потомъ она опять возбудила бунтъ вмѣстѣ съ Хованскимъ и тогда выбрали Іоанна; третій бунтъ былъ по смерти Хованскаго. До какой степени невѣроятны разсказы Нёвиля, видно изъ его повѣствованій объ отношеніяхъ Софіи къ Голицыну. Сначала Софія совѣтывалась съ Голицынымъ, нельзя ли отдѣлаться отъ Петра сильными средствами; но миролюбивый министръ, не желая кровопролитія, уговорилъ царевну женить Іоанна, чтобы имѣть отъ него наслѣдниковъ. Какъ усердный католикъ, Нёвиль думалъ о соединеніи церквей восточной и западной, и потому пустилъ свои мечты въ ходъ, будто В. В. Голицынъ и Софія хотѣли соединить русскую церковь съ римскою, а папой сдѣлать С. Медвѣдева изъ своихъ честолюбивыхъ видовъ. Когда у Іоанна родится сынъ, думалъ будто бы Голицынъ, царь Петръ естественно лишится всѣхъ своихъ приверженцевъ. Царевна сочетается въ то время бракомъ съ Голицынымъ, а дабы еще болѣе придать прочности дѣлу, въ патріархи изберутъ Сильверста, инока греческой религіи, но *по рожденію поляка*, который немедленно предложитъ посольство въ Римъ для соединенія латинской церви съ греческой, что̀ если бы совершилось, доставило бы царевнѣ всеобщее уваженіе. Царевна весьма охотно одобрила всѣ сіи предположенія и предоставила Голицыну и исполнять ихъ. Ей и въ мысль не приходило, что у Голицына были свои дальнѣйшіе замыслы, а именно, что присоединивъ москвитянъ къ римской церкви и надѣясь пережить Софію, не сомнѣвался, что папа назначитъ его законнаго сына наслѣдникомъ, вмѣсто тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ могъ прижить съ царевною. (Relation стр. 55—60). Но послѣ крымскихъ походовъ. Софія сильно раскаявалась, что поступила опрометчиво по совѣту своего любимца: гордая и смѣлая царевна старалась удержаться на прежней степени величія и—(трудно было ожидать отъ женщины!)—отважилась на кровавую развязку вопроса, старалась приблизить къ себѣ войско денежными наградами, вмѣсто старинной раздачи кафтановъ. Голицынъ убѣжденъ былъ ея доводами, чтобы дѣйствовать энер-

гически; но думалъ предварительно отправить сына своего въ Польшу въ качествѣ посла, съ большею частью своихъ сокровищъ. Нетерпѣливая же царевна не хотѣла даромъ терять ни одной минуты и выбрала исполнителемъ злодѣйскаго кровопролитія Ѳ. Шакловитаго. Этотъ окольничій собралъ въ Кремль 600 стрѣльцовъ отчаянныхъ подъ командой Рязанова и поѣхалъ въ Преображенское съ цѣлью убить царя, но пока отдавалъ приказанія, сердца нѣкоторыхъ затрепетали и они поскакали за городъ извѣстить царя объ опасности. Онъ уже крѣпко спалъ въ своей постели. Тотчасъ онъ послалъ за своими дядьями, братьями своей матери, и наскоро совѣтывался съ ними, что ему дѣлать. Рѣшили послать въ городъ и достовѣрно узнать о ходѣ событій. Одинъ изъ царскихъ дядьевъ и князь Б. Голицынъ поѣхали съ порученіемъ: на дорогѣ встрѣтили они Шакловитаго, ѣхавшаго со стрѣльцами, скрылись отъ нихъ и поспѣшили спасать царя. Петръ едва имѣлъ время сѣсть въ коляску съ матерью, супругою, сестрою и, сопровождаемый немногими вѣрными служителями, поскакалъ въ Троицкій монастырь; жена Петра Марфія „такъ испугалась, бывши принуждена слѣдовать за супругомъ своимъ въ его ночномъ побѣгѣ, почти полунагая, дабы спастись отъ смерти, (это неизбѣжно и случилось бы, еслибъ не предостерегъ младшій Голицынъ), что выкинула черезъ нѣсколько дней послѣ того. Однакожъ (?) родила она сына въ прошедшемъ февраля мѣсяцѣ и рожденіе сего царевича навсегда уничтожило всѣ притязанія царевны Софіи.“ Голицынъ успѣлъ бы бѣжать въ Польшу, но Софія не пускала его до времени, когда уже не могъ онъ уѣхать. „Онъ надѣялся, что король польскій окажетъ ему свое покровительство, если онъ пообѣщаетъ ему снарядить на свой счетъ нѣсколько войска въ его владѣніяхъ, съ коими можно было напасть на казаковъ и татаръ, дополняя силою, чего не исполнитъ хитрая политика.“ У Голицына нашли великія богатства: 100,000 червонцевъ въ сундукѣ, зарытомъ въ погребѣ—добыча изъ имѣнія гетмана Самойловича, и 400 сосудовъ (wessels) серебряныхъ, по 40 фунтовъ каждый. Жена Голицына и невѣстка его сосланы вмѣстѣ съ нимъ и съ сыномъ, и имъ было позволено взять съ собою всѣмъ четверымъ только 30 рублей. Что же касается до Шакловитаго, то онъ, привезенный въ Троицкій монастырь, въ темницѣ изложилъ на бумагѣ всѣ подробности заговора и во всемъ сознался. Петръ приказалъ сказать Софіи, чтобы она удалилась изъ дворца въ монастырь, который построила она въ Москвѣ. Она отказалась повиноваться и хотѣла уѣхать въ Польшу, но начальникъ стрѣльцовъ, по указу Петра, препроводилъ ее въ монастырь.— Сужденія Нёвиля о крымскихъ походахъ, не смотря на многія интересныя подробности, слишкомъ преувеличены и недостовѣрны. Крымскіе походы, по его словамъ, не только не принесли пользы и славы московскому государ-

ству; но, напротивъ, причинили величайшій вредъ. Въ 1686 г. съ 1-го марта по 1-е мая во всю зиму соединялись войска и составляли ополченіе изъ 300,000 пѣхоты и 100,000 конницы. Въ 1687 г. положено вступить въ Крымъ. Настояли и выбрали полководцемъ большинствомъ голосовъ Голицына и съ намѣреніемъ погубить его, хотя по внѣшности оказывали ему почетъ, придавая титулъ генералиссимуса. Враги очень хорошо понимали, какъ трудно вторженіе въ Крымъ, и въ отсутствіе его надѣялись ослабить его великую власть. „Я слышалъ отъ нѣмецкаго офицера, что обозъ москвитянъ состоялъ изъ миллиона лошадей; слухъ покажется невѣроятнымъ, но можетъ быть достовѣрнымъ, когда польская армія въ 24,000 человѣкъ, посланная въ 1686 г. къ Черному морю, вела за собой около 45,000 телѣгъ.“ Голицынъ, для отстраненія отъ себя при дворѣ нареканія о маломъ успѣхѣ похода, рѣшился свалить всю вину неудачи на гетмана Ивана Самойловича. Всѣ разсказы о крымскихъ походахъ слышалъ Нёвиль отъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Россіи со времени царя Өеодора.

Шлейзингъ, Крёль и Нёвиль, вѣроятно, наслушались иностранцевъ, бывшихъ въ заграничныхъ путешествіяхъ съ Петромъ В. и на скорую руку излагали свои сомнительныя данныя, разбавляя водянистыми сказаніями другихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи мы найдемъ сходство между указанными писателями; но Нёвиль имѣетъ то преимущество, что, кажется, слышалъ нѣкоторые разсказы отъ людей болѣе достовѣрныхъ и близкихъ къ Петру, чѣмъ Шлейзингъ и Крёль. Эти сочиненія стоятъ разсмотрѣнія потому, что они имѣли громадное вліяніе не только на мнѣнія европейцевъ о правленіи Софіи, но и на воззрѣнія русскихъ писателей до послѣдняго времени, какъ увидимъ ниже.

Когда иностранцы изображали Россію въ правленіе царевны Софіи вкривь и вкось по предзанятымъ мнѣніямъ и одностороннимъ слухамъ,— русскіе стали совершенно на сторонѣ Петра и, послѣ окончательнаго уничтоженія партіи Софіи, началась литература восхваленій молодаго царя. Пророчества Кирилла Бѣлозерскаго, Симеона Полоцкаго и святителя Дмитрія Ростовскаго о рожденіи Петра В., по словамъ Крекшина, истолкованы въ 1690 г. Игнатіемъ, архимандритомъ новоспасскимъ, который находилъ указаніе на это обстоятельство даже въ апокалипсисѣ. *(Ист. Петра В. Устрялова I, пр. 5).* Приведенное свидѣтельство Крекшина весьма важно: нельзя ли изъ него сдѣлать выводъ, что Игнатій, который такъ хитро объяснялъ образъ Софіи премудрости божіей и восхвалялъ царевну, положилъ начало сказанію „О зачатіи и рожденіи Петра В.“ Какъ бы то ни было, а онъ, тотчасъ по сверженіи Софіи, примкнулъ къ сторонѣ Петра и посвященъ въ 1693 г. въ митрополиты тобольскіе [16]). Такимъ поряд-

комъ литература восхваленій Петра и униженія противной партіи началась со времени паденія царевны.

Несмотря на всю осторожность, съ которой писалъ свои записки *Ив. Аф. Желябужскій*, *(родился 1638 г.)*, не смотря на то, что онъ не щадитъ Лефорта и Украинцева,—и тотъ, какъ видно по тону, стоялъ уже не на сторонѣ Софіи; онъ обвинялъ ея приверженцевъ въ явной измѣнѣ отечеству и Петру: по его словамъ, были вѣдомый воръ Медвѣдевъ, вѣдомый воръ Шакловитый. . . Желябужскій повторяетъ мнѣніе своихъ современниковъ, будто В. В. Голицынъ раздѣлилъ пополамъ русской казны 200,000 руб. съ польскими послами при заключеніи вѣчнаго мира, а за отступленіе отъ Перекопа взялъ съ Татаръ двѣ бочки золота. Этотъ ненавистный толкъ переданъ авторомъ съ голоса враговъ сильнаго временщика, желавшихъ очернить всю его дѣятельность, по ложному доносу казака Глистина [17]).

По смерти Софіи, еще болѣе усилилось злобное сужденіе о ея жизни и дѣяніяхъ. Чтобы вѣрнѣе утопить своего врага, стоило указать Петру на него, какъ на собесѣдника Милославскаго и Цыклера—и врагъ подвергался суду или пыткамъ. Такъ было въ теченіе всего царствованія Петрова. Злоба къ Милославскимъ, внушенная царю съ дѣтства, особенно обнаружилась во время такъ называемаго бунта Цыклера 1698 г. Тутъ онъ увѣрился и въ участіи Софіи въ заговорѣ и вырылъ трупъ Милославскаго и велѣлъ отвезть его на свиньяхъ въ Преображенское и лить кровь казненныхъ стрѣльцовъ въ его гробъ, чтобы онъ захлебнулся ею, такъ, какъ искалъ пролитія царской крови. Поэтому нельзя было ни слова писать въ пользу Софіи, и опасность грозила за каждое слово, выражавшее сочувствіе къ Цыклеру и Милославскимъ. Въ подметномъ письмѣ 1710 г. писано: „Умилосердися государь, какъ Богъ надъ своимъ царствомъ, побереги своего здоровья и не погуби сиротъ своихъ до конца, если ты не изволишь такова еретика сыскать Венедикта Данилова, воистину собесѣдникъ Цыклеру и Соковнину и Федькѣ Пушкину, и вору, еретику Петру Лопухину, который и мать твою государыню нашу извелъ. . .“ Въ Сибирскомъ приказѣ Даниловъ сказалъ: Соковнина-де и Цыклера и Федьку Пушкина онъ зналъ, а въ домѣхъ ихъ не бывалъ и случая никакаго съ нимъ не бывало, а Петра Лопухина зналъ же и въ домѣ его бывалъ для того, что взросъ онъ въ домѣ Лопухина, а умыслу его никакого не зналъ. *(Раскол. дѣла XVIII ст. Есипова. II, 120).*

Съ цѣлью прославленія Петра В. и его дѣятельности на пользу отечества, считали нужнымъ подкупать иностранныхъ писателей, чтобы они расхваливали новые порядки, заводимые въ Россіи на манеръ иностранный. Этой нелестной спеціальностью отличался въ началѣ XVIII в. баронъ

Гюйсенъ, который нанималъ за границей голодныхъ журналистовъ для прославленія нашего отечества. Царевнѣ Софіи не могло быть отъ этого лучше. Въ своемъ „Журналѣ Государя Петра I-го," *Гюйсенъ* (Гизенъ) разсказываетъ, что стрѣльцы въ 1698 г. хотѣли сперва ограбить нѣмецкую слободу, сжечь ее и побить всѣхъ иностранцевъ; потомъ взять и ограбить Москву и перебить или сослать всѣхъ бояръ, перемѣнить чиновъ, разослать письма, что царь умеръ въ чужихъ краяхъ. Тогда дали бы они правленіе царевнѣ Софіи, пока Алексѣй Петровичь достигнетъ возраста; Голицына хотѣли сдѣлать первымъ министромъ, возвративъ изъ ссылки. Также узнали цѣли, которыхъ достигала царевна Софія. Хотя съ 1690 г. она посажена была въ монастырь и стерегли ее крѣпко за интриги съ В. Голицынымъ противъ интересовъ его величества ея брата, однакожъ умѣла она найти способъ, какъ переписываться съ бунтовщиками, а то чрезъ средство одной старой бабы, просящей милостыню, которая ходила въ монастырь хлѣба просить. Подкупила она ее богатою милостыней, а послѣ сего прельщенія давала ей совѣтъ, какъ поступать въ тайныхъ дѣлахъ, которые царевна ей пріобщила. Часто давала она ей хлѣбы, въ которые запекала письма и велѣла ихъ относить въ стрѣлецкіе таборы; отколь та баба отвѣтъ приносила такимъ же ухищреніемъ, о чемъ караульщики дознаться не могли. Этотъ слухъ Гюйсенъ, очевидно, заимствовалъ изъ Дневника Корба, а не изъ русскихъ источниковъ. Подобныя переливанья разныхъ свѣдѣній о Россіи изъ книжки въ книжку были весьма ходячими въ то время за границей [18]).

Такимъ образомъ, исторію Петра стали писать съ предубѣжденіемъ противъ Софіи и Милославскихъ, и исторія эта должна была сдѣлаться панегирикомъ Петру. *Манкіевъ* говоритъ (1715 г.) въ предисловіи къ своему сочиненію: „Ядро Россійской Исторіи," что „имѣлъ на сей трудъ повелѣніе, а особливо чтобъ описать славныя его царскаго величества дѣла и надъ непріятелями побѣдъ его великолѣпіе." Очень понятно, что современнику Петра и при томъ лицу, имъ покровительственному, не могло иначе представляться правленіе Софіи, какъ враждебнымъ и достойнымъ всякаго порицанія. По этому Манкіевъ вѣритъ показаніямъ сторонниковъ Петра, которые производили слѣдствіе пристрастно надъ приверженцами правительницы и пишетъ: „Когда всѣ Петру цѣловали крестъ, стрѣльцы, которые отъ Ивана Милославскаго и его совѣтниковъ научены, креста царю Петру цѣловать не хотѣли." *(Одинъ полкъ!)* Значитъ, „смятеніе и бунтъ *(15 Мая 1682 г.)* отъ стрѣльцовъ возбудила царевна, чрезъ заводчиковъ — Ив. Милославскаго, Ѳ. Шакловитаго и Ив. Цыклера, досадовая за то, что меньшаго брата мимо большаго на престолъ посадили." Много бояръ побито, которые сторонѣ Софіи были противны или подозри-

тельны. Шакловитый умышлялъ на здоровье Петра и его матери, вмѣстѣ съ полковникомъ Рязановымъ, его свойственникомъ. Софія пошла въ монастырь съ начала не пострижена; но „не имѣя больше къ содержанію царскаго престола надежды, послѣ какъ стрѣльцы переказнены стали, постриглася въ Новодѣвичій монастырь“ [19]).

Можетъ быть, благодаря предисловію Манкіева, въ которомъ онъ говоритъ о „бурныхъ низверженіяхъ и стремглавыхъ паденіяхъ нечестивыхъ,“ жизнь Софіи и ея приверженцевъ подверглась, хотя и осторожнымъ, порицаніямъ на театрѣ. Изображеніе замысловъ ихъ противъ Петра составило начальную драму съ сюжетомъ изъ русской жизни, хотя еще прикрытую кучей стараго хлама изъ древне-іудейскаго міра. Мекленбургскій посланникъ Веберъ, долго жившій въ Россіи, пишетъ, что въ 1717 г. играли различныя пьесы у сестры Петра В. Натальи Алексѣевны, которая и сама сочиняла трагедіи и комедіи. Между прочимъ, онъ видѣлъ на сценѣ пьесу, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣлецкихъ возмущеній. (Das veränderte Russland I, 226—7). П. П. Пекарскій нашелъ драматическое сочиненіе временъ Петра съ подобнымъ содержаніемъ; оно называется „Стефанотокосъ.“ Подъ этимъ названіемъ разумѣется Петръ В., и содержаніе пьесы, очевидно, направлено противъ Софіи; она представлена злобной Іезавелью, которая „лютѣ убиты искаше“ его, чтобы лишить „родительска престола.“ Ея клевреты, или „коварные человицы,“ изображаются исполненными хитрыхъ пронырствъ, которые „злокозненныхъ зломышленій“ бѣсовскимъ гордымъ вѣтромъ надмѣнны возносятся,“ но исчезаютъ, подобно мыльнымъ пузырямъ, какъ скоро подымутся на высоту. Содержаніе свое сама пьеса передаетъ такъ: „*Вѣрность*, болѣзнуя, что Стефанотокосъ родительскаго неповиннѣ *Завистію* и *Злобою* лишенъ престола, жалуется на оныхъ враговъ, и хотя *Надежда* обѣщала *Вѣрности*, что Стефанотокосъ не лишится своего наслѣднаго престола, обаче отъ *Злобы* и *Зависти* гонима *Вѣрность*, *Лукавствомъ* же прельщена, помысли соединятися съ врагомъ: но *Совѣстію* изобличенна и *Надеждою* водима, приходитъ къ позорищу, на немъ же, како Аманъ на іудейскій родъ навѣтуяй, погибе, и видѣвше, ищетъ Стефанотокоса, чтобъ возвести его на родительскій престолъ и обрѣтши Стефанотокоса, моленіемъ убѣждаетъ пріяти престолъ; *Злобу* же и *Зависть* плѣнивше, Стефанотокоса славно возводитъ на престолъ.“ Передъ тѣмъ *Отечество* убѣждаетъ его принять тронъ и говоритъ:

Быть еще въ живыхъ ему весьма мнится трудно:
„Врази бо безсовѣстно гонятъ и, безстудно

„Родительску часть ему отъявъ, замышляютъ
„Чести лишити, и то уже дѣломъ сполняютъ...
„На родительскомъ аще не сядетъ престолѣ
„Стефанотокъ, то ему купно съ нами долѣ
„Предъ врагами придется лежать намъ плененнымъ,
„И въ дальнія мѣста быти заточеннымъ.“

(Наука и Литер. П. Пекарскаго I, 422—7).

Такъ мало по малу вносилось предубѣжденіе противъ приверженцевъ Софіи и сообщалось на театрѣ, въ поэзіи и въ исторіи. Европейскіе писатели того времени, разспрашивая приверженцевъ Петра, которые находились въ его свитѣ за границей, какъ свидѣтелей минувшаго, невольно и сами становились на ихъ точку зрѣнія при взглядѣ на правленіе Софіи. Незнаніе русскаго языка ставило ихъ въ обыкновенную зависимость отъ взглядовъ иноземныхъ сподвижниковъ Петра, а иностранцы, жившіе въ Россіи, не обиженные лично царемъ, превозносили его до небесъ, какъ своего покровителя и защитника, подъ властью котораго имъ было жить привольнѣе, чѣмъ въ правленіе Софіи. Приведенная нами пьеса, „Стефанотокосъ“ уже выясняетъ это воззрѣніе въ пользу иностранцевъ—приверженцевъ Петра и гоненій со стороны поборниковъ Софіи. *Лукавство*, уговаривая *Вѣрность* измѣнить Стефанотокосу, объясняетъ ей невыгоды приверженности къ нему и къ его партіи, между прочимъ тѣмъ, что „милость ихъ и сила славою и честію дивною почтила“ иноземцевъ:

Иже иностранные пріидоша къ нимъ нищи,
Достоинствъ не имуще, ни дневныя пищи,
Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славѣ,
Что дивящеся видятъ всѣ народы явѣ.

Но и изъ иностранцевъ были писатели, которые относились къ событіямъ конца XVII в. болѣе безпристрастно, чѣмъ компиляторы, вовсе не видѣвшіе Россіи. Эти лица, убравшіяся въ свое отечество по личнымъ неудовольствіямъ и не имѣвшія повода льстить Петру В., относятся къ правленію царевны Софіи вовсе не враждебно. Начиная съ ея наружности и кончая политической ея дѣятельностью, они находятъ много дѣльнаго и прекраснаго.

Такъ, капитанъ *Джонъ Перри*, который былъ на службѣ въ Россіи, подвергся царскому гнѣву за свой безпокойный нравъ, уѣхалъ въ Англію (1714 г.) и черезъ два года напечаталъ сочиненіе о состояніи Россіи. Оно написано пристрастно и наполнено мелочными жалобами автора на несправедливыя притѣсненія его царемъ и Апраксинымъ; но гдѣ обстоятельства излагаются посторонніе, не касающіяся личности Перри, тамъ онъ

излагаетъ болѣе безпристрастно. Это можно сказать о правленіи Софіи [20]).

Таково же почти сочиненіе датчанина *Страленберга*, который писалъ во враждебномъ духѣ и изобразилъ Петра мрачными чертами; къ правительницѣ онъ отнесся нѣсколько благосклоннѣе. Страленбергъ взятъ въ плѣнъ подъ Полтавой и 13 лѣтъ жилъ въ Сибири. Въ 1724 г. предлагалъ чрезъ Татищева, бывшаго въ Стокгольмѣ, посвятить описаніе Сибири Петру; но, не получивъ отвѣта, написалъ записки, представляя Петра съ двухъ сторонъ, какъ думали о немъ приверженцы и враги. Татищевъ, вѣроятно, ему помогалъ въ составленіи книги [21]).

Шлейзингъ и Нёвиль о наружности Софіи говорятъ, какъ о безобразной и уродливой, никогда невидавши ее; напротивъ, капитанъ Перри и Страленбергъ, жившіе въ Россіи, отзываются о ней съ похвалой, какъ о красивой, умной и дѣльной женщинѣ [22]). Такъ перепутаны отзывы о Софіи иностранныхъ писателей и часто совершенно противоположны.

Еще болѣе достойны вниманія записки мекленбургскаго посланника *Вебера*, который жилъ въ Москвѣ съ 1714 до половины 1720 г., и изложилъ обстоятельно и безпристрастно все, что̀ удалось ему увидѣть и узнать: хотя очень мало находится у него извѣстій о времени Софіи, но гдѣ онъ касается ея, эти свѣдѣнія дороги. Веберъ, между прочимъ, пишетъ о царевнѣ: Sie hat noch funffzehn Jahr in diesem Kloster gelebet, und der Czar fällete einsmahls bey Erinnerung ihrer das Urtheil, dass sie ohne ihre Regiersucht eine an Leibes-undGemühts-Gaben volkommene Printzessin würde gewesen seyn [23]).

Въ концѣ жизни Петра В., обстоятельства всѣ сложились въ его пользу, и дѣйствительно, нельзя было не удивляться его замѣчательно-сильной дѣятельности, направленной къ возвышенію своего народа. Поэтому, при поднесеніи Петру титула *Императора*, отъ лица народа, канцлеръ Головкинъ говорилъ ему: „Твоимъ единымъ руковожденіемъ мы изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоединились къ образованнымъ государствамъ.“ *(П. С. З. VI, № 3840)*. Подъ вліяніемъ подобной мысли о величіи Петра, всякое дѣйствіе его становилось въ глазахъ его приверженцевъ грандіознымъ и величественнымъ: Петръ убилъ древнюю невѣжественную Русь, переказнилъ тысячи стрѣльцовъ, уничтожилъ своихъ враговъ, не щадилъ противниковъ цивилизаціи изъ своихъ близкихъ, заперъ въ монастырь первую свою жену и двухъ сестеръ, довелъ до гроба сына и т. под. Все это старались возвеличить, придумывая разныя оправданія. Какъ свѣтскіе, такъ и духовные приверженцы и фавориты Петра В. въ своихъ историческихъ запискахъ, желая восхвалить государя, искажали факты, или по невѣжеству, или по увлеченію, и унижали правленіе Софіи.

Читая „Исторію императора Петра В.“ *Өеофана Прокоповича (М. 1788 г.)* удивляешься, какъ этотъ образованный и дѣльный человѣкъ, жившій близко ко времени событій, могъ перепутать до такой степени и хронологію, и настоящій ходъ дѣла. При чтеніи его исторіи, не находишь обычной энергіи и проницательности автора,—отличительныхъ свойствъ его сочиненій. Поэтому можно думать, что исторія Петра составлена кѣмъ—либо другимъ по порученію Ө. Прокоповича, или имъ набросана на скорую руку и не обработана окончательно. Между прочимъ, онъ сообщаетъ, будто на другой день бунта 1682 г. стрѣльцы убили Ивана Нарышкина, а на 4-й уже вручили правленіе Софіи, „видомъ позорнымъ, будто для малыхъ лѣтъ царевыхъ, самою же вещію утѣсняя власть его, и только имя ему царское оставляя“ *(стр. 11)*. Но Прокоповичъ не обвиняетъ царевны въ бунтѣ 1698 г., что̀ дѣлаетъ ему большую честь; бунтовщиковъ тогда было, по его показанію, 3000 человѣкъ и всѣ казнены, исключая малолѣтнихъ *(стр. 14)*.

Такимъ образомъ, исторію правленія Софіи стали писать лица, которыя желали польстить Петру и возвеличить его чрезъ униженіе дѣлъ царевны. Мало этого: подобная мысль сдѣлалась задачей самаго правительства, какъ при жизни Петра, такъ и по смерти его. Сенатъ опредѣлилъ 5-го мая 1725 г., по указу государыни—сочинить „Гисторію о Петрѣ В.“ барону Шафирову *(П. С. Закон. VII, № 470—4721)*, очевидно, для прославленія покойника. И вотъ Шафировъ сталъ посылать отписки разнымъ учрежденіямъ, какія извѣстія нужно имѣть для *Гисторіи*. Программа дана такого рода: „1) какъ содержанъ царь Петръ Ал., яко царевичъ съ царицею матерью своею по смерти царя Алексѣя Михайловича? 2) какою болѣзнію болѣзновалъ царь Өеодоръ Алексѣевичъ предъ смертью и задолго ль былъ болѣнъ до кончины? и по смерти его, какъ избраніе царя Петра Алексѣевича воспослѣдовало и что чинилось по избраніи мая по 15-е число, когда главный бунтъ начался? 3) что во время трехдневнаго бунта ихъ величествамъ отъ бунтовщиковъ учинилось? 4) какія внутреннія интриги въ томъ и отъ кого были? 5) какимъ образомъ Хованскій казненъ и съ какаго случая? 6) какія интриги и главные умыслы на Его Величество до казни Шакловитаго и отъ него были, и какъ оныя и отъ кого открылись и какимъ образомъ та перемѣна учинилась и царевна въ монастырь сослана? и проч. *(Ист. Петра В. Устрялова I, стр. 324)*. Очевидно, собирателямъ матеріаловъ даются темы для восхваленія; исторія ставится въ опредѣленныя рамки и подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. О народѣ, какъ создателѣ своей исторіи и силы, не было ни слова. Когда убѣждены были, что по иностранному образцу все можно вылѣпить изъ народа, какъ было при Петрѣ, то и причины стрѣлецкихъ бунтовъ относили къ дѣйствіямъ одной или нѣсколькихъ личностей. Начитавшись иностранныхъ исторій, самолю-

бивый писатель хотѣлъ блеснуть знаніемъ иноземнымъ и свою исторію гнулъ на чужой возвышенный ладъ. Поэтому, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сторона исторіи пошли на иностранный маперъ и явились подражательными, факты сообщались безъ всякой критики. Къ тому же примѣшались личныя воззрѣнія на минувшее въ питомцахъ Петра, симпатіи къ новизнѣ и презрѣніе всего древне-русскаго.

Съ такой точки зрѣнія написалъ записки о правленіи Софіи врагъ ея и Милославскихъ, приверженецъ Петра и Нарышкиныхъ, графъ Андрей Матвѣевъ. Онъ родился въ 1666 г. и десяти лѣтъ сосланъ былъ въ Пустозерскъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Артамономъ Сергѣевичемъ, гдѣ и пробылъ 6 лѣтъ; а на 16-мъ году былъ очевидцемъ 1-го стрѣлецкаго бунта, страшной гибели отца, и едва самъ спасся отъ смерти. Сынъ образованнаго друга царя, матери шотландки, Матвѣевъ по тогдашнему времени былъ чрезвычайно ученъ: зналъ по латыни, любилъ читать и переводить съ латинскаго и польскаго языковъ. Понятно, что онъ смотрѣлъ на стрѣлецкія возмущенія, какъ на страшное злодѣяніе, которое лишило жизни и имущества его отца: какъ причины ссылки своей, такъ и 1-го стрѣлецкаго бунта искалъ въ тайныхъ интригахъ враждебныхъ лицъ—въ партіи Милославскихъ. Поэтому онъ съ такой злобой и ненавистью относится къ Ив. Мих. Милославскому и такъ пристрастно судитъ о Софіи. Съ другой стороны, онъ принадлежалъ къ дѣятелямъ и приверженцамъ реформъ Петра В., былъ полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ и въ Голландіи. Во всѣхъ дѣйствіяхъ царевны Софіи видѣлъ одинъ вредъ и помѣху новымъ реформамъ.—Матвѣева удивляло во Франціи ласковое обхожденіе женщинъ съ мужчинами и предупредительность „со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ.“ *(Соврем. 1856 г. № 6)*. Слѣдовательно, русская женщина до — петровская, не бывавшая на ассамблеяхъ, должна была возбуждать въ немъ презрѣніе, особенно Софія, которая, по его воззрѣнію, была виновницей всѣхъ послѣднихъ смутъ и золъ въ Россіи. Далѣе, во время 1-го стрѣлецкаго бунта, Матвѣеву не было и 16-ти лѣтъ, и писалъ онъ свои записки спустя долгое время отъ событія, едва ли не по смерти Петра, какъ самъ говоритъ, „по навычной памяти,“ когда свѣжесть впечатлѣній утратилась, современный интересъ поблѣднѣлъ, авторъ смотрѣлъ издали на минувшее, уже задернутое туманомъ, въ которомъ стушевались подробности. Онъ усиливается раскрывать причины и слѣдствія событій и ищетъ ихъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, или желаетъ поучать своимъ разсказомъ читателей. Поэтому онъ вдается въ отступленія и старается высказать свое новое современное образованіе, блеснуть искуственнымъ способомъ изложенія и риторическимъ витій-

ствомъ. Медвѣдевъ все черпалъ изъ актовъ, а Матвѣевъ писалъ по памяти и многое путалъ, или вносилъ позднія преданія, явившіяся подъ вліяніемъ дѣятельности Петровой. Отсюда недостовѣрность, ошибки и промахи встрѣчаются въ его запискахъ на каждомъ шагу, и имъ невозможно довѣрять безъ другихъ, болѣе надежныхъ, данныхъ. Обстоятельства жизни Матвѣева сложились такъ, что онъ съ дѣтства явился страдальцемъ отъ противной партіи, былъ крайне озлобленъ на Милославскихъ и излилъ всю свою желчь на нихъ въ своихъ запискахъ. Онъ старался отомстить умершимъ врагамъ своимъ за смерть родителя. Его записки, какъ человѣка высоко поставленнаго, какъ свидѣтеля происшествій, принимались многими на вѣру, тѣмъ болѣе, что и Петръ во всю жизнь благоволилъ къ нему. Съ легкой руки Матвѣева, явилось множество обвиненій Софіи въ бунтахъ и во всѣхъ безпорядкахъ правленія. Это уже не слухи, пущенные въ ходъ иностранцами, которые нахватывали ихъ изъ десятыхъ рукъ; это—показаніе очевидца, едва не сдѣлавшагося жертвою стрѣлецкаго бунта. Пока еще вліяніе иностранцевъ при Петрѣ не побѣдило силы русскаго элемента въ высшемъ кругу,—ихъ компиляціи не имѣли большаго значенія въ русской исторической литературѣ и воззрѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что нелѣпости иностранныхъ сказаній для поколѣнія, бывшаго свидѣтелемъ правленія Софіи, были очевидны. Главное униженіе и жестокій ударъ царевнѣ Софіи нанесъ Матвѣевъ. Хотя онъ высказываетъ общее желаніе распространить знаніе исторіи въ назиданіе потомства и проситъ извиненія въ своихъ ошибкахъ; но тайная мысль, которая руководила его перомъ, это—прославленіе своего отца и всѣхъ приверженцевъ Петра [21]). Съ юности привязанный къ Петру В. по отношенію къ Нарышкинымъ, Матвѣевъ представлялъ его необыкновеннымъ лицомъ даже въ пеленкахъ: съ дѣтства Петръ исполненъ былъ величія и все совершенно преобразовалъ не по младенческимъ лѣтамъ; онъ, какъ левъ по когтямъ, обѣщалъ надежды неложныя ;какъ Геркулесъ, онъ въ колыбели перервалъ приползшую къ нему змѣю, и внушалъ врагамъ страхъ; стрѣльцы трепетали, ждали мести, когда онъ былъ въ малыхъ лѣтахъ. Матвѣевъ имѣлъ особыя причины относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ Натальѣ Кириловнѣ; она, по смерти отца его, своего благодѣтеля, приняла подъ свое покровительство. Онъ наслышался, вѣроятно, жалобъ вдовы—царицы, какъ Софія ее притѣсняла и насмотрѣлся на ея житье, повидимому, презрѣнное, удаленное отъ двора, и потому горько сѣтуетъ на униженіе матери Петра, на своевольства и властолюбіе Софіи. О царевнѣ—правительницѣ онъ не могъ иначе и судить, какъ съ ненавистью, считая ее виновницей всѣхъ бѣдъ, которыя постигли его лично и его отца. По словамъ Матвѣева, она была женщина „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненна

дѣва.“ Хотя София знала Іоанна, какъ совершенно неспособнаго, она добивалась возвысить его во 1) потому, чтобы по линіи его упрочить державу въ Россіи; 2) чтобы его возвысить достоинства, хотя не на первую степень, а самой управлять, какъ Пульхеріи при юномъ Ѳеодосіи. ,,Наипаче же то раченіе онаго властолюбиваго ея нрава неусыпно возбуждало, чтобы подъ именемъ брата государствовать и скипетромъ самодержавно править;“ 3) чтобы не возвысилась Наталья Кириловна, которой родственники ,,коварными сплетнями, наносными лжами и невинными клеветами отъ злодѣйственныхъ и ненавистныхъ къ дому ихъ царскому, тогда бывшихъ временщиковъ, во всякомъ гоненіи и униженіи были,, . . . И чтобы при царствованіи Петра и Наталіи ,,не произошло тогда скорѣе и царевнамъ къ истинному ими отъ стороны царской отмщенію достойное возмездіе.“ По этому стрѣлецкія сходбища въ тайную дверь царевны принесли интриги, точно голубица масличную вѣтвь въ Ноевъ ковчегъ. ,,Неутомимая жажда властолюбія немедленно нудила“ Софію къ совершенію намѣренія, т. е. къ возбужденію стрѣлецкаго возмущенія *(У Сахар. 12)*. Полки стрѣлецкіе ,,великимъ обѣщаніемъ награжденія впредъ многой годовой денежной дачи и повышенія чиновъ прельстилися,“ и пошли на смуту. Софія вышла нарочно во время бунта, когда убивали Ив. Нарышкина, и взяла икону притворно, чтобы оправдать себя передъ народомъ, что она невиновна въ его убійствѣ, а напротивъ желала спасти его отъ смерти. Матвѣевъ обвинялъ Софію и за сестеръ, будто она дала имъ просторъ жизни крайней: ,,во всѣхъ произволахъ ихъ и во всякомъ избытіи нерушимо всегда соблюдала.“ Всѣ враги Софіи говорятъ, что ея намѣренія таились въ глубинѣ сердца, вельми скрытно, какъ тлилася искра, что ея замыслы въ великомъ и глубокомъ секретѣ ея кабинета хранились; а между тѣмъ, они какъ будто сами присутствовали при ея секретныхъ совѣщаніяхъ съ друзьями и описывали ихъ подробно. Матвѣевъ говоритъ тоже и прибавляетъ: ,,Оное секретное дѣйствіе чрезъ дивныя и вельми хитрыя отъ двора ея царевнина политическія манеры и интриги или пронырство и чрезъ злоказненныхъ ея фаворитовъ или временщиковъ тайно дѣйствіе происходило.“ (*У Сахар. 9*). Милославскій совѣтовалъ побить,, бояръ, вѣрно содержащихъ сторону царскую, подъ самыми составными и затѣйными на нихъ вымыслами.“ Матвѣеву все было извѣстно, какъ Милославскій строилъ свои ковы, въ какомъ порядкѣ и т. п. (*стр. 13—14*); между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ, что у Милославскаго все было шито и крыто, и узнано уже послѣ объ его участіи, а тогда онъ прикинулся нездоровымъ и никого не принималъ. Такой хитрый, осторожный и умный политикъ, какимъ рисуетъ его Матвѣевъ, не допустилъ бы подслушивать его тайныя и опасныя совѣщанія съ своими друзьями, а на мертваго удобно клеветать. Всѣхъ при-

верженцевъ царевны, Матвѣевъ крестилъ самыми ненавистными именами и площадными ругательствами, которыя, вѣроятно, слышалъ въ дѣтствѣ отъ непріязненныхъ къ нимъ лицъ, молодыхъ Нарышкиныхъ и компаніи, или выдумывалъ самъ въ юности и сообщалъ сверстникамъ. Милославскій —„лютый супостатъ", *подорванный*, жидовскій Гамаліонъ, московскій Кромвель, скорпіонъ, который готовъ съ охотнымъ тщаніемъ изливать ядъ. Безъ омерзенія нельзя читать изъявленія радости и насмѣшекъ Матвѣева, при описаніи отвратительнаго позора надъ трупомъ Милославскаго, когда гробъ его везли въ Преображенское на чудскихъ свиньяхъ. Ив. А. Хованскій—*тараруй*, безумный трусъ. Братья Толстые—*шарпенки*, полные мрачнаго зла и пронырства и т. п. Стрѣльцы, это—злочестивые, клятвенные воры, клятвопреступники, враги божіи, лютые и послѣдніе всенижайшіе рабы *(у Сахар. 29)*; стрѣльчихи—мерзскія пьяницы (*стр. 32)*; такъ какъ они разбогатѣли отъ торговъ, то и сдѣлались самовольными и властными, навыкли безпорядковъ (*стр. 9*). Стрѣльцовъ, которыхъ Петръ замѣнилъ регулярнымъ войскомъ, онъ представляетъ нестройной и безобразной массой, необузданными когортами и турецкими янычарами. Матвѣевъ нарочно отобралъ самыя поносныя слова для ихъ изображенія. Эта „безстыдная и злосмертная чернь", послѣдняя каналія, наученная Ив. Милославскимъ, требовала выдачи бояръ; стрѣльцовъ руководило *мерзостное варварство*, *озорническая наглость* и безстыдство. Эти кровопійцы и святокрадцы, отчаянныя бестіи, агарянски дерзнули съ звѣрской яростью на Ивана Нарышкина, безчеловѣчно разсѣкли и ругательски кинули; а онъ явился новымъ пророкомъ Захаріею (*стр. 24*). Какъ у Денисова страдальцы соловецкіе всѣ умирали мученической кончиной; такъ и у Матвѣева, его современника, всѣ убитые стрѣльцами, явились въ родѣ исповѣдниковъ христовыхъ. Матвѣевъ весь разсказъ направляетъ къ тому, чтобы показать высокое значеніе своего отца, будто стрѣльцы ждали его пріѣзда, а потому не начинали бунта,—обманывали его, когда подносили ему хлѣбъ—соль, имя его было первымъ въ спискѣ лицъ, назначенныхъ къ убійству и т. п. Съ пріѣзда А. С. Матвѣева, съ 10-го мая стрѣльцы по ночамъ стали уже собираться не съ палками, какъ прежде, а съ ружьями и злобно начали грозить. Во время бунта 15-го мая Матвѣевъ сошелъ внизъ съ крыльца убѣждать стрѣльцовъ, чтобы они успокоились, не волновались, и совсѣмъ уговорилъ—бы, если-бъ М. Долгорукій не разозлилъ ихъ своими выговорами; тогда началась кровавая расправа. Матвѣевъ, конечно, зналъ о злоупотребленіяхъ властей, но не вѣритъ этому или скрываетъ нарочно. Разсказъ Матвѣева отличается натянутымъ многословіемъ и искуственнымъ способомъ изложенія. Онъ пишетъ, напримѣръ: „Изъ бунтоваго мартира зѣло ужасная бомба на кровы царскаго

дома обрушилась и своимъ зыкомъ громогласнѣе древняго Іовишеваго (*Зевсова*) грому возгремѣло эхо." Размазанный высокопарный языкъ его иногда трудно читать отъ вставочныхъ риторическихъ украшеній: онъ врагъ простоты и прямоты и другъ изворотовъ и хитросплетеннаго украшеннаго стиля. Онъ любитъ щегольнуть своими знаніями по исторіи и миѳологіи, вспоминаетъ кстати и не кстати о Каинѣ и Авелѣ, Кромвелѣ, Ахитофелѣ и проч. Онъ часто пересыпаетъ модными словами: *метаморфозъ*, *аммуникація*, *композиція*, *аліяція*, *конфидентъ*, и т. п.

По смерти Петра В., иностранные журналисты и компиляторы, не зная русскаго языка и не понимая положенія Россіи, а тѣмъ болѣе ея минувшей судьбы, продолжали свою нехитрую работу надъ исторіей дѣтства Петра: они брали старинныя ходячія мнѣнія, — и скудные матеріялы дополняли своими предположеніями и выдумками, и выдавали въ свѣтъ цѣлые томы. *Рабенеръ* написалъ, въ годъ смерти Петра, исторію его жизни; хотя онъ ничего не зналъ ни о Петрѣ, ни о Россіи, тѣмъ не менѣе заслужилъ кредитъ у иностранцевъ, такъ что на него ссылались, какъ на авторитетъ и въ нынѣшнемъ стол. Такое же почтеніе пріобрѣла компиляція посредственнаго французскаго писателя *Руссе* (Russet), который издалъ свои мемуары подъ именемъ русскаго барона *Ив. Ив. Нестесуранол*[25]). Общая ходячая мысль о вредѣ правленія Софіи — возмутительницѣ высказывалась въ западной Европѣ, какъ непреложная истина. *Фонтенель*, членъ парижской академіи, говорилъ въ 1725 г., по случаю кончины Петра, что стрѣльцы возбуждены были царевною Софіею, которая разсчитывала имѣть больше власти при Іоаннѣ, забунтовали и стали за послѣдняго.

По смерти Петра II, высшія лица вовсе не думали о минувшихъ судьбахъ Россіи, а соображали болѣе о выгодахъ и прочности своего личнаго положенія; писали преимущественно иностранцы и исключительно о дикости и о невѣжествѣ русскаго народа, и то мимоходомъ, какъ будто дѣлали подачку нищему. Слѣдовательно, не могло быть дѣльной и трезвой рѣчи о русской исторической жизни. Кромѣ низкихъ отзывовъ иностранцевъ о Россіи за это время, мы ничего не встрѣчаемъ. Появились впрочемъ за границей по прежнему сочиненія о Петрѣ, сплоченныя изъ клочковъ раннихъ писателей. Аббатъ Антоній *Катифоръ* напечаталъ свою компиляцію о жизни Петра на итальянскомъ языкѣ и составилъ ее изъ сочиненій Перри, Вебера, Руссе и проч. Онъ бралъ изъ указанныхъ источниковъ свѣдѣнія безъ всякой критики, и потому его сочиненіе представляетъ самую пеструю смѣсь невѣроятныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ съ предубѣжденіемъ противъ Россіи. Катифоръ говоритъ въ предисловіи, что Петръ В. былъ императоръ хотя варварскій, но досточудный, ибо онъ преобразилъ дикихъ звѣрей и неученыхъ, и далѣе — въ томъ же родѣ. Въ

половинѣ XVIII в. иностранное вліяніе уже успѣло пустить глубокіе корни въ нашемъ отечествѣ; поэтому и компиляція аббата переведена была на русскій языкъ, выдержала нѣсколько изданій и заслужила большую похвалу переводчика [26]). Онъ въ предисловіи пишетъ: что эта исторія ,,превосходитъ прочія исторіи, прежде его на разныхъ діалектахъ пространнѣйше написанныя, ибо не токмо наблюдаетъ онъ чинъ, требуемой историкомъ, но и обогащенъ краснорѣчіемъ, краткостью и ясностью, еже источаютъ сладость несказанную, почему она и принята за лучшую предъ другими и удостоена много похвалъ." Вслѣдствіе этого издана въ Венеціи и Медіоланѣ (*Ркп. каз. 20*). Несмотря на такой лестный отзывъ, исторія Катифора оказывается исполненною нелѣпостей, которыя выдумывали о Софіи иностранцы: что ни разсказъ, то явная ложь или ошибка. Аббатъ повторяетъ такого рода мнѣнія своихъ руководителей: царь Ѳеодоръ женился на Заборовской (*стр. 33*); онъ противъ обычая всѣхъ монархій и ,,противъ всякаго чаянія всего двора, объявилъ приемникомъ царскаго престола меншаго своего брата Петра." Но гордая царевна Софія имѣла ,,хитрый умъ и престрой," и хотѣла быть самовластной въ государствѣ. Когда она ,,изображала въ мудрости своей таковое намѣреніе,— некто другой гордой мучился и трудился самъ одинъ здѣлать ему тожъ, не имѣя никакаго согласія на оное съ царевною;" онъ ,,*пропустилъ слухъ*, будто бы царь Ѳеодоръ умре отъ отравы," допустилъ войска до свирѣпости. ,,Между 24 часовъ явилися въ Москве полны улицы мертвыхъ телъ, раззорены и господскіе домы, разграблены и купеческие лавки и приведены въ страхъ неповинныя, какъ и повинныя" (*стр. 24*); къ царевнѣ въ ужасѣ прибѣгли многіе подъ покровъ, не исключая патріарха, — и она вышла изъ дворца къ бунтующимъ и успокоила мятежъ однимъ своимъ появленіемъ. Тогда стрѣльцы побѣжали и огласили Петра самодержавнымъ государемъ. Софія, согласившись съ Хованскимъ, снова взбунтовала стрѣльцовъ и возвела на тронъ Іоанна и сама сдѣлалась правительницей; но Хованскій опять возмутилъ стрѣльцовъ, и они убили канцлера Долгорукаго (*стр. 35*). Петру дана была смертная отрава, но противоядіе спасло ему жизнь; отъ оной отравы ,,мѣшался многократно необыкновеннымъ образомъ взоръ и лице его" (*стр. 36*). Софія дала притворное согласіе Хованскому, что женитъ его сына на царевнѣ Екатеринѣ, а потомъ велѣла отрубить ему голову (*стр. 37*). По возвращеніи Голицына изъ 1-го крымскаго похода, Софія жаловалась, что терпѣла отъ Натальи Кириловны и бояръ ихъ, а чтобы не превозмогла ихъ сторона современемъ, ,,столь ослепилася гордостію," что ,,дерзнула предложить любезному своему Голицыну о зломъ и богомерзскомъ своемъ намереніи, о лишеніи жизни братьевъ своихъ, дабы ей досталася царская корона." Голицынъ ужаснулся, но притворился,

что принялъ всякое намѣреніе Софіи, хотя похулилъ сильнѣйшее средство, и предложилъ женить Іоанна. Если дескать родится отъ него сынъ, то отъ Петра тогда отстанутъ единомышленники, и онъ легко склонится къ принятію монашескаго житія. Когда Іоаннъ взялъ бы власть, „тогда не трудно бы объявить имъ о прелюбодействе царицыномъ и доказати беззаконными детми и недостойными царской короны, почему бы и до розводу дошло супружество и разведенную царицу, постригши въ монастырь, женить на другой супруге Іоанна, о которой ужъ подлинно вѣдать, что родить детей не будетъ, и тако бы *натуральнымъ образомъ* дошла до главы ея царевнины корона. Наконецъ, чтобы имѣть и духовенство при сторонѣ своей, изрядно бы было, чтобы возвесть на патріаршей престолъ архимандрита Силвестра.“ (*Катиф. ркп. 41 об.*) „Послѣ 2-го крымскаго похода, пронѣслся такой слухъ, якобы крымскій ханъ подкупилъ Голицына немалою суммою червонныхъ, и выступилъ онъ Голицынъ въ то самое время, когда уже городъ при последней опасности и здаче находился... *Говорятъ нѣкоторые*, (*Нёвиль*) якобы имелъ онъ (*Голицынъ*) намерение ее обмануть, а імянно жениться на ней, какъ сама она желала, возвесть на царскій престолъ сыновей своихъ, которыхъ онъ имелъ отъ первой жены, а оставить техъ детей, которые бы отъ нея родилися.“ Когда Софія „сплетала на здравие государя Петра страшной умыселъ,“ онъ находился въ Преображенскомъ. „Призвала она царевна къ себѣ вернаго *Щегловитова Гладкаго*, командира стрѣлецкаго и приказала, ему убить пристойнымъ образомъ чрезъ обманъ, не только Петра, но і мать его, і супругу и большее число із сродниковъ и любезныхъ ево. Щегловитой принялъ такой безчестной приказъ со усердиемъ, побѣжалъ яко разбойникъ на квартиры стрелецкіе, и выбравъ изъ нихъ до 600 человѣкъ наіпродерзостнѣйшихъ, объявилъ імъ важной указъ, по которому надобно было имъ въ ту нощь исполнить, обещая імъ въ награждение имѣніе всехъ техъ, кого они погубили. И хотя симъ образомъ непотребныя прескверныя сердца возбуждены были к принятію всякаго богомерзскаго злодѣйства, однако между оныхъ сыскались двое, что вострепетали обмочить руки въ кровь своего государя. Сего ради отлучилися они тайно отъ прочихъ, побежали на скоре въ Преображенской, гдѣ тогда находился великій Петръ.“ Онъ не вдругъ повѣрилъ, чтобы сестра его имѣла такое богопротивное намѣреніе, отправилъ въ Москву своего дядю и Бориса Голицына; но они „доехали до половины дороги и увидели іздали Щегловитого, едущаго с великою скоростію съ немалымъ числомъ стрелцовъ, и убили бы они этихъ двоихъ, если бы они не ушли другой ближайшей дорогой.“ „Голицынъ совѣтывалъ Софіи уехать и збираться вместе с нимъ въ Полше, но она ответствовала ему говоря, что ежели оставить намъ такимъ трусливымъ образомъ предприятие, то все тоже какъ бы

и объявить вину." Мы владѣемъ Іоанномъ и можемъ все сдѣлать именемъ его; стрѣльцы у него подъ властію и пр.

Болѣе правдоподобія заключаетъ въ себѣ сочиненіе англичанина *Мотлея*, который собралъ изъ офиціальныхъ печатныхъ документовъ свѣдѣнія о Петрѣ. Компиляторъ *Мовильонъ*, французъ, передѣлалъ сочиненіе Мотлея, дополнилъ заимствованіями изъ дневника Корба, присоединилъ плохіе рисунки медалей и выдалъ за свой трудъ [27]). Всѣ эти иностранныя сочиненія, которыя не стоятъ серьезнаго изученія, служили однако руководствомъ для послѣдующихъ писателей иноземныхъ и русскихъ въ теченіе всего XVIII в.

Оставшіеся сподвижники Петра I-го и участники его преобразованій, обязанные своимъ возвышеніемъ его милостямъ, превозносили до небесъ энергическаго императора, привязаны къ нему были до глубины души, особенно старики, пережившіе кровавую эпоху Бирона. Въ ихъ глазахъ Петръ возросъ до идеала царей, и отчасти справедливо, былъ отцомъ отечества; а Софія съ своими приверженцами явилась поборницей старины, мѣшавшая великимъ начинаніямъ генія, отсталая и злобная старая дѣва, врагъ образованія, виновница всѣхъ возмущеній и т. п. По этому *В. Н. Татищевъ (1686—1750 г.)*, историкъ Петра В., назвалъ записки Медвѣдева пристрастными на томъ только основаніи, что онъ держитъ сторону Софіи. Для него Петръ В. былъ благодѣтелемъ — и пишетъ онъ исторію въ благодарность за милости, какія тотъ ему оказывалъ [28]). Такимъ образомъ, ожидать безпристрастія тутъ трудно: жившій вскорѣ послѣ событія, Татищевъ ошибается, называя Медвѣдева монахомъ Чудова монастыря, тогда какъ онъ былъ настоятелемъ Заиконоспасскимъ; онъ не былъ также участникомъ 1-го бунта, какъ думалъ историкъ, и потому равнодушіе его къ Милославскому понятно; этимъ нельзя объяснять и его похвалы Софіи. Какъ даровитый ученикъ Полоцкаго, Медвѣдевъ могъ знать лично образованную и умную царевну, обвороженъ былъ ея тактомъ, дѣятельностью и энергіей во время смятенія, когда, по его словамъ, у всѣхъ отвалились руки. Это и заставило его хвалить Софію, да притомъ пользу ея правленія и умъ не отрицаютъ даже многіе враги ея. Какъ же ему, стороннику царевны, не хвалить ея даровъ и не восхищаться ея добродѣтелями? Слѣдовательно, приверженцы Петра, писавшіе о времени его юности, иначе и не могли отзываться о Софіи, какъ о лицѣ *зазорномъ третьемъ* между царями, по выраженію Петра, что царевна не только приносила вредъ государству, но и задерживала его дальнѣйшее развитіе своими честолюбивыми притязаніями и смутами,

Они старались отыскать въ ея жизни только недостатки и смотрѣли на ея правленіе исключительно съ отрицательной стороны.

Въ царствованіе Елисаветы, еще болѣе упрочилось это направленіе: тогда никто не сомнѣвался, что безъ Петра В. Россія обречена была на гибель и все лучшее для народа русскаго сдѣлано имъ. Увѣренность въ этой мысли руководила перомъ стихотворцевъ, проповѣдниковъ, администраторовъ и историковъ,—всѣ съ шумомъ стремились къ прославленію перваго императора Россіи. Послѣ Татищева, о научной разработкѣ исторіи не могло быть и помину, когда вся исторія времени Елисаветы сводилась къ одной цѣли—громкому восхваленію. Попытка Ломоносова по части исторической не удалась, а другаго дѣльнаго историка не явилось. По словамъ Ломоносова, служившаго отголоскомъ русскаго общества, Елисавета—истинная наслѣдница дѣлъ Петра, отца своего: онъ положилъ начало науки, Елисавета ее утвердила [29]). Петръ даровалъ Россіи „новое рожденіе," Елисавета—воспитала Россію! Петръ сталъ идеаломъ монарховъ и всѣ недруги явились ничтожествомъ, людьми зміинаго порожденія, врагами всякаго добра и просвѣщенія. Петръ сдѣлалъ все отлично, а его предшественники блуждали во тьмѣ невѣжества и старины. Такой мрачный взглядъ долженъ былъ особенно преслѣдовать все время правленія его сестры. Ломоносовъ говоритъ, что всѣ стрѣлецкіе бунты, по наущенію сестры Петра, на здравіе его устремлялись. Въ своемъ похвальномъ словѣ онъ излагаетъ значеніе дѣяній Петра и прибавляетъ:—„Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ, показующаго слова видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ, бывшихъ на пути исполинскаго его теченія? Больше похвалу его возвысили! . . . Коль многими окруженъ былъ непріятелями извнѣ. . . Извнутрь стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближайшихъ отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь его пріуготовлялись.„Ломоносовъ влагаетъ въ уста Петру оправданіе въ жестокости, что онъ переказнилъ стрѣльцовъ: „Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила: пролита неповинная кровь по домамъ и улицамъ московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты" и проч. И все это принудило его къ строгости. Съ этой точки зрѣнія старались оправдать всѣ жестокости Петра. Если геніальный Ломоносовъ черезчуръ возвеличилъ благодѣянія Петра и унизилъ значеніе дѣяній царевны, то что должны были говорить лица полуобразованныя? Чѣмъ сильнѣе превозносили Петра, тѣмъ строже судили Софію и закидали грязью, когда Петръ возросъ до полубога. Вознесшійся на неприступную высоту, императоръ возбудилъ въ мелочныхъ

душахъ подобострастное поклоненіе, и по ихъ изображеніямъ онъ является совершенно миѳологическимъ существомъ. Чтобы превознести его сильнѣе, въ чемъ онъ никогда не нуждался, при Елисаветѣ или изъ корыстныхъ видовъ, или вовсе невинно писали разныя чудесныя сказанія о его жизни,—и униженіемъ Софіи, нелѣпыми сказками о ея широкихъ и злобныхъ замыслахъ и страшныхъ заговорахъ, хотѣли достигнутъ своей цѣли. Царевна явилась ехидной женщиной, желавшей всевозможными средствами отдѣлаться отъ Петра и тѣмъ прекратить развитіе цивилизаціи въ Россіи; она стояла за старинное невѣжество и застой, опиралась на копья старовѣровъ—стрѣльцовъ; никто не признавалъ, что она была самая прогрессивная женщина. Софія пала—и судъ божій совершился надъ ней; лежачаго легко бить и осыпать презрѣніемъ и злобными клеветами: но судъ исторіи оправдаетъ ее отъ ложныхъ обвиненій и сниметъ съ ея памяти тяжелую ложь и клевету. Дѣло шло далеко не такими кривыми изворотами и происками, какъ разсказываютъ недобросовѣстно приверженцы Петра.

Изъ нихъ особеннымъ лакействомъ отличился дворянинъ *П. Н. Крекшинъ* (1684—1763), который началъ собирать матеріалы для исторіи Петра В. едвали не при его жизни и трудился лѣтъ 20 надъ этой работой. Первую часть своего сочиненія (съ 1672 по 1706 г.) онъ поднесъ Елисаветѣ Петровнѣ въ самую благопріятную пору, когда русскіе возмущены были правленіемъ нѣмцевъ и съ чувствомъ глубокой любви смотрѣли на царствованіе Петра В. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія, начинаетъ писать Крекшинъ: „Азъ рабъ благочестиваго императора, мній всѣхъ, милость того на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ; того ради *по долгу рабства* и любви долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзаю. Не буде то въ дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшити и ремень сапога его, и не имамъ толикаго разума. Но собрахъ яко малѣйшія крупицы отъ великія трапезы, или яко почерпнухъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всемірнаго дождя капли, падшія на главу мою; тако и отъ дѣлъ сего великаго государя, елико могъ собрать и что видѣхъ и воспомянухъ, то и написахъ.“ Ясно, что авторъ пишетъ похвальное слово Петру, который родился по пророчеству Симеона Полоцкаго, и какъ только зачался во утробѣ, предсказывалъ уже одинъ блаженный юродивый; въ десять лѣтъ онъ явился мудрымъ философомъ и удивлялъ всѣхъ своею храбростью. Онъ не то, что человѣкъ обыкновенный и жилъ спокойно: на него съ дѣтства острили тысячи ножей, заговоры слѣдовали за мятежами, родная сестра съ своими приближенными едва не убили его; но десница Господа провела его цѣла и невредима сквозь всѣ опасности, а другія онъ побѣ-

дилъ и растопталъ ногами; враговъ своихъ казнилъ и они отправились въ адъ. „И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ. . . Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, восклицаетъ Крекшинъ, все сіе заботы, труды и дѣла Петра В. ! . . Отче нашъ, Петръ В., ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ! . . . Капли пота трудовъ твоихъ было наше мѵро благовонное, облагоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи“ [30]). При такомъ взглядѣ все старинное было никуда негодно и противная партія ничтожна, ненавидима Богомъ по своимъ лукавымъ помысламъ и дѣламъ тьмы; хитрая и коварная Софія съ своими клевретами ратовала за невѣжество. Крекшинъ сочинялъ цѣлые разговоры, какъ она спорила съ патріархомъ, что царствовать долженъ Іоаннъ; онъ влагаетъ въ уста Натальѣ Кириловнѣ, въ видѣ причитанья, стихотворный плачъ, сочиненный Полоцкимъ по случаю смерти царя Алексѣя; онъ заставилъ говорить Петра рѣчь на соборѣ противъ раскольниковъ, тогда какъ онъ и не присутствовалъ на немъ. Всѣ извѣстія, уже преувеличенныя Матвѣевымъ, подъ перомъ Крекшина явились еще болѣе фантастическими; онъ придумывалъ имъ объясненія по своему соображенію, наприм. онъ пишетъ: „Милославскій съ Хованскимъ возъимѣли вражду, и Хованскій стрѣльцовъ о убіеніи Милославскаго просилъ; стрѣльцы искали случая его убить“. Какъ у Матвѣева, такъ и у Крекшина прибавка жалованья стрѣльцамъ, правежъ денегъ на полковникахъ и каждое распоряженіе Софіи перетолкованы въ дурную сторону. Крекшинъ смѣшалъ два разныхъ случая и передалъ въ своихъ запискахъ, будто стрѣльцы, надѣвъ петли на шеи, пошли съ топорами и плахами въ Троицкую Лавру въ числѣ 2,700 человѣкъ, и тутъ Наталья Кириловна отличилась своею кротостью и умоляла царей простить преступныхъ. Вездѣ мать Петра онъ рисуетъ идеаломъ женщины, которая исполнена была всевозможными добродѣтелями, а Софію—злобной и пронырливой дѣвой. По словамъ автора, царь Ѳеодоръ настоялъ, чтобы наслѣдникомъ его былъ Петръ, хотя Языковъ и совѣтовалъ ему оставить пріемникомъ Іоанна. Вообще по запискамъ Крекшина надобно изучать не время правленія Софіи, а взглядъ на нее и мнѣнія современниковъ императрицы Елисаветы и приверженцевъ Петра. Это—тоже, что похвальныя слова Ломоносова. Еще Татищевъ назвалъ Крекшина „новгородскимъ баснословцемъ,“ а Устряловъ дѣлаетъ приговоръ еще болѣе строгій: „Невѣжество въ событіяхъ, суевѣріе, вымыслы встрѣчаются на каждой страницѣ: онъ слагалъ предсказанія, выдумывалъ рѣчи, изобрѣталъ факты. Трудно вообразить, чтобы можно было такъ безсовѣстно обманывать современниковъ и потомство, какъ обманывалъ Крекшинъ, съ клятвою увѣряя людей простодушныхъ, наприм. Голикова, что все разсказываемое имъ сущая правда,

вопреки свидѣтельствамъ неоспоримымъ. Все его сочиненіе есть ничто иное, какъ цѣпь выдумокъ, перемѣшанныхъ съ немногими сказаніями историческими.“ (*Ист. Петра В. I, XLII*).

Иностранцы, сослуживцы Петра, тоже не превосходили правдивостью и дѣльными соображеніями русскихъ писателей. Привязанный къ царю, *Александръ Гордонъ* слѣдилъ за всѣми сочиненіями о Петрѣ и досадовалъ, что большая часть разсказовъ ложны; тогда онъ рѣшился въ глубокой старости, самъ написать исторію монарха но и его записки ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенной компиляціи [31]).

Писатели усиливались вознести до облаковъ Петра, чтобы возвыситься самимъ; поэтому выдумывали всевозможныя тиранніи и смуты, крамолы и заговоры на его жизнь, чтобы показать во всемъ блескѣ его величіе, какъ онъ прошелъ сквозь огонь и воду, и уничтожилъ всѣ злые замыслы родной своей сестры и т. п. Они вѣрили всякому разсказу и анекдоту. Такого характера анекдоты *Якова Штелина*, который съ 1735 г. былъ въ Петербургѣ придворнымъ устроителемъ спектаклей, иллюминацій, составителемъ одъ на торжественные случаи, *профессоромъ аллегоріи*. Онъ сообщаетъ въ своихъ анекдотахъ самыя невѣроятныя преданія и чистыя небылицы; онъ передалъ разсказъ, послужившій темой для романистовъ и живописцевъ, будто во время 1-го стрѣлецкаго возмущенія въ алтарѣ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ двое бросились на Петра съ сверкающимъ ножемъ и одинъ совсѣмъ—было его зарѣзалъ. Во время заговора Цыклера и Соковнина, отважный царь самъ явился въ домъ послѣдняго и съ неустрашимостью вошелъ въ комнату, долго сидѣлъ, потомъ ударилъ кулакомъ хозяина и велѣлъ связать злоумышленниковъ. Штелинъ сообщилъ, какъ стрѣльцы подкопались подъ монастырь Новодѣвичій и хотѣли освободить Софію,— какъ въ лѣтнемъ дворцѣ раскольникъ покушался на жизнь Петра,—какъ злодѣй два раза пытался выстрѣлить въ соннаго монарха, но пистолетъ осѣкался и проч. и проч. Припадки, которымъ подверженъ былъ Петръ, Штелинъ и его современники приписывали или страху, испытанному имъ въ Троицкой Лаврѣ, или козням властолюбивой царевны Софіи, которая тайно приказала отравить его ядомъ [32]).

Я не обратилъ бы вниманія на анекдотическую сторону, если бы она въ свою очередь не имѣла вліянія на взгляды писателей о правленіи царевны Софіи. Анекдоты, сообщенные Штелинымъ, заносились въ историческія повѣствованія до послѣдняго времени и даже безъ всякой критики. Когда въ глазахъ участниковъ преобразованій Петра В. каждое иностранное сочиненіе о величіи его считалось священнымъ, тогда и заграничныя выдумки имѣли большое значеніе, принимались охотно на вѣру и разсказывались русскими вельможами, какъ событія очевидцевъ. Писатели, которымъ они хвастливо пере-

давали, иногда отъ своего лица, какъ свидѣтели событій,—вѣрили ихъ разсказамъ, и не рѣдко выдумка какого-либо иностранца являлась въ русскомъ покровѣ. Этимъ путемъ можно объяснить, почему вымыселъ, сообщенный компиляторомъ Крёлемъ, передается у Штелина какъ доморощенный анекдотъ о заговорѣ Цыклера и Соковнина. (*См. выше*). Послѣ разсказовъ, представленныхъ Штелинымъ, который основалъ ихъ на словахъ очевидцевъ и знаменитыхъ участниковъ происшествій, каковы, наприм. канцлеръ А. Петр. Бестужевъ, Ив. Ю. Трубецкой, внучка Матвѣева, М. А. Румянцева—Задунайская,—никто не осмѣливался противорѣчить его показаніямъ. Поэтому писатели, касающіеся исторіи времени Софіи, ссылаясь на анекдоты Штелина, не сомнѣваются въ коварныхъ замыслахъ царевны.

Такимъ образомъ, по естественному теченію исторической жизни, Софія въ царствованіе Елисаветы не могла имѣть достойнаго историка, который взглянулъ бы безпристрастно на ея жизнь и дѣянія. Но послѣ такихъ шумныхъ восхваленій Петра В., какъ Ломоносова: „Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія!“ — или какъ воззванія Крекшина: „Отче нашъ, Петръ В.!“ — дѣльные люди стали глубже вникать въ ходъ минувшихъ судебъ Россіи; а раскольники выражали ненависть къ такимъ святотатственнымъ похваламъ и сильно нападали на Петра.

Когда въ исторіи не видѣли движущей силы идеи, то всякое явленіе объясняли личными интригами, привязанностями и т. п. При Елисаветѣ раскольничій бунтъ конца XVII в. считали дѣломъ Никиты Пустосвята, стрѣлецкій—приписали честолюбивымъ стремленіямъ Софіи. При униженіи народа въ XVIII стол., естественно было думать, что одна личность ловкаго правителя можетъ двигать по произволу и народомъ, и войскомъ; къ тому же заключенію приводила и мысль о государственныхъ переворотахъ Россіи послѣ Петра В. Такъ смотрѣли и на Софію, будто она, при посредствѣ своей хитрости и изворотливости, двигала стрѣльцовъ по произволу и разставляла, какъ шашки. Въ тоже время иностранные писатели мѣряли правленіе Софіи по образцу царствованія Людовика XIV и приписали царевнѣ всѣ интриги французскаго двора. Такое воззрѣніе ярче всего выступаетъ у *Вольтера*.

Не смотря на громадное количество матеріаловъ, сообщенныхъ изъ Россіи Вольтеру, онъ написалъ исторію Петра безъ всякой критики, вѣрилъ на слово и Нёвилю и Матвѣеву. „Царевна Софія, пишетъ онъ, ума столь же превосходнаго и замѣчательнаго, сколько опаснаго... Она возымѣла намѣреніе стать во главѣ имперіи; она хотѣла въ послѣдніе годы жизни царя Өеодора возобновить роль, которую играла нѣкогда Пульхерія съ императоромъ Өеодосіемъ, своимъ братомъ. Правительница имѣла много ума, со-

чиняла стихи на родномъ языкѣ, писала и говорила хорошо; съ прекрасною наружностью соединяла много талантовъ, но всѣ они помрачены были громаднымъ ея честолюбіемъ". [33]) Въ томъ же смыслѣ впослѣдствіи сообщилъ свой отзывъ о царевнѣ Н. М. Карамзинъ, какъ увидимъ ниже. Какъ поэтъ и искатель сильныхъ страстей, Вольтеръ взглянулъ на Софію совершенно фальшиво, точно на какую-нибудь средневѣковую итальянку, хотя и самъ чувствовалъ, что исторію Петра долженъ писать русскій. Тѣмъ не менѣе, отзывъ его о правленіи царевны, какъ замѣчательнаго писателя и руководителя своего вѣка, многіе читатели и писатели приняли за чистую монету, — и его исторія содѣйствовала распространенію ложныхъ мнѣній о событіяхъ Россіи конца XVII стол.

Исторія Петра В., Вольтера возбудила ревность въ его покорномъ слугѣ *А. Сумароковѣ* (1718—1777 г.),— и онъ захотѣлъ также быть историкомъ Петра. Онъ началъ со стрѣлецкихъ бунтовъ, но не окончилъ о нихъ разсказа. Вѣрный пріемамъ фернейскаго философа, русскій Пиндаръ влагалъ въ уста историческихъ лицъ свои идеи и понятія вѣка; повторяя сказанія Матвѣева и Крекшина, онъ дополнялъ ихъ своими вымыслами и фантастическими картинами, разбавляя водянистыми фразами иностранцевъ. Разсуждая объ участіи въ бунтѣ И. М. Милославскаго, онъ сочинилъ совершенную сказку. Вотъ его слова: „Всякое въ народѣ огорченіе, налоги, насилія, драки по улицамъ, замедлѣнія въ выдачи стрѣльцамъ жалованья, въ праздничные дни работы, — все то Нарышкинымъ приписывалося. И не только стрѣльцы, но жены и дѣти ихъ часто онымъ бояриномъ Милославскимъ были призываемы; а сіи безразсудные люди оплакивали съ нимъ и съ ево сообщниками прежнее свое и Милославскихъ состояніе: всякое новое худо чувствительняе, нежели минувшее. Иногда оной Милославской повязывалъ себѣ голову платкомъ по женски и садился на крыльцахъ, будто онъ боярыня какая, и будто отъ Нарышкиныхъ бита, приводя стрѣльцовъ ко сожалѣнію. Сказывалъ онъ иногда, что отъ скорой ѣзды молодыхъ господъ Нарышкиныхъ тотъ-то и тотъ-то раздавленъ, и что кровь на нихъ вопіетъ на небо и ко иконѣ Знаменія Богоматери, отъ которыя иконы получалъ онъ всей черни знаменія паденію ихъ Нарышкиныхъ... Все то было имъ вымышляемо, что хитрости человѣческой при подлой душѣ свойственно." А чернь, „сія мерзкая, пьяная и ядовитая гадина, недостойная имени человѣческаго," всему вѣрила и забунтовала. Стрѣльцы московскіе общенароднаго избранія (*Петра*) не признали. Повторяя ошибки своихъ предшественниковъ, Сумароковъ желалъ возвеличить свою родословную и сочинилъ нарочно небывалое событіе, будто одинъ изъ его предковъ, комнатный стольникъ, Ив. Богд. сынъ Сумароковъ спасъ царя Алексѣя Мих. на охотѣ отъ

медвѣдя, а Софія давала ему 1000 дворовъ, лишь бы онъ потвердилъ доносъ на Нарышкиныхъ въ покушеніи на жизнь царя Ѳеодора [34]). Этотъ разсказъ характеризуетъ не одну личность Сумарокова, но также рисуетъ вообще дворянскія воззрѣнія временъ Екатерины II.

Много нелѣпостей сообщилъ Сумароковъ въ своемъ описаніи стрѣлецкихъ бунтовъ, такъ что даже *Эминъ* (1769 г.), отличавшійся своей риторикой, сомнѣвался въ нѣкоторыхъ положеніяхъ писателя, имъ уважаемаго, находилъ ошибки и противорѣчія. Онъ не вѣрилъ, будто Милославскій наряжался боярыней для возбужденія бунта: „Сіе описаніе мнѣ кажется быть сумнительнымъ, какъ потому, что Милославскій по описанію Никона и прочихъ, въ то время будучи царскій сродственникъ и хитрецъ, столько былъ знатенъ, что всѣ начальники стрѣлецкіе знали его въ лицо; такъ по причинѣ той, что онъ тогда имѣлъ около 50 лѣтъ, какъ то современные его писатели свидѣтельствуютъ, имѣлъ усы и бороду, которые признаки, кажется, довольно мужчину отъ женщины отличить могутъ. Наши же тогдашнія боярыни не крыли лица своего подъ покрывало такъ, какъ дѣлаютъ азіатскія женщины. Почему такая Милославскаго хитрость была неразумна и безполезна.“ Эминъ опровергаетъ также мнѣніе Сумарокова, будто бунты производила чернь, а бояре въ нихъ никогда не участвовали, и добавляетъ: „Если бы я не опасался утратить великой ко мнѣ любви автора, то сказать бы могъ, что въ семъ его описаніи больше видно ненависти къ отечеству и пристрастія къ дворянству, нежели историческаго согласія“ [35]).

Одна крайняя, односторонняя мысль всегда носитъ въ себѣ много ложнаго, преувеличеннаго и поневолѣ возбуждаетъ противъ себя опроверженіе въ другихъ умахъ, которые, отъ излишней энергіи для ея уничтоженія, иногда сами впадаютъ въ крайность противоположную. Такое явленіе мы замѣчаемъ и въ исторіи восхваленія Петра и униженія Софіи, превознесенія иностранной цивилизаціи и отрицанія русской. По смерти дочери Петра В., императрицы Елисаветы, не оставалось особенныхъ побудительныхъ причинъ враждебно относиться къ царевнѣ Софіи и вообще къ русской старинной жизни.

Еще Бецкій (въ 1764—67 г.) указывалъ односторонность въ реформахъ Петра В. и говорилъ, что образованіе въ исключительныхъ видахъ пользы оказалось несостоятельнымъ, и одно внѣшнее усвоеніе формъ цивилизаціи не спасло Россію отъ невѣжества. Отрицаніе всего хорошаго въ древней Россіи вызывало на дѣятельность защитниковъ старины; въ описаніи стрѣлецкаго бунта, Сумароковъ безцеремонно разсуждаетъ: „Бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до временъ Петра В. варвары или паче скоты были; предки наши были не хуже насъ; а послѣдній царь Ѳео-

доръ въ нашей древности достойный былъ братъ Петру В. И не было другова Россіянамъ превращенія, какъ вопятъ новомодныя невѣжи, наслышавься отъ чужестранныхъ, которымъ они сами о себѣ такую подлость натолковали, кромѣ сея, что сія сумазбродныя толкователи превращены стали; ибо они изъ человѣковъ ненапудренныхъ, дѣйствительно, въ напудренную превратилися скотину" [36]).

Черезчуръ фантастическія повѣсти, созданныя въ половинѣ XVIII в., о правленіи царевны Софіи, принесли отрицательную пользу: писатели болѣе умные стали относиться къ нимъ критически и очищать истину отъ ложныхъ сказаній. Прочное начало этому трезвому направленію положилъ *Миллеръ* (1705—1783). Въ своихъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ"(1775—64 г.), онъ помѣстилъ много статей по русской исторіи, въ которыхъ старался выяснять настоящій взглядъ на минувшую судьбу нашего отечества. Затѣмъ, когда Вольтеръ прислалъ въ 1761 г. И. И. Шувалову 1-й томъ исторіи Петра В., то Миллеръ сдѣлалъ на него критическія замѣчанія, которыми разозлилъ самолюбиваго оракула XVIII в., и писалъ по этому поводу: „Г. Вольтеръ не любитъ входить въ розысканія; по немъ лучше разрубить узелъ, чѣмъ развязать его. Всѣ согласны, что Вольтерова исторія Петра В. не удовлетворила всеобщему ожиданію. Ея недостатки замѣчены были еще до ея появленія въ свѣтъ по тѣмъ образчикамъ, которые авторъ прислалъ въ Петербургъ въ рукописи. Замѣтки мои были отосланы къ автору. На ихъ-то основаніи, въ предисловіи къ 2-му тому онъ исправилъ нѣкоторые промахи, сдѣланные въ 1-мъ томѣ; другія ошибки онъ извинилъ; наговорилъ мнѣ грубостей; особенно постарался онъ не коснуться тѣхъ замѣчаній, которыя бы заставили его покраснѣть." (*Современ. 1854, № 10, въ статьѣ о Мюллерѣ, стр. 134—5. 145—6*). Когда оказалась неудовлетворительной исторія Вольтера, императрица Екатерина II поручила Миллеру написать исторію малолѣтства Петра В. Онъ счелъ необходимымъ прежде изучить царствованіе Θеодора Ал., и тутъ относится къ дѣлу критически, опровергая извѣстіе, будто А. С. Матвѣевъ хотѣлъ отстранить Θеодора и возвести на престолъ Петра, за что и былъ посланъ въ ссылку.

Какъ писатель въ высшей степени осторожный и добросовѣстный, Миллеръ не обвиняетъ прямо Софію въ зажигательствѣ бунтовъ ея времени; но выражаетъ эту мысль довольно осторожно: „Если царевна Софія въ самомъ бунтѣ (*1-мъ стрѣлецкомъ*) главнѣйшее участіе имѣла, то употребленною при утишеніи онаго щедротою, легко могла она стрѣльцовъ склонить и на все прочее, чего ей ни похотѣлось. По честолюбію же ея и никакова сумнѣнія остаться не можетъ, чтобъ все потомъ происшедшее ея внушеніемъ и производствомъ не сдѣлалось." Но онъ все-таки относит-

ся съ большимъ уваженіемъ къ дѣятельности правительницы и отдаетъ справедливость ея заслугамъ на пользу отечества: „Царевна Софія, сверхъ всякой мѣры честолюбивая, и никого себѣ разумомъ и мудростію не предпочитающая, хотѣла подъ именемъ брата своего государствовать. Правда, что проницательный имѣла разумъ и къ правленію дѣлъ была весьма радѣтельна. Правленіе ея было для народа правдивое, государству полезное, и по всей Европѣ славное, паче потому, что имѣла при себѣ боярина князя В. В. Голицина, коего искуство въ дѣлахъ у иностранныхъ писателей ему имя *великаго* доставило." Но Софія не имѣла права царствовать. Миллеръ удивляется, какъ царевна при своемъ честолюбіи не изъявила желанія короноваться вмѣстѣ съ царями, когда это зависѣло отъ ея воли и никто бы въ этомъ не смѣлъ ей воспрепятствовать. Разбирая мнѣнія разныхъ писателей о правленіи Софіи, онъ говоритъ: „Прежде всего опровергнуть должно неосновательное мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, якобы наборъ потѣшныхъ начался съ 1683 г., и царевна Софія Ал. будто отпустила царицу Наталію Кириловну съ сыномъ малолѣтнымъ жить, гдѣ изволитъ. Чрезъ то будто сама поводъ подала молодому царю къ набиранію потѣшныхъ, уповая, что будучи въ совершенной вольности съ равнолѣтными себѣ всякаго роду молодыми людьми, удалится отъ просвѣщенія разума, въ нравахъ повредится, впадетъ во всенародное презрѣніе и къ правленію государства учинится неспособенъ" . . . Но 1) царица могла жить и ѣздить, гдѣ угодно, не спросясь Софіи; 2) Софія знала, какъ строго наблюдала царица за сыномъ и не могла имѣть такого умысла, какой ей безразсудно приписываютъ; 3) въ Розрядныхъ книгахъ набираніе потѣшныхъ въ Преображенскомъ относится къ 1687 г.; 4) не Софія, а Лефортъ совѣтовалъ набирать потѣшныхъ, и царевна не опасалась ихъ и не принимала противъ нихъ никакихъ средствъ [37]).

Съ легкой руки Миллера, мало по малу искоренялась изъ русской исторіи рабская прежняя довѣренность къ каждому иностранному мнѣнію о старинной исторической жизни. Какъ честный нѣмецъ, онъ сталъ на прочную почву, не заинтересованный преимуществами французской жизни и не имѣя особеннаго повода восхвалять бытъ нашихъ предковъ: онъ научно началъ разбирать факты и достигъ важныхъ результатовъ. Съ этой стороны, онъ много содѣйствовалъ развитію прямаго воззрѣнія на старинную жизнь нашихъ предковъ и въ Россіи и за границей. Его мнѣнія дали опору тѣмъ русскимъ людямъ, которые стали отыскивать и въ допетровской Россіи добрыя черты жизни, въ противоположность воззрѣніямъ французовъ и ихъ подражателей.

При страшной распущенности мысли и нравовъ высшаго общества времени Екатерины II, увлекшагося до послѣдней крайности обычаями

иностранной жизни, начался поворотъ въ воззрѣніяхъ на бытъ нашихъ предковъ, явилось сочувствіе простотѣ и степенности ихъ образа жизни. Мы видимъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ къ этой мысли, въ опроверженіе нелѣпыхъ французскихъ мнѣній на минувшія судьбы Россіи. Такъ противъ аббата *Шаппа* издано сочиненіе въ 1771 г. L'Antidote, которое приписываютъ императрицѣ Екатеринѣ II. Здѣсь, между прочимъ, дѣянія царевны Софіи выставляются въ настоящемъ свѣтѣ, какъ и у Миллера. „Надо отдать справедливость Софіи, сказано тамъ, она управляла государствомъ съ такимъ благоразуміемъ и умомъ, которое только можно бы желать и отъ того времени и отъ той страны, гдѣ она царствовала именами двухъ своихъ братьевъ." [38]). Н. Ив. Новиковъ вооружался также противъ увлекающихся иностранной модой и „молодыхъ кощюновъ, ненавидящихъ свое отечество; они и самыя добродѣтели предковъ нашихъ пересмѣхаютъ и презираютъ." Онъ старался знакомить читателей Вивліоѳики съ минувшими судьбами Россіи, съ цѣлью—выставить великость духа предковъ, разъясняя истинное значеніе событій. (*Древн. рос. Вивліоѳ. Спб. 1773, ч. I, предисл.*).

Романтическая исторія временъ Софіи, исполненная драматизма, возбуждала фантазію писателей и невольно заставляла дополнять картину произвольными чертами и красками. Съ одной стороны, энергическая правительница обширнаго государства, которую заперли въ монастырь, съ другой—бунтующіе стрѣльцы, замыслы честолюбивыхъ царедворцевъ, возмущенія противъ господствующей церкви и т. п.,—все это поневолѣ увлекало писателя и сообщало ложное воззрѣніе и давало фальшивый тонъ разнымъ сочиненіямъ иностранцевъ, незнакомыхъ съ русской жизнью. Не зная первой отличительной черты характера русскаго народа—приверженности къ царю,—они искажали истинный смыслъ стрѣлецкихъ возстаній и считали ихъ направленными противъ царей, тогда какъ стрѣльцы шли на ихъ защиту. Поэтому и бунтъ Хованскаго подъ перомъ ихъ является такимъ грандіознымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ никакого бунта не бывало. Софія, выдвинувшаяся на первый планъ въ управленіи Россіей силою обстоятельствъ, приковала вниманіе писателей, которые считали ее главной пружиной всѣхъ волненій, двигательницей интригъ и виновницей страшныхъ событій. Не осталось ни одного факта, который бы не перетолковали въ XVIII в. въ невыгодную сторону для царевны; она держалась политики эхидства, не читая Макіавелли; она не задумывалась ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и играла религіей. Чтобы самой обладать властью, она подумывала уничтожить обоихъ братьевъ,—Петра хотѣла отравить, а Іоанна запереть въ монастырь; Голицынъ замышлялъ перехитрить и саму правительницу, чтобы захватить власть въ свои

руки. Сложилась цѣлая цѣпь придворныхъ интригъ, и изъ всей этой путаницы и смѣси фактовъ съ вымыслами составился длинный историческій романъ, въ которомъ изъ настоящей исторіи были одни названія, а всѣ подробности принадлежатъ фантазіи писателей.

Такую исторію Петра В. написалъ венеціанскій типографщикъ *Θеодози*. Не смотря на критическія замѣтки Миллера и сочиненія добросовѣстныя, которыя были у него подъ руками, онъ предпочиталъ трезвымъ взглядамъ фантастическія повѣсти и наполнилъ свое сочиненіе множествомъ ошибокъ [39]). Онъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ разныхъ писателей цѣликомъ безъ разбора и только „иногда бралъ вольность нѣсколько дѣлать въ нихъ премѣны.“ Понятно, что онъ долженъ былъ повторять промахи и нелѣпые разсказы своихъ предшественниковъ, считая нашихъ предковъ дикарями, а преобразователя—необыкновеннымъ даже при сосцахъ матернихъ. Стрѣлецкій бунтъ вспыхнулъ по наущенію Милославскаго; Софія объявила медика фонъ-Гадена убійцею царя Θеодора и научила стрѣльцовъ наипаче убить Ив. Нарышкина. „Правда, что и сама царевна Софія съ протчими царевнами за Нарышкина въ томъ случаѣ равнымъ же образомъ просила; но она дѣлала то подъ видомъ, чтобъ не подать причины къ подозрѣнію на себя; и такъ прозба ея служила токмо покрываломъ того, что она съ другой стороны поощряла оныхъ разбойниковъ къ умерщвленію тогожъ Нарышкина.“ Когда Софія открыла В. В. Голицыну свои замыслы—лишить жизни Петра, министръ ужаснулся и посовѣтовалъ ей женить Іоанна, чтобы управлять именемъ его сына, который родится у него; а Петру дать волю жить въ веселой компаніи, чтобы сдѣлать его неспособнымъ къ правленію государствомъ. Наконецъ царевна „сочиняла противъ дражайшія жизни Петра мерзостнѣйшее предательство,“ и поручила Шакловитому убить его. Послѣ неудачи приверженца Софіи, кн. В. Голицынъ, „кой нетрудно могъ изъ того предвидѣть свое несчастіе, совѣтовалъ ей бѣжать съ нимъ въ Польшу.“ Но она отвѣчала, что пока царь Иванъ живъ, мы его именемъ можемъ дѣлать, что хочемъ.—Эти и другія свѣдѣнія Θеодози заимствовалъ у Корба, Вольтера, Страленберга и т. п.; а подробности описанія сверженія Софіи и заговора Шакловитаго у него совершенно сходны съ изложеніемъ Катифора. Такимъ образомъ, Θеодози не сообщилъ ничего новаго и повторилъ старую исторію предубѣжденій и промаховъ въ сужденіи о правленіи Софіи [40]).

Исторія Θеодози, явившаяся послѣ пробужденія анализа и критики, не убѣдила русскихъ писателей въ непреложности ея показаній, какъ исторія Катифора въ свое время,—и М. М. Щербатовъ сдѣлалъ къ ней много дѣльныхъ замѣчаній при изданіи 1774 г. Щербатовъ опровергаетъ

ошибки, которыя выдавались за истину многими писателями XVIII в., напр: будто царь Өеодоръ, не смотря на право первородства, объявилъ Петра наслѣдникомъ престола; будто Хованскій былъ явнымъ бунтовщикомъ; Щербатовъ замѣтилъ, что Өеодози невѣрно приписалъ обстоятельства во время бунта Салтыкову, тогда какъ они были съ Долгорукимъ; но на какомъ основаніи онъ считалъ В. В. Голицына приверженцемъ ереси Аввакумовой, совершенно неизвѣстно *(на стр. 151).* Высказанныя сомнѣнія на счетъ варварства нашихъ предковъ и величія преобразованій иностранныхъ нашли строгаго судью въ Щербатовѣ; по этому поводу онъ написалъ „О порокахъ и самовластіи Петра В.“ и „О поврежденіи нравовъ въ Россіи.“ Хотя взглядъ его на правленіе Софіи во многомъ ошибоченъ, но можно отдать ему честь за то, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовалъ открытію исторической истины [11]).

Тоже замѣчательное явленіе происходило и въ иностранной литературѣ: французскій писатель *Левекъ*, который былъ въ Петербургѣ (1773—80 г.) учителемъ кадетъ, издалъ 8 томовъ русской исторіи [12]). Онъ держался воззрѣній русскихъ писателей, которые думали о Петрѣ не совсѣмъ благопріятно и доказывали, что преобразованія его привели къ обезьянству. Левекъ пишетъ, что Петръ В., желая образовать народъ свой, только подражалъ другимъ народамъ, и если бы онъ не усиливался учить русскихъ, они сами выучились бы и безъ него. За то о царевнѣ Софіи французскій историкъ составилъ самое высокое мнѣніе и доказывалъ, что писатели представили ея характеръ въ ложномъ свѣтѣ; царевна имѣла великія дарованія и заслуги, и напрасно взвалили на нее множество обвиненій. Онъ сомнѣвался даже, будто Софія злоумышляла на жизнь Петра (IV, 103). Вотъ какими чертами рисуетъ Левекъ личность царевны: „Дѣятельная, предпріимчивая, она соединяла съ граціею и прелестями тѣлесной красоты умъ, способный къ совершенію великихъ дѣлъ, и честолюбіе, которое преодолѣвало всѣ препятствія къ предположенной цѣли. Она управляла государственными дѣлами съ замѣчательной мудростью, и лица, знакомыя съ дѣлами политическими, восхваляютъ ея управленіе Она не только одарена была способностями правительственными, но любила литературу, которая почти неизвѣстна была въ Россіи, и сама занималась ею“ *(IV, 166. 184—9).*

Еще прямѣе и рѣзче Левека высказывалъ тѣ же мысли около 1785 г. англичанинъ *Коксъ* и старался оправдать Софію отъ взводимыхъ на нее тяжелыхъ обвиненій. Онъ говоритъ, что прежніе писатели весьма пристрастно относились къ Петру и во многомъ оклеветали царевну Софію. Его дѣльная критика стоитъ особеннаго вниманія, хотя онъ и руководился изслѣдованіями Миллера и Щербатова. На свидѣтельства Ал. Гордона онъ

смотритъ какъ на пристрастныя и особенно не благоволитъ къ запискамъ Нёвиля, утверждая, что онъ вовсе не былъ въ Россіи. „Каждый видитъ, кто хоть сколько нибудь свѣдущъ въ русской исторіи, съ перваго взгляда его грубыя противорѣчія и нелѣпыя сказки. Личность царевны Софіи онъ изображаетъ болѣе гнусно, чѣмъ рисуютъ Тиберія или Цезаря Борджіа"; онъ представилъ рядъ коварствъ, происходившихъ между Софіей и Голицынымъ: царевна желала выдти за него замужъ и соединить греческую церковь съ римской, а Петра хотѣла спровадить въ монастырь или умертвить, если не удастся первое; дѣтей Іоанна объявить незаконными, и себя и своихъ наслѣдниковъ возвести на престолъ. И всѣ эти химерическіе замыслы не могли осуществиться, потому что кн. Голицынъ имѣлъ намѣренія болѣе блестящія; онъ надѣялся посредствомъ соединенія русской церкви съ римско-католической заслужить похвалу папы; единственнаго своего законнаго сына возвести на тронъ, вмѣсто того ребенка, который долженъ былъ родиться отъ Софіи, а жена его еще была жива.—Эти глупыя сказки опровергаютъ сами себя, и писатель не заслуживаетъ никакаго довѣрія. Точно также Коксъ не терпитъ Вольтера за то, что онъ болѣе другихъ писателей содѣйствовалъ распространенію непріязненныхъ извѣстій о Софіи; онъ осуждаетъ Вольтера за легкомысліе, что онъ основывался на словахъ Нёвиля и на свидѣтельствахъ временъ Елисаветы, когда естественно вѣрили всѣмъ сплетнямъ враговъ Софіи и вооружены были противъ нея. Къ сожалѣнію, Коксъ введенъ былъ самъ въ заблужденіе Сумароковымъ, которому онъ придалъ больше значенія, чѣмъ сколько бы слѣдовало [13]). Но во всякомъ случаѣ онъ старается оправдать имя царевны отъ несправедливыхъ обвиненій и, опираясь на изслѣдованія Миллера и Щербатова, разбиваетъ мнѣнія, бывшія ходячими и несомнѣнными до кончины императрицы Елисаветы: 1) царь Ѳеодоръ не назначалъ наслѣдникомъ Петра, 2) Петръ избранъ партіей Нарышкиныхъ, а вовсе не по желанію народа, 3) Софія не раздувала стрѣлецкаго бунта, который былъ случайнымъ,—она только воспользовалась благопріятными обстоятельствами, чтобы возвести на престолъ Іоанна, 4) причины бунта крылись еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ придворныхъ интригахъ и злоупотребленіяхъ административныхъ лицъ, 5) десятилѣтній Петръ не могъ представлять идеала царя, а мать его, какъ неопытное созданіе, была нелюбима народомъ, 6) поэтому выбрали правительницей Софію, личность благородную, тѣмъ болѣе, что это отвѣчало цѣлямъ возвысившейся партіи Милославскихъ, 7) при тѣлесной красотѣ и ласковомъ обращеніи, Софія обнаружила много дѣятельности и ума въ управленіи государствомъ, „и питала обширныя предположенія для улучшенія государства," 8) В. Голицынъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ *вели-*

каго, справедливо прославился, какъ весьма умный министръ и образованный политикъ, 9) враги Софіи не постыдились разсѣять клевету, будто она имѣла планъ—убить обоихъ царей-братьевъ, завладѣть царствомъ и выйти замужъ за Голицына, который развелся бы съ своей супругой, 10) сплетни, разсѣянныя Вольтеромъ, будто Софія старалась поощрять Петра во всѣхъ видахъ распутства, чтобы его сдѣлать неспособнымъ къ правленію, основательно опровергнуты Миллеромъ, 11) „злоба, съ которой враги Софіи распускали о ней выдумки, нигдѣ такъ ясно не отражается, какъ въ низкихъ клеветахъ, будто неукротимая ярость и запальчивость Петра были слѣдствіемъ поднесеннаго ему царевной яда", 12) изображеніе Софіи на монетѣ и царскій титулъ въ грамотахъ—„обстоятельста, которыя естественно возбудили подозрѣніе непріязненной фамиліи и послужили внѣшнимъ предлогомъ—навязать ей властолюбивыя цѣли," 13) мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ данныхъ, чтобы Софія затѣвала заговоръ на жизнь Петра: можетъ быть, вся исторія злонамѣреннаго ея убійства выдумана Борисомъ Голицынымъ и ея врагами. „Если бы дѣйствительно замышляла это царевна, то у нея много было случаевъ улизнуть изъ Россіи; она не стала бы безумно распространяться въ объясненіяхъ съ Петромъ и доказывать свою невинность, еслибы въ самомъ дѣлѣ такъ многочисленны были улики, какъ заявляютъ ея враги. Однимъ словомъ: борьба между Петромъ и Софіей, это—битва между двумя соперниками, изъ которыхъ никому не хотѣлось уступить и одинъ неминуемо долженъ былъ получить перевѣсъ. Побѣдитель естественно имѣлъ на своей сторонѣ право и справедливость, а побѣжденная партія оказалась виновной и на нее можно было взваливать какія угодно обвиненія въ преступленіяхъ и злодѣйствахъ." 14) Говорятъ, что безпокойный духъ Софіи не укрощался и въ уединеніи монастырскомъ, она затѣвала новыя волненія и мятежи; но самыя свирѣпыя пытки и мученія не вынудили ни у одного изъ мятежниковъ показанія, что Софія была виновницей послѣдняго стрѣлецкаго бунта. Въ заключеніе Коксъ выражаетъ мысль, что царевна заслужила глубокое уваженіе потомства за покровительство ученымъ и поощреніе изящныхъ искуствъ: когда нравоучительные низкіе фарсы были единственными драматическими представленіями при дворѣ, царевна, обладающая большимъ вкусомъ, перевела на русскій языкъ комедію Мольера „Врачъ поневолѣ" (Le Médecin malgre lui), и сама играла въ ней роль. „И это было въ то время, когда ковали противъ ея правленія бурныя крамолы, и когда ея важныя дѣянія были вполнѣ замѣчательны." (*стр. 289. 296—298. 300—303. 307*).

Русскіе писатели также продолжали упорно относиться критически къ историческимъ сочиненіямъ иностраннымъ о Россіи и опровергать ихъ нелѣпости. Такъ *Болтинъ* въ 1788 г. написалъ „Примѣчанія на исторію

Леклерка" и между прочимъ, согласно съ Миллеромъ уничтожаетъ обвиненіе, взводимое на Софію, будто она дала Петру въ собесѣдники людей, способныхъ вовлечь его въ распутство и пьянство и будто Новодѣвичій монастырь построила сама царевна [14]).

Въ 1790 г. французскій эмигрантъ Сенака де Мельянъ сдѣлалъ предложеніе русскому правительству написать исторію Россіи XVIII в. Екатерина II по этому поводу въ письмѣ къ Мордвинову высказала утвердившіяся уже современныя требованія отъ исторіи: она заявила, чтобы французъ писалъ безъ предубѣжденія противъ нашихъ предковъ и не рисовалъ однѣ темныя стороны, а сравнивалъ ходъ дѣла съ другими государствами. Она писала, что иностранцы привыкли говорить, будто „Россія до Петра I-го не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное. . . Исторія или записки рос. исторіи, предпринимаемыя по моему согласію и утвержденію, не могутъ имѣть другаго вида и цѣли, какъ прославленіе государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованій и зерцаломъ: всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно." Княгиня Дашкова думала на этотъ счетъ еще болѣе: она приписывала предрузсудкамъ и невѣжеству иностранцевъ созданіе низкаго мнѣнія о старинной Россіи; восхваляя Петра, они хвалили самихъ себя, потому что онъ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ и съ ихъ помощію совершилъ свое „мнимое твореніе" [15]).

Тѣхъ же идей держался неизвѣстный писатель, который около 1792 г. оставилъ записки подъ заглавіемъ: „Мысли о Россіи въ чужихъ краяхъ" *(Вѣстн. Евр. 1807 г. №№ 1 и 2)*. Эти мысли изложены съ цѣлью-доказать, что русскій народъ до Петра В. былъ лучше, чѣмъ въ XVIII в., что старинная Россія достойна полнаго сочувствія. По его словамъ, „иностранцы, изумленные великими подвигами Петра I, думали, что нашли героя, достойнаго пера ихъ, и сдѣлались поэтами, писавъ исторію Россіи. Они не хотѣли знать, что дѣлалось до Петра, и въ невѣжествѣ своемъ возвѣстили, что русскіе были варвары, что самъ Петръ не получилъ никакаго воспитанія. Переписчики ихъ кричатъ за ними, что Петръ В. сотворилъ народъ и страну свою, и такъ сказать сотворилъ самаго себя, какъ будто для славы великаго монарха нужны нелѣпыя выдумки и невѣжество, непростительное въ историкахъ" *(№ 1, стр. 22)*. Авторъ оправдываетъ царевну, что она возвела на престолъ Іоанна, но обвиняетъ ее за излишнее честолюбіе, будто она хотѣла восторжествовать посредствомъ мятежныхъ стрѣльцовъ *(№ 2, стр. 116—120)*.

Н. М. Карамзинъ сначала крайне смотрѣлъ на реформы Петра В. и превозносилъ его до небесъ, въ противоположность исторіи Левека, но въ послѣдствіи, при большемъ изученіи старинной жизни, измѣнилъ

свое воззрѣніе. Во время путешествія по Европѣ, онъ въ 1790 г. познакомился съ Левекомъ, авторомъ руской исторіи, которая, по его мнѣнію, „хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожъ лучше всѣхъ другихъ... Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ; можетъ ли онъ говорить о русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра В... Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ; и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами, благоразумно ли искать, что сыскано?“ *(Пис. рус. путеш. Спб. 1848, II, 511—516).* Но въ 1811 г. Карамзинъ сознавался, что реформы и присвоеніе обычаевъ европейскихъ происходили въ старое время умнѣе и лучше, чѣмъ при Петрѣ: „сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе безъ порывовъ и насилія.“ Но явился Петръ. „Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напомнили Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою, схвативъ кормило государства, онъ, сквозь бурю и волны, устремился къ своей цѣли; достигъ и все перемѣнилось.“ Но съ этой крутой перемѣной, внесено было много невыгоднаго для Россіи *(О старой и новой Рос.).* Приговоръ Карамзина о царевнѣ Софіи, который былъ ходячимъ въ началѣ XIX в., ничѣмъ не отличается отъ мнѣній Вольтера и нѣкоторыхъ другихъ писателей временъ Екатерины II. Въ своей статьѣ—„Пантеонъ русскихъ авторовъ,“ онъ говоритъ: „Здѣсь не мѣсто описывать характеръ Софіи, которая есть одна изъ величайшихъ женщинъ, произведенныхъ Россіею. Скажемъ только, что она по уму и свойствамъ души своей достойна была называтся сестрою Петра В.; но ослѣпленная властолюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ. Софія занималась литературой, писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ и думаемъ, что царевна могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, еслибы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ“ *(Сочин. Карамзина 1820, VII, 293).*

Не смотря однако на критическіе взгляды, выраженные въ сочиненіяхъ временъ Екатерины II-й, старыя ошибки временъ Елисаветы потворялись писателями конца XVIII и начала XIX в. [16]). Изъ числа ихъ особенно замѣчательно, по отсутствію научныхъ соображеній, сочиненіе Голикова (1735—1801): „Дѣянія Петра В.“ Оно представляетъ складочное мѣсто самыхъ нелѣпыхъ мнѣній о характерѣ и правленіи Софіи. Авторъ съ дѣтскимъ

простодушіемъ заносилъ въ свою многотомную хронику все, что только встрѣчалъ у предшествующихъ писателей, и высказалъ въ предисловіи: „Я человѣкъ неученой и совсѣмъ не историкъ, но только собиратель во едино дѣлъ Петровыхъ и благодарный повѣствователь оныхъ. „И какъ нарочно, выборъ его падалъ на самыя недостовѣрныя и враждебныя царевнѣ сказанія: для него поэтическая страница Ломоносова или Сумарокова, и выдумки Крекшина, анекдоты Штелина, фантастическіе разсказы Катифора и Ѳеодози, нахватанные изъ иностранныхъ компиляцій,—все это служило обильнымъ матеріаломъ, на ряду съ изслѣдованіями Миллера и Щербатова [17]). Голиковъ, по его же выраженію, „не знающій никакихъ критическихъ правилъ,“ многихъ бумагъ, писанныхъ Петромъ, не могъ разобрать; рѣдкій документъ не напечаталъ безъ ошибокъ, болѣе или менѣе грубыхъ; иные же отнесъ не къ тому году, когда они состоялись *(Ист. Петра В. Устрялова I, XLVII)*. Предположивъ себѣ цѣль—возвеличить Петра В., онъ старается оправдать всѣ его недостатки, напр. учрежденіе Преображенскаго приказа, казнь цѣлыхъ тысячъ стрѣльцовъ и т. п. *(Дѣянія 1837 г. I, 25, 27)*. Вмѣстѣ съ Ломоносовымъ онъ восклицаетъ: „превратилъ герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ!“ *(стр. 34)*. Напротивъ, стрѣльцы и всѣ сторонники Софіи были люди низкіе и ничтожные, изверги, которые устремлялись „на дражайшую жизнь государеву и на опроверженіе вводимаго имъ просвѣщенія“ *(стр. 27)*. Царевна, „при красотѣ и стройности тѣла, обогащена была неменьшими и душевными дарованіями: имѣла разумъ острый и проницательный, духъ вознесенный и неустрашимый; была цѣломудренна и снисходительна и въ дѣлахъ неутомима... По несчастію была одного мнѣнія съ тѣми политиками, кои всѣ способы почитаютъ дозволенными къ полученію высочайшей власти“ (*стр. 11 65*, *155*). Софія хотѣла: 1, истребить главныя подпоры царя Петра, 2, возвести на престолъ Іоанна и его именемъ управлять самодержавно, 3, Петра лишить престола отнятіемъ жизни и 4, у ней было на умѣ отдѣлаться и отъ Іоанна. Исполненіе сего ужаснаго плана поручила Ив. Милославскому, у котораго было много сообщниковъ; а проклятаго умышленія начало сдѣлалъ Сумбуловъ. (*Затѣмъ слѣдуетъ анекдотъ изъ Штелина).* Царевна постаралась поселить въ молодомъ государѣ любовь къ вину и женщинамъ; Голицынъ хотѣлъ жениться на Софіи, а сына своего отослать въ Польшу съ имуществомъ; Шакловитый съ 600 стрѣльцовъ прискакалъ въ Преображенское съ цѣлью убить Петра, но онъ уже былъ предупрежденъ — и уѣхалъ. Голицынъ совѣтывалъ Софіи не мѣшкавъ бѣжать въ Польшу. И послѣ заточенія въ монастырь, царевна старалась завладѣть властью и свергнуть Петра; она взбунтовала въ 1697 г. стрѣльцовъ, которымъ относила письма въ хлѣбѣ

нищая, и эти изверги подкопались подъ Новодѣвичій монастырь и уже вывели Софію въ подземный ходъ и т. п. (*Доп. къ Дѣян. V, 231—3*). Однимъ словомъ: Голиковъ вѣрилъ повѣстямъ каждаго писателя и повторялъ даже тѣ сказки, нелѣпость которыхъ давно была доказана.

Въ началѣ XIX стол., въ иностранной исторической литературѣ мы не встрѣчаемъ дѣльныхъ сочиненій о времени правленія царевны Софіи; а видимъ только выборки изъ разныхъ прежнихъ писателей. Въ 1803 г. составилъ сочиненіе о жизни Петра В. *Галемъ* почти исключительно по иноземнымъ источникамъ и даже не пользовался записками Голикова, хотя сочиненіе его доселѣ уважаютъ въ Германіи люди, не понимающіе старинной жизни Россіи [48]). Съ такимъ же безотчетнымъ довѣріемъ къ Вольтеру, Штелину и другимъ писалъ въ 1814 г. голландскій историкъ *Схельтема* о путешествіи Петра за границей [49]). Нѣсколько лучше предыдущихъ исторія *Бергмана* о Петрѣ В. (1832 г.); но и она не отличается критикой и основана на сочиненіи Голикова и иностранныхъ компиляціяхъ. Бергманъ опровергаетъ показаніе Матвѣева, будто Милославскій погубилъ своего друга Хованскаго; утверждаетъ, что Софія не имѣла ни малѣйшаго вліянія на развитіе нравственности Петра, хотя вѣритъ Корбу и Голикову, будто Петръ хотѣлъ казнить царевну, только спасъ ее Лефортъ [50]). Подъ вліяніемъ идей XVIII в. написалъ *Сегюръ* въ 1829 г. легкія историческія картины, выбирая преимущественно рѣзкія и поразительныя; онъ пересыпалъ ихъ блестками остроумія, освѣщалъ философскими произвольными соображеніями, не обращая вниманія на факты; поэтому вымыслы прежнихъ писателей онъ считалъ основательными данными [51]). Обыкновенной компиляціей служатъ также записки о Петрѣ В. англичанина *Вилліамса;* въ нихъ особенно интересно то, что авторъ признаетъ Лефорта учителемъ нравственности Петра и этотъ женевецъ будто бы отвлекалъ молодаго царя отъ разврата, который замышляла привить къ нему Софія [52]). Въ подобномъ же духѣ написалъ свою компиляцію *Пельцъ* въ 1848 г. [53]).

Русскіе писатели начала XIX стол. держались воззрѣній Карамзина на правленіе царевны Софіи, не всегда вѣрили Голикову, а стали относиться критически къ его сказаніямъ. Особенно посчастливилось В. В. Голицыну, дѣятельность котораго на пользу Россіи оцѣнили по достоинству. Въ 1816 г. А. Малиновскій поднесъ императору Александру Павловичу свой трудъ въ рукописи: „Біографическія свѣдѣнія управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ." Въ біографіи В. Голицына авторъ показываетъ заслуги этого образованнаго вельможи, какія онъ совершилъ на пользу Россіи [54]). Воззрѣнія на личность и дѣйствія царевны Софіи также замѣтно начинаютъ очищаться; въ сужденіяхъ о ней является болѣе

справедливости и безпристрастія. Образцомъ подобнаго сочиненія служитъ „Царствованіе Ѳеодора Ал. и исторія 1-го стрѣлецкаго бунта“ *В. Берха*, Спб. 1834. Основывая свои выводы на самыхъ дѣльныхъ запискахъ Медвѣдева и Розенбуша, авторъ пришелъ къ заключенію, что бунтъ стрѣлецкій возникъ вовсе не по вліянію Софіи, а совершенно по другимъ причинамъ. Онъ сознается, „что дѣйствія царевны были не первоначальною, а второстепенною причиною бунта. Причина сія, поддерживаемая обстоятельствами, и въ особенности неблагоразуміемъ новыхъ совѣтчиковъ юнаго монарха (*Петра*), возстановила противъ него сначала недовольныхъ гражданъ (?), а потомъ и стрѣльцовъ“ (*стр. 26—7*). „Главными причинами бунта были: страхъ и недовѣрчивость стрѣльцовъ къ безпристрастію и справедливости властей: Графъ А. А. Матвѣевъ говоритъ, что стрѣльцы бунтовали отъ того, что были богаты. Какое ложное понятіе о чувствахъ и сердцѣ человѣка! Стрѣльцы были служащіе граждане, а не солдаты. Каждый изъ нихъ дорожилъ имуществомъ, родствомъ и семействомъ своимъ. Страхъ лишиться этого подвигнулъ ихъ къ бунту, а бунтъ произвелъ такія послѣдствія, о коихъ стрѣльцы прежде и не помышляли“ (*стр. 29*). „Истинныя причины сего бунта суть: неблагоразумныя мѣры новаго правительства, удаленіе отъ должностей тѣхъ, кто при покойномъ царѣ правилъ государствомъ и неограниченное желаніе возвысить родъ Нарышкиныхъ, унизя прежнихъ бояръ“ (*стр. 30*). Берхъ путается только въ одномъ: ему кажется, что бунтъ былъ боярскій, тогда какъ онъ направленъ былъ, со стороны низшихъ классовъ народа, противъ боярской администраціи [55]).

Но рядомъ съ здравыми воззрѣніями на минувшую жизнь Россіи уживалось поэтическое направленіе, покоившееся на причудливыхъ сказаніяхъ XVIII в. Въ 1830 г. на основаніи анекдотовъ Штелина и разсказовъ Голикова, И. И. Лажечниковъ издалъ свой романъ „Послѣдній Новикъ;“ это произведеніе даровитаго автора имѣло вліяніе на взглядъ русскаго общества и даже на воззрѣнія историковъ правленія царевны Софіи. По крайней-мѣрѣ, такъ можно заключать читая „Исторію соцарствія въ Россіи (1682—89г.), составленную по вѣрнымъ источникамъ“ (*Спб. 1837*). Неизвѣстный писатель этой брошюры говоритъ, какъ-будто подъ впечатлѣніемъ изображеній Лажечникова: „ Все это семилѣтіе и на царя заносится сѣкира злодѣя, надъ вѣнчанною главою его блещетъ лезвіе меча; одна минута—онъ пораженъ, но Богъ хранитъ избранника. — Царственный домъ, бояре, народъ, вся Русь смутилась и вездѣ видны слѣды стремленія къ власти и почестямъ; одинъ домогается престола, другой—боярства и знатности, послѣдній простолюдинъ мечтаетъ о чести и богатствѣ. Все крамольствуетъ и бунтуетъ и—одинъ великій противится всѣмъ ухищреніямъ злобы и коварства.“ (*Предисл. IV—V*). „Ктожъ былъ начальникомъ

смуту въ Россіи? Кто, дерзкій, могъ посягать на священную жизнь царя? —Какъ ни грустно отвѣчать, но должно! Главою всѣхъ смутъ была Софія Ал.“ Но далѣе авторъ, вѣроятно, одумался, при возбужденномъ критикой сомнѣніи на счетъ такого рѣзкаго отвѣта, и не рѣшился прямо обвинять царевну въ злодѣяніяхъ, какія давно ей приписывали. Поэтому онъ добавилъ уклончиво: „въ предлагаемой исторіи мы не станемъ ни совершенно оправдывать Софію, ни рѣшительно обвинять“ (*Предисл. IX и X*). Въ этой брошюрѣ разсказъ о бунтѣ Шакловитаго изложенъ по извѣстіямъ Голикова (*стр. 73*); авторъ убѣжденъ, что Шакловитый тоже былъ зачинщикомъ и 1-го стрѣлецкаго бунта, а Лефортъ и Гордонъ сопровождали Петра къ Троицѣ въ ночь на 8 августа 1689 г. (*стр. 17. 76*). Подобныхъ промаховъ въ „Исторіи Соцарствія“ найдется довольно.

Еще больше можно отыскать ихъ въ одностороннемъ сочиненіи *Долгорукова* 1840 г. „Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ.“ Опуская изъ виду мелочи, мы выдвинемъ на первый планъ самую крупную несправедливость автора, именно: его ложное сужденіе о внутреннемъ управленіи Россіи при царевнѣ Софіи. Онъ воображаетъ, будто „во время семилѣтней борьбы (1682—89 г.), которая завязалась между Нарышкиными и Милославскими, а продолжалась между Петромъ и Софіею, законы пришли въ упадокъ, и внутреннее разстройство достигло до такой степени, что по словамъ современниковъ, бояре, у коихъ дѣла были въ разстройствѣ, молили царя отпустить ихъ на воеводство, хотя на годъ! *(Какъ будто прежде не бывало подобныхъ явленій!)*. Легко себѣ представить всѣ ужасныя послѣдствія такого образа улучшенія денежныхъ обстоятельствъ боярскихъ—и что изъ этого выходило? Подати и налоги были отяготительны, но доходы казны были незначущи“ (*стр. 62*).

Напротивъ, *И. М. Сахаровъ* въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ „Запискамъ русскихъ людей“ (*Спб. 1841 г.*) отдаетъ должную справедливость уму и стремленіямъ къ образованію Софіи, равно какъ выставляетъ великія заслуги В. Голицына во внѣшней политикѣ и по дѣламъ внутренняго управленія. Обвиненія Шлейзинга и Рабенера онъ подвергаетъ сомнѣнію, хотя во многомъ вѣритъ Нёвилю; извѣстіе Желябужскаго, будто Голицынъ раздѣлилъ золото съ польскими послами, онъ считаетъ справедливо молвой современниковъ. Вѣря на слово запискамъ Матвѣева, Сахаровъ обвиняетъ Медвѣдева въ пристрастіи къ Софіи и въ тоже время недоумѣваетъ, отчего онъ такъ равнодушенъ къ Милославскому и Хованскому. Признавъ за истину, что Софія не раздувала 1-го стрѣлецкаго бунта и никогда не думала прибѣгать къ помощи Хованскаго для достиженія своихъ цѣлей, мы легко объяснимъ недоразумѣнія автора. Тогда не трудно будетъ разрѣшить вопросъ, почему Толстые, которыхъ такъ нагло

унижаетъ Матвѣевъ, пользовались уваженіемъ Петра; извѣстно, что начальники 15-го мая предводительствовали стрѣльцами изъ страха, какъ вѣроятно, поступилъ и Толстой, а вовсе не по указанію Софіи или Милославскаго. Неудивительно послѣ этого недоразумѣніе Сахарова, что „Медвѣдевъ рѣшительно скрываетъ дѣйствія Хованскаго: у него стрѣльцы сами являются дѣйствующими лицами.“ Онъ опровергаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Крекшина и Голикова, но считаетъ несомнѣннымъ ложное показаніе Матвѣева, будто стрѣльцы убили М. А. Черкасскаго, когда онъ сталъ защищать его отца. Но не смотря на многія частныя поправки въ исторіи царевны Софіи, Сахаровъ считаетъ ее и Милославскаго главными орудіями всѣхъ ужасныхъ дѣйствій того времени [56]). Предубѣжденіе противъ царевны въ сороковыхъ годахъ было еще такъ сильно, что писателю трудно было отдѣлаться отъ воззрѣній, освященныхъ неразборчивой стариной.

Въ томъ же тонѣ писалъ о правленіи царевны Софіи *Н. А. Полевой:* къ частностямъ онъ относился критически, а главное воззрѣніе у него осталось карамзинское. По его словамъ, Софія превосходила своихъ сестеръ умомъ и образованностью; прекрасная собой и любившая заниматься литературой, она омрачила себя необузданнымъ властолюбіемъ. За то Полевой взглянулъ на многіе источники для исторіи конца XVII стол. критически и нерѣдко опредѣляетъ ихъ достоинство очень метко. Онъ удивляется, напримѣръ, нѣкоторымъ достойнымъ русскимъ писателямъ, какъ они могли руководиться пустыми разглагольствіями и явными выдумками Нёвиля, который едва ли былъ въ Москвѣ. Считая по ошибкѣ и, вѣроятно, со словъ Татищева, Медвѣдева участникомъ 1-го стрѣлецкаго бунта, Полевой отдаетъ справедливость дѣльнымъ запискамъ отца Сильвестра; напротивъ о Матвѣевѣ выражается такъ: „свидѣтель гибели отца не могъ отнестись безпристрастно къ событіямъ, писалъ съ явнымъ нерасположеніемъ къ Софіи и осыпалъ бранью Милославскаго и его сообщниковъ, и не открылъ причины бунта, вѣроятно, съ умысломъ.“ Но вообще искуственное теоретическое воззрѣніе на правленіе Софіи, увлеченіе поэтической стороной исторіи и высокопарный тонъ мѣшали Полевому судить о дѣлѣ болѣе прямо и вѣрно [57]).

Извѣстно, что въ русской литературѣ еще съ конца XVIII в. проявлялись слѣды борьбы между приверженцами преобразованій Россіи Петромъ В. на иностранный образецъ и противниками преобладанія иноземщины, въ ущербъ русской національности. Столкновенія этихъ воззрѣній необходимо приводили враждебныя стороны къ изученію древняго быта и имѣли вліяніе на разъясненіе вопроса о правленіи Софіи. Люди, увлекавшіеся европейской образованностью, до забвенія своихъ народныхъ

особенностей, превозносили Петра, какъ виновника просвѣщенія народнаго и не хотѣли признать ничего хорошаго въ старинной Россіи. Напротивъ писатели, крѣпко стоявшіе за національную самобытность, положили прочное начало для изученія добрыхъ порядковъ, какіе находились у нашихъ предковъ, и старались отыскать историческое значеніе дѣятельности Софіи и ея правительства. Эта ходячая мысль, высказываемая въ исторической литературѣ сороковыхъ годовъ, выражалась и въ поэзіи. Женщина, сочувствующая несчастью, незаслуженному царевной, влагаетъ ей въ уста слѣдующія размышленія, представляя ее уже инокиней Сусанной:

„Сподвижники, заступники, родные—
Все скошено, все сгибло вкругъ меня,
Могилами мой мрачный путь засѣянъ;
И если оглянусь я за собой
И вопрошать хочу воспоминанья,
Лишь кости мнѣ и прахъ отвѣтъ дадутъ. . .
Для родины торжествовать хотѣлось!
Я видѣла всю слабость, всѣ ошибки
Соперницы, сообщниковъ ея;
Я видѣла, какимъ стремленьемъ ложнымъ,
Они должны Россію повести. . .
О, еслибъ я теперь была всевластна,
Нашъ православный край не былъ бы брошенъ
Въ объятія невѣрныхъ чужестранцевъ!
Какъ съ ската горъ бѣгущіе снѣга,
Въ слѣпомъ и необузданномъ стремленьи,
Мы бъ не текли во слѣдъ другимъ народамъ,—
Мы, юные, за дряхлыми, стараясь
Ихъ старческій недугъ себѣ привить! . . .
Мой край родной! Ты крѣпкій, мощный дубъ,
Твои корни лежатъ въ снѣгу глубокомъ,
А маковку вѣтвистую твою
Въ теплицу заточивъ, хотятъ на ней
Собрать и цвѣтъ и плодъ маслины южной! . . . [58]).

Въ 1856 г. напечаталъ *П. Щебальскій* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ рядъ статей о правленіи царевны Софіи; написанныя бойко и живо, онѣ произвели въ свое время сильное впечатлѣніе на читающую публику. Замѣчательно, что авторъ колеблется произнести строгій и рѣшительный приговоръ надъ Софіей и ея приверженцами и сомнѣвается въ показаніяхъ ея противниковъ, хотя скорѣе склоняется къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію. Онъ думаетъ, что Софія и Голицынъ стрѣлецкому мятежу были не

чужды; но и о сношеніяхъ царевны съ раскольниками и Хованскимъ дѣлаетъ заключеніе робкое и уклончивое. „Когда царевна вступила въ сношенія съ стрѣлецкимъ войскомъ, она должна была неизбѣжно встрѣтиться съ расколомъ. Вступила ли она въ союзъ съ нимъ? Это еще одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые не существуетъ неотразимыхъ доказательствъ; но многія соображенія заставляютъ насъ отвѣчать на это утвердительно... Есть поводъ думать, что такія сношенія и дѣйствительно существовали между Софіей и главными лицами раскола.“ Затѣмъ Щебальскій указываетъ на преданіе раскольниковъ, о которомъ упомянулъ Іоанновъ, будто въ Выгорѣцкихъ скитахъ существуютъ письма царевны,—и на разсчитанное внезапное возвышеніе Хованскихъ, людей старыхъ обычаевъ, чтобы польстить раскольникамъ. „Но союзъ съ раскольниками, присоединяетъ онъ замѣчаніе, едва не сдѣлался ей болѣе опаснымъ, чѣмъ подобный же союзъ со стрѣльцами; она раздула пожаръ, и пламя стало грозить ей самой“ (*Рус. Вѣстн. 1856*, *ст. II*, *стр. 386—7*). Щебальскій видѣлъ ясно, что ядовитыя обвиненія, наброшенныя на память Софіи и Голицына, не находятъ фактическихъ основаній, и ему не хотѣлось вѣрить на слово многочисленнымъ врагамъ ихъ; о покушеніи царевны на братоубійство, авторъ не далъ прямаго сужденія и сказалъ: „Не смѣемъ отвергать этого почти всеобщаго свидѣтельства, не имѣя на то основательныхъ доказательствъ, но не рѣшаемся и признать безусловно преступленія, далеко не утвержденнаго внимательнымъ изслѣдованіемъ“ (*IV*, *63*). По отзыву Щебальскаго, правленіе Софіи, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее дѣлаетъ честь умной царевнѣ и ея первому министру В. Голицыну, о которомъ онъ имѣетъ высокое мнѣніе, и крымскіе походы признаетъ полезными для Россіи, особенно прославляетъ тогдашнее правительство за вѣротерпимость и за славный вѣчный миръ съ Польшей 1686 г., „Что царевна была душею тогдашняго правительства, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія единогласныя свидѣтельства современниковъ. А какъ эти современники выставляютъ впередъ правительницу чаще для порицанія, чѣмъ для похвалы, то свидѣтельства ихъ не неподозрительны, некому было прославлять ее, всѣ друзья ея погибли.... Какъ историческое лицо, Голицынъ имѣлъ странную и несчастную судьбу: онъ является предъ судомъ потомства безъ друзей, безъ кліентовъ, безъ заступниковъ: всѣхъ ихъ умчала и разметала буря, низвергшая царевну. Мѣста Софіи и ея любимца заступили люди, нерасположенные къ прежнему порядку дѣлъ, можетъ быть и имѣвшіе причины быть имъ недовольными; явились новые дѣятели, совершены были новые успѣшные громкіе подвиги, и недавняя старина была забыта; а кто и помнилъ, тотъ, поддѣлываясь подъ новый духъ времени, старался ее забывать, или вспоминалъ, чтобъ пустить про нее клевету:

таковъ былъ, напр. Желябужскій, нашедшій средство сказать ядовитое слово про Голицына, подписывающаго договоръ, которымъ возвращались отечеству области Сѣверская и Смоленская, Кіевъ и Запорожье" (*III, 562—69, IV, 60—63*). Въ прогрессивномъ стремленіи правительства Софіи, авторъ видитъ прямую связь съ блистательными дѣяніями Петра, который нашелъ у своихъ предшественниковъ начатки нововведеній (*IV, 69—71*). Такимъ образомъ, не смотря на довѣріе Шлейзингу и Крекшину, не смотря на частные промахи, Щебальскій содѣйствовалъ разъясненію прямаго взгляда на правленіе царевны Софіи и высказалъ много дѣльныхъ замѣчаній о значеніи ея правительственныхъ стремленій и распоряженій, хотя не могъ окончательно побѣдить закоренѣлые предразсудки [59]).

Болѣе жестко отнесся къ правленію царевны Софіи *Н. Г. Устряловъ (Ист. Петра В. Спб. 1858, т. I)*. Черезчуръ довѣряя компиляціямъ Нёвиля и Шлецзинга, а также запискамъ гр. Матвѣева, онъ представлялъ Софію русской Пульхеріей, бойкой на словахъ, вкрадчивой, съ смиреннымъ благочестіемъ на лицѣ, съ неукротимыми страстями въ сердцѣ. Уходъ царевны за больнымъ Ѳеодоромъ у него изображенъ по Нёвилю. На погребеніи царя Ѳеодора, „народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на благочестивую любовъ сестры, вовсе не подозрѣвая, что въ эти священныя минуты, предъ алтаремъ Всевышняго она, быть можетъ, не столько молилась объ упокоеніи души брата, сколько обдумывала планъ, какимъ бы образомъ вырвать кормило правленія изъ рукъ ненавистной мачихи" (I, 24—28). Царевна и Милославскій согласились въ кровавомъ бунтѣ истребить фамилію Нарышкиныхъ и ея приверженцевъ, составили списокъ обреченныхъ на убійство и условились въ планѣ дѣйствій. Преувеличивая участіе царевны и Милославскаго въ заговорѣ, Устряловъ самъ себѣ противорѣчитъ, выставляя истинныя причины возмущенія: 1, притѣсненія стрѣльцовъ начальными людьми (*стр. 23—4*) и 2, поспѣшность Нарышкиныхъ, съ которою они захватили власть и почести. Все это произвело всеобщій ропотъ и стрѣльцы готовы были взяться за оружіе по первому знаку (*стр. 29—30*). Почтенный академикъ чувствовалъ противорѣчія между показаніями гр. Матвѣева и ходомъ событій и старался примирить ихъ на самыхъ шаткихъ основаніяхъ. „Довѣренность Петра къ Толстымъ могла бы дать поводъ къ сомнѣнію въ справедливости извѣстій Матвѣева, даже къ подозрѣнію, не оклеветалъ ли ихъ историкъ, по личной враждѣ, еслибы участіе гр. Петра Андреевича въ замыслахъ Милославскаго не было дѣломъ въ свое время *всему свѣту извѣстнымъ*, и очень памятнымъ самому Петру." За тѣмъ въ доказательство приводится анекдотъ гр. Н. Ив. Панина (*I, пр. 46, стр. 274, Зап. Порошина, стр. 20*). И въ тоже время авторъ прибавляетъ, что Матвѣевъ дѣйствительно не скрывалъ своей ненависти къ Толстымъ.

„Кромѣ Матвѣева, самъ Петръ засвидѣтельствовалъ впослѣдствіи, при открытіи заговора Цыклера и Соковнина, что Ив. М. Милославскій былъ главнымъ виновникомъ мятежа стрѣлецкаго“ (*I, пр. 45*). Основаніе ничтожное, когда Петръ и Матвѣевъ были предубѣждены съ дѣтства противъ него и достаточно было двухъ словъ, хотябы невѣрныхъ, чтобы онъ признанъ былъ главою бунта. И послѣ подобныхъ разсужденій, Устряловъ дѣлаетъ общій смѣлый выводъ, будто всѣ убитые во время 1-го мятежа стрѣлецкаго были „несчастными жертвами Софіина властолюбія,“ будто она же заразила мятежнымъ духомъ вѣрное дотолѣ войско (I, 96, 99). Распаливъ страсти, царевна увидѣла опасный мятежъ раскольниковъ; Ив. Хованскій „замыслилъ при содѣйствіи стрѣльцовъ захватить всю власть въ свои руки.“ Онъ приводилъ въ трепетъ саму правительницу, говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ замѣчаетъ, что царевна *притворилась однакожъ устрашенною*; хотя она не вѣрила извѣту, который вымыслилъ на Хованскаго Милославскій, но все таки отрубила ему голову (*I, 77, 81*). Повѣривъ въ одномъ Матвѣеву, Устряловъ по необходимости держался его взглядовъ и въ другихъ отношеніяхъ. По его словамъ, Л. К. Нарышкинъ и Б. А. Голицынъ, два незабвенные мужа, „громко порицали беззаконное господство Софіи... и не спускали глазъ съ царственнаго отрока, догадываясь, что злодѣи точатъ на него ножъ, какъ нѣкогда на св. царевича Димитрія“ (*II, 34*). Авторъ имѣлъ подъ руками слѣдственное дѣло о бунтѣ Шакловитаго и могъ бы судить безпристрастно, но онъ во всемъ обвиняетъ партію, приверженную къ Софіи, будто она стремилась, посредствомъ хитрости и обмана, убить Петра, а правительница прикидывалась испуганною при вскрытіи каждаго подметнаго письма (*II, 37—39*). Обвиняя Софію и друзей ея въ преступныхъ стремленіяхъ, Устряловъ не находитъ ничего замѣчательнаго и во внутреннемъ управленіи царевны и говоритъ по этому поводу: „Дѣла и событія того времени далеко не соотвѣтствуютъ столь высокому понятію о талантахъ Софіи и ея совѣтниковъ въ искусствѣ государственнаго управленія. Въ актахъ, изданныхъ въ семилѣтнее господство ея, мы не находимъ ничего замѣчательнаго, ни для общественнаго благоустройства, ни для развитія промышленныхъ силъ народа, или для его образованія“ (*I, 99*). Но Н. Г. Устряловъ сдѣлалъ большую заслугу для разработки исторіи правленія царевны тѣмъ, что обнародовалъ нѣкоторые акты, недоступные частнымъ лицамъ, — выяснилъ много вопросовъ, такъ, что повтореніе прежнихъ нелѣпостей сдѣлалось невозможнымъ. Онъ первый сообщилъ много свѣдѣній и писемъ изъ слѣдственнаго дѣла о Шакловитомъ, но видимо держалъ сторону судей и дѣлалъ строгіе приговоры подсудимымъ [60].

Исторія Устрялова помогла *С. М. Соловьеву* еще ближе подвинуться къ истинѣ и болѣе безпристрастно судить о правленіи Софіи (*Ист. Россіи т. XIII и XIV*); хотя онъ и во многомъ обвиняетъ ее. Почтенный профессоръ уже не раздѣляетъ мнѣнія своего предшественника, будто стрѣльцы въ 1682 г. убивали только лицъ, указанныхъ Софіей: они руководились собственными соображеніями и чувствами. Онъ говоритъ по этому поводу: „Нѣтъ никакой нужды предполагать непремѣнно, чтобы Софія и Милославскій съ товарищами не хотѣли успокоиться, пока Ив. Нарышкинъ былъ въ живыхъ, что они до такой степени были озлоблены выходками молодаго человѣка, выдававшагося впередъ изъ всей фамиліи, но не могшаго быть опаснымъ по личнымъ достоинствамъ. Для нихъ одна половина была сдѣлана — Матвѣевъ убитъ; оставалось сдѣлать другую, отнять правленіе у мачихи, что легко было теперь сдѣлать при помощи стрѣльцовъ, полновластныхъ господъ въ Москвѣ... Другое дѣло стрѣльцы: они пришли ко дворцу по вѣсти о цареубійствѣ... Другихъ били или по ошибкѣ, или въ пылу гнѣва, или за свои старыя обиды, но Нарышкинъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича" (*XIII, 350—352*). Кажется, Соловьевъ слишкомъ довѣрчиво относится къ мемуарамъ гр. Матвѣева и строго обвиняетъ Милославскаго, и потому изображаетъ Артамона Сергѣевича трогательными красками, будто его только ждали заговорщики, что онъ одинъ могъ дать силу правительству ненавистной для царевны мачихи и т. под. (*XIII, 337. 345—6*). Соловьевъ отдаетъ справедливость Голицыну и не считаетъ крымскихъ его походовъ безполезными; по его воззрѣнію, дѣйствія правительницы имѣютъ значеніе для развитія Россіи. Что же касается до бунта Шакловитаго, то онъ обрисованъ у автора близко къ истинѣ, именно: это была попытка худороднаго человѣка удержаться на занимаемой имъ высотѣ, утвердивъ Софію на тронѣ. Шакловитый замышлялъ убить Петра, пробовалъ привести въ движеніе стрѣльцовъ разными способами, но напрасно. Въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" мы находимъ также мысль объ участіи царевны въ грозномъ движеніи стрѣльцовъ къ Москвѣ 1698 г., но безъ всякаго основанія встрѣчаемъ въ видѣ доказательства давнишній анекдотъ, разсказанный будто бы самовидцемъ Трубецкимъ Штелину. Авторъ почему—то считаетъ себя не въ правѣ отвергнуть эту молву, которая гласитъ, что стрѣльцы хотѣли освободить Софію изъ Новодѣвичья монастыря, подкопались подъ ея келью и уже вывели бывшую правительницу въ подземный ходъ [61]).

Такъ мало по малу изъ мемуаровъ русская исторія формировалась въ научную систему и снимала клевету за клеветой съ памяти замѣчательной правительницы Россіи, очищая критикой массу враждебныхъ по-

казаній противной партіи, или свидѣтельства, насѣянныя въ исторической литературѣ невѣжествомъ, самолюбіемъ и шарлатанствомъ. Устряловъ, прослѣдивъ разныя историческія записки прежнихъ временъ о Петрѣ В., совершенно справедливо даетъ о нихъ самый рѣзкій отзывъ: онъ нашелъ въ нихъ „безчисленныя ошибки, выдумки, пропуски, исключенія, неполноты, излишнія прикрасы, преувеличенія, невѣрные взгляды, ложныя умствованія" *(Ист. Петра В. I, LXXXVII)*.

Все э.о приводитъ къ неопровержимому заключенію, что при изученіи исторіи правленія Софіи, нельзя довѣрять прежнимъ многочисленнымъ и враждебнымъ царевнѣ сочиненіямъ и невозможно принимать на вѣру ни одного изъ ихъ показаній, если оно не потверждается оффиціальными документами, или самими подробностями тогдашнихъ событій. Напротивъ, пять — шесть дѣльныхъ записокъ, которыя разсказываютъ благопріятно о дѣяніяхъ правительницы, заслуживаютъ похвалы и довѣрія: ихъ безпристрастіе годъ отъ году оправдывается и вновь обнародованными документами, и развитіемъ отечественной науки.

МОСКОВСКІЯ СМУТЫ

во время правленія царевны Софіи.

Какъ русскіе, такъ и иностранные писатели старались отыскать причины волненій, открывшихся въ Москвѣ въ концѣ XVII стол., въ интригахъ частныхъ лицъ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ; но начала этихъ смутъ лежали глубже, скрываясь въ направленіи исторической жизни русскаго народа, и тѣсно связаны были съ ходомъ развитія силы московскаго государства. Внѣшнія событія служили только покровомъ и выраженіемъ желаній народныхъ и проявленіемъ государственныхъ стремленій, а лица правительственныя и частные классы общества лишь способствовали ихъ движенію въ извѣстномъ видѣ.

Создавая силу московскаго государства, русскій народъ и церковь строго ограждали права и могущество центральной власти, въ ущербъ развитію мѣстной самостоятельности и частной свободы. Въ царствованіе Іоанна IV, народъ еще пользовался остатками прежнихъ своихъ правъ, и само правительство волей—неволей обращалось къ нимъ съ поддержкой, какъ живучимъ началамъ. Внутренніе враги, которыми тогда считались бояре, подверглись страшнымъ преслѣдованіямъ царя Грознаго, нещадившаго и высшихъ лицъ изъ духовенства. По смерти его, бояре снова подняли головы, взяли власть надъ народомъ и окончательно прикрѣпили его къ землѣ, въ царствованіе Бориса Годунова; а въ смутное время тяготѣли къ польско-литовскимъ порядкамъ и желали даже возвести на русскій престолъ польскаго королевича Владислава. Потомъ одностороннія ихъ стремленія сказались въ выборѣ царя, боярина Василія Шуйскаго, помимо воли земскихъ людей. Народъ, съ своимъ духовенствомъ, возсталъ противъ этихъ исключительныхъ распоряженій, выгналъ чужеземцевъ, уничтожилъ всѣ частныя стремленія боярскія, козацкія и

т. п., и выбралъ всею землею излюбленнаго царя Михаила Θеодоровича Духовенство служило его ближайшей опорой; церковная власть попала въ руки царскаго отца, патріарха Филарета Никитича, и окончательно освятила внѣшнюю государственную силу, стоя съ ней рядомъ и считая ересью каждое свободное выраженіе народныхъ воззрѣній и симпатій. Съ того времени, московская власть подчинила неподвижнымъ законамъ личныя стремленія къ самостоятельности и своими формальными указами связала развитіе живыхъ силъ и народнаго быта. Народъ еще сдерживался и терпѣлъ, хотя не сбылись его ожиданія относительно льготъ и правъ, на которыя онъ могъ разсчитывать, принося въ жертву лучшія свои силы и отказываясь отъ правительства земскаго. Но во время малолѣтства Алексѣя Михайловича, когда царь, по старинному выраженію, „глядѣлъ изо рта у бояръ“, народъ возсталъ противъ лицъ, злоупотреблявшихъ своей властью,—и въ бунтахъ сталъ обнаруживать свои стремленія. Раскольники явились отрицателями господствующей церкви, особенно преслѣдуя патріарха Никона, который наслѣдовалъ власть церковную, вознесенную на высоту отцемъ царя Михаила; забывъ о желаніяхъ народа и низшаго духовенства, онъ заявилъ притязанія руководить царемъ и ограничить свѣтскую власть. Гордые его замыслы стерты были властью царя и бояръ, осуждены низшимъ духовенствомъ и народомъ, какъ несогласные съ духомъ старинныхъ русскихъ церковныхъ преданій.

Недовольство, обнаружившееся въ разныхъ слояхъ русскаго народа, сильно возрасло въ концѣ продолжительнаго царствованія Алексѣя Михайловича. Люди, искавшіе утраченной свободы, отверженные господствующей церковью и недовольные усиленіемъ боярства, дружно соединились подъ знаменемъ Стеньки Разина и пошли добиваться, *во имя царя-самозванца*, своихъ народныхъ правъ и значенія общественнаго. Затѣмъ открылся Соловецкій бунтъ раскольниковъ, которые оказали сопротивленіе и распоряженіямъ церкви, и убѣжденіямъ свѣтскаго правительства. Но всѣ эти возстанія и открытыя возмущенія оказались несостоятельными, когда сила государства совершенно упрочилась. Снаряжая московскую власть, преимущественно по необходимости, для внѣшнихъ цѣлей, для отпора вражьихъ нападеній,—народъ, конечно, не мечталъ, до какихъ размѣровъ, поглощающихъ и внутреннюю самостоятельную жизнь, дойдетъ въ лицѣ Петра В. эта могучая сила, которой онъ далъ по русскому обычаю прочную закладку. Онъ не могъ заранѣе думать, чтобы эта власть, созданная имъ и сослужившая блистательную службу на поприщѣ военномъ и дипломатическомъ, забыла искреннюю поддержку массы народа и пошла противъ жизненныхъ его стремленій, опираясь исключительно на бояръ, высшее духовенство и подъячество. Къ сожалѣнію, и русское пра-

вительство XVII стол. не могло спокойно отдаться занятіямъ по улучшенію внутренняго быта, когда происходила постоянная тяжелая борьба съ врагами, которая истощала плоды народныхъ трудовъ. Поднимая въ тоже время значеніе центральнаго правительства, внѣшняя борьба привела къ внутренней. Народъ встрянулся отстаивать земскія начала, но было уже поздно; частныя заявленія недовольства существующимъ порядкомъ дѣлъ и нерѣдко законныя требованія разныхъ классовъ общества, сильные слуги правительства удобно могли бить, при каждомъ ихъ возникновеніи, какъ незаконныя, направленныя къ ограниченію царской власти; а духовенство за подобныя выходки грозило страшнымъ судомъ.

Такимъ образомъ, дѣло народа было проиграно: бунтъ Разина усмиренъ, не смотря на одностороннюю козацкую поддержку; Никонъ умеръ на пути изъ заточенія; раскольники осуждены соборомъ и преданы гражданскимъ казнямъ. Внутренняя народная жизнь угасала, подавляемая развивающеюся центральною силой.

Во внѣшнихъ побужденіяхъ къ смутамъ, въ московскомъ государствѣ также не было недостатка, и потому на нихъ останавливали особенное вниманіе писатели и придавали имъ преувеличенное значеніе, считая ихъ первымъ источникомъ безпорядковъ. Извѣстно, что въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича начались при московскомъ дворѣ интриги и неудовольствія между самыми приближенными лицами къ государю и его родственниками по двумъ супругамъ, между Милославскими и Нарышкиными. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, женивъ царя, по смерти Маріи Ильиничны Милославской, на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, пріобрѣлъ громадную силу; царскій тесть, незнатный дворянинъ Кириллъ Полуехтовичъ и его родня, заняли высокія мѣста при дворѣ, награждены помѣстьями и осыпаны наградами. Прежніе властительные люди, изъ рода Милославскихъ и ихъ приближенныхъ, теряли свое давнишнее значеніе и даже разосланы были въ дальнія области на воеводства, въ родѣ почетной ссылки. Внезапное возвышеніе вскружило голову Нарышкинымъ, и они уже мечтали возвести на престолъ малолѣтняго Петра, рожденнаго отъ Натальи Кириловны, помимо старшихъ братьевъ—Өеодора и Іоанна, сыновей Маріи Ильиничны [62]).

Торжество Нарышкиныхъ было, однако, непродолжительно: когда вступилъ на престолъ царь Өеодоръ, Милославскіе опять съ своими сторонниками получили силу государственную и заняли важныя должности; а изъ Нарышкиныхъ никто не былъ награжденъ и значеніе ихъ уничтожилось. Милославскіе злились на Матвѣева за свое прежнее униженіе и удаленіе отъ двора въ предшествующее царствованіе, а близкій къ царю Өеодору бояринъ Хитрово думалъ, что по милости Матвѣева, стали извѣстны его

грѣшки корыстолюбія [63]). Тогда твердая опора Нарышкиныхъ—Матвѣевъ осужденъ былъ за разныя злоупотребленія по службѣ, обвиненъ въ чародѣйствѣ и посягательствѣ на жизнь царя—и сосланъ сначала въ Лаишевъ, потомъ въ Пустозерскъ, какъ тяжкій государственный преступникъ [64]).

Приближенными царя Ѳеодора стали Хитрово, Языковъ и Лихачевъ; они женили его на Агафьѣ Грушецкой, которая была польскаго происхожденія; можетъ быть, на этотъ бракъ имѣлъ вліяніе царскій наставникъ Симеонъ Полоцкій. Въ это время усилилось подражаніе польскимъ обычаямъ при дворѣ и въ кругу высшихъ бояръ, которые и ранѣе имѣли стремленіе къ нимъ [65]). За эти нововведенія недовольная партія Нарышкиныхъ порицала царя и сравнивала его съ самозванцемъ Отрепьевымъ; но своими выходками накликала на себя бѣду: неосторожныхъ обвинили въ покушеніи на жизнь царя, какъ и Матвѣева, и выслали изъ Москвы. Этой опалѣ подверглись два брата вдовы—царицы Натальи Кириловны, Иванъ и Афанасій [66]). Грушецкая скоро скончалась, а царь Ѳеодоръ женился вторично на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, которая выхлопотала облегченіе участи Матвѣева, какъ его крестница,—и его перевели изъ Мезени въ Лухъ. Царь Ѳеодоръ не долго жилъ съ молодой супругой: слабый здоровьемъ, онъ скончался 27 апрѣля 1682 г., пробывъ на царствѣ 6 лѣтъ и 2 мѣсяца. Это обстоятельство дало новый оборотъ придворнымъ дѣламъ и отразилось на положеніи двухъ боярскихъ партій.

Но не одна личная вражда и не одно раздраженное самолюбіе царедворцевъ заставляли бояръ раздѣлиться на два лагеря: тутъ были болѣе глубокія побужденія къ ссорамъ и лежали въ различіи воззрѣній на государственную жизнь Россіи, въ неодинаковой привязанности къ порядкамъ и обычаямъ родины. Если приверженцы Петра стояли горой за А. С. Матвѣева и выставляли его высокую государственную дѣятельность, то сторонники Ѳеодора противопоставили ему такого же образованнаго и замѣчательнаго по заслугамъ вельможу—В. В. Голицына. Каждый изъ этихъ сильныхъ представителей двухъ боярскихъ сторонъ имѣлъ свои убѣжденія и неодинаковое направленіе, по силѣ которыхъ старался дѣйствовать на поприщѣ государственномъ. В. В. Голицынъ видѣлъ, какой громадный вредъ происходитъ по службѣ отъ развитія спѣси родовитаго боярства и какъ страдало военное устройство, и предложилъ уничтожить царю Ѳеодору *мѣстничество (П. С. Зак. II, 905)*. Поступая въ высшей степени безкорыстно, Голицынъ этой перемѣной способствовалъ разъединенію бояръ: большая часть изъ нихъ, не желавшая разстаться съ старинными привиллегіями, примкнула къ сторонѣ Матвѣева и Нарышкиныхъ; а меньшинство, которое одобряло уничтоженіе мѣстническихъ сче-

товъ, держалось В. Голицына и Милославскихъ. Сбивъ спѣсь боярскую, бывши виновникомъ уничтоженія внѣшнихъ отличій и преимуществъ нерѣдко и бездарныхъ людей,—Голицынъ сталъ во враждебное отношеніе къ высшему родовитому дворянству и опирался преимущественно на людей низшаго класса, даровитыхъ и дѣльцовъ. По всей вѣроятности, по мысли Голицына, царь Ѳеодоръ вызвалъ въ Москву *двойниковъ*, т. е. выборныхъ представителей, по два изъ каждаго города и уѣзда, для разсужденій о экономическихъ нуждахъ и для уравненія податей и сборовъ населенія всей Россіи. Это важное преобразованіе, затѣянное партіей Милославскихъ въ пользу народа, не могло нравиться ихъ врагамъ,—и мы видимъ дѣйствительно, какъ только попала власть въ руки Нарышкиныхъ, они тотчасъ распустили ненавистныхъ двойниковъ [67]). Слѣдовательно, партія Милославскихъ состояла изъ людей худородныхъ; а Матвѣевъ и Наталья Кириловна имѣли на своей сторонѣ почти все высшее дворянство [68]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, знаменіе времени сказалось во всемъ: государство усилилось и вспомнило о народѣ; при дворѣ московскомъ хотѣли завести чиноначалія по образцу разложившейся византійской имперіи; стали вводить польскіе обычаи; уничтожили преимущества дворянства; вызвали въ Москву народныхъ представителей. Во всемъ этомъ обнаружились пробы—направить односторонній государственный механизмъ на всѣ лады; обращаются за поддержкой и къ началамъ народнымъ и иностраннымъ, западно-европейскимъ и византійскимъ, но попытки оказываются неудачными. Государство, окрѣпшее издавна, не могло поднять рукъ для собственнаго ослабленія; дворянство, служа ему орудіемъ, не въ силахъ было отказаться отъ своихъ выгодъ и сословныхъ взглядовъ. Самъ В. Голицынъ, уничтожавшій дворянскія права, не имѣлъ ни силы, ни настойчивости продолжать преобразованія въ народномъ духѣ, не смотря на свою силу: принадлежа плотью и кровью къ вельможамъ Россіи, онъ не имѣлъ сильныхъ побужденій и охоты продолжать съ дворянами борьбу, которая такъ крайне ведена была царемъ Грознымъ.

Русскій народъ въ своихъ стремленіяхъ постоянно встрѣчалъ препятствія и проигрывалъ, при господствѣ другой силы. Злоупотребленія лицъ власть имущихъ доходили до большихъ размѣровъ; бояре стояли другъ за друга и старались скрывать слѣды безпорядковъ и грѣховъ своихъ собратій. Народъ понималъ, что добрый царь Ѳеодоръ не зналъ о многихъ сторонахъ ихъ темныхъ дѣяній, да и не могъ внимательно слѣдить за теченіемъ государственнаго управленія, по своей природной слабости и болѣзненному состоянію. Подавать жалобы на бояръ приходилось тѣмъ же боярамъ. Недовольство народа по об-

ластямъ возрастало и выразилось во множествѣ мелкихъ возстаній противъ воеводъ, въ усиленіи бѣгства и разбоевъ и умноженіи раскольниковъ. Стрѣльцы, привязанные къ народной жизни, пребывая большею частью въ Москвѣ, яснѣе областныхъ жителей видѣли силу бояръ и неправды начальныхъ людей; испытывая сами тягость установившихся безпорядковъ, они сначала ропотомъ хотѣли образумить разнуздавшихся властей и рѣшились принести жалобу сообща царю на полковника Богдана Пыжова. Зимою 1682 г. стрѣльцы били челомъ со слезами, что начальникъ вычиталъ у нихъ половину денежнаго жалованья; царь велѣлъ сдѣлать розыскъ думному дьяку стрѣлецкаго приказа, Ив. Языкову, который лучшихъ челобитчиковъ несправедливо приказалъ бить кнутомъ и разослать въ ссылки. Такой пристрастный и возмутительный приговоръ произвелъ страшное впечатлѣніе не на одинъ полкъ, а на всѣ стрѣлецкіе приказы, тѣмъ болѣе, что послѣ этого случая полковники, поощренные поддержкой Языкова, еще сильнѣе прежняго стали отягощать налогами и работами своихъ подчиненныхъ [69]).

Особеннымъ немилосердіемъ и корыстолюбіемъ отличался полковникъ Семенъ Грибоѣдовъ, который заставлялъ стрѣльцовъ даже въ пасху 1682 г. строить себѣ загородный домъ и возить матеріалы. На этомъ-то дворѣ они рѣшили подать царю Θеодору челобитную на своего полковника; въ просьбѣ описаны подробно его притѣсненія и взяточничество, которыя доходили до громадныхъ размѣровъ. Изъ офиціальнаго акта мы узнаемъ, что Грибоѣдовъ ,,стрѣльцамъ налоги, и обиды и всякіе тѣсноты чинилъ, и приметываясь къ нимъ для взятокъ своихъ и для работъ, билъ ихъ жестокими бои, и для своихъ же взятковъ по наговорамъ пятисотныхъ и приставовъ, изъ нихъ стрѣльцовъ билъ батоги ругательствомъ, взявъ въ руку батога по 2 и по 3 и по 4. И на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ, которые имъ отведены подъ дворы, и на выморочныхъ мѣстѣхъ построилъ загородные огороды, и всякіе овощные сѣмена на тѣ огороды покупати имъ велѣлъ на сборные деньги, и для строенія и работы на тѣ свои загородные огороды женъ ихъ и дѣтей посылалъ работать въ неволю, и въ деревню свою прудовъ копати, и плотинъ и мельницъ дѣлати, и лѣсъ чистить и сѣно косить, и дровъ сѣчь, и къ Москвѣ на ихъ стрѣлецкихъ подводахъ возить заставливалъ, и для тѣхъ своихъ работъ велѣлъ имъ покупать лошадей неволею, бивъ батоги. И кафтаны цвѣтные съ золотыми нашивками, и шапки бархатные и сапоги желтые, неволею жъ дѣлать имъ велѣлъ; а изъ государскаго жалованья вычиталъ у нихъ многіе денги и хлѣбъ и тѣми сборными и остаточными денгами и хлѣбомъ корыстовался. И съ стѣнныхъ, и съ прибылыхъ карауловъ и изъ недѣльныхъ, и въ слободахъ съѣзжихъ избъ, ихъ стрѣльцовъ въ спускъ по 30 и по 40 и по 50 человѣкъ и болши спускалъ, а за то

ималъ съ человѣка по 4 и по 5 алт. и по 2 гривны и болши, а съ недѣль ныхъ по 10 алт. и по 4 гривны и по полтинѣ, и тѣми денгами корыстовался." Бралъ деньги и продавалъ запасы, которые назначались караульнымъ стрѣльцамъ. „И на дворовое свое строеніе лѣсъ и всякіе запасы покупати имъ велѣлъ на сборные денги, и тѣмъ чинилъ имъ тѣсноты и разоренія; и на дворъ къ себѣ, сверхъ денщиковъ, ималъ на караулъ многихъ стрѣльцовъ, и тѣхъ стрѣльцовъ заставливалъ всякую работу работать и отходы чистить." Когда ѣхалъ на службу, то съ стрѣльцовъ, остававшихся въ Москвѣ, „ималъ великія взятки съ боемъ, и изъ нихъ многихъ оставливалъ на Москвѣ на своемъ дворѣ на караулѣхъ и для работы," а въ походахъ чинилъ стрѣльцамъ всякія тягости и на ихъ подводахъ возилъ свои запасы. *(А. Арх. Эксп. IV, № 254)*.

Не смотря на такія злоупотребленія, начальные люди хотѣли оправдать Грибоѣдова и обвинить стрѣльцовъ въ бунтѣ. Датскій резидентъ, бывшій тогда въ Москвѣ, разсказываетъ, что выборный отъ полка стрѣлецъ подалъ челобитную Языкову, который велѣлъ ему придти на другой день за рѣшеніемъ дѣла. Хитрый царедворецъ донесъ Долгорукому, начальнику приказа, что подавшій жалобу стрѣлецъ былъ пьянъ и велъ себя неприлично; Долгорукій распорядился, чтобы высѣкли кнутомъ стрѣльца передъ полкомъ, въ примѣръ другимъ. На слѣдующій день выборный пришелъ узнать о судьбѣ своего челобитья; Языковъ отвѣтилъ ему, что по указу государя, бунтовщиковъ приказано бить кнутомъ, и тотчасъ послалъ дьяка исполнить повелѣніе. Привели стрѣльца въ полкъ палачъ и два приказныхъ служителя; когда сняли съ него платье и прочитали приговоръ, выборный закричалъ своимъ товарищамъ: „я по согласію съ вами старался подать челобитную; зачѣмъ же вы позволяете ругаться надо мной?" Стрѣльцы бросились на палача и на приказныхъ, избили ихъ и освободили своего собрата; испуганный дьякъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ, разсказавъ обовсемъ думному дьяку Языкову. Озлобленные стрѣльцы стали подбивать товарищей изъ другихъ полковъ, чтобы они такъ же поступали противъ своихъ ненавистныхъ начальниковъ. По всей вѣроятности, они на другой день апрѣля 24, били челомъ царю на Грибоѣдова и хотѣли — было забунтовать; а ловкій Языковъ, „глубокій дворскихъ обхожденій проникатель," чтобы вывернуться и не допустить народъ до возмущенія, велѣлъ посадить Грибоѣдова въ тюрьму на одинъ день и освободилъ его. Царь указалъ виновнаго полковника послать на Тотьму въ ссылку, отнять его вотчины и 25 апрѣля назначилъ на его мѣсто другаго. Эта попытка стрѣльцовъ — облегчить свою судьбу, ясно показала имъ, что отъ бояръ можно ожидать мести, наказанія и ссылки за открытіе ихъ беззаконныхъ поступковъ [70].

Такъ до 1682 г., ни къ чему не привели стремленія народа свалить съ плечъ гнетущую силу московскаго государства, которая своимъ развитіемъ пугала разные классы общества и тяготѣла надъ ихъ свободнымъ движеніемъ, мѣшая достиженію частнаго и личнаго блага. Всякое ничтожное заявленіе о народныхъ правахъ и нуждахъ считалось уже дѣломъ незаконнымъ и преслѣдовалось наказаніемъ; всякое упорное стремленіе — отстоять свою самостоятельность, посредствомъ прямаго и законнаго протеста или спора, считалось уже бунтомъ и страшнымъ посягательствомъ на власть государственную. Такъ убиты были по частямъ всѣ заявленія и требованія народа, который не могъ вести отчаянную борьбу, для полнаго возстановленія своей жизненной силы; потому что достигнуть ему своихъ цѣлей было невозможно, не причинивъ вреда началу государственному, котораго онъ не смѣлъ коснуться.

Смотря съ этой точки зрѣнія на смуты времени правленія царевны Софіи, мы замѣчаемъ въ нихъ связь съ прежними волненіями; они также являются попытками разныхъ классовъ общества — отстоять свои воззрѣнія и права противъ наплыва несродныхъ направленій, вливавшихся въ русскую жизнь. Борьба ведется на всѣхъ почти ступеняхъ русскаго общества. Высшее дворянство усиливается удержаться на прежней высотѣ, отстоять старинныя права и силу отъ нововведеній, которыя касались ихъ невыгодно; но подчиняясь невольно худороднымъ распорядителямъ, противодѣйствуетъ имъ на каждомъ шагу. Одна часть бояръ примыкаетъ ко двору царя Петра и дѣйствуетъ его именемъ, а другая держитъ сторону Іоанна и распоряжается его властью: борьба окончилась далеко не въ пользу народа. Стрѣльцы, какъ представители народныхъ стремленій, становятся защитниками молодыхъ и неопытныхъ царей, противъ заносчивости правителей и злоупотребленій бояръ. Взявшись однако распоряжаться общественнымъ нарядомъ въ Москвѣ, стрѣльцы увидали свою несостоятельность, въ отдѣльности отъ земства, и окончательно растерялись, когда правительство грозно заявило, что они измѣнники государства, и стало копить противъ нихъ силы всей русской земли. Вмѣсто дерзкихъ и широкихъ замысловъ, явилось раскаяніе въ прежней виновности и полное подчиненіе господствующему порядку. Холопы стремятся отдѣлаться отъ крѣпостной зависимости, когда стрѣльцы передрали крѣпостные акты въ приказахъ; но несмѣлыя ихъ поползновенія кончились худо для нихъ и они остались надолго въ прежнемъ состояніи. Возставая противъ духовной власти, которая поддерживала государственную силу до крайности, шла противъ развитія духа и жизни народа, раскольники сдѣлали попытку мирнымъ путемъ ввести въ область религіозную начала старинныя. Осуждая неподвижныя формы, незатрогивавшія самостоятельнаго развитія, они тре-

бовали открытаго спора съ духовенствомъ; но послѣ неудачи и строгихъ узаконеній о преслѣдованіи старовѣровъ, дѣлали попытки къ возстаніямъ, не касаясь однако разрушенія началъ государственныхъ. Возстанія раскольниковъ носятъ характеръ оборонительный, а не наступательный: часто не желая продавать святыни своихъ убѣжденій, они предпочитали отдаться гибели и самосожигательству. Затѣмъ обнаруживается борьба между православнымъ грековосточнымъ направленіемъ и латинскимъ римско-католическимъ; рядомъ съ нею, въ области образованія, идутъ споры велико-русскихъ ученыхъ съ южно-русскими, поддерживаемые боярскими партіями. Русскій народъ возвышаетъ свой голосъ противъ наплыва иностранцевъ, становившихся въ ряды защитниковъ внѣшнихъ властей и не имѣвшихъ побужденій поддерживать истинное благо народа. Но силы отдѣльныхъ классовъ общества, какъ разбитыхъ членовъ, не выдерживаютъ борьбы; всѣ эти открытыя завленія и бунты являются послѣдней попыткой къ возвышенію самобытности народной, послѣдней вспышкой старинной силы земства. Чашка вѣсовъ давно уже опускалась по мѣрѣ увеличенія тяжести, или преобладанія власти государственной; а народная жизненная искра должна была сохраняться въ грудѣ пепла. Государство, призвавъ на помощь силу иностранцевъ съ ихъ новыми средствами, для собственныхъ цѣлей и для огражденія себя, восторжествовало надъ всѣми требованіями земства и частными волненіями. Ограждая власть государственную, стрѣльцы дѣлаютъ энергическую попытку принести правительству живыя силы изъ народа, создать власть избранную и грозно двигаются къ Москвѣ 1697 г., съ цѣлью—истребить нѣмцевъ и бояръ, какъ беззаконныхъ правителей и поработителей массы, и возстановить правленіе по своему желанію. Послѣ страшной казни стрѣльцовъ, послѣднихъ ратоборцевъ за старинныя права, народъ отданъ былъ въ полное распоряженіе бояръ и иноземцевъ; государство закрѣпило за собой его силы и дѣятельность, окончательно придавило народный духъ и его самостоятельное проявленіе. Внѣшняя сила Россіи разрослась до громадныхъ размѣровъ, подчинила своимъ распорядкамъ бытъ народа и на всѣ его стремленія къ свѣту и жизни наложила свою тяжелую опеку; самыя думы и воззрѣнія народа стремилась направить къ казенной цѣли. Тогда провозглашенъ былъ *императоромъ* Петръ I-й.

Вотъ въ главныхъ чертахъ какой историческій смыслъ слѣдуетъ придавать московскимъ смутамъ, которыми такъ богато время правленія царевны Софіи.

По смерти царя Өеодора, наличные интересы и стремленія разныхъ классовъ общества обнаружились съ особенной силой и настойчивостью. Между боярами и высшимъ духовенствомъ, рѣшался важный вопросъ: кому царствовать и, слѣдовательно, какой боярской партіи взять въ руки власть— десятилѣтнему ли Петру и родовитымъ приверженцамъ Нарышкиныхъ, или старшему, но слабому его брату Іоанну, и невысокимъ по происхожденію сторонникамъ В. Голицына и Милославскихъ? Стрѣльцы тоже ожидали новаго порядка дѣлъ, станутъ ли продолжаться злоупотребленія начальныхъ людей при перемѣнѣ правительства, и не приметъ ли оно сторону подавленнаго народа. Раскольники также мечтали, что новый православный царь возстановитъ старую вѣру, которая господствовала у нашихъ предковъ.

I.

Партія Нарышкиныхъ, ожидая смерти царя Өеодора, заранѣе приготовилась возвести на престолъ Петра, помимо Іоанна; приверженцы младшаго царевича опасались серьезныхъ столкновеній съ противниками и поѣхали во дворецъ на выборы, пододѣвъ подъ платье панцыри. Но эта предосторожность оказалась излишнею: не зная, что Петра заранѣе опредѣлено избрать царемъ, и патріархъ на это согласенъ, — Милославскіе надѣялись, что Іоаннъ по праву старшинства долженъ царствовать и много не заботились о будущемъ. А вышло совсѣмъ иначе. Патріархъ съ царедворцами 27 апрѣля 1682 г. нарекли на царство Петра, помимо всенароднаго избранія. Это обстоятельство показалось очень страннымъ нѣкоторымъ изъ бояръ и стрѣльцовъ, которые въ тотъ же день воспротивились этому избранію. Такъ дворянинъ М. И. Сумбуловъ на собраніи въ Кремлѣ кричалъ съ своими единомышленниками, что право наслѣдства принадлежитъ неотъемлемо старшему царевичу [71]). Но особенно драгоцѣнно извѣстіе, внесенное въ записную разрядную книгу Петра, что царемъ его нарекли 27 апр. въ 13-мъ часу, слѣдоват. въ часъ кончины Өеодора, какъ означено у Медвѣдева *(стр. 2)*; значитъ, мысль объ интригахъ Милославскихъ падаетъ на Нарышкиныхъ. Далѣе въ разрядѣ означено, что цѣлый полкъ стрѣльцовъ не хотѣлъ присягать новоизбранному царю: „Тогожъ числа учинились сильны и креста не цѣловали стрѣльцы Александрова приказа Карандѣева, — и в. государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничего князя К. О. Щербатаго, да думнаго дьяка Емельяна Украинцева. И ихъ уговорили и они крестъ в. государю цѣловали.“ *(Ист. Рос. Соловьева XIV, въ прилож. 26)*. Затѣмъ дѣла всѣ уладились и полетѣли гонцы по областямъ Россіи приводить къ присягѣ войско и народъ; на трехъ печатяхъ покойнаго царя велѣно вырѣзать титулъ Петра и печатать всѣ дѣла государственныя [72]).

Нарышкины праздновали побѣду и торжествовали вполнѣ; накипѣвшая злоба ихъ къ Милославскимъ обнаружилась тотчасъ и самымъ наглядным образомъ. Наталья Кириловна привела Петра на погребеніе царя Θеодора 28 апр.; поцѣловали они тѣло умершаго и тотчасъ удалились изъ церкви, не дождавшись конца обряда. Подобное невниманіе бросилось въ глаза народу и сильно раздражило Милославскихъ; а царевна Софія, говорятъ, рыдала на похоронахъ и жаловалась народу, какъ извели покойнаго царя Θеодора и не выбрали на тронъ Іоанна враждебныя лица. Тетки царей, Анна и Татьяна Михайловны, передали свое негодованіе Натальѣ Кириловнѣ черезъ монахинь; царица оправдывалась, что Петръ не могъ по своимъ лѣтамъ вынести продолжительной службы на голодный желудокъ; а только что вернувшійся изъ ссылки ея братъ Иванъ сказалъ: „кто умеръ, тотъ пускай и лежитъ, а царь не умиралъ и живетъ" [73]). Такія заносчивыя выходки молодаго человѣка еще болѣе должны были раздражить Милославскихъ. Но правительство Нарышкиныхъ не обращало вниманія на толки и пересуды противной партіи, радо было благопріятному исходу дѣла и, въ порывѣ торжества отъ пріобрѣтенія громадной власти, начало осыпать наградами всю свою родню, не взирая на юныя лѣта и на порядокъ возвышенія заслуженныхъ лицъ, укоренившійся въ Московскомъ государствѣ. Въ день кончины Θеодора, пожалованы въ спальники шесть человѣкъ изъ фамиліи Нарышкиныхъ; потомъ любимцы покойнаго царя И. М. Языковъ и Лихачевы лишены мѣстъ, которыя достались Нарышкинымъ: 23-лѣтній Иванъ Кириловичъ получилъ высокое званіе боярина и оружейничаго, Аθанасій — комнатнаго стольника, Кирилъ Алексѣевичъ — кравчаго [74]). Такая щедрая и неслыханная награда людей молодыхъ и неопытныхъ, раздача чиновъ и должностей, безъ всякихъ заслугъ, изумила бояръ и возмутила стрѣльцовъ, которые должны были повиноваться юному и надменному начальнику артиллеріи, Ивану Нарышкину, только возвратившемуся изъ ссылки. Это непомѣрное возвышеніе властей самихъ себя, сразу внушило недовѣріе къ новому правительству, возбудило опасенія и не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ.

Стрѣльцы, озлобленные несправедливыми распоряженіями начальниковъ по дѣлу Пыжова и Грибоѣдова, еще за два дня до кончины царя Θеодора, согласились добиться управы ужс на 9 своихъ полковниковъ, которые ихъ притѣсняли, и рѣшились взыскать съ нихъ прежде высчитанныя деньги изъ стрѣлецкаго жалованья. Провозглашеніе царемъ Петра и новыя распоряженія Нарышкиныхъ приводили ихъ къ грустнымъ соображеніямъ: „Аще тако при Θеодорѣ Ал., иже имѣ лѣты довольны и разумъ совершенъ, и бѣ милосердъ, како Иванъ Языковъ и иніи бояре и приказ-

ные люди *(творяху)* неправду и всякое насиліе, — ово ради мздовоздаянія, ово ради начальникомъ человѣкоугодія, хотяще отъ нихъ хвалими быти, паче же чуждыми бѣдныхъ людей пожитками ихъ набогатити припущаше,— что же нынѣ, при семъ царѣ Петрѣ Ал., иже младъ сый и россійскаго царствія на управленіе недоволенъ, — тіи бояре и правители имутъ въ семъ царствіи творити? — Вѣмы яко не лучшее намъ восхощутъ сотворити, но наипаче потщатся во всемъ на насъ величайшее ярмо неволи возложити, зане не имѣя надъ собою довольнаго, ради царскихъ юныхъ лѣтъ, правителя и отъ ихъ неправды воздержателя.“ *(У Сахарова, зап. Медвѣдева 6—7)*. Разсуждая подобнымъ образомъ, стрѣльцы рѣшились жаловаться царю, и 29 апр. пришли толпой въ Кремль, подавали заручныя челобитья; обвиняли 9 полковниковъ, что они притѣсняютъ подчиненныхъ, недодаютъ имъ жалованье, принуждаютъ на себя работать, и добивались позволенія взыскать съ нихъ деньги для удовлетворенія стрѣльцовъ. Они кричали: „выдайте полковниковъ на правежъ, или взыщите вымученныя съ насъ деньги, иначе мы сами промыслимъ, перебьемъ ихъ и разграбимъ животы и домы!“ При этомъ грозились, что доберутся и до другихъ измѣнниковъ и называли тутъ же имена высшихъ царедворцевъ, говоря, что обманы ихъ не долго остается терпѣть царскому величеству. Эти волненія произвели глубокое впечатлѣніе при дворѣ; гордое и надутое, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопытное и трусливое правительство Нарышкиныхъ, вмѣсто законнаго наказанія взяточниковъ полковниковъ, рѣшилось выдать ихъ головами, на самовластную расправу и тиранство стрѣльцамъ. Патріархъ испугался, какъ бы стрѣльцы злыхъ враговъ своихъ „возсвирѣпѣвше напрасной смерти не предали, и оттого не пришли въ народное смущеніе,“—послалъ въ полки духовныхъ лицъ — уговаривать, чтобы стрѣльцы положились на распоряженіе государя и не брали насильно для расправы полковниковъ. Стрѣльцы успокоились обѣщаніями, что виновныхъ полковниковъ отдадутъ подъ судъ, взыщутъ съ нихъ деньги и на мѣсто ихъ назначутъ другихъ начальниковъ, которыми они останутся довольны. Стрѣльцы согласились съ условіемъ, чтобы полковниковъ били кнутомъ и батогами, пока они внесутъ надлежащую сумму. Съ 1-го мая начался правежъ: стрѣлецкихъ начальниковъ наказывали два служителя на площади передъ суднымъ приказомъ, и били до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы не закричатъ: *довольно!* Жестокимъ въ обращеніи полковникамъ доставалось сильнѣе. Они внесли 2000 р. для первоначальной уплаты украденныхъ стрѣлецкихъ денегъ, и отпущены на свободу; а не внесшихъ деньги ежедневно держали на правежѣ и били часа по два палками по икрамъ, въ теченіе осьми дней; заплативъ деньги, они удалились изъ Москвы. Довольные стрѣльцы благодарили царя за добрую и справедливую расправу [75].

Такимъ образомъ, правительство Нарышкиныхъ допустило стрѣльцовъ до своевольства, позволило имъ ругаться надъ своими начальниками и поощрило ихъ самоуправство. Естественно, что притѣсняемые стрѣльцы почувствовали свою силу, когда заправляли наказаніемъ враговъ своихъ, облеченныхъ властью, и изъ подчиненныхъ становились распорядителями. Давъ большую волю имъ, трудно было ожидать, чтобы впослѣдствіи можно было дѣйствовать убѣжденіями и строгими мѣрами. Вернувшійся изъ ссылки опытный правитель, Матвѣевъ, сразу понялъ, какой непоправимый промахъ допустило новое правительство, и думалъ, что ошибка не доведетъ до добра, а до неистовой злобы и мятежа. „Государскимъ праведнымъ указомъ стрѣльцы не удовольствовахуся, и досада не точію не утолилась, и отъ того часа наипаче нача огнь гнѣвный горѣти на начальниковъ и на иныхъ временщиковъ, и всякими вымыслы горѣти до пламя свирѣпства въ возженіе“ (*Мѣдведевъ, стр. 10*). Слѣдовательно, неумѣлое правительство и недобросовѣстные его слуги, собственными руками положили основаніе дальнѣйшимъ волненіямъ.

Между стрѣльцами происходилъ дѣлежъ денегъ, взыскиваемыхъ съ полковниковъ, и недавняя удача возбудила много толковъ, касающихся новаго правительства. Имъ казалось, что избраніе Петра велось неправильно; они не вѣрили, будто самъ старшій царевичъ Іоаннъ отказался отъ престола по слабости зрѣнія, и что его сторонники менѣе Нарышкиныхъ способны къ управленію. Стрѣльцы почти не сомнѣвались, что воцареніе одного Петра было дѣломъ партіи измѣнниковъ отечеству, подъ которыми разумѣли Наталью Кириловну, ея отца, братьевъ и А. С. Матвѣева. Мысль объ измѣнѣ Нарышкиныхъ передавалась всѣмъ полкамъ; объ этомъ предметѣ стрѣльцы не только не стѣснялись говорить открыто, но заранѣе грозились—свернуть имъ шею. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній, они указывали, какъ молодые Иванъ и Аѳанасій Нарышкины, эти *козьи бороды*, слишкомъ быстро возведены въ высшія достоинства. Неудовольствіе и ропотъ постоянно сопровождали подобныя разсужденія о властителяхъ, и служили предвѣстіемъ недобраго.

Молва смѣнялась одна другой, грознѣе и грознѣе для Нарышкиныхъ; враждебные для нихъ слухи росли не по днямъ, а по часамъ; разувѣрившись сразу въ ихъ добросовѣстности, стрѣльцы разсказывали, будто Ив. Нарышкинъ и высшіе правители рѣшили въ совѣтѣ произвести жестокую расправу съ стрѣльцами, которые жаловались на своихъ полковниковъ, „въ своихъ обидахъ, насильствахъ и немилосердыхъ мученіяхъ“; главныхъ зачинщиковъ приговорили поголовно казнить, а большое количество стрѣльцовъ отправить въ ссылку въ отдаленные города. Ропотъ усиливался со всѣхъ сторонъ, стали появляться слухи, будто На-

рышкины во дворцѣ забрали все въ руки, и царей считаютъ за ничто. Стрѣльцы открыто разсуждали на улицахъ, что Ив. Нарышкинъ дергалъ за бороды многихъ знатныхъ вельможъ, и разсказывали съ ужасомъ, будто онъ, облекшись въ царскую одежду и вѣнецъ, сѣлъ на тронъ и сказалъ: „ни къ кому не пристанетъ такъ корона, какъ ко мнѣ“. Когда царица Марѳа Матвѣевна и царевна Софія застали Нарышкина въ этомъ видѣ и начали бранить его, въ присутствіи царевича Іоанна, то онъ взбѣсился, соскочилъ съ царскаго престола, кинулся на царевича, схватилъ его за горло и чуть не задушилъ. Царевны громко закричали, прибѣжали служители и не дали исполнить ему злое намѣреніе. „Какъ смѣетъ мальчишка потѣшаться государскимъ вѣнцомъ и храбриться въ царскихъ чертогахъ, на святомъ изстаринномъ мѣстѣ! Надо оборонить царей: не дадимъ хозяйничать измѣнникамъ!“ Въ минуту неудовольствія и ненависти всякій слухъ, всякая сплетня имѣютъ значеніе. Молва въ подобное время, неизбѣжное созданіе разгоряченной фантазіи, составляетъ громадную силу, потому что создается цѣлымъ обществомъ, на томъ уровнѣ понятій и направленія воззрѣній, которыми надѣлены въ извѣстное время возбужденныя лица, и на основаніи тѣхъ недавнихъ событій, которыя произвели гнѣвъ. Въ разгаръ кипѣнія страстей, въ шумѣ волнующихся разнообразныхъ толковъ, некогда подумать основательно объ обстоятельствахъ и о ходѣ дѣла: тутъ каждый мимолетный слухъ, соотвѣтствующій общему настроенію духа и желанію, имѣетъ неотразимую силу доказательства, и часто чѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ фантастичнѣе, тѣмъ удобнѣе и скорѣе принимается на вѣру. Примѣровъ множество, особенно въ исторіи русскихъ самозванцевъ, въ стрѣлецкихъ мятежахъ и въ бунтѣ астраханскомъ.

Когда стрѣльцы зимой проиграли свое дѣло и не достигли желанія мирнымъ путемъ, они перешли къ угрозамъ; усмиряя бунтъ коломенскій *(Котошихина стр. 81)*, служа вѣрой и правдой царю и отечеству, стрѣльцы вздумали ограничить власть недобросовѣстныхъ начальниковъ. Увидавъ слабость и уступчивость ихъ въ позорной смѣнѣ полковниковъ, они почувствовали себя силой, способной возстановлять законные порядки въ государствѣ, отданномъ царю—ребенку, и искоренять злоупотребленія властей. Они стали собираться толпами, бояръ и князей Долгоруковыхъ ставили ни во что, смѣялись надъ ними и грозили имъ; а мелкихъ своихъ начальниковъ не стали ни уважать, ни слушаться. По словамъ Матвѣева, стрѣльцы отгоняли ихъ отъ съѣзжихъ избъ, бросали въ нихъ каменьями, палками, бранили непристойными словами, а кто хотѣлъ возстановить порядокъ строгостью, бросали съ каланчи *(Матвѣевъ стр. 10 и 14)*. Стрѣльцы, о которыхъ прошла недобрая слава, явились самыми честными защитниками правительства, въ виду боярскихъ смутъ,

хотѣли предупредить кровавыя происшествія, произволъ Нарышкиныхъ, которые въ самолюбивомъ восторгѣ, вдругъ стали помыкать старыми учрежденіями, правами и обычаями.—Съ этой точки зрѣнія, въ стрѣлецкихъ бунтахъ есть смыслъ глубокій: у насъ всѣ волненія направлялись въ защиту законнаго государя отъ притязанія бояръ, которые злоупотребляли всегда довѣріемъ царя. Всѣ эти обвиненія бояръ въ желаніи извести государя, въ стремленіи овладѣть государствомъ, помимо законныхъ царей, служили только предлогомъ къ казни или ссылкѣ лицъ ненавистныхъ. Сколько ни говорили противъ государей, особенно противъ Петра, но до дѣла было далеко. Русская исторія этимъ особенно замѣчательна: низшій классъ народа всегда шелъ на защиту царя подъ знаменами самозванцевъ, въ бунтѣ Разина и стрѣлецкихъ мятежахъ и т. п. Боярамъ никогда не было разсчета злоумышлять противъ государей, отъ которыхъ они вполнѣ зависѣли: они знали, что тотъ или другой царь, все равно одинаково будетъ держаться московскихъ началъ въ отношеніи къ дворянству, и слѣдовательно скорѣе нужно было добиваться отъ него милостей и заслуживать личнаго значенія. Вооружаться же противъ власти, не смѣли бояре потому, что народъ не потерпѣлъ бы злой выходки къ ограниченію силы государства, въ ущербъ земства и къ возвышенію дворянства, какъ видимъ въ 1-мъ стрѣлецкомъ бунтѣ. Слѣдовательно, не Софію нужно обвинять въ первомъ послабленіи стрѣльцамъ, въ льстивомъ заискивающемъ удовлетвореніи ихъ желаніямъ, а Нарышкиныхъ. Стрѣльцы, при первомъ требованіи управы на полковниковъ, уже имѣли въ виду непріязненныхъ себѣ лицъ по собственному чувству, а не по навѣту Софіи и Милославскихъ. Тоже явленіе повторилось и во время 1-го стрѣлецкаго бунта. Трудно было Софіи обращаться къ стрѣльцамъ, уже присягнувшимъ Петру, съ ходатайствомъ за права Іоанна. Самимъ стрѣльцамъ скорѣе и легче всего пришло это въ голову, потому что цѣлый полкъ не хотѣлъ еще присягать младшему царевичу въ самый день избранія. Когда же Нарышкины захотѣли забрать въ руки всю власть и силу, то возбудили къ себѣ страшную ненавить стрѣльцовъ, которые уже нѣсколько дней грозились добраться до нихъ. Чаша горечи переполнилась одной каплей и мятежный духъ разлился по Москвѣ.

Мая 15 по рукамъ стрѣльцовъ уже ходилъ списокъ лицъ, обреченныхъ на жертву. Въ стрѣлецкихъ слободахъ пронеслась вѣсть, что Ив. Нарышкинъ задушилъ царевича Іоанна: „къ ружью, къ ружью!" закричали стрѣльцы, и направились громадной толпой въ Кремль, съ барабаннымъ боемъ, распустивъ знамена, съ оружіемъ въ рукахъ, мушкетами, бердышами и копьями. Нѣкоторые изъ нихъ бросились на колокольни и стали бить въ набатъ. Очевидецъ происшествій изображаетъ это движеніе такими чертами: нѣсколько при-

везли и пушекъ, „якобы на нѣкоего непріятеля иностраннаго. Идоша же зѣло бодро и свирѣпствомъ ярящеся, *яко звѣри неукротимые*. И тако страшно было видѣти тогда попущеніе гнѣва Божія, яко вси людіе видѣвше во страсѣ трепетахуся, что имать быти? Ибо и воздухъ въ оное время премѣнися тихости, и воздвижеся буря вѣтрена велія, и облаки мрачные народу вящшій страхъ дѣяше.“ При своемъ грозномъ походѣ, они кричали: „яко идутъ выводити измѣнниковъ и неправдотворцевъ и губителей царскаго роду.“ Изъ его словъ видно, что они шли защищать не одного Іоанна, о которомъ слышали, что его задушили Нарышкины; но и Петра отъ измѣнниковъ бояръ. „Стрѣльцы же стояще у Краснаго крыльца сказывали, будто нѣкоторые бояре учинились измѣнниками и хотятъ царскій родъ извести, и будто царевича Іоанна умертвили, а надъ царемъ Петромъ злое свое умышленіе хотятъ учинити, и лишити его царства, и они, будто услыша то, собрався пришли того сыскати, что они служатъ в. государямъ вѣрно.“ *(Медвѣдевъ 11)*. Бояре, которые находились еще въ приказахъ, услышавъ о движеніи стрѣльцовъ, хотѣли запереть Кремль, но было уже поздно: стрѣльцы стали хозяевами и заперли ворота сами; они окружили со всѣхъ сторонъ царскій дворецъ, чтобы не ушли ненавистныя для нихъ лица. Нѣкоторые стрѣляли въ боярскихъ лошадей, перебили имъ ноги, переломали кареты и умертвили нѣсколько холоповъ; очевидно, они руководствовались не посторонними указаніями, а личной злобой. До какой степени были слабы духомъ бояре, прирожденные воины и воеводы, показываетъ ихъ постыдное поведеніе въ эту пору: нечистая совѣсть однимъ шепнула спасаться бѣгствомъ, другимъ подсказала скрыться въ потаенныя мѣста. Вышелъ Ив. А. Хованской и спросилъ о причинѣ необычнаго прихода стрѣльцовъ къ дворцу; они отвѣчали, что бояре учинились измѣнниками и хотятъ извести царскій родъ и требовали, чтобы показали имъ царевича Іоанна. Патріархъ и царица вывели обоихъ царевичей на Красное крыльцо; тогда стрѣльцы закричали: „Вотъ нашъ царь; смерть всѣмъ измѣнникамъ! Выдайте намъ сперва Нарышкиныхъ; это зло надо вырвать съ корнемъ; а царица Наталья Кириловна пускай идетъ въ монастырь. Царей нашихъ Петра Ал. и Іоанна Ал. мы станемъ защищать и отстаивать собственной кровью!“ [76]).

Изъ разрядной записки ясно видно, что во время бунта 15 мая 1682 г. А. С. Матвѣевъ вовсе не уговаривалъ стрѣльцовъ, и не убѣдилъ ихъ успокоиться, какъ пишетъ сынъ его, а посланы были съ этой цѣлью М. А. Черкасской, Ив. А. Хованской, П. В. Шереметевъ большой, и В. В. Голицынъ; на Черкасскомъ въ это время стрѣльцы изодрали платье. Когда патріархъ пошелъ-было убѣждать мятежниковъ, они закричали: „не

потребуемъ никакихъ и ни отъ кого совѣтовъ! Время уже, кто надобенъ намъ разбирати". И бросились мимо патріарха по лѣстницѣ, и вбѣжали въ царскіе хоромы; схвативъ тамъ А. С. Матвѣева, кинули съ Краснаго крыльца на копья. Говорятъ, въ это время начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Мих. Юр. Долгорукій, который обязанъ былъ не допускать стрѣльцовъ до смуты ранѣе, вдругъ вздумалъ показать свою власть и силу, когда уже стрѣльцы пришли на расправу: начальникъ закричалъ съ бранью и угрозами и приказаньемъ убираться тотчасъ изъ Кремля. У раздраженныхъ стрѣльцовъ закипѣло на сердцѣ, что такой ничтожный человѣкъ начинаетъ обижать ихъ, когда они пришли добиваться правды. Они вломились на крыльцо и сбросили на копья презрѣннаго начальника, который вздумалъ показать себя *(Матвѣевъ и Розенбушъ)*. Забывъ должное уваженіе къ царямъ, царицамъ и царевнамъ, они бѣжали по всѣмъ комнатамъ, черезъ церковь; нашли Аѳанас. Кир. Нарышкина у Спаса подъ престоломъ во дворцѣ, и вытащивъ за волосы, сбросили съ крыльца на копья и бердыши. Въ царскихъ покояхъ они все перерыли; искали въ монастыряхъ, церквахъ и совали копьями подъ престолы, особенно добирались до Ив. Нарышкина. Между прочимъ, во дворцѣ они постоянно кричали: „долгой жизни царямъ нашимъ Ивану Ал. и Петру Ал., и смерть всѣмъ измѣнникамъ". Злоба стрѣльцовъ, накипѣвшая противъ нѣкоторыхъ бояръ и начальныхъ людей, выразилась въ крайней степени: такъ, считая Гр. Гр. Ромодановскаго виновникомъ неудачи чигиринскаго похода, и помня его жестокія притѣсненія, они схватили, „ведуще его за власы, и браду зѣло ругательно терзаху, и по лицу бивше, и противъ разряду на дорогѣ, поднявъ вверхъ на копьяхъ и опустивъ на землю, всего изрубили". Но сына его Андрея освободили за долгій плѣнъ у Татаръ. Розыскивая Ивана Нарышкина, стрѣльцы въ суматохѣ наткнулись въ сѣняхъ Грановитой палаты на молодаго Салтыкова и закричали: вотъ Иванъ Кириловичъ!—и схватили его; а онъ такъ перепугался, что ни слова не могъ вымолвить, и былъ сброшенъ сверху стрѣльцами и вытащенъ на площадь. Когда стрѣльцы увидѣли свою ошибку, то приказали товарищамъ отнести трупъ юноши къ отцу, который по нездоровью не былъ во дворцѣ. Когда они принесли его въ домъ, то отецъ сказалъ, что это божья воля, и угостилъ ихъ водкой и пивомъ. Это обстоятельство замѣчательно: стрѣльцы хорошо не знали лицъ, которыхъ преслѣдовали, и изъ этого можно бы вывести заключеніе, что списокъ обреченныхъ на убійство составленъ не ими самими; но стрѣльцамъ дѣйствительно трудно было узнать въ попыхахъ ихъ враговъ, да вдобавокъ это была новая партія Нарышкиныхъ, которыхъ стрѣльцы не знали до смерти Ѳеодора Ал., и при томъ Нарышкины вернулись только изъ

ссылки; стрѣльцы знали хорошо тѣхъ лицъ, съ которыми приходилось часто сталкиваться. Главный начальникъ стрѣлецкаго приказа Ю. Ал. Долгорукій, имя котораго стояло первымъ въ спискѣ, убитъ былъ 15 мая позже всѣхъ, и выброшенъ на улицу. Въ этотъ страшный день лишили жизни 9 человѣкъ боярскихъ людей у аптекарской лѣстницы. Злоба стрѣльцовъ выразилась насмѣшливымъ образомъ надъ прежней силой убитыхъ людей; они тащили ихъ трупы и кричали: „вотъ бояринъ А. С. Матвѣевъ! вотъ бояринъ Ромадановскій. Вотъ думный ѣдетъ, дайте дорогу!" За тѣмъ бросали у Лобнаго мѣста, разсѣкали на мелкіе куски совсѣмъ съ костями, такъ что не оставалось и слѣда человѣческаго подобія. Толпа стрѣльцовъ бросилась въ судный и холопій приказы, и „письма всякихъ дѣлъ передрали, и *обѣщалися уставити правду, а людямъ боярскимъ волю дать*, чтобъ на нихъ стрѣльцовъ съ боярскихъ дворовъ не встали, препоны имъ въ томъ ихъ зломъ умышленіи не учинили." Настала ночь. Половина стрѣльцовъ осталась въ Кремлѣ; поставили крѣпкій караулъ у городскихъ воротъ: иные по сосѣднимъ домамъ пустились искать оставшихся не убитыми по означенному списку. Особенно ревностно цѣлую ночь они искали доктора Данила Гадена, родомъ еврея, который былъ лютеранской вѣры и перешелъ въ православную; онъ состоялъ медикомъ при царѣ Θеодорѣ и они думали, что лекарь отравилъ его. Сосѣди подвергались большимъ безпокойствамъ отъ этихъ поисковъ, но Гадена нигдѣ не нашли. Дома Данила и его товарища Яна Гутменша находились вблизи одинъ отъ другаго; домъ послѣдняго строго обыскали, но не нашедши Гадена оставили хозяина въ покоѣ. Когда стрѣльцы по полуночи опять пришли, Гутменшъ, думая, что хотятъ его взять, сильно перепугался, залѣзъ на чердакъ и приткнулся; стрѣльцы же отыскали его и увлекли съ собой вмѣсто Данила, и приставали къ нему, чтобы онъ указалъ, гдѣ находится его другъ, а въ противномъ случаѣ грозили подвергнуть его казни. Гутменша и жену Данила, которую также взяли, отдали подъ караулъ стрѣльцамъ, и такъ какъ докторъ Гаденъ не былъ найденъ, то они и должны были лишиться жизни.

Утромъ 16 мая, стрѣльцы опять пришли съ оружіемъ въ Кремль, оставивъ у воротъ стражу. Дерзкіе изъ нихъ насильно врывались въ тайныя комнаты дворца, отыскивали Нарышкина, но нигдѣ не нашли. Послѣ того долженъ былъ пострадать думный дьякъ Аверкій Ст. Кириловъ; считая его виновникомъ тяжелыхъ налоговъ на соль и на съѣстные припасы, стрѣльцы сбросили его съ верху, съ ругательствомъ изрубили и выволокли изъ Кремля. Въ 2 часа дня, привели сына Данилова, стольника Михаила, юношу 22 лѣтъ; они схватили его переодѣтымъ на улицѣ; когда на вопросъ стрѣльцовъ, гдѣ скрывается его отецъ, онъ отозвался невѣдѣніемъ,

то его сбросили съ верху и убили. Взяли Гутменша и закричали: „такъ какъ не найденъ докторъ Гаденъ, то пусть за него отвѣчаетъ товарищъ, потому что онъ помогалъ ему дѣлать лекарство и вмѣстѣ съ нимъ злоумышлялъ на жизнь царя;“ какъ онъ ни оправдывался, его сбросили съ крыльца; точно также они хотѣли поступить и съ женою Данила, но за нее заступилась царица Мароа и спасла отъ смерти. Въ это время раздался крикъ, что одинъ изъ Нарышкиныхъ пойманъ; оказалось, что это былъ красивый юноша, двоюродный братъ царицы, Василій Филимоновъ, котораго тотчасъ умертвили. Такъ пишетъ Розенбушъ. Среди дня были убиты нѣкоторые изъ подъячихъ, и брошены на площадь. Цѣлый день и всю ночь стрѣльцы усердно розыскивали главныхъ измѣнниковъ—Ив. Нарышкина и доктора Данила; не разъ цѣлыми толпами они приходили къ патріарху, грозили ему оружіемъ, чтобы онъ выдалъ скрывшихся у него злыхъ людей, но всѣ тщательные поиски никого не открыли.

Съ особенной яростью стрѣльцы собрались утромъ 17 мая передъ дворцомъ и требовали выдачи Кирила Полуехтовича и Ив. Нарышкиныхъ, да доктора Данила. По усиленной просьбѣ царицы Натальи, мятежники согласились пощадить жизнь отца ея съ условіемъ, чтобы онъ постригся въ монахи и отправился въ Бѣлозерскій монастырь; а три ея младшіе брата (14, 11 и 6 лѣтъ), скрытые царицей, должны были отправиться въ ссылку по одиночкѣ въ отдаленные города. Утромъ же пришло извѣстіе изъ Нѣмецкой слободы, что доктора Данила схватили въ прошлую ночь въ одеждѣ нищаго; онъ двое сутокъ скрывался въ Марьиной рощѣ и былъ задержанъ, когда пробирался въ Нѣмецкую слободу къ своимъ знакомымъ—попросить поѣсть, потому что былъ очень голоденъ. Это произвело большую радость между стрѣльцами, которые цѣлою толпою отправились въ Нѣмецкую слободу, связали его и привели въ Кремль въ томъ же платьѣ, съ сумкой на боку, и въ лаптяхъ; въ такомъ видѣ представили его въ царскіе хоромы. Царевна Софія и обѣ царицы, увидя Гадена, умоляли стрѣльцовъ—не лишать жизни доктора, находя его невиннымъ въ смерти царя, потому что всѣ лекарства онъ отвѣдывалъ прежде самъ, потомъ приглашалъ ихъ попробовать, а послѣ подавалъ покойному. Но это не убѣдило стрѣльцовъ въ невинности Данила и не могло смягчить сердца ихъ. Они закричали: „докторъ волшебникъ, въ его домѣ найдены сушеные раки и змѣи, и своими чарами онъ ухитрился извести царя: потому и долженъ умереть!“ Потомъ начали съ ожесточеніемъ кричать: „Мы знаемъ, что Ив. Кир. Нарышкинъ спрятанъ у васъ; выдайте намъ его, мы будемъ довольны и кончимъ всѣ убійства, оставимъ въ покоѣ даже и тѣхъ лицъ, которыя еще означены въ нашемъ спискѣ. Уйдемъ и отдадимъ ихъ на волю государя, чтобы онъ велѣлъ палачу на-

казать измѣнниковъ. Мы не станемъ касаться болѣе никого и все придетъ въ порядокъ, только Данилъ и Ив. Нарышкинъ, непремѣнно должны пожертвовать жизнью. Мы знаемъ, что Иванъ Кириловичъ скрывается у васъ, выдайте намъ его добромъ, или мы примемся сами искать его сильнѣе, тогда пожалуй кончится и хуже. Мы не лишили жизни стараго Нарышкина и его трехъ младшихъ сыновей, но Ив. Нарышкина требуемъ, чтобы онъ погибъ отъ нашихъ рукъ." „Видѣвше же ихъ народное упорство," Наталья Кириловна принуждена была выдать имъ брата Ивана. Когда она вывела его, то еще разъ вмѣстѣ съ Мароой Матвѣевной, царевной Софіей и патріархомъ слезно просила за брата, котораго доселѣ скрывала. Обѣ царицы и царевны упали на колѣни и просили у стрѣльцовъ ему пощады; а Нарышкину дали держать икону Божіей Матери; но все это не помогло. Одинъ изъ дерзкихъ стрѣльцовъ, вскочилъ въ средину ихъ, схватилъ Ивана за длинные волосы и насильно вырвалъ его изъ рукъ; вмѣстѣ съ нимъ потащили Данила и привели въ застѣнокъ константиновской башни. Нарышкина подвергли страшнымъ пыткамъ; потомъ нагаго повели на Красную площадь, поставивъ его между изрубленными тѣлами, подняли на копьяхъ кверху и отсѣкли голову, руки и ноги; голову воткнули на пику. Данила въ застѣнкѣ пытали крѣпко, били въ три кнута и огнемъ жгли; вслѣдствіе такого мученія, онъ наговорилъ на себя небывалыя преступленія. Тотчасъ вывели его на площадь и убили какъ другихъ, но съ бо̀льшимъ еще ожесточеніемъ: разрубили его на мелкіе куски, а внутренности разбросали по улицѣ. Во время этой рѣзни, стрѣльцы издали приказъ,—кто только окажется виновнымъ въ воровствѣ или въ грабежѣ, тотъ будетъ наказанъ смертью. Смѣльчаковъ нашлось до 40 человѣкъ изъ бѣдныхъ гражданъ и стрѣльцовъ, которыхъ поймали въ ничтожной кражѣ, и тотчасъ лишили ихъ жизни. Въ заключеніе всѣхъ страшныхъ сценъ, стрѣльцы благодарили царя, выражали свое довольство и желали здоровья царицамъ и царевнамъ, кричали, что они готовы сложить свои головы для ихъ защиты [77]).

Когда прирожденные воины бросились бѣжать изъ Москвы, и „мало не всѣ приказныя судилища опустѣша безлюдствомъ," смѣло выступила на сцену дѣйствія царевна Софія Алексѣевна. Уже 16 мая она пыталась образумить стрѣльцовъ и говорила строго, „чтобъ они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ." Датскій резидентъ былъ свидѣтелемъ распоряженій Софіи и Хованскаго во время бунта. Мая 17 Софія начала уже распоряжаться управленіемъ и роздала главныя должности приближеннымъ къ ней лицамъ; 26 мая возведенъ былъ на престолъ Іоаннъ; а 29 Софія провозглашена правительницей [78]).

Условія происшествій сложились такъ запутанно и вызвали 1-й стрѣлецкій бунтъ, который направленъ былъ противъ бояръ, считавшихся измѣнниками государства. Но враги Софіи обвиняютъ ее въ зажигательствѣ волненія и въ преслѣдованіи партіи Нарышкиныхъ; ей и Милославскимъ приписываютъ главное руководство и распорядительность стрѣлецкими движеніями, не подозрѣвая множества противорѣчій въ ходѣ событій. Стрѣльцы убили Г. Г. Ромодановскаго, имя котораго стояло вторымъ въ кровавомъ спискѣ; а между тѣмъ онъ вовсе не былъ приверженцемъ Нарышкиныхъ. Если разобрать обстоятельно дѣло, то ясно окажется, что стрѣльцы по собственнымъ воззрѣніямъ и побужденіямъ взялись за оружіе и особенно преслѣдовали Ив. Нарышкина. Этотъ заносчивый юноша ничуть не казался страшнымъ для Милославскихъ, чтобы такъ упорно хлопотать о его смерти. (*См. выше стр. 55*). Стрѣльцы считали его измѣнникомъ, и среди разгара страстей, трудно было не придти къ мысли, что для успокоенія мятежныхъ стрѣльцовъ и для спасенія другихъ бояръ и царскаго семейства, необходимо выдать всѣхъ Нарышкиныхъ и даже саму Наталью Кириловну выгнать изъ дворца. Не напрасно Яковъ Никит. Одоевскій говорилъ Нарышкину: „Тебѣ, Иванъ, отсюда скорѣе идти надобно, нежели намъ всѣмъ за одного тебя здѣсь порубленнымъ быть“ (*Матвѣевъ 30*). Ив А. Хованскій въ тоже время обращался къ стрѣльцамъ и спрашивалъ ихъ: „Любо ли вамъ, чтобы царица Наталья не оставалась во дворѣ?“ *Любо*, отвѣчали они. Въ убійствѣ Нарышкиныхъ и другихъ лицъ, напрасно хотятъ обвинять царевну Софію и отыскать ея тайное содѣйствіе мятежу: обстоятельства дѣла совершенно устраняютъ эту враждебную ей догадку. Если по интригамъ Софіи былъ составленъ списокъ лицъ, обреченныхъ на жертву, то зачѣмъ попалъ въ него Гаденъ, и почему стрѣльцы не послушали ни Софіи, ни Мареы Матвѣевны, просившихъ за него? Зачѣмъ понадобилось царевнѣ истреблять такихъ ничтожныхъ лицъ, каковы подъячіе и стрѣлецкіе полковники? Чѣмъ объяснить, что стрѣльцы не злились на Софію, если за деньги шли на бунтъ и убійства,—и вдругъ черезъ 3 мѣсяца называемы были ворами и измѣнниками, и наказываемы за тоже? Почему послѣ наказанія, недовольства, стѣсненій, стрѣльцы опять обращались къ Софіи, чтобы она была снова правительницей?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ отъ того несомнѣннаго обстоятельства, что Софія не подговаривала стрѣльцовъ о возведеніи на престолъ Іоанна; дѣло обошлось безъ ея интриги, и безъ ея предварительныхъ обѣщаній наградъ. Стрѣльцы ненавидѣли Нарышкиныхъ за ихъ безпредѣльное честолюбіе и непомѣрное возвышеніе, какъ людей, вылѣзшихъ изъ грязи, которые вдругъ стали повелителями народа; Матвѣева

не терпѣли они за покровительство взяточникамъ и иноземцамъ, за презрѣніе къ старинѣ народной. Слѣдовательно, Софія ничѣмъ не была обязана стрѣльцамъ, которые сами ранѣе склонялись на сторону Милославскихъ, дѣйствовавшихъ болѣе благоразумно и осмотрительно. Челобитная, въ которой стрѣльцы объясняютъ причины умерщвленія разныхъ лицъ, носитъ на себѣ печать правды. Охраняя силу государства, они по своимъ убѣжденіямъ сдѣлали доброе дѣло, и *побитья* свои считали „за домъ Пречистыя Богародицы и за царское пресвѣтлое величество и за неистовство къ в. государямъ и къ стрѣльцамъ, отъ великихъ налогъ и обидъ, и отъ неправды.“ Они объясняли дѣло такъ: 1) *Долгорукихъ* убили „за многія ихъ неправды и за похвальныя слова; безъ указу в. государей, они многихъ нашу братью безвинно бивъ кнутомъ и посылали въ ссылку въ дальные городы.“ *(Эти слова подтверждаютъ показаніе Медвѣдева, что сослали стрѣльцовъ, которые жаловались на Пыжова)*. Ю. Долгоруковъ стрѣльцамъ учинилъ изъ казны „денежную и хлѣбную недодачю, все въ переводъ.“ 2) *Ларіона Иванова* убили, „что онъ приличенъ былъ Долгоруковымъ, хотѣлъ обвѣсить стрѣльцами безвинно, весь земляной городъ вмѣсто зубцовъ убѣлаго города, да у него же взяты гадины змѣинымъ подобіемъ.“ 3) *Гр. Ромодановскаго* убили „за измѣну и нерадѣніе, что онъ Чигиринъ турскимъ и крымскимъ людямъ отдалъ съ казной и служилыми людьми, ссылался съ ними — людьми и письмами.“ 4) *Ивана Языкова* „убили за то, что онъ, стакався съ прежними нашими полковники, налоги намъ великіе чинилъ, и взятки великіяималъ, и прежнимъ полковникамъ на нашу братью наговаривалъ, чтобы они полковники нашу братью били кнутомъ и батоги до смерти.“ *(Опять подтверждается сказаніе Медвѣдева о жалобахъ стрѣльцовъ, которыхъ били за правду, по милости Языкова)*. 5) *Матвѣева, Дохтурова, Ив. Гутъ* меньшаго и сына его *Данилова* побили, что они злое отравное зелье состовляли, и Данилъ въ томъ съ пытки винился. 6) *Ивана и Аѳанасія Нарышкиныхъ* убили потому, что они „примѣняли къ себѣ порфиру и мыслили всякое зло на царя Іоанна, а прежде мыслили всякое зло на царя Ѳеодора, и за такое ихъ злое умышленіе были сосланы въ ссылки.“ 7) *Андрея Дохтурова и Гр. Горюшкина* за то побили, что они „будучи на государскихъ службахъ, ругаяся, нашу братью били кнутомъ и батоги безъ государскаго указу до смерти.“ 8) Думнаго дьяка *Вас. Ларивонова* убили, что онъ зналъ про гадины отравныя на государское величество, въ народъ не объявлялъ. 9) Думнаго дьяка *Аверкія Кирилова* убили, что онъ „со всякихъ чиновъ людей великія взятки ималъ, и налогу всякую и неправду чинилъ.“ 10) Боярина *П. М. Салтыкова* и сына его *Ѳедора Петровича*, „умысля воровски, они Юрья Долгоруково съ товарыщи подмѣнили, вмѣсто Ив. На-

рышкина, хотя его отъ зломышленныхъ дѣлъ и отъ смерти свободить, велѣли его Өедора съ крыльца бросить.“ И мы просимъ, „чтобы за наши многія службишки и за вѣрность пожаловали, указали на Красной площади учинить столбъ и тѣхъ побитыхъ злодѣевъ и *мятелевъ*, кто за что побиты, на томъ столбѣ имяны подписать, чтобъ впредъ иные, помня крестное цѣлованіе, чинили правду.“ (*А. Эксп. IV*, *№ 255*, *с. 358—359. Чвлобитная 6 іюня 1682 г.)*

Стрѣльцы, конечно, не могли быть до такой крайней степени безсовѣстными, чтобы постыдно обвинять людей ни за что, ни про что. Разумѣется, они вѣрили волшебству, и въ ихъ глазахъ оно служило сильнымъ доказательствомъ враждебнаго, злаго настроенія человѣка, когда само правительство вѣрило въ силу чародѣйства, судило за него Матвѣева, Голицына и Безобразова, и пытало множество колдуновъ. Современники подтверждаютъ истину показаній стрѣльцовъ. Ужасъ впечатлѣнія стрѣлецкаго бунта Медвѣдевъ выражаетъ такъ: „Како же пойду памятію въ созрѣніе онаго дня, бывшаго тогда страшнаго и полнаго ужаса! Кого призову въ день той зрѣти оныя бѣды?“ Потомъ далѣе, обращаясь къ неправдамъ современниковъ, которые навели этотъ страхъ своими злыми дѣлами, говоритъ: „Кто въ злодѣяніи въ своемъ лежа, противися правдѣ законной и христіанскому жительству, что творя противно, и уцѣломудрится, преставъ отъ зла, восхощетъ благому подражати житію? *Пріиди и виждь разумно*, *кто убивается*, *и отъ кого и за что?*“ Слѣдовательно, Медвѣдевъ считаетъ стрѣльцовъ до нѣкоторой степени правыми, что они преслѣдовали людей, заслужившихъ достойную казнь за свои беззаконія. „Тѣмъ же услышите сія вси языцы, внушите вси живущіи по вселенной. Елицы же нынѣ есте, и елицы будете, присмотритеся измѣненію отъ Вышняго десницы, и отмѣнности въ людяхъ, и колу житія сего непостояннаго, кое нынѣ въ высоту возвышается и паки тоежъ внизъ съ горы опущается страшнымъ и ужаснымъ опущеніемъ.“ *(У Сахарова 10).* Кромѣ общей морали, въ этихъ словахъ слышится умный совѣтъ русскимъ царедворцамъ, дѣлать все по правдѣ и не подвергаться измѣненію колеса счастія.

Что же нужно было стрѣльцамъ, когда они рѣшились взяться за оружіе? Личныхъ расчетовъ на выгоды нельзя допустить, потому что они заклялись напередъ — не касаться ничьего имущества. Честное поведеніе стрѣльцовъ засвидѣтельствовано Медвѣдевымъ, Розенбушемъ и офиціальной запиской; они заранѣе рѣшили не грабить ничьихъ пожитковъ въ домахъ побитыхъ лицъ, а преступниковъ этого правила, хватали и казнили за кражу вещей на самую ничтожную сумму [79]). Слѣдовательно, стрѣльцы имѣли въ виду не интересъ поживы, а цѣль болѣе

высокую: они двинулись съ оружіемъ въ рукахъ выводить измѣнниковъ народа, враговъ государства; заклявшись не касаться имущества другихъ подъ страхомъ смерти, — они хотѣли показать свою честность, сравнительно съ недобросовѣстными начальниками, которые присвояли ихъ достойныя награды за службу, пользовались незаконной своей властью, отнимали плоды ихъ трудовъ и работъ. Дѣло этимъ не ограничивалось и замыслы ихъ разрослись шире: они хотѣли освободить изъ-подъ власти боярской рабовъ и холоповъ, зная по опыту ихъ судьбу, потому что многіе изъ стрѣльцовъ сами прежде были крѣпостными. Права, за которыя они стояли, и недостатки общества и государства, которые онѣ преслѣдовали — очень ясны. Слуги, защищавшіе своихъ господъ во время бунта, возбуждали сильную ненависть стрѣльцовъ и погибали отъ ихъ рукъ вмѣстѣ съ своими повелителями; они уничтожили крѣпостные акты и хотѣли отпустить холоповъ на свободу, „*обѣщалися уставити правду*, и *людямъ боярскимъ волю дать*“ [80]). Но этотъ порывъ горячности скоро прошелъ при спокойномъ разсужденіи: стрѣльцы увидѣли, какой громадный шагъ они сдѣлали, и исполнить имъ будетъ задуманный переворотъ не подъ силу. Они поставили себя въ прямое противорѣчіе, потому что, поддерживая силу государства, которое прикрѣпило крестьянъ, нарушали его права. Извѣстно, какъ многіе воспользовались смутой и принудили бояръ дать имъ отпускныя, какъ холопы показывали мѣста скрывшихся господъ своихъ; они рады были благопріятному обстоятельству и нисколько не противодѣйствовали злобѣ стрѣльцовъ, а старались помогать имъ сначала [81]).

Стрѣлецкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиной, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича: тогда тоже провозглашена была свобода боярскимъ людямъ, но отъ слова до дѣла было очень далеко. Крѣпостное право вытекало прямо изъ развитія силы московскаго государства, а чтобы сломить ея учрежденія нужно было побороть и уничтожить эту силу. Стрѣльцы скоро однако одумались: если Разинъ, за котораго стояла половина земства, не могъ осилить этой могучей власти, то стрѣльцамъ и подавно нельзя разсчитывать на коренное измѣненіе системы московскихъ учрежденій. И вотъ, когда холопы стали собираться для разсужденій о своихъ интересахъ, и 26 мая подали царю челобитную о свободѣ, стрѣльцы поставлены были въ ложное положеніе: поддерживая царей, они не могли уже *уставити правду*, по своему обѣщанію, для крѣпостныхъ людей. Правительство распорядилось, чтобы стрѣльцы ловили обманщиковъ-холоповъ, и они повиновались безпрекословно. Чувствуя за собой вину, стрѣльцы опасались нападенія крѣпостныхъ людей, ненависть ко-

торыхъ они сильно къ себѣ возбудили, и дѣйствительно холопы озлились, что они дѣла не довели до конца. И потомъ стрѣльцы оправдывались передъ правительствомъ, что у нихъ нѣтъ общихъ стремленій съ боярскими людьми. „А что нынѣ бояръ, и окольничихъ, и думныхъ людей и всего государства домовъ боярскіе люди къ нимъ пріобщаются въ совѣтъ, чтобы имъ быть изъ домовъ свободнымъ, а у нихъ съ ними съ боярскими людьми, ни съ кѣмъ пріобщенія никакого и думы нѣтъ“ (*Медвѣдевъ 35*). Стрѣльцы не думали сопротивляться господствующему порядку дѣлъ и правителямъ государства, и только хотѣли выставить наружу злоупотребленія властью и наказать за нихъ, хотѣли укрѣпить силу царей и доказать имъ свою службу, сдѣлаться ихъ надежной опорой. Послѣ бунта удача возгордила ихъ; они не придавали значенія высшимъ начальникамъ, пили и бражничали сильнѣе прежняго и навели страхъ на всю Москву. При такой сильной распущенности, трудно было сладить со стрѣльцами. Нужно отдать честь Софіи, что она, по своему характеру и дѣльному взгляду, умѣла ловко и крѣпко взять дѣло правленія, когда было „ослабленіе рукъ у всѣхъ людей.“ Царевнѣ приходилось поправлять ошибки Нарышкиныхъ, и она исправила ихъ блистательно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма хитро: сначала, когда разнуздались стрѣльцы по милости Нарышкиныхъ, и пріобрѣли силу — волю, нельзя было ихъ сразу забрать въ руки. И вотъ Софія снисходитъ на всѣ ихъ просьбы, старается замазать старыя проточины и успокоить бунтующихъ. Но потомъ ловко извернулась и забрала ихъ въ руки: при помощи Шакловитаго поставила ихъ въ струну и разослала изъ Москвы, по крайней мѣрѣ, третью долю стрѣльцовъ, особенно безпокойныхъ. Для враговъ Софіи достаточно было того, что она, для успокоенія мятежа, на каждаго стрѣльца и Бутырскаго солдата пожаловала по 10 руб. на человѣка, когда увидѣла, что ея ежедневныя убѣжденія и увѣщанія, „мудрыя и благоувѣтливыя словесы,“ остаются тщетными. Хованскаго примѣшать къ бунту, какъ главнаго сторонника Софіи и зажигателя, тоже было легко, потому что онъ потакалъ стрѣльцамъ, и по его милости, они стали взыскивать стараго не доданнаго имъ жалованья многое множество [83]). Софія исполняла всѣ требованія стрѣльцовъ, раздавала награды и угощала ихъ во дворцѣ, надѣясь прекратить дальнѣйшія смуты и загладить грѣхи прежнихъ начальниковъ, какъ женщина, довольная пособіемъ стрѣльцовъ въ избраніи на царство Іоанна. На этомъ создали цѣлую стройную систему коварныхъ дѣйствій царевны, и обвинили ее въ предварительныхъ сношеніяхъ со стрѣльцами, чрезъ которыхъ она достигала преступныхъ цѣлей. *(См. Зап. Тум. VI, 117—119).*

Злоба Натальи Кириловны закипѣла, когда вдругъ правительницей явилась Софія. „А, такъ вотъ кто былъ причиной, что Матвѣева, моихъ

братьевъ, родственниковъ, однихъ перерѣзали, другихъ разослали въ ссылку, а отца насильно постригли. Это дѣло Милославскихъ, которые кипятили бунтъ.“ И вся партія Нарышкиныхъ вполнѣ вѣрила, что мятежъ созрѣлъ по проискамъ Софіи. Объясненіе кровавой расправы самое простое и удобное для современниковъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Имъ трудно было удержаться въ границахъ умѣренности, когда послѣ казней власть ускользнула изъ рукъ, а лица ихъ враждебнаго лагеря стали распоряжаться государствомъ. Злоба и вражда возбудили сплетни и породили клеветы; Милославскіе, въ глазахъ противниковъ, представились страшными злодѣями — истребителями рода Нарышкиныхъ и похитителями законной власти Петра. Историки повѣрили этимъ мнѣніямъ. Разсуждая о частныхъ дѣйствующихъ лицахъ въ стрѣлецкихъ возмущеніяхъ и постороннихъ побужденіяхъ къ волненію, они забываютъ объ общемъ настроеніи мысли дѣйствующихъ лицъ и о ихъ взаимныхъ интересахъ, которые толкаютъ ихъ къ движенію, и однообразныхъ стремленіяхъ и уровнѣ понятій. Такими лицами нельзя шутить и располагать по произволу, какъ вздумается, въ пользу интересовъ постороннихъ честолюбцевъ. Царевна Софія и всѣ дальновидные политики никакъ не могли предполагать, чтобы разгорѣлся такъ страшно бунтъ отъ стрѣльцовъ, потому что прежде они сами усмиряли волненія. Слишкомъ много нужно легкомыслія, чтобы быть увѣреннымъ достигнуть цѣли чрезъ толпу людей, у которыхъ были своеобразныя цѣли и стремленія, свой взглядъ на вещи, а знать все это тонко и основательно, чтобы воспользоваться, едвали могла Софія, не смотря на ту проницательность, которую ей приписываютъ. Враги Софіи перетолковали въ худую сторону каждое ея слово и дѣйствіе, которыя будто бы двигали стрѣльцами; но откуда въ нихъ вдругъ явились такая широкая надежда и своекорыстный расчетъ на царевну, которая имъ была вовсе неизвѣстна и ничѣмъ себя ранѣе не заявила въ жизни теремной. Тупы же были стрѣльцы, если въ своихъ кровавыхъ расправахъ слушались каждаго женскаго слова, всякихъ внушеній со стороны другихъ лицъ, а вѣдь ихъ было въ Москвѣ болѣе 14,000 человѣкъ [81]). Стрѣльцовъ обыкновенно представляютъ необузданными когортами, янычарами, преторіанцами и пьяными дикарями; но въ 1-мъ бунтѣ мы не видимъ ничего подобнаго. Сначала они вынуждены были къ недовольству и волненіямъ притѣсненіями своихъ полковниковъ и злоупотребленіями начальныхъ людей, громадными претензіями Нарышкиныхъ, забравшихъ власть при 10-ти лѣтнемъ царѣ. Враждебныя партіи ничего не обѣщали добраго, и вотъ стрѣльцы хотѣли уставить нарядъ въ государствѣ, и достигли его, хотя не щадили враговъ своихъ. Можетъ быть, зачатки семибоярщины и бироновщины не могли возрости и заглохли съ этимъ

мятежомъ. Но какъ бы то ни было, а бунтъ состоялся вовсе не по интригамъ и искательству Софіи. Во время волненій, стрѣльцы познакомились съ энергіей, умными рѣчами и дѣльными распоряженіями царевны и желали, чтобы она была правительницей, а не Наталья Кириловна изъ ненавистной фамиліи Нарышкиныхъ. Софія не думала заранѣе обезпечить себя, хотя и могла, царскимъ вѣнцомъ; это для проницательной и умной женщины непростительно и опрометчиво, если она такъ жадно добивалась власти. Но она ранѣе не думала и не заботилась объ этомъ, потому что не имѣла опредѣленныхъ замысловъ и рада была, что возвели на тронъ Іоанна. Поощренные царевной, стрѣльцы не струсили бы во время мятежа Хованскаго и едва ли позволили бы казнить и ссылать многихъ изъ своихъ товарищей за бунтъ. Разобиженные строгими мѣрами, они сразу бы вывели коварные замыслы на свѣжую воду — и не миновать бы ей участи Кирила Полуехтовича, значительно ранѣе той поры, когда партія Петра приготовила ей конецъ жизни въ стѣнахъ монастырскихъ. Трудно было бы правительству Софіи справиться со стрѣльцами, если бы они дѣйствительно начали мятежъ по ея вліянію и наученью ея клевретовъ. Невозможно бы ей тогда говорить о стрѣльцахъ въ сентябрѣ, какъ о ворахъ и измѣнникахъ, и грозить имъ силами Россіи.

Единственной уликой, падающей на царевну, остается подсылка ею въ слободы стрѣлецкія своей постельницы, козачки Ѳеодоры Родимицы. Говорятъ, эта вѣрная женщина раздавала стрѣльцамъ деньги и обѣщала льготы отъ имени Софіи, уговаривала возвести на престолъ Іоанна, въ чемъ скоро и успѣла. Но здѣсь является сильное противорѣчіе: стрѣльцы дѣйствовали именами обоихъ царей во все время бунта, слѣдовательно Іоанна считали уже царемъ значительно ранѣе подсылки и помимо всякихъ тайныхъ подговоровъ: о словахъ Родимицы стрѣльцы докладывали царевнамъ 25 мая, когда уже формально нареченъ былъ на царство Іоаннъ (23 мая). Подсылала ли дѣйствительно Ѳеодору царевна, или она сама высказывала стрѣльцамъ, что царевичъ Іоаннъ болѣзнуетъ о царствѣ — это еще одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые не найдемъ положительнаго отвѣта, если заподозримъ въ преувеличеніи свидѣтельства гр. Матвѣева [85]). Допустимъ, что и въ самомъ дѣлѣ, по вліянію царевны ходила постельница къ стрѣльцамъ, но это еще далеко не доказываетъ, будто мятежниками руководили Софія и Милославскій. Другое дѣло воспользоваться случаемъ для достиженія цѣли, а совсѣмъ иное — дѣйствовать злодѣйскимъ способомъ, устранять отъ трона ненавистныхъ лицъ, подъ личиной доброжелательства, приводить въ бѣшенство толпу и хладнокровно руководить ее отъ убійства къ убійству. Нѣтъ сомнѣнія, что Софія желала возведенія на престолъ Іоанна и была весьма довольна, когда это

совершилось; но двигать по произволу стрѣльцами была не въ состояніи. Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ, что стрѣльцы дѣйствовали не по внушенію Софіи, служитъ то, что они въ самую критическую минуту ее бросили, а впослѣдствіи опять вспомнили объ ней, когда царь не оправдалъ ихъ ожиданій, и иноземцы болѣе и болѣе брали перевѣсъ надъ русскими.

Своимъ бунтомъ стрѣльцы сразу поставили себя въ исключительное положеніе, впали въ противорѣчіе и очутились между земствомъ и государствомъ, между крѣпостными людьми и боярами. Они нигдѣ не могли найти себѣ опоры, потому что государство считало ихъ дѣйствія воровскими; отъ боярскихъ людей они сами отказались и вооружили противъ себя дворянство, которое всегда было слугою правительства. При хладнокровномъ обсужденіи прошлаго, они поняли свое щекотливое положеніе — и боязнь овладѣла ими: они ожидали мести со стороны бояръ и служилыхъ людей. Къ тому же носились зловѣщіе слухи, будто бояре уже собираются и совѣтуются между собою рубить стрѣльцовъ; чтобы предупредить ихъ нападеніе, они идутъ къ царямъ и просятъ выдачи всѣхъ бояръ, потому что они хотятъ перевести всѣхъ стрѣльцовъ и замучить ихъ разными смертями. Слухи оказались ложными и пущены были по Москвѣ лицами изъ разныхъ разсчетовъ [80]). Подговоры на смуту показываютъ, до какой степени нужно быть осторожнымъ и не легко вѣрить показаніямъ частныхъ лицъ во время смятенія. Но Московскіе бояре еще не страшны казались стрѣльцамъ и съ ними можно поправиться, грозна какъ туча земская сила Россіи, которая можетъ двинуться въ Москву, признавъ дѣйствія стрѣльцовъ воровскими и мятежными. Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу С. М. Соловьевъ: „Стрѣльцы надѣлали неистовствъ, напавши въ расплохъ во дворецъ, воспользовавшись робостію придворныхъ служилыхъ людей, овладѣли Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженныхъ; но Москва не Россія, не вся земля, и что̀, если вся земля объявитъ себя противъ стрѣльцовъ, что̀, если многочисленные полки служилыхъ людей—помѣщиковъ соберутся подъ Москву очищать ее отъ стрѣльцовъ, какъ нѣкогда очистили отъ поляковъ? Мирное народонаселеніе Москвы трусило стрѣльцовъ, а стрѣльцы сами страшно трусили, трусили Россіи и обратились къ сочиненному ими и потому благосклонному къ нимъ правительству, съ просьбою защитить ихъ отъ Россіи, оправдать ихъ въ ея глазахъ, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сдѣлали хорошее дѣло.“ (*Ист. Россіи XIII; стр. 354 — 355*). Слѣдовательно, нужно навязать правительству свой взглядъ на недавнее событіе, разъяснить причины, побужденія и цѣли мятежа, какъ они стремились возстановить порядокъ, ограничить власть

бояръ и унять начальниковъ отъ грабежа и злыхъ дѣлъ. И вотъ стрѣльцы обращаются къ царямъ съ челобитьемъ, чтобы они оправдали ихъ передъ взоромъ всей Россіи, дали жалованную грамоту и поставили памятникъ въ доказательство ихъ праваго дѣла и заслуги. Въ Китаѣ городѣ на Красной площади просятъ они — поставить столбъ и подписать вины убитыхъ, „чтобы никто никакими поносными словами, и бунтовщиками и измѣнниками насъ не называлибъ, а кто назоветъ, про то розыскавъ вправду, и указъ учинить безъ всякія пощады, и безъ именнаго указу и безъ подлиннаго розыска насъ холопей и всякихъ чиновъ людей, никого бы въ ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутомъ и батоги не били и не казнили, потому что мы служимъ искони вѣка в. государемъ со всякою вѣрностію и безъ всякой измѣны . . . И грабительства нашего и никакаго злаго умышленія на вашъ государской домъ, и на синглитъ, и на всѣ чины московскаго государства,—думы нѣтъ и не бывало; (а что кто нынѣ всякаго не служилаго чину грабительство чинилъ, и такимъ было потому же наказанье); а и впредь обѣщаемся служить и радѣть в. государемъ со всякою вѣрностію.“ *(А. Эксп. IV, № 255 стр. 360)*. Правительство Софіи, вынужденное обстоятельствами, позволило стрѣльцамъ поставить столбъ и на немъ написать на желѣзныхъ листахъ, кто изъ бояръ за какое преступленіе убитъ былъ; дало имъ печатную грамоту, чтобы ихъ никто не смѣлъ называть ворами и бунтовщиками. Такимъ образомъ, мятежъ представленъ былъ по формѣ дѣломъ добрымъ, вѣрной службой царямъ. Все это въ глазахъ приверженцевъ Нарышкиныхъ еще сильнѣе унизило Софію; они называли столбъ сооруженнымъ „по вавилонскому примѣру,“ а вины убитыхъ—„фальшивыми лжесвидѣтельствами“ и горько сѣтовали, что имена ихъ близкихъ выставлены на всенародное поруганіе (*Матвѣевъ 34—35*). Совершивъ эту офиціальную очистку совѣсти, „стрѣльцы всюду къ государямъ приступали смѣло и дерзостно, будто великіе люди съ палатными совѣтниками мѣшалися, и ставили всѣхъ чиновъ ни вочто.“ (*Медвѣдевъ 41*). Правительство, повидимому, стояло на сторонѣ стрѣльцовъ, рѣшилось идти совершенно по пути представителей земства, и можно было ожидать поворота въ направленіи администраціи самостоятельнаго, независимаго отъ преданій московскаго государства. Но это колебаніе было внѣшнее, вынужденное обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что стрѣльцы, взявъ на себя дѣло народа безъ его позволенія и спроса, заявивъ силу, когда онъ уже отличался покорностью внѣшней власти, очутились сами безпомощными. Земство не зашевелилось на ихъ призывъ и полумѣры ихъ не привели ни къ чему, а только доставили личныя выгоды стрѣльцамъ. Вступивъ разъ въ заколдованный кругъ и держась принятаго исключительнаго направленія, стрѣльцы не пристали

никуда и неминуемо привели себя на край погибели. Напрасно нѣкоторые писатели хотятъ обвинить Софію къ распущенности стрѣльцовъ, въ опрометчивомъ позволеніи воздвигнуть имъ столпъ, въ пожалованіи грамоты за бунтъ, какъ за заслугу. Всѣ эти мѣры будто содѣйствовали развитію дерзости, которая обнаружилась въ 1697 г.; безъ этого „впослѣдствіи не было бы надобности лишать жизни 6000 стрѣльцовъ и употреблять противъ нихъ невѣроятныя жестокости.“ (*Ист. Царст. Ѳеодора, Берха 31—32*). Въ льготахъ, данныхъ стрѣльцамъ во время разгара ихъ грозныхъ требованій, когда „не многіе дни были безъ стрѣльбы, а во всѣхъ слободахъ стрѣляли изъ ружья,“—строго осуждать распоряженія Софіи весьма трудно и едвали бы энергическія мѣры могли привести къ желанной цѣли. Стрѣльцы были вооруженной силой и обнаружили слишкомъ много буйной дерзости, чтобы власть могла скоро сладить съ ними; а съ другой стороны, у самаго правительства не было надежной поддержки въ отдѣльныхъ классахъ общества – ни въ дворянствѣ, ни въ московскихъ многочисленныхъ холопахъ, ни въ раскольникахъ. Напротивъ, оно само нуждалось пока въ силѣ стрѣльцовъ для усмиренія движенія послѣднихъ. Когда же оно ушло изъ Москвы и почувствовало подъ собой крѣпкую опору въ земскихъ и служилыхъ силахъ, тогда заговорило другимъ языкомъ съ стрѣльцами и доказало, что давнишнія преданія Москвы оно и не думало измѣнять; если дѣлало уступки мятежнымъ стрѣльцамъ, то единственно съ цѣлью ихъ усмиренія и возстановленія порядка. Оказалось совершенно неожиданное явленіе: Софія, награждая льготами и лаская стрѣльцовъ, когда было нужно въ іюнѣ, уже успѣла уничтожить ихъ привилегіи въ сентябрѣ; она прямо назвала измѣной государству, воровствомъ и мятежемъ то, что стрѣльцы, по своему воззрѣнію, считали торжественно заслугой и прекраснымъ дѣломъ. Что же касается до уничтоженія войска стрѣлецкаго, то оно должно было произойти неминуемо, какъ остатокъ энергической силы земства,—и правленіе Софіи до нѣкоторой степени содѣйствовало этому, вовсе не своими поощреніями или удовлетвореніемъ желаній стрѣльцовъ, а мѣрами тонкой политики и подчасъ сильными средствами [87]). Но послѣдній роковой ударъ, который жестоко стеръ съ лица земли стрѣлецкое войско, нанесло окончательное развитіе власти московскаго государства при Петрѣ В., для котораго не нужна была ни одна отрасль земской силы.

II.

Усмиреніе соловецкаго возстанія силою оружія и казнь упорныхъ и главныхъ защитниковъ почитаемой обители, доставили временное торжество высшему правитетьству и духовенству; а вопросъ о расколѣ далеко не былъ рѣшенъ. Мало этого: послѣ проигрыша дѣла ревнителями старины на Бѣломъ морѣ явились цѣлыя тысячи новыхъ ихъ послѣдователей на сѣверѣ и во внутреннихъ областяхъ Россіи. Взятіе войсками Соловецкаго монастыря произвело разрывъ съ государствомъ старовѣровъ; духовную и свѣтскую власти они стали считать противузаконными, на томъ основаніи, что пользуются въ свободѣ совѣсти католическими преданіями: вмѣсто меча духовнаго, берутся за оружіе желѣзное; дѣло религіи отдаютъ во власть государственную, или сами прибѣгаютъ къ матеріальнымъ средствамъ для убѣжденія и къ казнямъ градскимъ. Ратуя противъ строгихъ преслѣдованій своихъ собратій за свободу совѣсти, раскольники стали вооружаться противъ властей духовныхъ и свѣтскихъ и дошли до открытыхъ возмущеній. Какъ стрѣлецкіе смуты служили продолженіемъ бунта Разина, хотя одностороннимъ и частнымъ, такъ и мятежъ раскольниковъ дополняетъ и продолжаетъ собою соловецкое возмущеніе. Связь между ними самая тѣсная: въ бунтѣ Разина участниками были раскольники, а бунтъ соловецкій подогрѣвали бѣжавшіе изъ шайки знаменитаго мятежника; точно также въ движеніи раскольниковъ принимали большое участіе стрѣльцы. Причины, возбудившія всѣ эти смуты, одинаковы [88]). Въ тѣхъ и другихъ сказались одни идеи, отличіе заключается въ разныхъ сферахъ, къ которымъ принадлежатъ эти идеи: стрѣльцы дѣйствовали въ области свѣтской администраціи, а раскольники касались порядковъ церковныхъ.

Московская государственная власть, въ своемъ постепенномъ развитіи, сначала касалась высшихъ сферъ—правителей областныхъ и князей, высшаго духовенства и монастырей. Потомъ мало по малу стала въѣдаться во всѣ отрасли жизни и всасывалась въ низшіе слои народа: по данному толчку, по силѣ господствующаго начала, каждый властитель, духовный и свѣтскій, становился служителемъ централизиціи, дѣйствовалъ въ ея духѣ и самъ представлялъ изъ себя въ миніатюрѣ силу, подобную по характеру московскому царю, и распространялъ ее на своихъ ближайшихъ подчиненныхъ низшаго разряда. Такимъ образомъ, въ XVII в. централизація коснулась и низшихъ слоевъ народа, низшаго духовенства: помѣщикъ и староста поповскій, подъячій и чиновный бояринъ были уже властями съ голосомъ, а подчиненные должны были повиноваться молча. Всѣ старинныя права земства, права выборнаго духовенства уничтожа-

лись представителями высшей власти. Борьба была неминуема и борьба на жизнь и смерть; но сила оставалась на сторонѣ власти, слѣдовательно результатомъ борьбы должно быть окончательное закрѣпощеніе и лишеніе правъ низшихъ классовъ народа.

Духовная власть строилась на образецъ свѣтскій, особенно со времени патріарха Филарета Никитича; Никонъ, имѣя такого предшественника, который былъ отцемъ царя и имѣлъ придворный штатъ и царскіе почести, думалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Повертывая все круто, по свойству своего характера, онъ и въ сферѣ религіозной вздумалъ дѣйствовать деспотически, силою своего авторитета; священниковъ позволялъ себѣ наказывать плетьми, хотѣлъ имѣть главный голосъ и въ дѣлахъ государственныхъ,—и вообще напоминалъ дѣйствіями своими характеръ папской власти. На религіозное образованіе народа въ то время не обращали вниманія и презирали всѣ его искреннія желанія—разъяснять недоразумѣнія въ духовной жизни. Послѣ казни соловецкихъ мятежниковъ, раскольники сильно ожесточились на высшее духовенство и власть свѣтскую; нѣкоторыя секты отвергли молитву за царя. Взятіе обители они объясняли по своему: когда царь Алексѣй Мих. разболѣлся, явились ему чудотворцы соловецкіе и просили *ослабить* обитель; онъ сказалъ объ этомъ патріарху.

Патріархъ же всероссійскій Іоакимъ
Крѣпчайшій явися ко прошеніямъ симъ.
Не толико пекійся о царстѣмъ здравіи,
Елико о соловецкія киновіи взятіи,
Не тако о немощи монарха боляше,
Яко киновъ разорей хотяше.
Увѣща онаго милости небрещи,
Желая чудотворцевъ поты испроврещи.

Когда увеличились скорби и недуги царя, онъ опять послалъ къ патріарху, умолялъ о прощеніи обители соловецкой и заявилъ жить по отеческимъ законамъ.

Патріархъ ожесточися паче камене,
Не смотряше царевы болѣзни пламене.
Увѣри царя милость къ отцемъ отложити,
Хотя мѣсто святое кровію облити.
Царь елико патріарху покоряшеся:
Толико лютѣйше болѣзнь умножашеся.
И толико болѣзни зѣльное терпяше;
Едва, едва и отдыхати можаше.

Видя тогда государь своего пастыря,
Недавающа цѣлителнаго пластыря,
Но здравію его содѣвающа спону;
Отъ нея же утлачается путь къ смертному гробу.
(Раск. дѣла. Есип. II, 34).

Признавая тиранами архіереевъ, раскольники жаловались царямъ, что новые учители вѣры слишкомъ низко смотрятъ на народъ и не удостоиваютъ его простыхъ задушевныхъ разговоровъ, а относятся ко всему свысока: „А нынѣшніе, наконецъ послѣдняго вѣка, новыя вѣры проповѣдницы зѣло горды и не милосердны и отнюдь нетерпѣливы; аще и едино слово явится имъ о вѣрѣ неугодно, и за то мучатъ и смерти предати хотятъ.“ *(Ист. Петра В. Устрялова, I, стр. 285—6).*

Въ царствованіе Алексѣя Мих., Россія сдѣлалась притономъ иностранцевъ, которыхъ стали предпочитать русскимъ; при царѣ Ѳеодорѣ и въ правленіе Софіи, эти приливы усилились и льготы имъ увеличивались. Раскольники особенно не терпѣли иноземцевъ и смотрѣли на нихъ подозрительно: они ненавидѣли тѣхъ учителей, которые прибывали изъ юго-западной Россіи, напитанные идеями польской учености; они не любили также и греческаго духовенства, которому совѣтывали пріѣзжать въ Россію не за соболями сибирскими, а за тѣмъ, чтобы поучиться истинной вѣрѣ. Старовѣры не сомнѣвались, что „ни въ коемъ государствѣ уже православныя вѣры не обрѣтается.“ Въ своей челобитной они прямо указываютъ на недостатокъ русскаго духовенства, на слѣды вліянія западной церкви: „новой вѣры учители, бывшій патріархъ Никонъ, да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ, православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ латино-римскаго новаго и самосмышленаго преданія и не знаменующихся въ три перста, по ихъ суемудренному мудрованію, проклятію предаютъ.“ Архіереи благословляютъ народъ обѣими руками по римски, троеніе *аллилуіа* есть ересь латинская; истинный крестъ оставили и возлюбили крыжъ латинской. „Да въ московскомъ государствѣ новые учители греческими книгами православную нашу христіанскую вѣру истребили до толика, яко и слѣдъ православія не обрѣтается и учатъ насъ новой вѣрѣ, яко Мордву и Черемису, аки отнюдь не вѣдающихъ Бога, истинныя православныя вѣры.“ *(Ист. Петра В. Устрялова, I, примѣч. 60).* Если мы припомнимъ борьбу южно-русскихъ ученыхъ съ великорусскими за понятія и обычаи католицизма, то не станемъ обвинять раскольниковъ въ ихъ невѣжествѣ. Когда являлся наплывъ людей съ езуитскими цѣлями и идеями, тогда и русскіе увлекались ими какъ модными; С. Медвѣдевъ ясно держалъ сторону католическихъ обычаевъ и защищалъ ихъ въ своей книгѣ: „Манна хлѣба животнаго.“ Бездушная схоластика южно-русскихъ

ученыхъ только способна была убивать религіозное чувство, хотя имѣла значеніе въ образованіи высшихъ классовъ народа.

Боярамъ, которыхъ такъ много выѣхало изъ Литвы и Польши, нравились польскіе обычаи и порядки, вводимые при Алексѣѣ Мих. и Өеодорѣ Ал. Но на эту легкомысленную мѣну обычаевъ и нравовъ съ грустью смотрѣли коренные русскіе изъ низшихъ классовъ народа: они помнили смуту самозванцевъ, и польскую поддержку ихъ, и интриги дворянъ противъ земскихъ людей, помнили долговременныя притязанія поляковъ и бояръ при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ и потому не могли быть равнодушны къ иноземному вліянію и особенно къ польскому. Политическое чутье народа нельзя называть невѣжествомъ, когда дѣйствительно одностороннія интересы бояръ доставили Россіи много вреда и повели ея администрацію и политику по ложной дорогѣ, убивъ дѣятельность и преданія народныя. Стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Юрьевца Повольскаго, Терентій Васильевъ Копытовъ, сосланъ былъ изъ Москвы въ Нерчинскъ при Өеодорѣ Ал. по царственному дѣлу, „по приказу бояръ, безъ царскаго указу." Но вѣроятно Копытовъ, зараженный въ Юрьевцѣ расколомъ отъ Аввакума, за него и былъ сосланъ. Тотъ же Копытовъ говорилъ, что „на Москвѣ вся воля боярская, что бояре хотятъ, то и дѣлаютъ." (*Раск. дѣла Есипова, I, 590—591*). Это замѣчательное народное мнѣніе о боярскомъ произволѣ служило причиной многихъ бунтовъ въ Россіи.

Всѣ эти побужденія заставляли стрѣльцовъ и раскольниковъ питать надежду, не перемѣнится ли направленіе жизни русскаго народа съ перемѣною царей, не будетъ ли лучше милліонамъ тружениковъ, не произойдетъ ли поворотъ въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ религіозныхъ и бытовыхъ. Временная удача стрѣльцовъ, послѣ энергическаго и кроваваго преслѣдованія злоупотребленій боярскихъ, утверждала и раскольниковъ въ ихъ расчетахъ на поворотъ отъ новизны къ началамъ старинной жизни, отъ исключительнаго преобладанія немногихъ высшихъ лицъ къ развитію воззрѣній народа.

Держась крѣпко начала духовнаго въ дѣлахъ вѣры, вынуждаемые на открытую борьбу строгостями, раскольники поступили весьма послѣдовательно: они не пошли отстаивать свободу совѣсти съ оружіемъ въ рукахъ, а рѣшились добиться ея путемъ борьбы раціональной посредствомъ челобитной и торжественнаго спора на соборѣ съ господствующимъ духовенствомъ. Это задушевное желаніе проявилось въ нихъ тотчасъ послѣ майской смуты; уже черезъ три дня въ Титовомъ полку стали думать думу, какъ бы устроить торжественный вызовъ духовнымъ властямъ, „взыскать старую вѣру, въ которой россійскіе чудотворцы, великіе князи и благовѣрные цари Богу угодили, и потребовать отъ патріарха и властей

отвѣта, для чего они, власти, священныя книги, печатныя до Никона, при первыхъ благочестивыхъ патріархахъ, возненавидѣли вѣру старую, истинную, отвергли и возлюбили новую латино-римскую?“ *(Ист. Петра В. Устрялова, I, стр. 54)*. Они бродили по улицамъ и по площадямъ Москвы, проповѣдывали, „будто вся церковь осквернена;“ собирались толпами на Красной площади *невозбранно*, совѣтывались, какъ бы имъ утвердить старую вѣру, никто не осмѣливался возражать или противорѣчить изъ страха. Очевидецъ тогдашнихъ событій восклицаетъ: „Кто же убо ону нужду страхъ и трепетъ во оно время бывшу въ Москвѣ повѣствовати подобну возможетъ? или кій языкъ возглаголетъ, яко вси, велиціе и малые, богатые и убогіе, отъ таковаго страха, что имать быти, не доумѣхуся? И возбраняющій имъ въ таковомъ зломъ и богомерзкомъ начинаніи никто же страха ради тогда обрѣташеся.“ *(Медвѣдевъ 18—19)*. Еще 23 іюня раскольники били челомъ патріарху,—зачѣмъ онъ ревнителей отеческихъ догматовъ проклинаетъ, и въ ссылку ссылаетъ, „зачѣмъ Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить и монаховъ перемучить,“—и при томъ хвастливо прибавляли: „а мы всякія затѣи и ереси въ ихъ новыхъ книгахъ въ конецъ обличимъ.“

Особенно заботило раскольниковъ ожидаемое коронованіе царей; Никита Пустосвятъ спрашивалъ кн. Ив. А. Хованскаго: „Какъ будутъ вѣнчать царей—въ истинной ли православной вѣрѣ, или въ ихъ латино-римской?“ Хованскій увѣрялъ, что будутъ вѣнчаться по старому. „Хорошо бы, чтобы патріархъ и литургію служилъ по старому на семи просвирахъ, и крестъ бы на просвирахъ былъ истинный, а не крыжъ.“ Чтобы отдѣлаться, Хованскій отвѣчалъ: „вы велите напечь просвиръ съ старымъ крестомъ: я самъ отнесу ихъ патріарху и велю служить по старому, а ты, отецъ Никита, ступай домой.“ Желаніе освятить царей въ раскольникахъ было весьма сильно и имѣло большое значеніе; тогда на ихъ сторонѣ стояли бы цари единовѣрные, ихъ несокрушимая опора, и они разсчитывали не только освободить проповѣдниковъ старины отъ огня, меча и оземствованія, но и утвердить вѣру простонародную во всей русской землѣ. Но ожиданія ихъ не оправдались: Никита заказалъ испечь просфоры съ старинной печатью, а не съ изображеніемъ крыжа латинскаго, нѣкоей искусной вдовицѣ, чтобы совершалъ на нихъ литургію патріархъ въ день коронаціи; 25 іюня понесъ онъ ихъ въ Успенскій соборъ и съ досадой долженъ былъ возвратиться, потому что не могъ пробраться къ церкви сквозь тѣсныя толпы народа. „Простите, отци святіи, никоими мѣрами народъ не допуститъ до соборной церкви, и я просвиры назадъ принесъ!“—оправдывался съ грустью Никита, и роздалъ просвиры вѣрнымъ благословенія ради. Къ отчаянію раскольниковъ, вѣнчаніе царей совершилось по новоисправленному требнику и не предвѣщало имъ ничего добраго [89].

Стрѣльцы обѣщали ревнителямъ древняго благочестія свою поддержку и увѣряли, что рады стоять за православную вѣру и смотрѣть правду и добавляли: „а по старому не дадимъ жечь и мучить.“ Взявъ на себя великую задачу утвержденія старой вѣры и написавъ челобитную отъ имени *всѣхъ православныхъ христіанъ*, раскольники могли бы, при спокойномъ обсужденіи дѣла, напередъ догадаться, что ихъ затѣя—партіи, а не народа и всего земства, и потому должна кончиться не удачно. Самые стрѣльцы, на которыхъ они уповали, какъ на силу, способную уставлять нарядъ въ государствѣ, а слѣдовательно имѣть вліяніе на судьбы вѣры въ Россіи,—отказались приложить свои руки къ челобитной, опасаясь неудачнаго исхода задуманной борьбы. Большая часть стрѣльцовъ отнеслась къ этому предпріятію или равнодушно или несочувственно; между ними завязались споры, поднялись несогласія и волненія по вопросу о старой вѣрѣ. Очевидно, что отношеніе стрѣльцовъ къ раскольникамъ походило на ихъ попытку—освободить боярскихъ людей: отъ поддержки стремленій холоповъ они отказались наотрѣзъ; тоже безучастіе должны были встрѣтить при неудачѣ и ревнители отеческихъ преданій. Забравъ сгоряча себѣ въ руки силу, стрѣльцы скоро разочаровались въ своемъ успѣхѣ; они ясно увидѣли, что сами не имѣютъ твердой опоры, не въ состояніи быть ни законодателями, ни правителями безъ власти государственной и церковной и силы земской. Но религіозное увлеченіе слишкомъ было сильно въ старовѣрахъ, ослѣпило ихъ очи, такъ что они ни на минуту не сомнѣвались въ близкомъ и полномъ своемъ успѣхѣ.

Весь ходъ дѣла доказываетъ, какъ естественно сложился мятежъ раскольниковъ 5 іюля и какъ, слѣдовательно, нелѣпы слухи, пущенные въ ходъ разными писателями, будто царевна Софія возмутила приверженцевъ старины изъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ и цѣлей. Протоіерей Іоанновъ-Журавлевъ, обратившійся изъ раскольниковъ, передалъ молву, будто царевна переписывалась съ раскольниками, покровительствуя имъ: между ними есть преданіе, что въ Выгорѣцкихъ скитахъ хранятся письма царевны. *(Историч. изв. о раскол. Спб. 1799, стр. 115)*. Это заявленіе служило большимъ соблазномъ для историковъ правленія Софіи, и они не сомнѣвались въ ея сношеніяхъ съ Денисовыми или князьями Мышецкими. Щебальскій даже мечталъ, что письма царевны сдѣлаются извѣстными и воскликнулъ въ порывѣ увлеченія: „Какимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи было бы открытіе этихъ писемъ!“ . . . Но всматриваясь пристальнѣе въ ходъ событій, мы замѣчаемъ послѣдовательность въ дѣйствіяхъ царевны относительно раскольниковъ: она приказала казнить главныхъ зачинщиковъ мятежа, позволила издать суровые законы на счетъ старовѣровъ и приказывала преслѣдовать ихъ воинными командами.

Все это отбиваетъ всякую охоту вѣрить въ тайныя сношенія правительницы съ сектантами, силу которыхъ она едвали могла знать ранѣе мятежа Никиты Пустосвята. Слѣдовательно, она не могла разсчитывать на ихъ опору, да и разсчетъ былъ бы совершенно безцѣльный, когда она не нуждалась въ опорѣ и забрала уже силу въ свои руки. Мало этого: раскольники ненавидѣли царевну за страшныя преслѣдованія ихъ единомышленниковъ и говорили про нее неистовыя слова, присовокупляя: „Роды ихъ царскіе пошли неистовые." Воспитанница нижегородскихъ скитовъ, старица Варсонофія показывала на слѣдствіи: „Про царевну Софью Ал. говорила потому, что о томъ слышала въ разговорахъ отъ учителя своего, отъ раскольника, отъ старца выборнаго Никона Софонтьева скиту," который обратился въ православную вѣру и въ 1722 г. архіепископомъ Питиримомъ опредѣленъ въ монастырь; но потомъ старица созналась, что Никона напрасно поклепала, а про Софью слышала отъ нищей *(Раскол. дѣла XVIII ст., II, 40. 46. 50)*. Изъ этого ясно видно, что движеніе раскольниковъ, какъ и стрѣлецкій 1-й бунтъ, развились помимо всякихъ политическихъ разсчетовъ царевны.

Нѣтъ нужды излагать подробно весь ходъ соборнаго состязанія, такъ какъ обстоятельство это общеизвѣстное; для моей цѣли достаточно обратить вниманіе только на нѣкоторыя характерическія черты [90]). Въ середу 5-го іюля рано утромъ двинулись толпы раскольниковъ въ Кремль и расположились у Архангельскаго собора, поставивъ налои и образа съ зажженными свѣчами. „И сѣде Никита съ товарищами на подмостахъ выше людей, весь народъ проклятому своему упорству и отъ церкви отлученію учиша... И каковый тогда бѣ трепетъ и ужасъ, кійждо можетъ отъ дѣла уразумѣти" *(Медвѣдевъ 20)*. Патріархъ съ духовенствомъ, не надѣясь болѣе остаться въ живыхъ, служили молебенъ и слезно плакали; посланныхъ увѣщателей православныхъ старообрядцы не слушали и не давали имъ прохода. Раскольники добивались, чтобы соборное преніе непремѣнно происходило на площади передъ народомъ, который, по своему сомнѣнію и душевному мятежу желаетъ узнать, какая вѣра лучше — старая или новая. Но царевна настояла, чтобы преніе о вѣрѣ происходило въ Грановитой палатѣ и въ присутствіи царской фамиліи; она съ увлеченіемъ говорила: „если отъ народа властямъ и не быти живымъ, то буди воля Божія! Обаче не оставлю святыя церкви и тоя пастыря, пойду тамо." Увидѣвъ такую рѣшимость Софіи, пошли вмѣстѣ съ ней царица Наталья Кириловна и царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Какъ ни увѣряли раскольники, что преніе о вѣрѣ дѣло не женское и должно происходить въ присутствіи царей, какъ ни отговаривали Софію напуганные

бояре — не ходить на соборъ, чтобы не повторилась исторія стрѣлецкой смуты; — но она осталась непоколебимой и велѣла пустить раскольниковъ въ Грановитую палату, когда уже всѣ представители православія заняли свои мѣста. Съ шумомъ полѣзли раскольники въ палату съ своими принадлежностями, въ нетерпѣніи—сразу покончить съ ненавистными *новшествами*.

Спокойнаго разсужденія о вѣрѣ на соборѣ не могло быть, и результатовъ спора было трудно ожидать, когда съ одной стороны самоувѣренность раскольниковъ въ правотѣ дѣла доходила до крайности и ненависть къ православію до дерзости; а съ другой у православныхъ представителей церкви „страхъ смертный здравый разумъ поколебалъ.“ На вопросъ патріарха: за чѣмъ пришли раскольники? Никита отвѣчалъ: „Мы пришли къ царямъ государямъ побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобъ дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, и чтобъ церкви божіи были въ мирѣ и соединеніи“ [91]). Патріархъ замѣтилъ, что книги исправлены съ греческими и харатейными русскими списками по грамматикѣ; а вы грамматическаго разума не коснулись. — „Мы пришли не о граматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ,“ отвѣчалъ представитель раскольниковъ Никита, и когда холмогорскій архіепископъ Аѳанасій сталъ возражать вмѣсто патріарха, онъ бросился на него съ поднятою рукою и закричалъ: „Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!“ Выборные стрѣльцы установили порядокъ, отстранивъ Никиту отъ Аѳанасія; Софія вскочила съ своего мѣста и сказала, что Никита бьетъ архіерея на нашихъ глазахъ, и если бы насъ не было, тогда и подавно убилъ бы его. Но раскольники оправдывались: „Нѣтъ, государыня, онъ не билъ, только рукою отвелъ.“ Затѣмъ произошелъ споръ между Никитой и царевной, которая укоряла его въ прежнемъ обращеніи изъ раскола въ православіе. „Не запираюсь, сказалъ онъ, поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ; а на мою челобитную, поданную на соборѣ, никто изъ архіереевъ не далъ отвѣта; въ Жезлѣ Правленія и пятой доли нѣтъ отвѣтовъ противъ моихъ возраженій. „Когда стали читать челобитную, въ которой выражалась мысль, что душу царя Алексѣя поколебали чернецъ Арсеній грекъ и патріархъ Никонъ, тогда Софія со слезами на глазахъ стала говорить о хулахъ старовѣровъ на счетъ неправославія ея отца и брата; она вскочила съ своего мѣста, жаловалась, что такъ дерзко называютъ ея родныхъ еретиками, и грозила, что все царское семейство удалится изъ Москвы. Обращаясь преимущественно къ выборнымъ стрѣльцамъ, царевна продолжала: „Видите, како они пріидоша злобно, и како пришедъ, крикъ и вопль сотворяютъ въ нашей полатѣ передъ нами, како ни въ чемъ насъ не слушаютъ! Егда и вы, вѣрные слуги и оборонители св. православной

вѣры, съ ними раскольниками во единомысліи на злобу пребываете; вы, присно во дворѣ нашемъ стоящіе вѣрные, почто такимъ невѣжамъ попущаете? Аще ли тако намъ въ порабощеніи быти, то къ тому уже благочестивымъ царямъ и намъ здѣ жити не можно: имамы идти отсюда во грады иные, и о такомъ непослушаніи и разореніи народу всему возвѣщати“ (*Медвѣд. 28*). Эта угроза стрѣльцамъ и раскольникамъ, которые задумали дѣйствовать самостоятельно, помимо бояръ и земскихъ людей, показалась самой страшной. Стрѣлецкіе выборные обѣщались положить свои головы и за православную вѣру, и за царскій домъ и добавили: „а еже великимъ государямъ и вамъ государынямъ идти изъ царствующаго града сего, никакого же то буди.“ Затѣмъ Софія и всѣ православные рѣшились молчать до конца чтенія челобитной, потому что она написана „неправедно, воровски и досадительно“. (*Медвѣд. 28—29*). Недоразумѣніе, между враждебными сторонами на соборѣ было значительное: раскольники не могли взять въ толкъ, да и не хотѣли знать убѣжденій высшаго духовенства; а представители православія не понимали требованій приверженцевъ старины, и когда послѣдніе, въ доказательство истины двуперстнаго крестнаго знаменія, подняли руки свои кверху, „воскричаша на многъ часъ: *сице*, *сице*, *тако*, *тако!* въ палатѣ сущіи людіе слезъ исполнишася, и что имать быти отъ такого дерзновенія, недоумѣвахуся.“ Споры на соборѣ не привели ни къ чему: православные считали себя побѣдителями; а раскольники вышли изъ Грановитой палаты и торжественно хвалились: „Мы всѣхъ архіереевъ препрѣхомъ и посрамихомъ!“ Съ радости они отслужили благодарственный молебенъ; но торжество ихъ было непродолжительно.

Царевна Софія убѣдила выборныхъ отъ всѣхъ полковъ стрѣльцовъ принять сторону православія, не промѣнять государства на шестерыхъ чернецовъ и не давать въ поруганіе патріарха и всего освященнаго собора. Угощенія и убѣжденія правительницы возымѣли силу, — и тѣже стрѣльцы, которые обѣщались прекратить строгія преслѣдованія раскольниковъ, выдали правительству на казнь и на заточеніе главныхъ коноводовъ раскола. Они принесли заручныя челобитныя съ обязательствомъ — не отстаивать старой вѣры; раскольниковъ стали преслѣдовать и кричали: „Вы, бунтовщики, возмутили всѣмъ царствомъ!“ Никитѣ отсѣкли голову на Красной площади; мятежныхъ чернецовъ разослали подъ крѣпкій началъ на смиреніе; простые раскольники разбѣжались и по Москвѣ „ходити явно престали.“

Такимъ образомъ вызовъ старовѣрами патріарха и представителей духовенства на состязаніе, просьба ихъ у царей о назначеніи собора для пренія о вѣрѣ, какъ превышеніе власти церкви и упорство противъ воли

государей, представились бунтомъ, направленнымъ къ разрушенію господствующаго порядка дѣлъ, тогда какъ бунта никакого не было. Самостоятельное движеніе мысли народной, которая не хотѣла подчиниться руководству, уже считалось дѣломъ противозаконнымъ, оскорбленіемъ авторитета церкви. Отсюда тотъ страхъ, та боязнь духовныхъ и свѣтскихъ властей, которыя выразились во время движенія ревнителей старины. Вмѣсто спокойнаго обсужденія воззрѣній и заявленій раскольниковъ и опроверженія челобитной, поданной на соборѣ, Никитѣ отсѣкли голову и стали страшно преслѣдовать его приверженцевъ. Сила государства выдвинулась на первый планъ, вмѣсто церковной власти; она обнажила матеріальный мечъ, вмѣсто меча духовнаго; убѣжденія и терпимость, заповѣданныя Христомъ, замѣнились казнями, ссылками и преслѣдованіами. Поэтому усилилось въ раскольникахъ открытое сопротивленіе руководству церкви, и въ тоже время они явились отрицателями авторитета царской власти. Какъ осада соловецкая привела къ отверженію молитвы за царя, такъ послѣ бунта и преслѣдованій раскольниковъ, провозгласили его антихристомъ. Правленіе Софіи для раскольниковъ было самымъ тяжелымъ временемъ: ихъ указано было преслѣдовать вооруженной силой, ловить и жечь и казнить смертью. Въ отчаяніи одни толпами уходили за рубежъ; другіе предавались самосожигательству; а во многихъ мѣстностяхъ старовѣры вступали въ открытый бой съ посылаемыми противъ нихъ военными командами.

Бунтъ раскольниковъ имѣетъ то значеніе, что партія ревнителей старины добивалась перевѣса чисто національнаго, боролась противъ наплыва католическихъ идей и взглядовъ западно-русскихъ ученыхъ, въ родѣ Полоцкаго. Она желала преслѣдовать злоупотребленія, закравшіяся въ духовенство; но вдавшись въ крайность, не могла понравиться всему народу. Раскольники, считая себя представителями стремленій и желаній всего земства, сильно ошибались, и народъ не двинулся на ихъ защиту, когда правительство начало ихъ преслѣдовать страшными казнями. Въ правленіе Софіи была послѣдняя открытая борьба народныхъ воззрѣній и стремленій съ правительственными и церковными; но борьба оказалась неравной: государство московское, побѣдивъ силу бояръ и частныя областныя притязанія при Грозномъ, подчинивъ церковную власть въ лицѣ Никона и уничтоживъ козацкія стремленія, до такой степени уже окрѣпло, что могло помѣряться ловкостью и могуществомъ съ земствомъ. Бояре сдѣлались слугами, духовные — молебниками и поддержкой государства. Такимъ образомъ, стремленія рѣшать быстро вѣками подготовленные вопросы не привели ни къ чему; а только очистили широкое поле для полновѣсной дѣятельности императорской власти, которая окончательно добила всякое проявленіе воли и думы народной.

Если милліоны народа должны были замолчать и затаить свои воззрѣнія предъ грозными распоряженіями государственной власти, то печальна должна быть судьба частныхъ лицъ, хотя и съ характоромъ и облеченныхъ властью, которыя бы вздумали не въ пору поддерживать слабыхъ противъ сильныхъ. Такую горькую долю въ правленіе Софіи пришлось испытать двумъ начальникамъ стрѣлецкаго приказа, Ив. А. Хованскому и Ѳ. Л. Шакловитому съ товарищами.

Хованскій примкнулъ къ сторонѣ стрѣльцовъ и раскольниковъ; иногда искренно по своимъ убѣжденіямъ, а нерѣдко изъ-за самохвальства, онъ отстаивалъ интересы народныхъ партій и неминуемо долженъ былъ столкнуться съ видами правительства и пасть жертвою своей безтактности. Во время майскаго кровопролитія, Хованскій сдѣлался случайнымъ распорядителемъ въ Москвѣ, потому что некому было взяться за дѣло, когда бояре и дворяне бросились въ разныя стороны. Онъ явился человѣкомъ, котораго стрѣльцы слушались и уважали за доброту характера и за привязанность къ стариннымъ русскимъ обычаямъ; поэтому его, въ числѣ другихъ, посылали уговаривать стрѣльцовъ, когда они грозно подступили къ царскому дворцу. Датскій резидентъ свидѣтельствуетъ, что Хованскій на другой день бунта уже популярничалъ съ стрѣльцами и спрашивалъ ихъ мнѣнія, не прогнать ли царицу Наталью Кириловну изъ дворца. По всей вѣроятности, Софія назначила раздраженнымъ стрѣльцамъ въ начальники человѣка ими любимаго съ цѣлью, чтобы легче ихъ усмирить, хотя врагъ Хованскихъ съ злобой говоритъ, что царевна возвысила его съ сыномъ „наибольше за видностную токмо особую ихъ фигуру" *(Матвѣевъ 38)*. Поощряемый довѣріемъ стрѣльцовъ, Хованскій самъ заискивалъ ихъ расположенія, сочувствія и добивался ихъ приверженности. Желая угодить имъ, онъ старался сдѣлать все въ ихъ пользу и по ихъ требованію, хотя бы тутъ страдали интересы частныхъ лицъ, цѣлыхъ классовъ общества и государственной казны и заслужилъ названіе *батюшки* [91]). Хованскій распоряжался произвольно и взыскивалъ деньги съ разныхъ лицъ въ пользу стрѣльцовъ, безъ указу государей держалъ на правежѣ женъ и дѣтей умершихъ оговоренныхъ людей. Онъ былъ главнымъ вождемъ движенія старовѣровъ, поддерживалъ Никиту Пустосвята и постоянно приходилъ къ царевнѣ съ просьбами отъ имени стрѣльцовъ, которые не дѣлали ему порученій. По словамъ Медвѣдева, Софія еще передъ раскольничьимъ бунтомъ призывала выборныхъ стрѣльцовъ и разспрашивала: оказалось, что Хованскій вымышлялъ и вралъ на нихъ, желая напугать царевну стрѣльцами и раскольниками и тѣмъ доказать свою силу и значеніе [92]). Онъ разсказывалъ, будто раскольники грозятся побить членовъ царской фамиліи, если они осмѣлятся присутствовать на соборѣ; но когда не удалось

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ему въ этомъ убѣдить царевну, то онъ подѣйствовалъ на бояръ, чтобы они упросили правительницу не ходить въ Грановитую палату; иначе, прибавилъ онъ: „вамъ буди извѣстно, что при нихъ и намъ быти всѣмъ побитымъ, также какъ и недавными часы нашу братью побили и домы наши разграбять.“ *(Медвѣдевъ 22)*. Онъ отъ имени народа звалъ патріарха на площадь для состязанія, а въ противномъ случаѣ, по его словамъ, народъ двинется съ оружіемъ въ рукахъ на убіеніе патріарха и всего освященнаго собора. Многихъ священниковъ, пришедшихъ на соборъ по ревности къ православію, Хованскій не только запретилъ впускать въ палату, но „и отбіеніемъ иныхъ велѣлъ отогнати.“ Такое поведеніе Хованскаго казалось подозрительнымъ правительству Софіи, которое считало его главнымъ вождемъ раскольниковъ; оно не сомнѣвалось, что начальникъ стрѣлецкаго приказа замышлялъ истребить высшее духовенство и патріарха *(Медвѣд. 21)*. Но осторожная царевна, подбирая улики противъ него, боялась расправиться съ нимъ вдругъ рѣзко, какъ бы снова не взбунтовались его приверженцы, стрѣльцы и раскольники. Неосторожный и самолюбивый Хованскій хотѣлъ распоряжаться именемъ малолѣтнихъ царей и издавать указы, какіе ему нужно было [93]).

Августа 16, онъ принесъ въ верхъ челобитную, чтобы стрѣльцамъ, взятымъ изъ дворцовыхъ волостей, брать съ этихъ волостей подможныя деньги по 15 руб. человѣку. Бояре воспротивились; Софіи донесли, будто Хованскій послѣ того вышелъ и сказалъ стрѣльцамъ: „дѣти, вѣдайте о семъ, что уже и мнѣ вамъ добра хотящему, бояре грозятъ, и мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте“ (*Медвѣд. 32)*. Эти слова, въ духѣ неосторожнаго Хованскаго, старались перетолковать, какъ подстрекательство къ бунту. Когда стрѣльцы стали доносить Хованскому, кто съ нихъ бралъ взятки, недодавалъ въ походахъ жалованья и подможныя деньги и долги, — Хованскій безъ всякихъ справокъ велѣлъ таскать отвѣтчиковъ на правежъ. Такъ изъ угожденія стрѣльцамъ безъ суда и розыску „били на правежѣ подполковника Аѳ. Борсукова, Матвѣя Кравкова и другихъ, взыскали съ нихъ въ пользу стрѣльцовъ многія тысечи и домы ихъ разорили; а полковника Степана Янова безъ слѣдствія пытали и выдали головою стрѣльцамъ, которые его четвертовали“ (*Матв. 42—3*). Произволъ и распущенность стрѣльцовъ поставили въ вину Хованскому, и въ его потворствѣ старались уловить преступные политическіе замыслы и подготовку переворота, котораго онъ хотѣлъ добиться посредствомъ ввѣреннаго его начальству войска. Между тѣмъ онъ имѣлъ самое высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи и заслугахъ: онъ считалъ себя потомкомъ литовскаго королевскаго рода Гедиминовъ; а о своихъ заслугахъ выражался такъ: „все государство стоитъ по мою кончину; а если

Bayerische Staatsbibliothek München

меня не будетъ, то не спасется никакая плоть, и станутъ на Москвѣ ходить въ крови по колѣна.“

Мятежъ раскольниковъ еще сильнѣе возбудилъ господствовавшую стрѣлецкую смуту на Москвѣ; „отъ многихъ страховъ ближніе царскаго синклита люди разъѣхались въ дальнія помѣстья,“ приказные бѣжали кто куда; духовенство боялось ревнителей старой вѣры; правительство едва могло ладить съ стрѣльцами и разными тревожными людьми и боялось за свою участь. Слухи и толки самые невѣроятные разсѣевались по Москвѣ и увеличивали боязнь жителей; стрѣльцы буйствовали противъ своихъ враговъ — бояръ и крѣпостныхъ людей, рѣдкій день проходилъ безъ ружейной стрѣльбы. Прекрасно изображаетъ это смутное время. С. Медвѣдевъ, свидѣтель происшествій; по его словамъ, „люди мелкіе служивые разсвирѣпѣвшіе къ смущенію,“ возбуждали мятежъ. И отъ ихъ словъ, „яко въ трости сухомъ огнь ярости гнѣвной возгорѣшася. (*Стрѣльцы*) паки возшумѣша множествомъ; паки множество слезъ проліяся у многихъ людей, паки воздыханіе, паки бѣды!... И тако все лѣто суесловія и затѣевъ было полно; истинно св. пророка Іезекіиля прореченіе въ Іерусалимѣ о хотящихъ быти бѣдствахъ, здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ исполнишеся, яко же то глаголетъ: „люто да люто будетъ, и весть на вести все на страхъ и трепетъ благороднымъ и духовнымъ... По истинѣ нынѣ убо ужасно видѣть, какъ тогда люди въ ужасѣ ходиша и день отъ дня бѣдства, иніи же и смерти надѣяхуся, зане непрестанно въ людяхъ быша о смущеніи народа глассы: яко въ той день, или въ той праздникъ паки имать быти смущеніе и побіеніе отъ стрѣльцовъ. Такожде и стрѣльцамъ страхъ бѣ отъ народныхъ глассовъ, яко въ тотъ праздникъ имать быти отмщеніе отъ боярскихъ людей, егда стрѣльцы взыдутъ на стражи, и яко тамо, такожде и въ домахъ имъ и женамъ ихъ и дѣтямъ порубленіе и разорѣніе содѣется, и всѣ люди отъ мала до велика въ страхѣ и ужасѣ пребывали.“ *(Медвѣд. 30, 31, 41)*. При такомъ настроеніи общества, правители пугались каждой злой сплетни и боялись за безопасность самихъ царей. Вдругъ разнеслась вѣсть, будто 19 авг. во время крестнаго хода, стрѣльцы рѣшились властей, бояръ и ближнихъ людей „побити безъ остатка,“ и Хованскаго посадить на царство. Медвѣдевъ, человѣкъ образованный, и тотъ вѣрилъ слуху, будто Хованскій и стрѣльцы хотѣли побить и высшее духовенство и правителей государства; но милостивый Богъ разрушилъ ихъ совѣтъ: „зане увѣдавше о семъ в. государи, за кресты въ монастырь не пошли, но пріидоша егда же множество народа за крестами пріиде. Стрѣльцы же видѣвше, яко за крестами в. государи идти не изволили, и пришествія ихъ государскаго тамо не надѣялись. И той день, аще и не безъ велія сердечнаго страха, обаче благодатнымъ божіимъ промышле-

ніемъ пропде мирно." *(Медвѣд. 32)*. „И въ московскомъ государствѣ время было лихое и шатаніе великое и въ людяхъ смута," говоритъ другой свидѣтель событій. Тутъ поневолѣ явится желаніе оставить поскорѣе зашатавшуюся Москву *(Желябужскій 31)*.

Софія и вся царская фамилія страшно перепугались при этомъ извѣстіи; они помнили недавнія событія, когда передъ ихъ глазами разыгралась кровавая драма рѣзни приближенныхъ лицъ къ царской фамиліи, когда властъ ихъ была безсильна и мольбы, слезы и рыданія раздавались безполезно. Болѣе всѣхъ могла бояться Наталья Кириловна, которая помнила хорошо гибель своихъ братьевъ отъ стрѣлецкихъ копій, какъ постригли ея отца, и ей самой совѣтывали удалиться въ монастырь: впечатлѣніе было разительное и свѣжее! Софія, какъ женщина съ большимъ практическимъ тактомъ, умѣла ловко пользоваться обстоятельствами. „Видя такое непостоянство и великую смуту," она рѣшила привести въ исполненіе свое намѣреніе— уйти съ царями изъ Москвы и возвѣстить народу о непослушаніи войска и разореніи государства. На соборѣ противъ раскольниковъ она уже грозилась такъ поступить и напугала стрѣлецкихъ выборныхъ; теперь боязнь должны были почувствовать всѣ стрѣльцы, когда 20-го авг. вся царская фамилія неожиданно выѣхала въ с. Коломенское. Стрѣльцы испугались отъѣзда царей, какъ бы они не привели на нихъ ополченіе всей русской земли, — и 23 авг. явились въ Коломенское съ челобитной такого содержанія: „В. государямъ сказали, будто у насъ надворной пѣхоты учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайные пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ по прежнему. И для того они, в. государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впередъ не будетъ: чтобъ в. государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ." *(Ист. Рос. Соловьева, XIII, 375)*. Но правительство явно не вѣрило этимъ искреннимъ приглашеніямъ и думало, что тутъ скрывается обманъ и желаніе заманить царей, чтобы исполнить удачнѣе злые замыслы. Стрѣлецкимъ представителямъ дали уклончивый отвѣтъ, что „государямъ про вашъ умыслъ не вѣдомо," а походъ предприняли цари по прежнему обычаю. Это подѣйствовало на стрѣльцовъ успокоительно и они по прежнему мечтали, что пріобрѣли большую государственную власть — установлять правду въ Москвѣ, а Хованскій воображалъ, что безъ него и въ самомъ дѣлѣ Москва стала бы по колѣна въ крови.

Между тѣмъ подозрѣніе въ преступныхъ замыслахъ Хованскаго еще болѣе получило опору, когда на царское требованіе присылки стремяннаго полка въ с. Коломенское ко дню именинъ царя, — онъ не только

не послалъ его, но хотѣлъ отправить въ Кіевъ на службу по своему произволу. Этотъ полкъ считался близкимъ къ правительству и отсылка его не могла объясняться однимъ самодурствомъ начальника. Хованскій, не подозрѣвая по своему самолюбію промаховъ дѣятельности и по своей простотѣ — грозы, которая готова была разразиться надъ его головою, — продолжалъ дѣйствовать на прежній ладъ и чрезъ это прибавлялъ лишнія улики противогосударственныхъ поступковъ. Онъ явился въ с. Коломенское и началъ разсказывать Софіи при боярахъ о злобныхъ замыслахъ новгородскихъ дворянъ, какъ они передавали ему, что хотятъ придти скоро въ Москву, подъ предлогомъ челобитья о заслуженномъ жалованьѣ, — „и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка." По своей проницательности и знанію характера Хованскаго, царевна прибѣгла къ угрозѣ сказала, что противъ этого извѣта надо объявить, для вѣдома всякихъ чиновъ людямъ, на постельномъ крыльцѣ и послать грамоту; Хованскій перепугался огласки и просилъ правительницу, чтобы не объявлять о его словахъ и не навести на него бѣды. Очевидно, что Хованскій былъ черезчуръ простодушенъ, такъ что Софія легко отгадывала, когда онъ говорилъ ложь; тѣмъ не менѣе, нельзя было ей не обращать вниманія на его выходки, при тогдашнемъ смутномъ времени, когда человѣкъ бываетъ подозрителенъ и неспокоенъ. Царевна тѣмъ болѣе могла повѣрить широкимъ замысламъ боярина, что давно слѣдила за его желаніемъ самостоятельно распоряжаться отъ имени стрѣльцовъ и раскольниковъ; онъ дѣйствовалъ помимо указовъ государскихъ, гордо относился къ другимъ боярамъ и любилъ хвалиться своими заслугами и происхожденіемъ, что онъ „королевскаго рода" *(Медвѣд. 32)*.

Такимъ образомъ, уликъ въ государственной измѣнѣ противъ начальника стрѣлецкаго приказа явилось множество: 1) онъ раздавалъ многую казну стрѣльцамъ, 2) распустилъ своихъ подчиненныхъ и они приходили невѣжливо къ государямъ, 3) мучилъ и пыталъ людей безъ указа, 4) правилъ деньги безъ розыска и отвѣтчиковъ отдавалъ челобитчикамъ для правежа головою, 5) даточнымъ собралъ съ монастырей незаконно болѣе 100,000 р., 6) самовольно приказалъ для той же цѣли доправить съ дворцовыхъ волостей болѣе 10,000 р., 7) хвалился при государяхъ своими службами съ великою гордостію, 8) бояръ безчестилъ и поносилъ и грозилъ копьями, 9) ратовалъ на св. церковь съ Никитою Пустосвятомъ и воровъ Капитоновъ отъ казни оберегалъ, 10) не отпускалъ полки на Башкирцевъ, какъ было приказано, 11) ослушался указу, не пускалъ полки въ Кіевъ, а стремянной — въ с. Коломенское, 12) сентября 1-го не былъ у дѣйствія новаго лѣта противъ наказа, 13) наговорилъ ложно, будто новгородскіе дворяне хотятъ рубить всѣхъ въ Москвѣ, 14) воеводъ от-

пускалъ въ города по своимъ прихотямъ, а другихъ задерживалъ послѣ государскаго назначенія, 15) облыгалъ надворную пѣхоту, будто отъ нее надо ожидать великихъ бѣдъ [94]). Все это, взятое вмѣстѣ, послужило опорой извѣта на Хованскаго и заставляло видѣть въ немъ человѣка опаснаго для государственной и церковной власти — и Софія сдѣлала воззваніе по областямъ Россіи, чтобы шли служилые на защиту царей. Увидавъ на своей сторонѣ земскую силу, готовую и способную усмирить и унизить непослушныхъ стрѣльцовъ, она безъ кровопролитія достигла своей цѣли, ограничила вольности ихъ и успокоила всѣ волненія. Къ довершенію участи Хованскаго, въ с. Коломенскомъ сент. 2-го и въ Воздвиженскомъ сент. 16, явились подметныя письма, въ которыхъ обвинялся онъ съ своимъ сыномъ Андреемъ въ страшной измѣнѣ государственной [95]). Доносъ выяснялъ, будто Хованскіе научали стрѣльцовъ извести царскій корень, умертвить патріарха и вліятельныхъ сановниковъ, женить Андрея на одной изъ царевенъ, а остальныхъ разослать по дальнимъ монастырямъ. Онъ задумывалъ еще болѣе: возмутить посадскихъ людей противъ воеводъ и приказныхъ, а крестьянъ противъ господъ и ихъ боярскихъ людей, чтобы во время этой смуты выбрали его царемъ, а патріархомъ — кого захочетъ народъ [96]).

Безъ сомнѣнія, Хованскій никогда и не воображалъ о подобныхъ цѣляхъ, а только безсовѣстные доносчики могли приписать такія мечты добродушному, хотя и хвастливому вельможѣ. Но при всеобщей смутѣ, каждый доносъ приводилъ въ трепетъ правительство и казался правдоподобнымъ, когда особенно располагали къ вѣроятію прежніе его многочисленные промахи по управленію стрѣлецкимъ приказомъ. Поговоривъ съ боярами, Софія дала приказаніе схватить Хованскаго съ сыномъ и отрубить имъ головы, что̀ и было исполнено 17 сентября. До какой степени боялись раздражить стрѣльцовъ, стоявшихъ за своего любимаго начальника, можно заключить изъ той хитрой уловки, которую употребили для вызова его изъ Москвы, подъ предлогомъ совѣта о встрѣчѣ гетманскаго сына [97]).

Такъ кончилъ жизнь свою человѣкъ, который хотѣлъ поддерживать силу народныхъ партій, когда она была уже сомнительна: какъ съ горы катящійся камень, по силѣ тяжести государственная власть била на пути своего движенія всѣ препятствія. Хованскій подвернулся случайно и погибъ отъ столкновенія.

Враги Софіи не сомнѣвались, что подметное письмо, которое послужило главнымъ поводомъ къ произнесенію смертнаго приговора надъ Хованскимъ, было безсовѣстною выдумкою Милославскаго, чтобы схоронить концы въ воду и скрыть, что онъ и Софія руководили движеніемъ

стрѣльцовъ въ маѣ. Гр. Матвѣевъ, врагъ Хованскаго и Милославскаго, первый придумалъ для объясненія быстрой казни, будто старинные друзья перессорились между собою; Хованскій подговорилъ стрѣльцовъ и искали случая убить Милославскаго, который и сгубилъ Хованскаго. А между тѣмъ, изъ записокъ Матвѣева видно, что Милославскій укрывался въ это время по своимъ деревнямъ и не былъ въ походѣ за царями. Такія произвольныя показанія, и притомъ человѣка неблагонадежнаго, какъ Матвѣевъ, не заслуживаютъ вѣры. Онъ относился къ Милославскому враждебно и выдумалъ, будто онъ во время стрѣлецкаго бунта жегъ себя отрубями и кирпичами; Матвѣевъ едва ли могъ знать объ этомъ; если же и была правда, то вѣроятно въ самомъ дѣлѣ Милославскій былъ боленъ; онъ по нездоровью сошелъ съ поля дѣятельности и вскорѣ послѣ того померъ [98]). Софіи и Милославскому не было нужды писать извѣтъ на Хованскаго, противъ неправильныхъ дѣйствій котораго у нихъ такъ много было уликъ; кому же нужна была голова начальника стрѣлецкаго приказа? Желябужскій въ своихъ запискахъ какъ будто подозрѣваетъ въ проискахъ думнаго дьяка Ѳ. Шакловитаго: тонкими намеками онъ даетъ знать, что всѣ бумаги царей изъ похода были за его приписью и онъ распоряжался дѣломъ (*стр. 3, 6*). Но это подозрѣніе могло родиться уже послѣ возвышенія Шакловитаго, когда онъ занялъ мѣсто Хованскаго. Подозрѣніе же Милославскаго въ продѣлкахъ, настолько же достовѣрно, если еще не менѣе, какъ и Бориса Голицына, или кого либо изъ членовъ партіи Нарышкиныхъ; послѣдніе злились на него, какъ на врага, который хотѣлъ выгнать изъ дворца Наталью Кириловну 16 мая и совѣтывался объ этомъ со стрѣльцами. Скорѣе всего, можно думать, что подметныя письма подбрасывалъ человѣкъ, который имѣлъ свои цѣли, въ родѣ Ларіона Елизарьева, доносчика на Шакловитаго и Цыклера. Какъ бы то ни было, важенъ не поводъ къ казни, а значеніе событія и его слѣдствія.

Въ день казни Хованскаго, послана была грамота къ стрѣльцамъ съ извѣстіемъ, что за явную измѣну наказанъ смертью ихъ любимый начальникъ, — а на нихъ никакой опалы и гнѣва государей быть не можетъ и чтобы они не вѣрили никакимъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ. Но не успѣла дойти по назначенію грамота, какъ прибѣжалъ въ московскую слободу сынъ Хованскаго Иванъ, и первый принесъ вѣсть объ участи своего отца и брата; онъ сказалъ, что казнь совершилась безъ суда и слѣдствія по произволу бояръ, безъ государева указу, что бояре хотятъ двинуться на Москву, рубить надворную пѣхоту и жечь ихъ домы и пожитки. Нашлось еще нѣсколько лицъ, которые подтвердили свѣдѣнія. Стрѣльцамъ показалось несомнѣннымъ это извѣстіе; они тотчасъ взялись за оружіе, рѣшились защищаться до послѣдней крайности; въ полночь

сдѣлали тревогу, поставили караулы, утромъ разграбили боевые припасы и привели въ осадное положеніе Москву. Нетерпѣливые изъ нихъ грозились истребить всѣхъ бояръ и ихъ людей, которые остались на Москвѣ; храбрые совѣтывали тотчасъ выступить въ походъ противъ бояръ; смѣлые приступали къ патріарху, чтобы онъ вызвалъ стрѣльцовъ изъ Малороссіи, и грозились убить его, если онъ держитъ руку боярь [99]).

Довольно было смутъ на Руси по видимому изъ за пустяковъ, но при научномъ изслѣдованіи оказывается, что волненія вытекали изъ вгляда народнаго и сочувствія, или ненависти къ дѣлу, хотя общее воззрѣніе невсегда примѣнимо было къ частнымъ случаямъ. Стрѣльцы знали, что бояре относятся къ нимъ враждебно, собираются толпами къ Троицкой лаврѣ; вдругъ приходитъ вѣсть, что они казнили ихъ любимаго начальника безъ указу государей; Одоевскіе и Голицыны хотятъ идти боемъ на надворную пѣхоту и дворы ихъ пожечь; а по дорогамъ стоитъ многое число всякихъ чиновъ людей и боярскихъ холоповъ съ ружьемъ. Этотъ случай вполнѣ гармонировалъ съ настроеніемъ ихъ мыслей и получилъ приложеніе къ дѣлу: они стали защищаться противъ боярскихъ замысловъ, и — поступили логично. Не дѣйствуй такъ мирно и уклончиво Софія, въ этомъ случаѣ, съ своими приближенными, не миновать бы кровавому столкновенію, и лѣтописатели опять пожалуй провозгласили бы виновницей его царевну. Когда такимъ образомъ горячились въ Москвѣ стрѣльцы, Софія собрала уже значительную силу изъ областей и стала дѣйстовать смѣло; въ длинномъ своемъ воззваніи къ войску, она выразила откровенно взглядъ свой на минувшія волненія стрѣльцовъ. Оказалось, что они считали вѣрной службой и правдивыми похвальными дѣйствіями, правительство называло зломъ и бунтомъ, а ихъ самихъ — ворами и измѣнниками. Припомнивъ всѣ обстоятельства майскаго кровопролитія, оно нашло ихъ варварскими и возмутительными и напоминало, что стрѣльцы обругали всякую святыню „паче бусурмановъ.“ Имъ дано было много казны и сборовъ съ монастырей, „отлучающе ихъ отъ кровопролитія и приводя ихъ ко успокоенію;“ имъ позволено было учинить столбъ, съ надписью именъ побитыхъ, „чтобы тѣмъ ихъ воровъ и измѣнниковъ отъ такого невиннаго и напраснаго кровопролитія успокоити.“ Но они не удовольствовались всѣми государскими милостями, поддерживали раскольниковъ и Хованскихъ. „И мы, в. государи, не стерпѣвше ихъ воровъ и измѣнниковъ такихъ многихъ досадъ и грубостей и невиннаго кровопролитія, изволили изъ царствующаго града Москвы изыти, и пришли въ Саввинъ монастырь Сторожевскаго; а князь Иванъ Хованскій съ тѣми ворами и измѣнниками нынѣ въ Москвѣ, и чинятъ все по злому своему намѣренію, многихъ людей наглыми своими нападками разоряютъ, и въ поклепныхъ искахъ бьютъ многихъ знатныхъ

и честныхъ людей на правежѣ, и всячески поругаются; а у иныхъ изъ домовъ людей ихъ и дворы насильно отымаютъ, емлютъ себѣ безъ всякаго страха и зазора, и отъ того нынѣ наше государство разоряется; а посторонніе непріятели, которые государству нашему издавна добра не желательны, имѣютъ себѣ то за радость и умышляютъ государствамъ нашимъ великія хитрости, и тщатся по всякому злу.“

Стрѣльцы видимо не ожидали такой грозной опалы со стороны правительства, потому что считали себя по своимъ соображеніямъ главной его опорой, но жестоко обманулись въ своихъ видахъ: передъ взоромъ разросшагося государства явились измѣнниками тысячи людей низшаго класса, которые ближе были къ народу; а бояре и начальники, которые злоупотребляли своей властью, притѣснители народа, оказались первой поддержкой трона и невинными жертвами выведенныхъ изъ терпѣнія стрѣльцовъ. Когда царевна послала уговаривать стрѣльцовъ успокоиться, они сначала учинились непослушными; но по мѣрѣ прибытія войскъ къ Троицкой лаврѣ, становились тише и тише. Тогда они убѣдились, что сила всей русской земли идетъ на нихъ и не одобряетъ ихъ рѣзкихъ поступковъ, и изъ порывистаго волненія быстро перешли къ смиренному состоянію духа. Нѣкоторые еще 19 сент. просили патріарха быть посредникомъ между ними и царями и извѣстить, чтобы государи шли къ Москвѣ, а дурнаго умысла у нихъ нѣтъ; а сент. 20 пріѣзжалъ уговаривать ихъ Л. Т. Голосовъ. Когда государская грамота успокоивала стрѣльцовъ, что на нихъ нѣтъ царскаго гнѣва, и убѣждала служить вѣрно по обѣщанію и идти на службу въ Кіевъ, они не вѣрили, опасаясь, конечно, не разставлена ли имъ ловушка боярами отъ имени царей. Но 22 сент. рѣшились послѣдовать совѣту правительства — прислать выборныхъ челобитчиковъ въ Троицкую лавру; 24 они отправились съ суздальскимъ митрополитомъ Иларіономъ. Софія строго встрѣтила представителей стрѣлецкаго войска, не смотря на ихъ покорность. В. государи и царевны сидѣли на паперти Успенской церкви и вины стрѣльцамъ пожаловали, простили, указавъ напередъ на силу собранную противъ нихъ и готовую двинуться по одному слову. Выборные 25 сент. подали сказку отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ съ обѣщаніемъ вѣрно служить государямъ [100]). Но правительству нужно было доказать стрѣльцамъ, что отъ его милости только зависитъ вся ихъ судьба, и стремилось уничтожить ихъ прежнія права и льготы. Оно предложило условія для полнаго прощенія стрѣльцовъ, если они не станутъ затѣвать смятеній, будутъ ловить воровъ, разсѣевающихъ смутныя вѣсти, вѣжливо обращаться съ начальниками, возвратятъ разграбленные запасы, выдадутъ Гр. Языкова, Ив. Хованскаго и другихъ, которые распространяютъ на смуту небывалыя слова. (*А. Эсп. IV*, № *263*,

сент. 28). Стрѣльцы опѣшили, когда увидѣли, что дворяне сошлись со всѣхъ сторонъ, не для защиты государей, которыхъ они являлись всегда первыми защитниками, а для утѣсненія враждебныхъ дворянству стрѣльцовъ. Испугавшись, они отказались отъ всего, что пріобрѣли прежде и согласились на всѣ требованія (*Окт. 1, А. Эсп. IV, № 264, 265*). Увидавъ силу бояръ, струсили и ждали смерти, не расчитывая на Софію, какъ полагаютъ писатели о ея участіи и поддержкѣ стрѣльцовъ. Ея участіе и ея снисходительность къ стрѣльцамъ были вынуждены необходимостью. Когда же она сдѣлала воззваніе къ городовымъ служилымъ и они нахлынули толпами,—она безбоязненно стала дѣйствовать противъ стрѣльцовъ, которые съ перепугу, что не одолѣютъ призваннаго войска, стали отказываться отъ своихъ правъ въ виду силы земской, увидѣли, что и прежніе ихъ союзники — холопы боярскіе и козаки, на которыхъ они разсчитывали, не оказываютъ имъ пособія, и на нихъ надежда плохая. Стрѣльцы выдали зазорныхъ людей; Ивана Хованскаго, вмѣсто смертной казни, велѣно сослать въ Сибирь. Наконецъ 8 окт. патріархъ привелъ всю надворную пѣхоту къ присягѣ, чтобы они свято исполняли условія прощенія, предложенныя правительствомъ, и роздалъ тетради, которыя они пріяша любезно безъ всякаго прекословія. На другой день былъ благодарственный молебенъ. (*А. Эксп. IV, № 267*). Затѣмъ правительство пожаловало собравшихся въ Троицкую лавру, „за вѣрную и правдивую службу и усердное радѣнье.“ Особеннаго вниманія заслуживаетъ царскій милостивый указъ, сказанный боярскимъ людямъ 25 окт. за поспѣшный пріѣздъ ихъ съ боярами на службу государскую и за похвальное поведеніе ихъ во время стрѣлецкаго бунта, присоединяетъ: „Будучи на Москвѣ въ смутное время и нынѣ въ полку, никакимъ смутнымъ словамъ и къ дурну не приставали, а отъ кого какіе непристойные слова слышали, и на тѣхъ извѣщали, а иные про то сказывали бояромъ своимъ... Да васъ же в. государи пожаловали на погребъ: и вы бы, видяще къ себѣ такую премногую милость, и впредъ в. государемъ служили и во всемъ радѣли и всякаго добра хотѣли со всякимъ усердіемъ, а ни на какіе злые и смутные слова не прельщалися и ни къ какому воровству не приставали; а буде кто изъ васъ отъ кого какіе непристойные слова услышитъ, и на тѣхъ людей извѣщали вскорѣ. „Боярскимъ людямъ, пріѣзжимъ къ Троицѣ, позволено носить оружіе въ Москвѣ“ въ походахъ, „ходити съ саблями и съ *обуками*, и со инымъ такимъ же ружьемъ, а межь себя и ни съ кѣмъ тѣмъ ружьемъ поединковъ не чинити и задоровъ, бы ни съ кѣмъ отъ васъ не было.“ „Да вамъ же бы нѣмцомъ и черкасомъ, и иныхъ народовъ иноземцомъ и никакимъ людемъ, никакихъ грубныхъ поносныхъ словъ не говорить и ни чѣмъ ихъ не дразнити; а буде кто изъ васъ въ томъ объя-

вится и будетъ изыманъ и тѣмъ быти въ наказаніи безъ пощады“ [101]).

Къ довершенію торжества государственной власти, стрѣльцы били челомъ, чтобы разломать на Красной площади столбъ съ безчинною подписью и просили, чтобы имъ называться по прежнему стрѣльцами, а не надворной пѣхотой. Ноября 2 московскій правитель Головинъ послалъ полковника Ермилова съ стрѣльцами: столбъ сломали, бутъ выломали, сваи и кирпичъ весь съ Красной площади свезли и жестяные листы сожгли того же дня. И затѣмъ прочитали имъ указъ о нечиненіи съ пріѣзжими людьми задоровъ и о неназываніи никого поносными словами [102]).

Дѣло со стрѣльцами было довершено; 6 ноября государи возвратились мирно въ Москву,—и всякихъ чиновъ люди со оружіемъ хождаху многое время; „уставлены были на дворѣ ихъ, ради всякаго опасенія, стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе всѣ по очереди со оружіемъ перемѣнятися сотнями.“ Въ стрѣлецкомъ приказѣ управлять повелѣли окольничему Вен. Андр. Змеову. И солдаты и стрѣльцы всѣхъ полковъ, „видя къ себѣ в. государей неизреченную милость, били челомъ, чтобы имъ повелѣли дати жалованную грамоту, дабы ихъ никто всякихъ чиновъ люди не укоряли, и въ досажденіе уничиженныхъ словесъ не говорили и не ругалися.“ Государи милосердуя дали во всѣ полки грамоту порознь. Никому не называть ихъ поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками, „безъ государева имяннаго указу и подлиннаго розыска — казнить и въ ссылки напрасно ссылать и безвинно кнутомъ, и батоги бить не велѣли;“ когда пошлютъ ихъ на службу, женамъ и дѣтямъ годовые оклады давать сполна безъ всякаго вычету. Изъ ихъ дачъ дѣлали прежде великіе вычеты на устройство боевыхъ снарядовъ, а прежде тѣ полковыя строенья были изъ казны. Государи указали: приказнымъ людямъ ни малаго не давать, на подъемъ прибавить къ прежнимъ 2 р. еще по 1 р., всякое полковое строенье дѣлать изъ казны изъ приказу, съ умершихъ на то строенье ничего не вычитать, а построенное беречь; на службы идя, „на полковниковъ и начальныхъ людей и друзей ихъ никакіе работы не работать, и издѣлья никакого не дѣлать, а за дворы денегъ и недослуженнаго на ихъ братьѣ на отставныхъ и послѣ ихъ на женахъ и на дѣтяхъ имать не велѣли;“ и имъ видя такую высокую милость, служить и прямить и т. д. *(А. Эксп. IV. 271; Собр. Запис. Туманскаго VI, № 202—213).* Плохи же были стрѣльцы и не похожи на янычаръ, если, по признанію самаго правительства, ихъ начальники притѣсняли до крайности, заставляли на себя работать и хотѣли сдѣлать своими крѣпостными людьми.

Когда съ 10 декаб. управленіе стрѣлецкимъ приказомъ ввѣрили дѣльному и энергическому человѣку, Ѳ. Л. Шакловитому, то онъ съумѣлъ скоро взять стрѣльцовъ въ руки. Дек. 26 толпа стрѣльцовъ изъ полку Бо-

хина настаивала, чтобы выдали имъ пятисотнаго Борисова и приказнаго пристава Кондратьева; они приходили въ приказъ съ шумомъ и невѣжествомъ; но Шакловитый велѣлъ перехватать главныхъ зачинщиковъ. Затѣмъ, когда по розыскному дѣлу велѣно было взять изъ полку Бохина стрѣльца Ивана Жаренаго, товарищи отстаивали его и кричали, что пускай хотя всѣхъ переказнять, но Ивашку они не выдадутъ. Но присланы были два полка, взяли Жаренаго съ главными заводчиками смуты и казнили [103]). Въ разрядѣ отмѣчено: смутилось полкъ Бохина Павла, и государи велѣли у нихъ ружье обобрать. И они приходили къ государямъ, „съ плахою въ городъ и съ топоромъ, и вину свою приносили в. государемъ, и в. государи выслали къ нимъ боярина П. М. Солтыкова, да околничаго К. О. Хлопова, да думнаго дьяка Ѳ. Шакловитаго, — и в. государи пожаловали: велѣли имъ вины отдать, а кои стрѣльцы бѣгали по слободѣ и говорили, что де пора опять заводить по старому идти въ городъ и ихъ в. государи указали казнить смертью. А въ иные мѣсяцы до году была жъ осторожность во всѣхъ полкахъ, и пущихъ заводчиковъ казнили а иныхъ пытавъ ссылали въ ссылки.“ *(Ист. Солов. XIV, въ прилож. XLIII).* Шакловитый неутомимо и осторожно дѣйствовалъ противъ притязаній стрѣлецкихъ и составлялъ самыя практическія инструкціи, какъ должны держать себя стрѣльцы въ отношеніи правительства и своихъ начальниковъ; имъ приказано не вчинать никакой смуты, не произносить возмутительныхъ словъ, не заводить круговъ по козачью, не именовать воровскихъ ясаковъ и каланчей, исполнять строго во всемъ приказанія и т. п. Слѣдоват. правительство хотѣло искоренить въ нихъ подражательное устройство козацкому управленію, къ которому прибѣгали иногда и разбойники. Такимъ обр. распущенность стрѣльцовъ, дошедшая до дерзости при Хованскомъ, была уничтожена ловкимъ и настойчивымъ начальникомъ Шакловитымъ; онъ умѣлъ ввести дисциплину, не раздражая войска и удаляя изъ Москвы постепенно подозрительныхъ лицъ. Самыя важныя распоряженія Шакловитаго, изложенныя въ 25 статьяхъ и утвержденныя царями 30 дек. 192 г., окончательно ослабили силу стрѣльцовъ (*П. С. Зак. II, № 978; Зап. Туманс. VI, 170—176. 226—255).*

Успокоивъ волненія разныхъ классовъ общества въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смутъ, руководясь преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобы они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевозахъ, „и въ иныхъ причинныхъ мѣстехъ,“ ловили и разспрашивали накрѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ, про ихъ товарищей и понаровщиковъ, а отписки присылали въ приказъ. „Сентября въ розныхъ числѣхъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди

невѣдомо для чего; а для тайнаго проходу надѣваютъ на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжные и иное такое жъ платье, чтобы ихъ не познали, а побѣгу ихъ чаять на Двину въ иные тамошніе мѣста." Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ „прелестнымъ и смутнымъ" словамъ и письмамъ; а объявляли бы ихъ и записывали извѣты въ книгу; воеводѣ предоставлялось право розыскивать накрѣпко, „и то лихое дѣло искоренять по своему разсмотрѣнію." Въ 1683 Марта 22 изданъ былъ указъ: „Которые люди объявились на Москвѣ и въ городѣхъ и говорили въ народѣ, на соблазнъ и на страхованіе людемъ, многія затѣйныя дѣла вмѣщая смуту: и тѣмъ людемъ вмѣсто смертныя казни чинить наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ разные городы. А въ ихъ в. государей грамотахъ про нихъ написать: буде они, будучи въ тѣхъ городѣхъ, учнутъ какія непристойныя и причинныя къ смутѣ слова говорить, или за какимъ воровствомъ ходить, или они хотя въ маломъ въ какомъ воровствѣ объявятся, и имъ учинить указъ противъ статей, каковы даны въ московскіе стрѣлецкіе полки, и каковы посланы въ городы изъ Разряду" [101]).

Если во внутреннихъ областяхъ Россіи бѣжавшіе стрѣльцы и другія личности распускали нелѣпые слухи и желали ловить рыбу въ мутной водѣ, то въ странахъ козацкихъ и въ окраинахъ Руси московская смута отозвалась еще сильнѣе. Поляки радовались возникновенію волненій на Москвѣ, имѣя въ виду возвратить себѣ Малороссію, и старались разсѣевать тамъ самыя невѣроятныя вѣсти. Еще 5-го іюня 1682 г. правительница въ грамотѣ къ гетману Самойловичу писала объ этомъ „польскомъ навѣтованіи и разныхъ непристойныхъ поголоскахъ." Гетманъ тоже извѣщалъ московское правительство, „что изъ Польской стороны, какъ прежъ сего ничего добраго не походило противъ государства нашего царскаго величества, а особно на Малую Россію, много паче въ нынѣшнее время является, чтобъ ни есть могли смятеніе какое въ нашей Украинѣ учинить." Смутныя вѣсти, доносившіяся изъ Москвы и перетолкованныя разными лицами, сильно встревожили стрѣльцовъ, стоявшихъ въ Украйнѣ. Правительство московское обѣщало стрѣльцамъ пожаловать по 10-ти рублей человѣку, также какъ и въ Москвѣ, чтобы они на царскую милость были надежны и служили вѣрно. (*Собр. грам. IV. стр. 448—9).* Не смотря на это, въ Переяславлѣ стрѣльцы вышли изъ повиновенія воеводы, завладѣли кабакомъ, одного изъ стрѣльцовъ назначили въ приказную избу заправлять дѣлами, вмѣсто своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, выбрали другихъ и послали съ 20 человѣками челобитную въ Москву. Путивльскій купецъ Бѣляевъ распускалъ слухи въ городѣ Конотопѣ, что подъ Путивлемъ остановятся тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ.

Коротояцкій боярскій сынъ Микита Егупковъ Малшинъ былъ паемщикомъ за козака, возилъ государевы хлѣбные запасы въ Черкасскъ. У него отнялись руки и правая нога, зашелъ онъ помолиться въ г. Чиру въ Чирскомъ монастырѣ и жилъ двѣ недѣли. Пришелъ туда слѣпой рыжій; платье на немъ „кожанъ лосиной“ и были съ нимъ 2 человѣка. Слѣпой подалъ строителю Макарію письмо и сказалъ, что несетъ грамоту царя Іоанна на Донъ, козачьему атаману, „будто его вел. государя бояре на Москвѣ не почитаютъ. Да въ тожъ число подали они же строителю Макарію письмо на кругломъ листу, а въ томъ де листу написано: бояре де хотѣли московскихъ стрѣльцовъ порубить и московскіе де стрѣльцы за то бояръ самихъ порубили, а за какія вины и кто имяны бояря порублены, и въ томъ де письмѣ написаны имянно.“ *(Доп. къ А. Х.*, № *97*, *стр. 432)*. Гетманъ Самойловичъ прислалъ съ своими посланцами чернца Саломона Ясинскаго и его дьяконскія распросныя рѣчи. Пойманъ онъ въ Нѣжинѣ и разглашалъ въ малоросійскихъ городахъ межъ малоросійскимъ народомъ „всякія непристойныя (непотребныя), плевелосѣятельныя слова,“ и въ дорогѣ у посланцовъ гетманской листъ и письма выкралъ и распросныя рѣчи свои, „а объявилъ о тѣхъ письмахъ и отдалъ ихъ гетманскимъ посланцомъ на Москвѣ въ 9-й день, а роспросныхъ своихъ рѣчей не отдалъ; а въ роспросѣ тотъ чернецъ сказалъ, будто онъ тѣ письма захватилъ въ Калугѣ съ соломою, на которой спалъ тотъ посланецъ, и положилъ къ себѣ въ телѣгу отъ Калуги въ 20 верстахъ, а гетманскому посланцу не сказалъ для того, чаялъ что стрѣлецкія грамотки, п. ч. они сургучемъ запечатаны, а тѣхъ-де писемъ онъ не челъ и про роспросныя рѣчи свои сказалъ, что онъ ихъ не видалъ и во всемъ запирался.“ Всѣ эти тревожныя вѣсти заставили правительство издать указъ (1683 г. нояб. 30) — не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по калужской и тульской дорогамъ (*П. С. Зак. II*, № *1053*). По свидѣтельству Гордона, въ 1684 г. авг. 3 велѣно наказать кнутомъ вѣстовщика, говорившаго, будто цари велѣли разорить Межигорскій и Кириловскій монастыри за сообщеніе съ поляками и моленіе за короля.

Въ землѣ козаковъ на Дону тоже постоянно разсѣевались ложные слухи и, вѣроятно, не безъ вліянія московскихъ стрѣльцовъ. Воронежскій воевода О. А. Нармацкой показалъ: „Воронежцы (8 сент. 1683 г.) Гришка Полунинъ съ товарищи ходили въ Черкасскъ шить мужскіе шапки; туда пришелъ чернецъ съ грамотой отъ царя Іоанна Ал. завислой печатью и попъ соборной въ кругу козакамъ челъ. Былъ тутъ Евсевій Бехтѣевъ Елчанинъ (г. Ельца) дворянинъ. Козаки его спрашивали, что онъ за человѣкъ и зачѣмъ на Дону? Онъ разнился въ рѣчахъ и козаки хотѣли посадить его въ воду: „знатно-де, что онъ бѣжалъ

съ Москвы за тою грамотою, которую къ нимъ въ войско старецъ принесъ, и хотѣлъ тое грамоту у старца отбить.“ Козаки хотѣли къ Москвѣ идти, но Фролъ Минаевъ уговаривалъ и сдавалъ атаманство, что получаютъ они большое жалованье изъ Москвы берутъ и хотятъ идти на своихъ государей. Лучше узнать, что за грамота. „И тѣ де оба письма въ монастырѣ Чиру строитель Макарей велѣлъ честь церковному дьячку“ и чли всѣмъ старцамъ вслухъ. А тѣ два человѣка говорили: „кому бъ-де такое писмо съ Москвы провезть, токмо не тотъ слѣпой, п. ч. де никто на него не почаятъ, „хотятъ де государя Іоанна „бояря извести, и чтобъ-де Донскіе козаки съ рѣки шли, къ Москвѣ.“ Слѣпаго и двухъ человѣкъ отпустили въ Черкасскъ. „И тотъ де слѣпой съ тѣми людьми по козачьимъ городкамъ тѣ письма давалъ честь. А куда они пошли съ письмами внизъ по рѣкѣ, ему не вѣдомо.“ (*Доп. къ А. X.*, № *97*, *стр. 430. 432*). Государи „указали окт. 18 нищихъ Родку Иванова да Ѳедку Иванова, за ихъ великіе непристойные слова, сослать съ Москвы Родку въ Колской острожской у. въ Печенской монастырь а Ѳедку—въ Соловецкій монастырь. И быть имъ въ тѣхъ монастырѣхъ подъ началомъ, и смотрить за ними накрѣпко, чтобъ за ними никакого воровства не было; а буде они, будучи въ монастырѣхъ, объявятца въ какомъ воровствѣ, и о томъ Двинскаго и Холмогорскаго острога бояромъ и воеводамъ къ нимъ, вел. государемъ, писать...“ (*Доп. къ А. X*, № *110*). Смуту на Дону увеличивали тѣ изъ русскихъ безпокойныхъ головъ, которыхъ ссылали въ Украйну на поселеніе. Битые кнутомъ, лишенные рукъ, ногъ, носовъ и ушей, они перебирались изъ указанныхъ имъ для жительства городовъ на Донъ, начинали здѣсь волновать козаковъ, оспаривать царскіе указы и дѣла въ кругахъ, поддерживали своимъ крикомъ людей недовольныхъ и преступныхъ и брали такую силу надъ козацкими старшинами, что власти молчали, изъ опасенія быть убитыми.

Прежнія широкія козацкія притязанія начала XVII в., въ правленіе царевны Софіи уже значительно съузились; вмѣсто стремленій къ образованію вольнаго самостоятельнаго государства, теперь дѣло ограничивалось разбойничьими набѣгами партій съ цѣлью грабежа. Разинское вліяніе уже сильно падало и сама козацкая старшина склонялась на сторону московскаго правительства и недолюбливала безпокойныхъ похожденій искателей приключеній, гдѣ могли страдать интересы русскіе. Впрочемъ, и судьба этихъ отдѣльныхъ партій была незавидна и роль ихъ игры не продолжительна. Въ 1683 г. атаманъ Максимъ Скалозубъ набралъ шайку охотниковъ и двинулся съ ними на Волгу добывать зипуновъ“ у независимыхъ отъ московскаго государства калмыковъ. Однако, миновавъ калмыковъ, Скалозубъ сдѣлалъ нападеніе на Царицынъ и побилъ много государевыхъ людей. Извѣщая объ этомъ Го-

лицына, Фролъ Минаевъ не совѣтовалъ посылать къ Скалозубу увѣщателей, чтобы не испортить его, какъ испортили Стеньку Разина, и чтобы не привлечь къ нему голутвенной вольницы. Скалозубъ, дѣйствительно исчезъ [105]).

Безпорядки, возникшіе по вопросу о крѣпостномъ правѣ, также остановили вниманіе правительства, которое спѣшило стерепь ихъ слѣды. Похваляя холоповъ за вѣрную службу и давая имъ *на погребъ* деньги, когда они собрались къ Троицкой лаврѣ на защиту царей, власть государственная однако вовсе не думала позаботиться объ ослабленіи крѣпостнаго права. Напротивъ, она старалась уничтожить слѣды возникшихъ стремленій къ свободѣ боярскихъ людей во время стрѣлецкихъ смутъ. Въ сентябрѣ 1682 г. въ бѣлгородскомъ у. въ вотчинѣ митрополита бѣлгородскаго, въ с. Новой Слободкѣ съ деревнями, крестьяне чинили между собою совѣты и въ колокола на бунтъ били, и въ круги сходились и бѣлгородскаго пристава, который посыланъ былъ за ними, били и вязали, и наказную память отняли, къ митрополичью двору приходили, посельскаго старца и домовыхъ людей побить хотѣли; изъ Бѣлагорода посыланы за ними начальные люди съ стрѣльцами, и они имъ взять не дались. Пятеро крестьянъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобы имъ за митрополитомъ въ крестьянствѣ не быть; ихъ здѣсь схватили и послали въ Курскъ для розыску. Оказалось, что бѣлгородецъ Ѳедька Озеровъ, пріѣхавъ изъ Москвы, научалъ крестьянъ бить челомъ о свободѣ и просилъ съ нихъ 20 руб.; онъ говорилъ: станетъ имъ всего небольшое, по гривнѣ съ двора, а нынѣ на Москвѣ время, отъ крестьянства васъ отставятъ; у него Ѳедора въ Москвѣ, въ патріаршемъ разрядѣ дьякъ дядя Анисимъ Озеровъ, ту ихъ челобитную донесетъ до в. государей и то дѣло сдѣлаетъ: Озеровъ и митрополичій крестьянинъ Трошка Чепурный болѣе другихъ принимавшій участія въ бунтѣ, повѣшены; другіе бунтовщики всего 27 человѣкъ биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно отосланы къ митрополиту въ крестьянство по прежнему. (*Ист. Рос. Соловьева XIV, 80—81*). Правительство озаботилось возстановить изодранные стрѣльцами крѣпостные акты, чтобы боярскіе люди не воспользовались волей. (*П. С. Зак. II, № 1080*). Оно издало 1683 г. февр. 13 слѣдующій указъ: „Холопья взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за смертнымъ страхованіемъ, и съ тѣми отпускными били челомъ кому во дворы, и дали на себя кабалы.“ Тѣ отпускныя и кабалы отставить; ихъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ. „А инымъ и отпускныя изъ приказу даны въ тожъ смутное время, по приговору князь Ивана и сына его князь Андрея Хованскихъ безъ ихъ в. государей указу, по ихъ воровству. Холопей, которые учинили воровствомъ своимъ въ мятежное время свободу отъ бояръ своихъ, чинить у отдачи жестокое наказаніе предъ приказомъ холопья суда, бить кнутомъ нещадно. А у кого

холопи служили, тѣ свое жалованье возьмутъ на холопѣхъ. А кто далъ отпускную и не хочетъ взять обратно, такихъ холопей наказывать жестоко и ссылать въ сибирскіе, низовые, украинные города и ужинскіе пригороды съ женами и дѣтьми на вѣчное житье. Чтобъ въ Москвѣ такихъ воровъ ни одного не было, ,,чтобъ впередъ такимъ ворамъ то было въ страхъ и большое наказаніе и не въ повадку и не въ похвальбу, и чтобъ отъ нихъ впередъ въ ихъ своевольствѣ какого дурна не было" (*П. С. Зак. II*, *№ 992*). Такое строгое распоряженіе заставляло, конечно, многихъ холоповъ спасаться бѣгствомъ отъ наказанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій, относительно бѣглыхъ. Дек. 1 велѣно у помѣщика за пріютъ каждаго бѣглаго брать по 4 семейства и отдавать лицу, которому принадлежалъ бѣглый; а потомъ вышло постановленіе брать за каждый годъ держанія бѣглаго по 20 р. Для поимки бѣглыхъ, помѣщикамъ давали стрѣльцовъ и пушкарей. Приливъ бѣглыхъ въ Сибирь такъ былъ значителенъ, что правительство нашло необходимымъ поставить заставы и не пропускать ихъ туда. Понятно, что изъ бѣглецовъ боярскихъ людей составлялись шайки разбойниковъ, которые прежде всего мстили своимъ владѣльцамъ за крѣпостное право. Въ 1683 г. нояб. 18 стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, городовые дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ били челомъ: ,,Крестьяне де ихъ многіе, разоря ихъ, разбѣжались, и живутъ въ розныхъ городѣхъ, и в. государи пожаловали бъ ихъ, велѣли для сыску и отдачи бѣглыхъ крестьянъ, въ городы послать сыщиковъ." (*П. С. Зак. II*, *№ 972. 986. А. юр. быта I*, *№ 51*, *стр. 162; А. Ист. V*, *№ 159; П. С. Зак. II*, *№ 997*, *998*, *1030*). Въ августѣ повторилась таже исторія: помѣщики жаловались, что во время чигиринскаго похода, когда они были на службахъ, ,,и съ крестьянъ де ихъ въ то время иманы полтинныя денги, и подымаючи на далныя службы и платя всякія подати, отъ нихъ многіе крестяне разбѣжались, видя себѣ великія нужды" въ Сѣвскъ, Комарицкія волости, Кромы, Рылескъ, Бѣлгородъ, Курескъ, Коротоякъ, Землянескъ, Острогожекъ, и во всѣ Бѣлгородскіе пригородки по чертѣ и за черту, на Елецъ, Воронежъ, Донковъ, Козловъ и козловскіе пригородки, въ понизовые городы: въ Казань, Свіяжскъ, Синбирскъ, Саратовъ, Саранскъ, Арзамасъ, Алатырь, Пензу, Ломовъ, Керенскъ и во всѣ казанскіе пригородки. ,,И приходя изъ бѣговъ тѣ ихъ крестьяне и люди, достальныхъ свою братью подговариваютъ, и домы ихъ жгутъ и крадутъ, и всякое разореніе чинятъ; а воеводы въ тѣхъ украинныхъ городѣхъ людемъ ихъ и крестьяномъ бѣглымъ велятъ жить для своей корысти;" а какіе помѣщики за ними ѣздили, и они на дорогѣ ихъ грабятъ и людей ихъ до смерти побиваютъ, чтобъ они убоясь, впредь за ними не ѣздили. ,,Послать сыщиковъ въ эти города и выслать, буде объявятся къ Москвѣ, брать по 20 стрѣльцовъ и ко-

заковъ. *(А. Эксп. IV, № 249)*. Подобныхъ явленій было множество въ разныхъ областяхъ Россіи *(См. мою статью:* „Разбойники и бѣглые временъ Петра В.“ *Библ. для чт. 1864 г.)* [106]). Смуты увеличивались еще отъ ложныхъ доносовъ; въ указѣ 31 марта 1688 г. между прочимъ означено: Бьютъ челомъ въ разореньи и грабежѣ и просятъ прислать изъ приказу сыскныхъ дѣлъ повальнымъ большимъ обыскомъ, „и по такому ихъ челобитью сыскивать и грамоты въ городы отпускать не указали, для того въ обыскахъ окольные многіе люди сказываютъ въ тѣхъ ихъ пріѣздахъ и въ разбояхъ на кого именно по явкамъ тѣхъ челобитчиковъ и людей ихъ и крестьянъ, а не сами подлинно вѣдаютъ и видѣли; а инымъ окольнымъ людемъ въ такихъ обыскахъ бываетъ душевредство и по розыску и по допросамъ лихованныхъ людей объявливаются у тѣхъ челобитчиковъ съ тѣми лихованными людьми сосѣдскія ссоры, а не воровскіе пріѣзды и не разбои.“ *(П. С. Зак. II, № 1294)*.

Послѣ раскольничьей московской смуты, правительство сильно вооружилось на ревнителей старины и своими строгостями возбудило тревоги и волненія по областямъ. Разбѣжавшись изъ Москвы по лѣсамъ керженскимъ, сибирскимъ, олонецкимъ и на Донъ, нѣкоторые изъ нихъ провозгласили царя антихристомъ и считали святымъ долгомъ противиться распоряженіямъ власти. Изъ показаній раскольниковъ на слѣдствіи 1719 г. ясно видно, что по ученію Ѳеодосія Васильева и его собратій, „бракъ, бываемый у православныхъ, съ 1688 г. порочень; а крещеніе съ того же года порочно и неправославно, за премѣну вѣры и книгъ неправославныхъ; и тѣло де и кровь Христову, бываемую въ церквахъ, они вмѣняютъ за простой хлѣбъ и вино; а объ антихристѣ отцы ихъ говаривали, что де будетъ не суще чувственъ человѣкъ, а уже де пришелъ онъ въ міръ съ 196 г. (1688), и нынѣ въ мірѣ есть, а познати де его приходъ въ міръ по перемѣнѣ вѣры и книгъ...“ Церкви де православные они святы не вмѣняютъ но порочны; а крестъ четвероконечный не сущій, но сѣнь; а сущій составляется отъ 3 древъ; которые пріемлютъ таинства и хотятъ въ нынѣшнія церкви, не православны вмѣняютъ. Ѳеодосіанецъ Семенъ Ивановъ разсказывалъ: патріарховъ восточныхъ и великороссійскихъ съ 1684—5 г. „и донынѣ разумѣютъ быти неправославныхъ, тако же и отъ нихъ рукоположеніе и освященіе пріемлющихъ за премѣну вѣры и книгъ и трисоставнаго креста и за сложеніе перстовъ, неправославны же. Антихристъ пришелъ уже въ міръ и живетъ онъ духовнѣ по дѣйству въ Великороссіи въ премѣнѣ на проѳирахъ креста и въ прочихъ дѣйствахъ церковныхъ таинствъ; а о царскомъ величествѣ разумѣютъ въ равенствѣ съ прочими помянутыми христіаны.“ *(Раск. дѣла Есипова I, 94—95)*. Правительство и духовное и гражданское вооружилось противъ раскола сильными сред-

ствами, когда почувствовало свою силу. Притязанія раскольниковъ, напоминавшихъ властямъ, что они уклонились съ истиннаго пути, которымъ шелъ народъ, привели ихъ къ страшному раздраженію. Сила у нихъ была въ рукахъ и имъ захотѣлось своихъ противниковъ стереть съ лица земли. Но сила государства, какъ внѣшняя, способна была уничтожать собственныя учрежденія; а народныхъ стремленій не искоренила. Она переказнила стрѣлецкое войско и замѣнила его другимъ; а съ расколомъ не могла сладить, потому что тутъ недостаточно было матеріальныхъ силъ, требовались силы духовныя, увѣщанія, убѣжденія и т. п. Внѣшнія средства наносили вредъ раскольникамъ, не задѣвая глубины ихъ духовныхъ потребностей: казнить и ссылать для правительства было легче, чѣмъ вести систематическую борьбу и миссію въ средѣ раскольниковъ. И вотъ сдѣлано распоряженіе въ ноябрѣ 1682 г., чтобы архіереи по всей Россіи старались розыскивать раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсылали грамоты, чтобы строго слѣдить и записывать, кто ходитъ къ божіей церкви; отъ нихъ „велѣно приходскимъ попомъ присылать въ судной приказъ росписи за руками,“ кто имянно противникъ церковный, не бываетъ у исповѣди. А если священники имянныхъ списковъ давать не учнутъ, быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть „въ ссылкѣ по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ они отъ упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и раскольничать престанутъ.“ (*Ркп. Солов. библ. № 20, с. 329—30*).

Эти внѣшнія мѣры не привели ни къ чему: раскольники продолжали проповѣдывать, что русскіе архіереи велятъ служить литургію *по римски надъ колобками* и ставятъ вмѣсто креста, *латинскіе крыжи*, священники — антихристовы предтечи, а самъ антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ. Царь Алексѣй Соловецкій монастырь казнилъ за старую вѣру, за то умеръ черезъ 3 дня. Но правительство не обращало вниманія на эти зловѣщіе толки и преслѣдовало раскольниковъ съ ужасающей силой и настойчивостью. Въ 1685 г. оно издало кровавыя статьи, по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы послѣ и раскаялся, подлежалъ смертной казни и проч. Раскольники двинулись цѣлыми толпами за рубежъ; оставшіеся въ Россіи сожигались сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ. Но не одно уклончивое отношеніе раскольниковъ мы видимъ къ силѣ государственной; встрѣчаемъ много случаевъ ихъ враждебнаго столкновенія съ военными людьми. Войска, посланныя въ Олонецкомъ краю воеводой для сыска раскольниковъ, сожгли въ лѣсахъ жилища и на обратномъ пути должны были выдерживать перестрѣлку съ толпами старовѣровъ. Но особенно замѣчательная борьба шла на Дону

и въ тамбовской губ. между царскими войсками и раскольниками; тамъ старообрядцы подговаривали козаковъ постоять за старую вѣру и идти на московское государство, искоренять враговъ старины — патріарха, архіереевъ и бояръ. На р. Медвѣдицѣ раскольники съ козаками основали Кузьминъ городокъ и начали производить походы противъ другихъ сосѣднихъ городковъ съ цѣлью ихъ обращенія въ старую вѣру. Но московская сила дошла до того, что могла распоряжаться прежнимъ задорнымъ козачествомъ и направлять ихъ силу по своему благоусмотрѣнію. Въ августѣ 1688 г. донскіе атаманы и козаки извѣщали царей и Софію, что ихъ атаманскимъ посыльщикамъ козаки верхняго Дона и запольныхъ рѣчекъ „цѣловали крестъ въ томъ, что будутъ служить царямъ вѣрно, въ соединеніи съ упомянутыми атаманами, а раскольникамъ не послаблять.“ Около того же времени козаки бились съ раскольничьими общинами около Тамбова и Козлова, смиряли общины, разселившіяся по верховымъ донскимъ городкамъ и по запольнымъ рѣкамъ, чинили имъ наказаніе и унимали ихъ отъ раскола, а непослушныхъ казнили смертью, и розыскивали раскольниковъ около Азова. Жалуя и милостиво восхваляя козаковъ за эти подвиги грамотою отъ 14-го августа того же 1688 года, цари и царевна указали козакамъ переловить раскольниковъ на Кумѣ и Медвѣдицѣ, и жилища ихъ разорить; если же бы этого не удалось сдѣлать по лѣтнему времени, то послать туда козаковъ на зиму, для задержки направляемыхъ къ раскольникамъ хлѣбныхъ и иныхъ припасовъ [107]).

Московское государство, не смотря на видимую уклончивость во время смутъ, ловко уничтожало частныя притязанія различныхъ партій на самостоятельное развитіе и свободу дѣйствій. Порѣшивъ дѣло съ представленіями народныхъ стремленій, при своемъ колебаніи въ ту и другую сторону, правительство оставило по себѣ добрую память единственно тѣмъ, что не подавило окончательно земства, а только проложило для достиженія этой цѣли прямой путь. Стрѣльцы, козаки, раскольники, крѣпостные люди, всѣ эти разрозненные члены земства, уже теряли свою силу и значеніе; они только могли заявлять свое неудовольствіе побѣгами и разбойничествомъ; другаго болѣе положительнаго исхода не оставалось [108]).

III.

Стремленіе къ праву въ народѣ такъ непобѣдимо и желаніе добра себѣ и другимъ до того сильно, что всѣ извороты политики и шпіонства, сплетенія интригъ и хитростей, ловкіе подкупы и внѣшнее могущество разбиваются объ эти общіе національные интересы и стремленія. Одна сила, движущая жизнью, вызываетъ другую противоположную силу къ борьбѣ, когда доходитъ до крайности, и за той только остается торжество, которая основывается на порядкѣ вещей, выработанномъ сообразно съ народнымъ характеромъ, мѣстными и временными условіями жизни національной; иначе народъ долженъ сдѣлаться безличнымъ. Если ограничиваться въ изложеніи исторіи XVII в. одной борьбой боярскихъ партій, то мы не увидимъ истиннаго двигателя жизни: одна партія свергаетъ другую; мѣсто вліятельнаго и энергическаго правителя заступаетъ дѣятель слабый; но отъ этого измѣняются только внѣшнія обстоятельства, не касаясь существа дѣла. Теченіе жизни несетъ свою глубокую идею, выработываетъ тѣ неумолимые законы, которыхъ не своротить съ пути никакимъ частностямъ и случайностямъ, никакимъ энергическимъ людямъ.

Борьба партій XVII в. явленіе вовсе не новое въ Россіи: она завязалась еще въ XVI стол. изъ-за началъ народныхъ, на которыхъ зиждется благосостояніе массы, изъ-за правъ и вольностей, которыя стала попирать боярская партія. Народная жизнь, слагаясь естественно, полна была смутъ и борьбы; но въ основѣ этой борбы лежала глубокая идея развитія опредѣленныхъ національныхъ началъ и формъ жизни. Служилое сословіе пошло не по этой дорогѣ, разорвало связь съ народомъ и невольно стало стремиться къ обособленію, къ перенятію формъ жизни изъ другихъ странъ. Подчинивъ себѣ низшій классъ народа, забравъ въ руки матеріальную силу, нельзя же ему было не стать выше презираемаго народа, нельзя было не увлечься сперва польскими костюмами и языкомъ западнорусскихъ ученыхъ, потомъ модой европейскихъ народовъ. Какъ по происхожденію, такъ и по своему административному положенію, большая часть бояръ не могла поладить съ народнымъ характеромъ: инстинктъ и

многія обстоятельства указывали имъ, что масса ненавидитъ ихъ, и слѣдовательно нужно искать опоры въ силѣ правительства высшаго. Движеніе жизни пошло въ сторону и завязалась борьба между высшимъ небольшимъ классомъ общества, но сильнымъ въ матеріальномъ и гражданскомъ отношеніи, и многочисленной, но бѣдной безправной массой народа. Идея этой борьбы оставалась одна и таже до позднѣйшаго времени, переходя различныя степени развитія народа, только ея внѣшнія формы принимали разнообразные оттѣнки.

Мы видѣли, что правительство Софіи успѣло разбить разныя проявленія народныхъ стремленій, ограничило козацкія вольности и принудило выдавать бѣглыхъ съ Дона, усмирило стрѣлецкія, раскольничьи и холопскія движенія и желанія. Опираясь преимущественно на людей худородныхъ, оно неизбѣжно должно было выдержать борьбу и съ боярами, въ средѣ которыхъ давно уже разгорались ссоры и взаимная вражда. Въ сущности, эта борьба боярская велась не за принципы жизни народной, а ограничивалась цѣлью—удержать тѣ или другія дворянскія права и привилегіи. Когда же дѣло шло противъ народныхъ интересовъ, тутъ бояре соединялись въ одинаковыхъ воззрѣніяхъ и желаніяхъ, исключая, можетъ быть, немногихъ частныхъ лицъ, сочувствующихъ земскимъ началамъ жизни. Бояре XVII стол. въ своихъ стремленіяхъ не заходили такъ далеко, чтобы мечтать о перемѣнѣ или ограниченіи царской власти,—и борьба ихъ носила печать полной покорности царю; на первый планъ всегда они ставили личныя заслуги передъ трономъ. Завязавшаяся борьба между двумя партіями, Нарышкиныхъ и Милославскихъ, окончилась въ правленіе Софіи въ пользу родственниковъ ея съ материнской стороны. Послѣ стрѣлецкаго бунта, Милославскіе забрали въ руки всю власть правительственную и роздали вліятельныя должности своимъ приверженцамъ. Страхъ, навѣянный стрѣлецкими и раскольничьими волненіями, и удачная расправа съ ними царевны отбивали всякую охоту у Нарышкиныхъ вступить сразу въ открытую борьбу съ своими противниками. Но, тѣмъ не менѣе, сдавленная злоба и ненависть сильнѣе накипали и начали мало по малу выражаться открыто. Друзья мѣстничества, уничтоженнаго по предложенію В. В. Голицына, не хотѣли вдругъ подчиниться новымъ правиламь объ отношеніяхъ бояръ. Въ средѣ дворянства обнаружилось движеніе противъ правительницы и ея приверженцевъ; стали являться сплетни и неодобренія разныхъ ея мѣръ; даже выразилось открытое неповиновеніе царю Іоанну. *Въ 1684 г. окт. 23* боярамъ Ив. Вас. Бутурлину, Алексѣю Петр. Салтыкову, окольничимъ кн. Якову Вас. Хилкову, Алексан. Савостоян. Хитрову, Матв. Петр. Измайлову, кн. Вас. Ѳедор. Жировому-Засѣкину, стольнику кн. Борису, княжь Ѳедорову сыну Долгорукому при-

казано „съ дворовъ до своего в. государей указу не съѣзжать; а у Василья Мяснова отнять честь, думное дворянство за то, что во 193 г. окт. въ 22 числѣ, на праздникъ Богородицы казанскія, по ихъ в. государей указу, велѣно имъ быть за в. государемъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ въ ходу, и изъ того ходу за св. иконами по городу. И для того къ нимъ на дворы посыланы изъ разряду подьячіе многажды, и они въ томъ ходу за в. государемъ и по городу за иконы не были; а про В. Мяснова люди его на дворѣ сказали, что онъ съ двора своего съѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь, а онъ въ томъ монастырѣ не былъ.“ *(П. С. З., № 1095)*.

Очевидно, всѣ эти лица склонялись на сторону Нарышкиныхъ, смѣялись надъ болѣзненнымъ и хилымъ царемъ Іоанномъ и не хотѣли за нимъ слѣдовать въ ходу. Дѣло принимало видъ протеста, за который ихъ, по настоянію Софіи, предали опалѣ отъ имени обоихъ государей. За тѣмъ 1 декабря в. государи и государыня царевна указали: стольниковъ и стряпчихъ, осеннихъ и зимнихъ походовъ, которые написаны за в. государемъ Іоанномъ, написать съ городами, т. е. городовыми дворянами за то, что въ походѣ за Хорошевымъ не объявились, опричь трехъ человѣкъ, Ильи Мих. Дмитріева, князь Вас. Ѳед. Македонскаго да Еѳима Сем. Кондырева. Этихъ опальныхъ лицъ оказалось болѣе 50 [109]). Разжалованные дворяне, если и увлеклись общимъ движеніемъ неповиновенія къ Іоанну, то впослѣдствіи становились врагами партіи Софіи и приверженцами Нарышкиныхъ. Внушить уваженіе къ такому слабому государю, какъ Іоаннъ Ал., было весьма мудрено; а наказаніе за неуваженіе естественно должно было только раздражать и усиливать чувство нерасположенія. Если бы онъ былъ одинъ, то приближенные могли бы смѣяться втихомолку и выражать притворно наружные знаки уваженія; но существовалъ исходъ изъ этого стѣснительнаго положенія: былъ 12 лѣтній государь даровитый, обѣщавшій многое, и всѣ недовольные становились подъ его знамя. Наказанія дворянъ правительствомъ царевны только раздражали ихъ, и всѣ обиженные переходили въ противоположный лагерь. Въ 1684 г. дек. 7 Ив. Дашковъ позволилъ себѣ даже ругаться въ царскомъ дворцѣ, и въ оффиціальномъ актѣ, изданномъ по этому случаю мы читаемъ: „В. государи и царевна указали: Ив. меньшаго Васильева Дашкова, что онъ будучи въ верху у ихъ государскихъ хоромъ, говорилъ невѣжливыя слова, послать въ тюрьму.“ Когда пришли за нимъ, его дома не сказали; взятые въ приказъ-разрядъ его люди говорили, что онъ „съ Москвы съѣхалъ въ Киржатской монастырь къ брату своему, строителю къ Іонѣ Дашкову.“ Дек. 8 послали нарочно туда подъячаго Краснаго, а онъ Дашковъ уѣхалъ въ Москву до него и явился въ розрядѣ. И дек. 11 ему сказанъ указъ: ты говорилъ невѣжливыя слова въ верху, „чего и въ

простыхъ домахъ такихъ рѣчей говорить не пристойно." Государи указали „бить батоги нещадно и написать съ городомъ по Алексину." И потомъ „пожаловали, на милость положили, батоги бить не велѣли, а велѣли быть по прежнему съ городомъ по Алексину." (*П. С. З. II. № 1098*).

Изъ этого факта, равно какъ изъ другихъ случаевъ ясно видно, что правительство послѣ волненій народныхъ не думало стѣснять дворянъ и прощало ихъ за уголовныя и государственныя преступленія (*Желябужс. 9*). Правительство Софіи чувствовало, что борьба съ боярами, которые такъ близки къ нему и заправляютъ всѣми дѣлами, какъ покорные слуги, будетъ для него тяжелѣе отрывочныхъ земскихъ смутъ, которыя подавило при посредствѣ боярской же силы. Борьба съ боярами должна была неизбѣжно повести къ уничтоженію ихъ правъ и возвышенію земства, къ освобожденію крестьянъ и къ другимъ радикальнымъ реформамъ; но царевна и Голицынъ, при своей уклончивости, не могли рѣшиться на этотъ смѣлый шагъ; тогда бунты и волненія охватили бы Россію; поэтому они стали подавлять проявленія народныхъ стремленій, направленныхъ для уничтоженія силы бояръ. Необходимость приводила къ практическимъ разсчетамъ—щадить своихъ приближенныхъ, которые отъ полумѣръ правительства становились настойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ.

По областямъ находились люди, которые привержены были къ той или другой партіи придворной и служили отголоскомъ болѣе открытымъ, чѣмъ московскія вѣсти. Одни разглашали грозные слухи для Софіи, другіе хотѣли возбудить народъ противъ Натальи Кириловны. Распространеніе этихъ слуховъ принадлежало преимущественно сосланнымъ изъ Москвы разнымъ лицамъ; слухи бродили особенно на юго-западѣ Россіи, гдѣ возбуждено было предубѣжденіе противъ московскаго государства со стороны Польши, а также въ древнихъ вольныхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Весьма характеристическій случай былъ во Псковѣ 1684 г.; чернецъ Печерскаго монастыря Іоасафъ Сарапъ, „пьяница и озорникъ и всякимъ крамоламъ великой составщикъ," хотѣлъ воспользоваться смутой стрѣльцовъ. Онъ во Псковѣ по образцу московскому „возмущалъ народомъ и стрѣльцовъ наговаривалъ на всякое дурно, чтобъ смятеніе учинить и бунтъ завесть." Скованный, сидя за карауломъ, онъ, „заминая свое воровство," сказалъ за собою государево слово; а на допросѣ показалъ, что въ маѣ 190 г. приходилъ къ его темницѣ стрѣлецъ Семенъ полку Пушечникова подъ видомъ монаха, „наложено у него чернеческое платье собою," и говорилъ Сарапу, „что де пришелъ онъ во Псковъ, чтобъ наговорить во Псковѣ стрѣльцовъ и козаковъ, чтобъ побить дворянъ всѣхъ и на Москвѣ побить бояръ всѣхъ на Семенъ день; а какъ де бояръ всѣхъ побьютъ и чернь овладѣетъ, и послѣ де того побьютъ великую государыню Наталью Кирилов-

ну и царя Петра.“ Все это Сарапъ разболталъ подъ пьяную руку во Пскове, когда въ Новгородѣ „учалъ быть совѣтъ къ бунту.“ (*Доп. къ А. И. XI*, № *74*).

Какъ ни ничтожны подобныя заявленія, они для царедворцевъ имѣли значеніе и возбуждали горькую думу о минувшемъ въ приверженцахъ Нарышкиныхъ. Возможность новаго появленія бунта, направленнаго противъ Петра, служила для ихъ сдержки; а въ тоже время неосторожныхъ недруговъ Софіи, Шакловитый подвергалъ допросамъ и пыткамъ; нѣкоторыхъ ссылали въ Сибирь. Въ 1685 г. нояб. 7, „за многое воровство и за непристойные и къ смутѣ заводные слова“ сосланъ съ Москвы на Верхотурье капитанъ стрѣлецкій Ив. Тавкуновъ въ женою Любавою; „велѣно держать его за крѣпкою сторожею, до тѣхъ мѣстъ, какъ объ немъ присланъ будетъ указъ.“ (*А. И. V*, № *130*).

Но этими частными ссылками нельзя было конечно вырвать съ корнемъ ненависть къ себѣ враждебныхъ лицъ: она развивалась по мѣрѣ прежнихъ боярскихъ счетовъ; а злоба противъ В. В. Голицына росла не по днямъ, а по часамъ. Самую громадную его заслугу старались очернить враги его: по поводу заключенія вѣчнаго мира съ Польшей, бояре распространили злую вѣсть, будто Оберегатель взялъ большую взятку съ польскихъ пословъ. Слухи и сплетни усиливались на счетъ правительства, которое однако не слишкомъ рѣзко относилось къ своимъ непріятелямъ. У правительства видимо не хватало настойчивости въ серьезныхъ столкновеніяхъ и, осуждая за разныя вины бояръ, оно только имъ показывало силу закона и государства; а сущность дѣла оставалась таже и преступныя лица тотчасъ получали прощеніе или ничтожное наказаніе и раздражались еще сильнѣе. Подобныхъ случаевъ повторилось много въ 1686 г. Когда умный и дѣятельный временщикъ В. Голицынъ ворочалъ правительственными дѣлами, родовитые вельможи хотѣли выдвинуть противъ него счеты мѣстничества; особенно врагами его были старинные князья Долгорукіе. Однажды велѣно было имъ состоять въ рындахъ вмѣстѣ съ Голицыными; нѣсколько лицъ изъ фамиліи Долгорукихъ скрылись, чтобы поддержать старыя права мѣстничества и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздражить сильно правительства; но царевна велѣла унизить ихъ до степени городовыхъ дворянъ, а у иныхъ отнять помѣстья и вотчины. Тогда они со слезами просили милости, оправдывались подъ разными предлогами и ихъ простили. [110]).

Очевидно, правительство Софіи не могло дѣйствовать такъ независимо и произвольно, какъ обыкновенно кажется: оно встрѣчало противовѣсъ постоянно со стороны приверженцевъ Петра, потому что во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ нельзя было обойтись безъ его подписи и слѣ-

довательно безъ доклада его сторонникамъ. Партія лицъ, приближенныхъ къ Петру, становилась годъ отъ году сильнѣе и настойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ.

Люди, искавшіе личныхъ выгодъ и недовольные разными отношеніями, старались воспользоваться случаемъ для униженія недруговъ своихъ и пускали въ дѣло наушничество и раздували домашній смыслъ рѣчей. Прислуга обыкновенно играла здѣсь немаловажную роль.

Когда Софія въ 1686 г. торжественно стала являться въ большіе праздники въ крестныхъ ходахъ, а Петръ рѣдко бывалъ въ нихъ, тогда злоба сильнѣе и сильнѣе накипала у враговъ ея и стали ей приписывать страшные замыслы. Сплетни и пересуды переносились изъ Кремля въ Преображенское и обратно; тайнымъ обвиненіямъ и предположеніямъ не было конца. Прислуга, въ чаяніи награды, охотно переносила вѣсти съ прибавками. Мы не знаемъ подробно всѣхъ секретныхъ замысловъ и толковъ на сторонѣ Натальи Кириловны, потому что изъ ея приверженцевъ впослѣдствіи не былъ никто подъ судомъ и слѣдствіемъ, не выносилъ страшныхъ пытокъ и только открыто хвалился своею приверженностью къ Петру. Но страшное дѣло Шакловитаго раскрыло даже всѣ тайныя невинныя домашнія рѣчи, направленныя противъ партіи Нарышкиныхъ; дѣло это коснулось и частныхъ сплетень. Царицыны постельницы извѣщали царевну, что „въ комнатѣ ихъ говорятъ про нее непристойныя и бранныя слова и здравія ей не желаютъ, а пуще всѣхъ Л. К. Нарышкинъ и князь Борисъ.“

По заключеніи славнаго вѣчнаго мира съ Польшей, друзья Софіи задумали писать въ актахъ полный титулъ царевны наравнѣ съ государями и провозгласили ее *самодержицей*. Это обстоятельство страшно встревожило Нарышкиныхъ, и Наталья Кириловна не утерпѣла, открыто стала грозить правительницѣ силой своихъ приверженцевъ; она прямо сказала ея сестрамъ и теткамъ: „Для чего царевна стала писаться съ великими государями вмѣстѣ?—У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ.“ (*Изъ дѣла о Шакловитомъ*). Приверженцы Петра, ругая Софію, жаловались на умаленіе власти его: стольникъ Языковъ открыто говорилъ, что имя царя Петра видимъ, а бить ему челомъ никто не смѣетъ. За эту неосторожность Шакловитый подвергъ его пыткѣ и выпроводилъ изъ Москвы.

Друзья Натальи Кириловны жаловались также, что Софія удалила изъ дворца царицу и стѣсняетъ ее на каждомъ шагу, хотя эти жалобы были по обыкновенію преувеличены. Непріятныя отношенія партій усиливались; Нарышкины начинали вмѣшиваться въ дѣла управленія и оспаривали распоряженія царевны. Такое натянутое положеніе дѣлъ естественно привело къ мысли правительницу и ея приверженцевъ—упрочить свою власть и силу посредствомъ торжественнаго вѣнчанія на царство Софіи,

чтобы никто не смѣлъ злословить помазанницу божію. Болѣе всѣхъ хлопоталъ объ этомъ Шакловитый, произведенный царевной изъ бѣдныхъ подъячихъ въ окольничіе.

Въ августѣ 1687 г. онъ сталъ предлагать нѣкоторымъ начальникамъ стрѣлецкимъ, чтобы они били челомъ государямъ о вѣнчаніи на царство правительницы Софіи и обѣщалъ написать челобитную для подачи. На сомнѣніе стрѣльцовъ—послушаетъ ли ихъ царь Петръ, Шакловитый отвѣчалъ: приметъ челобитную, если вы задержите Льва Кириловича и кравчаго Бориса Алексѣевича; патріарха можно перемѣнить, а бояре—*отпадшее зяблое дерево*, развѣ-де постоитъ до поры до времени одинъ князь В. В. Голицынъ. Но по нерѣшительности дѣятелей и отпору со стороны непріязненной партіи замыслы эти не могли осуществиться [111]). Стрѣльцы не въ силахъ были снова стать распорядителями государства и всегда боялись царской власти, особенно когда опытъ имъ показалъ всю несостоятельность ихъ прежнихъ стремленій—установлять нарядъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, высшіе бояре болѣе и болѣе злились на выходки худороднаго человѣка, который отзывался о нихъ, какъ о ничтожныхъ безжизненныхъ дѣятеляхъ, какъ *о зяблыхъ деревьяхъ*, когда они сами себя считали *столбами* государства.

При такой постановкѣ обстоятельствъ, нужно было вести дѣло правительницѣ очень искусно, тѣмъ болѣе, что за нее стояло не высшее боярство. Существуетъ мнѣніе, будто Софія, съ цѣлью возвышенія своего любимца В. Голицына, назначила его въ крымскій походъ; но скорѣе надо согласиться съ тѣми извѣстіями, которыя говорятъ, что онъ принялъ начальство по неволѣ, потому что того требовали враждебные ему бояре. Обстоятельства крымскихъ походовъ подтверждаютъ эту мысль. Такимъ образомъ, ни сама царевна, ни любимецъ ея Голицынъ не могли сладить съ непрізненнымъ боярскимъ лагеремъ; сила правленія была въ рукахъ не у нихъ однихъ. Это мнѣніе подтверждаютъ и письма Софіи къ Голицыну, которая не могла дождаться возвращенія изъ похода своего возлюбленнаго, и поведеніе Голицына, который постоянно развѣдывалъ чрезъ Шакловитаго о продѣлкахъ враждебныхъ ему бояръ и говорилъ въ послѣдствіи: „друзей и недруговъ было у меня много.“ Голицыну и въ войскѣ дѣлали обиды, какъ, наприм. однажды стольники, князь Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый пріѣхали съ людьми своими на смотръ въ траурѣ на лошадяхъ, покрытыхъ черными попонами. Предводитель войска не могъ съ ними ничего сдѣлать и выпрашивалъ имъ въ Москвѣ примѣрное наказаніе: „если не будетъ указа, заключалъ онъ, то *дѣлать намъ съ ними нечего: чтобъ не потакнуто было;* такъ бы разорить, чтобъ ѣчно въ старцы,—и деревни неимущимъ того часу раздать; учиненъ бы

былъ такой образецъ, чтобъ всѣ задрожали." Но своевольники испугались грозы, готовившейся разразиться надъ ними изъ Москвы, въ слезахъ просили у Голицына прощенія и онъ выхлопоталъ самъ же для нихъ милость государскую. Голицынъ удаленъ былъ въ Крымъ противниками, вѣроятно, съ цѣлью—поставить на его мѣсто сильнаго человѣка изъ своихъ, и во время крымскаго похода такимъ человѣкомъ явился—было, къ великому горю Голицына, князь М. А. Черкасскій. Оберегатель великія печати струсилъ и писалъ Шакловитому: ,,всегда намъ печаль, а радости мало, не какъ инымъ, что всегда въ радости и *въ своевольствѣ пребываютъ.*" При такомъ положеніи, Голицынъ не могъ пересилить своихъ враговъ: онъ былъ человѣкъ мягкосердечный и уклончивый дипломатъ. Враждебныя выходки противъ него и немногочисленной партіи Софіи постоянно подкапывали его приверженцевъ и набрасывали тѣнь на него. Говорятъ, что предъ вторымъ крымскимъ походомъ найденъ былъ у воротъ Голицына гробъ съ запиской, въ которой заключалась угроза, что если и этотъ походъ будетъ неудаченъ, какъ и первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Соображая всѣ тогдашнія отношенія боярскія, можно вѣрить этому извѣстію. Около этого же времени, Ивана Бунакова обвиняли въ томъ, что онъ вынималъ слѣдъ Голицына, и подвергли пыткѣ. Если примемъ во вниманіе дѣло Безобразова, то по неволѣ поставимъ достовѣрнымъ и это свѣдѣніе. Такой нерѣшительный народъ, какъ приверженцы Софіи, не могли дѣйствовать съ крѣпкой энергіей, какую имъ приписывали. Извѣстно, что В. В. Голицынъ провозгласилъ разъ въ походѣ тостъ за здоровье царевны Софіи вмѣстѣ съ царями, и то струсилъ; онъ спрашивалъ тотчасъ же, какое впечатлѣніе произвела эта выходка въ Москвѣ. И оказалось—ровно никакой, только воображеніе его соединяло съ этимъ что-то величественное и необычайное. Сила Голицына была слишкомъ ограничена, а сила партіи Нарышкиныхъ возрастала; все это ясно рисуется изъ писемъ Оберегателя печати къ Шакловитому. Большая часть этихъ краткихъ посланій говоритъ о той ненависти, съ какой относились къ нему бояре и вельможи, и какъ старались порочить его службу и очернить его въ Москвѣ своими письмами изъ похода. Многіе, не желая его видѣть въ царской милости, говорили: ,,напрасно-де стараго гетмана сняли, а новаго поставили;" другіе распускали молву, будто онъ Шепелева за бороду таскалъ, а Борисова—билъ. Ѳ. Ив. Шаховской и В. Д. Мясновъ нарочно сообщали ложные слухи въ Москву, будто во всѣхъ Черкасскихъ городахъ учинилось смятеніе; другіе въ полкахъ говорили, что на Москвѣ вспыхнулъ бунтъ. Изъ писемъ Голицына видно, до какой степени онъ не любилъ бунтовщиковъ 190 г., тогда какъ онъ долженъ остаться имъ благодарнымъ за его возвеличеніе, если бы въ самомъ дѣлѣ по интригамъ Софіи усилилось стрѣлецкое дви-

женіе. Отвѣчая на заявленіе, что враги его злорадуются на счетъ его неудачи въ крымскомъ походѣ, Голицынъ, какъ гуманный человѣкъ, отвѣчалъ, что отечество должно быть ему благодарно, такъ какъ онъ заключилъ миръ безъ пролитія крови. Въ отсутствіе Голицына, смуты росли и росли; партія его противниковъ громко заявляла, что одинъ Петръ долженъ царствовать; враги его усиливались—и вѣсти одна другой безотраднѣе сообщались ему въ лагерь: то найдутъ подметное письмо, то пишутъ о злорадствѣ враговъ его, то патріархъ явно дѣйствуетъ противъ его распоряженій. И съ грустью онъ отвѣчаетъ: намъ веегда печаль, а врагамъ веселье. Онъ отлично зналъ бояръ, противъ которыхъ хотѣлъ было ратовать и видѣлъ ихъ силу; поэтому говоритъ: ,,А что посылалъ къ Бѣлогороцкому розыскивать про Волконскаго, и то сыскано не будетъ, все будетъ закрыто." (*Письмо 18 въ дѣлѣ о Шакловитомъ*).

Духовенство, какъ и боярство, раздѣлилось на два лагеря: высшее примыкало къ сторонѣ правительства и бояръ, а низшее стало поддерживать земство и расколъ, но послѣднее должно было не рѣдко жертвовать своими головами, не достигнувъ цѣли. Какъ Никита Пустосвятъ, такъ и Хованскій имѣли одну участь, хотя одинъ былъ духовный, другой—свѣтскій дѣятель. Затѣмъ, по усмиреніи бунтовъ, когда явились два царя и образовались двѣ придворныя партіи боярскія, тогда и положеніе духовенства становилось щекотливымъ: нужно было поддерживать Софію или Наталью Кириловну, примкнуть къ родовитымъ боярамъ, или увеличить небольшой кругъ даровитыхъ дѣльцовъ, приближенныхъ къ правительницѣ. Это колебаніе въ духовенствѣ продолжалось столько же времени, сколько въ дворянствѣ, и совершенно совпадало съ нимъ. Глава духовенства, патріархъ сначала поддерживалъ сторону правительницы и допустилъ при торжественныхъ молебствіяхъ провозглашать на многолѣтіи имя ея вмѣстѣ съ именами обоихъ государей, прежде царицъ и старшихъ царевенъ (*Вивліоѳ. X, 137*). Но послѣ онъ сталъ горячо вступаться за Петра, когда открылось, что Софія и ея приверженцы явно дѣйствуютъ противъ него, принимая подъ свое покровительство южно-русскихъ ученыхъ и стоятъ на сторонѣ врага его С. Медвѣдева. Разумѣется, Нарышкины внушили патріарху о замыслахъ Медвѣдева, будто онъ хочетъ свергнуть патріарха и самъ стать во главѣ русскаго духовенства.

Въ правленіе Софіи, очевидно, высшее духовенство принимало сторону бояръ, отстраняясь отъ народа и по старинной силѣ и по установившемуся уваженію, имѣло вліяніе на дѣла гражданскія, котораго лишилось окончательно въ царствованіе Петра В. Вотъ какой фактъ заключается въ перепискѣ Голицына съ Шакловитымъ: ,,Пожалуй, отпиши: нѣтъ ли какихъ дьявольскихъ препонъ отъ тѣхъ, (т. е. отъ враговъ). Для Бога,

смотри недреманнымъ окомъ Черкасскаго и чтобъ его въ то недопустить, *(т. е. на мѣсто Стрѣшнева)*, хотябъ патріархомъ или царевнами *(теткими)* отбивать." Голицынъ писалъ, чтобъ силу патріарха употребить по его взгляду; а ему изъ Москвы отвѣчали, что патріархъ вовсе не его приверженецъ, а идетъ противъ него, и присталъ къ сторонѣ сильныхъ бояръ, побралъ изъ церкви въ с. Барашахъ сдѣланныя Голицынымъ ризы и кафтаны, и служить въ нихъ не велѣлъ: „О патріаршей дерзости подивляю, пишетъ безсильный Голицынъ Шакловитому; отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ? То дѣлаетъ все воля; какъ бы меньше имѣлъ входъ *(на верхъ)*, тогда бъ лучше было." Всѣ эти отношенія бояръ между собою и связь ихъ съ духовными лицими чрезвычайно интересны и выясняютъ ходъ послѣдующихъ столкновеній въ бунтѣ Шакловитаго. Самъ Петръ въ 1689 г. сталъ уже открыто заявлять о своей силѣ и правахъ: 8-го іюля онъ требовалъ отъ Софіи, чтобы она не ходила въ крестный ходъ, но царевна не послушалась и пошла; молодой царь разсердился, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. Затѣмъ онъ не соглашался на раздачу наградъ за второй крымскій походъ, и хотя потомъ согласился, но не допустилъ Голицына съ товарищами къ рукѣ. Когда за дерзкія рѣчи Петръ велѣлъ арестовать Стрижова и Шакловитый его не далъ, тогда онъ велѣлъ посадить подъ арестъ самого Шакловитаго, но скоро освободилъ.

Вражда двухъ боярскихъ партій повела къ ссорѣ Софіи съ Петромъ, хотя у насъ обыкновенно принято объяснять на оборотъ, будто Софія злоумышляла противъ брата, составляя заговоръ на его жизнь. Это мнѣніе, ни на чемъ не основанное, пущено въ ходъ для возвышенія геройской славы Петра, когда его считали чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря. Раздраженныя партіи старались всѣми силами дѣлать непріятности другъ другу, распускали нелѣпые слухи о ихъ планахъ и злобныхъ намѣреніяхъ; пущены были въ ходъ переносы и шпіонства; молва облекала все это въ страшные образы. При такомъ напряженномъ состояніи и тревожномъ ожиданіи недобраго, достаточно было ничтожнаго случая, чтобы обѣ партіи стали въ оборонительное положеніе. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда нѣтъ дѣйствительныхъ опредѣленно-сформировавшихся замысловъ; такъ было въ 1689 г. Подметное письмо, которое слѣдовало бы сжечь безъ всякой огласки, подало поводъ къ столкновенію враждебныхъ сторонъ и раздуло дѣло въ бунтъ. Каждая партія боялась враговъ и ожидала движенія съ противной стороны: въ Кремлѣ думали, что нападутъ изъ Преображенскаго потѣшные конюхи; а Нарышкины ожидали прихода стрѣльцовъ изъ Кремля. Такое тяжелое подозрительное положеніе скоро должно было разрѣшиться и кончиться преобладаніемъ одной стороны. Обстоятельства

этого дѣла изложены очень близко къ истинѣ у С. М. Соловьева, и я воспользуюсь его разсказомъ. „7-го августа на верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придутъ потѣшные конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шакловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троихъ деньщиковъ своихъ посылаетъ къ Преображенскому смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: деньщики не идутъ къ Преображенскому на указныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Чермный, но ихъ задоръ не сообщается другимъ: никто не знаетъ, зачѣмъ ихъ собрали — защищать или нападать; въ томъ и другомъ случаѣ будетъ усобица, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія пріѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ верхъ къ Шакловитому... Въ этомъ поступкѣ они увидали начало дѣла и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мелновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское увѣдомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убійство. Но не одни Мельновъ и Ладогинъ спѣшили въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ къ правительницѣ. Это такъ встревожило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: пріѣхали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ приходить въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ постели какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь и въ ближній лѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ со всѣми своими, кто только былъ готовъ, къ Троицѣ, куда пріѣхалъ въ 6 часовъ утра въ сильной усталости, и только что успѣлъ войти въ комнату, какъ бросился на постель, и заливаясь слезами, разсказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію и просилъ у него защиты. Осьмаго же числа пріѣхали къ Троицѣ царица Наталья Кириловна съ дочерью и невѣсткою, преданная Петру знать, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Главнымъ распорядителемъ здѣсь явился князь Борисъ Голицынъ. Москва пришла въ ужасъ, когда 8 числа распространилась вѣсть объ отъѣздѣ царя изъ Преображенскаго. Усобица начиналась — чѣмъ то кончится? На верху *старались показывать видъ*, что не обращаютъ на это происшествіе боль-

шаго вниманія. Шакловитый, узнавши объ немъ, сказалъ: „Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать.“ *(Ист. Рос. 123—125)*.

Ясно, что бунта никакаго не было и Шакловитый имѣлъ поводъ сказать о Петрѣ: „вольно ему взбѣсяся бѣгать.“ Понятно, что Софія и ея приверженцы собрали въ Кремль стрѣльцовъ для защиты и сначала не придавали значенія бѣгству Петра изъ Преображенскаго къ Троицѣ; въ этомъ случаѣ напрасно г. Соловьевъ хочетъ набросить тѣнь на Софію, будто бы она притворствовала, будто въ верху *старались показать видъ*, что не обращаютъ на это происшествіе большаго вниманія. Софіи дѣйствительно не приходило въ голову, чтобы побѣгъ Петра къ Троицѣ разстроилъ ее съ братомъ и рѣшилъ ея судьбу. Что же касается до сбора стрѣльцовъ въ Кремль, то изъ всего хода дѣла о Шакловитомъ ясно видно, что ихъ призывали изъ боязни нападенія противной стороны, ждали прихода потѣшныхъ конюховъ изъ Преображенскаго. Шакловитый велитъ двумъ довѣреннымъ подъячимъ ложиться спать во дворцѣ, посылаетъ развѣдывать по дорогѣ къ Преображенскому, куда пойдетъ царь Петръ. Слѣдовательно, нападенія вовсе не было, а одна предосторожность на всякій случай, чтобы не застали въ расплохъ. Тоже мы видимъ и со стороны приверженцевъ Петра: они наблюдаютъ, что дѣлается въ Кремлѣ, зачѣмъ необычно собраны войска съ заряженными ружьями и рѣшили, что для нападенія на Преображенское. Елизарьевъ, который нашелъ подметное письмо на Лубянкѣ, вѣроятно, самъ устроилъ все это дѣло, по крайней мѣрѣ есть много поводовъ подозрѣвать его въ этомъ: онъ былъ мастеръ на доносы. Что же касается до подговора стрѣльцовъ царевной и раздачи имъ денегъ; то естественно должна же она была имѣть какую—либо опору, когда потѣшные озорники грозили ей изъ Преображенскаго своими копьями. Въ видахъ предосторожности, въ ночь на 8-е августа привязали веревку къ языку набатнаго колокола въ Кремлѣ, чтобы сдѣлать тревогу, въ случаѣ внезапнаго ихъ нападенія. Въ дѣлѣ о Шакловитомъ подробно изложено, что со стороны Софіи и Шакловитаго не затѣвалось никакаго бунта: послѣ угрозы Натальи Кириловны силой своихъ близкихъ, „начало быть опасеніе;“ потомъ, когда Головкинъ приводилъ двухъ крикуновъ, открыто заявлявшихъ, чтобы Петру „быть одному государю,“ царевна еще болѣе стала бояться противной партіи. „А въ которые времена стрѣльцы *для такогожъ опасенія были въ сборѣ въ городѣ, а не для бунтовъ*,“ говорилъ Шакловитый. Тоже видно изъ словъ Софіи, которая видимо напугана была слухомъ о приходѣ потѣшныхъ въ Кремль, съ цѣлью нападенія на ея приближенныхъ. „И какъ де в. государыня изволила отъ Казанской Богородицы идти въ Кремль и изволила имъ говорить: естъ ли бы де она не опаслась, и какъ бы де пріѣхали изъ

Преображенскаго, всѣхъ бы де передавили." (*Прилож. 23, 24, 25*)

При розыскѣ по дѣлу Шакловитаго, всѣ домашніе разговоры о недолговѣчности Петра, о низкомъ происхожденіи царицы Натальи, о недалекомъ образованіи патріарха поставлены въ вину подсудимымъ лицамъ и раздуты были до государственныхъ преступленій. Поэтому показаніе Шакловитаго очень вѣрно, что намѣреніе убить царицу Наталью Кириловну ограничивалось однимъ разговоромъ и намѣреніемъ: „начались слова съ Куземкиныхъ словъ Чермнова, и *чрезъ разговоры они говаривали*, чтобъ ее убить и чтобъ въ Преображенскомъ зажечь, толко на мѣрѣ не стало." Мысль о вѣнчаніи царевны на царство, по мнѣнію Шакловитаго, внушена иноземцами, и стрѣльцы поступились - было на это; но Голицынъ отвѣчалъ, „что тому дѣлу зѣло удивляется и насилу пришелъ въ память, что то дѣло необычайное." Точно также у и Голицына не было прямой цѣли — убить Наталью Кириловну: онъ въ кругу своихъ близкихъ только позволялъ себѣ выражать сожалѣніе, что стрѣльцы не уходили царицу вмѣстѣ съ братьями, во время майскаго бунта, потому что она всѣмъ мутитъ (*См. въ Приложеніи къ настоящему сочиненію, стр. 4*). Хитрый и честолюбивый Цыклеръ первый понялъ, что дѣло Петра выиграетъ и безопаснѣе держать его сторону, чѣмъ правительницы; онъ тайно вызвался пріѣхать къ Петру и сообщить ему нѣкотырыя секретныя вещи. За Цыклеромъ отправились его друзья, искать счастья на сторонѣ новой силы, въ числѣ шести стрѣльцовъ, съ своими доносами и извѣтами, и во главѣ ихъ стоялъ Ларіонъ Елизарьевъ [112]). Самъ патріархъ, кажется, понималъ, какими побужденіями руководились извѣтчики, и потому, передъ слѣдственнымъ дѣломъ, намекнулъ имъ о добросовѣстности показаній, объяснивъ напередъ, что начало бунта открыто и противъ царя Петра и противъ него, патріарха Іоакима, что ищутъ головы обоихъ представителей власти — и гражданской и духовной. Этотъ мотивъ давно извѣстенъ изучающимъ исторію московскаго періода, когда личныхъ враговъ старались посадить именно на злоумышленіяхъ противъ властей. „А в. господинъ св. патріархъ говорилъ имъ съ великими слезами, что уже чинится такой злой умыселъ на в. государей и на него в. господина, и о приношеніи про тотъ умыселъ всякихъ явностей, поучалъ ихъ отъ божественнаго писанія многими притчами, и говорилъ имъ: будетъ кто изъ нихъ в. государемъ извѣщаетъ и приноситъ истину, а не чести и не инаго ради какого прибытку, и на нихъ буди его архіерейское благословеніе; а буде кто приноситъ чести ради или иныхъ какихъ причинъ, или ради недружбы, — и на томъ не будь его архіерейское благословеніе." Стрѣльцы отвѣчали, что умысла Шакловитаго не знаютъ, царямъ служить готовы и воровъ приводить. (*Дѣло Шаклов. свит. № 8, столб. 5*).

Между тѣмъ, со стороны московскихъ жителей къ Софіи и ее окружающимъ постоянно приходили нерадостныя вѣсти: лица, недовольныя правленіемъ царевны, постоянно разглашали, что царь Петръ не вернется изъ похода и его сторона побѣдитъ скоро; Голицынъ и Шакловитый, какъ главные виновники хода дѣлъ, должны поплатиться своими головами. Пока еще на Москвѣ оставалась сила въ рукахъ царевны, она старалась чутко слѣдить за этими смѣлыми разговорами неосторожныхъ людей и привлекала ихъ къ законной отвѣтственности. И по этимъ судебнымъ дѣламъ мы узнаемъ, что авг. 18 покровской сотни тяглецъ Марчко Андреяновъ говорилъ непристойныя слова, будто царь Петръ изволилъ итить изъ Троицкаго монастыря въ Ярославль, въ Троицкій монастырь съ Москвы ѣдутъ бояре и боярыни съ сундуками. Авг. 19 по извѣту стрѣлецъ В. Павловъ сказалъ, что въ Троицкій монастырь онъ посланъ по наряду съ полковникомъ Цыклеромъ и посланъ къ Москвѣ съ письмами. И Ларка Елизарьевъ... отъ Ив. Цыклера и отъ себя наказывалъ, чтобъ пятисотные Андрей Кондратьевъ... Стрижевъ побывали въ Троицкомъ монастырѣ, не опасаясь ничего, а отъ в. де государя на нихъ гнѣву никакого не будетъ! Видно, что Елизарьевъ человѣкъ ловкій. — Потомъ стрѣльцовъ 7 человѣкъ извѣщали на Троицкаго попа Хрисанѳа: былъ онъ 31 авг. у пятисотнаго Микиты съ попомъ Іустиномъ и спрашивалъ: „все ли де у нихъ здорово? И онъ де сказалъ, что у нихъ все далъ Богъ здорово, и попъ де Хрисанѳъ говорилъ: напрасно де они стали за холопа Голицына, онъ де такой же, каковы и они, ровенъ де онъ съ ними и таковъ, слово въ слово, что и они. Да онъ еще говорилъ про в. государыню... Софію Ал. непристойныя слова... Попъ Устинъ молвя, яко они напрасно стоятъ за вора Голицына, вышелъ вонъ; а Хрисанѳъ Оберегателя браня матерны говорилъ, что де имъ за такого вора напрасно и стоять.“ Непристойныя слова про царевну многіе слышали. Авг. 27 человѣкъ Нарышкина Ив. Степановъ говорилъ у стрѣльца полку Капустина, Ив. Сметаны: въ Преображенье прибѣгалъ къ царю Петру Ал. стрѣлецъ стремяннаго полку и в. государю извѣщалъ, что съ Москвы идутъ изо всѣхъ полковъ стрѣльцы съ ружьемъ, а хотятъ такъ же учинить, что надъ царевичемъ Дмитреемъ Ив. „И в. государь изволилъ взять съ конюшни Льва Кириловича лошадь и итить вь Троицкой монастырь, а съ нимъ только успѣли уѣхать постельничій Г. Иван. Головкинъ, да карло, да тотъ извѣтчикъ. Прибѣгли ночью къ Льву Кириловичу и онъ наскоро уѣхалъ. Да онъ же де Ивашко говорилъ: дай де только нашей братьѣ боярскимъ людемъ собратца, будутъ де они и сами стрѣльцовъ за ноги волочить; Оберегатель... былъ подъ Крымомъ, а ничего не сдѣлалъ, только де наполнилъ свои руки, а ихъ братьи боярскихъ людей тысячю другую

потерялъ, да чаятъ-ему, да окольничему головы отсѣкутъ. В. государь Петръ Ал. къ Москвѣ не будетъ, хотя и зовутъ; а пойдетъ въ В. Новгородъ, и тамъ де ему будетъ царство." Всѣ эти толки увеличивали страхъ и опасенія правительницы, и она хотѣла достигнуть цѣли угрозами и сдѣлала распоряженіе: у бѣжавшихъ съ Москвы къ Троицѣ стрѣльцовъ, „дворы и лавки, и всякіе торговые промыслы, гдѣ за ними есть, и во дворѣхъ платье и рухлядь и всякіе заводы отписать на в. государей." *(Дѣло о Шакл. № 5, столб. 309—320).* Но эти угрозы оказались безполезны: побѣги стрѣльцовъ становились чаще и чаще.

София поняла опасность и убѣждала стрѣльцовъ — не вмѣшиваться въ ея распрю съ братомъ; она послала патріарха уговаривать Петра, хотя и выражалась прежде, что онъ только мутитъ; патріархъ остался у Троицы, когда ему сообщили, что на мѣсто его хотѣли опредѣлить С. Медвѣдева. Извѣтчики не дремали и напали на Шакловитаго, самаго сильнаго и энергическаго приверженца царевны, обвиняя его въ заговорѣ на жизнь Петра. Софія сама поѣхала къ Троицѣ мириться съ братомъ, но въ селѣ Воздвиженскомъ встрѣтилъ ее Троекуровъ съ объявленіемъ, что если она пойдетъ, то съ нею нечестно будетъ поступлено; возвратившись въ Москву, она говорила, что насилу ушла изъ Воздвиженскаго, гдѣ ее чуть не застрѣлили, что Нарышкины и Лопухины добираются до нея и ея брата. Софія вышла къ стрѣльцамъ, „и приводила ихъ ко кресту, и изволила имъ говорить: есть ли де вы побѣжите въ походъ, и ихъ де животворящій крестъ не попуститъ... И говорила про св. патріарха: посягаетъ онъ на нее, в. государыню, чѣмъ бы де ему уговаривать, а онъ де самъ посягаетъ... Чуть ее посылные люди не застрѣлили. А пріѣхали де они къ ней съ санапалами и съ луки. И призоветъ де она полки и станетъ говорить сама. У царя Іоанна комнату дровами заклали, и хотятъ де князю В. Голицыну голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ: полское перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не было, и его де промысломъ и съ Дону выдаютъ. И вы де насъ не покиньте!" И дала 100 р. Гладкому и Елизарьеву. Другимъ стрѣльцамъ царевна тоже жаловалась: „Братъ де ея... в. государь Петръ Ал. присылалъ спалника, чтобъ прислать всеконечно къ очной ставкѣ приставовъ Андрюшку Кондратьева съ товарищи; и я де ихъ не пошлю для того, мошно де дать очная ставка и на Москвѣ. А и давать де очной ставки имъ съ ними не для чего, тамъ де ихъ 10 человѣкъ, а здѣсь де 20,000. А кн. Борисъ де Голицынъ да Левъ Нарышкинъ съ братьями растащили государскую казну... Житье де наше ставится коротко, и в. государя Іоанна Ал. ставятъ ни во что, а ее де, в. государыню, называютъ тамъ дѣвкою, и будто де она, в. государыня, и не дочь в. государя, царя Алексѣя... самодержца? И радѣла де она, в. го-

сударыня, обо всячинѣ, и все изъ рукъ тащатъ. А будетъ вамъ мы не надобны, и мы пойдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать. И указала она в. государыня дать имъ пяти человѣкамъ 100 р.“

Между тѣмъ изъ Троицкой лавры присланъ былъ 1-го сентября, въ новый годъ, полковникъ Нечаевъ съ грамотами и требовалъ выдачи мятежниковъ — Ѳедьку Шакловитаго и старца С. Медвѣдева для розыска. Софія сначала погорячилась и приказала - было казнить Нечаева, но потомъ раздумала. Стрѣльцы разсказывали потомъ въ Троицкомъ монастырѣ о поведеніи Софіи въ этотъ день слѣдующее: „Велѣно имъ, стрѣльцамъ, которые присланы изъ Троицкаго походу, быть въ верхъ, и они де прислали на Красное крыльцо всѣхъ полковъ по 10 человѣкъ, и ихъ де позвали въ верхъ за переграду къ Золотой рѣшетки. И вышла де къ нимъ в. государыня Софія Ал. и говорила: „Для чего де вы пріѣхали и съ какимъ указомъ? И они де ей подали указы, которые съ ними въ полки посланы. И она де, в. государыня, говорила имъ: чему де вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали? Тѣ де писма отъ воровъ составлены. И вы де безъ указу съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите для того: братъ де мой, в. государь Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И для которыхъ де людей вы присланы, и я де ихъ вамъ не отдамъ, для того *будетъ де отдать вамъ 9 человѣкъ, и они де оговорятъ и 900 человѣкъ, — чему тому вѣрить?* Довелось де прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыску, которые ихъ оговариваютъ, — и я де васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ, не дамъ, и для того въ Троицкій монастырь пошлю боярина... Зачто де тѣхъ людей выдать, они де люди добрые и намъ холопи вѣрные и будетъ ихъ выдать и ихъ станутъ пытать: оговорятъ свою братью многихъ, хорошо бъ доводчиковъ прислать къ Москвѣ, да не къ тому знатно то дѣло клонятъ, хотятъ меня извести. *Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистію къ вѣрной службѣ и радѣніи Ѳеодора Шакловитаго, назвали его заводчиками злаго умысла.* Чтобъ развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Ал. велѣлъ меня остановить *по наущенію злыхъ совѣтниковъ*, и должна я была возвратиться съ великимъ срамомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіянскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованіемъ, и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. *Ужели послѣ того вы намъ учинитесь не*

вѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ и смуты заводятъ. *Не головы Ѳедора Шакловитаго ищутъ, ищутъ головы моей*, и брата моего Ивана Алексѣевича." (*Изъ дѣла о Шаклов. № 8, столб. 35—58).* По моему мнѣнію, въ этой прекрасной рѣчи, откровенно высказанной передъ стрѣльцами и передъ народомъ, безъ всякой задней мысли, въ виду грозящаго горестнаго положенія, скрывается вся разгадка дѣла и мнимаго заговора на жизнь Петра.

Сент. 2-го Софія распорядилась ,,поставить прибылой караулъ въ Кремлѣ и на Лыковѣ дворѣ по полку, перемѣняясь посуточно, а по Земляному городу во всѣхъ воротехъ, чтобъ всякихъ чиновъ людей, которые пріѣдутъ изъ походу, имать и приводить на стѣнной караулъ." И царевна опять имѣла разговоръ съ стрѣльцами, которые присланы были изъ походу; призвавъ ихъ, она вела рѣчь, ,,чтобъ они по кого пріѣхали, не имали и съ Москвы въ Троицкій монастырь безъ указу не ѣздили, покамѣстъ она изволитъ послать къ в. государю Петру Ал. отъ себя боярина. И какъ отъ него отвѣтъ будетъ, и она имъ о томъ скажетъ. А буде де кто чрезъ тотъ ея указъ въ Троицкій монастырь поѣдетъ, и тѣмъ женъ своихъ и дѣтей не видать." Но дѣла приняли грозный оборотъ для правительницы, такъ что власть ея уже не имѣла вліянія на стрѣльцовъ: они сначала выжидали, потомъ хлынули толпами по направленію къ Троицкой лаврѣ.

Доселѣ принято было смотрѣть на смуту 1689 г. глазами сторонниковъ Петра и считать только несомнѣнными ихъ показанія, основанныя на доносахъ шпіоновъ и пройдохъ, которые рады были случаю въ мутной водѣ рыбу ловить. Если же мы хотя въ половину будемъ вѣрить показаніямъ подсудимыхъ, то выведемъ заключеніе, что въ словахъ Софіи и Шакловитаго много правды, именно: партія Нарышкиныхъ объявила правительницѣ послѣднюю борьбу и вышла совсѣмъ изъ ея подчиненія; она искала только случая осилить враговъ своихъ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Поэтому все дѣло основано было на извѣтахъ и доносахъ, такъ что Шакловитый справедливо замѣтилъ: Ларіонъ Елизарьевъ и другіе извѣтчики, стакавшись съ Ив. Цыклеромъ, затѣяли напрасно. Если бы не подсудимымъ, а слѣдователемъ явился Шакловитый, то главные приверженцы Петра непремѣнно оказались бы государственными преступниками въ отношеніи къ царю Іоанну, и тогда они помѣнялись бы ролями съ Б. Голицынымъ. Къ такому заключенію приводитъ послѣдняя служба Шакловитаго въ пользу царевны; это—его сказка по всѣмъ чинамъ московскаго государства для оправданія дѣятельности Софіи, что она приняла правленіе государствомъ по челобитью народа и въ самое смутное время; а теперь Нарышкины безчестятъ ее и ея брата, царя Іоанна Алексѣевича, къ рукѣ его не ходятъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и

насилія, а Петръ не даетъ отвѣта, когда бьютъ челомъ на нихъ; комнату царя Іоанна забросали полѣньями и изломали его вѣнецъ.

На новыя требованія выдачи Шакловитаго, Софія отвѣчала, что сама отправится къ Троицѣ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Если бы Софія хитрила, чувствовала себя виноватой въ отношеніи къ Петру, она не позволила бы себѣ ѣхать къ нему и открыто говорить предъ народомъ, имѣла бы время убраться за границу; Софія всегда дѣйствовала прямо и съ стрѣльцами не церемонилась. На сторону Петра перешли всѣ иностранцы и у Троицы дѣла велись тайно и хитро, доносы сыпались одинъ за другимъ; прибывшіе иноземцы поцѣловали у царя руку и онъ самъ поднесъ каждому по чаркѣ водки. Толпа стрѣльцовъ, желая прекратить тревоги, пришла въ Кремль и требовала выдачи Шакловитаго. Окружающіе царевну уговаривали исполнить ихъ просьбу, чтобы не пришлось поплатиться жизнью многимъ—и 7 сент. Шакловитый былъ выданъ. Въ монастырѣ подвергли его пыткамъ; онъ показалъ, что стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта, что онъ на жизнь Петра никогда не умышлялъ. Мнѣ основательнымъ кажется, что въ вѣрности показанія Шакловитаго нельзя сомнѣваться тѣмъ болѣе, что онъ откровенно упомянулъ о разговорѣ съ Чермнымъ Кузьмой объ убійствѣ царицы Натальи. Филипъ Сапоговъ объявлялъ, будто Шакловитый подговаривалъ его—бросить ручныя гранаты, когда пойдетъ Петръ, или убить, во время пожара въ Преображенскомъ. Но этому одиночному показанію можно и не вѣрить, принимая во вниманіе характеръ розыска о бунтѣ Шакловитаго и весь ходъ дѣла [113]).

Прослѣдивъ все дѣло, затѣянное о Шакловитомъ и его приверженцахъ, выносишь тяжелое впечатлѣніе: серьезнаго заговора никакого тутъ не было: если что затѣвалось, то это была проба, попытка отдѣлаться отъ личныхъ враговъ—Натальи Кириловны и Льва Кириловича Нарышкиныхъ и отъ Бориса Голицына. Относительно Петра тутъ не было и рѣчи. Если принять во вниманіе всевозможныя стремленія петровской партіи поймать на всякой мелочи приверженцевъ Софіи и раздуть каждый ничтожный фактъ, каждое кабинетное интимное слово; если сообразить, что потвержденія искомыхъ данныхъ добывали страшными пытками; то можно увѣриться, что отъ болтовни до дѣла тутъ было очень далеко, и бунта совершенно нельзя было ожидать. Если Шакловитый подговаривалъ стрѣльцовъ на отчаянное дѣло, то они никогда бы на него не рѣшились: цареубійства можно ожидать было только со стороны высшихъ бояръ. Самые близкіе приверженцы Софіи съ ужасомъ выслушивали одни предположенія и намеки на страшные кровавые замыслы. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ царевнѣ лицъ, В. В. Голицынъ, не одобрялъ никогда крутыхъ мѣръ, даже вѣнчаніе на царство правительницы считалъ дѣломъ великимъ, а С. Мед-

вѣдевъ, услыхавъ о преступныхъ замыслахъ, грозилъ страшнымъ судомъ тѣмъ, кто вздумалъ бы возстать противъ царя. Разъ, извѣстный извѣтчикъ, Ларіонъ Елизарьевъ пришелъ къ Медвѣдеву и со слезами говорилъ: пришла-де на насъ бѣда великая, не знаемъ какъ быть, призывалъ насъ Ѳедоръ Шакловитый, меня да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброську Петрова и говорилъ, что имъ тайно въ ночь побить боярина Л. К. Нарышкина, да кравчаго кн. Бориса Алексѣевича и иныхъ. Медвѣдевъ отвѣчалъ ему: „если вы такъ сдѣлаете, то пропадете и съ Ѳедоромъ здѣсь и въ вѣчное душами; скажите ему Ѳедькѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ невозможно, а инымъ говорить вы о томъ не смѣете, говорилъ бы онъ самъ.“ При одномъ извѣстіи о рѣшительныхъ средствахъ упрочить свое положеніе цареубійствомъ, ужасъ оковывалъ самыхъ приближенныхъ любимцевъ Софіи, выгодное положеніе которыхъ было тѣсно связано съ ея силой; и они съ отвращеніемъ отвергали кровавый планъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ оказывается, что серьезныхъ замысловъ совсѣмъ не было. Правительница хорошо знала и испытала, что именемъ царей и въ защиту ихъ противъ стрѣльцовъ можно собрать силы цѣлой русской земли; но противъ нихъ нельзя двинуть и шести приверженныхъ энергическихъ лицъ. Вообще, изъ слѣдственнаго дѣла о Шакловитомъ, которое я основательно изучилъ, ясно видно, что партія Петра хваталась за каждый ничтожный случай для обвиненія своихъ противниковъ. Явныя нелѣпости, которыя приписывали главнымъ приверженцамъ Софіи, даютъ прекрасный случай—оцѣнить степень достовѣрности и другихъ извѣтовъ и судить о ходѣ самаго производства дѣла. Всякая сплетня, распущенная обусурманившимся козакомъ, каждый извѣтъ ловкаго схимника или пройдохи поляка—все служило для обвиненія противниковъ партіи Нарышкиныхъ. Сами слѣдователи едва ли не лучше нашего знали, что многіе извѣты или ложны или преувеличены и чуть ли нѣкоторые не ими подстроены; по крайней мѣрѣ есть такое же основаніе подозрѣвать ихъ въ заговорѣ противъ Софіи и ея друзей, на какомъ обвиняютъ ея приверженцевъ въ рѣшительныхъ замыслахъ противъ Петра. Сочли же преступникомъ Шакловитаго на слѣдствіи за то, что онъ называлъ бояръ отпадшими зяблыми деревьями и говорилъ о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, что она въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила. Очевидно, боярская партія не терпѣла этого выскочки и желала, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли своего зазнавшагося врага.

Мнѣ нѣтъ нужды излагать подробности дѣла о Шакловитомъ и для избѣжанія этого я помѣстилъ цѣликомъ въ приложеніи отрывки изъ подлиннаго розыска, — для моей цѣли достаточно указать на громадное разногласіе между его показаніемъ и заключеніемъ судей. Шаклови-

тый высказалъ, что у него не было мысли покушаться на жизнь Петра, а судьи обнародовали въ приговорѣ, что онъ сознался во всѣхъ вводимыхъ на него богопротивныхъ замыслахъ. Онъ заявлялъ, что о перемѣнѣ патріарха и объ убійствѣ царицы Натальи былъ только разговоръ и тѣмъ ограничилось дѣло, а въ приговорѣ прямо означено, что чуть-чуть не исполнено. Онъ показывалъ, что стрѣльцовъ въ Кремль вызвали изъ опасенія нападеній сторонниковъ Петра, а эти же сторонники толковали народу, что онъ собралъ вооруженныхъ стрѣльцовъ ночью съ цѣлью—убить царя Петра. Поэтому враги величали его прямо воромъ, клятвопреступникомъ и т. п. (*См. въ Прилож. стр. 21—22*). „Въ ночи на 8 авг. въ царствующемъ градѣ Москвѣ, не боясь Бога и страшнаго его суда прещенія, забывъ свое обѣщаніе и ихъ государскую премногую милость, премѣнися въ сосудъ діавола, якоже Іуда Христа предатель, клятвопреступникъ и измѣнникъ Ѳедька Шакловитой, съ такими жъ ворами и клятвопреступниками и измѣнниками, съ товарищи своими учинили въ стрѣлецкихъ многихъ полкахъ возмущеніе многолюднаго собранія съ ружьемъ тайно; а по воровскому своему злому намѣренію, тотъ воръ и клятвопреступникъ съ товарищи хотѣли придти въ с. Преображенское для злохитрственнаго своего ухищренія на ихъ государское здоровье и милостію всесильной Троицы." Царь съ матерью сохранены и соблюдены. . . Клятвопреступники и измѣнники переиманы „и по розыску въ томъ своемъ воровствѣ на ихъ государское здоровье въ умыслѣ и во всенародномъ возмущеніи и въ иныхъ своихъ многихъ воровствахъ винились, и за то ихъ воровство и умышленіе" Шакловитой съ товарищи казненъ смертію, а товарищамъ его языки рѣзаны и учинена торговая казнь, и сосланы въ ссылку [111]).

Поводъ къ разгулу страстей человѣческихъ былъ поданъ сильный: кто хотѣлъ забить окончательно своего недруга, кто доносомъ и извѣтомъ желалъ выползти въ люди, а кому нужно было удовлетворить жажду корысти. Мы видимъ, какъ всѣ извѣтчики выпрашиваютъ себѣ награды за вѣрную службу, пожитки и дома сосланныхъ лицъ. Время правленія Софіи было временемъ доносовъ и интригъ, когда каждая партія, каждое лицо искали своихъ цѣлей при помощи боярскихъ столкновеній и придворныхъ смутъ. Какъ лекарь Берловъ былъ доносчикомъ на Артамона Матвѣева и на Ивана Нарышкина, такъ и Елизарьевъ утопилъ Шакловитаго и Цыклера, дѣйствуя въ пользу Петра. Нѣтъ сомнѣнія, что Шакловитый имѣлъ побужденія отдѣлаться отъ Нарышкиныхъ, какъ враговъ своихъ, чтобы дать просторъ дѣятельности царевны, и у него бродила мысль воспользоваться силой стрѣльцовъ. Онъ все пріобрѣлъ по милости Софіи и всего сразу могъ лишиться; онъ вылѣзъ изъ людей незначительныхъ и ничтожныхъ въ чинъ окольничества, сдѣлался намѣстникомъ Вяземскимъ и заправлялъ всѣми

почти дѣлами. Ему былъ интересъ удержать Софію на тронѣ, иначе самому грозила первобытная судьба. Враги его добивались головы дерзкаго выскочки, управлявшаго боярствомъ и его судьбами, и преувеличили его замыслы. Весьма знаменательное извѣстіе передаетъ въ своихъ запискахъ свидѣтель событій тогдашняго времени, П. Гордонъ: когда распространился слухъ сент. 8, что Шакловитаго будутъ казнить послѣ первой пытки, то многіе изъ служилыхъ людей собрались въ монастырь, по ихъ словамъ, *служа в. государю*, били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь велѣлъ сказать имъ, что онъ показаніями Шакловитаго доволенъ, а имъ непристойно вмѣшиваться въ это дѣло. Другое извѣстіе говоритъ, будто Петръ не находилъ виновнымъ и не соглашался на казнь Шакловитаго съ товарищами; но патріархъ и царскіе приближенные настояли, чтобы они были преданы казнямъ [115]).

По дѣлу Шакловитаго привлеченъ былъ къ суду другой выскочка не боярскаго роду, но человѣкъ съ сильной душой и широкимъ образованіемъ, это—С. Медвѣдевъ, который позволялъ себѣ критически относиться къ области церковныхъ дѣлъ и къ личностямъ высшаго духовенства. Обвинивъ его въ ереси за книгу „Манна хлѣба животнаго,“ враги запутали его и по политическимъ дѣламъ. Вотъ какія вины его вычислены въ смертномъ приговорѣ 5 окт. 1689 г.: Медвѣдева казнить смертью „за воровство, и за измѣну, и за возмущеніе къ бунту,“ потому что 1) Шакловитый пріѣзжалъ къ нему и бесѣдовалъ о убійствѣ царицы Натальи Кириловны и о коронованіи царевны Софіи Ал.; 2) къ нему приходили измѣнники стрѣльцы Оброська Петровъ, Никитка Гладкой, Алешка Стрижовъ съ товарищи и говорили о злыхъ умыслахъ, и о возмущеніи ночнаго бунта, и о побіеніи бояръ и ближнихъ людей; 3) онъ говорилъ, что сторона Петра повезетъ дней на 10, а потомъ опять сила царевны возьметъ свое; 4) говорилъ непристойныя слова про патріарха и держалъ у себя караулъ; 5) бѣжалъ изъ Москвы съ измѣнниками стрѣльцами; 6) по приказу Шакловитаго раздавалъ деньги стрѣльцамъ, когда онъ ѣздилъ къ гетману. Тотъ же Филипъ Сапоговъ, который сдѣлалъ извѣтъ на Шакловитаго, донесъ и на Медвѣдева, будто онъ, вмѣстѣ съ землякомъ своимъ, замышлялъ убить патріарха. Между тѣмъ по ходу дѣла видно, что Медвѣдевъ и не могъ мечтать объ этомъ, находясь въ постоянномъ страхѣ, какъ бы патріархъ не выслалъ его изъ Москвы. О взглядѣ и отношеніяхъ своихъ къ патріарху онъ высказалъ, что святитель мало ученъ и рѣчей богословскихъ не знаетъ, и прибавилъ: „а караулъ у меня былъ отъ велика дни для того, чтобъ патріархъ тайно меня не сослалъ.“ Слѣдовательно, правительство Софіи уже безсильно было прямо освободить своего сторонника отъ при-

тязаній власти патріарха, когда прибѣгало къ косвеннымъ мѣрамъ, поставило у него караулъ и внушило стрѣльцамъ, чтобы они сказали, если придутъ за нимъ отъ патріарха, будто Медвѣдевъ арестованъ по дѣламъ государственнымъ. Эта хитрая уловка обнаруживаетъ слабость правительства царевны—и Медвѣдеву ничего нельзя было лучше придумать, какъ уйдти изъ Москвы. Обыкновенно побѣгъ его объясняютъ сознаніемъ участія въ заговорѣ и представленіемъ страха наказанія. Но Медвѣдевъ ускользнулъ изъ Москвы, когда увидѣлъ, что врагъ его — патріархъ, авг. 19—22 перешелъ на сторону Петра и ему нельзя было ожидать добра; онъ бѣжалъ 31 августа вечеромъ, когда пріѣхалъ Нечаевъ съ рѣшительнымъ требованіемъ выдачи его, Шакловитаго и ихъ сообщниковъ, которые всѣ названы были измѣнниками. Іоакимъ узналъ въ Троицкой лаврѣ изъ извѣта Сапогова, какъ Шакловитый съ Медвѣдевымъ замышляли убить его и возвести на патріаршество простаго старца, т. е. Медвѣдева. Ненавидѣвшій Медвѣдева, какъ личнаго своего врага, за его рѣзкіе отзывы, патріархъ не сомнѣвался въ дѣйствительности замысловъ честолюбиваго настоятеля Спасскаго монастыря за иконнымъ рядомъ. Еще при царѣ Ѳеодорѣ распущенъ былъ слухъ, будто С. Полоцкій, не ладившій съ Іоакимомъ, совѣтовалъ царю поставить 4 патріарха въ Россіи, а Никона сдѣлать папой, удаливъ Іоакима въ Новгородъ. *(Татищева Ист. Рос. I, 573)*. Безъ сомнѣнія, также основательны были и нареканія на ученика и друга Симеона Полоцкаго, С. Медвѣдева, что онъ добивается всѣми мѣрами стать во главѣ русскаго духовенства, хотя бы пришлось для достиженія этой цѣли умертвить патріарха. Можетъ быть, когда—нибудь и была рѣчь у земляковъ, что хорошо бы Медвѣдеву, какъ образованному человѣку, занять мѣсто патріарха, который его преслѣдуетъ и не даетъ ему ходу; но придавать широкое значеніе такимъ словамъ могли только враждебныя ему лица, а историкъ не можетъ раздѣлять ихъ пристрастнаго взгляда [116]).

Что же касается до обвиненія его въ возмущеніи св. церкви сочиненіемъ—„Манна,“ то онъ отвѣчалъ: книгу писалъ по приказу царевны и ее посылали гетману и кіевскимъ властямъ къ свидѣтельству, послана была и другая съ ней книга, писанная Лихудами, и на нее въ Кіевѣ напечатано обличительное сочиненіе, которое прислано въ Москву В. В. Голицынымъ въ 197 г. Доносъ Филипа Сапогова въ замыслахъ—вмѣстѣ съ Шакловитымъ убить патріарха, онъ призналъ ложнымъ; дали имъ очную ставку: Медвѣдевъ не сознался и Сапоговъ не доказалъ. Настоятеля монастыря разстригли и подвергли пыткамъ; когда дали 5 ударовъ, онъ повинился только въ одномъ, что говорилъ обидныя слова про патріарха: „учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ.“ Эти слова противъ высшей духовной московской власти сочли вмѣстѣ и государственнымъ преступленіемъ,

и поставили въ число обвинительныхъ пунктовъ для произнесенія надъ бывшимъ подъячимъ смертнаго приговора. Но Медвѣдевъ, знавшій отлично литературу, былъ правъ, считая патріарха неучемъ, потому что Іоакимъ дѣйствительно былъ недалекій человѣкъ въ образованіи. Онъ не зналъ, напримѣръ, что такое Флорентинскій соборъ и гдѣ можно прочитать о немъ, тогда какъ во многихъ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ дѣло излагается весьма подробно и обстоятельно. Ясно, что патріарху не были извѣстны русскія лѣтописи.

Точно такого же характера и другія обвиненія Медвѣдева въ политическихъ замыслахъ; онъ показалъ на слѣдствіи: „Шакловитый о государскомъ здоровьѣ и о убійствѣ никакихъ словъ мнѣ не говаривалъ,“ только говорилъ дважды наединѣ, „какъ бы не было царицы Натальи Кириловны, такъ бы у царевны съ царемъ Петромъ было совѣтно.“ Началась пытка, дали Медвѣдеву 15 ударовъ; онъ сознался только въ томъ, что говорилъ стрѣльцамъ: „не бойтесь, хотя-де царя Петра сторона и повезетъ,—и много будетъ дней на 10, а то опять будетъ рука сильна стороны царевны.“ Такъ передавалъ ему Шакловитый, который слышалъ эти пророчественныя слова отъ юродиваго. Онъ сознался, что убѣждалъ своихъ близкихъ перетерпѣть печальное для нихъ время разлада Софіи съ Петромъ, потому что надѣялся на хорошій исходъ дѣла. Слѣдователи хотѣли поймать его на одной запискѣ, въ которой означены были имена нѣкоторыхъ стрѣльцовъ; Медвѣдевъ отвѣчалъ на расспросы такъ: „письмо, что написаны имена стрѣлецкіе, какъ объявилось у него Сеньки, того онъ не вѣдаетъ; а стрѣльцы де къ нему прихаживали стремяннаго Ефимьева Жукова (т. е. накараулъ), а иныхъ приказовъ, которые въ той росписи написаны, къ нему не прихаживали, а знатно де то письмо объявилось отъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые прихаживали.“ *(Москвит. 1843, X, 387).* Самую крупную свою государственную измѣну Медвѣдевъ обнаружилъ въ пыткахъ, что онъ подписывалъ подъ портретомъ Софіи титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы,“ изображалъ 7 ея добродѣтелей и сложилъ въ похвалу царевны вирши. Какъ ни невинно кажется на нашъ взглядъ это занятіе пѣснопѣніемъ въ честь царственнаго лица, но оно выражало искреннюю привязанность къ царевнѣ и служило къ возвышенію ея незаконной власти, а потому и считалось посягательствомъ на порядокъ государственный.

Такимъ образомъ, обвинительные пункты ясно говорятъ сами за себя, и изъ нихъ вовсе не видно, чтобы дѣйствительно Медвѣдевъ былъ измѣнникомъ и заговорщикомъ; напротивъ, не смотря на страшныя истязанія въ пыткахъ, онъ не нашелъ въ своей жизни ни одного преступнаго замысла. Не смотря на пристрастное слѣдствіе, никто изъ свидѣтелей не могъ доказать серьезной вины за нимъ; но голова его нужна была ко-

му-то и враги царевны обрадовались новому и самому нелѣпому извѣту. Пойманъ былъ одинъ изъ сообщниковъ Шакловитаго, А. Стрижовъ, который тоже, разумѣется въ пыткахъ, обвинялъ Медвѣдева въ сношеніяхъ съ колдуномъ и чародѣемъ полякомъ Силинымъ, вызваннымъ въ Москву лечить глаза царю Іоанну Алексѣевичу; обвинялъ онъ его и въ томъ, что Медвѣдевъ въ разговорѣ съ Силинымъ сообщалъ, будто Софія хочетъ выйти за мужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патріаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертію, 11 февр. 1691 г. *(Въ Щитѣ Вѣры означено 12 сент. 198 г.).*

Такъ погибъ талантливый монахъ С. Медвѣдевъ, бывшій сначала мелкимъ подъячимъ, потомъ придворнымъ духовнымъ лицомъ; онъ захотѣлъ помѣряться своими силами съ высшими церковными правителями, которые происходили изъ бояръ Савеловыхъ, Корсаковыхъ и т. п.; поэтому испыталъ одинаковую судьбу съ своимъ землякомъ Шакловитымъ, который вздумалъ тоже бороться съ высшимъ боярствомъ и смотрѣлъ на него презрительно. Страшная месть не замедлила обрушиться на ихъ головы.

Въ правленіе Софіи, государственная власть еще считала своимъ личнымъ оскорбленіемъ, когда раздавались неуважительные отзывы о власти церковной; а сила высшаго духовенства въ свою очередь старалась оградить неприкосновенность правительства духовными средствами, наприм. страхомъ суда Божія и церковнаго наказанія. И вотъ подвернулись два лица изъ представителей партіи Софіи—Шакловитый и Медвѣдевъ; одинъ дѣйствовалъ въ области гражданской, другой—въ сферѣ церковной; они пошли наперекоръ существующему порядку вещей,—и за то лишились своихъ головъ. Не смотря на пытки, они сознались въ невинныхъ замыслахъ, которые высказывали въ пріятельскомъ небольшомъ кругу; да если бы приверженцы Софіи сознавались и въ громадныхъ преступленіяхъ, то трудно было бы вѣрить этимъ свидѣтельствамъ, вынужденнымъ пытками. Странный пріемъ исторической критики допускается доселѣ: одни показанія на пыткахъ считаются вѣрными, а другія—ложными; если подсудимый говоритъ противъ себя, значитъ—показанія безпристрастны, а если порывается защищать себя, отвергаются, какъ невѣрныя. Но мы имѣемъ подлинныя свидѣтельства, что лица, обвинявшія себя во всевозможныхъ и небывалыхъ преступленіяхъ во время розыска, говорили на себя „не стерпя пытки;“ на пыткахъ не могли быть безпристрастны и нерѣдко лгали на себя, чтобы хоть на время прекратить мучительную боль. Защитники Петра съ ужасомъ говорятъ, какъ пытали въ Константиновскомъ застѣнкѣ Ивана Нарышкина, который будто бы стиснулъ зубы и ни слова не сказалъ, и фонъ-Гадена, который сознался во всевозможныхъ преступленіяхъ. Между тѣмъ, они принимаютъ на вѣру, что всѣ показанія

Медвѣдева, Шакловитаго и другихъ несомнѣнны и составляютъ фактъ неоспоримый.—Нужно бы положить за правило—считать ложью всѣ признанія, вынужденныя пытками. Такъ въ 1774 г. одна женщина, по имени Ѳедосья, въ г. Тотьмѣ, обвиненная въ чародѣйствѣ и порчѣ людей, созналась во всѣхъ взводимыхъ на нее преступленіяхъ; но когда привели ее къ срубу на казнь сожженія, она при всемъ народѣ заявила, что поклепала себя напрасно, потому что не въ силахъ была вытерпѣть страшныхъ мученій во время пытокъ, которымъ подвергали ее на слѣдствіи. Другія мнимыя вѣдьмы сознавались также въ пыткахъ, что онѣ портили людей, обращались сами въ сорокъ и въ дымъ,—и имъ вѣрили.—Затѣмъ если мы обратимъ вниманіе на переписку извѣтчиковъ по дѣлу Шакловитаго, которые состояли между собою въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и на главную роль Цыклера, то выведемъ безошибочное заключеніе, что между ними была предварительная стачка, чтобы дѣйствовать сообща противъ друзей Софіи. *(См. въ Прилож. стр. 29—33)* [118]).

Отъ этихъ доносовъ, два худородныхъ мужа, Шакловитый и Медвѣдевъ, съ своими близкими, сошли въ могилу съ позоромъ; но не такой однако приговоръ произнесенъ былъ надъ человѣкомъ высшаго происхожденія, приверженцемъ Софіи, надъ княземъ В. В. Голицынымъ, хотя по ходу дѣла онъ является виновнымъ несравненно болѣе Медвѣдева, даже по взгляду самаго правительства. Его осудили въ ссылку за то, что онъ писалъ имя в. государыни Софіи вмѣстѣ съ именами государей и своимъ нерадѣніемъ во время крымскихъ походовъ причинилъ убытокъ государской казнѣ.

Враги Голицына хватались за каждый новый, хотя бы онъ былъ самый нелѣпый, извѣтъ. Такъ козакъ Глистинъ показалъ на слѣдствіи, будто Голицынъ взялъ съ хана деньги и по этому поворотилъ войска отъ Крыма. *(См. Прилож. стр. 1, 5, 8)*. Полякъ Митька Силинъ налгалъ на Голицына много нелѣпостей, будто онъ велѣлъ ему смотрѣть на солнце и узнать будущую судьбу царевны и щупалъ животъ у него; царевна хотѣла выйти замужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патріаршій престолъ. Сапоговъ увѣрялъ, что Оберегатель отступилъ отъ Крыма напрасно, а промыслъ надъ татарами чинить было можно, хотя, конечно, судить объ этомъ не имѣлъ ни малѣйшаго права и основанія. Но для враговъ Софіи достаточно было каждаго ничтожнаго случая, чтобы раздуть искру въ пожаръ. Явился цѣлый рядъ обвиненій, направленныхъ къ тому, чтобы окончательно подвести Голицына подъ топоръ. Изъ переписки его съ Шакловитымъ узнали, что Оберегатель писалъ, чтобы провѣдать о приводѣ двухъ человѣкъ, которые говорили, что царствовать слѣдуетъ одному Петру. Онъ совѣтовалъ подговорить стрѣльцовъ десятокъ - другой, чтобы бѣжали изъ Троицкаго походу, а тогда и царь прибудетъ въ Москву. Обвиняли Голицына, будто онъ ви-

сказывалъ предположеніе, что хорошо бы зажечь въ с. Преображенскомъ и, въ суматохѣ пожарной, убить царицу Наталью Кириловну; да онъ же говорилъ, „для чего де ее и въ 90 г. не убили; а если бъ де въ то время уходили, ничего бъ не было.“ Онъ зналъ, что стрѣльцовъ на 8 авг. собрали въ Кремль съ ружьями; въ то время Шакловитый пріѣзжалъ къ нему и пробылъ полчаса; а Голицынъ приказалъ полковнику Нармацкому запирать ворота, какъ пробьетъ часъ ночи, а отпирать за часъ до свѣта. Когда Шакловитый водилъ по 10 и больше стрѣльцовъ къ Софіи Алекс., Голицынъ присутствовалъ при этомъ. Онъ получилъ письмо и золотые отъ царевны, присланные въ Еренскъ съ Кропоткинымъ, и самъ отвѣчалъ письмомъ, начертаннымъ крюками.

Допросные пункты и инструкціи, данные въ руководство слѣдователямъ, до такой степени подробны и такъ легко могли запутать подсудимаго, что надо удивляться только дипломатической ловкости Голицына, какъ онъ не попалъ прямо въ разставленныя сѣти. Непріятели Голицына старались обвинить его въ сношеніяхъ съ различными колдунами; молва эта неизвѣстнаго происхожденія и пущена въ ходъ, вѣроятно, лицами изъ партіи Нарышкиныхъ. „Разстрига Сенька Медвѣдевъ въ распросѣ сказалъ и въ письмѣ своею рукою написалъ и съ пытки говорилъ: князь В. Голицынъ велѣлъ въ деревнѣ своей, (въ которой—не показалъ), въ банѣ, мужика сжечь для того, чтобъ проносу (молвы) отъ него не было, что онъ ему въ ѣствахъ дѣлалъ прилюбленія, и тѣ ѣствы отсылалъ онъ къ царевнѣ Софіи, а то де дѣлалъ по повелѣнью князя В. Голицына; а ему Сенькѣ про то сказывалъ иконникъ Васька Владиміровъ. А Васька сказалъ и съ пытки говорилъ, что мужикъ въ банѣ сожженъ, и что онъ сыпалъ въ ѣствы травы, а князь Голицынъ подносилъ ихъ царевнѣ. А слышалъ онъ про то отъ крестьянина Одоевскихъ Васьки Иванова.“ Въ опроверженіе этого нелѣпаго разсказа, В. Голицынъ отвѣчалъ: „ничего того не дѣлывалъ и не мыслилъ, и человѣка въ банѣ не сжигалъ.“

Обвинительные пункты постепенно разростались, особенно послѣ того, какъ Борисъ Голицынъ отстоялъ двоюроднаго брата отъ смерти; враги настаивали, что В. Голицынъ приказывалъ стрѣльцамъ всѣхъ полковъ, которые были присланы изъ крымскаго похода отъ р. Мерла къ Москвѣ, будто отъ Перекопа отступили для того, что воды не было 12 дней. Да онъ же изъ крымскаго похода писалъ о дѣлахъ, которыя в. государямъ были неизвѣстны; также и въ грамоткахъ своихъ во многихъ говорилъ про патріарха Іоакима непристойныя слова, а иныхъ многихъ людей называлъ ворами и бунтовщиками и своевольниками, а въ иныхъ во многихъ грамоткахъ писалъ крюками, невѣдомо какими словами, что и прочесть ихъ никто не узнаетъ. А въ распросѣ Голицынъ сказалъ: что имя

царевны обще велѣлъ писать по указу государей, а указа о томъ не бывало; чтобъ вѣнчаться ей царскимъ вѣнцемъ и про сборы стрѣлецкіе будто не вѣдалъ; а стрѣльцовъ изъ Троицкаго похода не приговаривалъ и про то не вѣдаетъ; стрѣльцамъ, шедшимъ изъ Крыма, о водѣ говорить не приказывалъ; въ грамоткахъ къ Шакловитому крюками писалъ будто о несогласіи полчанъ," а иныя статьи писалъ будто о томъ же, что писано русскимъ письмомъ, а прочесть ихъ будто безъ азбуки не знаетъ.—Во всѣхъ статьяхъ „вѣдая вину свою, запирался." Да и сынъ его князь Алексѣй во всѣхъ статьяхъ запирался... „И за тѣ ихъ вины довелся былъ князь Василій казнить смертью, а сыну его князю Алексѣю учинить наказанье." Если принесутъ вины, то не велѣть казнить ихъ, а буде въ чемъ запираться учнутъ, то обо всемъ написать именно; „а ихъ съ женами и дѣтьми послать изъ Еренска въ Пустозерскій острогъ на вѣчное житье, а животы его, которые по перепискѣ у него въ Еренскѣ явились, отдать имъ по прежнему." Для пропитанья имъ учинить жалованья поденнаго корму по 13 алт. по 2 деньги на день и давать изъ Пустозерскихъ доходовъ. Въ приставахъ быть у нихъ Павлу Скрябину, въ провожатыхъ капитанамъ московскихъ стрѣльцовъ Ив. Бордадатому да Авраму Сапогову и стрѣльцамъ 20 человѣкамъ, а отъ Двины до Пустозерска быть стрѣльцамъ съ прибавкою; окольничему Ив. Ив. Чаадаеву ѣхать назадъ къ Москвѣ, и полковнику и капитанамъ, которые были у него на караулѣ. „А людямъ его князь Васильевымъ быть съ нимъ дву человѣкамъ съ женами и съ дѣтьми, которые похотятъ," а не похотятъ, дать ему его жъ дву человѣкъ; а остальныхъ людей отпустить къ Москвѣ. *(Собр. грам. IV, № 209, стр. 625—628; П. С. Зак. III, № 1395).*

Возвысившись своими трудами и заслугами, В. В. Голицынъ не могъ предаваться мечтательнымъ планамъ и подзадоривать къ бунту стрѣльцовъ, и никогда не одобрялъ рѣзкихъ мѣръ. Онъ хотѣлъ достигнуть цѣли миролюбиво и дѣйствовалъ въ пользу Софіи нерѣшительно и слабо. Голицынъ оправдывался во взводимыхъ на него преступленіяхъ и выражалъ сомнѣніе, чтобы Шакловитый дѣлалъ на него такія показанія, которыя заявляютъ его враги—слѣдователи: „Милосердые государи, пожалуйте насъ, холопей своихъ невинныхъ, не велите повѣрить воровскимъ словамъ Ѳедкинымъ. А какъ онъ былъ живъ и пытанъ, и на меня ничего не говорилъ съ пытки. ...А оклеветанъ я неправедно и разоренъ безъ остатку" *(Приложен. 19).* Но образцомъ нелѣпыхъ доносовъ на Голицына былъ извѣтъ монаха Іосифа, который чуть-чуть не погубилъ бывшаго временщика. Правительство однако во-время открыло ложь чернеца; въ приговорѣ 7 марта 1691 г. означено, что бывшій чернецъ Іосифъ, разстрига Ивашка, въ воровскомъ извѣтѣ и оболганіи въ застѣнкѣ у пытки на Москвѣ

говорилъ: „что въ Еренскѣ у князь Василья былъ и слова отъ него такія, чтобъ его Василья бояринъ кн. Борисъ Ал. Голицынъ поберегъ до году, а царю Петру Ал. жить только годъ, слышалъ.“ Въ Еренскѣ на очной ставкѣ съ Голицынымъ говорилъ: „что онъ у него князь Василья былъ и человѣка его Сережку Бева, который его къ князю Василью привелъ, узнавалъ.“ А послѣ очной ставки у пытки въ Еренскѣ говорилъ, разстрига: „что онъ тѣмъ всѣмъ его, князь Василья, и человѣка его Сережку, котораго онъ узналъ, поклепалъ напрасно.“ Довелось его казнить, но велѣно положить на плаху, и снявъ бить кнутомъ и послать въ ссылку на Двину въ Сійскій монастырь. *(См. Прилож., стр. 2—3; Собр. грам. IV, № 209, стр. 625; П. С. Зак. III, № 1395).* Такимъ образомъ, оказалось, что схимникъ Іона, или монахъ Іосифъ оклеветалъ Василья Голицына съ единственной цѣлью, чтобы заслужить милость князя Бориса Голицына. Какой степени вѣроятія заслуживаютъ подобные доносы, показываетъ извѣтъ другаго чернеца Іоанникія. Четыре года спустя, послѣ ссылки Голицына, на Бѣлоозерѣ явились подметныя письма: въ нихъ монахи Кирилова Бѣлозерскаго монастыря обвинялись въ преступныхъ сношеніяхъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, въ желаніи испортить царя Петра со всѣмъ семействомъ. Въ началѣ 1694 г. открылось, что составителемъ писемъ былъ монахъ Кирилова монастыря Іоанникій, въ мірѣ Иларіонъ Семеновичъ Лопухинъ. Онъ повинился, что писалъ письма, желая освободиться изъ монастыря и разстричься. Его били кнутомъ и сослали въ Соловки.“ *(Ист. Рос. Соловьева, 39)*. Но Голицыну отъ этой ссылки не сдѣлалось легче: онъ прострадалъ въ заточеніи до конца жизни за свои громадныя заслуги на пользу отечества и умеръ въ 1713 г.; а сынъ его Алексѣй не выдержалъ тяжести опалы и сдѣлался полупомѣшаннымъ [119]).

Когда Голицына отправили въ ссылку, Шакловитаго казнили и расправились съ другими сторонниками правительницы, сила Петра восторжествовала, Софію заключили въ Новодѣвичій монастырь и приставили къ ней стражу для безопасности [120]).

Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, мы встрѣчаемъ разительные факты, какъ охотно расточались въ то время доносы и за ними слѣдовали пытки и казни, какъ разгаралась игра судьбами жизни человѣческой. Старикъ Безобразовъ, который приходился сродни Голицыну, долженъ былъ отправиться воеводою на Терекъ, въ родѣ почетной ссылки. Когда онъ былъ въ Нижнемъ, бѣжали его два холопа и донесли на него, что онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и подкупалъ разныхъ колдуновъ, чтобы они своими чарами приворожили къ нему царя Петра и царицу Наталью Кириловну; онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, остаться на Москвѣ. Затянулось дѣло и запутано было множество колдуновъ и чародѣекъ; двоихъ

сожгли въ срубѣ, инымъ исполосовали спины и сослали въ ссылку. Самъ Безобразовъ, который былъ виноватъ только въ томъ, что выжилъ изъ ума, по розыску обвинялся въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) людей наговаривалъ къ бунту стрѣльцовъ, 2) будто его посылаютъ въ ссылку на Терекъ Кирилъ Полуехтовичъ и Левъ Нарышкины, 3) видѣлся съ Шакловитымъ и говорилъ наединѣ въ чуланѣ, 4) Шакловитой говорилъ ему идти не спѣшно въ ожиданіи бунта, 5) призывалъ стрѣльцовъ подъ Даниловскій монастырь, увѣщевая къ бунту, 6) приказывалъ женѣ поить стрѣльцовъ, которые къ нему прихаживали, 7) изъ Мурома 6 сент. посылалъ людей провѣдывать на Москвѣ, что дѣлается, 8) ожидалъ смутнаго времени 6, 8 и 15 авг., а кончая сент. 1; грамотки Шакловитаго, прочитая дралъ; 9) шелъ медленно, ожидая смутнаго времени; 10) писалъ къ Шакловитому и памятницы посылалъ, таясь отъ людей своихъ; 11) посылалъ людей съ неволею искать волхвовъ и ворожей; 12) на Коломнѣ ворожилъ ему Ганка житель, заперпись въ чуланѣ; 13) въ Касимовѣ приводили татарку и она ворожила на деньгахъ и гадала про здоровье царя Петра и его матери: долго ль имъ жить, и про смутное время; 14) въ Переславлѣ Резанскомъ люди ходили къ волхвамъ и ворожеямъ и они ворожили, заперпись въ чуланѣ; 15) изъ Мурома въ Касимовъ посылалъ къ татаркѣ, какъ взятъ Шакловитый, и ворожилъ о бунтѣ; 16) въ Нижнемъ призывалъ многихъ волхвовъ, посылая верстъ за 50 и больши; 17) волхву Дорофейкѣ велѣлъ указать царя Петра, и онъ на него и на мать наговаривалъ; 18) жена Безобразова Агафья велѣла написать на семи лоскуткахъ имя царя Петра и его матери, обертывала вокругъ свѣчь восковыхъ и посылала по церквамъ; 19) велѣлъ онъ писать памятцы по церквамъ и монастырямъ съ именами в. государя Петра, Натальи Кириловны, Кирила Полуехтовича, боярыни Анны Леонтьевны и дѣтей ихъ всѣхъ; да ниже писано: „Молить Бога о здравіи вора и измѣнника Федки Шакловитаго.“ 20) ямщиковъ билъ и бросилъ въ воду, наругался; 21) на Кропивнѣ убилъ до смерти кабацкаго голову, да боярскаго сына Ив. Кулка и многихъ крестьянъ побивалъ. (*Дѣло Шакловитаго. Свит. № 10, ст. 255—77*). Сознавшись во многихъ пунктахъ, Безобразовъ обвиненъ былъ какъ злодѣй и посягатель на здоровье царя Петра, за что и отрубили ему голову. Розыскное дѣло о Безобразовѣ показываетъ весьма подробно и отчетливо, до какихъ мелочей доходили слѣдователи и какъ лѣзли изъ себя, стараясь непремѣнно доказать правдивость каждаго доноса.

Грустно поэтамъ и художникамъ разстаться съ прекраснымъ драматическимъ сюжетомъ покушеній на убійства Петра В., — горько поклонникамъ западной цивилизаціи лишиться доказательства въ пользу русскихъ революцій, или борьбы русскаго темнаго невѣжества съ свѣтомъ

блистательнаго иностраннаго образованія. Однако долгъ историка требуетъ разсѣять мечты фантазіи и обратить вниманіе на пристрастіе къ Петру и на униженіе Софіи у разныхъ повѣствователей. Опасныхъ заговоровъ и злоумышленій на жизнь юнаго царя не бывало; даже въ тайныхъ бесѣдахъ враждебныхъ его партіи лицъ, не видимъ злобныхъ совѣщаній относительно его благоденствія, а о практическихъ попыткахъ съ этой цѣлью, не было и помину.

При усиленіи партіи Нарышкиныхъ, естественно уменьшалась и ограничивалась власть Софіи; а когда она вступила въ открытую борьбу, то судьба царевны была уже рѣшена. Правительство ея потерпѣло крушеніе, какъ и слѣдовало ожидать: по требованію времени, оно поставлено было между двухъ огней — или непремѣнно защищать народъ, чтобы дать силу земскимъ порядкамъ, или довершить развитіе тяжелой централизаціи власти и окружающей ее силы боярской. Но оно не съумѣло отрѣшиться отъ московскихъ государственныхъ преданій и не могло окончательно и смѣло пойти для поддержки требованій народной жизни. Не примкнувъ къ друзьямъ централизаціи, оно не поддержало и русскихъ людей, искренно преданныхъ земству и старинѣ. Оставшись на срединѣ, оно оттолкнуло отъ себя всякую силу, способную поддержать его въ критическую минуту, и должно было уступить свое мѣсто власти болѣе крѣпкой. Борьба за земскіе порядки становилась уже опасной и потому не дружной: попытка Разина для горячихъ людей была заманчива, но для лицъ, болѣе хладнокровныхъ, представляла одинъ печальный исходъ. Поэтому, въ каждой вспышкѣ частныхъ классовъ общества, въ правленіе царевны Софіи, мы видимъ замѣчательное явленіе: обнаруживаются одиночныя требованія, предъявляются права и стремленія; но въ тоже время безсиліе ихъ противъ окрѣпшей государственной власти несомнѣнно. Предшествовавшіе опыты неудачи слишкомъ были поразительны и отбивали всякую охоту ввязываться въ дѣло великое и сильное, въ порядокъ господствующаго управленія. Все это заставляло участниковъ смутъ призадумываться, въ виду грозной государственной власти, и между народными силами происходила рознь, которая губила отдѣльныя возстанія и волненія. Въ числѣ земскихъ людей находилось уже много такихъ, которые не хотѣли приставать ни къ какой сторонѣ.

Время правленія Софіи есть ничто иное, какъ проба разныхъ началъ остаться господствующими для русской жизни, движеніе къ осуществленію желаній разныхъ классовъ общества и къ пресѣченію враждебныхъ, наплывныхъ, чуждыхъ русской жизни стремленій. И вотъ, мы видимъ во все время борьбу, изъ которой двигатели энергическіе не вышли съ побѣдой, но всѣ пали по недостатку опредѣленнаго плана и со-

знанныхъ стремленій. Чѣмъ менѣе отчетливаго пониманія въ дѣйствіяхъ, тѣмъ скорѣе проигрывалось дѣло какъ партій, такъ и частныхъ лицъ. Раскольники хотятъ возстановить старую вѣру, но не могутъ указать основанія ея, „не знаютъ ни православія, ни кривославія," — и должны были пасть при напорѣ силы и вести глухую борьбу. Хованскій, стремясь къ старинѣ, поддерживая стрѣльцовъ и раскольниковъ, стоялъ вовсе не за народъ, а за частные интересы партій; поэтому и гибель его была неминуема. Стремленія козаковъ — создать самостоятельное свободное правительство, не одолѣли силы московскаго государства: по недостатку организаціи административной и при крайнемъ стремленіи къ свободѣ, они не могли дать своему обществу прочнаго устройства и подчинились Москвѣ. Стрѣльцовъ представляютъ отсталыми, врагами просвѣщенія, совершенными янычарами; но на дѣлѣ оказывается не то: стрѣльцы являются съ козацкими стремленіями, прогрессистами, революціонерами въ отношеніи къ правительственному дворянству. Они не хотѣли повторенія смутъ боярскихъ, характеризующихъ время малолѣтства Грознаго и Алексѣя Михайловича. Но защищая царя, они не могли увлечься окончательно демократическими интересами; они шли во имя царя, но въ тоже время сдѣлали попытку освободить холоповъ отъ крѣпостной зависимости и хотѣли поддержать раскольниковъ въ ихъ стремленіяхъ къ старинѣ и націи. Взятая ими на себя роль оказалась не по плечу: они не привлекли на свою сторону достаточно низшаго класса народа, можетъ быть потому, что исключительно взялись за ближайшіе интересы и только раздражили противъ себя бояръ, которые оказались сильнѣе ихъ въ борьбѣ. Ихъ замыслы увлечь низшее населеніе остались замыслами. И они не повторили широкихъ стремленій ни Разина, ни Пугачова.

Стрѣльцы — приверженцы Софіи, во дни ея силы, держали голову высоко, но въ часы ея несчастья и бѣдъ всѣ бросились бѣжать отъ нея. Не нашлось людей, готовыхъ положить за нее душу, исключая, можетъ быть, одного Шакловитаго. Дѣйствуя болѣе по преданію въ политикѣ русской, не оставаясь ни на той, ни на другой сторонѣ, правительство Софіи не создало прочной поддержки и неминуемо пало, неимѣя точки опоры. Стариной выработанное направленіе — держаться порядка и соглашенія всѣхъ сторонъ, безъ преобладанія одного какого-либо класса общества, отразилось на печальномъ исходѣ смутъ въ правленіе царевны Софіи. Раскольники выставляютъ свое дѣло на судъ общества; стрѣльцы идутъ открыто за царей и противъ злоупотребленій бояръ. Но эти послѣднія попытки земства выдвинуть свои начала на первый планъ, оказались недружными и безсильными: ему не удалось поставить преграды приливу новыхъ чуждыхъ слугъ государства — иностранцевъ, которые еще

болѣе подкрѣпили его тяжелую силу. Правительство Софіи, усмиряя волненія, обнаружившіяся въ разныхъ слояхъ общественной среды, лишило само себя поддержки.

Смутно, безсознательно поднимаемые политическіе вопросы въ правленіе Софіи, болѣе порывисто и горячо, чѣмъ дѣльно и основательно, должны были кончиться ничѣмъ и уступить мѣсто силѣ, упорной и болѣе сознательной и методической. Религіозныя стремленія раскольниковъ, равно какъ и стремленія стрѣльцовъ, были скорѣе поэтическими вдохновеніями, чѣмъ ясно сознанными стремленіями къ утвержденію началъ, которыхъ они не понимали разсудочно. Борьба бояръ въ Россіи издавна не принимала рѣзкихъ направленій, а вертѣлась на личныхъ симпатіяхъ и раздраженіяхъ болѣе, чѣмъ на стремленіяхъ къ власти.

Шакловитый, возвысившійся изъ мелкихъ подъячихъ, благодаря С. Медвѣдеву, своему собрату по происхожденію и по взглядамъ, занималъ средину между народомъ и боярами и хотѣлъ создать новую силу стрѣлецкую для поддержки односторонняго правительства. Забывая о земской силѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ и на силу бояръ; отрѣшившись отъ нихъ, онъ однако изображалъ себя рыцаремъ съ трубами и литаврами. Не имѣя прочной опоры, онъ хотѣлъ создать силу искуственную на раздраженіи стрѣльцовъ, и съ этой цѣлью подсылалъ подъячаго М. Шошина, одѣтаго Львомъ Нарышкинымъ, бить стрѣльцовъ по карауламъ ночью, чтобы озлобить ихъ противъ Нарышкиныхъ. Но эти хитрыя мѣры не привели ни къ чему и стрѣльцы не трогались. Привлекая въ Москву южнорусскихъ ученыхъ и усаживая на мѣстахъ своихъ родственниковъ, Шакловитый и Медвѣдевъ не создали никакой силы и не нашли ни въ комъ искренней поддержки. Либеральничая въ области религіозной, поддерживая идеи римско-католическія, Медвѣдевъ дѣлалъ это съ цѣлью—насолить патріарху и врагамъ своимъ Лихудамъ и обнаружить ихъ невѣжество; но все это кончилось ничѣмъ и онъ едва не былъ высланъ изъ Москвы еще въ правленіе Софіи. Голицынъ—виновникъ уничтоженія мѣстничества, какъ князь и бояринъ, не могъ долго держаться противъ наплыва пришибенныхъ, но не уничтоженныхъ имъ, мѣстническихъ притязаній боярства: онъ не въ силахъ былъ сразу стать на сторону народа и быть защитникомъ интересовъ земства, а полумѣры не повели къ добру. Боярство не терпѣло представительства народа и земской силы, *и Голицынъ въ критическую минуту остался безъ всякой поддержки*, *брошенный князьями и боярами и даже своимъ сильнымъ двоюроднымъ братомъ*, *Борисомъ Алексѣевичемъ*.

На какую же силу онъ и Софія могли разсчитывать и опереться? Положимъ, они держали сторону народа; но въ тоже время партія Петра

не давала имъ ходу и если бы они повернули круто,—имъ не сдобровать бы и раньше. Еслибы правительство дѣйствовало въ видахъ старой партіи стрѣльцовъ и раскольниковъ,—оно, можетъ быть, и обезпечило бы свою силу на время; но вышло совсѣмъ иначе. Софія и Голицынъ, вооруживъ противъ себя дворянство, не имѣли прямаго стремленія опереться и на народъ, оттолкнули и стрѣльцовъ, и раскольниковъ, и не сдѣлали ровно ничего въ пользу холоповъ, не сформировали партіи даже искусственной. Такое положеніе неминуемо грозило паденіемъ партіи Софіи и привело къ гибели немногихъ ея друзей; иначе и быть не могло. Стрѣльцы, дольше всѣхъ державшіе ея сторону, оставили ее въ критическую минуту. Иностранцы, которымъ, по видимому, сочувствовали Софія и Голицынъ, а на самомъ дѣлѣ не давали имъ свободы и не позволяли строить церквей католическихъ,—перешли на сторону Петра. Принимая сторону Медвѣдева въ спорѣ его съ патріархомъ о „Маннѣ," они не терпѣли католицизма. Ясно, что дѣло было личное и принципы вовсе не выяснены. Въ дѣятельности царевны Софіи и Голицына, мы замѣчаемъ отсутствіе строго выдержанныхъ стремленій и опредѣленнаго направленія. Это—не тѣ дѣятели историческіе, которые попадають въ тонъ движенія и симпатій извѣстныхъ классовъ общества опредѣленнаго времени и преслѣдуютъ свои цѣли до конца. Нѣтъ, это были люди не дозрѣвшіе и которые не могли рѣшиться на крайнія средства: самая среда броженія не представляла имъ сильной опоры. Поэтому, характеристической чертой дѣятелей было—противорѣчивое поведеніе и уклончивость. Берутъ сторону стрѣльцовъ, но видятъ ихъ своеобразныя требованія несогласныя съ своими, отличающіяся крайностью, начинаютъ преслѣдовать ихъ. Хотятъ убавить спѣсь дворянства и его силу уничтоженіемъ мѣстничества; но видятъ его крѣпкія притязанія и ненависть къ себѣ, и злобныя выходки, и не имѣютъ на столько твердости, чтобы идти далѣе и бороться противъ него. Въ религіозномъ отношеніи хотятъ быть либералами, поддерживаютъ южно-русскихъ ученыхъ и католическія идеи; но не имѣютъ силы противъ патріарха, который сажаетъ наставниками академіи враговъ приверженцевъ правительства.

Такимъ образомъ, незначительная партія приверженцевъ Софіи, повидимому, держалась силы земства, но это только такъ кажется съ перваго взгляда; а на самомъ дѣлѣ она, по пословицѣ: „отъ одного берега отстала, а къ другому—не пристала." Она стояла въ оборонительномъ положеніи и не имѣла силъ достигнуть исполненія своихъ желаній. Вотъ почему ея паданіе совершилось такъ просто и естественно!

Теперь остается только мнѣ показать связь волненій обнаружившихся въ правленіе царевны Софіи, съ смутами конца XVII в., когда наступило неслыханное торжество центральной власти московскаго государства, когда старались уничтожать даже малѣйшія выраженія голоса народнаго.

Послѣ паденія Софіи, одни лица старались тотчасъ примкнуть къ сторонѣ преобладающей силы Петра, другіе имѣли дерзость идти противъ него. Попавшіеся въ расплохъ ставили себя въ комическое положеніе, какъ напримѣръ гетманъ Мазепа. Въѣзжая въ Москву 10-го авг. 1689 г., когда началась борьба между Софіей и Петромъ, о которой не зналъ еще гетманъ,—онъ съ перваго разу постарался выставить заслуги своего покровителя В. В. Голицына. Мазепа говорилъ посланному встрѣчать его, боярину Московскому: „Никогда еще такой побѣды надъ Крымцами и такого страха имъ не бывало, какъ теперь промысломъ ближняго боярина, князя В. В. Голицына. А что за безводными и безкормными мѣстами и за другими препятствіями, Перекопскаго вала и башень не разорено, такъ сдѣлать это трудно. (Дарій Персидскій, и тотъ не взялъ Крыма, а только потерялъ 80 тысячъ)... А нынѣ царскаго величества ратные люди бились съ татарами подъ Перекопомъ мужественно и поганскихъ труповъ положили множество, а сами отведены въ цѣлости.“ Но когда Софія пала, и Голицынъ опредѣленъ къ ссылкѣ, Мазепа доносилъ, что угрозы Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами и билъ челомъ, чтобы его вознаградили за это изъ имѣнія Голицына. *(Ист. Рос. Соловьева, XIV, 164—165)*. Между тѣмъ извѣстно, что Ив. Мазепа за содѣйствіе къ его избранію въ гетманы прислалъ въ благодарность В. Голицыну 10,000 руб. [121]). Неизвѣстно, взялъ ли ихъ Оберегатель, или отослалъ назадъ; по всей вѣроятности, придержалъ у себя, иначе Мазепа не имѣлъ бы права жаловаться.

Приверженцы прежняго правительства роптали на партію Петра, и если выражали свои мысли открыто, то подобныя явленія считались чуть не бунтомъ. Въ 199 г., по извѣту человѣка боярина кн. Андрея Ивановича Голицына и по розыску, что онъ, бояринъ, также и теща его боярыня Акулина Афанасьевна, говорили про царское величество неистовыя слова, и за ту вину его, ему князю Андрею Ивановичу, на Красномъ крыльцѣ сказана сказка: „Князь Андрей Голицынъ! в. государи указали тебѣ сказать, что ты говорилъ про царское величество многія неистовыя слова, и за тѣ неистовыя слова достоинъ ты былъ разоренія и ссылки, и в. государи велѣли у тебя за то отнять боярство, и указали тебя написать въ дѣти боярскіе по послѣднему городу и жить тебѣ въ деревнѣ до указа в. государей.“ А боярыня Акулина Афанасьевна, по указу в. государей, привезена была передъ стрѣлецкій приказъ, и поставлена на нижнемъ рундукѣ, и

сказана ей сказка: „Вдова Акулина! в. государи указали тебѣ сказать за неистовыя твои слова, которыя ты наговорила про ихъ государское здоровье, достойна ты была смертной казни и великому разоренью, также и наказанью,—и в. государи на милость положили за службу и за радѣнье мужа твоего, боярина Ивана Богдановича Хитрово, вмѣсто смерти, животъ дать и сослать тебя на вѣчное житье въ монастырь на Бѣлоозеро.“ Также и братьямъ ея, Степану да Алексѣю Афанасьевымъ дѣтямъ Собакинымъ, сказана тутъ же сказка: „Степанъ да Алексѣй! в. государи указали вамъ сказать, что вы говорили неистовыя слова про ихъ царское величество съ кн. Андреемъ Голицынымъ, и съ сестрою своею, со вдовою Акулиною, и за тѣ свои слова достойны были смертной казни и жестокому наказанью, и вѣчному разоренью,—и в. государи на милость положили, указали у васъ отнять стольничество и написать васъ въ дѣти боярскіе по послѣднему городу, и жить вамъ въ деревнѣ до указу в. государей.“ *(Зап. Желябужскаго стр. 11—12).* Но эти возгласы недовольныхъ становились рѣже и рѣже, да и придавать имъ слишкомъ серьезное значеніе было бы опрометчиво. Немногія лица старой партіи Милославскихъ, разбитой и униженной, могли волноваться въ тиши злобой и досадой, не обнаруживая своихъ воззрѣній. Самъ царь открыто не благоволилъ къ тѣмъ людямъ, которые имѣли прежде какія либо связи съ сторонниками Софіи; поэтому онъ постоянно ворчалъ на нихъ и не давалъ имъ ходу. Такъ онъ Цыклера называлъ бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Милославскаго, у Пушкина грозился домъ разорить и его самаго убить *(П. Собр. Зак. III, № 1575).* Въ 1697 г. завязалась борьба между Львомъ Нарышкинымъ и Лопухиными, новой родней царя; но послѣдніе проиграли и находились въ жестокомъ преслѣдованіи. Петра Лопухина обвиняли, будто онъ говорилъ о Петрѣ: „Онъ сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ у насъ боярина князя В. В. Голицына да Леонтія Ром. Неплюева, а теперь изводитъ дядю своего роднаго, боярина Петра Абрам. Лопухина, котораго самъ пыталъ, поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ.“

Правительству Петра дѣянія Софіи расчистили такой широкій путь усмиреніемъ разныхъ волненій, что онъ могъ считать выраженіемъ бунта каждое слово, сказанное съ досадой дома противъ его поведенія и дѣйствій. Такой смыслъ и значеніе имѣетъ громко прославленный бунтъ Цыклера, раздутый приверженцами юнаго монарха до послѣднихъ предѣловъ. Эти приверженцы говорятъ, будто полковникъ участвовалъ въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, примыкая къ партіи Софіи; но когда сила царевны оказалась сомнительной, онъ первый явился въ Троицкую лавру съ своимъ доносомъ на дѣйствія сторонниковъ царевны. Потомъ, когда Цыклеръ увидѣлъ свою ошибку въ разсчетахъ на милости Петра, что царь вовсе

не расположенъ къ нему и послѣ его услугъ, и посылаетъ его въ Таганрогъ, то началъ злобно говорить о царскихъ дѣйствіяхъ въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ. Эти слова приняли очень серьезно и донесли Петру, будто кормовой иноземецъ злоумышляетъ на жизнь царя и подговариваетъ стрѣльцовъ убить его на пожарѣ. Доносчикомъ явился бывшій его пріятель, съ которымъ они раздули дѣло Шакловитаго, знакомый намъ извѣтчикъ, пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ. Въ 1697 г. 23 февр. онъ донесъ Льву Кириловичу о неистовыхъ словахъ Цыклера [122]). Съ одной стороны, замѣчательно, что Елизарьевъ, какъ осторожный человѣкъ, сдѣлалъ доносъ сначала не самому царю, а Льву Нарышкину; также поступилъ онъ и ранѣе, послалъ извѣстить Петра о заговорѣ Шакловитаго двухъ стрѣльцовъ, а не самъ лично дѣлалъ извѣтъ. Съ другой стороны, надо удивляться Цыклеру, какъ онъ позволилъ себѣ откровенно говорить съ извѣстнымъ доносчикомъ. Февраля 29 въ Преображенскомъ онъ извѣщалъ государя словесно: „Ивашко де Циклеръ умышляетъ его государя убить, и призывая къ себѣ въ домъ стрѣльцовъ, о томъ убивствѣ говорилъ,“ а слышалъ про то отъ пятидесятника Григорія Силина, а Силинъ сказалъ, что Ивашко велѣлъ убить государя на пожарѣ, или индѣ гдѣ (*П. С. Зак. III*, *№ 1575*). Доносъ Ларіона Елизарьева, какъ на Шакловитаго, такъ и на Цыклера совершенно одинаковый: приписано намѣреніе убить царя на пожарѣ. Значитъ, средство испытанное ранѣе вѣрно, достигаетъ цѣли; во время бунта Шакловитаго Елизарьеву показалось выгодно, вотъ онъ задумалъ прислужиться царю доносомъ и на Цыклера. Очевидно, эта личность старалась воспользоваться каждымъ неосторожнымъ словомъ и придать ему характеръ заговора. Принимая все это во вниманіе и перечитывая вынужденныя пытками показанія Цыклера и другихъ осужденныхъ его участниковъ, мы не видимъ серьезныхъ замысловъ. Это просто была домашняя болтовня въ кругу родственниковъ, озлобленныхъ невниманіемъ къ нимъ царя; а бунта совершенно не могло бы осуществиться [123]).

Вѣроятно, Цыклеръ говорилъ это по своему болтливому, недовольному нраву, а не съ серьезной цѣлью, чтобъ облегчить душу своими злобными разговорами и замыслами. А наконецъ, когда уже смерть грозила неминуемо, и не оставалось надежды на помилованіе, онъ началъ наговаривать на Софію ни съ того, ни съ сего, про старыя забытыя интриги Милославскихъ и царевны, будто она совѣтовала Цыклеру убить Петра: это сказано съ цѣлью, конечно, увернуться отъ топора палача. Но сплетня не вывезла его, а повредила только Софіи и возбудила въ Петрѣ ненависть къ Ив. М. Милославскому [124]).

По сверженіи правительницы, развитіе московской центральной власти достигало страшныхъ размѣровъ и она торжественно заявляла

свою мощь въ назиданіе народу, изобрѣтая разнообразныя выраженія своей несдерживаемой жестокости. Скупой на слова, свидѣтель казни Цыклера, записалъ слѣдующее: „на Красной площади, по указу государя, зачали строить столбъ каменный. И марта въ 4 день тотъ столбъ каменный додѣланъ и на томъ столбу 5 рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень. И того числа казнены вѣдомые воры и измѣнники, которые умышляли на государское здравіе, въ Преображенскомъ: вѣдомой воръ, бывшій окольничій Алешка Соковнинъ, бывшій думный дворянинъ Ивашка Цыклеръ, да бывшій стольникъ Ѳедька Пушкинъ, стрѣльцы — Васька Филиповъ, да Ѳедька Рожинъ, да донской козакъ Петрушка Лукьяновъ. И въ то время къ казни изъ могилы выкопанъ мертвой бояринъ Иванъ Михайловичь Милославской и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы ихъ сѣкли, — и руда точила въ гробъ на него Ивана Милославскаго. А Матвѣй Пушкинъ посланъ въ ссылку въ Сибирь. А Соковнины всѣ разосланы въ ссылку въ Сѣвскъ.“ *(Зап. Желябужс. 51; П. С. Зак. III, № 1577).* Страшное ожесточеніе Петра выразилось здѣсь въ дикихъ безчеловѣчныхъ формахъ, свойственныхъ азіатскимъ деспотамъ; а вина казненныхъ не заслуживала этого. Если припомнить народную пословицу, что „за глаза и царя ругаютъ;“ то можно бы отнестись къ словоохотливымъ преступникамъ болѣе снисходительно. Но Петръ и его сторонники были не таковы: Цыклеръ дѣлалъ столбъ, на которомъ означены вины убитыхъ бояръ въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ и между прочимъ А. С. Матвѣева, — и вотъ сынъ его радуется, что „на томъ же мѣстѣ *отмщеніемъ истинныхъ божіихъ судебъ*, на высокомъ каменномъ столбѣ тому Цыклеру воздаяніе не укоснило“ *(Матвѣевъ 35).*

Такъ расправлялся молодой, теперь уже единодержавный, московскій государь, съ своими недругами, опираясь на новую силу иностранцевъ и готовясь въ путешествіе за границу. Но трудно было убѣдить народъ казнями въ чистотѣ намѣреній и благѣ дѣяній царя, когда раздавались голоса, что онъ „живетъ не по церкви“ и сталъ вѣровать въ нѣмцевъ, что его судьи безъ мзды дѣлъ не дѣлаютъ, а правители государства московскаго— похотники и мздоимцы, и не имѣютъ страха божія. Очень есественно, что эти толки должны были значительно усилиться по отъѣздѣ царя въ чужія земли, когда правленіе государствомъ попало исключительно въ руки бояръ. Хотя иностранцы и вообще сторонники Петра объясняли волненія въ отсутствіе царя глупостью и суевѣріями русскихъ, что они „наполнены были развращенными мнѣніями и забобонами;“ но на дѣлѣ оказывается, что народъ правъ, когда возставалъ противъ злоупотребленій боярской власти и боялся, что царь не вернется обратно въ Россію. Г. Соловьевъ

доказываетъ, что въ 1682 г. стрѣльцовъ долго подогрѣвали и потому они взялись за оружіе, а въ 1689 г., не смотря на всѣ подогрѣванія, они не двинулись защищать царевну. Почему же они сразу пошли безъ всякихъ подогрѣваній изъ Путивля въ Москву бунтомъ? Побужденія и причины волненій заключались не во внѣшнихъ подогрѣваніяхъ, а въ самомъ ходѣ обстоятельствъ жизни того времени. Когда еще не совсѣмъ убиты были земскія начала, стрѣльцы уживались съ правительствомъ въ ладу, не смотря на его стѣсненія ихъ прежней льготной жизни. Но приливъ иноземцевъ при Петрѣ совершенно поглощалъ силу и значеніе доморощеннаго войска, бояре пошли путемъ своеобразнымъ, не русскимъ и не иноземнымъ, не обращая вниманія на народъ, — въ это время явилась послѣдняя и крайняя вспышка земской силы, и открылся бунтъ стрѣльцовъ 1697 г. противъ установившихся злоупотребленій власти въ отсутствіе царя. Какъ въ 1682 г. недовольные злоупотребленіями взялись за оружіе, такъ точно недовольство порядками дѣлъ побудило ихъ идти въ Москву въ концѣ XVII в. Кромѣ тягостныхъ дальнихъ походовъ и заявленій неблаговоленія Петра противъ нихъ и оставленія въ Москвѣ семействъ и промысловъ, были и другія побужденія: царь уѣхалъ за море и утащилъ многую казну, бояре всѣмъ управляютъ, нѣмцы усиливаются, стрѣльцы и всѣ православные угнетены. Къ тому же распространился слухъ, что царь умеръ; а иные утверждали, что иноземцы его плѣнили и онъ сидитъ въ тюрьмѣ въ Стекольномъ царствѣ. Вспоминали стрѣльцы спокойную и довольную жизнь въ правленіе Софіи, частыя награды и вниманіе; а царь уѣхалъ, говорятъ, нѣмцы его удушили, „а бояре хотятъ царевича (*Алексѣя Петровича*) удушить, хочетъ удушить бояринъ Тихонъ Никит. Стрешневъ и самъ на Москвѣ властителемъ быть.“ Значитъ, должно наступить господство боярской власти и окончательное порабощеніе народа, по образцу распорядковъ польскаго королества.

Такая незавидная картина въ будущемъ отуманивала головы стрѣльцовъ, и каждая сплетня имѣла громадный вѣсъ и производила въ народѣ и въ стрѣлецкомъ обществѣ сотни выдумокъ и предположеній. Стрѣльцы, недовольные новыми тягостями, которыми обременялъ ихъ царь Петръ, постоянно роптали на его невниманіе къ ихъ нуждамъ, на придирки начальныхъ людей и на вычеты изъ ихъ жалованья. Къ тому же 4 полка, бывшіе подъ Азовомъ, двинули въ г. Великія Луки, а они ожидали, что пойдутъ въ Москву къ своимъ семействамъ для отдыха. Когда не исполнились ихъ ожиданія, то болѣе полутораста человѣкъ ушли изъ полка домой, для устройства своихъ дѣлъ, потому что доведены были до крайнаго упадку. Причинами своего побѣга изъ полковъ

къ Москвѣ, стрѣльцы выставляли крайнюю бѣдность: они говорили, что въ Азовѣ обременены были городовыми работами, а въ полку Ромадоновскаго терпѣли голодъ и холодъ; кормовыхъ денегъ, данныхъ на мѣсяцъ, не хватало и на двѣ недѣли, а кто рѣшался ходить по міру, тѣхъ били батожьемъ; идутъ они къ Москвѣ, чтобы не умереть напрасно; имъ нужно повидаться съ семействами, а послѣ они рады снова идти на службу. Кесарь Ромодановскій извѣстилъ объ этомъ царя, который писалъ ему съ досадой изъ за границы: „Зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ!" Вмѣсто того, чтобы пособить обѣднѣвшимъ стрѣльцамъ, царь опредѣлилъ подвергнуть ихъ всей строгости разслѣдованія; а власти начали выбивать ихъ силой изъ Москвы.

Между тѣмъ, отсутствіе царя и боярское управленіе возбудило сильные толки въ Москвѣ: стрѣльчихи разсуждали, что молодой царь не то живъ, не то погибъ за моремъ, старшаго царя бояре хотѣли задушить, только спасли его тѣмъ, что надѣли на него другое платье; а царицу они били уже по щекамъ. Эти слухи передавались отъ имени царевенъ, такъ что въ кругу стрѣльцовъ появилось письмо изъ Новодѣвичья монастыря отъ Софіи, будто она звала стрѣльцовъ, чтобы они шли къ Москвѣ, стали таборомъ подъ Новодѣвичьимъ и звали царевну снова на царство. Письмо это принесъ въ стрѣлецкіе полки Васька Тума и разсказалъ о горестномъ настроеніи умовъ въ Москвѣ, по случаю усиленія власти бояръ и иноземцевъ. Когда велѣно было взять бѣгавшихъ стрѣльцовъ въ Москву и сослать въ малороссійскіе города, товарищи ихъ не выдали, сказавъ: „У насъ въ полкахъ воровъ нѣтъ, а ходили въ Москву отъ нужды и безкормицы.' Столкновеніе приняло серьезный оборотъ, когда передъ четырьмя полками 6 іюня 1697 г. прочитано было письмо отъ царевны слѣдующаго содержанія: „Вѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ стрѣльцовъ приходило къ Москвѣ малое число,—и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ иттить къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а еслибы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а кто бъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой." Очевидно, недовольные стрѣльцы, желавшіе поскорѣе побывать въ Москвѣ, воспользовались популярнымъ именемъ Софіи во время ненавистнаго боярскаго управленія и составили отъ ея имени призывъ. Письмо сильно подѣйствовало и стрѣльцы рѣшились идти въ Москву, разорить и предать огню нѣмецкую слободу и всѣхъ нѣмцевъ побить, потому что отъ нихъ закоснѣло православіе, однихъ бояръ побить, другихъ сослать въ ссылки, чтобы не было изъ нихъ правителей. Они думали, что царь по наученію нѣмцевъ

уѣхалъ изъ своего государства и умеръ за моремъ; чтобы царство не осталось безъ царя, рѣшили возвести на престолъ Софію, до возраста царевича Алексѣя. Въ случаѣ, еслибы царевна отказалась отъ правленія, то хотѣли взять, пока возмужаетъ царевичъ, князя В. В. Голицына, потому что онъ къ стрѣльцамъ былъ всегда милосердъ [125]).

Перемѣнивъ своихъ начальниковъ, они выбрали на мѣсто ихъ новыхъ и двинулись изъ Торопца къ Москвѣ. Печальная исторія столкновенія ихъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ съ царскимъ войскомъ извѣстна: стрѣльцы не устояли противъ Шеина и Гордона, были разбиты и переловлены. Послѣ подробнаго описанія схватки войскъ, Желябужскій прибавляетъ: „И послѣ того были розыски великіе, и пытки имъ стрѣльцамъ жестокія, а по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены въ ихъ стрѣлецкомъ обозѣ, гдѣ они противность чинили, а иные вѣшаны по дорогѣ. А въ обозѣ ихъ побито и ранено всего 107 человѣкъ, а казнено—57 человѣкъ. ...А на Москвѣ въ тѣхъ же числахъ пришли изъ разныхъ государствъ нѣмцы, гусары и инженеры, всего ихъ пришло 700 человѣкъ; да съ ними жъ пришелъ изъ Риму отъ папы митрополитъ, просился у нашего патріарха, чтобъ его велѣлъ пустить въ соборную апостольскую церковь побывать. И св. патріархъ его въ церковь пускать не велѣлъ.“ (*Запис. Желябужс. 56—57*) Это сопоставленіе, какъ казнили русскихъ и въ тоже время привлекали силу иностранцевъ, которымъ раздавали лучшія мѣста, отлично объясняетъ причины бунта стрѣльцовъ 1697 г. Они увидѣли въ нерасположеніи къ нимъ царя Петра и въ попыткахъ завести новую военную дисциплину дорогими, но послушными правительству слугами, свой печальный конецъ,— и злоба закипѣла противъ иностранцевъ, службу которыхъ, купленную за деньги, предпочитали усердной службѣ русскихъ людей, безкорыстно погибающихъ за царя и родину.

Но это происшествіе подало поводъ—обвинять Софію, будто она руководила возстаніемъ стрѣльцовъ изъ Новодѣвичья монастыря: тогда какъ она сама узнала только изъ письма сестры своей Марѳы о бунтѣ и о томъ, что ее зовутъ снова править государствомъ. Софіи и прежде не приходило въ голову свергнуть Петра съ престола, она хотѣла только удержать право на правленіе наравнѣ съ Петромъ, и едва ли бы стала присвоивать себѣ власть, если бы братъ ея отъ одной матери, Іоаннъ Алексѣевичъ, не былъ „скорбенъ главою,“ какъ объ немъ выражаются его современники. Что же касается до обвиненія ея въ разныхъ замыслахъ, то оно составилось очень естественно: для Петра В. Софія служила пугаломъ, а для враговъ его точкой опоры и надежды: дѣло Цыклера показало царю, что стрѣльцы могутъ взять на царство по прежнему царевну съ Голицынымъ. (*1697 г. марта 4. П. С. Зак. III, № 1575*). Вотъ и въ слѣдующемъ году,

когда открылся бунтъ стрѣльцовъ, Петръ тотчасъ заподозрилъ въ проискахъ Софію, и вернувшись изъ-за границы душилъ, вѣшалъ, колесовалъ цѣлыя тысячи стрѣльцовъ, чтобы вымучить сознаніе, что бунтъ возбудила его сестра. Но на всѣ его вопросы никто не могъ отвѣчать удовлетворительно на счетъ сношеній Софіи съ мятежниками; онъ узналъ только, что стрѣльцы писали къ ней челобитную и звали на царство. Самъ царь допрашивалъ Софію о сношеніяхъ съ стрѣльцами и однако ничего не открылось по слѣдствію; о письмѣ, которое составили стрѣльцы отъ имени царевны и о челобитной къ ней, бывшая правительница отвѣчала: „Такова письма, которое къ розыску явилось, отъ ней въ стрѣлецкіе полки не посылывано. А что тѣ стрѣльцы говорятъ, что пришедъ было имъ къ Москвѣ, звать ее царевну по прежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она со 190 г. была въ правительствѣ" [126]).

Заподозривъ многихъ придворныхъ въ связи съ стрѣльцами, царь уѣхалъ въ Преображенское, допрашивалъ лично подсудимыхъ, приказывалъ пытать въ своемъ присутствіи, убѣждалъ сознаться, грозя страхомъ мучительной смерти и обольщая надеждой на помилованіе и приманкой награды. Но ничто не помогало. Всѣ роды наказаній пущены были въ оборотъ, какіе могла выдумать человѣческая жестокость; содрогается сердце при чтеніи повѣствованій объ этихъ отвратительныхъ пыткахъ и казняхъ. Одни писатели говорятъ, что замучено, порублено и повѣшено въ это время болѣе 3,000 стрѣльцовъ; а другіе увеличиваютъ это число вдвое. Однако ни одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ не показывалъ, что Софія принимала участіе въ возмущеніи, хотя ожесточенный Петръ былъ такъ сильно предубѣжденъ противъ нея, что настроивалъ всѣми возможными мѣрами вынудить улики въ преступныхъ замыслахъ царевны, не щадя даже женщинъ. „Брали изъ Дѣвичья монастыря боярынь, и дѣвокъ и старицъ въ Преображенское и тамъ онѣ распрашиваны, а по распросамъ пытаны; и на вискѣ Жукова дочь дѣвка родила" [127]).

Петръ съ такой злобой и яростью производилъ дѣло о взбунтовавшихся стрѣльцахъ, что можно вѣрить показаніямъ Корба, будто онъ однажды рѣшился - было казнить Софію, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и велѣлъ постричь ее въ монахини. А чтобы крѣпче напугать ее и убѣдить народъ въ преступныхъ ея замыслахъ, онъ приказалъ повѣсить 230 стрѣльцовъ недалеко отъ монастыря, а троихъ зачинщиковъ бунта— противъ оконъ кельи царевны, и имъ вручили челобитныя, написанныя къ ней, какъ звали они ее на царство. Эта поэтическая выходка Петра родилась изъ его сильнаго предубѣжденія противъ бывшей правительницы, которая ни въ чемъ не была виновата.

Если царь не церемонился ни съ своей супругой, ни съ своимъ сы-

номъ, наслѣдникомъ русскаго престола; то и подавно не сталъ бы щадить сестру свою по матери изъ рода Милославскихъ, которыхъ онъ считалъ своими первыми врагами. Значитъ, не было вовсе уликъ противъ Софіи, такъ что болтовня изуродованныхъ и изожженныхъ стрѣльцовъ и стрѣльчихъ пытками, всѣ тайныя сплетни, выдвинутыя наружу оказались по взгляду даже предубѣжденныхъ современниковъ, недостаточными къ обвиненію Софіи. Корбъ пишетъ, что 11 окт. Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ людей, для изслѣдованія злоумышленія царевны; но кромѣ подозрѣнія не было никакихъ основаній для ея обвиненія. Петръ велѣлъ ее постричь подъ именемъ Сусанны 21 окт. 1698 г., опредѣлилъ жить ей въ томъ же монастырѣ подъ постоянной стражей изъ сотни солдатъ; сестрамъ царевнамъ дозволилъ навѣщать ее два раза въ годъ, да еще въ случаѣ болѣзни.

Бывшая правительница, инокиня Сусанна, скончалась въ монастырскомъ заточеніи 3-го іюля 1704 г., 46 лѣтъ отъ роду. Сестра ея Марѳа, замѣшанная въ дѣло о мятежѣ стрѣльцовъ, пострижена была въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы подъ именемъ Маргариты.

Слѣдовательно, не интриги Софіи возбудили мятежный духъ въ стрѣлецкомъ войскѣ 1697 г., а недовѣріе къ боярскому и иноземному московскому правленію, старинное земское желаніе—имѣть долю участія въ дѣлахъ общественныхъ. Но усилившаяся до крайней степени власть государства стерла половину безпокойныхъ стрѣльцовъ съ лица земли, а другихъ разсѣяла по широкой Россіи; она не терпѣла, чтобы выражалась хоть въ чемъ-либо прежняя могучая сила народная, и старалась сгладить все, носившее ея печать. Разосланные стрѣльцы глухо стонали и роптали, а иные въ соединеніи съ козаками затѣвали подточить силу московскаго государства при посредствѣ иноземцевъ, и тѣмъ отомстить за его невниманіе къ народу. Въ журналѣ Гюйсена отмѣчено подъ 1698 г.: „съ начала сего году азовской гарнизонъ не много замутился-было... Было тамъ нѣсколько остатку отъ стрѣльцовъ, которые огорчився и осердився за казнь и искорененіе братіи своей, переписывались тайно съ татары, хотя имъ и городъ отдать.“ (*Зап. Туманс. III, 113*).

Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ не унимались и старались взволновать другихъ, во имя православной вѣры и старинныхъ вольностей, противъ наплыва воззрѣній и обычаевъ иностранцевъ и противъ исключительнаго господства бояръ въ управленіи. Такія стремленія мы видимъ у мятежниковъ во время бунта астраханскаго, въ волненіи Булавина и въ многочисленныхъ разбояхъ. Но московская государственная власть обладала уже такой крѣпкой внѣшней силой, что могла легко подавлять отдѣльныя заявленія разныхъ классовъ общества и презирать развитіе внутренней жизненной силы народа.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Въ 1682 г. марта 1-го царь Θеодоръ писалъ Медвѣдеву: „Пречестнѣйшему отцу Селивестру. Писаніе твое до мене принесено, и прочетъ и разумѣю, яко не туне почіетъ на тебѣ даръ, первый апостоломъ данный—духъ премудрости.“ *Исторія Петра В. Устрялова II, стр. 32, пр. 15.*

[2]) Подробныя свѣдѣнія о похвалахъ и портретѣ царевны см. въ отрывкѣ изъ дѣла о Шакловитомъ. *Москвит. 1843 г. X, 85 и далѣе. Труды Общ. Ист. VII, 84. Рус. Вѣстн. Полеваго. 1841, III. 695—8. Русское Слово 1859, № 12.*

[3]) Въ дѣлѣ о Шакловитомъ Медвѣдевъ показалъ: „Была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 90 года о правленіи в. государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова (*Истомина*), а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка.“ Эта книга хранится въ Спб. библіотекѣ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Созерцаніе краткое лѣтъ, въ нихъ же что содѣяся въ гражданствѣ.“ Что̀ въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истомина и Медвѣдева и что̀ внесено въ XVIII в., отгадать мудрено. Изъ этой книги напечатано 17 актовъ въ *А. Арх. Эксп. IV, подъ №№ 254. 258. 260—274. 281.*

[4]) Исповѣданіе Медвѣдева на соборѣ. *А. Ист. V, № 194. „Щитъ вѣры,“ ркп. Рум. Муз. № 471, л. 19. Книга „Остенъ“ издана въ Правосл. Собес. 1865, 1.*

[5]) Потвержденіемъ служитъ записная книга о 1-мъ стрѣлецкомъ бунтѣ, веденная современниками приверженцами Петра. *См. прилож. къ XIV т. Ист. Рос. Соловьева; также Доп. къ А. Ист. X, № 4.*

[6]) Въ Гамбургѣ 1622 г. это донесеніе было напечатано съ слѣдующимъ заглавіемъ: Eigentlicher Bericht, wezen des, in der Stadt Moszkau am 15, 16, und 17 May, anno 1682, einstandenen greulichen Tumults, und grausahmen Massacke et cet... Перепечатано въ XII т. стр. 441—450 Theatrum Europeum. Франкф. на Майнѣ 1691. Въ Исторіи Петра В. Устряловъ напечаталъ въ VI прилож. къ I тому: „Wahrhaffte Relation der traurigen Tragedie, welche sich in der Stadt Moscau mit Ihr Czaris. Maiest. Leib—Wacht zugetraten den 15, 16 und 17 May anno 1682. Русскій переводъ тамъ же, стр. 330—342. 342—346, прим. 53. Ист. царств. Θеодора Ал. *Берха* II, 56—63.

[7]) Дневникъ Гордона изданъ *Поссельтомъ:* Tagebuch Gordons, 1849—1852. *Собр. запис. Туманскаго, т. VII. Зап. рус. людей Сахарова. Спб.* 1841. Письмо Гордона *въ Исторіи Петра В. Устрялова I, пр. 95.*

[8]) Diarium itineris, ad aulam moscoviticam 1683 г. Кемпфера вполнѣ не изданъ. Отрывокъ изъ него помѣщенъ Аделунгомъ „Баронъ Мейерберъ“

1827, стр. 329—370. Путешествіе езуита *Авриля*, который два раза былъ въ Россіи въ правленіе Софіи, издано въ 1691 г. въ Парижѣ: Voyage en divers etats d'Europe et d'veau chemin à la Chine. Изданіе повторилось 1692 и 1693; нѣмецкій переводъ съ примѣчаніями *А. Ф. Фишера* явился въ Гамбургѣ 1705.

[9]) Въ рукоп. сборн. Спб. Духовной Академіи № 1504, л. 81 статья *Игнатія* носитъ названіе: „Сказаніе истолковано, что есть Софія премудрость Божія.“ Подробное объясненіе образа такаго рода: „Что убо сѣдящая на престолѣ знаменуетъ и что имя ей? Не Софія ли? Се бо есть пророчество отъ образа неизреченныя Софіи премудрости Слова Божія, Ангела в. государыни... Софіи Ал. съ братіями своими в. государями... Іоанномъ и Петромъ Ал. Сѣдитъ на престолѣ отеческомъ царствія своего россійскаго... Неизреченныя два крила яко орліи знаменуетъ ея государыни Софіи молитвенное къ Богу восхожденіе благородныхъ и государскихъ тетокъ Анны Михайловны и и Татьяны Михайловны, иже, яко крилами, ихъ святыми молитвами помоществуемо россійское царство съ братіями своими в. государи сохраняетъ. А седмь столповъ утверждающихъ престолъ ея знаменуетъ крѣпкое ея заступленіе седми вселенскихъ св. отецъ соборовъ. Свитокъ въ рудѣ есть поборникъ о благочестіи—Іоакимъ патріархъ,митрополиты, архіепископы, епископы,архимандриты, игумены, священномонахи и весь освященный соборъ, еже бысть въ лѣто 7190 іюля въ 5-й день на новоявльшіеся еретики, на изверженнаго попа Никиту Пустосвята и поборниковъ его трехъ чернцовъ и двоихъ бѣльцовъ—злыя титинскія шестерицы. Образъ съ предвѣчнымъ младенцемъ знаменуетъ, что Богородица молитъ Сына своего о московскомъ царствіи и о государяхъ, и царицахъ—Натальѣ Кириловнѣ, Параскевіи Ѳедоровнѣ и Марѳѣ Матвѣевнѣ, и царевнахъ Аннѣ и Татьянѣ Михайловнахъ, воспоминая Сыну своему Божественное обитаніе его девятомѣсячное во пречистомъ чревѣ ея, и принося боголюбивую молитву благочестивой государыни Софіи. Іоаннъ Креститель на образѣ—тезоименитый ангелъ царя Іоанна; а камень, на немъ же утверждается образъ Софіи, есть тезоименитый ангелъ Петръ, еже есть камень, храбраго в. государя Петра.—На небеси престолъ и 6 ангеловъ, восхождающихъ яко молебно, есть престолъ царства московскаго и благородныхъ шести сестеръ государей—Софіи, Евдокіи, Марѳы, Екатерины, Маріи, Ѳеодосіи и Наталіи; понеже онѣ, яко святіи ангелы въ дѣвствѣ пребывающіи, молятъ со дерзновеніемъ Бога о своемъ отеческомъ наслѣдіи—россійскомъ царствіи. Облакъ знаменуетъ все ихъ в. государей самодержавное царство; звѣзды же образуютъ царскаго ихъ величества ближнихъ бояръ и весь царскій синклитъ. И якоже глаголетъ апостолъ: *звѣзда звѣзды изобилуетъ во славѣ*; тако царскаго и пресвѣтлаго величества ратныя достоинства въ полатѣ—князи, боляре, окольничіе и думные и прочіи, и кійждо ихъ достоинствомъ царскою милостію другъ друга превосходитъ во славѣ.—Сіяніе же во облацѣ разсудительства пріимательно о христолюбивомъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества о всякомъ воинствѣ, иже храбрствомъ своимъ защищаетъ ихъ, въ надеждѣ за тое служеніе божія милости и ихъ государей жалованья.—Мы, православніи, врученніи самимъ небеснымъ царемъ в. государямъ, слышаще сія, въ сій день возрадуемся и возвеселимся въ онь.

Вашего царскаго пресвѣтлаго величества богомолецъ и всѣхъ меньшій рабъ іеромонахъ Игнатій, вашего государскаго строенія Спасова Новаго монастыря архимандритъ, со всею во Христѣ братіею, предъ вашимъ царскаго величества подножіемъ нижайшее творю поклоненіе.

Сія тетрать Троицкаго Зеленецкаго монастыря іеродіакона ризничаго Кипріана; писана лѣта 7202, августа."

[10]) Георга Корба Diarum itineris in Moscoviam, perillustris ac magnifici Domini Ignatii Christophori nobili sdomini de Guarient, et Rall... ab Imperatore Leopoldo 1 ad Tzarum et Magnum Ducem, Petrum Alexiowicium anno 1698 ablegati extraordinarii. Вѣна. Русскій переводъ *М. Семевскаго* и *Женева* Спб. 1868. О появленіи этой книги за границей, 8-го августа 1701 г. П. А. Голицынъ написалъ изъ Вѣны въ Москву, что авторъ смотритъ на русскихъ, какъ на *барбаровъ* и не щадитъ Петра, выругалъ его поганцемъ и сожалѣлъ, что русскихъ послѣ изданія книги ставятъ ни во что.

[11]) Этотъ діаріушъ хранится въ спб. Публичной Библіотекѣ, но я имѣлъ его въ нѣмецкомъ переводѣ: Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste moscowitische Herren in der Stadt Moscow Anno 1682 jammerlich seyn niedergehauen, und die beyden Petrus zu Zaren erwehlet worden 1686. *Изданъ неизвѣстно гдѣ.*

[12]) Епископъ Андрей Залусскій въ письмѣ 1676 (?) къ папскому нунцію (Epist. historicofamil. Brunsbergae, 1709; I, 600) и казначей богемецъ Таннеръ, бывшій при польскомъ посольствѣ въ Москвѣ 1678 г. писали объ интригахъ А. С. Матвѣева и царицы Натальи, направленныхъ къ возведенію на престолъ Петра по смерти Алексѣя Михайловича (Legatio polonolithuanica in Moscoviam anno 1678 suscepta. Norimbergae 1689, стр. 126). Тоже повторено въ донесеніи папскому нунцію при польской коронѣ архіеп. Мартелли: Narratio rerum, quae post obitum Alexii Mikalowicz и проч. 1682 г. стр. 9; свѣдѣнія о стрѣлецкомъ бунтѣ идутъ здѣсь съ 12 стр.

[13]) Изданіе *Шлейзинга* въ видѣ разговоровъ: Anatomia Russiae deformatae вышло въ Дрезденѣ 1688. Второе изданіе передѣлано въ видѣ описанія Сибири: Neuentdectes Sibyrien oder Siewerien и пр. Іена, 1690. На стр. 11 сдѣланъ такой отзывъ о Софіи: Ob sie gleich von Gestalt des Leibes nicht gar schön, jedennoch von Hochmüthig—Fürstl. Gemüth—Gaben eine sehr kluge Princessin. О Шлейзингѣ см. Отеч. Зап. 1854, VIII. 135—158.

[14]) Подъ именемъ *Бове* издано было въ Лондонѣ 1699 г. сочиненіе: The present condition of the Moscovite Empire till the year. Въ собраніи записокъ Туманскаго 1787 г. приведены два письма, приписанныя езуиту Бове (I, 1—107); но онѣ принадлежатъ Крёлю, который не былъ въ Россіи (Отеч. Зап. 1848 г. № 6, библіогр.). Я пользовался записками Туманскаго, не владѣя англійскимъ языкомъ и не имѣя другаго перевода.

[15]) Записки Нёвиля носятъ названіе: Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye, 1699. О личности и замыслахъ Софіи отзывы на стр. 38, 116, 118, 151, 152—155. Русскій переводъ мемуаровъ Нёвиля, хотя съ пропусками, помѣщенъ въ „*Рус. Вѣстн.*" *1841, кн.* III—V. Тамъ же есть біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, о которомъ см. записки Кокса: „Reise durch Polen und Russland... Цюрихъ, 1785 стр. 289.

[16]) *Ист. Петра В. Устрялова I, пр. 5.* Не сочиненіе ли Игнатія—„Извѣстіе о рус. царствіи," которое находится въ рукописи въ библіотекѣ московс. Общества исторіи, подало поводъ Крекшину къ толкованіямъ? *Обзоръ Филарета, стр. 254.* А. Х. Востоковъ предполагалъ, что „Слово о зачатіи и рожденіи" первоначально составлено Зотовымъ; а Штелинъ рукопись Крекшина относилъ къ началу XVIII в., будто она писана до 1709 г.

[17]) *Записки Желябужскаго въ изданіи Сахарова, стр. 8. 10—12.*

[18]) *Собр. Записокъ Туманскаго III, 108—9. 111—112 и VIII.* Похвалы

Гюйсена и другихъ лицъ Петру В. См. *Наука и литерат. Пекарскаго I 73. 90. 94. 103. 362—3. 365. 371.* Въ 1714 г. самъ Петръ В. приказалъ отдать Гюйсену всѣ журналы военные.

[19]) *Ядро рос. исторіи, 1770, предисл. и стр. 369, 372, 374, 378.*

[20]) *Джона Перри* The State of Russia under the present Czar. Лондонъ. 1716, стр. 143. Французскій переводъ: Etat present de la grande Russie. A la Haye 1717. Нѣмецкая компиляція передѣлана съ итальянскаго перевода: Das glukselige Russland unter der Regirung der grossen Kayserin Anna. Данцигъ 1736.

[21]) *Страленберга* Das Nord-und östliche Theil von Europa und Asia. Стокгольмъ 1730.

[22]) Страленбергъ между прочимъ говоритъ: Was ihre Person betrifft, so war sie von Statur vohl gewachsen, und von Angesicht sehr vohl gestaltet.

[23]) *Вебера* Das veränderte Ruszland in welchem die jetzige Verfassung des Geist—und Weltlichen Regiments и проч. Франкфуртъ и Лейпцигъ. 1721. Изданіе 2-е 1738 — и 3-е — 1740. На французскомъ языкѣ выдержки есть въ Магазинѣ *Бюшинга*, IX. 283—380. О Софіи см. во 2-мъ изданіи *Вебера*, стр. 27, 142—143.

[24]) Мемуары Матвѣева изданы въ *Собр. Записокъ Туманскаго ч. VII*, и у *Сахарова „Записки Рус. людей“ Спб. 1841.*

[25]) *Рабенера* Leben Petri des Ersten und Grossen. Лейпцигъ, 1725. *Руссе* Mémoires de regne de Pierre le Grand. A la Haye. 1725. Изданіе 2-е вышло въ Амстердамѣ 1728—30. Въ Biographie universelle высказано, что Руссе за свое сочиненіе даже получилъ награду отъ русскаго двора.

[26]) *Катифора* Vita di Pietre il grande imperador della Russia. Венеція 1733. Изданіе 2-е на новогреч. языкѣ; 3-е 1748 г.; русскій переводъ сдѣланъ *Писаревымъ* и напечатанъ 1772 и 1787. Я пользовался въ Казани рукописью, доставленною мнѣ *М. П. Петровскимъ* и относящеюся ко времени Елизаветы Петровны; на эту рукопись и указывалъ я въ текстѣ. Въ Лейпцигѣ 1739 г. вышло сочиненіе *Мартина Гасеена*: Die wahre Staats-Grund-Sätzen, nach einer vorangesetzen Eintheilung und Ordnung vollständig vorgetragen, und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel des Russischen Kaysers Peter des Grossen и проч. Здѣсь между прочимъ авторъ говоритъ, что царь Іоаннъ сильно любилъ Петра и всегда защищалъ его передъ Софіей.

[27]) *Мотлея* The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia. Лондонъ 1749. *Мовильона* Histoire de Pierre I, surnommé le Grand. Амстердамъ 1752.

[28]) Ист. Рос. *Татищева* I, предисл. XIII, XVI. Побужденіемъ къ написанію исторіи для него было—воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю Петру В., за его высокую мнѣ показанную милость.“ Исторія написана 1739 г.

[29]) „П. собр. сочин.“ *Ломоносова*. См. похвальныя слова Петру В. и Елисаветѣ 1749, ноября 26 и 1755, апр. 26.

[30]) Записки *Крекшина* помѣщены въ 1-мъ томѣ у *Туманскаго*; также у *Сахарова* „Записки рус. людей.“

[31]) Записки *А. Гордона* изданы въ Абердинѣ 1755 г.: The History of Peter the great emperor of Russia. Нѣмецкій переводъ напечатанъ въ Лейпцигѣ 1765 г.

[32]) Originalanekdoten von Peter dem Grossen. *Штелина.* Лейпцигъ 1785. Русскіе переводы напечатаны 1787, 1793 и 1830 г. Сплетня о ядѣ, данномъ тайно Петру, очень ранняя: *Бассевичъ* уже подтверждалъ это. Magazin Büschings, IX, 294.

[33]) Отзывъ о царевнѣ *Вольтера* въ Histoire de l'empire de Russie, sous Pierre le grand. 1765, I, 109, 117, 118. Подробности о составленіи Вольтеромъ исторіи можно читать въ *Магазинѣ Бюшинга III, 195 и въ Современникѣ, 1854, № 10, статья о Мюллерѣ, стр. 134—5, 145—6.*

[34]) „П. собр. сочин." *Сумарокова, 1787. VI, 172.*

[35]) *Рос. исторія жизни всѣхъ древнихъ государей. Емина. Спб. 1767—69. См. томъ III, стр. XV—XVIII.* См. „Родословіе фамиліи Романовыхъ." Зап. Туманскаго, II, 27—33.

[36]) Стрѣлецкій бунтъ. *П. собр. сочин. Сумарокова, 1787, VI, 172.*

[37]) *Опытъ трудовъ вольнаго рос. собранія при Московс. Университ. ч. IV и VI. Собр. записокъ Туманскаго V, 133. 203; VI, 135; VII, 299.* Миллеръ дѣлалъ замѣчанія на Исторію Петра В. *А. Гордона.* См. въ Магазинѣ Бюшинга біографію Миллера, т. III. Sammlung Russischer Geschichte, 9 томовъ, 1762—1764.

[38]) L'Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: „Voyage en Sybérie." Амстердамъ. 1771, стр. 186—7.

[39]) „Житіе и славныя дѣла госуд. императора Петра В." *Ѳеодози.* Венеція 1772. Перепечатано съ поправками *Щербатова* и *Троепольскаго.* Спб. 1774. Изъ числа 46 сочиненій, которыми пользовался Ѳеодози, онъ указываетъ между прочимъ слѣд: 1, Академіи Спб. Ежемѣсячныя сочиненія, 20 томовъ; 2, *Профес. Миллера* Собраніе разныхъ извѣстій до рос. исторіи принадлежащихъ, 9 томовъ на нѣмецк. языкѣ; 3, *Емина* Новая рос. исторія; 4, *Курасова* Сокращенная универсальная исторія съ россійскою; 5, *Бюшингово* Землеописаніе; 6, *Страленберга* Описаніе сѣверовост. части Европы и Азіи; 7, *Эссиха* Введеніе въ универсал. исторію съ россійскою; 8, *Ла-Комбе* Штатскія премѣненія въ рос. государствѣ съ примѣчаніями и продолженіемъ историческаго профессора въ Галѣ *І. Ф. Іоакима,* 3 тома; 9, *Вольтера* Исторія о рос. госуд. и жизни Петра В.; 10, *Хертельманта* Прагматическая исторія о достопамятн. штатскихъ премѣненіяхъ въ рос. государствѣ; 11, *Инженера Перри* Штатъ россійской; 12, *Бюшинговы* извѣстія о Россіи изъ Россіи жъ; 13, *Аббата Катифора* Житіе Петра В.; 14, Путешествіе цесарскаго посла фонъ-Кваріентъ; 15, *Мартина профессора* (Гассена?) Извѣстія о Россіи; 16, *Рабенера Юстуса* Житіе Петра I-го и великаго царя рос.; 17, *Вебера* Перемѣнившаяся Россія; 18, *А. Гордона* Житіе и дѣла Петра В. цесаря рос.; 19, *І. П. фонъ Л.* Житіе и дѣла Петра Ал., царя рос. (*По изданію 1774 г. въ концѣ 2-го тома*). Послѣднее сочиненіе, вѣроятно, приписываемое *Лоэнштейну:* Des grossen Herrens Czaars und Gross-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz, des gantzen grossen, kleinen und weissen Russlandes Selbsthalters и проч. Leben und Taten... Франкфуртъ и Лейпцигъ. 1710.

[40]) Изложеніе исторіи правленія Софіи, въ изд. *Ѳеодози* 1774 г., на стр. 145—170. Въ 1784 г. въ Прагѣ издано сочиненіе: Lebensgeschichte Peters des Grossen, въ которомъ большая путаница происшествій временъ Софіи, но объ участіи царевны въ 1-мъ стрѣлецкомъ бунтѣ не говорится ничего; молва объ убійствѣ царевича Іоанна была неизвѣстнаго происхожденія.

[41]) Замѣчанія Щербатова въ Житіи Петра В., Ѳеодози, 1774, на стр. 146, 148, 150, 151, 159, 160.

[42]) Histoire de Russie, par *M. Levesque*, 1783.

[43]) Записки *Кокса* я имѣлъ въ нѣмецкомъ переводѣ: Reise durch Polen, Russland, Schweden und Danemark. *Von Wilh. Coxe.* Aus dem Englischen von *I. Pezzl.* Цюрихъ. 1785. О царевнѣ Софiи стр. 289—307. Вмѣстѣ съ Сумароковымъ, Коксъ считаетъ Милославскаго главою заговора, будто онъ старался чернить Нарышкиныхъ при каждомъ случаѣ и сваливалъ на нихъ вину въ народныхъ тягостяхъ; будто имъ посланы были двое кричать стрѣльцамъ, что Нарышкины убили Іоанна, стр. 290, 295.

[44]) „Примѣч. на исторію Леклерка," *Болтина.* Спб. 1788. I, 481—82.

[45]) *Ж. Ж. Руссо* тоже высказывалъ: Les Russes ne seront jamais rien, puisque Pierre 1, au lieu d'en faire des Russes, a commencé à les former d'après les Hollandois, les Allemands et cet.

[46]) Наприм. „Исторія о невин. заточеніи Матвѣева." М. 1786. „Краткое описаніе жизни и славн. дѣлъ Петра В." Спб. 1788. Здѣсь повторены обычныя мнѣнія: царь Өеодоръ наименовалъ наслѣдникомъ Петра; Софія „своими хитростями возбудила престрашный бунтъ," тотчасъ присвоила себѣ царскій титулъ и верховную власть, подкупила Шакловитаго убить Петра; бунтъ 1698 г. произошелъ оттого, что царь позволилъ употреблять табакъ и т. под., стр. 5—7, 23, 47. Такого же характера „Зерцало рос. государей „*Тимофея Мальгина.* Спб. 1794, стр. 502—518;" Новое ядро рос. Исторіи" *Ив. Нехачина.* М. 1795 ч. 2, стр. 344—51. Послѣдній прибавляетъ послѣ описанія всѣхъ заговоровъ: „Монархъ совершенно бы погибъ, а сестра бы его царствовала, и Россія пребыла бы во тмѣ своего невѣжества, если бы двое изъ стрѣльцевъ не возгнушались осквернить рукъ своихъ въ крови помазанника божія." Но *Бѣляевъ* говоритъ: „Софія была одарена умомъ, которому вполнѣ соотвѣтствовала ея блестящая красота;" Кабинетъ Петра I. 1793, Спб. II, 160.

[47]) Голиковъ родился 1735, ум. 1801 г. „Дѣянія Петра В." изд. М. 1788. „Дополненія къ Дѣяніямъ" М. 1790—97. По словамъ Голикова, для необузданнаго войска стрѣлецкаго „не было ничего священнаго," оно „поставляло всю свою славу въ томъ, чтобы противиться великимъ намѣреніямъ государя своего." *Дополн. къ Дѣян. V, 253.* Голиковъ вѣрилъ Щербатову, будто В. Голицынъ держался ереси Аввакумовой, Крекшину, что царь Петръ говорилъ рѣчь на соборѣ противъ раскольниковъ и Корбу, что Петръ хотѣлъ казнить Софію, но ее защитилъ Лефортъ и т. под.

[48]) Leben Peters des grossen von G. A. von Halem. Лейпцигъ 1803. Русскій переводъ Е. Ушакова. Спб. 1812—1813. Общее убѣжденіе, что жадная до власти царевна, бунтовала стрѣльцовъ противъ Петра, высказывается также въ сочиненіи: „Russische Günstlinge." Тюбингенъ. 1809, стр. 3.

[49]) Изданіе 1-е *Схельтемы:* Peter de Groote, Keiser von Russland in Holland, en te Zaandam in 1697 en 1717. Амстердамъ. 1814. Изданіе 2-е полнѣе и вышло въ 1817 г. Сокращенный французскій переводъ *Мюильмана*: „Anecdotes historiques sur Pierre le grand, et sur ses voyages en Hollande." Лозанна. 1842.

[50]) *Бергмана* Peter der Grotze, als Mensch und Regent. Кенигсбергъ. 1823. Русскій переводъ *Аладьина*, „Исторія Петра В." Спб. 1833. Изд. 2-е 1840.

[51]) Histoire de Russie et de Pierre Grand, par le général comte *Ségur.* 1829.

[52]) Подлинныхъ записокъ *Вилліамса* у меня не было и я пользовался

переводомъ *В. Н. Олина:* „Зап. о Петрѣ В.“ Спб. 1835, ч. I, стр. 1—21. Между другими промахами, здѣсь встрѣчаются слѣд: раскольники бросили по камню въ лицо патріарха на соборѣ; Хованскій замышлялъ истребить всю царскую фамилію и всѣхъ вельможъ; стрѣльцы грозились сжечь Троицкую лавру; Ѳеклевичъ (*Шакловитый*) взялся погубить Петра и подкупилъ 600 стрѣльцовъ (стр. 8, 13, 15, 20).

[50]) *Пельца* Geschichte Peters des Grossen. Лейпцигъ. 1848. Вотъ краткій обзоръ этого сочиненія: Царь Алексѣй назначилъ преемникомъ престола Петра, помимо двухъ старшихъ сыновей; прекрасная и умная царевна Софія и Милославскіе возстали противъ этого распоряженія; по нерадѣнію старухи-польки, которая лечила Алексѣя Михайловича, онъ скончался, но явилось подозрѣніе въ отравленіи царя; тогда отрава была въ обычаѣ при дворѣ (*стр. 77—78*). Петръ въ дѣтствѣ тоже чуть не былъ отравленъ ядомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ, сестра Фридриха В., маркграфиня von Baireuth, но ядъ не сильно подѣйствовалъ (*стр. 79*). По смерти царя Ѳеодора, возвели на тронъ сначала Іоанна, потомъ Петра; патріархъ выхлопоталъ, чтобы остался на престолѣ одинъ Петръ и регентшей назначена его мать. Милославскіе распустили молву, что Іоанна задушили Нарышкины и возбудили стрѣлецкій бунтъ; царица Наталья вывела Іоанна къ стрѣльцамъ, которые, увидѣвъ его, стали утихать, но Милославскіе заявили, что его хотятъ убить (*стр. 84*). Тогда началось возмущеніе, и царемъ провозгласили одного Іоанна, который самъ просилъ въ соправители Петра. Царей снова короновали и правительницей назначили Софію; она хотѣла для своего возвышенія опереться на раскольниковъ. Крымскіе походы Голицына были неудачны (*стр. 90*). Авторъ хвалитъ правительницу за свѣтлый умъ и полезную дѣятельность, за поощреніе наукъ и искусствъ, но обвиняетъ за то, что она не заботилась объ образованіи Петра (*стр. 92*). Съ ея дозволенія, сведенъ былъ съ Петромъ искатель приключеній, Францъ Лефортъ, человѣкъ весьма распутный и безнравственный (*стр. 93*). Вѣроятно, Лефортъ открылъ Петру глаза среди игръ и забавъ и обратилъ его вниманіе на тронъ; не смотря на заговоръ Софіи и Шакловитаго, Петръ достигъ цѣли (*стр. 95 и дальше*). Подобнаго же содержанія книга, неизвѣстно когда изданная: Histoire de Pierre le Grand. Rouen. *Géline Fallet* См. стр. 33—45.

[51]) Рукопись хранится въ Румянц. Муз., отрывокъ изъ біографіи В. Голицына помѣщенъ въ „Трудахъ Общ. Ист.“ М. 1837, стр. 65—85. См. также „Словарь достопамятн. мужей,“ *Бантышъ-Каменскаго* 1836, II. 58. *Терещенко* „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.“

[52]) *В. И. Олинъ* писалъ въ 1835 г., что причиною майскаго кровопролитія въ Москвѣ 1682 г., было необузданное честолюбіе юной Софіи и ея желаніе владычествовать. Мятежъ сей, по его словамъ, „не былъ ни мгновеннымъ взрывомъ народнаго суевѣрія или ропота, ни минутнымъ почему— либо ослѣпленіемъ черни, но именно можетъ назваться постыднымъ заговоромъ или потрясеніемъ, вслѣдствіе мѣръ обдуманныхъ и причинъ политическихъ.“ Еще при жизни Ѳеодора, Софія замышляла тайныя козни противъ Натальи Кириловны, и властолюбивой цѣли достигнуть иначе не могла, какъ только черезъ бунтъ и кровь Нарышкиныхъ (Записки о Петрѣ *Вилліамса*. Спб. 1835, прим. на стр. 10, 22, 24). Но вѣроятно, подъ вліяніемъ взгляда *Берха* на стрѣлецкій бунтъ, Олинъ противорѣчитъ самъ себѣ: „Нельзя однакожъ умолчать, что *первоначальное возмущеніе* между стрѣльцами, по смерти Ѳеодора, не было дѣломъ Софіи;

она въ ономъ не участвовала, а только воспользовалась имъ, какъ средствомъ, чтобы угладить себѣ путь къ престолу" (стр. 66—67).

[56]) „Записки рус. людей," изд. *Сахарова.* Спб. 1841. Примѣч. 25 къ Запис. Матвѣева, пр. 2 къ Запис. Желябужскаго и пр. 10, 12, 19, 25, 56, къ Зап. Медвѣдева. О послѣднемъ Сахаровъ пишетъ: „Не ко всѣмъ безпристрастный, онъ описываетъ подробно всѣ обстоятельства, говоритъ откровенно о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ заговорѣ, и въ обозрѣніи подробномъ и ясномъ, представляетъ собой человѣка, приближеннаго ко двору. Въ одномъ только можно обвинить Медвѣдева: въ пристрастіи къ царевнѣ Софіи Ал. За то остается непонятнымъ его равнодушіе къ Милославскому и къ князю Хованскому. Современникъ его гр. Матвѣевъ раскрываетъ вполнѣ участіе царевны, и въ тоже самое время является пристрастнымъ къ братьямъ Толстымъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ событіи" (*Предисл. V—VI*).

[57]) Рус. Вѣстн., изд. *Полевымъ* 1841. III, 187—8 и 192. 596—599. Затѣмъ онъ изложилъ свой подробный взглядъ на правленіе царевны Софіи въ сочиненіи: „Обозр. рус. исторіи до единодержавія Петра В." Спб. 1846.

[58]) Стихотвор. *гр. Растопчиной.* Москвит. 1843, V. № 9, стр. 13—14.

[59]) Щебальскій повторилъ ошибки Матвѣева, Крекшина и Голикова, что на соборѣ раскольничьемъ 5 іюля, были оба царя; а послѣ казни Хованскаго не менѣе 2700 стрѣльцовъ ходили въ Троицкую лавру, надѣвъ петли на шеи, съ плахами и топорами (II, 390. 400); онъ считаетъ мнѣніе Матвѣева несомнѣннымъ, что Милославскій сгубилъ Хованскаго (II, 394); вѣритъ также Шлейзингу, будто земское ополченіе Россіи при царевнѣ простиралось до 400 тысячъ ратниковъ (IV, 40).

[60]) Въ „Рус. Словѣ" 1859 г., *XII М. Ив. Семевскій* помѣстилъ статью: „Современ. портреты Софіи и В. Голицына." Сгрупировавъ много интересныхъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій, онъ вмѣстѣ съ Нёвилемъ рисуетъ образъ царевны самыми поэтическими красками. Онъ говоритъ: „*Рѣшительность, смѣлость* — главныя черты характера Софіи, рѣзко обозначились съ первымъ же ея выступленіемъ на общественное и политическое поприще. Въ ея характерѣ мало было женскаго. Она съ удивительнымъ *равнодушіемъ* слушала стоны и вопли жертвъ, ею обреченныхъ кровавымъ истязаніямъ необузданныхъ злодѣевъ. Она не отступала *ни предъ какими средствами*, и по трупамъ Матвѣева, Долгоруковыхъ, Нарышкиныхъ и другихъ неуклонно шла къ разъ опредѣленной цѣли... Читая описаніе стрѣлецкихъ бунтовъ 1682 г., невольно удивляешься *ловкости*, *твердости*, *изворотливости*, *изобрѣтательности* и *гибкости ума* Софіи. Съ искусствомъ опытнаго интриганта и политическаго дѣятеля, она разсѣеваетъ благопріятные для ея видовъ слухи, возбуждаетъ къ мятежу стрѣлецкія полчища, смѣлою рукою направляетъ толпы убійцъ на людей, смерть которыхъ опредѣлена ею, утишаетъ во-время пламя бунта, а по окончаніи его достигаетъ главной цѣли: стрѣльцы просятъ ее принять бразды правленія!..." *(стр. 419).* Въ томъ же родѣ написана вся длинная статья.

[61]) „Ист. Рос. съ древн. врем." т. XIII М., 1863, т. XIV, 1864. *С. М. Соловьевъ* преувеличилъ дѣйствія Хованскаго и Милославскаго въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, основываясь на показаніяхъ гр. Матвѣева *(XIII, 344, 346).* По словамъ почтеннаго профессора выходитъ, что толпой можно распоряжаться по произволу: „Когда вывели Іоанна къ стрѣльцамъ, они обезоруживались." Уйдутъ съ позоромъ изъ Кремля, и въ другой разъ ихъ уже трудно будетъ привести туда на туже удочку, а между тѣмъ Матвѣевъ приметъ свои мѣры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами (?), кричать, что хотя царевичъ и живъ,

но все же пусть выдадутъ его недоброхотовъ, Матвѣева и Нарышкиныхъ; кричали, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себя корону и разныя царскія украшенія.“Матвѣевъ убѣдилъ стрѣльцовъ бросить затѣи.„Тщетно Хованской, *какъ говорятъ*, дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобъ они бросились на Матвѣева.“ Стрѣльцы были тихи и просили Матвѣева, чтобъ онъ заступился за нихъ предъ царемъ. Онъ возвратился на верхъ къ царицѣ. „Но заговорщики не дремали: видя, что дѣло не ладится передъ дворцемъ, они направили толпу самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо“ *(стр. 347)*. О дѣлѣ Хованскаго Соловьевъ говоритъ, „что Софья и Милославскій посредствомъ стрѣльцовъ овладѣли правленіемъ, а Хованскій перешелъ имъ дорогу, овладѣлъ стрѣльцами, привязалъ ихъ къ себѣ и готовъ былъ употребить эту силу противъ Софьи и Милославскаго. Софья и Милославскій по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушенія, представляемую положеніемъ Хованскаго: пойдетъ ли онъ назадъ, посторонится ли, чтобъ дать мѣсто имъ?„ *(XIII, 373—4)*. Разсказъ о бунтѣ Шакловитаго изложенъ Соловьевымъ близко къ истинѣ *(XIV, 117—138)*.

[62]) Польскіе писатели разсказываютъ, что по смерти Маріи Ильиничны Милославской, первой супруги царя Алексѣя, оставшіеся два сына и шесть дочерей, много терпѣли отъ Артамона Матвѣева, а потомъ подверглись еще большему преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирила Нарышкина. Не смотря на право наслѣдства старшаго сына Ѳеодора, Матвѣевъ съ Натальей Кириловной хотѣли посадить Петра на тронъ и подкупили стрѣльцовъ стоять за него. Но Долгорукій избралъ царемъ Ѳеодора. *(См. выше стр. 8—9, прим. 12)*. Здѣсь, очевидно, обстоятельства дѣла преувеличены, но слухъ имѣетъ основаніе; молва приписывала тайную мысль Матвѣеву и Натальѣ не даромъ: они могли питать подобныя надежды, но не въ силахъ были поступать настойчиво для ихъ осуществленія, когда всѣ признавали Ѳеодора наслѣдникомъ. Если мы припомнимъ, какъ провозгласили Петра Нарышкины 27 апрѣля, помимо Іоанна, то можемъ повѣрить этимъ слухамъ.

[63]) При вѣнчаніи на царство Ѳеодора, изъ Нарышкиныхъ никто не былъ награжденъ. Матвѣевъ приписываетъ это вліянію А. П. Хитровой; но вѣроятно, объясненіемъ служитъ покушеніе Натальи Кириловны возвести на престолъ Петра. *(Ист. царств. Ѳеодора Берха I, 19)*. Богданъ Хитрово и племянникъ его Александръ Савостьяновичъ по управленію приказомъ большаго дворца сильно злоупотребляли: „изъ государственныхъ и дворцовыхъ селъ и волостей повсевременно вотчины свои всякими изобиліи и заводы строили и наполняли, такожде и изъ всѣхъ — сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ—премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовалися, великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатили себя.“ *(Ист. о невин. заточ. Матв. 386 стр.)*.

[64]) Внѣшнимъ предлогомъ къ удаленію Матвѣева послужила жалоба, датскаго резидента Монса Гея, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 руб. за рейнское вино, поставленное ко двору, и что на его требованіе изъ посольскаго приказа выслали фальшивый контрактъ на эту поставку. (*Ист. Рос. XIII, 236 стр.*).

[65]) Польскій авторъ московской смуты лестно отзывается о Грушецкой, говоритъ, что она много принесла добраго Россіи: по ея вліянію ратнымъ, бѣжавшимъ съ поля битвы, не велѣно носить позорные женскіе охабни; также начали волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы основывать: вышло распоряженіе вынесть изъ церквей иконы, которымъ каж-

дый самъ молился, а другимъ не позволялъ. Эти поступки хвалила партія Θеодора, а порицали приверженцы Матвѣева и говорили, что царь скоро введетъ ляцкую вѣру и, женясь на полькѣ, будетъ также вести себя, какъ самозванецъ, послѣ брака на Маринѣ Мнишекъ (см. Diariusz Zaboystwa tiranskiego).

[66]) Лекарь Давыдъ Берловъ, который подалъ доносъ на Матвѣева, обвинилъ также Ивана Нарышкина въ посягательствѣ на жизнь царя Θеодора, будто онъ говорилъ держальнику своему Ивашкѣ Орлу про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: „Ты-де Орелъ старый, а молодой-де Орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали; а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ царицы Натальи Кир. великую милость, и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ.“ И держальникъ Орелъ говорилъ: „убилъ бы да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ.“ Давыдко въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ и клещами сженъ многажды. И передъ государемъ, патріархомъ и передъ боярами, и отцу своему духовному на исповѣди сказывалъ прежнія рѣчи: какъ Нарышкинъ говорилъ Ивашкѣ Орлу, чтобы благочестиваго царя убить.“—За такія страшныя вины и воровство бить кнутомъ, огнемъ и клещами жечь и смертію казнить. Но государь жалуетъ, указалъ дать животъ, и сослать въ ссылку въ Ряскій, и быть за приставомъ до смерти живота.“ *(Письмо къ В. В. Голицыну Боева. Чт. общ. № 7)*. Братъ царицы Афанасій также сосланъ былъ въ ссылку. (*Ист. Рос. XIII, 242—243*). Апр. 27 „пожаловалъ государь, изъ опалы велѣлъ быть къ Москвѣ: А. С. Матвѣева, Ивана Кирилова, Петра да Кондратья Θоминыхъ дѣтей Нарышкиныхъ, думнаго дворянина Θедоровой жене Полуехтовича Нарышкина съ сыномъ, и велѣно имъ быть въ Москвѣ не мѣшкавъ.“ *(Тамъ же XIV, въ прил. 26)*. Изъ этого видно, что сослано было много Нарышкиныхъ въ царствованіе Θеодора.

[67]) *1682 Мая 6*. Въ Пермь воеводѣ Барятинскому.

„Всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей,“ собранныхъ по указу Θеодора въ Москву, „для разборовъ и изровненія во всякихъ службахъ и податяхъ,съ посадовъ *въ двойникахъ*, всѣхъ отпустить по домамъ. А имъ, пріѣхавъ въ тѣхъ городѣхъ, и въ пригородѣхъ, и въ уѣздѣхъ во всѣхъ слободахъ, и въ волостяхъ, и въ селѣхъ, съ земскими старосты и со всѣми посадскими и иныхъ чиновъ съ тамошними жилецкими людми, въ таможни и на кружечные дворы и къ инымъ сборомъ нашіе казны, выбрать межъ собою, въ головы и въларешные цѣловальники, впредь ко 191—193г., противъ указныхъ статей 189 г., изъ какихъ чиновъ напередъ сего у тѣхъ сборовъ бывали и нынѣ сбираютъ, самыхъ добрыхъ и правдивыхъ людей, кому бы въ тѣхъ сборѣхъ мочно было вѣрить.“ Отписки о выборахъ прислать къ 1 іюля.—Насчетъ выборовъ головъ и цѣловальниковъ говорится: „а будетъ кто въ тѣхъ выборѣхъ учинится не послушенъ, и ты бъ на тѣхъ ослушниковъ давалъ мирскимъ людемъ для розсылки приставовъ и стрѣльцовъ, сколько человѣкъ пригоже, и въ тѣхъ выборѣхъ всякое имъ вспоможеніе чинилъ; а ни для чего въ тѣ выборы тебѣ не вступаться и помѣшки имъ не чинить, чтобы тѣ выборы въ сборѣ нашей в. государя казнѣ были въ прибыли.“ (*А. И. V, № 83*). Значитъ, 1) выборы, по взгляду правительства, были чисто въ экономическихъ разсчетахъ; 2) не довѣряли воеводамъ; 3) выборные чинились сильны, 4) воеводы направляли выборы въ своихъ видахъ.

[68]) Матвѣевъ досадовалъ, что Софія выборныхъ стрѣльцовъ, „превосходнѣе и вѣрнѣе всего дворянства вела“ и что она дворянство уничтожила. . . „Царица Наталья Кириловна, по его словамъ, цѣломудренная и мужественная,

всемилосердая жена и всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей исполненная государыня, которая по всемилостивѣйшимъ своимъ снисхожденіямъ," всѣхъ и старыхъ заслуженныхъ родовъ и палатныхъ особъ свѣтлыхъ „при сторонѣ своей содержала," но и вообще все дворянство и народное общество (*У Сахар. 5—6, 34*).

[69]) Изъ записокъ Медвѣдева, по рукописи кн. Оболенскаго: „Того же 7190 лѣта во время зимнее начаша люди зѣло, ради неправдъ и нестерпимыхъ обидъ себѣ, стужати и другъ на друга глаголати, яко той неправду дѣетъ, иный на того, наипаче же на временниковъ и великихъ судей и на начальныхъ людей, яко мздоимательствомъ очи себѣ паслѣпили, якоже пишется: „мзда ослѣпляетъ очи премудрыхъ." Тако и тогда всюду не точію въ мужахъ, но и въ женахъ словеса отъ обидъ и въ неполученіи правныхъ дѣлъ всюду происходили. Иніи же ближніе предстатели точію вымышляли ими мнимое разумно сами, а немногихъ людей совѣтомъ, *и презирая искусныхъ, мудрыхъ и въ старости сущихъ людей, всякія новыя дѣла въ государствѣ и чины въ даяніи чести, и суды иночиновны въ гражданствѣ покусишася вводити, иноземскимъ обычаемъ подражающе*." (*Ист. Петра В. Устрялова, I, 271*). „Въ зимнее время (*въ февралѣ?*) Богданова полку Пыжова стрѣльцы всѣмъ приказомъ били челомъ съ великимъ прилежаніемъ и со слезами многое время в. государю на него Богдана, что онъ вычиталъ у нихъ по половинѣ денежнаго жалованья, а у иныхъ и больше. И в. государь, видя ихъ многое челобитье, указалъ о томъ розыскать.—И ближній его царскій совѣтникъ, бояринъ Ив. Языковъ, по наговору полковниковъ стрѣлецкихъ, велѣлъ о томъ розыскъ учинить неправедный, и учинить челобитчикамъ—лучшимъ людемъ жестокое наказаніе, дабы впредь иныхъ приказовъ стрѣльцы на полковниковъ въ налогахъ своихъ не били челомъ, и были бы всегда полковникамъ отъ того страха въ покореніи тяжкомъ. Но—о, неразумныхъ бѣдственнаго совѣта; яко неправеднымъ народъ паче хощутъ удержати страхомъ, нежели праведною любовію! . . . И иныхъ челобитчиковъ, по совѣту Ив. Языкова, по неправедному розыску, лучшихъ людей бивши кнутомъ, разослали въ ссылки,—и тѣмъ всѣхъ полковъ стрѣльцамъ страхъ велій содѣяся. И видѣвши полковники стрѣлецкіе, яко по ихъ волѣ надъ стрѣльцами содѣяся, наипаче стрѣльцамъ начаша налоги многіе чинити." (*Медв. у Сахар. стр. 1*). Вотъ самое вѣрное объясненіе выраженія той сильной злобы, какая вспыхнула въ стрѣльцахъ противъ начальниковъ во время бунта въ маѣ 1682 г. Соловьевъ сомнѣвается въ истинѣ показанія Медвѣдева, но безъ всякаго основанія. Само правительство созналось въ обидахъ, наносимыхъ стрѣльцамъ: при Петрѣ Нарышкины, а при Софіи Шакловитый, несомнѣвались въ этомъ.

[70]) Relation der traurig. Trag. *у Устрялова стр. 32—3*. Въ 7190 г. апрѣля 23 „стрѣльцы отъ великаго полковниковъ своихъ тяжелоносія били челомъ въ первыхъ на Семена Грибоѣдова и подали о нужномъ, неправедномъ порабощеніи, и о немилостивомъ отъ него мученіи челобитную. И бояринъ Ив. Языковъ, познавъ, яко за неправедныя ихъ въ судахъ дѣла, паче же за безмѣрную отъ полковниковъ стрѣльцамъ тягость и веліе порабощеніе, нача творити: како бы возможно до конечнаго возмущенія народъ не допустити? И того ради, по тому ихъ челобитью, велѣно вскорѣ розыскъ и указъ учинить. И той полковникъ посаженъ былъ въ тюрьму токмо на одинъ день и свобожденъ по прежнему. Стрѣльцы же не точію тою расправою не быша удовольствованы, но наипаче на ярость подвигошася, и начаху себѣ такожде за праведное свое челобитье неправеднаго наказанія и ссылки чаяти, и того ради

во всѣхъ полкахъ тайно начаша мыслити: како бы того бѣдства избыти?" (*Зап. Медвѣдева 1—2*). Въ разрядѣ записано: „Того жь году апрѣля въ 24 били челомъ в. государю приказъ стрѣльцовъ Семенова приказу Грибоѣдова, что и въ силничей всякой нагальствѣ и въ разоренье, и хотѣли было збунтовать. И в. государь указалъ ево Семена послать на Тотму, и вотчины отнять и изъ полковниковъ отставить. Тогожъ году *генвара* (апрѣля) въ 25 день сказано на Семенова Грибоѣдова мѣсто." У Розенбуша означено 25 апрѣля, жалобы происходили, какъ видно, не одинъ день.

[71]) По смерти Өеодора, „весь синклитъ и царедворцы въ великомъ множествѣ въ Кремль съѣхались къ нареченію царскому, понеже всѣ уже преклонилися ко избранію на престолъ Петра Ал., который и нареченъ."—Слѣдовательно, между царедворцами изъ партіи Нарышкиныхъ было уже заранѣе условлено объ избраніи Петра. Но все таки „о возвышеніи его величества на высокій престолъ тогда жъ люди раздвоились, какъ отъ бояръ и отъ прочихъ свѣтлыхъ фамилій, такъ и отъ дворянства на двѣ партіи, т. е. шайки. Со стороны царской при томъ времяни для надлежащаго безопасенія, и ради мнимыхъ (?) противныхъ случаевъ мятежей, изъ многихъ именитыхъ родовъ. . . по вѣрной своей службѣ и горячности къ его высокопомянутому величеству ревность свою мужественно и великодушно противъ ихъ показали и одѣвся въ панцыри, скрытно подъ платьемъ своимъ ихъ имѣли, и хотя бъ до самой смерти въ томъ стоять, и непоколебимо подвизатися были намѣрены." Это—Борисъ Ал. и Иванъ Большой Лобъ *Голицыны*, Яковъ, Лука, Борисъ, Григорій *Долгорукіе* „и многіе иные." При избраніи и нареченіи на престолъ Петра, „отъ противныя стороны нѣкто Максимъ Исаевъ сынъ Сумбуловъ, въ ту же пору будучи въ городѣ Кремлѣ при собраніи общемъ съ своими единомышленниками, гораздо изъ рядоваго дворянства продерзливо кричалъ: „что по первенству надлежитъ быть на царствѣ царевичу Іоанну. За что онъ Сумбуловъ награжденъ былъ чиномъ палатнымъ думнаго дворянства." (*Матвѣевъ у Сахар. 4, 5, 6*). Іоаннъ „сперва на царство не выбранъ для того, что очами былъ зѣло не duженъ. И изо всѣхъ народу вышедъ, говорилъ дворянинъ старый Максимъ Исаевъ Сумбуловъ, чтобы быть на царствѣ Іоанну Ал. И по его словамъ всѣмъ стало любо. И за то ему Максиму дано думное дворянство." (*У Сахар. Зап. Желябужскаго 2*). На счетъ избранія Петра факты разногласятъ: одинъ утверждаетъ, что Іоаннъ самъ отказался; другой говоритъ просто, что пожелали избрать Петра всенародно всѣ чины и духовенство. (*См. эти акты, сообщенные Миллеромъ въ Собр. запис. Туманс. V, 152—163*). Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что избраніе Петра приготовлено было заранѣе патріархомъ и Нарышкиными. Чаятельно, держащіе сторону Іоанна, не могли себѣ представить, чтобы обойденъ и предпочтенъ былъ младшій братъ старшему. (*Акты и свѣдѣнія объ избраніи Петра, См. Запис. Медвѣдева 2—6. Собр. госуд. грам. IV, 132, П. С. Зак. II, 384. Ист. Петра В. Устрялова I, 15 прим. 32).*

[72]) Апрѣля 27 „указалъ в. государь Петръ большую казну и казенной дворъ и мастерскую в. государя Өеодора запечатать боярину кн. Я. Одоевскому, да печатнику Дементью Миничу Башмакову, да думному дьяку Данилѣ Полянскому." Приводить къ присягѣ посланы 28 апр. разныя лица, которыя означены въ записной разрядной книгѣ. (*Ист. Рос. Соловьева XIV, въ прилож. 27, 28—29. См. также Собр. госуд. грам. IV, №№ 134. 141—144*). Докладная выписка о перемѣнѣ печатей 29 апр. *въ Собр. грам. IV, № 133.*

[73]) Апрѣля 28 хоронили царя Өеодора; за гробомъ шли царица Мареа Матвѣевна и царевна Софія. „А. в. государь и государыня царица у обѣдни и

на отпѣваньѣ не были.“ (*Ист. Рос. XIV въ прил.* 27, 28; *Древн. Рос. Вивліое. XI*, 212). Подробныя причитанья Софіи послѣ погребенія царя Өеодора сообщены польскими писателями, на которыхъ указано выше.

[71]) 27 апрѣля государь пожаловалъ въ спальники: Ив. Кир. Нарышкина, Афанасья, Льва, Мартемьяна и Өедора Кириловыхъ Нарышкиныхъ, да Василья Өедор. Нарышкина, да стольниковъ Тим. Борис. Юшкова и Тихон. Ник. Стрѣшнева. *28 апрѣля* государь пожаловалъ изъ спальниковъ царя Өеодора къ себѣ въ спальники: Ив. Юр. Трубецкаго, Алексѣя Вас., Алекс. Борис. Голицыныхъ, Ивана и Петра Мих. Долгоруковыхъ, Ив. Родіоновича Стрѣшнева. *29 апрѣля* Мих. Ив. Куракина. *30 апрѣля* Юрья Юрьев. Трубецкаго, Мих., Юрья, Вас. Юрьевыхъ Одоевскихъ, (вновь пожалованные въ спальники.) *1 мая* Петра Өом. Нарышкина въ спальники, *5 мая* Кирила Алекс. Нарышкина тоже. *7 мая* въ бояре и оружничіе Ив. Кир. Нарышкина, въ бояре Никиту Конст. Стрѣшнева, въ комнату боярина Ив. Бор. Троекурова да окольничаго Мих. Ив. Лыкова. Въ спальники Влад. и Вас. Мих. Долгоруковыхъ, Өед. Ив. Леонтьева. *10 мая* въ спальники Ив. Ив. Троекурова. *12 мая* А. С. Матвѣеву велѣно возвратить имѣнія отданныя и людей распущенныхъ. *12 мая* въ спальники Бор. Ив. Куракина, Андрея Арт. Матвѣева, Мих. Григор. Нарышкина. *19 мая* въ клюшники Никиту Өед. Баркова, а Ивана Пѣкина въ дворяне.—Мая 1 „сказано боярину Ив. Макс. и сыну его Семену чашнику Языковымъ, да казначею Мих. Тим. и постельничему Алексѣю Тим. Лихачевымъ, стольникомъ ближнимъ Ив. Андр. Языкову, Ив. Среднему. Вас. Дашкову, чтобъ онѣ во время выходу в. государя не ходили и его очей не видали.“ Мая 5 и 9 Иванъ и Ал. Севастьяновы Хитрово посланы въ Казань на службу. (*Запис. кн. Петра. Ист. Рос. XIV*, *въ прил.* 21, 33, 34).

[75]) Въ записной книгѣ отмѣчено: *апр. 29.* „Тогожъ числа били челомъ в. государю въ насильствахъ и въ налогахъ и во всякихъ разореньяхъ стрѣльцы на полковниковъ и на пятидесятскихъ: Матвѣя *Кравкова*, Никиф. *Колобова*, Влад. *Воробина*, Сем. *Грибоѣдова*, Матв. *Вешнякова*, Ив. *Нелидова*, Ив. *Полтева*, Алексан. *Карандѣева*, Григ. *Титова.*, Андрея *Дохтурова*, Павла *Глѣбова*, Родіона *Астафьева.* И в. государь приказалъ у нихъ челобитныя принять и за ними сидѣть св. патріарху съ бояры и полковниковъ разспрашивать противъ ихъ челобитья. А къ нимъ въ приказы указалъ в. государь послать ихъ уговаривать думнаго дьяка посольскаго приказу Ларіона Иванова; и дьякъ ѣздилъ и указъ имъ сказывалъ, и они били челомъ противъ прежнего своего челобитья, чтобъ в. государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ ихъ отъ полковниковъ оборонить . . . *Апр. 30* указалъ в. государь послать въ тюрьму полковниковъ, на которыхъ били челомъ стрѣльцы, и вотчины у нихъ отнять и противъ челобитья ихъ указалъ на нихъ все доправить и ихъ отъ тѣхъ приказовъ отставить.“ Въ полковникахъ приказалъ быть Өедору *Головленкову*, Вас. *Пушечникову*, на мѣсто Карандѣева и Грибоѣдова. . . *Мая 1* указалъ послать въ тюрьму Ив. *Щепина*, и Конд. *Крома*, Ал. Карандѣева и Сем. Грибоѣдова— бить кнутомъ; а Колобова, Титова, Никиту *Борисова*, Нелидова, Вас. *Перхулова*, Дохтурова, Воробина, Вешнякова, Глѣбова, Крома, Алекс. *Танѣева*, Щепина *бить батоги.* Государь указалъ быть полковникомъ новымъ на мѣсто битыхъ: Никитѣ Дан. Глѣбову, П. Авр. Лопухину, Анд. Нормадскому. *Мая 5* „Тогожъ числа стояли на правежѣ полковники противъ стрѣлецкихъ челобитенъ.“ *Мая 11* „указалъ в. государь по челобитью стрѣльцовъ Иванова приказу Полтева, его Ивана перемѣнить, а быть у его перваго *приказу въ полковникахъ* Никитѣ Глѣбову.“ (*Записн. книга Петра у Соловьева XIV*, *въ прилож.*

XIV, *т. стр. 29—31*). У Медвѣдева упоминается въ числѣ битыхъ полковниковъ Ив. *Коницевъ*, и пропущены братья Юреневы. Донесеніе Розенбуша и показаніе Медвѣдева согласны съ этими официальными данными (*см. Устрялова Ист. Петра В. I*, *стр. 331—2)*. Медвѣдевъ между прочимъ говоритъ: по челобитью стрѣльцовъ *апр. 30 и мая 4*, „велѣно, государскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ, тѣхъ всѣхъ полковниковъ отъ ихъ приказовъ отставить, и отдати за ихъ неправдодѣланіе въ приказы стрѣльцамъ головами въ наказаніе.“ Тогда патріархъ послалъ митрополитовъ и архіепископовъ и архимандритовъ и игуменовъ, „съ прошеніемъ, чтобы тѣхъ полковниковъ въ приказы свои они не имали, а за государской указъ милостивой, что по ихъ челобитью, отданы въ наказаніе головами, государю били челомъ, и они тако по прошенію св. патріарха сотворили. И тѣмъ полковникамъ, на которыхъ были челобитья, повелѣніемъ царскимъ давано наказаніе, передъ разрядомъ многіе биты батоги, и по ихъ челобитчиковымъ заручнымъ сказкамъ, что полковники съ кого брали, и чѣмъ обиду имъ въ жалованьѣ государскомъ, или въ иномъ въ чемъ учинили, все доправлено и отдано имъ челобитчикамъ. „И тотъ в. государя указъ сказыванъ полковникомъ у площади, у стрѣлецкаго приказа, и наказанье имъ чинено при всемъ народѣ; обаче нѣкоторымъ полковникамъ наказанье и не чинено, по челобитью стрѣлецкихъ полковъ выборныхъ людей, для того что всѣ полковники равно имъ стрѣльцамъ обиды и налоги творили, и деньги по стрѣлецкимъ росписямъ начаша на нихъ полковниковъ править. Обаче и тѣмъ государскимъ праведнымъ указомъ стрѣльцы не удовольствовахуся и досада полковниковъ не точію къ нимъ тѣмъ не утолилась, но отъ того часа, наипаче нача огнь гнѣвный горѣти.“ *(Зап. Медвѣдева 7—10)*.

[7c]) Записки Медвѣдева и донесеніе: Relation der traurigen Tragedie, приписываемое Розенбушу, согласно съ разрядной запиской повѣствуютъ о 1-мъ стрѣлецкомъ бунтѣ, исключая немногихъ мелкихъ подробностей, которыя иностранцу трудно было отмѣтить точно. Въ донесеніи встрѣчаются ошибки, наприм. слѣдующія: выводила царей къ стрѣльцамъ Софія и Марѳа Матвѣевна; царь Петръ передалъ державу Іоанну по требованію стрѣльцовъ; Докторова убили 16 мая и т. п. Но есть въ донесеніи подробности, которыя дополняютъ русскіе источники. *У Устрялова*, *стр. 334—6*.

[77]) Самыя вѣрныя свѣдѣнія сообщаетъ Медвѣдевъ, который, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ разрядную книгу. Онъ пишетъ: стрѣльцы пришли къ Грановитой палатѣ, когда бояре сидѣли еще въ приказахъ,—„и отъ всѣхъ странъ весь государской дворъ вкругъ обступили крѣпко, чтобъ ни единъ, которые люди имъ надобны, не ушелъ. Биша же въ колокола набатные по всему Кремлю и въ барабаны на бой. А съ коньми боярскихъ холопей и съ каретами сбили съ Ивановской площади всѣхъ, въ городъ Кремль бояръ изъ верховыхъ людей никого же пущаху.“ Бояре послали за патріархомъ. По требованію стрѣльцовъ, взяли царя Петра и царевича Іоанна и показали имъ.“ И хотящу имъ умирити *мысль ихъ*, *не вѣмъ отъ кого на зло возмущенную*, разрушити, пойде къ нимъ на низъ Краснымъ крыльцомъ св. патріархъ; они же видѣвше его къ нимъ идуща, воскричаша всѣмъ множествомъ: „не потребуемъ никакихъ и ни отъ кого совѣтовъ.“ Напереди же стоящіе глаголаша: „время уже, кто надобенъ намъ разбирати,“—и склонивши напередъ себя копіи и со всякимъ оружіемъ, яровидно зѣло, на крыльцо по лѣстницѣ, мимо св. патріарха, пойдоша въ верхъ,—и со всѣхъ странъ по стѣнамъ и по лѣстницамъ, яко звѣри въ государской домъ потекоша.“ Государи и царица ушли въ палаты. „Бояре же и ближніе и всякаго чина всѣ убоявшеся начаша бѣжати и хоронитися, кто камо возможе. . . Стрѣль-

цы въ первыхъ изымали боярина Артемона Матвѣева, и тамо въ верху убили до смерти.“ По семъ убили Василья, сына думнаго дьяка Ларіона Иванова, отставнаго полковника Гр. Горюшкина, М. Юр. Долгорукова въ верху и Салтыкова вмѣсто Нарышкина; „познавше же, что не той, отнесоша тѣло на дворъ къ отцу его.“ Въ верху же убили Аѳанасья Нарышкина и прежняго полковника Андрея Дохтурова, „и кто имъ надобенъ, сами изымавъ убиваху . . . Ходяще въ царскія обитованія всюду безопасно, и никаковаго оставили мѣста нигдѣ во всемъ царскомъ домѣ, гдѣ бы не смотрѣли и не искали, и ихъ царскіе одры превращали, отвѣтъ творя: „яко ищутъ измѣнниковъ.“ Убившихъ же тамо съ высокости изъ палатъ тѣлеса на землю бросали зѣло не милосердо, и на землѣ уже мертвыя тѣла, ободравъ всю одежду, немилостиво сѣкли бердыши и кололи копьями.“ Межъ патріарша двора и Чудова убили Гр. Ромодановскаго, межъ Благовѣщенія и Грановитой—Лар. Иванова. Юрія Долгорукова убили 15 мая часа за два до вечера на дворѣ его, въ конечной страсти, и тѣло его въ мелкія части изсѣкли, *(а по разрядной запискѣ четвертовали)*. Ив. Ѳом. Нарышкина за Москвой рѣкой близъ двора его убили и его человѣка убили жъ. Въ 1-мъ часу ночи привели на площадь и убили Ив. Макс. Языкова, хоронящагося на нѣкоемъ дворѣ. . . Людей боярскихъ въ той же день у аптекарской лѣстницы 9 человѣкъ убили.“ *(У Матвѣева поименованъ въ числѣ убитыхъ Юреневъ, а у Розенбуша Ив. Филимоновичъ Нарышкинъ, о которыхъ Медвѣдевъ умалчиваетъ; также нѣтъ ихъ и въ разрядной запискѣ)*. „Егда же кого убіютъ, бросаютъ съ Краснаго крыльца,埋 вземъ за ноги и вонзя копьи въ тѣло, и влекутъ по улицѣ въ Спаскіе и Никольскіе ворота на Красную площадь и предъ тѣломъ влекомымъ и копіи бодомымъ текуще злые убійцы, яко честь творяше, вопіяху гласы великими: „се бояринъ А. С. Матвѣевъ! се бояринъ Ромодановскій! се Долгорукій! се думной ѣдетъ! дайте дорогу!“—И повергше на Красной площади предъ Спаскими вороты у Лобнаго мѣста, сѣчаху во многіе бердыши мертвое тѣло ругательно, и пресѣкши съ костьми въ малѣйшія частицы, яко отнюдь не возможно знать, что человѣки то были, тако отхождаху; не точію же сами они стрѣльцы кричаху въ томъ дѣлѣ, яко согласующе: „любо, любо, любо,“ но инымъ кто идетъ, повелѣвали тоже „любо“ кричати, а кто тако кричати не хотѣлъ, и того измѣнникомъ нарицаху, иныхъ же и били. *16 мая* „къ св. патріарху въ той день многими толпами прихождаху въ своемъ оружіи, и грозя же не токмо ему, домовымъ служителямъ, но и самому копьями и бердыши, чтобъ выдалъ измѣнниковъ, у него во дворѣ хоронящихся, которыхъ ни единаго не было.“

Мая 17 „стрѣльцы всѣ стоящіе предъ Краснымъ крыльцомъ не отступно просятъ, и грозятъ всѣмъ боярамъ и другимъ, не дати хотящимъ *(Нарышкина)* такоюжде смертію, и паки въ верхъ хожденіемъ и многихъ побіеніемъ.“ Красная площадь исполнена была мертвыхъ посѣченныхъ тѣлесъ, и лежаху не малые дни; не смѣяше же никто сродники взяти родителей своихъ тѣлесъ въ преданіе погребенію; вси бо они стрѣльцы, піявше въ крови дерзновеніемъ, возсвирѣпѣли тако, яко никому же дающе съ собой глаголати“. . . Начали пьянствовать. . . „видѣвши же ихъ стрѣльцовъ такую дерзость, сродники и дѣти побіенныхъ и приказные люди, судьи и подьячіе съ Москвы разбѣгошася, кто отъ пущеннаго гнѣва скрытися можаше; иныхъ же изымаша въ ссылку въ дальныя мѣста отсылали. И нещахуся, безумные и глупые, государствомъ управляти, невѣдуще, яко по словеси любомудрыхъ; „и въ разумѣ непостоянныхъ совѣтъ никогда же состоится.“ (*Медвѣдевъ 11—16*).

Сопоставимъ въ доказательство словъ Медвѣдева оффиціальныя данныя.

Выдержка изъ разрядныхъ записокъ о смутномъ времени 1682 г. 15—19 мая. „Лѣта 7190, маія въ 15 день, была на Москвѣ смута. Приходили въ Кремль солдаты всѣхъ приказовъ съ копьи и съ бердыши и съ ружьемъ, а пушкари съ пушки, и вшедъ въ Кремль, стрѣляли изъ ружья и побили боярскихъ людей и лошадей многихъ, а иныхъ перерапили. И пришедъ къ Красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченіи. И по указу в. государя выходилъ къ нимъ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и спрашивалъ ихъ: для чего вашъ такой приходъ? И они боярину всѣ говорили: будто измѣняютъ в. государю бояре, и чтобы государя царевича и в. князя Іоанна Алексѣевича оказали. И бояринъ тѣ ихъ рѣчи в. государю извѣщалъ. И в. государь и государыня царица и государь царевичъ и святѣйшій патріархъ выходили къ нимъ на Красное крыльцо, а къ нимъ внизъ посылали уговаривать бояръ: князя Мих. Алегуковича Черкасскаго, князь Ив. А. Хованскаго, Петра Вас. Шереметева большаго, князь Вас. Вас. Голицына. И они били челомъ в. государю и боярамъ извѣщали, чтобъ в. государь указалъ имъ выдать бояръ: князь Юрья Алекс. *Долгоруково*, князь Григорья Гр. *Ромодановского*, князь Михаила Юрьевича *Долгоруково*, Кирила Полуехтовича *Нарышкина*, Артемона Серг. *Матвѣева*, Ивана Макс. *Языкова*, да боярина и оружейничаго Ивана Кирил. *Нарышкина*, постельничаго Алексѣя Тимоф. *Лихачева*, казначея Тимоф. *Лихачева*, чашника Семена *Языкова;* думныхъ дьяковъ: Ларіона *Иванова*, Данила *Полянскаго*, Григорья *Богданова*, Аверкія *Кирилова*, спальниковъ: Аѳанасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра *Нарышкиныхъ*.

„И в. государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него в. государя никого нѣтъ въ верху. И они пошли всѣ въ верхъ съ ружьемъ въ его в. государя хоромы и къ государынѣ царицѣ и къ государю царевичу и къ государынямъ царевнамъ, и искали въ хоромѣхъ и вездѣ, и взявъ бояръ: Артемона Серг. Матвѣева, кинули его съ Краснаго крыльца на копьи; а князь Гр. Гр. Ромодановскаго у патріарха убили жъ; а князь М. Ю. Долгоруково съ верху жъ кинули на копья; а Ив. М. Языкова, изловя на Никитцкой и приведши къ Архангелу, изрубили жъ, а князь Юрья Ал. Долгоруково, на его дворѣ, кинувъ съ крыльца больнаго, четвертовали и положили на площади противъ его двора, а Ларіона Иванова и сына его Василья и полковника Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина изрубили жъ; а Ѳѳонасья Нарышкина, сыскавъ у Спаса въ верху въ церкви, что у государыни царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на копьи жъ, и тѣла ихъ всѣхъ снесли въ Спаскія ворота на Красную площадь къ Лобному мѣсту, и тамъ надъ ними паругались же, и сшедъ съ верху, судной и холопей приказы разорили, вынесши всякія письма изодрали. Да не зная столпика Ѳедора Петрова сына Салтыкова въ государевыхъ мастерскихъ сѣнѣхъ изрубили жъ, а чаяли его быть его Нзрышкинымъ; а Петра Ѳомина сына Нарышкина убили за Москвою рѣкою.—И назавтрея того дни, маія въ 16 день, приходили также на Постельное крыльцо; и выходили къ нимъ говорить государыни царевны, чтобъ они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ. И они били челомъ противъ прежняго жъ челобитья, да они жъ били челомъ, чтобъ имъ выдали дохтуровъ Степана жида да Яна.

„И в. государь указалъ имъ ихъ выдать думнаго дьяка Аверкія Кирилова, дохтура Яна да Степана сына, и они ихъ убили жъ; а тѣхъ всѣхъ, о которыхъ они в. государыни били челомъ, простили; а Ивана Нарышкина и Степана дохтура государыни царевны упросили до утрея, а того дни ихъ не сыскали, и они

пошли два приказа въ Нѣмецкую слободу и Степана дохтура сыскали въ нищенскомъ образѣ.

И маія въ 17 день приходили на Постелное жъ крылцо. Также и къ нимъ выходили госуд. царевны жъ, и изволили имъ говорить, чтобы они для ихъ государева многолѣтняго здоровья боярина Кирил. Полуехт. Нарышкина и дохтура Степана простили, а чтобъ его постричь; а тѣхъ бы выдали и хотѣли идтить въ верхъ. И в. государь указалъ выдать; и они, взявъ ихъ, дохтура Степана и Ивана Нарышкина повели въ застѣнокъ въ Константиновскую башню и пытали, и послѣ пытки изрубили ихъ въ части и черепъ Ивана Нарышкина на копье взоткнули.

И мая въ 18 день приходили жъ всѣхъ приказовъ выборные люди безъ ружья и били челомъ в. государю и госуд. царевнамъ, чтобъ боярина Кир. Полуехт. Нарышкина указалъ в. государь постричь.

И в. государь указалъ его постричь въ Чудовомъ манастырѣ; а на постриганіи указалъ в. государь быть боярину князю Семену Андреевичу Хованскому да околничему Кирилѣ Осиповичу Хлопову, и постригши его, сослать въ Кирилловъ монастырь, а въ иноцѣхъ имя ему Кипріанъ.

А въ тѣ 3 дни, какъ они приходили со всѣмъ ружьемъ, какъ побили бояръ, били въ набатъ и въ барабаны. А которые побитыхъ людей и всякихъ чиновъ грабили ихъ домы, и они ихъ, хватая, казнили жъ и межъ себя положили, —что ничьихъ домовъ не грабить.

И маія въ 19 день били челомъ в. государю о заслуженныхъ денгахъ солдаты и стрѣлцы и пушкари со 154 года и тѣхъ денегъ надобно 240,000 рублевъ.

Да имъ же в. государь пожаловалъ па человѣка по 10 руб.; и в. государь указалъ тѣ денги сбирать со всего государства, и суды серебреные, а изъ тѣхъ судовъ указано дѣлать денги.

Да они жъ били челомъ в. государю, которые побиты бояре и думные люди и животы ихъ побраны на в. госураря, и в. государь указалъ тѣ животы оцѣнить и оцѣня, отдавать имъ же.

И маія въ ... день били челомъ в. государю, чтобъ в. государь указалъ сослать въ ссылки: постелничаго Алексѣя Тимоф. Лихачева, да казначея Михайла Тим. Лихачева, околничаго Павла Петр. Языкова, чашника Семена Ивановича Языкова, думнаго дворянина Микиту Иван. Акинѳіева, да думныхъ дьяковъ: Григорья Богданова, Данила Полянскаго, да спалниковъ, Степана Ловчикова, Лва да Мартемьяна да Ѳедора и иныхъ роду всѣхъ Нарышкиныхъ, Андрея Матвѣева, да столниковъ Петра меншаго Лопухина, Василья Бухвостова, Юрья Лутохина и его постригли, и полковниковъ прежнихъ, на которыхъ били челомъ.“ (*Доп. къ А. Истор. X, № 4, стр. 23—25. Тоже въ Ист. Рос. Соловьева, XIV, въ прилож. 38 и дал.).* Грамота 1682 г. мая 22 въ Кириловъ монастырь о ссылкѣ К. П. Нарышкина. Допол. къ А. Ист. X, № 5, стр. 25.

[78]) См. Разрядн. зап. выше въ прим. 77, Медвѣдева 16, Розенбуша у Устрялова I, пр. 53. О назначеніи въ приказы разныхъ правителей въ Запис. Желябужскаго 3. Подробнѣе о томъ же записано въ Разрядѣ: въ приказъ *разрядъ*, назначенъ думной дьякъ В. Семеновъ въ *посольской* приказъ—кн В. В. Голицынъ и думной дьякъ Емел. Украинцевъ, въ *стрѣлецкій* приказъ — кн. А. Ив. Хованскій и В. А. Змѣевъ, въ *иноземный*, *рейтарскій и пушкарскій* —Ив. М. Милославскій, въ *помѣстной*—кн. Ив. Б. Троекуровъ и Б. Ѳ. Полибинъ, въ *судный*—кн. А. Ив. Хованской и кн. Мих. и Вас. Ѳедоровы Жирового-Засѣкина, въ *земской*—М. П. Головинъ, въ *сыскной*—В. С. и Ив. Ѳ. Во-

лынскихъ, въ *ямской*—Ив. Ѳ. Бутурлинъ—Сухорукой. Мая 19 въ *кормовой* приказъ ключникомъ—Н. Ѳ. Боровковъ. Мая 20 въ *большой приходъ и большую казну*—Н. Ив. Одоевскій, В. С. Волынской и А. С. Ржевской. Мая 21 въ *разбойный*—М. С. Пушкинъ. Мая 24 въ *пушкарской*—кн. Ѳ. С. Урусовъ. (*Въ прилож. къ XIV т. Соловьева, 36—38*).— О нареченіи Іоанна на царство, акты разногласятъ: Матвѣевъ пишетъ, что Іоанна нарекли царемъ стрѣльцы 18 мая, а Розенбушъ говоритъ, что и ранѣе дѣйствовали его именемъ. Офиціальное нареченіе на царство произошло 26 мая. Акты о совокупномъ восшествіи царей на тронъ и крестоприводныя записи см. *П. Собр. Закон. II, №№ 920, 934, 928, доп. къ А. Ист. X. № 9. Собр. госуд. грам. IV, стр. 444 и №№ 145, 146, 147, 149, А. Истор. V, № 86, А. Эксп. IV, № 257.*

[79]) Стрѣльцы сдержали рыцарски свое обѣщаніе — не касаться чужаго имущества и даже вдались въ крайность, убивая лицъ, воспользовавшихся мелкими вещами (*Розенбушъ У Устрялова, прил. IV; Медвѣдевъ 15; разрядная записка у Соловьева стр. 4; см. выше прим. 78*).

[80]) О разореніи суднаго и холопьяго приказа Желябужскій пишетъ, что оно произошло „безъ остатка и не осталось ни одного дѣла.“ (*У Сахарова, 1, Разрядная зап. стр. 40; Медвѣдевъ 14; Матвѣевъ 32—33*).

[81]) По сказанію Матвѣева, выдали стрѣльцамъ холопы А. К. Нарышкина, Ю. Ал. Долгорукаго, Ив. М. Языкова (*У Сахарова 23, 25, 31*). Питомцу Петра В. тягости холоповъ казались легкими, и по его взгляду холопы еще крѣпче стали служить своимъ господамъ. Возмутилъ холопей и служителей домовъ боярскихъ жидовскій Гамаліонъ Милославскій чрезъ новыхъ Сауловъ и словомъ и дѣломъ, т. е. стрѣлецкихъ сообщниковъ, „подъ самымъ глубокимъ пронырствомъ, наговаривая имъ всячески: будто они зѣло тяжкими и нестерпимыми ихъ работами и чрезмѣрною неволею отъ тѣхъ господъ своихъ были утѣснены, недовольствованы и въ конецъ разорены и озлоблены.“ Но слуги не прельстились обѣщаніями свободы отъ стрѣльцовъ. „И то ихъ слугъ боярскихъ изрядное и зѣло постоянное дѣло и въ будущіе вѣки похвальной памяти достойно будетъ; а они стрѣльцы, съ измѣной безприкладной воровства своего, во весь свѣтъ себѣ и всѣму злочестивому потомству своему вѣчную клятву и поношеніе понесутъ въ роды родовъ и, подобно древнимъ измѣнникамъ Стеньки Разина, имя наслѣдуютъ.“ (*У Сахарова, 32—33*). Въ послѣднихъ словахъ о связи бунтовъ стрѣлецкаго и Разина авторъ не ошибся.—Подобный же взглядъ выраженъ у Крекшина. (*Туманскаго, I, 274—5*). Медвѣдевъ тоже объясняетъ возбужденіе стрѣльцами крѣпостныхъ людей желаніемъ—привлечь на свою сторону, чтобы они не возстали на защиту бояръ (*У Сахарова 14*).

[82]) Въ разрядной запискѣ мы находимъ полное объясненіе движенія крѣпостныхъ людей: Мая 26 „били челомъ в. государемъ люди боярскіе розныхъ домовъ о свободѣ, чтобы имъ быть безкабально і воровские составные челобитные подносили. И в. государи указали ихъ ловить стрельцамъ і приводить и, приводя, ихъ пытать і казнить, а иныхъ бить кнутомъ за ихъ воровское составное челобитье. И велѣно всякихъ чиновъ людей ихъ імать скаски про воровскую составную челобитную і промыслъ и хто про то вѣдаетъ за руками техъ людей. — Июня въ 5 день была тревога во всехъ приказехъ, а вꙁымали въ то число боярскихъ людей, а въ приводѣ они сказали, будто собрались боярскии люди въ Марьинъской роще і хотятъ рубить стрелецкия приказы і въ тое тревогу была стрельба во всю нощь везде изо всякого ружья, и на утрея ихъ пытавъ, казнили за ихъ воровство.“ (*У Соловьева XIV, прилож. 41*). Заявленіе стрѣльцовъ государямъ, что они не имѣютъ охоты поддерживать бояр-

скихъ людей въ ихъ стремленіяхъ къ свободѣ выражено въ *А. Арх. Экс. IV*, № *255*, *стр. 360; у Медвѣдева 35.*

[83]) Въ разрядной запискѣ сказано: „Въ 1682 г. мая 19, били челомъ государю объ заслуженныхъ деньгахъ солдаты и стрѣльцы и пушкари со 154 году и тѣхъ денегъ надобно 240,000 руб. Да имъ в. государь пожаловалъ на человѣка по 10 руб. и указалъ тѣ деньги сбирать со всего государства и суды серебрянные брать, а изъ тѣхъ судовъ указано дѣлать деньги. Да опи жъ били челомъ в. государю, которые побиты бояре и думные люди и животы ихъ побраны на в. государя и чтобъ в. государь указалъ тѣ животы оцѣнить и оцѣня, отдавать имъ же.“ (*Ист. Рос. Соловьева XIV, въ прилож. 40; Медвѣдева, 16—17*). Мая 15 въ 9 часу дня учинилось смятеніе великое государству. „И домы боярскіе всѣ были разорены, а животы ихъ и остатки опальные цѣнили, и велѣли продавать стрѣльцамъ самою дешевою цѣною; а кромѣ стрѣльцовъ, никому покупать не велѣно. Да имъ же стрѣльцамъ велѣно выдать государево жалованье заслуженное за 20 лѣтъ по 10 руб. (*Желябужскаго, стр. 1*). Понятно, что здѣсь приписываются государю Петру распоряженія, которыя уже зависѣли отъ правительства Софіи.

[84]) Во 190 г. мая 15 „стрѣльцы какое своевольство учинили и безстрашіе показали, о томъ государемъ извѣстно, и всему россійскому и окрестнымъ государствамъ явно,—и въ то время на Москвѣ было 19 полковъ, людей въ нихъ 14,198 человѣкъ.“ (*Выписка о стрѣльцахъ 1684 г. дек. 30. Туманскаго, VI, 227*).

[85]) Матвѣевъ по обыкновенію преувеличиваетъ всякій случай и старается отыскать въ немъ проявленіе хитрыхъ и злобныхъ цѣлей Софіи, онъ пишетъ: передъ первымъ стрѣлецкимъ бунтомъ, „тайною посылкою изъ той же комнаты по всѣмъ тѣмъ стрѣлецкимъ полкамъ чрезъ вдову, постельницу вѣрную имянемъ Ѳедору Семенову дочь, по прозванію Родимица, родомъ же Украинскаго полка козачку, съ многочисленною суммую денегъ къ выборнымъ тѣмъ посланную, всемѣрно такое свое намѣреніе поставили и великою милостію о награжденіи большимъ числомъ денежнаго прибавочнаго годоваго имъ стрѣльцамъ предъ прежнимъ жалованья, въ чинахъ повышенія и отъ всякаго впредь во всемъ безопасенія обнадежили. И то дѣло такъ исправно во всемъ она постельница тою пересылкою своею уставила и до того произвела, что уже больше никакого сомнительства быть къ пользѣ желаемой въ сторону противную ни откуда не осталося, и за ту свою службу, она вышепомянутая постельница потомъ времени за подполковника стремяннаго полка того прежде имянованнаго Озерова со многимъ богатствомъ съ верху замужъ была выдана.“ (*Зап. Сахарова, 14*).

Здѣсь очевидно, перепутано время, въ которое подослана была постельница. Совсѣмъ другое повѣствуетъ Медвѣдевъ; этотъ отрывокъ изъ его мемуаровъ встрѣчается въ рѣдкихъ спискахъ и потому можно думать, что онъ вставленъ другимъ лицемъ; по тону онъ напоминаетъ разрядныя записки. Я помѣщаю его цѣликомъ, потому что онъ не вошелъ въ изданіе Сахарова. „Маія мѣсяца въ 23 день, собравшіеся всѣ выборные стрѣльцы, пришедши на Красное крыльцо повелѣли боярину князю Ивану Хованскому доложить государынямъ царевнамъ, что во всѣхъ ихъ стрѣлецкихъ полкахъ хотятъ, и иныхъ чиновъ многіе люди чтобы въ московскомъ государствѣ были 2 царя яко братія единокровныи, царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ яко братъ большій, и царь, да будетъ перьвый; царь же Петръ Алексѣевичъ братъ меньшій, да будетъ меньшій, да будетъ вторый. А если кто не восхощетъ учинить, паки хотятъ итти всѣ вооружась во градъ, и отъ того будетъ мятежъ не малый.

И по доношенію о томъ боярина князя Ивана Хованскаго государынямъ царевнамъ, указали онѣ государыни собрать всѣхъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей; а собравъ выборныхъ людей отъ всѣхъ стрѣльцовъ пришедшихъ извѣтъ объявили, и они тому согласно учинились.

По семъ указали въ ихъ госуд. Грановитой палатѣ сойтися всякихъ чиновъ людемъ, и како тому дѣлу быти возможно; помыслите, чтобы такое великое дѣло постоянно, наипаче же всѣ желаніе имутъ, како бы народное колебаніе и мятежъ въ царствующемъ градѣ усмирился.

И абіе въ той день въ Грановитой палатѣ всякихъ чиновъ люди сошедшеся, о избраніи на московское государство дву царей говорили много, чтобы тому быти согласилися. Посемъ послаша къ велик. господину свят. патріарху, чтобы онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, ради великаго государственнаго дѣла, изволилъ въ Грановитую палату притти вскорѣ, яко тамо его пришествія всякихъ чиновъ множество людей ожидаютъ.

Егда же св. патріархъ со освященнымъ соборомъ съ митрополиты, архіепископы и епископы, со архимандриты и игумены, и иными духовнаго чина людьми тамо въ палату приде, идѣже бяху собраны цар. величества бояре, окольничіе, думные и ближніе люди стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и городовые и рядовые и пушкари и черныхъ слободъ; и абіе ему и всему освященному собору о томъ согласное свое намѣреніе объявили. И паки о томъ многое глаголаніе въ палатѣ о избраніи бысть, ови убо глаголаху, что двумъ царемъ въ единомъ государствѣ быти трудно, ины же глаголаху, что дѣло будетъ полезно государству, яко единокровныи братія два возцарствуютъ, и отеческій свой и прародительный престолъ московскаго государства во всякихъ случаяхъ, аще имутъ содержати и удобно управлять, а и въ наступленіи на россійское государство, коего либо непріателя, всюду готовая будетъ оборона, исправленіе чинное; аще убо единъ царь противу непріятеля изыдетъ, другій въ царствѣ своемъ иматъ пребывати, и всякое благоразсудство стяжати иматъ россійское государство во всемъ.

Къ сему же глаголаша, яко и въ древнія лѣта въ государствахъ по два царя бывали, во Египтѣ убо Фараонъ и Іосифъ; въ царствѣ же греческомъ Василей и Константинъ, такожде два брата Онарій и Аркадій дѣти Ѳеодосія великаго, и чтобы въ россійскомъ государствѣ быти двумъ царемъ всѣ согласилися: и сіе избраніе и совѣтъ всего народа вел. государю царю и велик. князю Петру Алексѣевичу, царевичу Іоанну Алексѣевичу и госуд. царевнамъ и благороднымъ царицамъ возвѣстили.

И желая всему государству тишины, чтобы смущенія и мятежа въ народѣ не было, въ той же день благовѣстиша довольно въ великій колоколъ, и пріидоша въ соборную церковь: прежде свят. патріархъ со освященнымъ соборомъ, таже и в. государи цари Іоаннъ Алек. и Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцы со всѣмъ царскимъ сиглитомъ, и всякаго чина народа многаго. И поставиша ихъ государей въ соборной церькви на царскомъ мѣстѣ равно, во первыхъ царя Іоанна Алексѣевича, и весь освященный соборъ пѣша благодарственное Господу Богу молебное пѣніе, возглашающе; *многа лѣта* благочестивымъ царемъ.

По отпускѣ же того пѣнія св. патріархъ со всѣмъ соборомъ в. государей мирнымъ многолѣтіемъ и спасеннымъ житіемъ поздравлялъ и весь сиглитъ и всѣ людіе чинами своими особь поздравляли, и желаніе свое усердное имъ государямъ купно служити объявляли, приглашавше в. государемъ да будетъ *многая лѣта*.

Маія въ 24 день вышелъ съ верьху бояринъ князь Иванъ Хованскій, и спрашивалъ московскихъ полковниковъ выборныхъ стрѣльцовъ, все ли у нихъ смирно.

И выборные противу того сказали, что смирно у нихъ все, и спрашивали его о здоровьѣ велик. государя.

И князь Иванъ Хованскій имъ сказалъ, что в. гос. царь и в. князь Петръ Алексѣевичъ всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и г. царь и вел. князь Іоаннъ Алексѣевичъ всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи, и г. царицы и г. царевны милостію божіею въ добромъ здоровьѣ.

И послѣ того благородная царевна и вел. княжна Софія Алексѣевна выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похваляла; а впредь де за ихъ службу имъ ихъ государская милость будетъ.

И в. гос. и в. князь Петръ Алексѣевичъ всея В. и Мал. и Бѣлыя Россіи самодержецъ изволилъ выборнымъ же сказать свою государственную милость какъ де ихъ жаловали дѣдъ и отецъ и братъ его государевъ, и онъ велик. государь жаловать ихъ будетъ такожде.

И маія въ 25 день московскихъ солдатскихъ полковъ выборные учиня межъ собою совѣтъ, пришли за перегради и велѣли сказать князю Ивану Хованскому, чтобы онъ къ нимъ вышелъ, и князь Иванъ Хованской къ выборнымъ выходилъ.

И выборные ему извѣщали на единѣ: царевны де и велик. княжны Марѳы Алексѣевны постельница Ѳедора Семенова дочь сидя за карауломъ у Николаевскихъ воротъ говорила, что в. гос. царь и в. князь Іоаннъ Алексѣевичъ болѣзнуетъ о своемъ государствѣ, да и государыни царевны о томъ сѣтуютъ; и чтобы онъ князь Иванъ доложилъ государынѣ царевнѣ и вел. княжнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, чтобы имъ выборнымъ видѣти ихъ государскіе очи.

И князь Иванъ Хованской имъ о томъ извѣщалъ и они государи указали быть передъ себя въ свои государскія палаты по человѣку съ полку.

И выборные противъ того указа передъ в. гос. царемъ и в. княземъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, и передъ г. царевнами были, и онъ государь выборныхъ жаловалъ къ рукѣ.

И г. царевны стрѣлецкую и солдатскую службу милостиво похваляли и о приходѣ выборныхъ спрашивали.

И выборные противъ того о словахъ постельницы Ѳедоры извѣщали, и говорили по чьему наученію она тѣ слова говорила.

И г. царевны противу того имъ сказали, что тоя постельницы онѣ ни съ какими словами никуды не посылали, только де она у нихъ просилася въ Вознесенской монастырь къ Василью блаженному помолитца.

И выборные всѣхъ полковъ г. царевнамъ извѣщали, чтобы въ ихъ государскихъ палатахъ никакова смятенія не было.

И чтобы онъ в. гос. царь изволилъ быть въ своемъ государствѣ на отеческомъ престолѣ первенствомъ, и учинилъ честь себѣ государю первымъ царемъ, а брату его государеву, госуд. царю и в. князю Петру Алексѣевичу быти вторымъ царемъ, а они де всѣхъ полковъ стрѣльцы и солдаты и всякихъ чиновъ служилые люди, имъ вел. государемъ служить и всякаго добра хотѣть и прямить хотятъ въ равенствѣ.

И госуд. царевны тѣ слова слышали радостно, и изволили говорить: дай Боже смиреніе, а тому де быти можно, чтобы царю государю Іоанну Алексѣевичу на своемъ отеческомъ престолѣ быть первымъ царемъ, и тѣхъ выборныхъ за тѣ слова милостиво похвалили; а когда де будутъ изъ иныхъ госу-

дарствѣ послы, и къ тѣмъ де посламъ выходити в. г. царю Петру Ал. всея В. и М. и Бѣлыя Россіи самодержцу, и противу де непріятелей войною итти можно ему жъ в. государю; а въ московскомъ государствѣ правити государю царю Іоанну Ал. всея В. и М. и Бѣлыя Россіи самодержцу.

И онъ государь противъ тѣхъ словъ изволилъ говорить: „желаніемъ де того, чтобъ быть ему государемъ царемъ первымъ не желаетъ; но въ томъ буди воля Божія, что Богъ восхощетъ, то и сотворитъ.

И государыни царевны противъ того говорили, въ томъ де воля Божія есть и впредь будетъ, а они де выборные не собою то говорятъ, но Богомъ они въ томъ наставляемы.

И Мая въ 26 день выборные всѣхъ полковъ, и солдаты, и гости, и гостиной, и суконной и черныхъ сотенъ и слободъ за перегородкою ожидали государскаго указу.

И тогожъ числа, великій господинъ св. Іоакимъ патріархъ москов. и всея Россіи съ преосв. митрополиты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре и окольничіе и думные люди пришли въ Грановитую палату, и о томъ чтобъ в. г. царю и в. кн. Іоанну Ал. всея В. и М. и Бѣлыя Россіи самодержцу быть въ московскомъ государствѣ на отеческомъ престолѣ первымъ царемъ„ а брату его в. г. царю и в. кн. Петру Ал. всея В. и М. и Б. Россіи самодержцу—вторымъ царемъ, совѣтовали; и совѣтовавъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ выборныхъ, и гостей, и гостиной сотни, и чернослободцевъ призвали въ Грановитую палату, и ихъ намѣреніе, а свой совѣтъ имъ объявили.

И выборные всякихъ чиновъ люди, слыша про то, радостно сказали, что они имъ, в. государемъ, служить и радѣть и всякаго добра хотѣть и прямить и за домъ Пресвятыя Богородицы, и за ихъ, в. государей, многолѣтное здравіе, и за православную христіанскую вѣру стоять, и противъ ихъ государскихъ непріятелей головы свои положить рады, такъ же, какъ служили дѣду и отцу, и и брату ихъ великихъ государей предки ихъ и они.

И бояре и окольничіе и думные люди, и весь царской сиглитъ, и выборные всякихъ чиновъ люди въ томъ при св. патріархѣ и при освященномъ соборѣ учинили вѣру и цѣловали крестъ.

И в. государи и цари и в. князи Іоаннъ Ал. и Петръ Ал. всея В. и М. и Б. Россіи самодержцы изъ своихъ государскихъ хоромъ изволили итти въ соборную церковь къ молебному пѣнію, чтобы за помощію всесильнаго Бога и предстательствомъ христіанскія надежды и заступницы Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами въ россійскомъ государствѣ было усмиреніе и всякое благодѣйствіе.

Послѣ молебнаго пѣнія имъ в. государемъ, св. патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди поздравляли.

А изъ соборной церкви в. государи въ свои государскія палаты изволили итти шатровою лѣстницею, и въ то время московскихъ стрѣльцовъ и солдатскихъ полковъ выборные и гости, и гостиной сотни, и чернослободцы имъ государемъ поздравляли жъ.

И в. государи московскихъ и солдатскихъ полковъ стрѣльцовъ и солдатъ пожаловали, велѣли ихъ поить и кормить по 2 полка въ день, да имъ же сказано, чтобъ они были готовы къ рукѣ по два жъ полка въ день. (*Зап. Туманскаго*, *V*, *203—212*).

[86]) Въ 1682 г. іюня въ 13 день, привели Адышевской земли царевича Матвѣя Дедіонова сына и онъ доводилъ на бояръ: на князь Никиту Ивановича

и сына его князя Якова Никитича, и на боярина и дворецкаго князь Василья Өедоровича Одоевскихъ, будто они говорили, что стрѣльцовъ вѣшать, казнить и рубить; да съ нимъ посацкой человѣкъ Ерославецъ. Іюня въ 14 день указали в. государи ихъ пытать, и они съ пытки винились, что бояръ тѣмъ поклепали, а Ерославецъ говорилъ съ пытки, что будто хотѣлъ и Москву зажигать, и за тотъ ихъ воровской составъ казнили.

Тогожъ числа, пытавъ по челобитью стрѣльцовъ, казнили стольника Степана Янова, да Матвѣя Вешнякова пытали жъ.

Тогожъ числа били челомъ в. государямъ, чтобы на Красной площади сдѣлать имъ столбъ и по ихъ челобитью тотъ столбъ сдѣланъ.“ (*Допол. къ А. Ист. X*, № *9*, *стр. 31*).

[87]) До какой степени правительство боялось и опасалось стрѣльцовъ, какъ ихъ старались задобрить, не тронуть сразу ихъ правъ и положенія, и не нанести вдругъ оскорбленій,—это видно изъ статей 1684 г. дек. 30, писанныхъ, очевидно, Шакловитымъ, бывшимъ уже головою стрѣлецкаго приказа. Онъ старается всѣми силами вытѣснить изъ Москвы подозрительныхъ стрѣльцовъ, шаткихъ людей, даже отставныхъ, изъ которыхъ много воровъ, „и отъ нихъ приходятъ многіе воровскіе затѣйныя слова.“ (*Туманскій*, *VI*, *стр. 244*).

[88]) О связи бунта Стеньки Разина съ движеніями стрѣльцовъ и проявленіемъ у нихъ козацкихъ обычаевъ, см. *Ист. Петра В. Устрялова I*, *пр. 40*, *А. А. Экс. № 262*, *стр. 373. Туманскій*, *VI*, *247*). Матвѣевъ совершенно случайно, желая унизить стрѣльцовъ, высказалъ вѣрную въ сущности мысль, что стрѣльцы наслѣдуютъ имя С. Разина, „во весь свѣтъ себѣ, и всему злочестивому потомству своему вѣчную клятву и поношеніе понесутъ въ роды родовъ.“ *(стр. 33)*. Циклеръ въ пылу негодованія хвалился, что онъ съ донскими козаками пойдетъ „для московскаго разоренія и будетъ чинить, что и Стенька Разинъ.“ (*Зап. рус. людей въ прилож. 73—4*).

[89]) О вѣнчаніи царей, см. подробности: *Ист. Рос. Соловьева въ прилож. къ XIV т. XLIV; Собр. Запис. Туманскаго VII*, *3—88*. Здѣсь между прочимъ говорится: „Еслибъ Софія пожелала вмѣстѣ съ братьями сама коронованною быть, никто бы, кажется, ей въ томъ тогда не воспрепятствовалъ. Въ слѣдующія времена можно было ей раскаяваться, что того не учинила: ибо оное священное дѣйствіе могло бы утвердить въ рукахъ ея сомодержавную власть, дабы не лишиться оной противъ воли своей.“ Весь чинъ вѣнчанія царей въ *П. Собр. Зак. II*, №№ *931*, *958*. На *стр. 439* объ угощеніи послѣ коронаціи прибавлено: „А власти были у стола, которые были на царскомъ вѣнчаніи . . . А бояре и окольничіе всѣ у стола *были безъ мѣстъ*.“ Крестоприводныя записи см. *П. Собр. Зак. II*, № *932—936; Доп. къ А. Ист. X*, *стр. 81. Собр. Грам. IV*, *151*.

[90]) О московскомъ соборѣ на раскольниковъ, см. „Предисл. къ Увѣту,“ стр. 58—71; Медвѣдева Зап. 17—30; Посланія м. Игнатія, въ Правосл. Собес. 1367 г. О не бывалыхъ рѣчахъ Петра В. на соборѣ раскольничьемъ можно читать у Крекшина и Голикова. О дерзостяхъ Никиты Пустосвята на соборѣ см. А. Эксп. IV, № 262, стр. 374. Патріархъ Іоакимъ издалъ въ 1684 г. „Слово на суздальскаго рождественскаго попа Никиту Пустосвята, соборомъ осужденнаго и изверженнаго, и на Капитоновъ раскольниковъ, съ показаніемъ, что вѣра ихъ неправая.“ *Зап. Сахарова*, *58*.

[91]) Медвѣдевъ пишетъ, что Хованскій стрѣльцамъ, „зѣло во многихъ дѣлахъ угождая, потакалъ, дѣлалъ по ихъ волѣ, мимо всякія правды.“ Онъ учредилъ у себя почетный караулъ и ѣздилъ въ сопровожденіи стрѣльцовъ по Моск-

вѣ. *Зап. Сахарова, 41.* Матвѣевъ говоритъ, что стрѣльцы называли Хованскаго *батюшкомъ*, и завсегда „за нимъ ходили и бѣгали въ безчисленномъ множествѣ, и куда онъ ни ѣхалъ, во всѣ голоса передъ нимъ и за нимъ кричали: *большой, большой!* . . . Сынъ же его такъ высоко разгордился, что многимъ особамъ знатнымъ публично ими стрѣльцами смертнымъ убійствомъ угрожалъ.“ *Зап. Сахарова, 37—8*

[92]) „Князь Иванъ Хованской, согласяся съ выборными стрѣльцами, помышляя суетная, яко въ мірскихъ вещахъ, тако и въ церковныхъ разнообразная злая вымышляя, и пришедъ къ государыни царевнѣ и ко всѣмъ, якобы охраняя ихъ здравіе, стрѣлецкій совѣтъ тайно имъ повѣдалъ. А то онъ дѣлалъ, хотѣ ихъ государей свирѣпствомъ стрѣлецкимъ устрашити, и свое злое намѣреніе во всемъ совершити. Царевна же Софія Ал., уразумѣвше князя Иванова лукавство и ложныя его имъ страхованія, повелѣ къ себѣ тайно призвать выборныхъ стрѣлецкихъ, тѣхъ же, къ нимъ же князь Иванъ малу любовь имѣетъ, и милостію ихъ обнадежа, князя Иванова страхи предложила. Они же слышавше, все ей по ряду князя Ивана совѣтъ и его умышленіе повѣдали, что отъ стрѣльцовъ николи же таковая злая совѣтованія ниже въ помышленіи есть. Глаголаше бо князь Иванъ между иныхъ своихъ о тайнѣ стрѣлецкой доношеній: „яко еже съ патріархомъ и со властьми купно будутъ, то имъ государямъ съ патріархомъ отъ народа живымъ не быти.“ И иная многая ложная онъ князь Иванъ нелѣпая глаголаше.“ *Медвѣдевъ 21.* Что правительница придавала очень серьезное значеніе бунту Хованскаго, это видно изъ ея признательной памяти къ Савво-сторожевскому монастырю. Тамъ Преображенская церковь и съ громадною трапезою построены Софіей и освящены 1693 г. 10 дек. „Ибо сія царевна нашла въ ономъ монастырѣ съ обоими братьями своими Іоанномъ Ал. и Петромъ Ал. первое свое убѣжище, когда въ 1682 г. доносили на князя Хованскаго, что онъ съ стрѣльцами на жизнь обоихъ государей и ея покушался. А изъ сего уже монастыря послѣ она переѣхала въ Троицкій Сергіевъ монастырь.“ (*Ист. Рос. Іер. II, 553—4*).

[93]). О родственныхъ разныхъ помѣстьяхъ указъ 190 г. авг. 7 „отставить для того, тотъ указъ учиненъ былъ по докладу князя Ивана Хованскаго.“ Распоряженіе 27 авг. 1685 г. *П. Собр. Зак. II, 1132.*

[94]) Всѣ эти вины подробно изложены въ смертномъ приговорѣ Хованскому сент. 17: „Князь Иванъ Хованскій! Въ прошломъ во 180 г., по указу в. государей, велѣно тебѣ быти у государевыхъ дѣлъ въ стрѣлецкомъ приказѣ: и ты будучи въ томъ приказѣ, всякія дѣла дѣлалъ по своимъ прихотямъ, не докладывая имъ государямъ, и роздалъ многую ихъ государеву денежную казну безъ указа, кому и недовелось, и дачами тѣми всю ихъ государеву казну истощилъ и выграбилъ, всему же государству тѣмъ учинилъ великое разореніе и людямъ тягость.

„Да ты же, князь Иванъ, въ ближнія ихъ, в. государей палаты попустилъ ходить всякихъ чиновъ людямъ безо всякаго страха и опасенія, съ таковымъ наглствомъ и невѣжествомъ, чего и въ простыхъ домѣхъ не повелось, и тѣмъ учинилъ ты имъ в. государямъ безчестіе.

„Да ты же у себя въ приказѣ держишь мучительно за рѣшетками и за многихъ людей напрасно, которые вѣдомы судомъ и расправою въ разныхъ приказѣхъ, и въ тѣ приказы, по настоящему в. государей указу не отсылаешь. Да ты же на многихъ людей правилъ многія деньги безъ очныхъ ставокъ и безъ всякаго розыска за многіе мимошедшие годы, чего не довелося; а за иныхъ такихъ людей, которые померли, правилъ такія деньги на женахъ ихъ и на дѣ-

тѣхъ и на родственникахъ, и въ тѣхъ деньгахъ чинилъ жестокіе правежи; многихъ же знатныхъ людей отдавалъ для правежа челобитчикамъ самимъ, и они надъ тѣми наругалися по своимъ волямъ и были на правежѣ полками, чего не повелося нигдѣ, и въ томъ многихъ людей обезчестилъ и изувѣчилъ и разорилъ. Паки велѣлъ ты даточнымъ, которые взялъ ты съ монастырей, на стряпчихъ ихъ за многіе прошлые годы подможныя многія деньги, сверхъ прежнихъ ихъ дачь, что имъ даны въ то время, когда они взяты въ даточные, и тѣ правежи чинилъ ты собою, безо всякаго розысканія и свидѣтельства, безъ указа, и тѣмъ ты св. обителямъ учинилъ великое разореніе.

„Да по твоему жъ велѣнію, подписана челобитная даточнымъ, которые взяты съ дворцовыхъ волостей, чтобы имъ имати на дворцовыхъ крестьянѣхъ подможныя деньги противъ монастырей по 25 рублевъ человѣку, итого будетъ 10,000 руб., и то ты учинилъ безъ ихъ же в. государей указа, самовольствомъ своимъ. И в. государи слушавъ о томъ докладныя выписки, указали и бояре приговорили тѣмъ даточнымъ сказать: что имъ подъемныя деньги по указнымъ статьямъ, каковы статьи, котораго года даточнымъ въ подможныхъ деньгахъ были даны сполна; а что монастырскіе даточные сверхъ прежнихъ подъемныхъ денегъ имали деньги за правежъ вновь, и о томъ в. государей указа не бывало, и о томъ ихъ государевъ указъ велѣно тѣмъ даточнымъ сказати тебѣ: и ты въ томъ ихъ царское величество преслушалъ и указа имъ государскаго сказывать не пошелъ, а говорилъ затѣйками своими и вмѣшалъ слова злая, будто за то быти великому кровопролитію и многимъ побитымъ.

„Еще ты же, князь Иванъ, съ сыномъ твоимъ Андреемъ при нихъ в. государѣхъ въ палатѣ, при всѣхъ боярѣхъ, вычитали свои службы съ великою гордостію, будто никто такъ не служивалъ; а ваша служба не точію имъ, государямъ, и всему государству вѣдома, что гдѣ вы бывали, вездѣ ихъ государскихъ людей своевольствомъ своимъ и ослушаніемъ ихъ государскихъ указовъ и безумною своею дерзостію напрасно теряли и отдавали непріятелямъ, и тѣмъ государству приносили поношеніе и убытокъ, а ихъ в. государей имени на вѣчную хвалу и всему государству къ прибыли ничего не учинили.

„Ты же вознеистовился впервыхъ противу всемогущаго и творящаго по воли своей Бога, въ Его же руцѣ земные концы суть; второе на державу царскаго величества благочестивѣйшихъ нашихъ государей, Іоанна Ал., Петра Ал., самодержцевъ, говорилъ многажды въ палатѣ при нихъ государѣхъ и при боярѣхъ, величаяся въ гордости своей, будто все государство стоитъ по твою кончину; а если тебя не будетъ, и въ то время будто не спасется никакая же плоть и будутъ въ Москвѣ ходити въ крови по колѣни.“

„Да ты же, князь Иванъ, съ сыномъ своимъ князь Андреемъ при нихъ, в. государѣхъ, въ палатѣ дѣла всякія отговаривали противно ихъ государскому указу и соборному Уложенію, съ великимъ шумомъ, невѣжествомъ и возношеніемъ, и многихъ господъ своихъ и свою братью бояръ безчестили и нагло поносили и никого въ свою пору не ставили, и того ради многимъ граживали смертію и копіями.

„Да ты же, князь Иванъ, со единомышленники твоими, присовокупя къ себѣ проклятыхъ раскольниковъ Никиту Пустосвята съ товарищи, ратовали на св. церковь. И тѣ раскольники, по твоему согласію, надѣясь на тебя, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль большимъ собраніемъ, и входили къ нимъ, государямъ, въ Грановитую палату съ великимъ невѣжествомъ и злоб-

ною дерзостію для задора къ кровопролитію; а тотъ воръ, проклятый раскольникъ Никитка Пустосвятъ съ такими же ворами, видяща тебе, ему помогающаго, безъ всякаго страха отца ихъ в. государей, блаженной памяти в. государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича, всея В. и М. и Б. Россіи самодержца, безчестили многими хульными словесы, такожде преждебывшихъ святѣйшихъ московскихъ патріарховъ и св. Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи, бранили и всячески поносили; а колмогорскаго Афанасія архіепископа, въ хулительствѣ его Никитку обличивша, въ той палатѣ при в. государыняхъ царицахъ и царевнахъ, ухватя началъ было бити и всякимъ дерзновеніемъ поступалъ, а ты ихъ отъ того не унималъ и уняти не велѣлъ. И за такое ихъ раскольниковъ воровство и дерзость служивые добрые люди просили, чтобы тѣхъ злотворцевъ Капитоновъ казнити смертію, и ты тѣхъ воровъ и мятежниковъ церкве святыя и всего государства отъ казни оберегалъ и хотѣлъ оныхъ единомысленныхъ твоихъ учинить свободными: и воръ Никитка, по прошенію выборныхъ служивыя пѣхоты добрыхъ людей, казненъ; а товарищъ его твоимъ промысломъ, отъ смерти свободился. И изъ нихъ воровъ и раскольниковъ садовникъ Никитка Борисовъ объявился въ Брянскѣ и писалъ къ женѣ своей, велѣлъ ей идти къ тебѣ и бить челомъ о заступленіи: и ты, покрывая воровство свое, велѣлъ того вора раскольника и товарищей его послати въ ссылку на Терекъ, а смертію ихъ казнити не велѣлъ.

„Да тебѣ жъ, князь Ивану, по государеву указу, велѣно было послати на Низъ, для обороны казанскихъ мѣстъ отъ калмыковъ и измѣнниковъ башкирцевъ, пѣхотные полки: и ты ихъ въ тѣ мѣста по многимъ указамъ не отпустилъ, учинился противенъ; а нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ отъ тѣхъ воинскихъ людей чинится разореніе великое.

„Да и нынѣ ты, по многимъ указамъ, въ Кіевъ полковъ не посылалъ же, и вмѣсто поспѣшенія чинилъ въ томъ мѣшкоту; да ты же сказалъ въ Кіевъ на службу стремянному полку, безъ ихъ в. государей указа, да тебѣ жъ князь Ивану, по ихъ в. государей указу, для ангела в. государя велѣно было прислать съ Москвы въ Коломенское стремянный полкъ,—и ты, противностію своею, того полка въ Коломенское не прислалъ; а нынѣ за ними государи въ походѣ велѣлъ было ты быти надворной пѣхотѣ изъ полковъ мимо стремяннаго полка, чего никогда не повелось, и послалъ ты за ними государи въ походъ Стремянный полкъ, по многимъ къ тебѣ о томъ посылкамъ.

„Да тебѣ жъ указали в. государи сент. 1 числа нынѣшняго 191 г. быти на Москвѣ у дѣйствія Новаго лѣта: и ты у того дѣйства не былъ, и велѣлъ быти товарищу своему окольничему Кирилѣ Осипову Хлопову одному, и тѣмъ своимъ непослушаніемъ и гордостію то дѣйство опорочилъ, св. патріарху досаду учинилъ и ото всѣхъ народовъ привелъ въ зазоръ; а того у дѣйства бываютъ госурари, а по указамъ бываютъ и не у такихъ дѣйствъ и господа твои.

„Да ты же, князь Иванъ, извѣщалъ въ с. Коломенскомъ царевнѣ Софіи Ал. при боярѣхъ, будто приходили къ тебѣ Новгородцы дворяне и сказывали, что присылали и иныхъ чиновъ служивые люди, чтобы имъ, согласяся съ ними, вмѣстѣ идти сего лѣта къ Москвѣ и бить челомъ о заслуженномъ жалованьѣ и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка; и государыня царевна Софія Ал. изволила тебѣ говорить: еже бы противу сего твоего извѣта сказати на Москвѣ всякихъ чиновъ людемъ на Постельномъ крыльцѣ для вѣдома; а въ Новгородъ, для подлиннаго о томъ свидѣтельства, послать ихъ в. государей

грамоту. И ты билъ челомъ ей государынѣ, чтобъ про то на Москвѣ не сказывать и въ Новгородъ не посылать о томъ, и тѣмъ бы не навести бѣды на тебя, и потому знатно, что ты на нихъ затѣялъ воровствомъ твоимъ для своего умысла, хотя на нихъ навести ихъ государской гнѣвъ напрасно; а Новгородцы и въ иныхъ городѣхъ дворяне старые и природные, служатъ имъ, государямъ, всегда вѣрно, и такому злому дѣлу отъ нихъ быть не для чего.

„Да ты же многихъ воеводъ, которымъ по указу велѣно быть въ городѣхъ, отпущать не велѣлъ; а отпущалъ въ тѣ городы на воеводство по своимъ прихотямъ, кто тебѣ подобенъ, безъ государева указа, своимъ самовольствомъ, чего и господа твои творити боятся.

„Да ты же, князь Иванъ, приходя къ нимъ, государямъ, въ разныхъ числѣхъ, облыгалъ надворную пѣхоту, будто отъ нихъ о дѣлѣхъ ихъ челобитье и крики великіе и будто отъ нихъ быти великимъ бѣдамъ, а отъ нихъ въ то время того не бывало; выходя же отъ нихъ государей изъ палатъ, надворной пѣхотѣ говаривалъ многія смутныя рѣчи, чего не бывало,—и то ты все лгалъ и затѣвалъ напрасно; а о которыхъ дѣлѣхъ ты къ нимъ государямъ въ докладъ и приходилъ, и то все съ неправдою и лукавствомъ, тая свою злобу и злохитрый умыслъ.

„Да въ нынѣшнемъ во 191 г. сент. 2 въ приходѣ въ селѣ Коломенскомъ, на дворцѣ у переднихъ воротъ на щитѣ воротномъ, явися письмо и то письмо чтено ему все. (*См. слѣдующее примѣчаніе*).

„И вышеписанные твои князь Ивановы воровскія дѣла и измѣна съ тѣмъ письмомъ сходны, и злохитрый твой вымыслъ на державу ихъ, в. государей и на ихъ государское здоровье обличился, и противъ того письма, въ тѣхъ дѣлахъ ты означился, и во всемъ измѣна твоя и подъ государствомъ московскимъ подъисканіе стало явно.

„Также и сыну его князь Андрею Хованскому чтены многія статьи винъ его; по прочтеніи же винъ, сказано ему сице:

„И в. государи указали васъ, князь Ивана и князь Андрея Хованскихъ, за такія ваши великія вины и за многія воровства и за измѣну, казнить смертію.“ (*Собр. грам. IV*, № *152; П. С. Зак. II*, № *954*).

[95]) Вотъ одно изъ подметныхъ писемъ, въ которомъ обвиняется Хованскій въ измѣнническихъ замыслахъ, адресованное на имя государей: . . . „Извѣщаютъ московскій стрѣлецъ да два человѣка посадскихъ на воровъ и на измѣнниковъ, на боярина князя Ивана Хованскаго, да на сына его Андрея: на нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ, человѣкъ 9 пѣхотнаго чина, да 5 человѣкъ посадскихъ и говорили, чтобы помогали имъ доступити царства московскаго, и чтобы мы научили свою братью вашъ царской корень известь, и чтобъ придти большимъ собраніемъ изневѣсть въ городъ, и называть васъ, государей, еретическими дѣтьми, и убить васъ обоихъ, и царицу Наталью Кириловну, и царевну Софію Алексѣевну, и патріарха и властей; а на одной бы царевнѣ кн. Андрею жениться, а достальныхъ бы царевенъ постричь и разослать въ дальные монастыри. Да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Мих. Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ, и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ. А какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все московское государство по городамъ и по деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать,

чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на московское бы царство выбрали царемъ его, князя Ивана, а патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили. И цѣловали намъ на томъ Хованскіе крестъ, и мы имъ въ томъ во всемъ, что то злое дѣло дѣлать намъ вообще, крестъ цѣловали жъ; и дали они намъ всѣмъ по 10 руб. человѣку, и обѣщалися передъ образомъ, что если они того доступятъ, пожаловать насъ въ ближніе люди; а стрѣльцамъ велѣлъ наговаривать: которые будутъ побиты, и тѣхъ животы и вотчины продавать, а деньги отдать имъ стрѣльцамъ на всѣ приказы. И мы 3 человѣка, убояся Бога, нехотя на такое дѣло дерзнуть, извѣщаемъ васъ, государей, чтобы вы свое здоровье оберегли; а мы, холопи ваши, нынѣ живемъ въ похоронкахъ; а какъ ваше государское здравіе сохранится, и все Богъ утишитъ, тогда мы вамъ объявимся. А именъ намъ своихъ написать невозможно, а примѣты у насъ: у одного на правомъ плечѣ бородавка черная, у другаго на правой ногѣ поперегъ берца рубецъ—посѣчено, а третьяго объявимъ мы, потому что у него примѣтъ никакихъ нѣтъ." *Подписано:* „Вручить государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ." (*Медвѣдевъ. 42—43; Желябужскій*, *5—6*).

[96]) Изъ разрядной записки видно, что подметное письмо явилось въ с. Коломенскомъ 20 авг., а въ смертномъ приговорѣ сказано, что письмо прибито было на воротахъ дворца Коломенскаго сент. 2. Здѣсь противорѣчія не существуетъ: въ разрядѣ прямо отмѣчено, что 16 сент. въ с. Воздвиженскомъ измѣна Хованскихъ объявилась „черезъ переметныя многія письма." Вотъ слова разрядныхъ записокъ: „Авг. въ 20 день 190 г. былъ въ походѣ приклеенъ на воротѣхъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листѣ было написано, что измѣнники бояре, князь Иванъ и князь Андрей Хованскіе, промышляютъ надъ в. государи всякое дурно и хотѣли быть на московскомъ государствѣ: да они жъ хотѣли убить святѣйшаго патріарха Іоакима и восхитить на соборную апостольскую церковь; да они жъ хотѣли побить бояръ: князь Никиту Ивановича, Якова Никитича, боярина и дворецкаго князь Василья Өедоровича Одоевскихъ, князь Михаила Алегуковича, князь Михаила Яковлевича Черкаскихъ, князь Василья Васильевича, князь Андрея Ивановича, кравчаго князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ; боярина и оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича Шереметевыхъ, Ивана Михайловича Милославскаго и иныхъ многихъ бояръ. И 191 г. сент. въ 1 день в. государи къ Москвѣ на дѣйства не ходили, а велѣли быть ему князю Ивану Хованскому, и онъ ослушался и на дѣйства не ходилъ.

И сент. въ 3 день, пошли в. государи въ походъ въ Звенигородъ и оттуда къ Троицѣ.

Въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ измѣна ихъ черезъ переметныя многія письма объявилась и посылана по нихъ в. государей грамота.

Въ 17 день посыланъ, по указу в. государей, въ село Пушкино, для князь Ивана Хованскаго бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники и стряпчіе, и дворяне московскіе и жильцы и люди боярскіе, и его князь Ивана изловя подъ Пушкинымъ, а сына его въ деревнѣ противъ Братовшины, князь Андрея привезли къ в. государемъ въ село Воздвиженское; и какъ ихъ привезли, и въ то время сидѣли бояре и окольничіе и думные люди всѣ на площади противъ церкви, и челъ ему князь Ивану и сыну его князь Андрею наказъ и измѣну его думный діакъ Өедоръ Шакловитовъ. И за ихъ измѣну указали в. государи казнить смертью, и отведши ихъ, головы отсѣкли и погребать ихъ у церкви не указали.

И послѣ обѣдни, свѣдавъ сынъ его князь Иванъ да племянникъ его князь Θедоръ, которые жили у нихъ в. государей въ комнатѣ, измѣну ихъ, побѣжали изъ похода; и князь Θедора изловили, а сынъ князь Иванъ ушелъ къ Москвѣ, и прибѣжавъ къ Москвѣ въ часъ ночи, а ихъ казнили до вечера за часъ, и прибѣжавъ онъ князь Иванъ въ полки, сказалъ: будто бояринъ князь Михайло Ивановичъ Языковъ, собрався съ боярскими людьми, изрубили безъ указа в. государей отца его и брата, и пришедъ къ Москвѣ, будто хочетъ рубить надворную пѣхоту всѣхъ. И пушки и пороховую казну всю разобрали во всѣ полки и по себѣ, и съ Москвы никого не пропускали, и хотѣли идти къ в. государямъ въ походъ и стоять за нихъ противъ измѣнниковъ; да къ нимъ же пристали стремянный да выборный полки. А которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ государева двора и люди боярскіе, и они хотѣли рубить; и къ нимъ въ полки посыланъ зъ грамоты в. государей столникъ П. Петровъ сынъ Зиновьевъ; они грамотъ учинились непослушны. И в. государи пошли тогожъ числа къ Троицѣ и во всѣ городы указали послать для ратныхъ людей грамоты." (*Допол. къ А. Ист. X, № 9. Ист. Соловьева XIV, въ приложеніи XLI—XLII.*)

[97]) По словамъ Крекшина, вмѣстѣ съ Хованскимъ, казнили Бориса Одинцова и 37 выборныхъ стрѣльцовъ. *У Сахарова 47, 48.*

[98]) Матвѣевъ пишетъ, по обыкновенію желая блеснуть своими познаніями: „Какъ подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопа притчѣ, всегда Милославскій, вельми хитрымъ своимъ пронырствомъ, во всемъ сходно то учинилъ, и по сущему его Езопову примѣру, когда обезьяна желала каштана, т. е. нѣкотораго плода съ древесъ, меньше грецкаго орѣха, вкусомъ гороховымъ, испекши, изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдь свою употребить; тогда поймавъ кошку и взявъ лапы ея въ свои руки, скоро оной плодъ выбравъ, въ желаемую сладость получила и имъ удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ, онъ г. Милославскій людей тѣхъ безразсудныхъ Хованскихъ князей, равно какъ обезьяна въ свои лукавыя руки, яко кошекъ помкнулъ, и сдѣлалъ участниками гнусныхъ своихъ дѣлъ." *У Сахарова 37, 41;* см. также Крекшина у *Туманс. I, 283.* Щербатовъ замѣчаетъ: „То истинно, что Хованскій поступкомъ своимъ— привлекать къ себѣ дружелюбіе стрѣльцовъ, великую причину подалъ; но чтобъ явнымъ бунтовщикомъ объявился, сего нигдѣ не видно; а напротивъ того, ссора его съ Милославскимъ, и злоба на него царевны Софіи являются вину его уменьшать." И потомъ повторяетъ мнѣніе Матвѣева: письмо въ Коломенскомъ „знатно сочиненія хитраго Милославскаго." *Ист. Θеодози 159.*

[99]) Въ челобитной стрѣльцовъ о дарованіи имъ прощенія 1 окт. написано: Иванъ Хованскій противъ 18 сент. пріѣхалъ изъ с. Воздвиженскаго и сказалъ, „что будто отца его князь Ивана взяли въ с. Пушкинѣ люди боярскіе и связавъ повезли невѣдомо куды, а казнили будто безъ в. государей указу. Да намъ же окольничего Павла Языкова сынъ Григорей сказывалъ въ Васильевѣ полку Лопухина надворной пѣхотѣ, чтобы во всѣ полки дать вѣдомость, будто насъ бояре Одоевскіе и Голицыны хотятъ со многимъ собраніемъ рубить и чтобы мы засѣли въ Москвѣ, а онъ Григорей съ нами жъ; а по дорогамъ же стоятъ всякихъ чиновъ люди боярскіе съ ружьемъ и хотятъ идти къ Москвѣ у насъ на вашихъ бояръ и ближнихъ людей никакаго злаго умышленія не было и впредь не будетъ." (*А. Эксп. IV, № 264*).

[100]) Сказка отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ, поданная выборными съ обѣщаніемъ вѣрности сент. 25. „В. государей казну, пушки и порохъ, свинецъ и фитиль для опасенія побрали... и та ратная казна нынѣ въ полкѣхъ въ цѣлости;

а которымъ полкамъ нынѣ велѣно быть на службѣ в. государей въ Кіевѣ, и на тое службу готовы.“ (*А. Эксп. IV*, *261*). Въ статьяхъ, присланныхъ изъ похода стрѣльцамъ въ началѣ октября, между прочимъ излагается дѣло такъ: 25 сент. писалъ М. П. Головинъ, а 27 сент. патріархъ, что были челобитчики изо всѣхъ полковъ и говорили, чтобы государи назначили изъ каждаго полку, пожаловали бить челомъ имъ, а сами они идти не смѣютъ. И велѣно быть для челобитья изъ всѣхъ полковъ, пятидесятникамъ, десятникамъ и рядовымъ лучшимъ и правдивымъ по 20 изъ полку. И къ самимъ государямъ приходили челобитчики: а окт. 2 принесли повинную заручную челобитную. А въ челобитной написано: Во 191 г. сент. 20 „взято было у нихъ въ Марьинѣ рощѣ 2 человѣка солдатовъ съ лошадьми, и въ полку де у нихъ учинился страхъ и сумнѣніе,“ и они взяли безъ указу 4 пушки, 200 карабиновъ, 18 мушкетовъ голандскихъ, 100 желѣзецъ долгихъ, спиль свинцу, 20 мушкетовъ голандскихъ, 20 гривнъ, 33 пуда зелья; — и того „безъ позволенія ихъ царскаго величества дѣлать не годилось.“ Да сент. 24 патріаршій крестьянинъ дер. Марѳиной Петрушка Воронинъ, „пріѣхавъ къ нимъ на Бутырки, сказалъ, что будто по Троицкой дорогѣ идутъ боярскіе люди конные и пѣшіе съ ружьемъ и съ пушками великимъ собраніемъ на дворцовое сѣло Танинское, и хотятъ приходить на бутырскую слободу сент. противъ 25 въ ночь, и будто онъ Петрушка слышалъ пушечную стрѣльбу. И отъ тѣхъ де его Петрушкиныхъ словъ *и по инымъ многимъ смутнымъ* вѣстямъ, многіе ихъ братья отъ великаго страхованія отпустили женъ и дѣтей своихъ къ Москвѣ къ сродичамъ.“ А нынѣ, слыша государей къ себѣ въ винахъ ихъ неизреченную милость, „больше того терпѣть безстрашникомъ никому не хотятъ, обѣщаемся служить и радѣть вѣрно по прежнему, пришли съ истинною правдою, а не лестію, иначе да будетъ проклятіе вселенскаго собора, а вины свои заслужатъ головами своими. А впредь де кто изъ нихъ, или кто нибудь на ихъ государское величество, и на бояръ, и на думныхъ и на ближнихъ людей учнетъ, какія непристойныя слова говорить, и тѣхъ людей станутъ они имать и приводить въ приказъ надворныя пѣхоты, и въ винахъ ихъ вольны они, в. государи.“ Чтобы они, государи, не послали на нихъ праведнаго своего гнѣва, пожаловали для Спаса, Преч. Богородицы и свят. Сергія чудотворца, чтобъ на милость ихъ быть имъ надежными. (*Зап. Туманскаго VI*, *158*, *168*). Въ челобитной стрѣльцы писали, что своимъ поведеніемъ прогнѣвили всемогущаго Бога. „И нынѣ де обдержитъ ихъ недоумѣніе и неудобство и страхъ неисповѣдимъ, и въ живыхъ себѣ быть въ нынѣшнемъ вѣцѣ не помышляютъ, а въ будущемъ о вѣчномъ проклятіи совѣстію прободаемы вопіемъ къ в. государемъ со слезами.“ И государи пожаловали, на милость преклонилися и не презрѣли ихъ моленія, „велѣли за ихъ многія службы, за кровь и за раны, и за полонное терпѣніе, и за осадное сидѣніе, вины ихъ отдати.“ *А. Эксп. IV*, *№ 271*; *Зап. Туманс. VI*, *207*.

[101]) Подробныя свѣдѣнія о раздачѣ наградъ 25 окт., см. *Собр. грам. IV*, *№ 155*, *стр. 466—469; П. С. Зак. II*, *№ 961; Зап. Туманс. VI*, *194—198*.

[102]) Въ челобитной стрѣльцовъ 28 окт. означено, что столбъ сдѣланъ на Красной площади, „противу злоумышленнаго челобитья воровъ и раскольщиковъ, Алешки Юдина съ товарищи, по потачкѣ всякому дурну отца ихъ, бывшаго бояриа, князя Ив. Хованскаго и сына его.“ И нынѣ, видя неправое челобите, что столбъ „учиненъ не къ лицу,“ просимъ, пожалуйте, смилуйтеся, велите тотъ столбъ сломати, „чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, зазору никакаго не было.“ *А. Эксп. IV*, *№ 270; Зап. Туманс. VI*, *176—9*.

По челобитью стрѣльцовъ, 17 дек. велѣно надворную пѣхоту называть по прежнему стрѣльцами, а слободы — полками и т. н. (*П. С. Зак. II, № 975*). О нечиненіи задоровъ стрѣльцамъ, указъ 3 нояб. *П. С. Зак. II, № 962.*

[103]) Въ оффиціальной запискѣ о стрѣльцахъ замѣчено, что начальникомъ приказа 10 дек. назначенъ Ѳ. Л. Шакловитый. „Но вѣдати здѣ подобаетъ, якоже убо презоривы и забытливые быша благодѣяній божіихъ Израильтяне, тако же и нынѣ въ человѣцѣхъ сотворися забвеніе.“ Въ томъ же декабрѣ стрѣльцы Бохина полка учинилися указу преслушны, приходили въ приказъ бить челомъ многолюдствомъ, крикомъ и невѣжествомъ, а полковника своего Павла Бохина слушати не стали. Когда велѣно было взять вора стрѣльца Ивашку Жаренаго, они отказали глаголюще: „хотя-де насъ велятъ и перевѣшать, мы того Ивашку не отдадимъ.“ И два полка съ полковниками А. Даниловымъ да И. Цыклеромъ Ивашку взяли. И 27 дек. „для того ихъ непослушанія и противности в. государемъ и непостоянные шатости, взято у всего полка Бохина служивыхъ ружье и государева жалованья, и на караулы нигдѣ всему ихъ полку ходити не велѣно.“ А Жереному и Пелепелкину съ товарищи, шести человѣкамъ, отрубили головы за мятежъ. Стрѣльцы Бохова полку опечалились; „и паки въ последнѣй и конечнѣй бѣдѣ себѣ зряще, въ раскаяніе злобы и непокорства своего, и въ противности в. государей указу, пріидоша, и начаша еще съ велiими слезами милости у государей о таковомъ ихъ презорствѣ просити, и не единожды страшнымъ и умильнымъ и погибельнымъ образомъ на смерть сами себя осудя, приходили къ государеву Красному крыльцу во многіе дни человѣкъ по 200, возложа на шеи свои петли, плахи же и топоры въ рукахъ держаху, и пришедъ ко крыльцу, вергше плахи на землю, вонзивше въ нихъ топоры, головы положа на плахи, немалое время лежали, вопіяху: „яко не достойни царскаго величества милости, и за вину свою помилованія, и достойны суть смерти.“ — И ради ихъ смиренія и самоосужденія и страшнаго и ужаснаго образа, и всѣмъ человѣкомъ умильнаго и страшливаго зрѣлища, паки ихъ простили, и сказанъ имъ указъ, чтобы они исполняли повелѣнія *безъ всякаго размышленія*, а воровскихъ людей приводили въ стрѣлецкій приказъ.“ (*Зап. Туманс. VI, 214—226*).

[104]) Мая 21, нояб. 6 и 30, дек. 13. Собр. Госуд. Грам. IV, № 160; Доп. къ А. Ист. X, № 55 и 59; А. Эксп. IV. № 272; П. С. Зак. II, № 1002, 1014. „Въ городѣхъ тамошніе жители и прохожіе люди про мимошедшее смутное время говорятъ похвальныя и иныя многія непристойныя слова, на смуту и на страхованье и на соблазнъ людямъ.“ Велѣно кликать биричамъ, чтобы подъ страхомъ смертной казни, затѣйныхъ словъ и дѣлъ не вмѣщать; разспрашивать и разыскивать подлинно, кто для чего то дѣло затѣялъ и собою, или отъ кого слыша,“ откуда взяли письма и для чего держали. За малыя вины бить батогами и кнутомъ, смотря по человѣку, а за большія присылать въ розрядъ; недонесшимъ про воровскія письма и непристойныя слова быть въ смертной казни.“ *Собр. грам. IV, стр. 477—8.*

[105]) О бѣглыхъ и разбойникахъ, см. *Зап. Желябужскаго 53, 58.* А. Ист. V, № 108, 113. П. Собр. Зак. II, № 1011, 1169; А. Ист. V, № 167, 280.

[106]) О разбойничьихъ похожденіяхъ донскихъ воровскихъ козаковъ, можно подробно читать въ Доп. къ А. Ист. X, №№ 2, 13, 25, 49, 109.

[107]) Августа въ 7 день (1688 г.) къ намъ государямъ вы, атаманы и козаки, съ станичнымъ своимъ атаманомъ, съ Осипомъ Михайловымъ съ това-

рищи (*писали*), что вы, по нашему указу, посылали его Осипа со многими козаки вверхъ па Дону и по запольнымъ рѣчкамъ, для раскольщиковъ попа Досиѳея и Пафнутія и Ѳеодосія и иныхъ такихъ же единомысленниковъ ихъ: и тѣ посыльщики ваши привезли ихъ къ вамъ изъ городковъ въ войско сказки станицъ отъ козаковъ, что они намъ обѣщалися служить вѣрно и съ вами атаманы и козаки быть въ соединеніи, а раскольщикамъ не мотчать, и въ томъ во всемъ цѣловали крестъ; а попъ де Досиѳей, Пафнутій и Ѳеодосій, собрався съ своими единомысленниками и совѣтниками, такими жъ ворами и раскольщики, пошли съ Дону въ степь па рѣку Куму до ихъ Осипова съ товарищи пріѣзда и живутъ близко Черкесъ, до котораго ихъ воровскаго мѣста ѣзду будетъ степью отъ Черкаскаго городка двѣ недѣли. А которые воры жили въ городахъ съ Кузькою Косымъ, и тѣ всѣ также, собрався, вышли жить вверхъ Медвѣдицы рѣки въ дальныя мѣста близко Тамбова и Козлова, и живутъ въ большихъ крепостяхъ, и къ нимъ собрались изъ украинныхъ городовъ такіежъ воры многіе люди, и будетъ ихъ всѣхъ больше 500 человѣкъ: и по посылкѣ вашей изъ войска, тѣ воры отъ раскола не отстали. Осипъ Михайловичъ съ товарищи, собрався съ козаками 1000 человѣкъ, ходили на тѣхъ воровъ, и тѣ воры сѣли въ осадѣ и съ вашими посыльщики бились; а которые раскольщики-жъ по Дону были по верховымъ городкамъ и по запольнымъ рѣчкамъ, а тѣ посыльщики ваши смиряли и чинили имъ наказанье и отъ такого раскола унимали, а иныхъ непослушныхъ казнили смертью. А Осипъ Михайловичъ съ товарищи въ посольскомъ приказѣ въ роспросѣ сказали: „что онъ около того воровскаго городка, до нашего указа, оставилъ съ атаманомъ, съ Васильемъ Мещеряковымъ, козаковъ 500 человѣкъ для того, что до зимняго времени промысла воинскаго учинить надъ тѣми ворами невозможно; а пущіе заводчики у тѣхъ воровъ: атаманъ Ивашка Заецъ, Сенька Топилинъ, Сенька Колодинъ, Сенька Роспопа, Сидорко Проваторовъ, Васька Коноваловъ, Максимко Мельникъ и иные; да падежны де живутъ нынѣ за поруками до войсковаго вашего съѣзда ворыжъ и раскольщикижъ: въ Черкаскомъ Илюшка Зерщикъ, въ Цымлю Ивашко Карповъ сынъ Терской, въ Ясауловѣ Левка Епифановской.“ А по вѣдомости де чрезъ перебѣжчика изъ Азова, ты войсковый атаманъ Фролъ Меняевъ, и съ тобою съ 300 человѣкъ пошли для подлинныхъ вѣстей и языковъ подъ Азовъ, а Иванъ Семеновъ съ козаки жъ пошелъ за азовскимъ солтаномъ и агами, которые пошли изъ Азова войною подъ украинные городы, и о томъ о всемъ, по отпискѣ вашей и по распроснымъ рѣчамъ станичнаго атамана Осипа Михайлова съ товарищи, намъ в. государямъ извѣстно. И мы жалуемъ, милостиво похваляемъ, и указали тѣхъ воровъ и раскольщиковъ, которые имѣютъ нынѣ пристанище на Медвѣдицѣ и на Кумѣ рѣкахъ, и въ иныхъ мѣстахъ, переимать тѣ ихъ воровскія пристанища разорить и послать на нихъ изъ войска, или самимъ вамъ идти многимъ собраніемъ, случась съ подданнымъ нашимъ калмыцкимъ Чаганомъ тайшею, чтобъ одноличнo въ тѣхъ мѣстѣхъ тѣхъ воровъ переимать и пристанище ихъ разорить... А буде въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ былъ посыланъ нашъ атаманъ, тѣхъ воровъ нынѣшнимъ лѣтнимъ временемъ добыть и жилища ихъ разорить невозможно, и выбъ въ тѣхъ мѣстѣхъ оставили атамана и ясаула и козаковъ, сколько пригоже, и велѣли имъ до зимняго времени стоять и промыслъ надъ ними чинить, сколько возможно, и стеречь того накрѣпко, чтобъ къ тѣмъ ворамъ ни съ которыя стороны хлѣбныхъ и иныхъ харчевыхъ никакихъ запасовъ не пропустить; а которые воры и раскольщики близъ Тонбова и Козлова, и по нашему указу наши рати для промысла надъ тѣми ворами и раскольщиками, изъ тѣхъ городовъ

посланы будутъ же вскорѣ. А которые вышеписанные раскольщики даны на руки до съѣзду, и тѣмъ раскольщикамъ учинить вамъ казнь и наказанье, а какову казнь и наказанье тѣмъ ворамъ и раскольщикамъ учините, о томъ бы вамъ писать. (*Собр. Грам. IV*, *№ 192*, *стр. 585—587; П. С. З. II*, *№ 1310*). Преслѣдованіе раскольниковъ доходило до страшныхъ размѣровъ, какъ можно выводить изъ исторіи Выговской пустыни Филипова. Въ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: Въ Нальѣ островѣ скончавшихся 1687 г., марта 24, — инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. авг. 9 инока Германа, инока Ефрема, Ѳотиніи, Евфиміи и всѣхъ, иже съ ними скончавшихся 1500. (*Рукоп. В. М. Ундольскаго*, *№ 161*, *л. 41—44*).

[108]) До какой степени были значительны народныя волненія въ московскомъ государствѣ, видно изъ перечня дѣлъ, приложеннаго къ рукописному слѣдственному розыску о Шакловитомъ. Изъ множества дѣлъ я укажу на слѣдующія: 1) Извѣтъ пятидесятника Трофима Луховца на донскаго козака Пронку Лощилова въ воровскихъ затѣйныхъ и смутныхъ словахъ и распросныя и пыточныя рѣчи. 2) Отписка съ Царицына воеводы Бориса Головнина, о сборѣ донскихъ козаковъ на Волгу, а подъ тою отпискою роспросъ стрѣльца Ѳедора Тимофѣева. 3) Письмо, какое поднесъ в. государямъ кн. Б. Ал. Голицынъ, о переговорахъ на Яикѣ у козаковъ о бѣглыхъ стрѣльцахъ о Тигѣ и о Гогѣ. 4) О поимкѣ на Самарѣ донскихъ козаковъ Стеньки Дмитреева и Ѳильки Орорана. 5) Три совѣтныя грамотки съ Дону московскаго бѣглаго стрѣльца Сеньки Терскаго къ матери и къ братьямъ. 6) Память въ разрядъ о поимкѣ бѣглыхъ людей и о заказѣ впредь принимать бѣглецовъ на Донъ. 7) На Воронежъ воеводѣ О. Нармацкому: велѣно распросить на пыткѣ ямщика Акинфа Ѳролова въ непристойныхъ словахъ и сослать на Украйну. 8) О сыскѣ бѣглаго стрѣльца Ивана Тигфона по ярославской дорогѣ, распросныя и пыточныя его рѣчи. 9) Письмо стрѣльцовъ А. Стрижова и Е. Романова о налогахъ на Украйнѣ и о похвальныхъ словахъ донскихъ козаковъ. 10) О ссылкѣ въ сибирскіе города за непристойныя слова посадскаго человѣка г. Коротояка Савки Михайлова. 11) Дѣло розыскное воровскихъ подметныхъ челобитенъ, которые подкинуты во 195 г. у собора Казанской Богородицы, у Николая Голстунскаго, въ Чудовѣ монастырѣ. 12) Розыскное дѣло ростовскаго у. вотчины изъ Бѣлаозера Кирилова мон. с. Юхнова крестьянъ Кипріяшки Трофимова съ сыномъ Ивашкомъ въ непристойныхъ словахъ. 13) Розыскное дѣло садовника Савки въ воровскихъ затѣйныхъ непристойныхъ словахъ, да на него жъ въ стрѣлецкомъ приказѣ гость Володимеръ Воронинъ явилъ воровское письмо. 14) Дѣло Павлова, человѣка Загряскаго Пашки Матвѣева, въ непристойныхъ словахъ. 15) Дѣло помѣстнаго приказа подъячаго Андреевы жены Протопопова Дашки Григорьевой въ притворѣ на себя кликотной болѣзни и непристойныхъ словахъ. 16) Извѣтъ донской станицы попа Михаила Иванова о раскольщикахъ, которые на Дону, про Еремку Хохлуна, Игнашку Бахдырева съ товарищи. 17) Розыскъ о тамбовскомъ подъячемъ Алешкѣ Ивановѣ въ непристойныхъ словахъ стрѣльцовъ Антошки Кирилова и Петрушки Сигая; у Петрушки выняты воровскія волшебныя письма. 19) Извѣтъ портнаго Петрушки Аврамова: во 197 г. попъ Іосифъ служилъ вечерню въ Корнильевѣ монастырѣ; и когда сталъ говорить на ектиньѣ о благочестивыхъ государѣхъ и царѣхъ; то игуменъ закричалъ на него, что онъ вретъ, какіе де благочестивые цари! и проч. (*Дѣло Шакловитаго № 5*, *свитки 289—307*).

[109]) Написаны съ городами 1) *по Звенигороду* — изъ стольниковъ кн. Ѳед. Андреевичъ Хилковъ, Дим. Ивановичъ Годуновъ, кн. Як. Никитичъ Урусовъ; 2) *по Костромѣ*—Богданъ Ивановичъ Чемодановъ; 3) *по Ярославлю*—изъ стряпчихъ Ѳед. Алексѣевичъ Волковъ; 4) *по Галичу* — изъ стольниковъ Вас. Смирновъ Свиньинъ, изъ стряпчихъ—Аброс. Игнатьевичъ Племянниковъ; 5) *по Кашину*—изъ стольниковъ Мих. Степановичъ Свѣчинъ; 6) *по Клину*—изъ стольниковъ Мих. и Ѳед. Лукины Мартемьяны; 7) *по Тулѣ*—изъ стольниковъ Сава Даниловичъ Мясновъ, изъ стряпчихъ Сем. Гавриловичъ Мясновъ; 8) *по Коширѣ*—изъ стольниковъ кн. Ив. Ѳедоровичъ Волконскій, Аѳан. Михайловичъ Дмитріевъ, кн. Як. Юр. Волконскій, кн. Мих. Антоновичъ Волконскій, кн. Борисъ Степановичъ Засѣкинъ, Ив. Васил. Бѣгичевъ; изъ стряпчихъ: Ив. Степановичъ Колтовскій; 9) *по Алексину* — изъ стольниковъ: Ив. и другой Ив. Большой, Андреевъ и Меньшой Ив. Васильевичъ Клыковы; по Рязани, изъ стольниковъ: Ив. Михайловичъ Вердеревской, Мих. да Тим. Ивановы Чаплыгины, изъ стряпчихъ Ал. Васильевичъ Боркинъ; 10) *по Лихвину* — изъ стольниковъ: Ив. да Мих. Петровы Бунаковы, Ал. Ивановичъ Лодыженской; 11) *по Болхову* — изъ стольниковъ: кн. Гавр. Ѳедоровичъ Хотетовскій; 12) *по Брянску* — изъ стольниковъ: Петръ да Вас. Петровы, да Степ. Никит. Зиновьевы; 13) *по Вышнему Новогороду* — изъ стольниковъ: Петръ Васил. Бутурлинъ, Як. Степановичъ Пушкинъ, Ром. Александровичъ Траханіотъ, Дан. Ив. Колычовъ; 14) *по Смоленску* — изъ стольниковъ: Ст. Петровичъ Потемкинъ, Л. Яковлевичъ Кокошкинъ, Ст. Степановичъ Зубовъ, Ст. Кл. Зубовъ; 15) *по Дмитрову* — изъ стряпчихъ: Г. и П. Михайловы Шокуровы; 16) *по Переяславлю* — изъ стряпчихъ: Г. Ивановичъ Дивовъ, А. Антоновичъ Самсоновъ; 17) *по Нижнему* — изъ стряпчихъ: Ив. Ивановичъ Миротворцевъ; 18) *по Арзамасу* — изъ стольниковъ: Ѳ. Ст. Чириковъ, Я. Люб. Вырыпаевъ, изъ стряпчихъ: М. С. Ѳедоровъ, В. Ив. Чихачевъ (*П. С. Зак. II*, № *1096*).

[110]) Во 194 г. февр. 11 цари „указали за вину написать съ городомъ по Звенигороду Як. Ѳ. Долгорукаго и вотчины отписать на в. государей;" Луку и Григорія Ѳед. Долгорукихъ написать по Рузѣ и помѣстья отобрать. Влад. Дмитр. Долгорукаго и сына его Юрія по Тарусѣ съ городомъ, помѣстья отобрать. *Магазинъ Туманскаго I, 331—357. Временникъ № 5.*

[111]) Въ показаніяхъ стрѣльцовъ мы находимъ, что Шакловитый говорилъ: „Семенова полку Капустина Кондрашкѣ Сафонову да Нилкѣ Артемеву, Дмитреева полку Жукова, Афонкѣ Ларіонову съ товарищи, чтобъ во 196 г. на Семень день в. г. благовѣр. царевну и в. кн. Софію Алекс. вѣнчать царскимъ вѣнцомъ. А какъ де московскіе стрѣлецкіе полки всѣ къ тому дѣйству будутъ въ Кремль, и въ то де бы число Кремль заперетъ и во всѣхъ воротѣхъ поставить стрѣльцовъ, чтобъ изъ Кремля бояръ и гостей никого не вы... написать челобитную, чтобъ премудрой царевнѣ вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ." Ѳедка говорилъ, что она того не вѣдаетъ, а вы поговорите стрѣльцамъ и напишите челобитную, а я доставлю; а челобитная де у него Ѳедки отъ гостей и гостиной и суконной сотенъ и всѣхъ полковъ была... а подавать ее государямъ на Семенъ день, а рукъ у той челобитной н..." (*Дѣло Шакловитаго № 3, свит. 652).*

[112]) *О царевнѣ Софіи Алекс. выписано изъ статейныхъ книгъ пріѣздовъ греческихъ духовныхъ особъ.* 7200 (1691) ноября въ 15 день въ государевомъ посольскомъ приказѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарищи, Афонскіе горы Георгіевскаго Павловскаго монастыря архимандритъ Ісаія, которой (по грамагѣ в. государей, писанной къ цесарскому величеству Римскому) свобожденъ изъ неволи, и въ Москву пріѣхалъ ноября 5

и сказалъ: „Какъ въ прошломъ де году 197 (1689) пріѣхалъ по жалованной в. государей грамотѣ изъ монастыря своего бити челомъ о милостынѣ, и тогда при отпускѣ его съ Москвы призвавъ его „князь Василей Голицынъ говорилъ ему, чтобъ онъ бывъ у святѣйшаго патріарха и взявъ благословеніе въ путь свой, пришелъ къ нему князь Василью, для нѣкотораго тайнаго дѣла, о которомъ прикажетъ онъ съ нимъ ко вселенскимъ патріархомъ, и по приказу де князь Васильеву, онъ архимандритъ у св. патріарха Іоакима былъ, потомъ патріарху, что кн. Василей ему говорилъ, извѣстилъ, и патріархъ де ему сказалъ: я де то дѣло знаю, о которомъ кн. Василей хощетъ съ нимъ приказать, и отъ всел. патріарховъ домогается, и говорилъ, чтобъ де святѣйшіе вселенскіе патріархи прислали благословенную грамоту такову, чтобы царевна Софія Алекс. могла носити царскую корону, и вкупѣ съ в. государи во всякомъ правилѣ ей поминатися, и то де ему святѣйшій патріархъ сказавъ, запретилъ судомъ Божіимъ съ клятвою, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ не ходатайствовалъ, и въ то не вступался, и того дѣла не чинилъ, и тотъ архимандритъ на тотъ приказъ никакова отвѣту ему дать не могъ, только такъ сказалъ, буде то дѣло по его силѣ и по Бозѣ, долженъ потрудиться и послужить в. государямъ, а патріаршихъ словъ ему кн. Василью онъ не открылъ и поѣхалъ съ Москвы; а какъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ, и ево де призывалъ къ себѣ Леонтей Неплюевъ, и разговаривая съ нимъ, о иныхъ дѣлѣхъ, велѣлъ притти поутру, и какъ онъ поутру пришелъ, и онъ де Леонтей ему архимандриту говорилъ, что приказала в. государыни царевна Софія Алекс. и князь Василей Голицынъ ему архимандриту чрезъ Леонтья сказать, чтобъ онъ грамоту исходатайствовалъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, о ней царевнѣ, дабы она могла носити царскую корону, и въ правилахъ церковныхъ поминовеніе имѣти вкупѣ съ в. государи, и потому сказавъ приказывалъ имянемъ и указомъ в. государей и в. государыни и приказомъ же князь Васильевымъ, чтобъ конечно то дѣло у святѣйшихъ патріарховъ онъ исправилъ. И онъ де архимандритъ, видя такое великое дѣло и немочь свою, и памятуя св. патріарха московскаго претительное слово, сказалъ ему Леонтью такъ, что по указу в. государей долженъ онъ тѣ слова святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ донесть, а чтобъ то дѣло конечно учинить не емлется, для того, что де святѣйшіе патріархи о томъ дѣлѣ много будутъ разсуждать и будутъ ли то чинить, или нѣтъ, того не вѣдаетъ, понеже знаетъ онъ архимандритъ, что св. патріархи дали власть патріарху московскому во всякихъ дѣлахъ церковныхъ и царскихъ, и имѣетъ онъ власть вязати и рѣшити, и достоитъ таковаго благословенія просити у него московскаго патріарха и не для чего о такихъ дѣлахъ въ турскія области посылати, котораго дѣла совершенство въ московскомъ государствѣ имѣете. И Леонтей де на то слово такъ ему сказалъ, что мы отъ сего нашего патріарха ни благословенія, ни клятвы не ищемъ (плюнь де на него!). И онъ архимандритъ такому безстрашію и безбожію удивился; и говорилъ ему Леонтей, что дастъ онъ ему человѣка, которой съ нимъ у св. патріарховъ будетъ говорить, и онъ де сказалъ, что человѣка о томъ напрасно трудить не надобно, и самъ онъ о томъ всел. патріархомъ доложитъ, и буде воля ихъ будетъ, и сами они сіе и безъ человѣка сдѣлаютъ, а то де онъ архимандритъ отговаривалъ, памятуя св. патріарха московскаго слова и разсужденіе, и въ совершенство того дѣла и человѣка съ собою брать для того не хотѣлъ, и тѣмъ отъ Леонтья отговорился. А то де ему св. московскій патріархъ тайно говорилъ и разсуждалъ, о томъ онъ патріархомъ вселенскимъ сказать было хотѣлъ, вѣдая его естьли бъ патріархи услышали московскаго патріарха о томъ дѣлѣ неблаговоленіе и неблагословеніе, никоимъ бы образомъ того дѣла совер-

шенно учинити не похотѣли, и поговоря съ нимъ онъ Леонтей отпустилъ его въ дорогу, а человѣка никакова съ нимъ не послалъ.“ Сей архимандритъ былъ на Москвѣ съ сентября мѣсяца по февраль, откуда будучи отпущенъ на малороссійскіе городы и проѣзжая Польшу и Венгрію, на самомъ порубежномъ городѣ Бряшевѣ взятъ былъ подъ караулъ по нѣкоторымъ на него доносамъ; послѣ содержался въ тюрьмѣ годъ и 4 мѣсяца, наконецъ перевезенъ въ Вѣну, гдѣ подъ строгимъ карауломъ до тѣхъ поръ находился, пока государи не упросили своею грамотою цесаря Римскаго о свобожденіи его, и объ отпускѣ его пока въ Москву, куда съ гетманскимъ посланцемъ помянутый архимандритъ и прибылъ. (*Собр. Запис. Туманс. VI, 255—259*).

[113]) Авг. 14 явился изъ бѣговъ полку Цыклера стрѣлецъ *Ст. Воротниковъ* и въ роспросѣ сказалъ: во 197 г. авг. противъ 11 посланъ былъ въ Троицкій монастырь, чтобъ того полку стрѣльцовъ Ѳ. Морковку и Ив. Троицкаго прислать къ Москвѣ, и на дорогѣ проѣхавъ с. Пушкино встрѣтился Б. Улѳовъ; и говорилъ Цыклеру отпустить тѣхъ стрѣльцовъ, но онъ сказалъ, что до указу не велѣно. И поѣхалъ изъ монастыря къ Москвѣ и проѣхавъ Пушкино, встѣтились Ѳ. Ѳедоровъ, Ѳ. Кобылинъ, П. Секетовъ—„ѣдутъ въ коляскѣ,“ а сказали въ Троицкой мон. Пріѣхавъ къ Москвѣ, побылъ въ дому небольшое время и поѣхалъ въ с. Измайлово, „для того, что ему приказаны лошади.“ На дорогѣ настигли его Л. Елизарьевъ и М. Капрановъ — „бѣжатъ скоро,“ сказали, будто Ѳ. Леонтьевичъ „послалъ въ походъ на скоро, а для чего ему не сказали жъ.“ (*Какъ и прежніе встрѣчные*).

Послѣ отъѣзда извѣтчиковъ, стрѣльцы долго медлили и не знали, на что рѣшиться: указы посланы Шакловитому, всѣмъ стрѣлецкимъ полковникамъ и въ полкъ солдатскій Гордона 14 августа, чтобы явились къ 18 авг. „И августа по 25 число съ Москвы къ в. государю въ Троицкій Сергіевъ монастырь противъ грамотъ стольники и полковники и ихъ полковъ стрѣльцы никто не бывалъ.“ (*Дѣло Шакловитаго*).

[114]) Въ 1699 г. стрѣлецъ Петрушка Кривой показывалъ: „послѣ 1682 г. я бывалъ въ домѣ у Ѳедьки Шакловитаго, и вмѣстѣ съ Ѳедькою у кн. Ивана Засѣкина, и Ѳедька съ кн. Иваномъ при мнѣ между собою говорили: ходитъ онъ (*государь*) на пожары не со многими людьми: „убить бы его стрѣльцамъ.“ (*Дѣло Шакловитаго*). Извѣтъ подобный былъ уже испытанъ, въ 1697 г. Елизарьевымъ въ отношеніи къ Цыклеру.

[115]) Вотъ полный текстъ приговора государей о казни Шакловитаго и его сообщниковъ: „198 г. сентября въ 11 день в. государи цари... Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, слушавъ розыскнаго дѣла и статейнаго списка въ своемъ государскомъ объѣздѣ, въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, указали и бояре приговорили: ворамъ, измѣнникамъ и бунтовщикамъ Ѳедькѣ Шакловитому съ товарищи, за ихъ воровство и за воровскіе умыслы, учинить указъ по своему в. государей указу и по Уложенью: вора и измѣнника и бунтовщика Ѳедьку Шакловитова казнить смертію за то, что онъ, забывъ страхъ Божій и ихъ государское крестное цѣлованіе, и умышлялъ его в. государя... Петра Алексѣевича... самодержца, и мать его государеву... царицу Наталью Кириловну убить, и говорилъ про него в. государя и про мать его, государеву царицу, многія непристойныя слова, которыхъ не только говорить, но и мыслить недостойно; и приказывалъ товарищамъ своимъ такимъ же ворамъ Оброськѣ Петрову съ товарищи, въ селѣ Преображенскомъ нарочно зажечь, чтобъ въ то число ее в. государыню царицу убить, и пріѣзжалъ для того нарочно къ нему в. государю въ походъ въ село

Преображенское и ималъ за собою изъ разныхъ полковъ московскихъ стрѣльцовъ, которые у него вора на такое зломышленное дѣло были приготовлены, и ставилъ ихъ около государева двора въ лѣсу и въ бояракахъ вскрытѣ, и за то давалъ имъ изъ ихъ государевы казны многія деньги, и по многія времена московскимъ стрѣльцамъ, которые у него жъ вора были на такое дѣло приготовлены, приказывалъ по ночамъ быть въ Кремлѣ на площади, и въ иныхъ мѣстахъ съ саблями вскрытѣ жъ по близку Краснаго жъ крыльца. И августа противъ 8 числа на такое жъ злоумышленное дѣло тайно ночью стрѣльцовъ сбиралъ, и велѣлъ имъ быть на Лыковѣ дворѣ, и въ иныхъ мѣстахъ вскрытѣ жъ, и слушать Спасскаго набату и самъ съ ними той ночи въ городѣ былъ же, и посылалъ по него в. государя въ другомъ часу ночи къ Преображенскому селу провѣдывать и ожидать, съ тѣми Оброськиными на такое дѣло стрѣльцами отъ тѣхъ своихъ посыльщиковъ, вѣдомости; также и на святѣйшаго патріарха и на бояръ и ближнихъ людей смертное убійство умышлялъ же, и говорилъ имъ стрѣльцамъ: „какъ де они ихъ бояръ и ближнихъ людей побьютъ, и что у кого въ домѣхъ ихъ кто возьметъ, и то все предъ нимъ и сыска никакого не будетъ.“ И въ тѣхъ своихъ воровскихъ замыслѣхъ съ пытки онъ воръ винился. Потому и указали в. государи и бояре приговорили: его Өедьку казнить смертью: а товарищи Оброська Петровъ, Куземко Чермной въ распросѣхъ и съ пытокъ въ томъ во всемъ винилися жъ, что онъ Оброська съ нимъ Өедькою такое злое дѣло умышляли, и въ распросѣ и съ пытки онъ Оброська говорилъ: „что ему Оброськѣ въ селѣ Преображенскомъ велѣлъ зажечь онъ Өедька, и про убивство бояръ и ближнихъ людей онъ Өедька ихъ научалъ;“ и Куземка Чермной въ томъ зломъ умыслѣ и въ непристойныхъ словахъ, что говорилъ онъ; „хотя де и всѣхъ уходишь, а корени не выведешь, надобно де убить в. государыню царицу Наталью Кириловну, да бояръ и ближнихъ людей,“—и за то ихъ многое воровство и за злые умыслы указали в. государи: ихъ воровъ Өедьку, Оброську и Куземку казнить смертью жъ. Да единомышленниковъ же, вора Өедьки Шакловитова товарищевъ—Сеньку Рязанова за то, что онъ своего полка посылалъ съ капитаномъ съ Филипомъ Сапоговымъ 100 человѣкъ стрѣльцовъ съ ружьемъ и велѣлъ быть въ Кремлѣ на Житномъ дворѣ для злаго воровскаго умысла, а въ распросѣ онъ Сенька сперва въ томъ запирался, а послѣ по уликамъ въ томъ вину свою в. государямъ принесъ: „что ему тѣхъ стрѣльцовъ велѣлъ привесть воръ и измѣнникъ Өедька Шакловитой, и на смуту своего полка стрѣльцамъ говорилъ многія непристойныя и къ возмущенію бунту—слова;“ да Ивашку Муромцова, Демку Лаврентьева за то, что онъ Ивашко Муромцовъ, по наговору Өедьки Шакловитова, говорилъ: „чтобъ въ народѣ учинить возмущеніе, святѣйшаго патріарха перемѣнить и во обновленіи Новаго лѣта бояръ побить,“ а Демку Лаврентьева за то, что онъ въ походъ къ в. государю въ Троицкой Сергіевъ монастырь не поѣхалъ и ворамъ же Оброськѣ и Алешкѣ Стрижову ѣхать не велѣлъ, и стрѣлецкимъ бабамъ такія слова, чтобъ мужья ихъ изъ похода изъ Троицкаго Сергіева монастыря сбѣжали, говорилъ, и ихъ воровъ и измѣнниковъ за ихъ многое воровство, и за измѣну, и за многія слова къ возмущенію бунта, что они—Сенька, Ивашко Муромцовъ, и Демка, по наученію вора и измѣнника Ө. Шакловитова, говорили и свою братью возмущали, указали в. государи и и бояре приговорили: ихъ воровъ казнить смертью жъ и положить ихъ на плаху, поднявъ сказать имъ ихъ в. государей указъ, что они, в. государи пожаловали ихъ: смертью казнить не указали; а указали имъ учинить жестокое наказанье, бить кнутомъ и урѣзать языки и сослать ихъ въ ссылку въ сибирскіе городы на вѣчное житье. Да воровъ же Мишку Чечетку за то, что онъ, слыша

отъ Ѳ. Шакловитова многія непристойныя и къ смутѣ заводныя слова, и межъ своей братьи возмущалъ и ималъ у него Ѳедьки деньги; а Мишку Евдокимова за то, что онъ для бунта стрѣльцовъ собиралъ, а Егорку Романова за то, что онъ говорилъ многія непристойныя и къ возмущенію бунта слова, и про убивство бояръ говорилъ же; а воровъ и единомышленниковъ, и къ воровству и къ бунту возмутителей, Ваську Тулу, Андреашку Сергѣева, Ивашку Галактіонова, Мишку Шапошникова, Сеньку Михайлова, Петрушку Сажина, за ихъ многое воровство учинить имъ жестокое наказанье, бить кнутомъ нещадно и сослать въ ссылку въ сибирскіе городы за то, что они отъ Алешки Стрижова слышали воровскія непристойныя и къ смутѣ затѣйныя слова, и про то не извѣстили, учинили понаровку съ подъячимъ Матюшкою Шошинымъ для возмущенія ѣздили на Москвѣ по Земляному городу, по воротамъ стрѣльцовъ били; а воръ подъячій Матюшка называлcя именемъ боярина Льва Кириловича Нарышкина для возмущенія бунта, и въ лѣсахъ, и въ рощахъ многихъ людей пыталъ и языки рѣзалъ, персты рубилъ, а у мовной лѣстницы окно ломалъ, и въ распросѣ во всемъ винился; да воровъ же, которые къ воровству приличились, Филатку Яковлева, Юрку Данилова лѣсника, Куземку Елисѣева, Ваську Стрижова, Ивашку Замощикова, Ивашку Якимова, Архипку Алексѣева, Аѳоньку Барабанщикова, Никитку Васильева, Исачку Григорьева, Сеньку Далматова, Ивашку Шестакова, Мишку Алексѣева, Алешку Михайлова, Максимку Сергѣева, за ихъ воровство и за непристойныя слова, и что они стояли за воровъ и измѣнниковъ за Алешку Стрижова съ товарищи, и у посыльныхъ людей его Алешку отбили, и въ походъ къ в. государю въ Троицкой монастырь взять его не дали, и за то ихъ воровство сослать ихъ въ ссылку жъ въ сибирскіе городы на вѣчное житье, а подполковнику Мишкѣ Шеншину за то, что онъ у посыльныхъ стрѣльцовъ, которые посыланы были изъ Троицкаго монастыря къ Москвѣ, съ ихъ в. государей указы, билъ и государевы грамоты сильно отъималъ, учинить ему наказанье, вмѣсто кнута бить батоги и честь, стольничесто и подполковничество отнять. И сей в. государей указъ и боярской приговоръ по статейному списку закрѣпить думнымъ дьякамъ. Тотъ подлинный приговоръ подписали думные дьяки: Емельянъ Украинцовъ, Никита Зотовъ, Автамонъ Ивановъ, Гаврило Деревкинъ. *Собр. госуд. грам. IV*, *№ 201*, *стр. 611—614. № 202*, *стр. 614—615. П. С. Зак. III*, *№ 1349*, *1350*, *1371. А. Истор. V*, *№ 189.*

[116]) О преступленіяхъ и казни Медвѣдева, см. *Зап. Тутанс. VI*, *261.* Соборное опредѣленіе о разрѣшеніи отъ церковнаго отлученія Симеона Медвѣдева. *А*, *Ист. V*, *№ 194.* До какой степени, враждебныя Медвѣдеву лица раздували его преступленія, можно читать въ ркп. Рум. Музея „Щитъ вѣры“ № 471. Тамъ повѣствуется о новомъ разстригѣ, сатаниномъ органѣ, о злословесіи его, о возмущеніи народа на мятежъ и на убійство патріарха, о вопрошеніи имъ чародѣевъ и т. п. На основаніи словъ св. Писанія, что въ послѣднее время явится драконъ съ 7 вѣнцами и будутъ лживіи учители, иже внесутъ ереси погибели, говорится: „Самъ сатана употребивъ органы Симеона Медвѣдева, прежде бывшаго монаха Сильвестра; нынѣ же монашества лишеннаго за зломнѣніе его, плевелы, козни сатанинскія, поколебанія, за мятежъ и востанія на святую Христову восточную церковь и на искренняя чада ея, якоже и самъ повѣда покаявся послѣжди сицеваго явнаго ученія, и прелестився отъ книгъ кіевскихъ и отъ учителя своего въ вѣрѣ суща уніата Симеона Полочанина, показавшася образомъ благочестиваго, иже написа или готовая сатанинска языка преведе книги „Вѣнецъ вѣры,“ изъ тернія на Западѣ прозябшаго сплетенъ съ лживо-

апостольскимъ символомъ, „Обѣдъ“ тайно наполненъ душевныхъ бѣдъ, „Вечеря,“ „Псалтырь“ слогу Кохановскаго нѣкоего еретика суща, и слово особное въ видѣ „О стояніи благолѣпномъ въ церкви“, отъ нихъ же и устоглаголаніи его прелстився Медвѣдевъ Симеонъ ученикъ его (съ нимъ во единодомовно живяше), латиномудрствоваше въ славу и хвалу западныя церкве, написавъ и онъ книгу, назва ю „Манна;“ туюжде послѣжди самъ преименова: „Обмана.“ Истинно отрава наполненна душегубнаго яда (чаровница прелестница)... „Еще же монаха нарицаемаго Долгова, иже послѣжди покаяся запрещеннаго діакона Афанасія свойственнаго сатанинскаго слугу и симъ послѣдователи явился и утаенныя иже повсюду плевелы“ и навѣты на св. церковь разсѣяша. „Между сими и ино орудіе великаго онаго драконта и сатаны многокозниственное и многообразное въ Кіевѣ явися игуменъ Иннокентій, нарицаемый *Монастырскій*, егоже вѣмы, яко еврейска рода есть“... „И о сицевыхъ сущихъ Ѳеодоръ, нарицаемый Щегловитый, навѣтникъ, и мятежникъ сего всего благочестивѣйшаго царства, защищаше хотя всячески неблагодарный и навѣтникъ помрачити два великая свѣтила сего многозвѣзднаго небесе—православнѣйшаго царства московскаго: духовную, глаголю, и царскую власть. На обоя вознавѣтовавъ, не воспоминая великаго къ себѣ царскаго благодѣянія и милости, ими же взыде на сицевый высокій санъ окольничества, его же весьма не бѣ достоинъ, человѣкъ сый ничтоже, рода поселянска, еже бы аще въ соніи узрѣлъ, не повѣрили бы; наипаче же мѣсто благодаренія возгордѣявся паче мѣры возмнѣ предатель и навѣтникъ, развратити св. Христову церковь и благочестивѣйшее сіе царство, прославляя, величая и защищая единомысленники своя, понуждая сихъ къ совершенной погибели и истребленію духовныя власти и на мятежъ и на кровопролитіе царства московскаго... Въ нынѣшняя многосѣтованная достигъшая концы вѣковъ и плача достойная времена въ царствующемъ великоградѣ Москвѣ, пресвѣтлосіяющемъ въ православіи восточнаго благочестія, коварствомъ плевелосѣятеля врага діавола произниче тернъ латинскаго злочестія въ виннацѣ Христовѣ великороссійскаго народа, нѣкто монашескимъ св. образомъ извнѣ одѣяный, внутрь же не токмо ничего монашескаго не имѣя, но лжемонахъ сый і еретическому латинскому отъ благочестія отступству послѣдова, именемъ Сильвестръ, прозваніе Медвѣдевъ, иже мысляше неправду въ сердци, вся своя дни составляше брани и крамолы, изостряше языкъ свой яко зміинъ по псалмопѣвцу: подъ устнами же его ядъ аспидовъ, полнъ горести и лсти, злокозненъ бо сый отъ юностна возраста, и многословенъ и остроглаголивъ, (яко пишетъ св. Епифаній о Аріи еретицѣ): уста имѣя бездверна и гортань изрыгающь ядъ душегубительный лжесловія, и языкъ не премолъчно блядущъ, яко всему тѣлу его языку быти, яко повѣствуется о нѣкоей многоблядивой женѣ. *Сильвестръ*—имя латинска языка, еже толкуется *лѣсныя* или *дикіи*. Лѣпо убо сего Силвестра отъ имени и прозваніа его: дикій или лѣшій медвѣдь, рекше—*неистовный*.“ *(Далѣе сравнивается Медвѣдевъ съ юношей, въ которомъ сидѣлъ бѣсъ и всѣхъ переспоривалъ)*... „Къ сему еще лжемонахъ сей Силвестръ у іезуитскаго ученика Сімеона нѣкоего, прозваньемъ Полоцкаго, уніата суща римскаго костела и приучися мало нѣчто, токмо чести латинскія книги, и отъ таковаго чтенія и отъ наслы(шки?) устоглагольнаго онаго Симеона Полоцкаго и отъ иныхъ приходящихъ въ царствующій градъ Москву латінниковъ, весь онамо уклонися, отлучився самоволнѣ безъ всякія вины отъ св.восточныя церкве со иными нѣкіими приставшими къ зломыслію его, сущими священнаго и монашескаго чина. И удалися отъ архипастыря своего, крайнѣйшаго архіерея, главы всея св. правелнороссійскія церкве, кира Іоакима патріарха. Не восхотѣ бла-

гословенія его и молитвы имѣти лишився. Составлялъ на него многія крамолы злословилъ предъ многими, нарицалъ безчестными имены всѣхъ восточныхъ патріарховъ, говорилъ народу всякаго чина, „называя тыя—*демонархи* и *мантеіархи*... Папу же римскаго похваляше надъ вся и главу всѣхъ нарицаше быти"... „Онъ Силвестръ Медвѣдевъ, развращая отцевъ словеса, написа книгу, полну всякаго злословія и льсти и клеветы и назва ю *Манна*, юже послѣжди самъ онъ переименовавъ, назва ю *обмана*, паче же отрава сущи душегубительная яда смертнаго латинскія лести, прельщающая съ праваго пути души простыхъ человѣкъ; онъ хвалитъ западную церковь въ Маннѣ, а ругается надъ восточной о ученіи отцевъ, выражается какъ о преданіяхъ человѣческихъ и ина многа, яже не лѣть есть нынѣ глаголати. Онъ хотѣлъ убить патріарха. „Имяше бо онъ, Сильвестръ, на таковое невинное кровопролитіе споспѣшника и помощника, друга своего, и сатанина единомышленника, къ царскому пресвѣтлому величеству измѣнника и клятвопреступника, Өедора Щегловитаго, иже бѣ родомъ изъ уѣзда г. Брянска, отъ села, глаголемаго *Новоселки*, отстояща отъ града Брянска 40 поприщъ. И той ничтожный первѣе получи малый чинъ подъячихъ, глаголемыхъ площадныхъ, потомъ бысть въ приказѣ тайныхъ дѣлъ въ томъ же чинѣ и имени, купно съ Сильвестромъ симъ Медвѣдевымъ, тогда мірскимъ еще сущимъ, Симіономъ зовемъ. Тый же по времени, чрезъ нѣкія ухищренія достиже въ чинъ царскаго сигклита, санъ окольничества, въ немъ же санѣ ниже сонъствія достоинъ бѣ видѣтися. И бысть надъ всѣмъ стрѣлецкимъ воинствомъ начальникъ и правитель. Втораго имѣя Сильвестръ споспѣшника на содѣяніе зла онаго отъ полка стрѣлецкаго, нѣкоего человѣка, злодѣя и пьяницу, и на всякое зло удубно охотника, Никиту именемъ, прозваніемъ Гладкаго. И инаго тому подобнаго, Алексѣя именемъ, прозваніемъ Стрижа, и царскихъ палатъ клирика, діакона Бѣлорусца Іакова, и уставщика Антона Муромца, и иные подобные онымъ зломыслящe. И на самое пресвѣтлое царское величество, но десница божія „обрати всякое злое вѣтіе на главы ихъ." „И аще не бы Господь сію его ересь и злословіе и лесть и мятежъ сократилъ, не бы спаслася всяка плоть православныхъ." Тогда Сильвестръ Медвѣдевъ, съ нѣкіими единомысленники своими, солгавъ церкви православнѣй въ вѣрѣ и царскому пресвѣтлому величеству измѣнивъ, яко прежній лжемонахъ растрига, Гришка Отрепьевъ, побѣжа въ польское государство, хотя смущеніе воздвигнуть на православную вѣру. И ятъ бысть близъ уже границы польскія, и связанъ вспять возвращенъ, и за свое отъ церкви православной отступство, и за всѣяніе ереси въ православный великороссійскій народъ, и за измѣну къ пресвѣтлому царскому величеству, и за умышленіе невиннаго величайшаго кровопролитія, уже умышлявше съ измѣнникомъ Ө. Щегловитымъ, древнимъ своимъ клевретомъ и единомышленникомъ, лишенъ св. образа и именованія властію, данною отъ св. Духа, и названъ бысть, яко и прежде монашества, Сенька Медвѣдевъ. Потомъ царскимъ судомъ истязанъ по гражданскимъ законамъ огнемъ и бичьми до пролитія крови его, и данъ въ твердое хранило на соблюденіе съ его единомысленники до времени, еже пріяти достойную казнь за зломысліе свое, подобную Өедору оному Щегловитому; той бо по истязаніи гражданскомъ глава отсѣчена бысть въ лѣто 7198 м. сент. въ 12 день. И тамо ему Сенькѣ Медвѣдеву пребывающу, и день отъ дня смертнаго скончанія главоотсѣченія ожидающу, св. и блаженнѣйшій архипастырь Христовы словесныя паствы, киръ Іоакимъ московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, не помянувъ его Сеньки Медвѣдева всякія злобы и злодѣянія, и злословія и досады, и укоризны и непокорства, паче же противства къ себѣ и ко святѣй церкви, не хотя по-

гибнути ему душею во отступствѣ отъ св. восточныя церкви, и въ ереси латинскаго новозломудрованія, посла къ нему въ юзилище мужи нѣкія священныя, и философы, восточнаго благочестія учители православные, на обличеніе ереси его, юже онъ ввождаше и введе во множайшіе православно-россійскаго народа, и съ ними посла книги служебники, древнѣйшія св. мужей и чудотворцевъ россійскихъ, рукописныя...

„Посланіи же отъ св. патріарха, пришедше, много увѣщающе его, да отступитъ отъ своея ереси, и обратится къ св. матери своей восточнѣй церкви... Видѣвъ онъ Сенька Медвѣдевъ, покорися аще вседушно или притворно, совѣсти его вѣсть, и написа онъ своеручно о семъ исповѣданіе о преждебывшей своей прелести и соблазнѣ покаяніе съ величайшими и страшнѣйшими на душу и тѣло свое проклятствы и анаѳематствы, яко показуетъ саморучное его писаніе, отрицая и осуждая огнесожженіемъ вся своя преждебывшая злохульная писанія...

И прочетъ онъ Сенька Медвѣдевъ то свое писаніе предъ образомъ пресв. Троицы, при свидѣтеляхъ честныхъ мужехъ, имъ же тамо бѣ св. Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Викентій, ему же и вручи свое писаніе, еже послати къ св. патріарху. Архимандритъ Викентій, земъ у него Сеньки тое саморучное писаніе, абіе посла къ святѣйшему Іоакиму патріарху. Патріархъ земъ и прочетъ тое, издаде на него синодальный предѣлъ, гдѣ и како пребывати ему въ епитиміи...

И сей Сенька паки по градскому закону огнемъ и бичьми и прочими испытаньми истязанъ, и объявися зломысливъ, съ волхвами и чародѣи содружествовавъ, и совопрошався гадательства о себѣ превеликія... И за многая бо злодѣйственная своя умышленія главоотсѣченъ бысть въ лѣто 7199 февр. въ 11 день.“ *(См. также моск. Синод. библ. № 252. Покаяніе и слово Іоакима на соборѣ: тамъ же № 224. Москвит. 1843, № 9).*

[117]) Въ 1689 окт. 5 сдѣланъ приговоръ: Стреманнаго полку пятидесятника Никитку Гладкова, Сеньку Медвѣдева, что былъ старецъ Селиверстко, за ихъ воровство и за измѣну, и за возмущеніе къ бунту, казнить смертью—отсѣчь головы: Никитку Гладкова за то, что онъ про царя Петра Алексѣев. говорилъ многія непристойныя слова, которыхъ не токмо говорить, но и мыслить недостойно, и что онъ же говорилъ про Іоакима патріарха, и о святой церкви, къ смятенію. что есть у нихъ новые учители, и чтобъ его убить, и вошедъ въ палаты его, на него закричать и у ризничаго у Акиѳаія взять денегъ 200 руб., и что онъ же съ Ѳедькою Шакловитымъ и съ Оброською Петровымъ съ товарищи, умышляли бояръ и ближнихъ людей многихъ побить, и домы ихъ и торговыхъ людей лавки грабить и сносить въ чуланъ и дѣлить; и августа противъ 8 числа на такое зломышленное дѣло, тайно ночью, стрѣльцовъ съ ружьемъ въ городъ сбиралъ и самъ съ ними былъ, и языкъ къ набату привязалъ, и набату слушать приказывалъ, а инымъ велѣлъ ѣхать по заставамъ для провѣдыванья вѣстей и къ возмущенію же къ бунту говорилъ похвальныя воровскія слова, что его братья стрѣльцы царя и Петра Алексѣевича спальника съ лошади стащили и били оборвавъ, повели въ верхъ; Сеньку Медвѣдева за то, что воръ и измѣнникъ Ѳедька Шакловитой пріѣзживалъ къ нему въ Спаской монастырь многажды, и говорилъ съ нимъ тайно, и умышлялъ про государыню Наталью Кириловну, чтобъ ея не было, и чтобъ царевну Софію Алексѣевну короновать царскимъ вѣнцомъ, а святѣйшій патріархъ и за неволю станетъ короновать, и что къ нему Сенькѣ прихаживали воры жъ и измѣнники единомышленники Ѳедки жъ Шакловитаго: Оброська Петровъ, Никитка Гладкой, Алешка Стрижевъ съ товарищи, по многія жъ времена, о злыхъ своихъ умыслѣхъ, и

о возмущеніи ночнаго бунта, и о побіеніи бояръ и ближнихъ людей, по росписи кого побить, что было у Ѳедьки Шакловитова ему Сенькѣ сказывали; а онъ слышавъ такія слова и злой умыслъ, государемъ не извѣщалъ, да и самъ онъ говорилъ про Петра Алексѣевича: ,,хотя де его государя сторона и повезетъ, и много де будетъ дней на десять, а то де опять будетъ сильна рука царевны Софіи Алексѣевны, и что онъ же Сенька про патріарха говорилъ непристойныя слова и стрѣльцамъ для караула отъ него патріарха, у себя, которые присланы къ нему повелѣніемъ Ѳедьки Шакловитова, быть велѣлъ, и чтобъ его патріарху не отдать, и что онъ же Сенька, вѣдая свое воровство, съ Москвы бѣжалъ, а съ собою взялъ воровъ же и измѣнниковъ, Алешку Стрижева, Алешку Гладкова, и что онъ же измѣннику и вору Ѳедкѣ Шакловитому о воровскихъ его замыслахъ вѣсть чинилъ и говорилъ, что в. государя рука высока и надобно перетерпѣть, и деньги стрѣльцомъ, по приказу его Ѳедькину, какъ онъ Ѳедька ѣздилъ къ гетману, давалъ. А бывшаго истопника Стеньку Евдокимова сослать въ ссылку съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ сибирскіе городы за то, что онъ воровъ и измѣнниковъ Оброську Петрова съ товарищи въ верхъ призывалъ и августа противъ 8 числа въ ночи у Казанской Богородицы стрѣльцамъ, какъ они были въ сборѣ для бунта, деньги съ истопникомъ съ Оською Осиповымъ давалъ, и что онъ Стенька у Мовной лѣсницы указывалъ окно, какъ то окно Ѳедьки Шакловитой, невѣдомо для какова воровскаго умысла, приказалъ Оброське Петрову съ товарищи выломать, и что онъ де Стенька Евдокимовъ, къ единомышленнику Ѳедьки Шакловитова, къ Сенькѣ Медвѣдеву, для провѣдыванья вѣстей, хаживалъ и Медвѣдевъ съ нимъ Стенькою къ Ѳедькѣ приказывалъ, что де нынѣ высока рука в. государя и надобно де перетерпѣть. А сына его Стенькина Ѳедьку за то, что онъ авг. противъ 8 числа съ Ѳедькою Шакловитымъ ночевалъ на грановитой палатѣ, и къ Никольскимъ воротамъ ходилъ и стрѣльцомъ говорилъ: кого станутъ имать изъ походу, и тѣхъ бы людей Ѳедька Шакловитой велѣлъ водить вверхъ, мимо дневальнаго полковника, къ себѣ въ Золотую палату; а дѣтей же его Стенькиныхъ, Якушку и Ивашку, за его Стенькино воровство; псаломщика Антошку Муромцова за то, что онъ воровъ и измѣнниковъ, Алешку Стрижева, Андрюшку Кондратьева, для ухоронки запиралъ вверху въ церкви Распятія Господня, и изъ той церкви выпустилъ, пѣвчаго Лаврюшку да брата его Андрюшку Бурмистровыхъ за то, что они отъ Сеньки Медвѣдева къ Ѳедькѣ Шакловитому хаживали съ письмами, и вѣдая то его Сенькино воровство, съ Москвы съ нимъ бѣжали; а старца Арсенья и Мишку Гульского за то, что они съ нимъ же Сенькою съ Москвы побѣжали, Житного двора подьячаго Агапка Петрова за то, что онъ августа противъ 8 числа, какъ были въ сборѣ стрѣльцы съ Ѳедькою Шакловитымъ, ночевалъ на Грановитой палатѣ и съ Сенькою Надѣйнымъ хотѣли его Ѳедьку изъ за караула увезть, и въ томъ онъ Агапъ съ нимъ Сенькою цѣловали крестъ; дьякона Якова, что онъ побѣжалъ въ Черкасскіе городы и чернеческое платье на себя надѣвалъ, и сказывался иноческимъ чиномъ. И написать тѣхъ ссыльныхъ людей въ сибирскихъ городѣхъ въ службу, въ какую пригодятся, а старца Арсенія отдать на Верхотурье въ монастырь, а Агапку Петрова въ Каргополѣ держать за сторожею, а дьякона Якова на Вологдѣ въ Каменномъ монастырѣ подъ началомъ. И по тому указу и по боярскому приговору сосланы. *(П. С. З. III, № 1352, стр. 40—42).*

[116]) По Уложенью велѣно 1689 г. нояб. 13 казнить смертію—отсѣчь головы: подъячихъ приказу большой казны, Матюшку Шошина за то, что онъ съ Ѳедькою Шакловитымъ о возмущеніи къ бунту говаривалъ, и ѣздилъ по Земля-

ному городу къ Стретенскимъ и Мясницкимъ воротамъ съ капитанами и со стрѣльцами, а для возмущенія бунта, стрѣльцовъ обухами и плетьми били, и назывался онъ Матюшка именемъ Льва Кириловича Нарышкина, и стрѣльцомъ говорилъ, чтобъ бить ихъ стрѣльцовъ гораздо и не то де имъ будетъ, заплачу де имъ смерть братей своихъ, увидите де вы всѣ, что вамъ будетъ; да онъ же Матюшка, слыша отъ Өедьки Шакловитова къ возмущенію многія слова, а о томъ государемъ не извѣщалъ; Сеньку Надѣйна за то, что онъ съ письма руки вора измѣнника Өедьки Шакловитаго о возмущеніи въ народѣ къ бунту съ бывшими подъячими Житного двора, съ Агапкою Петровымъ, приказа большія казны съ Кирюшкою Борисовымъ, писали сказку и росписи, и написавъ, отнесли къ нему Өедькѣ, и что онъ Сенька съ Агапкою Петровымъ, да приказу большія казны съ бывшимъ подъячимъ съ Ивашкою Сергѣевымъ, Өедьку Шакловитаго, какъ онъ сидѣлъ за карауломъ, хотѣли увезти и бѣжать съ Москвы и въ томъ съ Агапкою Петровымъ вѣрились, цѣловали крестъ и лошадей къ дворцовой лѣстницы приводили и ждали его Өедьку ночью многое время, и на загородномъ своемъ дворѣ онъ Сенька коляску, на чемъ было бѣжать ему Өедькѣ, изготовилъ, и о томъ ему Өедькѣ, что лошади и коляски готовы, вѣдомость чинили,— учинить жестокое наказанье, бить на козлѣ кнутомъ нещадно, и сослать съ женами и съ дѣтьми въ Сибирь въ дальніе городы на вѣчное житье, Кирюшку Борисова за то, что онъ съ Сенькою Надѣйнымъ тоежъ сказку письма руки Өедки Шакловитаго о возмущеніи къ бунту писалъ; Оську Осипова, бывшаго комнатнаго истопника за то, что онъ вѣдая про воровъ и измѣнниковъ, про стрѣльцовъ про Алешку Стрижева и про Андрюшку Кондратьева, гдѣ они были ухоронены и пить имъ подавалъ, а государямъ про нихъ не извѣстилъ; а сказавъ ему Оськѣ о наказаніи ихъ государей указъ, поднявъ па козелъ, наказанье чинить не велѣлъ и снявъ съ козла сказать ему, что государи его Оську пожаловали, кнутомъ бить не указали, а вмѣсто кнута учинить ему наказанье, бить батоги нещадно и по прежнему указу сослать въ ссылку съ женою и дѣтьми. И ноября въ 13 день 188 г., государи пожаловали Матюшку Шошина, Сеньку Надѣина, смертью ихъ казнить не велѣли, а велѣли имъ учинить наказанье, бить на козлѣ кнутомъ нещадно и сослать въ ссылку въ сибирскіе городы съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье, а Кирюшкѣ Борисову и Оськѣ Осипову учиня наказанье, бивъ Кирюшку кнутомъ, а Оську вмѣсто кнута батоги, сослать въ ссылку съ женами и съ дѣтьми — Кирюшку въ Каргополь, Оську на Чаронду на вѣчное житье. И по тому указу учиня имъ наказанье въ тѣ вышеписанныя мѣста сосланы. *(П. Собр. З. III, № 1359, стр. 47—48).*

[119]) Въ 1689 г. сент. 9 Голицынъ сосланъ былъ въ Каргополь, а 1692 г. марта 5 переведенъ въ Пустозерскій острогъ. Проживъ около 80 лѣтъ, умеръ 1713 г. на Пинегскомъ Волоку, и оттуда перевезенъ и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ архангельской губерніи на берегу р. Пинеги въ 16 верстахъ отъ Холмогоръ. *(Ист. Рос. Іер. 801—2).* О лишеніи чести, боярства и имѣній Голицына и Неплюева сент. 19 въ 1689 г. См. *П. С. Зак. III, № 1348.* Выписка изъ этого дѣла 1716 г. апр. 9 находится въ *Собр. Зап. Туманскаго VI, 259—261.* Указъ царей объ исключеніи имени Софіи изъ царскаго титула въ государственныхъ дѣлахъ. *Собр. Грам. IV, № 200; П. С. Зак. III, № 1347.*

[120]) Въ статьѣ о дворцовыхъ расходахъ 7207 г. записано: для караула въ Новодѣвичь монастырь подполковнику и капитану на 132 рубли 16 алт. 3 ден.; солдатамъ 100 человѣкамъ на 518 р. 30 алт. Въ отчетахъ расходовъ на 1700 годъ къ инокѣ Сусаннѣ въ Новодѣвичь монастырь означено: меду,

пива, браги, квасу, уксусу, лимоновъ, яблокъ, патоки, рыбы, икры, съ хлѣбеннаго двора пироговъ, масла и прочихъ запасовъ, шло въ годъ на 5144 р. 15 алт. пол - 4 деньги. *(Рос. Магазинъ Туманскаго, изд. 1792 г., I, 223—9 500).*

[121]) *Письмо Мазепы, вскорѣ послѣ избранія его въ гетманы, къ В. В. Голицыну:* „Посылаю вашей княжой вельможности, милостивому благодѣтелю моему, въ червонныхъ золотыхъ 5800 руб., въ копѣйкахъ 3000 руб., а въ талерахъ битыхъ 1200 руб., всего 10,000 р. Якое мое приношеніе изволь, ваша княжая вельможность, приняти милостиво и ховати меня въ милостивой отческой и благодѣтельской своей ласцѣ и заступленіи." А я обѣщаюсь быть работникомъ вашей свѣтлости до конца дней (*Исторія Устрялова I, прилож. № VIII, стр. 356*).

[122]) *Февр. 24* въ Преображенскомъ Елизарьевъ въ извѣтѣ сказалъ: въ 1697 г. дек. 2 былъ онъ въ домѣ Цыклера, и онъ спрашивалъ Ларіона: „Смирно ли у нихъ въ полкахъ?" И онъ сказалъ — смирно, а кто затѣетъ, и тому на свою голову. Ивашка говорилъ: „нынѣ де государь идетъ за море, и какъ де надъ нимъ что сдѣлается, какъ быть, кто у насъ государь будетъ?" Ларіонъ говорилъ: „дай де Богъ ему, в. государю, здравствовать, а буде какова воля божія надъ нимъ, государемъ, учинится, у насъ есть государь царевичь. Ивашка сказалъ: „въ то де время, кого Богъ изберетъ, а тщится де государыня царевна, что въ Дѣвичѣ монастырѣ." Ивашка сознался, что говорилъ: государя можно изрѣзать ножей въ пять... Ивашка былъ у Алешки Соковнина для лошадиной покупки, и Алешка говорилъ: „Шеинъ де у насъ безроденъ, одинъ у него сынъ, и человѣкъ онъ доброй." Ивашка добавилъ: счастье де Борису Петр. Шереметьеву, и стрѣльцы его любятъ. Алешка совѣтывалъ говорить Ивашкѣ съ стрѣльцами — на пожарѣ царя убить, „и они стрѣльцы къ тебѣ Ивашкѣ добры, и послушаютъ." И онъ говорилъ стрѣльцамъ Силину, Филипову, Никитѣ Корсакову. *Ивашко* Алешкѣ зказалъ: „Видишь, у стрѣльцовъ малолюдство, чаю де они опасаются потѣшныхъ." *Алешка:* чаю де у стрѣльцовъ разсуждено о царевнѣ, для того они чинить не хотятъ. *Ивашко:* „пеняешь де ты на стрѣльцовъ, а самъ того дѣлать не хочешь, чтобъ впредь роду его Алешкину въ поронѣ не быть." *Алешка:* „въ поронѣ намъ быть никому не хочется, а стрѣльцамъ де можно сдѣлать, даромъ они пропадаютъ же." *Алешка:* князь Петръ Голицынъ „человѣкъ прыткой и шипкой, мы де чаяли отъ него что все учинится надъ государемъ." И онъ князь Петръ сказалъ съ пытки, что Алешка у него въ дому не бывалъ и съ нимъ о томъ не мышливалъ и не говаривалъ. А Ивашка научалъ убить государя за то, что называлъ его бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ив. Милославскаго. (*Зап. Туманс. V, 289—298*).

[123]) 1697 г. марта 4. Ив. Цыклеръ съ пытокъ повинился, что говорилъ стрѣльцамъ, изрѣзать на пожарѣ, или на Москвѣ. Про Алешку Соковнина говорилъ, что онъ его Ивашку спрашивалъ: „каково у стрѣльцовъ? И онъ Ивашка ему сказалъ, что у нихъ не слыхать ничего; а къ тѣмъ словамъ Алешка говорилъ: гдѣ они б.... ны дѣти, передѣвались? знать де спятъ, вѣдь де они пропали жъ, мочно де его убить, что ѣздитъ государь одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ государь одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ одиначествомъ." И въ два пріѣзда опять говорилъ про убивство стрѣльцовъ: „вѣдь де они даромъ погибаютъ, и впредь погибнутъ же." Ивашко спросилъ Алешку: „если то учинится, кому быть на царствѣ?" Онъ сказалъ: „Царство де безъ того не будетъ, чаю де возмутъ они по прежнему царевну, а царевна возметъ царевича, а какъ она

войдетъ, возметъ князь В. Голицына, а кн. Василій попрежнему станетъ орать." Ивашка сказалъ: ,,въ нихъ де стрѣльцахъ онъ того не чаетъ, что возмутъ царевну." Алешка молвилъ: „Если то учинится надъ государемъ, мы де и тебя Ивашка на царство выберемъ," и потому научалъ стрѣльцовъ къ убійству. Цыклеръ говорилъ: „научалъ де (стрѣльцовъ) государя убить за то, что его Ивашка онъ государь называлъ бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ив. Милославскаго, и его никогда въ дому не посѣтилъ." Еще говорилъ: ,,Когда онъ будетъ на Дону у городоваго дѣла Таганрогу, и онъ оставя тое службу, съ Донскими козаками хотѣлъ идти къ Москвѣ для московскаго разоренія и чинить тожъ, что и Стенька Разинъ." Алешка Соковнинъ у пытки говорилъ на зятя своего Ѳедьку Пушкина, что онъ сказалъ: „Погубилъ де государь насъ всѣхъ, мочно де его убить, да и для того, что и на отца его государевъ гнѣвъ." Ѳедька Пушкинъ винился сказалъ, „что государь погубилъ ихъ всѣхъ, и за то его и за гнѣвъ государевъ къ отцу его, что за море ихъ посылаетъ, чтобъ его государя убить..." Наканунѣ рождества былъ онъ у Алешки Соковнина, и онъ Алешка говорилъ: „хочетъ де государь на святкахъ отца его Ѳедькина убить и ругать до смерти, а домъ вашъ разорить." Ѳедька сказалъ: „Если такъ надъ отцомъ учинится, и онъ Ѳедька его в. государя, съѣхався убьетъ." И говорилъ дома стрѣльцу Васькѣ Филипову про убійство государя: „какъ бы ему гдѣ нибудь съ государемъ съѣхаться, и онъ бы съ нимъ не разъѣхался, хотя бы ожилъ, или пропалъ." А стрѣльцы Васька Филиповъ и Ѳедька Рожинъ, и Петрушка Лукьяновъ, донской козакъ, не только не извѣстили государя про убивство; а и сами говорили межъ себя о бунтѣ и къ московскому разоренью: „а какъ бы къ тому ихъ воровству и иной кто присталъ, инъ было бъ такой бунтъ и московс. государству разореніе чинить, козакамъ было Москву разорять съ конца, а имъ стрѣльцамъ съ другова конца." Съ пытокъ и съ огня во всемъ винились. Всѣ казнены смертію. (*П. С. Зак. III, № 1575*).

Ѳеодози пишетъ: „Заключеніе предательскаго ихъ заговора состояло въ томъ, чтобы царя Петра убить, а вину убійства возложить *на иностранныхъ*, коихъ за то съ женами и дѣтьми смерти предавъ, истребить въ Россіи... Сей заговоръ имѣлъ исполниться 22 янв. 1697 г." Но Богъ „обратилъ оный смертоносный заговоръ на самыхъ того заводчиковъ. Нѣкоторые сказываютъ, якобы два стрѣлецкіе капитана, коимъ Цюклеръ надежно поручилъ такое дѣло, обличены будучи въ совѣсти пролить неповинную кровь законнаго своего государя, пошли тогожъ самаго вечера, и падъ къ ногамъ Е. Ц. В. объявили все то, что противъ дражайшія его жизни заговорено. (*Johann Perry, staat von Russland. Th. 1, s. 242. Рабенеръ въ житіи Петра I-го и великаго царя Рос. с. 37. Лакомбе въ Истор. о штатскихъ премѣненіяхъ Рос. Госуд. с. 115*). Другіе говорятъ (*Ал. Гордонъ въ Ист. Петра В. цесаря Рос. с. 119*), якобы самая жена Пушкина, пошедъ тогожъ вечера къ государю, кой тогда у своего любимца Лефорта случился, открыла ему такой заговоръ." (*Ѳеодози I, 192—193*).

[121]) Цыклеръ между прочимъ показалъ: „передъ крымскимъ первымъ походомъ, царевна его призывала и говаривала по часту, чтобы онъ съ Ѳедькою Шакловитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошевѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ, царевна въ окно говорила ему про тожъ, чтобъ съ Шакловитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онъ въ томъ ей отказалъ, что того дѣлать не будетъ, и говорилъ ей царевнѣ: если государя не будетъ, и за тобою ходить никто не станетъ, можно тебѣ его государя любить; и царевна ему скзала: я бы его любила, да мать не допуститъ; и онъ

Иванъ ей говорилъ: мать рада, хотя бы и татаринъ его государя любилъ. И за то она на его гнѣвалась: знать ты передался на другую сторону. И въ то время у ней въ хоромахъ была княгиня Анна Лобанова. И за то его Ивана царевна послала въ крымскій походъ; а какъ онъ изъ крымскаго похода пришелъ, и она ему о томъ же говаривала и сулила Дмитровскую деревню Ивана Милославскаго, Кузнецово, которая была за Мелетійскимъ (грузинскимъ) царевичемъ, и онъ ей также отказалъ и за то она его и въ другой крымскій походъ послала; а пришедъ изъ крымскаго похода о томъ она ему не говорила. А Иванъ Милославскій къ нему Ивану былъ добръ и женатъ онъ былъ у него Ивана." (*Ист. Рос. Соловьева XIV*, *248—49*).

[125]) О причинахъ движенія на Москву стрѣльцы высказали въ слѣдующей челобитной, не оконченной впрочемъ: „Бьютъ челомъ многоскорбне и великими слезами московскіе стрѣлецкіе полки: служили они, и прежде ихъ прародители и дѣды и отцы, великимъ государямъ во всякой обыкновенной христіанской вѣрѣ и обѣщались до кончины жизни ихъ благочестіе хранити, якоже содержитъ св. апостольская церковь. И въ 190 г. стремленіе безчинства, радѣя о благочестіи, удержали, и по в. государей указу въ премѣненіи того времени, ихъ измѣнниками и бунтовщиками звать не велѣно, и по обѣщанію, какъ цѣловали крестъ, о благочестіи непремѣнно служатъ. И въ 203 г. сказано имъ служить въ городахъ погодно; а въ томъ же году, будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика иноземца Францка Лефорта, чтобы благочестію великое препятіе учинить, чинъ ихъ московскихъ стрѣльцовъ подвелъ онъ Францко, подъ стѣну безвременно, и ставя въ самыхъ нужныхъ въ крови мѣстахъ побито ихъ множество; его жъ умышленіемъ дѣланъ подкопъ подъ ихъ шанцы, и тѣмъ же подкопомъ онъ ихъ же побилъ человѣкъ съ 300 и больше; его жъ умысломъ на приступѣ подъ Азовомъ посулено по 10 руб. рядовому, а кто послужитъ, тому повышеніе чести: и на томъ приступѣ, съ которую сторону они были, побито премножество лучшихъ; а что они радѣя ему, в. государю и всему христіанству, Азовъ говорили взять приваломъ, и то онъ оставилъ, онъ же не хотя наслѣдія христіанскаго видѣть, самыхъ послѣднихъ изъ нихъ удержалъ подъ Азовомъ октября до 3 числа; а изъ Черкасскаго 14 числа пошелъ степью, и чтобъ ихъ до конца всѣхъ погубить, и идучи ѣли мертвечину и премножество ихъ пропало. И въ 206 г. Азовъ приваломъ взяли и оставлены городъ строить, и работали денно и нощно во весь годъ пресовершенною трудностью. И изъ Азова сказано имъ идти къ Москвѣ, и по вѣстямъ были они въ Зміевѣ, въ Изюмѣ, въ Царевѣ Борисовѣ, на Моякѣ, въ самой послѣдней скудости; и изъ тѣхъ мѣстъ велѣно имъ идти въ полкъ къ боярину и воеводѣ, къ князю М. Г. Ромодановскому въ Пустую Ржеву на зимовье, не займуя Москвы: и они радѣя ему, в. государю, въ тотъ полкъ шли денно и нощно, въ самую послѣднюю нужду осеннимъ путемъ и пришли чуть живы; и будучи на польскомъ рубежѣ, въ зимнее время, въ лѣсу, въ самыхъ нужныхъ мѣстахъ, мразомъ и всякими нуждами утѣснены служили, надѣясь на его в. государя милость. И по указу велѣно всѣ полки новгородскаго разряду распустить, а бояринъ и воевода Ромодановскій, выведчи ихъ изъ Торопца по полкамъ, велѣлъ рубить, а за что—не вѣдаютъ. Они же слыша, что въ Москвѣ чинится великое страхованіе и отъ того городъ затворяютъ рано, а отворяютъ часу въ другомъ дня или въ третьемъ, и всему народу чинится наглость; имъ слышно же, что ѣдутъ къ Москвѣ нѣмцы, и то знатно послѣдуя бродобритію и табаку, вовсе совершенное благочестія испроверженіе"... (*Ист. Рос. Соловьева XIV*, *272—274*).

[126]) *Списокъ о измѣнникахъ казненныхъ стрѣльцахъ 1797 г. сент. 30.*

Стрѣльцовъ 4 полка, „съ полковыми пушками и съ ружьемъ, изъ Торопца шли къ Москвѣ, по письму изъ Дѣвичья монастыря отъ царевны Софіи Ал., которое письмо къ нимъ принесъ въ полки Чюбарова полку стрѣлецъ Васька Тума.“ Да Чюбарова полку стрѣльцы стали солдатъ потѣшныхъ оговаривать, будто они про то вѣдаютъ; всѣ 73 человѣка, сидѣвшіе у Спаса на Новомъ, заговорились послѣ причастія, „готовясь по злымъ дѣламъ своимъ ко смерти.“ И они сказали: „мы де одни пропадаемъ, а потѣшные де останутся въ радости, пусть жеони, враги наши, пропадутъ, лучше де намъ не однимъ умереть.“ Стрѣльцы по письму отъ Софіи, пришедъ въ Москву, хотѣли подъ Дѣвичьимъ монастыремъ стоять на полѣ, „и подавать челобитную царевнѣ Софіи Ал. и звать ее, чтобы она шла изъ того монастыря къ Москвѣ и по прежнему вступила въ правительство,“ а караульныхъ солдатъ у монастыря порубить, возмутить чернь въ Москвѣ, будто царя за моремъ не стало и учинить бунтъ, „бояръ побить, а нѣмецкую слободу разорить, и иноземцевъ всѣхъ порубить, а государя въ Москву не пустить. (*Зап. Туманс. 299—302*).

[127]) „И по розыску тѣ стрѣльцы казнены разными казньми. И по всѣмъ дорогамъ тѣхъ стрѣльцовъ тѣла кладены на колеса были по 10 человѣкъ, а сквозь колеса въ ступицы проткнуты въ колья ихъ стрѣлецкіе головы. А иные повѣшены были по всему Земляному городу, у всѣхъ воротъ; по обѣ жъ стороны сквозь зубцовъ городовыхъ стѣнъ просунуты были бревна и концы тѣхъ бревенъ загвоздены были извнутри Бѣлаго города, а другіе концы тѣхъ бревенъ выпущены были за городъ, и на тѣхъ концахъ вѣшаны стрѣльцы, а иные вѣшаны на дѣвичьемъ полѣ передъ монастыремъ и въ руки воткнуты ихъ челобитныя, а въ тѣхъ челобитныхъ написаны противъ ихъ повинки. Также у ихъ стрѣлецкихъ съѣзжихъ избъ они стрѣльцы вѣшаны человѣкъ по двадцати, по сороку и по больше; а пущіе изъ нихъ воры и заводчики: у нихъ за ихъ воровство ломаны руки и ноги колесами. И тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и тѣ стрѣльцы за свое воровство ломаны, живые были положены на тѣ колеса, и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали. И по указу в. государей одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи; а застрѣлилъ его преображенскій сержантъ Алекс. Меньшиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тіунскою избою повѣшенъ а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, а тѣло его положено было на колесо также, что и стрѣльцы.

А въ Преображенскомъ у того розыска были и тѣхъ стрѣльцовъ казнили бояре и всѣ палатные люди сами топорами и палашами. А женъ ихъ стрѣлецкихъ всѣхъ распускали, кто куда хочетъ, только бъ онѣ на Москвѣ не были. И тѣхъ стрѣльчихъ брали къ себѣ по деревнямъ всякихъ чиновъ люди. А которые стрѣльцы были на службѣ, по разнымъ городамъ, и къ нимъ сосланы жены ихъ съ дѣтьми на вѣчное житье. А дворовое ихъ строенье продавали всякихъ чиновъ людямъ. А тѣ ихъ стрѣлецкіе мѣста дворовыя, раздаваны всякихъ же чиновъ людямъ. Да по оговору жъ и по распросу пытаны верховые пѣвчіе, которые были вверху у царевны въ разныхъ комнатахъ. И послѣ пытокъ тѣ пѣвчіе розданы разныхъ чиновъ людямъ съ росписками. Да въ тожъ время въ Преображенскомъ пытанъ полуполковникъ Василій Ильинъ сынъ Колпаковъ трижды, въ томъ же розыскномъ дѣлѣ, и освобожденъ. (*Зап. Желябужскаго 58—59*).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РОЗЫСКНАГО ДѢЛА

о Ѳ. Л. Шакловитомъ 1689—1692 года.

(Изъ рукописи, которая хранится въ С.-Пб. Археографич. Коммиссіи, заключаетъ въ себѣ болѣе 4,000 столбцовъ или листковъ съ актами и состоитъ изъ 10 свитковъ).

Свитокъ № 2-й.

Столбцы 1—2. *Показаніе татарина Кармашки Кутлубѣева 1691 г.* „Кеманъ де мурза приѣхалъ къ нему, князь Василью, въ обозъ въ другой рядъ самъ семъ; а для чего де приѣзжалъ, про то онъ не вѣдаетъ, для того что онъ былъ далеко. А иныхъ де татарскихъ писемъ, онъ къ князь Василью Голицыну не привозилъ. А что—де въ писмахъ татарскихъ, которые ему Кармашку чтены, писано, и тѣ де слова они межъ себя и сверхъ тѣхъ писемъ, какъ съѣзжались и Сулешевъ приѣзжалъ, говорили. А опричь де тѣхъ словъ, что у него сказано выше сего, ничего онъ Кармашко не вѣдаетъ. А какъ де мурза Сулешевъ приѣзжалъ къ князь Василью въ обозъ, и князь Василей де отъ Перекопа съ обозомъ поворотилъ назадъ, и тому де многіе люди дивились, для чего къ нему мурза приѣзжалъ, и для чего онъ, князь Василей, не чиня надъ Перекопью промыслу, поворотились назадъ. А писмо де, которое казалъ ему на копьѣ Бигилдей, а тотъ де татаринъ съ тѣмъ писмомъ уѣхалъ въ Перекопь тогожъ часа,—и то писмо отъ великихъ ли государей и что въ томъ писмѣ писано, про то онъ не вѣдаетъ....

3. А генваря въ 30 день Ивашку Тинбаеву съ татариномъ Кармашкомъ въ писмахъ, про которые въ роспросѣ сказалъ онъ Ивашка, что онъ Кармашка съ нимъ Иваномъ отъ Крымскихъ Татаръ взяли писмо и привезли въ обозъ къ князь В. Голицыну, и то писмо чолъ передъ нимъ, кн. Васильемъ, посольскаго приказу перевотчикъ Сулейманъ.... а то де писмо бросилъ къ нимъ тотъ же татаринъ Бигилдѣй.

4—8 (Матюшка Шошинъ въ атласномъ кафтанѣ возилъ письма).

....9—10. А марта въ 7 день донскихъ козаковъ войсковаго атамана Фрола Минаева да казака Микуля Ив. въ сказкѣ написано: на Дону де у нихъ Асташка Глистинъ да Обрашка Гусенько, да Изотка Тимофѣевъ въ козакахъ были. И въ 197 г. тѣ козаки заворовавъ, проигрався на зерни, измѣнили и побѣжали въ Озовъ, и увели у него Фрола козаковъ лошадей съ 40, и нынѣ де они обусурманились, живутъ въ Озовѣ. А Осташ-

ку—де Глистина во 197 г. на страстной недѣли послали они: въ Озовъ для того, что Озовцы отогнали у нихъ лошадей съ 1000 до договорнаго сроку, и чтобъ тѣхъ лошадей отдали..... А шалости де они за Осташкою какъ онъ былъ на Дону, никакой не видали.

11—12. 199 сент. 18. (Велѣно Кармашку Кутлубѣева отпустить въ Астрахань, Ивашку Тинбаева отпустить на волю, а по козакѣ Глистинѣ „собрать поручную запись, что ему до указу съ Москвы не съѣхать.")

13. *Прошенье бѣднаго и беззаступнаго козака Глистина:* „Сидѣлъ, государи, я холопъ вашъ въ разрядѣ за карауломъ многое время, и помиралъ томною голодною смертью; а нынѣ по указу свобоженъ на поруки, и скитаюсь по—подъ оконью и помираю томною голодною смертью, и нагъ и босъ; а вашего, в. государей, указу мнѣ бѣдному многое время нѣтъ, и на Донъ безъ вашего указу сволочься не смѣю, а призрить меня бѣднаго на Москвѣ некому, и пріютиться мнѣ бѣдному негдѣ и помираю голодомъ и холодомъ"‥.. Велите отпустить на Донъ и служить службу.

14—15. (199 нояб. 4 велѣно отпустить).

16. *О старцѣ Іосифѣ.* А въ роспросѣ 8 янв. 199 г. тотъ старецъ сказалъ: „отецъ де у него былъ романовской татаринъ Богданъ Ахметевъ, а крещенъ де онъ старецъ въ православную христіанскую вѣру въ малыхъ летехъ, а воспріемникомъ де у него былъ романовской же помѣщикъ кн. Федоръ Вяземской (умре лѣтъ съ 15), а по крещеніи де жилъ у него лѣтъ съ 6, и отъ него де сшелъ въ костромс. у. въ вотчину боярыни Алены Борисовны Хворостининой въ с. Городище, что нынѣ то село за бояриномъ за кн. Бор. Ал. Голицынымъ, и поставя въ томъ селѣ часовню и келью, (при большой дорогѣ), жилъ въ бѣлцахъ лѣтъ съ 10. А изъ того села сошелъ въ Николаевскую пустыню Бабайскаго, того жъ костромс. у., что на р. Солицѣ и въ той пустынѣ постриженъ игуменомъ Антоніемъ, лѣтъ съ 20 (и жилъ съ годъ); а иноческое де имя ему Іосифъ. И послѣ де того ходилъ по многимъ монастыремъ, жилъ въ Ярославлѣ въ Спасскомъ и въ Троиц. Сергіевомъ монастыряхъ и пробылъ недѣль съ 15. А билъ челомъ за него въ томъ монастырѣ бояринъ кн. Ив. Андр. Голицынъ, а къ нему де онъ былъ добръ для того, что онъ прихаживалъ къ нему почасту для милостыни. И послѣ того въ Корнильевѣ мон. посхименъ, а имя ему Іона. И послѣ того ходилъ по многимъ же монастырямъ, жилъ въ Дорофеевѣ пустынѣ углицкаго у. года съ 3, и подалъ челобитье отъ крестьянъ, за что помѣщики хотѣли его убить; былъ въ Соловецкомъ, Сійскомъ и Пертоминскомъ монастыряхъ, и пришелъ въ Еренской городокъ послѣ Покрова, и ночевалъ на постояломъ дворѣ ночь; и тогожъ де дни ходилъ онъ къ церкви, и невѣдомо де какой человѣкъ лѣтъ въ 25 стрѣтился съ нимъ на дорогѣ и сказался — Ивашкою зовутъ и говорилъ ему, откуда де ты идешь? И онъ де ему сказался, что живалъ на Москвѣ и въ пустыняхъ; и тотъ де человѣкъ учалъ ему говорить: возможноль де тебѣ побывать у князь В. Голицына? — И онъ де съ тѣмъ человѣкомъ пошелъ къ нему кн. Василью, гдѣ стоитъ; и какъ де онъ къ нему пришелъ, и онъ де, кн. Василей, почалъ его спрашивать: откуда де ты, — и онъ де ему сказалъ, что онъ по крещенію Вяземской; и онъ ему сказалъ, что де онъ его знаетъ и видалъ де его у Матвѣя Степ. Пушкина. И онъ де старецъ ему сказалъ, что онъ и у него, кн. Василья на дворѣ при матери его бывалъ. И говорилъ ему старцу кн. Василью: знаешь ли де ты брата моего кн. Б. Алексѣевича? И онъ де чернецъ ему сказалъ, что его

и дворъ его знаетъ. И онъ де Василей говорилъ ему, выславъ людей, которые передъ нимъ 2 человѣка стояли: скажи де ты кн. Борису Алекс., что ему кн. Василью зѣло стало скорбно, что де его хотятъ казнить, и пожитковъ отбылъ, и чтобъ де онъ его, кн. Василья, поберегъ до году, а в. государю Петру Ал. только годъ жить. А почему де онъ знаетъ, того онъ чернецъ, не вѣдаетъ. И онъ де ему сказалъ, что онъ на Москвѣ будетъ, и кн. Борису Ал. тотъ его приказъ скажетъ; и онъ де далъ ему денегъ 40 ал. въ милостыню, и обѣщалъ ему: какъ де я буду на Москвѣ во времени, и я де тебя построю въ келари въ Троицкій монастырь, и отпустилъ его и приказалъ, чтобъ онъ того опричь кн. Бориса Ал. никому не сказывалъ. И онъ де пришедъ къ Москвѣ сталъ въ Новой слободѣ за Тверскими вороты, за землянымъ городомъ тое слободы у теглеца у Ив. Григорьева. И генв. де въ 7 числѣ въ часъ ночи пришелъ онъ на дворъ къ боярину ко кн. Б. Ал. Голицыну; и человѣкъ де его, кн. Бориса Ал., вышедъ къ нему, сказался конюшей, и спросилъ его старца: откуда де ты? И онъ де ему сказалъ, что онъ отъ кн. Василя, и чтобъ онъ объ немъ сказалъ кн. Борису Ал. И тотъ де человѣкъ привелъ его въ полаты передъ кн. Борисомъ Ал.; и онъ де чернецъ говорилъ ему кн. Васильевы слова, что ему приказывалъ къ нему, кн. Борисъ Ал., чтобъ онъ его кн. Василья поберегъ; а онъ де имъ пригодится: в. государю Петру Ал. только жить годъ. И онъ де кн. Борисъ Ал. спросилъ его: почему де ты то знаешь? И онъ де ему сказалъ, что онъ пришелъ съ тѣмъ отъ князь Василья.

Да у негожъ старца взята трава въ сумужкѣ да 3 писма, да на постояломъ его дворѣ мѣшокъ посконной съ рухледишкою его; а въ томъ мѣшкѣ въ дву узолкахъ завязано: въ одномъ 2 куска хлѣба, въ другомъ—песокъ. А по осмотру — одно писмо челобитная черная, а 2 писма писаны къ Григорью Өедорову сыну, да къ Ив. Данилову сыну; и про тѣ писма, и про траву и про узолки онъ старецъ сказалъ: челобитная де писана въ чернѣ о церковной потребѣ; а дали де ему тое челобитную Важескаго монастыря строитель; а писма де писаны къ гостямъ къ Григорью Шустову да къ Ив. Панкратьеву о дачѣ на церковное строенье въ Николаевскую Бабаевскую пустыню; а траву де онъ пьетъ отъ грыжи, а песокъ де онъ взялъ въ Ярославлѣ въ Спасскомъ мон. отъ гроба чудотворца Трифона для исцѣленія скорбей. А въ другомъ узолкѣ 2 части артуса; а взялъ тѣ части въ Соловецкомъ монастырѣ и возилъ съ собою для причастія, гдѣ случится въ пути смертной часъ; и ему де тѣ части отецъ его духовной того Соловецкаго мон. черной попъ Іона велѣлъ принимать въ причастіе.

20. А и вышеписанной травы въ бумажкѣ осматривали аптекарскаго приказу аптекари—Крестьянъ Крестьяновъ да Ив. Яковлевъ; а по осмотру сказали, что они тое травы не знаютъ для того, что та трава истерта."

На негожъ князь Василя и на сына его Алексѣя въ роспросѣ вора и измѣнника Федки Шакловитова и единомышленниковъ его, которые по розыскному дѣлу явились написано:

21. Какъ были полскіе послы въ то время, какъ учинился вѣчной миръ, и в. государыня царевна приказывала ему Федкѣ, что имя еѣ, в. государыни, писать обще съ в. государи, и онъ Федка послѣ того еѣ приказу мешкалъ дни съ три. И изъ посолскаго приказу прислана въ разрядъ память; а въ той памяти написано имя еѣ в. государыни обще съ в. государи; а съ той памяти стали въ городы посылать грамоты; и онъ

съ того числа приказалъ площаднымъ подъячимъ въ челобитныхъ и въ приказѣ, еѣ в. г-ню писать же. И какъ послѣ того в. государыня благовѣрная царица была у болшихъ царевенъ, и изволила говорить: „для чего учела она, в. государыня, съ в. государи обше писаться? и у насъ де люди есть, и того дѣла не покинутъ.“ Отъ того и почало быть опасеніе. И изъ походу Троицкаго монастыря писалъ къ нему Федкѣ кн. В. Голицынъ, что Гаврило Ив. Головкинъ привелъ въ верхъ дву человѣкъ, невѣдомо какихъ людей; а в. государь Петръ Ал. въ то время былъ на Москвѣ. А вѣдомо де ей в. государынѣ въ Троицкомъ монастырѣ учинилось, что тѣ люди говорятъ, чтобъ быть ему в. государю одному, и чтобъ ему Федкѣ о томъ провѣдать; и оттого она в. государыня была опасна жъ. А въ которые времена стрѣльцы для такогожъ опасенія были въ сборѣ въ городѣ, а не для бунтовъ, а про тѣ сборы и про нынѣшней послѣдней сборъ авг. противъ 8 числа кн. В. Голицынъ вѣдалъ же. А про в. государя Петра Ал. у него Федки и у кн. В. Голицына умыслу не бывало. А невѣдомо де чрезъ какіе слова въ верху носилось, что онъ в. государь недолговѣченъ. А про в. государыню, благовѣрную царицу Наталью Кириловну, начались слова чтобъ еѣ убить съ Куземкиныхъ словъ Чермнова, и чрезъ разговоры они говаривали, чтобъ еѣ убить, и чтобъ въ Преображенскомъ зажечь, толко на мѣрѣ не стало. А кн. В. Голицынъ о томъ вѣдалъ и говорилъ: для чего де еѣ, в. государыню, и въ 90 году не убили? Если бы въ то время уходили, ничегобъ не было. А чтобъ в. государынѣ вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, тому дѣлу начатокъ учинился не отъ него Федки, и не отъ князь В. Голицына, а чаятъ, что отъ иноземцовъ, а подлинно не вѣдаетъ. И ему де Федкѣ о томъ в. государыня говорила, чтобъ поговорить съ стрѣльцами и онъ съ стрѣльцами говорилъ; и на то дѣло многіе стрѣльцы и поступили было; толко кн. В. Голицынъ не вѣдалъ и былъ на службѣ, и чрезъ почту къ нему посылано письмо, и онъ писалъ, что тому дѣлу удивляется и насилу пришелъ въ память, что то дѣло необычайное. А постельницы Сенюкова и Нелидова къ в. г. царевнѣ прихаживали по часту и слова принашивали. А совершенно тѣ сборы были для опасенія, а не для бунта. А въ Коломенской и въ нынѣшней (?) сборы стрѣльцовъ сбирать приговаривалъ кн. В. Голицынъ и чтобъ изъ Троицкаго монастыря изъ походу стрѣльцовъ человѣкъ десятокъ другой подговорить, и то приговаривалъ онъ, кн. Василей для того, чтобъ на то смотря иные бѣжали. А какъ—де они стрѣльцы побѣгутъ, чаять де и в. государь будетъ къ Москвѣ, и на Москвѣ де сойдутся и межъ собою изволятъ переговорить.

23. На негожъ князь Василья въ роспросѣ Антошка Муромцовъ сказалъ: бывшій де истопникъ Стенка Евдокимовъ стрѣлцовъ Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова съ товарыщи взводилъ въ верхъ на площадку къ Воскресенію къ комнатѣ в. государыни царевны и в. княжны Софіи Ал. А бывало де ихъ стрѣлцовъ человѣкъ по 10 и болши. А при ней де в. государынѣ въ то время бывалъ кн. В. Голицынъ. (*Евдокимовъ подтвердилъ на очной ставкѣ*).

24. (Оброська Петровъ показалъ, что Шакловитый его посылалъ къ Голицыну, чтобы онъ пріѣхалъ къ Казанской Богородицы, гдѣ была у всенощной Софія авг. 8; но ему сказали, что Голицынъ *неможетъ*; Ѳедька ѣздилъ самъ къ нему за часъ до свѣта и пробылъ полчаса).

25. (Указъ — допросить Голицыныхъ).

26. И потому великихъ государей указу, они князь Василей и князь Алексѣй роспрашиваны; а въ роспросѣ противъ тѣхъ статей сказали:

1. Какъ де съ полскимъ королемъ учинился вѣчной миръ и отъ великіе де государыни, благовѣрные царевны, указу ему князь Василью, чтобъ писать еѣ, великую государыню обще, не было. А будетъ де какіе памяти въ приказъ посланы, и тѣмъ памятямъ въ посолскомъ приказѣ есть отпуски или нѣтъ, того де сказать не упомнитъ. А въ Кіевъ де великихъ государей грамота послана, чтобъ печатать въ книгахъ имя еѣ великіе государыни обще по ихъ, великихъ государей, указу; а площаднымъ подячимъ писать онъ не приказивалъ, потому что они въ посолскомъ приказѣ не вѣдомы. А будетъ де какіе ихъ, великихъ государей, указы и есть, и то де онъ дѣлалъ по ихъ, великихъ государей, указу, общему, а не собою.

2. Изъ походу де изъ Троицкаго монастыря, въ прошлыхъ годѣхъ къ Федкѣ Шакловитому, что вѣдомо великой государинѣ, благовѣрной царевнѣ учинилось, что Гаврило Ивановичь Головкинъ привелъ въ верхъ дву человѣкъ невѣдомо какихъ людей; а тѣ де люди говорятъ, чтобъ быть одному великому государю, онъ, князь Василей, не писалъ, и того дѣла не слыхалъ.

3. Въ которые времена стрѣльцы, такжѣ и августа противъ 8 числа 198 году были въ сборѣ про то де онъ не вѣдалъ, и августа де противъ 8 числа ночевалъ дома; а слышалъ де, что великая государыня, благовѣрная царевна тое ночи изволила ходить молиться у Казанской Богородицы.

4. Про великаго государя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ верху черезъ какіе слова носилось, что онъ, великій государь, не долговѣченъ, николи не слыхалъ.

5. Про великую государыню, благовѣрную царицу и великую княгиню Наталію Кириловну, какъ умышлялъ Федка Шакловитой и чрезъ могіе разговоры говаривалъ съ Куземкою Чернымъ, чтобъ имъ, великую государыню, убить, съ Федкою Шакловитымъ разговоровъ у него не бывало, и Куземки не знаетъ.

Столб. 38. 6. Да Федка Шакловитой умышлялъ—въ Преображенскомъ зажечь, и въ тобъ время великую государыню, благовѣрную царицу и великую княгиню Наталію Кириловну убить, съ нимъ не говаривалъ, и про то де онъ ничего не вѣдаетъ.

7. Про нее жѣ, великую государыню, для чего де еѣ въ девяностомъ году не убили, и естлибъ де въ то время еѣ уходили, ничего бъ не было; и онъ де такихъ словъ Федкѣ не говоривалъ же.

8. Какъ де великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна приказывала Федкѣ Шакловитому, чтобъ ей вѣнчатся царскимъ вѣнцомъ, и что онъ тому дѣлу удивляется, и насилу въ память пришелъ, что то дѣло необычайное; къ нему де о томъ онъ, чрезъ почту Федка не писывалъ; а будетъ есть его, князь Васильево, къ нему Федкѣ, какое писмо, чтобъ великіе государи указали ему то писмо показать какъ въ немъ писано.

9. Въ Коломенскомъ, и августа противъ 8 числа стрѣлцовъ сбирать онъ, князь Василей, Федкѣ Шакловитому не приказывалъ, и великихъ государей и великіе государыни указа ему о стрѣльцахъ не бывало.

10. И нынѣшняго де Троицкаго походу, чтобъ стрѣлцовъ человѣкъ десятокъ другой подговорить, и чтобъ, на то смотря, иные бѣжали,—а какъ де стрѣлцы побѣгуть, чаятъ де и великій государь будетъ къ Москвѣ; а о томъ де онъ Федкѣ не говаривалъ, и Федкѣ не приказывалъ.

Столб. 30. *На князь Алексѣя Голицына*: стрѣлецъ Оброська Петровъ сказалъ: какъ де в. государыня Софія Ал. изволила быть въ Дѣвичьѣ монастырѣ, и въ 4 часу ночи изволила его Оброску съ товарищи призывать и сама имъ жаловалась на в. государыню Наталью Кириловну: и такъ де бѣда была, да Богъ сохранилъ, а нынѣ де опять бѣду зачинаютъ; — и говорила: „годны ль де мы вамъ? и буде годны, и вы за насъ постойте, а буде негодны, и мы де оставимъ государство.“ И они де ей в. государынѣ сказали: „повелѣніе твое исполнять готовы, и что велишь дѣлать, то и станемъ.“ И она де в. государыня изволила имъ говорить: „и вы де ждите повѣстки.“ А въ то де время при ней, в. государынѣ, были кн. Алексѣй Голицынъ да Федка Шакловитой, и тѣ слова они слышали. А въ роспросѣ онъ кн. Алексѣй сказалъ: въ Дѣвичѣ монастырѣ за в. государеню Софьею Ал., онъ кн. Алексѣй былъ и стрѣлцы де тутъ были жъ и в. государыня, что съ ними изволила говорить, того де онъ не вѣдаетъ, потому что изволила его послать по стулъ, на чемъ ей государынѣ сидѣть; а какъ стулъ принесъ, изволила немного посидѣть и итти, а словъ де никакихъ не слыхалъ.

31. Да ноября въ 5 день 198 г. вѣдомо в. государемъ учинилось, что къ нему кн. Василью, какъ онъ посланъ въ ссылку ѣздилъ на Вологду столникъ кн. Михайло Кропоткинъ безъ ихъ в. государей указу, и отвозилъ къ нему золотые и писма. И въ роспросѣ онъ кн. Михайло сказалъ, что онъ къ нему, кн. Василью, ѣздилъ и писмо и золотые отъ в. государыни Софіи Ал. отвезъ, да и словесной де приказъ отъ нее къ нему съ нимъ, кн. Михайломъ, былъ. И доѣхалъ до его. кн. Василей онъ, кн. Михайло на Вологдѣ, и тѣ золотые и писма ему отдалъ на монастырскомъ Соловецкомъ подворьѣ и отъ него, кн. Василья писма къ ней, в. государынѣ и в. княжнѣ были жъ; а что де въ тѣхъ писмахъ отъ нее къ нему, кн. Василю, также и отъ него — къ ней было написано, и сколько счотомъ золотыхъ, того онъ не вѣдаетъ, для того что были запечатаны. И тѣ де его писма онъ, кн. Михайло сжегъ въ то число, какъ присланъ былъ по него капитанъ.

32—50—52. *(Слѣдуетъ 55 писемъ Голицына къ Шакловитому. Въ ркп. л. 476 на посл. стр. и 479—80; напечатаны въ I т. Ист. Рос. Устрялова, прилож. № VII, стр. 346—356).*

54. *Продолженіе дѣла о извѣтѣ старца Іосифа. На л. 481. въ концѣ столбца 61 написано:* „И онъ де кн. Борисъ Ал. спросилъ его: умѣешь ли ты полатыни, и не ты ли подмѣтывалъ подмѣтные писма? И онъ де ему сказалъ, что по латыни не умѣетъ и писемъ не подметывалъ и не вѣдаетъ; а русской — де грамотѣ онъ не умѣетъ же.“

63. (*Дѣло объ—Іосифѣ Іонѣ подробнѣе*).

64. 199 г. генв. противъ 27 въ приказѣ розыск. дѣлъ Тихону Никит. Стрѣшневу подполковникъ Федоръ Айгустовъ сказалъ: стоитъ де онъ на караулѣ и часа за полтора до свѣта говоритъ ему чернецъ, чтобъ видеть боярина Стрѣшнева, „а есть де за нимъ государево дѣло,” а были тутъ подъячіе и караульные стрѣльцы, которые сказали, чтобъ видѣть ему Стрѣшнева.

65. „И тогожъ числа передъ бояриномъ передъ Т. Никитичемъ чернецъ Іосифъ сказалъ: что де онъ въ прежнемъ своемъ извѣтѣ сказалъ на князь Василья Голицына, что бутто онъ чернецъ, у него въ Еренску былъ и слова, которые бутто съ нимъ онъ, кн. Василей къ боярину ко кн. Борису Ал. приказывалъ чтобъ его кн. Василья поберечь, и про в. государя Петра Ал., что ему жить только годъ, — и то де все онъ чернецъ, на него кн. Василья затѣялъ и сказалъ напрасно; а у него де, кн. Василья, онъ не былъ и словъ никакихъ онъ, Василей съ нимъ старцомъ, къ князь Борису и ни къ кому не приказывалъ, и его — де князь Василья онъ не видалъ."

(*И генв. 29 просилъ старецъ видѣть Петра Ал. что передъ ними онъ скажетъ всю правду; а Т. Н. Стрѣшневъ сказалъ, что онъ все донесетъ в. государямъ, если чернецъ ему скажетъ*).

67. „И старецъ сказалъ: былъ де онъ, старецъ, у г. Архангельскаго во 199 г. послѣ Покрова, а къ городу де шелъ онъ изъ Крестнаго монастыря, а у города де сшедъ съ гостина двора, стоялъ на мосту у решетки; и пришедъ де къ нему, старцу, невѣдомо какой человѣкъ, а говорилъ съ нимъ порусски; а по рѣчи де знатно, что онъ иноземецъ. А сказывалъ ему, чтобъ онъ шелъ къ Москвѣ и извѣстилъ бы в. государемъ отъ кн. В. Голицына: па Москвѣ великая смута будетъ и въ хоромехъ де государевыхъ учинится пожаръ; и будетъ де отъ того пожару в. государя Петра Богъ сохранить, и онъ де будетъ жить многіе лѣта. А въ Еренскѣ де былъ онъ мимоходомъ на часъ; а кн. де Голицына онъ не видалъ и па дворѣ у него не былъ. А на улицѣ де невѣдомо какой человѣкъ лѣтъ въ 20 или болше, борода сѣчена, въ суконномъ синемъ или въ зеленомъ кафтанѣ, сказался кн. Васильевъ человѣкъ Голицына, Ивашкою зовутъ, говорилъ ему, чтобъ онъ на Москвѣ сходилъ къ Борису Голицыну.... А что говорилъ, что былъ у кн. Василья и съ нимъ говорилъ, и то де онъ старецъ на него сказалъ для того, что онъ кн. Василей ссылалъ его въ ссылку дважды за то, что у него дѣло было въ помѣстномъ приказѣ, какъ онъ старецъ былъ въ Дорофѣевѣ пустынѣ." (*Февр. 3 розстрига Ивашка „въ застѣнкѣ у пытки съ пристрастіемъ роспрашиванъ."*) Въ разпросѣ показалъ прежнія рѣчи; а онъ сдѣлалъ другое показаніе потому, что „приходили къ нему два человѣка въ тафяхъ и угрaживали ему пытками." Одинъ кн. Борисъ Голицынъ, а другой съ нимъ щедровитъ, а на караулѣ былъ подполковникъ Айгустовъ, который показалъ, что Борисъ Голицынъ приходилъ съ Фед. Юрьев. Ромодановскимъ, „а такихъ де словъ ему не говорилъ."

71—85. Февр. 7 велѣно допросить Голицыныхъ объ извѣтѣ Іосифа и о пріѣздѣ Кропоткина и что писано скрытымъ писмомъ, азбуку взять и про Кармашку разспросить „Да и князь Алексѣя Голицына указали в. государи распросить же: въ грамоткѣ своей писалъ онъ къ отцу своему, кн. Василью, въ Крымской походъ, что—де „вѣтры у насъ тихи, дай Богъ и впредь такъ." И онъ, кн. Алексѣй въ той грамоткѣ своей о какихъ вѣтрахъ писалъ, и что тѣмъ вѣтрамъ тишина и кто ему такимъ скрытымъ писмомъ писать приказывалъ?

98. Полковникъ Андрей Нармацкой 198 г. сказалъ: „Авг. де въ 8 день 198 г. стоялъ онъ на Москѣ па стѣнномъ караулѣ въ Верху съ полкомъ своимъ. И тогожъ де числа кн. В. Голицынъ за часъ до вечера шелъ съ Верху, а приказалъ ему Андрею записать указъ въ книгу, чтобъ запи-

рать ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, какъ пробьетъ часъ ночи; а отпирать за часъ до свѣта. А знатныхъ людей велѣть пропускать по прежнему." (*Разспросить Голицына*).

103. Въ грамоткахъ Голицына къ Шакловитому написано: „поносные слова на в. господина св. Іоакима патріарха московскаго и на бояръ и на ближнихъ людей; а иные многіе строки и слова приписывалъ невѣдомо какимъ писмомъ своею жъ рукою; а перевесть и прочесть того писма никто не умѣетъ."

121. „Да окт. въ 11 числѣ прошлаго 198 г. въ посольскомъ приказѣ явился выходецъ изъ полону изъ Озова, донской козакъ Осташка Даниловъ сынъ Глистинъ, и въ посольскомъ приказѣ въ роспросѣ сказалъ: Азовской де бѣй посылалъ его, Осташку, съ Татары въ Крымъ для роспросу вѣстей про московскихъ ратныхъ людей. И какъ де онъ былъ въ Перекопи, и ему де Осташкѣ сказывали измѣнники донскіе козаки — Обрашка Гусенко да Изотка Тимофѣевъ, что прислано отъ салтана турскаго къ хану крымскому въ Перекопь, передъ приходомъ подъ Перекопь царскаго величества ратныхъ людей незадолго, князь В. Голицынъ двѣ болшіе куфи золотыхъ червоныхъ для того, чтобъ онъ, не чиня разоренья Крыму, возвратился съ полки назадъ. И ханъ де велѣлъ у 15 бочекъ величиною вѣдръ по 10, снявъ обручи и вынявъ дна, средину наливъ смолою, и насыпавъ на другіе дна сверху по немногу золотыхъ червоныхъ, вдѣлывали дна по прежнему. И по пересылкамъ де отъ хана для тѣхъ золотыхъ ввечеру поздо, ѣздилъ къ хану Венедихтъ Змеевъ; и взявъ тѣ золотые, той же ночи онъ кн. Василей съ полки поворотилъ назадъ и щиты, которые изготовлены были къ приступу, велѣлъ пожечь. Да онъ же Осташка сказалъ: какъ де его изъ подъ Перекопа привезли въ Озовъ къ бею по прежнему назадъ, и при немъ де Озовской бей сбирался въ Крымъ, и передъ походомъ своимъ за день на дворѣ своемъ въ чюланѣ съ тремя человѣки агами изготовили 3 бочки же такимъ же подобіемъ, 3 бочки жъ съ смолою жъ и съ золотыми, величинною ведръ по 5, такимъ же подобіемъ, слово въ слово, какъ и ханъ сдѣлалъ; и говорили они бей и аги межъ себя, что они тѣми бочонками окупать головы свои, а гдѣ — де окупать подъ Крымомъ ли или гдѣ индѣ, о томъ они межъ себя не говаривали. А какъ де тѣ золотые въ бочки съ смолой задѣлывали, и онъ де Осташка съ инными невольники малоросійскихъ городовъ съ жители, самъ—четвертъ, то все видѣли сами; и на другой— де день бей съ войскомъ пошолъ въ Крымъ и тѣ бочки взялъ съ собою; и при немъ Осташкѣ въ Озовъ не бывалъ, и кому де тѣ бочки съ золотыми и съ смолою отдалъ, того онъ не вѣдаетъ."

124. *Въ извѣтѣ капитана стрѣлецкаго Сапогова написано*: Во 197 г. „изъ подъ Перекопи кн. В. Голицынъ съ товарищи поворотилъ невѣдомо для чего, а подъ Перекопью де промыслъ чинить ему было мочно; и нужды никакой ратнымъ людямъ съ 1-го дни не было. А посылалъ кн. Василей отъ себя изъ полку астраханскаго татарина Кармашка да съ нимъ человѣка своего Ивашка Тинбаева для переговору подъ Перекопью (125). А послѣ де того ѣздилъ околничей Венедихтъ Андреев. Змеевъ да стольники кн. Яковъ да кн. Борисъ княжъ Федоровы дѣти Долгорукіе, и переговаривали съ Крымцы тайно, а что—того никто не вѣдаетъ, и оставили де въ аманатахъ Илью Змеева. А отъ Перекопи пріѣхалъ ночью Еманъ мурза Сулешевъ, и поутру де часу въ другомъ дни они кн. Василей съ товарищи отъ Перекопи отступили и отошедъ версты съ 4, прислалъ Еманъ Суле-

шевъ, гдѣ они, кн. Василей, остановятся, и онъ де сказалъ: станетъ де онъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кормъ будетъ. А послѣ де того Крымцы выходили и разныхъ людей рубили, а славу кн. Василій такую учинилъ, бутто съ Крымцы мирно и договоръ, (126). А какъ де идучи отъ рѣчки Мерла, послалъ онъ къ Москвѣ стрѣлцовъ изъ всѣхъ полковъ, которые были въ болшомъ полку, и велѣлъ де имъ сказать, бутто онъ отъ Перекопи отступилъ для того, что де 12 дней воды не было; а подъ Перекопью де онъ стоялъ толко одну ночь, и водяной нужды никакой не было."

А человѣкъ Голицына Ив. Тинбаевъ сказалъ: Во 194 г. подъ Перекопомъ стояли сутки, и его съ Кармашкомъ посылалъ Голицынъ да съ переводчиками Петромъ Татариновымъ и толмачомъ Полуехтомъ Кучумовымъ; а для чего посылалъ, того онъ не сказалъ. И отъѣхали де они отъ табору съ полверсты, и въ томъ де мѣстѣ на бугру стоитъ столникъ кн. Борисъ Долгорукой съ ротою; и увидя его Ивашка призвалъ къ себѣ и говорилъ: „мочно-ль де намъ биться, а кн. Василей де намъ биться велѣлъ." Ивашка ему сказалъ: „какъ де ты хочешь," а имъ де слышно, что пересылка межъ ими о миру; а вѣдомо де ему о той пересылкѣ потому, какъ де кн. В. Голицынъ пришелъ къ Перекопи и онъ посылалъ татарина Кармашку изъ обозу, и какъ де Кармашка пошелъ въ обозъ, и Голицынъ велѣлъ ему Ивашку Кармашка спросить, что де написалъ переводчикъ Сулейманъ, то де писмо онъ привязавъ на стрѣлу, въ полки татарскіе выстрѣлилъ ли? а что де въ томъ писмѣ написано, того онъ не вѣдаетъ. И онъ Кармашка сказалъ, что то писмо выстрѣлилъ,— и тѣ слова Ивашка Голицыну сказалъ. И Голицынъ Кармашка спрашивалъ: что де тебѣ отвѣтъ учинили татара крымскіе? И онъ сказалъ: котораго де часа онъ подъ Перекопью станетъ, и онъ бы де тогожъ часа Кармашку къ нимъ прислалъ. А у кн. Г. Долгорукова онъ постоялъ самое малое число и отъ него поѣхалъ къ нимъ, Кармашку съ товарищи, и наѣхалъ его, съѣзжается съ татарами; а татаръ де въ виду было человѣкъ съ 30 или болши; а чаютъ-де и иные были въ скрытѣ по низкимъ мѣстамъ. И съѣхався де съ татарами говорилъ онъ Кармашка, что де Крымской ханъ противъ писма, каково выстрѣлилъ Кармашка, отповѣдь велѣлъ учинить; и они ему сказали: Ханъ де и Батырь ага, прислали— „на начинающего де Богъ, почто де посланъ, буде мочь есть дѣлай." И Кармашка де имъ говорилъ: за тѣмъ де дѣло не станетъ, будетъ де вы противъ того писма отповѣди не учините, и мы де по воли великаго Бога и по указу в. государей вашу бусурманскую землю въ одинъ день пройдемъ сквозь." И они де татаровя дали имъ писмо; и они де то писмо у нихъ взяли и привезли къ кн. В. Голицыну, и то писмо челъ предъ нимъ посолскаго приказу переводчикъ Сулейманъ. А въ томъ писмѣ написано: „на зачинающаго де Богъ; биться, инъ биться, а мириться, инъ мириться." А въ тое де время, какъ то писмо чтено, были Левонтей Неплюевъ, окольничей В. А. Змеевъ, стольникъ кн. Я. Долгоруковъ. И кн. В. де Голицынъ тогожъ часа послалъ ихъ, Кармашку да переводчиковъ Петра Татаринова да Полуехта Кучюмова да его Ивашка Тинбаева, а приказалъ имъ: „поѣзжайте не мешкавъ, и тое де писмо не въ писмо, приехалъ бы де къ нему, кн. Василью отъ хана знатной другой или третей человѣкъ для договору, на чемъ миръ положить." И они де съ тѣмъ къ татаромъ ѣздили и тѣ слова кн. Васильевы слова сказывали. И они де татаровя имъ сказали: за тѣмъ де у хана ихъ не станетъ; посовѣтовавъ де съ Батырь агою, тотчасъ къ нему, кн. Василью, пришлетъ кого ханъ изво-

литъ. И они де тѣ ихъ слова ему сказали. И Кармашка кн. Василью говорилъ: „не держите де меня, отпустите. Я де стану посматривать, гдѣ они приѣдутъ.“ И поѣхалъ онъ въ свой полкъ къ Вас. Дмитрееву. А то все дѣло дѣлано въ день. И тогожъ числа ввечеру часы въ отдачю или часъ ночи на урѣченное мѣсто, не доѣзжая отъ Перекопа до Кургана, приехалъ изъ Крыму Кеманъ мурза Сулешевъ, и о приѣздѣ его кто Кн. Голицыну сказалъ, про то онъ не вѣдаетъ. И кн. Вас. Голицынъ къ нему Сулешеву навстрѣчю послалъ царедворцевъ, а кого имяны и многоль человѣкъ, того онъ не упомнитъ. Толко въ томъ числѣ посыланъ былъ Андрѣй Бор. Змеевъ, а что имъ приказалъ дѣлать, того онъ не вѣдаетъ же. Толко де приѣхавъ отъ него Кемана мурзы А. Змеевъ сказывалъ кн. В. Голицыну, что его Кеманъ подарилъ гнѣздо стрѣлъ и говорилъ князю Андрѣй: „Кеманъ де мурза Сулешевъ говорилъ, чтобъ прислать къ нему кого знатного человѣка, кому вмѣсто его быть въ оманатахъ и чтобъ его изъ товарищевъ его кн. Васильевыхъ кто встрѣтилъ, съ кѣмъ бы было ему въ обозъ приѣхать. И кн. де Василей къ Кеману послалъ на встрѣчю боярина А. С. Шеина, товарища своего, стольника кн. Ѳедора княжъ Юрьева сына Барятинскаго. И онъ де къ Кеману на встрѣчю ѣздилъ и въ оманатахъ вмѣсто его Кемана оставленъ былъ Илья Змеевъ да астраханскій татаринъ Кармашка; а съ кн. Барятинскимъ ѣздили переводчики Петръ Татариновъ да Полуехтъ Кучюмовъ. И взяли Кемана и привезли въ обозъ къ кн. В. Голицыну. А бояря и воеводы болшого и сходныхъ полковъ: А. С. Шеинъ, Б. П. Шереметевъ, кн. Вл. Д. Долгорукой, Л. Неплюевъ, В. А. Змеевъ и товарищи всѣ да гетманъ И. Ст. Мазепа. И говорилъ онъ кн. В. Голицынъ гетману и бояромъ и воеводамъ и товарищемъ всѣмъ, чтобъ они въ то время какъ придетъ К. м. Сулешевъ не вставали и шапокъ не сымали: я де ихъ обычай знаю, они де и къ Москвѣ приѣзжаютъ, а шапокъ не снимаютъ.“ И какъ де онъ Кеманъ пришелъ, и они де бояря и воеводы дали ему кресла, гдѣ ему сѣсть. И что Сулешевъ говорилъ, того онъ не вѣдаетъ для того, что его выслали. А переводилъ тѣ слова... Сулейманъ, а переводчики Татариновъ и Кучюмовъ были тутъ же. И былъ де онъ у бояръ и воеводъ часа съ 3 и отпустили де по прежнему; а провожали де его кн. Ф. Барятинскій да А. Змеевъ съ товарищи; а съ Л. де Неплюевымъ К. мурза видались и называлъ его Левонтья *Кардашемъ*, а по русски братомъ. А то де все дѣлалось ночью. И по утру де во 2 часу дни поворотились они обозами отъ Перекопи назадъ. (134). И онъ Кеманъ приѣхалъ къ кн. В. Голицыну въ обозъ, а въ омонатехъ вмѣсто его оставленъ былъ Ф. Стремоуховъ. И какъ Кеманъ приѣхалъ, и князь ему говорилъ: „что де ты противъ вчерашнихъ словъ отъ хана вѣстей привезъ? И онъ де Сулешевъ ему сказалъ: „полонянниковъ де назадъ отдать не можно для того, что многіе бусурманились, и тѣмъ де они... бываютъ и подданнымъ де хану пи... невозможно, и впредь де писать не бу... А о дани де, которую прежъ сего давали, чтобъ нынѣ давать.“ А князь сказалъ: „коли де ты нынѣ ничего не дѣлалъ и впредь де ты со мною не съѣзж... и говорилъ ему Сулешевъ: куды де ѣдешь, аль де ты назадъ поворотился?“ И князь сказалъ: поворотился де для конскихъ кормовъ. И Кеманъ уѣхалъ.

151—155. Велѣно окольничему Ив. Иванову и дьяку Автомону Ив. въ Еренскѣ сдѣлать допросы и сказать Голицынымъ: если будутъ запираться, „васъ роспросить съ пристрастіемъ, а людей вашихъ пытать.“

156—193. Допросные пункты подробные: 1, о старцѣ Іосифѣ 2, о писаніи титула Софіи въ 1686 г. 3, о приводѣ Головкинымъ 2 человѣкъ, на Верхъ 4, о приказѣ созвать стрѣльцовъ. «И изъ Троицкаго походу 197 г., чтобы стрѣльцовъ человѣкъ десятокъ—другой подговорить и чтобъ на то смотря иные бѣгали; а какъ стрѣльцы побѣгутъ, чаять де и в. государь будетъ къ Москвѣ, о томъ Федкѣ Шакловитому говорилъ ли? 5, О недолговѣчности Петра 6, убить Наталью Кириловну, вѣнчаться Софіи царскимъ вѣнцомъ 8, высылалъ ли къ Оброськѣ 8 авг. человѣка и что съ Өедкой мыслили 9, о приводѣ стрѣльцовъ на верхъ и для чего? Софія что имъ приказывала? 10, Почему велѣлъ Нармацкому запирать ворота? 11, О пріѣздѣ въ Вологду Кропоткина 12, о переговорахъ подъ Перекопью 13, о показаніяхъ Кармашки и Тинбаева 14, о томъ же 15, о Тинбаевѣ 16, о кеманъ-Мурзѣ 17, за чѣмъ ѣздили къ хану Змеевъ и Долгорукіе? Змеевъ взялъ ли золотые? людей рубили ль татары? 18, Около Мерла отпустили стрѣльцовъ и что наказывалъ? 19, Ханъ ночью былъ ли? 20, Какіе письма велѣлъ бросить къ татарамъ? Что писалъ Шакловитому скрытымъ письмомъ?" „И ворами, и бунтовщиками и своевольниками кого писалъ?', и проч. проч.

Свитокъ № 3-й.

Столбцы 1—90. *(Объ отобраніи имущества Голицыныхъ, лишеніи чести и боярства и ссылкѣ въ Каргополь).*

40—46. *Наказъ Скрябину.* Лѣта 7198 сент. въ 15 день в. государи Іоанъ Ал., Петръ Ал. велѣли столнику Павлу Мих. Скрябину ѣхать въ Каргополь и принять ему у столника Өедора Бредихина князь Василья и князь Алексѣя Голициныхъ, а принявъ ему ихъ кн. Василья и кн. Алексѣя оставить съ ними людей ихъ служилыхъ и поваренныхъ, и конюховъ и иныхъ работныхъ людей, всего 15 человѣкъ съ женами, а болше 15-ти человѣкъ людей ихъ отнюдь никого у нихъ не оставливать. А досталныхъ людей ихъ к. Васильевыхъ и к. Алексѣевыхъ всѣхъ, хотя буде, которые взяты были и изъ крестьянъ, отпустить на волю, а его кн. Василья и сына его кн. Алексѣя осмотрить, и переписать имянно золотыхъ и ефимковъ и денегъ, и каменья, и жемчугу и низанья и всякихъ вещей (ст. 41) и платья и судовъ золотыхъ и серебряныхъ, и всякого служилого заводу и конскихъ нарядовъ, и лошадей, и кореты, и рыдваны, и коляски и служилыя телѣги и иные всякіе припасы и поваренную посуду, а осмотря и переписавъ все имянно порознь по статьямъ, изъ тѣхъ ихъ кн. Васильевыхъ и кн. Алексѣевыхъ животовъ дать имъ и женамъ ихъ на пропитаніе изъ золотыхъ, и изъ денегъ, и изъ ефимковъ, и изъ платья и изъ посуды всего на 2000 рублевъ, а болше того никакихъ животовъ и золотыхъ, и денегъ и ефимковъ и иного ничего отнюдь не давать. А досталные ихъ кн. Васильевы и кн. Алексѣевы животы и денги и золотые, и ефимки, и низанья и платья, и посуду и иныя всякія вещи, и лошади, все что есть съ ними, и кареты, и рыдваны, и телѣги служилыя и всякую служилую рухледь и ружье все (42), что ни есть отобравъ, и учиня всему книги и всякими подлинными вѣдомостьми, отдать стол-

нику Өедору Бредихину, и съ тѣми со всѣми животами ѣхать ему Өедору къ в. государямъ къ Москвѣ, а самому ему Павлу, съ ними кн. Васильемъ и к. Алексѣемъ Голицыными ѣхать въ Пусто-Озеро, и взять к. Василья и кн. Алексѣя на ямскихъ подводахъ, а женъ ихъ въ рыдванахъ безо всякого молчанія; и дорогою нигдѣ не остановливаться и никуда ихъ не отпущать и смотрить за ними на крѣпко, чтобъ они въ дорогѣ и будучи въ Пустѣ-Озерѣ ни къ кому никакихъ писемъ тайно и явно не посылали, а въ дорогѣ, и на станѣхъ, и на дворехъ и въ Пустѣ-Озерѣ на дворехъ же, гдѣ будутъ поставлены, ставить ему караулы крѣпкіе, и приказать имъ съ великимъ подтвержденіемъ, чтобъ отнюдь никого къ нимъ не пропускали, и говорить съ ними никому тайно (43) не велѣли, гдѣ они станутъ ночевать, и съ ними въ тѣхъ избахъ ночевать капитаномъ поперемѣнно, а въ городѣхъ ко властямъ и къ воеводамъ и въ монастыри и ни къ кому отнюдь ихъ к. Василья и к. Алексѣя не отпущать, и въ деревни имъ никуды не заѣзжать. А буде въ дорогѣ къ нимъ станутъ пріѣзжать съ Москвы или изъ городовъ какіе знакомцы, или люди ихъ, или чьи иные люди, и тѣхъ пріѣзжихъ людей къ нимъ отнюдь не припускать, и держалниковъ ихъ Андрѣя Курбатова и иныхъ русскихъ и иноземцевъ, которые съ ними, и впредь къ нимъ никого держалниковъ ихъ не пропускать же также и въ Пустѣ-Озерѣ будучи, никого къ нимъ к. Василью и кн. Алексѣю не припускать же и писемъ никакихъ ни къ кому имъ самимъ писать не велѣть, также и къ нимъ писемъ никакихъ не отдавать. А буде къ нимъ кн. Василью и кн. Алексѣю учнутъ (44) присылать какіе писма, и тѣ писма принимать ему Павлу, и роспечатавъ осмотря присылать къ в. государямъ къ Москвѣ жъ, а у себя ему оставливать списки. А будучи имъ кн. Василью и к. Алексѣю въ Пустѣ-Озерѣ въ воскресенье и въ Господскіе праздники или въ иные дни, въ то время какъ они учнутъ ходить въ церквѣ Божіи, и ему Павлу съ ними къ церквѣ ходить самому и посылать капитановъ, и смотрить на крѣпко жъ, чтобъ къ нимъ никто не подходилъ же, или чего-бъ съ ними не говорили-жъ. А буде имъ Голицынымъ о какихъ дѣлахъ доведется бить челомъ в. государямъ и станутъ писать челобитные, и ему Павлу тѣ челобитные у нихъ принимать и осматривая посылать къ в. государемъ. А буде онъ Павелъ ихъ Голицыныхъ и ближе Каргополя въ которыхъ мѣстехъ доѣдетъ, и ему Павлу потому жъ обо всемъ учинить по сему ихъ в. государей указу, (45) и принявъ его ѣхать съ ними въ Пусто-жъ Озеро, а Өедору Бредихину съ животами потому ѣхать къ в. государямъ къ Москвѣ. А въ провожатыхъ за ними, кн. Голицыными, съ Өедоромъ Бредихинымъ посланъ капитанъ Дмитрей *Режневъ?* да стрѣльцовъ 20 человѣкъ да въ прибавку посланъ капитанъ же въ 30 человѣкъ стрѣльцовъ. *А одноконечно-бъ?* ему Павлу обо всемъ чинить по сему ихъ в. г. указу съ великимъ береженьемъ. А котораго числа ихъ Голицыныхъ у Өедора Бредихина приметъ и въ которомъ году и числѣ Өедоръ Бредихинъ къ Москвѣ поѣдетъ, и о томъ писать и животомъ ихъ Голицыныхъ книги въ тетратехъ за рукою подать въ разрядъ боярину Тихону Никитичу Стрешнему съ товарыщи. (46) А буде онъ, Павелъ учнетъ имъ Голицынымъ чинить въ чемъ какую понаровку, или животы-жъ оставитъ имъ больши указнаго числа 2000 рублевъ, или животы ихъ въ отпискѣ и въ присылкѣ не всѣ будутъ присланы, и зато быть ему отъ в. государей въ смертной казни безъ всякія пощады. А буде женъ ихъ Голицыныхъ съѣдетъ онъ Павелъ на дорогѣ, и ему Павлу

о осмотрѣ и о взятьѣ животовъ ихъ, и о томъ же учинить по сему ихъ в. государей выше писаному указу, а болши тому указнаго числа 2000 рублевъ, изъ животовъ имъ отнюдь ничего не давать же (л. 55—4).

47. Наказъ ему же.... Стольнику нашему Өедору Мартемьяновичу Бредихину. По нашему в. государей указу посланъ стольникъ нашъ Павелъ Михайловичъ сынъ Скрябинъ, а велено ему у тебя принять Голицыныхъ, а принявъ Голицыныхъ оставить у нихъ людей ихъ, служилыхъ, поваренныхъ, конюховъ, и иныхъ работныхъ людей всего 15 человѣкъ людей ихъ, отнюдь никого у нихъ не оставливать, а досталныхъ ихъ Голицыныхъ служ. и повар. и конюх. и работныхъ всѣхъ (48), хотя буде которые взяты были и изъ крестьянъ отпустить на волю, а ихъ Голицыныхъ осмотрѣть и переписать имянно золотыхъ и ефимковъ и денегъ, и каменье и жемчугу, и низанья, и всякихъ вещей, и платье, и судовъ золотыхъ и серебреныхъ и всякого служилаго заводу, и конскихъ нарядовъ, и лошадей, и кореты, и рыдваны и коляски, и служилыя телѣги, и шоры иные всякіе припасы и поваренные посуды, а осмотря и переписавъ все имянно порознь по статьямъ, и изъ тѣхъ ихъ Голицыныхъ животовъ дать имъ и женамъ ихъ на пропитаніе изъ золотыхъ и изъ денегъ и изъ ефимковъ и изъ платья изъ посуды (49) всего на 2000 рублевъ, да женамъ ихъ 2 рыдвана, а болши того никакихъ животовъ, и золотыхъ и денегъ и ефимковъ, и иного отнюдъ ничего давать не велѣно. А досталные ихъ Голицыныхъ животы, денги, золотые и ефимки, и низанья и платье и посуду, и иные всякія вещи, и лошади, все что есть съ ними, и кореты, и рыдваны и телѣги служилыя, и всякую рухледь, и ружье все что ни есть, отобравъ, и чиня всему книги совсякою подлинною вѣдомостью, отдать тебѣ и съ тѣми со всѣми животами ѣхать къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ, и ему Павлу съ нимъ Голицыными ѣхать въ Пусто-Озеро; а буде онъ, Павелъ ихъ (50) Голицыныхъ и ближе Каргополя въ которыхъ мѣстехъ доѣдетъ, и ему Павлу потому жъ обо всемъ велѣно учинить по сему нашему в. государей указу, и принявъ ихъ ѣхать съ ними въ Пусто-Озеро, а *тебѣ?* животами ихъ потому жъ ѣхать къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ. А буде женъ ихъ Голицыныхъ съѣдетъ онъ Павелъ на дорогѣ и ему Павлу, о осмотрѣ его взятьѣ животовъ ихъ потому жъ велѣно учинить, по сему нашему в. государей вышеписанному указу. И какъ къ тебѣ ся наша в. государей грамота придетъ и тыбъ объ отдачѣ Голицыныхъ съ женами и съ дѣтьми и съ людьми Павлу Скрябину, и опріемѣ животовъ ихъ Голицыныхъ и всякой рухляди, что писано *выше?* сего (51) и тѣмъ животомъ переписныя книги, и съ тѣми животами и съ книгами ѣхалъ къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ, а пріѣхавъ явился, и книги подалъ, и про животы обявилъ въ разрядѣ боярину нашему Тихону Никитичу Стрешневу.... Писанъ въ нашемъ в. Государя объѣздѣ въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7198 Сентября въ 15 день.

52. Отъ в. государей Іоанна и Петра отъ Троецкаго Сергіева монастыря, по дорогѣ до Переславля Залѣского и до Ерославля и до Вологды и до Пустозерскаго острогу, по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ отмѣны, чей кто нибудь, чтобъ есте давали столнику нашему Павлу Михайлову сыну Скрябину и съ прибавочнымъ 12 подводъ; а за тѣ подводы имали-бъ у него прогоны отъ Троецкаго монастыря до Тотмы, по нашему указу, а отъ Тотмы до Пусто-Озера давали бъ ему подводы

безъ *прогоновъ?* Писанъ къ нашемъ в. государя Петра, обѣздѣ въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7198 сентября въ день.

53. Отъ в. государей Іоанна и Петра. Отъ Ярославля по дорогѣ до Вологды и Пустоозерскаго острогу, по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ смѣны, чей кто нибудь, чтобъ есте давали подъ кн.язя Василья и подъ сына его князя Голицыныхъ съ женами съ дѣтми, и подъ людей ихъ 25 человѣкъ подводъ, а за тѣ подводы имали-бъ у нихъ прогоны отъ Ярослав ля до Тотмы, по нашему в. государей указу; а отъ Тотмы до Пусто-Озера давали-бъ подъ нихъ подводы безъ прогоновъ. Писанъ въ нашемъ в. государя обѣздѣ въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7198 Сент. въ 15 день.

82—90.... В. государямъ холопъ вашъ Панка Скрябинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ во 198 году по вашему в. государей указу, и по наказу за приписью дьяка Ивана Ляпунова, велѣно мнѣ, холопу вашему, быть въ приставяхъ у князь Василья да кн. Алексѣя, а принять ихъ у столника Ѳедора Бредихина въ тѣхъ мѣстехъ, гдѣ я, холопъ вашъ, въ дорогѣ ихъ съѣду, а принявъ, оставить съ ними людей ихъ служилыхъ и поваренныхъ, конюховъ, и иныхъ работныхъ людей, всего 15 человѣкъ съ женами и съ дѣтми, а досталныхъ ихъ людей отпустить къ Москвѣ, а животы ихъ, Голицыныхъ золотые и ефимки, и денги, и каменье и жемчюгъ и низанье, и всякія вещи, и платье, и суды золотые, и серебряные и всякой служилой заводъ, и конскіе наряды, и лошади, и кареты, и рыдваны, и коляски и служилыя телѣги, и шоры и иные всякіе припасы, и поваренную посуду осмотрить, а осмотря и переписавъ изъ тѣхъ ихъ Голицыныхъ животовъ дать (83) имъ и женамъ ихъ, и дѣтямъ ихъ на пропитаніе изъ золотыхъ, изъ ефимковъ и денегъ, и изъ платья, и изъ посуды всего на 2000 рублевъ, да женамъ ихъ 2 рыдвана, а досталные ихъ всякіе животы и лошади, и кореты и рыдваны, и телѣги служилыя, и всякую рухледь, и ружье отобравъ, и учиня всему книги со всякими подлинными вѣдомостьми, отдать столнику Ѳедору Бредихину, а мнѣ холопу вашему, съ ними Голицыными ѣхать въ Еренской городокъ; и везть ихъ на ямскихъ подводахъ, а женъ ихъ въ рыдванахъ, а держальниковъ ихъ Андрѣя Курбатова и иныхъ рускихъ и иноземцевъ, которые съ ними роспросить: для чего они безъ вашего в. государей указу съ ними поѣхали, и роспрося о томъ къ вамъ в. государямъ писать, а ихъ отдать за караулъ въ городѣхъ гдѣ пристойно, до вашего в. государей указу. А котораго числа ихъ Голицыныхъ и Ѳедора Бредихина я холопъ вашъ приму, и въ которомъ мѣсецъ и числѣ онъ Ѳедоръ къ вамъ в. государямъ къ Москвѣ поѣдетъ, а кто имяны Голицыныхъ людей съ ними и къ Москвѣ отпущены будутъ, и кто имяны крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей, и о томъ писать, и Голицынымъ животамъ книги въ тетратехъ и человѣка ихъ Кузёмку Крылова за карауломъ, и крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей прислать въ розрядъ. И сентября въ 23 день нынѣшняго 198 года (84) по вашему в. государей указу, я холопъ вашъ, Голицыныхъ изъѣхалъ въ ярославскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ Пречистыя Богородицы Толского монастыря въ слободкѣ Гавшинкѣ. И изъѣхавъ съ столникомъ съ Ѳедоромъ Бредихинымъ, всякіе ихъ Голицыныхъ животы, и лошади, и всякіе припасы переписали, а переписавъ, взявъ ярославцовъ посадцкихъ людей, велели оцѣнить въ правду, что чего стоитъ и по оцѣнкѣ государи, ярославцовъ посадцкихъ людей животы Голицыныхъ, платье и суды серебреные, и поваренную ру-

хледь, да изъ лошадей, коней и мериновъ 51 лошадь, дали Голицынымъ, да женамъ ихъ 2 кореты, да двои шоры и муштуки, потому въ ваше в. государей жалованьевъ указное число въ 2000 руб. животовъ ихъ по оцѣнкѣ не достало многого числа, а рыдвановъ ничего нѣтъ. А досталные возники, и кони и мерины 51 лошадь, и кореты, и коляски, и служилыя телѣги и шоры, и муштуки, и что по перепискѣ и по цѣнкѣ животовъ ихъ лошадей, и всякого борошню Голицынымъ дано, (85) и что отпущено и тому учин.... книги съ очискою за цѣновщиковыми и за моею, холопа вашего, руками, также и людемъ ихъ которые къ Москвѣ и съ ними отпущены, отдалъ я, холопъ вашъ, столнику Ѳедору Бредихину, и отдавъ принялъ у него Голицыныхъ, съ ними поѣхалъ въ Еренской сентября жъ въ 25 день, а держалниковъ ихъ Андрѣя Курбатова и иныхъ никого, и человѣка Куземки Крылова я, холопъ вашъ, у нихъ не заѣхалъ, а крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей никого съ ними нѣтъ, а животовъ Голицыныхъ, кромѣ того что обявилось въ книгахъ, ничего не сыскано. А велѣлъ государи, Голицыныхъ людемъ которые отпущены къ Москвѣ, явиться въ разрядъ боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищи. 198 сентября въ 18 день въ разрядъ изъ (86) приказу болшаго дворца на росходы денегъ 60 рублевъ. И изъ того числа въ расходѣ, дано на прогоны: Павлу Скрябину 10 руб., 31 ал. 4 ден., капитану Александру Блудову, которой съ нимъ Павломъ посланъ, 3 руб. 3 ал. Да съ капитаномъ съ Осипомъ Михайловымъ послано въ дорогу на жалованье стрѣлцомъ 30 чел. по рублю человѣку. И того 30 руб. которые посланы въ провожатыхъ за ссылочными стрѣлецкими женами. Да на прогоны жъ дано Иванова полку Цыклера стрѣлцомъ Микитѣ Суворову съ товарыщи 20 чел. 10 р. 22 ал. 4 ден. И того 55 р. 7 ал. 4 ден. А за тѣмъ въ остачѣ 4 руб. 20 ал. Павлу Скрябину (87) 100 р. дано изъ дворца, слобоцкихъ Борису Нетесеву 30 р. дано. Капитану, которой нынѣ посланъ, 5 р. дано, да ему жъ 10 р. дано изъ слобоцкихъ. Стрѣлцомъ 20 чел. по 3 руб. дано. И того 60 руб. Всего 205 рублевъ. Изъ (88) 200 рублевъ въ росходѣ: Павлу Скрябину 100 р. Александру Самойлову сыну Блудову 10 р. Въ разрядъ 60 руб. Всего 190 руб. А за тѣмъ въ остаткахъ 10 руб.

89... Отъ Россіи самодержцевъ столнику нашему Павлу Михайловичю Скрябину. Указали мы в. государи, у Голицыныхъ взять тебѣ переписныя книги всякимъ ихъ пожиткомъ, платью и ружью, и конскимъ нарядомъ, и прислать къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ въ разрядъ; потому что Андрей Семеновъ Протѣкинъ сказалъ, что ихъ взялъ онъ, кн. Василей. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ; и ты бъ у Голицыныхъ переписныя книги всякимъ ихъ пожиткамъ, платью и ружью и конскимъ нарядомъ, и всему что у него было, взялъ, да о томъ къ намъ в. государямъ писалъ, и тѣ книги съ кѣмъ пригоже прислалъ безъ мотчанья, а велѣлъ подать въ разрядъ боярину нашему Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищы. Писанъ въ нашемъ (90)... Россіи самодержца обѣздѣ въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7198 сентября въ 23 день. Такова послана съ московскимъ стремянного Иванова полку Цыклера стрѣлцемъ съ Пронькою Жижинымъ сентября въ 27 день. Дано ему 3 подводы, а на прогоны денегъ дано ему изъ мастерскіе палаты 3 руб. 17 ал. Дана ему подорожная до Переславля Залеского и до Ярославля, и до Вологды, и гдѣ съѣдетъ онъ его Павла, и назадъ до Москвы (л. 162—3).

93. Окт. 2. »Сказали князь *Василій* да кн. *Алексѣй Голицыны*: о книгахъ пожитковъ нашихъ, какъ мы по ихъ в. государей указу съ Москвы поѣхали въ Троецкой походъ, и книгъ съ собою не взяли да и имать ихъ въ то время не для чего было, потому ихъ государева гнѣва на себя не вѣдали, а записка домашняя рухляди нашей какой есть, осталась у насъ въ домишкѣ нашемъ въ той полатѣ, гдѣ лежала рухлядь наша. А о карлахъ въ грамотѣ в. государей написано, бутто со мною ихъ прислалъ гетманъ къ в. государемъ, и я у себя задержалъ. И гетманъ со мною ихъ не посылывалъ, а прислалъ по указу в. государей тому другой годъ, и о томъ имъ в. государемъ извѣстно, а велѣно мнѣ ихъ держать у себя до ихъ же в. государей указу.“

156. 198. Октября въ 7 день в. государямъ писалъ Павелъ Скрябинъ и прислалъ къ розыскному дѣлу Голицыныхъ дву человѣкъ карлъ, Дениску да Өедку Вахрамѣевыхъ, и тѣ карлы роспрашиваны. А въ роспросѣ они сказали: родились де они въ Черниговѣ; а отецъ де ихъ былъ черниговской мещанинъ, Вахрамѣемъ звали; и отецъ де ихъ умре, а мать ихъ живетъ въ Батуринѣ у гетмана; и послѣ де отца ихъ, гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа взялъ ихъ къ себѣ, тому нынѣ 3-й годъ, и прислалъ ихъ Голицыну. А у гетмана де жили они съ недѣлю. А какъ Голицынъ поѣхалъ въ походъ въ Троецкой монастырь, и они де въ то время были на Москвѣ на дворѣ Голицына. А какъ де жена его кн. Васильева побѣжала съ Москвы, и ихъ Дениску и Өедку взяла съ собой и привезла къ нему, Василью, а въ которой городъ, того они не знаютъ. И были де они у него кн. Василья дни съ два или съ три; и послалъ ихъ онъ напередъ себя на Вологду съ человѣкомъ своимъ съ Дмитреемъ Гавриловымъ (Л. 144).

184—189. *Письма Голицыныхъ.* Великимъ государямъ бьютъ челомъ холопи ваши, Васка да Алешка Голицыны. По вашему указу допрашивали насъ столники Павелъ Скрябинъ да Өедоръ Бредихинъ по сказкѣ Өетки Шекловитова. Потомъ мы, холопи ваши, вамъ в. государямъ приносимъ, аки самому Богу въ небѣ, предъ самымъ престоломъ его Спасителевымъ, что никогда Өетка Шекловитой мнѣ Васкѣ крайней другъ николи не бывалъ, а знакомство отдавали, какъ обычей и съ иными просто, и о томъ со мною, и я съ нимъ не говаривалъ, и въ мысли злой я съ нимъ не имѣлъ, и никогда въ сердцѣ своемъ никакого зла къ вашему государеву достоинству не стежалъ; но всегда, какъ сродники мои служили вашимъ в. государей предкамъ вѣрно, не щадя головъ своихъ, и помирали за ваше государево достоинство, и ни въ какихъ злыхъ дѣлахъ не явились, также и отцу вашему государеву блаженныя и вѣчной достойныя памяти; также и брату вашему в. государей блаженныя жъ и вѣчно достойныя памяти, отецъ мой и сродники мои и мы, холопи ваши, служили вѣрно, и вамъ чисто сердечно, нещедя головъ своихъ. А какія приказныя дѣла дѣлали по вашему в. госудадей указу, и о тѣхъ дѣлехъ вамъ извѣстно, и какая моя, Васки, служба въ государственномъ посольскомъ приказѣ учинена, къ чести вашему превысокому государеву имени и къ расширенію государствъ вашихъ (185), и о томъ вѣдомо въ томъ посольскомъ приказѣ и въ разрядѣ. И упадая къ пресвѣтлому вашему государеву престолу и къ стопамъ вашимъ и покладая головы наши подъ пресвѣтлыя ваши государевы ноги, милости просимъ, дабы ся наша челобитная милостиво, аки у самаго Бога у васъ государей принята и выслушана была, на что и повторяя и стократно и многократно упадая къ пресвѣтлымъ вашимъ в. государевымъ но-

гамъ, милостиваго призрѣнія и росмотрѣнія просимъ. А естли нечистыми своими сердцы вамъ служили, то-бъ во 2-е страшное христово пришествіе осуждены были съ Іюдою и инымъ тѣмъ подобнымъ. Милосердые государи, пожалуйте насъ, холопей своихъ невиныхъ, не вѣлите повѣрить воровскимъ словамъ Ѳеткинымъ! А какъ онъ былъ живъ и пытанъ, и на меня ничего не говорилъ съ пытки. Умилосердитесь в. государи надъ нами сиротами и неимѣющими ни откуды помощи кромѣ Бога и васъ в. государей припомните наши *бѣдные*? служба и крови. В. государи, смилуйтесь надъ нами бѣдными! (в. 184).

195—196. В. государемъ бьютъ челомъ холопи ваши Васка да Алешка. По вашему указу, посланы мы въ ссылку въ Еренскъ и нынѣ въ Еренскѣ живемъ въ заключеніи и помираемъ томною смертію, и вамъ били челомъ и нѣсколко посылали челобитней. А служилъ Васка отцу вашему блаженныя и вѣчно достойные помяти в. государю, и милость его носили паче сверстникъ своихъ; также и брату вашему в. государей и милость... и у дѣлъ на Москвѣ знатныхъ былъ, также и въ приказехъ, которыя дѣла во свидѣтельство въ разрядѣ объ оставкѣ мѣстъ, да и съ по.. ми въ Украйнѣ многожды, также и вамъ в. г... самодержцемъ со 190 году и по се время, какъ посолскими такъ и во.. ными,... гдѣ вашему в. государей име... вашимъ государствомъ, какъ и въ... свѣт... надъ непріятели креста святаго Притомъ же и москов. приказными дѣлами въ сборѣ стрелецкихъ денегъ, такъ и иныхъ; наипаче Донское дѣло, какая шатость и противность тамъ явилась святѣй и собор. и апост. церкви. И вамъ в. государямъ... воровскіе писма были крова... достоинства и про свят. патріарха; о чемъ вамъ, извѣстно. И поступая на страхъ моими, холопа в. трудами, тѣхъ воровъ и съ Дону отдали и съ писмамы, которые и казнены. А прежъ всего не токмо старшинъ, но и простыхъ казаковъ не отдавывали (196). Притомъ же и въ пушкарскомъ приказѣ въ строеніи и гор. Кремля, и въ додѣлки. Китая, и въ Пороховой многой казнѣ, и во всехъ дѣлѣхъ работалъ вамъ, какъ Богу, и ничего въ сердцѣ своемъ не имѣлъ, кромѣ того чтобъ за ваше г. достоинство и послѣднею каплю пролить крови моея. А оклеветанъ я, вамъ в. государямъ неправедно и разоренъ безъ остатку: дворишки ипожитки, и вотчинки всѣ взяты на васъ в. государей, а мы бѣдные, невинные и съ малыми червями не имѣемъ у себя ничего, но въ заточеніи пребываемъ и въ зломъ житіи и въ отчаяніи живота своего, помираемъ голодною томною смертію. А которая малая самая рухледишка у насъ была оставлена и тое розметали за безцѣнокъ; а досталной никто въ Еренску купити ни можетъ, потому что мѣсто самое нужное и худое и безлюдное, и всякими потребами чего и тамашніе бывател терпѣти не могутъ. Милосердые государи! пожалуйте насъ бѣдныхъ и сирыхъ холопей своихъ, не имѣющихъ помощи не откуду, велите изъ Еренска взять насъ къ Москвѣ, чтобъ намъ бѣднымъ не умереть злою томною смертію. Паки и паки стократно и многократно упадая ко престолу вашему, и къ вашимъ государевымъ пресвѣтлымъ ногамъ, и подкладая главы наши подъ ваши государевы ноги, просимъ: умилосердитеся надъ нами бѣдными и сирыми, и нашими малыми червями, ради Спасителя Бога... и... и всѣхъ святыхъ, излейте на насъ бѣдныхъ милость, припомните милостиво наши бѣдные службы и крови, велите государи, насъ изъ ссылки взять. В. государи смилуйтеся, пожалуйте! (Л. 185—6).

203—206. Великимъ государямъ бьютъ челомъ, холопи ваши, бѣдные и заключенные Васка и Алешка и съ малыми дѣтишками. По вашему указу, сосланы мы въ Еренскъ, и живемъ въ заточеніи многое время и помираемъ томною злою смертію. А помощниковъ и заступниковъ, кромѣ самого Господа Бога, не имѣемъ, а пребываемъ въ смертномъ заточеніи и воскудѣніи всѣхъ потребъ. А нынѣ обрѣли тоюжъ помощію Божіею предстателя и заступника къ вамъ, в. государемъ, о которомъ предстателя въ государьствахъ вашихъ в. государей, радость неисповѣдимая учинилося, что милостію въ Троицѣ славимаго Бога, и за предстательствомъ надежды христіянскія Пресвятая Владычица... и всѣхъ святыхъ, тебѣ великому самодержцу подаровалъ Господь Богъ отъ супруги твоей благовѣрные государыни Евдокѣи Өедоровны сына, государя царевича Алексѣя Петровича, а намъ (204) бѣднымъ премилосердаго государя, какъ и всему народу предстателя и заступника. И васъ премилосердыхъ государей мы бѣдные и безпомощные просимъ съ рыданіемъ слезъ тѣмъ же въ Троицѣ славимымъ Богомъ и всѣми святыми и рождьшимся сыномъ твоимъ государевымъ нашимъ превеликимъ государемъ царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ и матерію его благовѣрною государынею Евдокѣю Өедоровною, припадаемъ ко пресвѣтлымъ ногамъ вашимъ, и подкладая главы наши подъ ноги ваши и облія слезами нашими ваши жъ пресвѣтлыя государевы ноги. Милосердые государи, пожалуйте насъ, излейтѣ на насъ бѣдныхъ милость, велите изъ заточенія насъ свободить и взять къ Москвѣ, извести отъ смерти къ животу и отъ тмы къ свѣту. Паки и паки преклонивши главы на землю къ ногамъ же вашимъ государевымъ, моимъ новымъ предстателямъ и свободителемъ, нашимъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, котораго предстателя мы, но радостно и усердно бѣдные ожидали сего намъ избавителя аки Христа, которой свободилъ людей изо ада, такъ бы насъ бѣдныхъ симъ рождествомъ вы государи премилосердые наши извели бъ насъ бѣдныхъ изъ смертнаго заключенія, и стократно и многократно (205), милости просимъ у васъ всѣми и вся умилосердитесь надъ нами бѣдными и нашими малыми червями, сотворите милость, какъ вамъ премилосердымъ государямъ въ сердца ваши, многомилостивые Господь Богъ довляетъ объ насъ милость, а иного прошенія болше, за недостаткомъ ума и въ заточеніи смертномъ принести не можемъ; но точію вопіемъ. О Господи, Господи и пресвѣт. государи наши премилосердые, пожалуйте насъ бѣдныхъ и умилитесь надъ нами сирыми, сотворите милость ради своего здоровія, и нашего благовѣрнаго царевича Алексѣя Петровича! Кійждо идѣже спасается, тамо и прибѣгаетъ якоже и прежде отъ зачатія предковъ вашихъ в. государей россійскихъ въ московскомъ государствѣ, и къ нему предлежащихъ и блаженые и вѣчно достойные памяти отца вашего и брата вашего весь народъ, яко болши и средніе и менши, вси дѣлишася отъ своихъ бѣдъ, и нуждъ ихъ в. государей радостьми рожествомъ (206) и в. государынь царевенъ; такъ и впредь будетъ вашими радостьми такими же всякому цѣленія и милость рожденіемъ отъ васъ в. государыни царевны; и къ сему да не оскудѣетъ и наша бѣдныхъ молитва предъ Господомъ Богомъ и предъ вами прошенія и слезы; но претворите и сотворите надъ нами бѣдными холопи своими милость: велите насъ свободить изъ заключенія. В. государи смилуйтеся. (Л. 187—8).

В. государемъ бьютъ челомъ холопи ваши бѣдные и безпомощные и сирые не имѣющіе ни откуду помощи Васка да Алешка съ малыми червями

своими. По вашему указу посланы мы въ Еренскъ, а живемъ въ заточеніи многое время, помираемъ томною смертію и пришли во изнищаніе и въ болѣзни отъ смертнаго заключенія; толко духъ нашъ въ насъ еле обрѣтается. А нынѣ пріиде радость велія вамъ в. государямъ и въ государствѣ ваши, что милостію великого Бога тебѣ в. государю родилась дщерь отъ благовѣрной государыни нашея царицѣ Параскевіи Ѳеодоровны, благовѣрной государыни царевны Ѳеодосія Іоановна, о которой радость государствъ вашихъ яко болши и средни, и менши, и весь народъ радуется и славитъ Бога; но мы бѣдные и сирые, неимущіе помощи ни откуду просимъ, ради распятаго Бога, которой изліялъ пречистую свою кровь на крестѣ за весь міръ, и того искупилъ всѣхъ, имъ же и вы в. государи царствуете и содержите государства свои отъ него Бога данные и надежду возлагаете, и милость и помощь отъ него пріемлете, и всегда воспоминаете пречистые страсти Его, и изливаете на люди своя (209) милость. Но тѣмъ просимъ ради того самого премилостиваго Бога и пречистыхъ его страстей, и ради Его Богоматери, которой вы в. государи вѣру имѣете и надежду несумнѣнную. И тою жъ просимъ, припадая къ вашимъ ногамъ, и подкладая главы наши подъ пресвѣтлыя ваши ноги, умилосердитесь надъ нами и бѣдными сирыми, излійте милость, и ради радости превеликіе новорожденные государыни нашей, благовѣрные царевны Ѳеодосіи Іоановны, призрите на насъ милостиво и паки и повторяя стократно и многократно, просимъ милосердые в. государи пожалуйте насъ бѣдныхъ и сирыхъ, и до конца изнищанныхъ, ради его государева многолѣтняго здравія и благовѣрнаго нашего царевича Алексѣя Петровича, вкупѣ-жъ, и новорожденной благовѣрной царевны Ѳеодосіи Іоановны, велите, насъ взять къ Москвѣ изъ сего заточенія. В. государи смилуйтеся, пожалуйте! (Л. 188—9).

214. Великимъ государемъ бьютъ челомъ бѣдные и безпомощные холопи ваши Голицыны, и съ малыми дѣтишками. По вашему указу посланы мы въ Пусто-Озеро, и нынѣ въ пути мучимъ животъ свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали, и послѣднія рубашки съ себя проѣли, а впредъ не знаемъ чѣмъ и питаться. А отъ г. Архангелского повезли съ дѣтишками нашими моремъ и пришли во отчаяніе и въ конечную погибель смертную и отъ таковаго злаго пути будетъ намъ мученіе, а наипаче дѣтишкамъ нашимъ самымъ малымъ, якобы незнающимъ свѣта. А въ Пустѣ-Озерѣ хлѣбъ зѣло дорогъ и всякая живность, и померетъ будетъ и томною и голодною смертію. Милосердые Государи! пожалуйте насъ бѣдныхъ и безпомощныхъ, ради государева многолѣтняго здоровья, велите насъ бѣдныхъ и сирыхъ возвратить изъ такого злаго тартара, не дайте намъ томною и мучительною смертію умереть. Призрите на насъ своимъ милосердіемъ, в. государи смилуйтеся, пожалуйте! (Л. 190—1).

Свитокъ № 5-й.

Столбцы 330—358. Показаніе Ѳ. Шакловитаго.« Во 198 г. сент. 7 Ѳедка Шакловитой передъ бояры сказалъ: во 195 г. въ великій постъ объявилось писмо на Лубянкѣ, принесъ то писмо къ нему пятисотной Ла-

ріонъ Елизарьевъ на полустолбцѣ, а въ томъ писмѣ написано, чтобъ всякихъ чиновъ люди народомъ собрався шли къ казанской Богородицѣ и выняли писмо у той церкви на папертн за иконою пресв. Богородицы и учинили бъ по тому писму, и къ церкви Казанской Богородицы для того писма посылалъ онъ его Ларіона и онъ Ларіонъ вынявъ изъ-за иконы то писмо, принесъ къ нему, а то писмо было въ тетратехъ на 4-хъ листахъ писано полууставомъ, а въ немъ писано про в. государыню Софію Ал. разные непристойные слова, отъ чего опасно было ее государскому здоровью всякаго дурна; да въ томъ же писмѣ написано было послать бояръ,... къ которымъ она в. государиня, милостива, а въ тожъ время у в. государя Петра учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе, и изволила в. государыня приказывать ему Ѳедору, чтобъ для того опасенія стрѣльцы, которыхъ полковъ пристойно, были къ в. государю Іоанну Ал. и ей, в. государынѣ, радѣтельны и вѣрны, и онъ призвавъ пятисотныхъ стремяннаго Еѳимьева Жукова говорилъ, чтобъ они въ томъ имъ государемъ послужили, есть ли откуды какая будетъ замѣшанина и они бъ въ то время того не допустили и ихъ государей оберегли и послѣ того прихаживали къ нему по многіе времена и говорили, что ихъ потѣшные конюхи вездѣ и изобижаютъ и побиваютъ и если де съ ними не управитца, и отъ нихъ будетъ всѣмъ худо и имъ говаривали: и васъ де станутъ за ноги таскать, и онъ де въ томъ имъ отговаривалъ, и до того ихъ не допущалъ и бунта никакого не заводилъ и на государское здоровье никакого умыслу не было (333). А во 195 г. въ августѣ въ с. Коломенскомъ изволила в. государыня... призвавъ его Ѳедку приказывать: если она, государыня, изволитъ венчаться христіянскимъ венцомъ, чтобъ провѣдать въ стрѣльцахъ, что отъ нихъ въ томъ будетъ какая одповѣдь, и онъ Ѳедка призывалъ стрѣльцовъ розныхъ полковъ человѣкъ съ 20, чтобъ они въ томъ промыслили и отъ своей братьи вѣдомость взяли, и послѣ де того дни съ 3 спустя тя стрѣльцы пришедъ сказали, что они тому дѣлу ради помогать и готовы, чтобъ имъ написать челобитную, какъ къ тому дѣлу прилично, и они съ тою челобитною станутъ просить милости у в. государей въ то время какъ они, государи, у дѣйства и иныхъ чиновъ людей съ собою къ тому челобитью позовутъ, и онъ де о томъ ей, в. государынѣ доносилъ, и она того учинить не позволила для того, чтобъ то не было братьямъ еѣ государскимъ, в. государемъ, во гнѣвъ и въ безчестіе, и онъ де Ѳедка по еѣ государскому указу въ томъ дѣлѣ стрѣльцомъ отказалъ, что то дѣло ей, в. государынѣ, не потребно, и они стрѣльцы говорили ему съ печалью, чтобъ имъ отъ того дѣла не войтить въ какую бѣду, потому что о томъ многіе люди вѣдаютъ, и послѣ того онъ Ѳедка ничего имъ не говоривалъ, а челобитная де была о томъ изготовлена у него Ѳедки, и тое де челобитную имъ до отказу того дѣла онъ прочиталъ, а въ той челобитной написано было челобитье ото всего государства толко объ одномъ объ томъ дѣлѣ, а иного никакого дѣла въ той челобитной было не написано. А во 197 г. авг. въ числѣ былъ онъ Ѳедка боленъ, и по него де были съ верху присылки, чтобъ быть какъ ни есть въ верхъ для нужнаго дѣла, и онъ Ѳедка выбрелъ въ верхъ насилу, и в. де царевна изволила говорить, что она обѣщалась того дни итти въ Донской монастырь пѣшимъ походомъ, чтобъ для того походу изготовить пѣшихъ стрѣльцовъ поболши, для того чтобъ передъ тѣмъ временемъ недѣли за двѣ изволила в. государыня ходить въ Новодѣвичь монастырь пѣшимъ походомъ, и въ то время на дѣвичьѣ полѣ передъ пею, непо-

далеку невѣдомо какіе люди зарѣзали до смерти отставнаго конюха, и чтобъ для того походу у тѣхъ стрѣлцовъ для опасенія было ружье, и онъ для того походу стрѣлцовъ человѣкъ со 100 велѣлъ нарядить и послѣ того спустя съ часъ г. царевна изволила ему Ѳедкѣ говорить, что объявилося у нихъ государей въ верху писмо, а въ томъ писмѣ написано, что потѣшные конюхи собрався въ с. Преображенскомъ хотѣли приходить авг. противъ 7-го числа на ихъ государской домъ въ ночи и ихъ государей побить всѣхъ, а противъ—де 8 числа будутъ для того кончая и чтобъ она государыня брата своего в. государя Іоанна Ал. и сестръ своихъ государевыхъ здоровья опасла, и изволила царевна для того опасенія собрать въ городъ стрѣлцовъ ста 3 или болши, чѣмъ бы тотъ приходъ возбранить и для того жъ опасенія по Кремлю всѣ ворота въ тое ночь запереть и впредь запирать, и онъ Ѳедка для того опасенія собралъ въ городъ стрѣлцовъ съ ружьемъ стремянныхъ Ѳѳимьева по 100 чел. и велѣлъ имъ быть на Лыковѣ дворѣ да съ стѣнного караулу Андрѣева полку Нармацкого 50 человѣкъ, у заднихъ дворцовыхъ воротъ, Дм. полку Жукова 50 чел. у дворцовой лѣстницы, Семенова полку Резанова съ капитаномъ Ѳилипомъ Сапоговымъ 100 чел. на житномъ дворѣ, и были тѣ стрѣлцы въ тѣхъ мѣстѣхъ для того опасенія во всю ночь, и какъ ударило за два часа и въ то время в. государыня изволила иттить для моленія вмѣсто Донскаго монастыря къ церкви казанской Богородицы, а тѣ стрѣлцы были за нею, государынею, на выходѣ всѣ окромѣ Резаного полку, а Резановы въ то время отпущены по домамъ, а болши того изъ тѣхъ и изъ иныхъ ни изъ какихъ полковъ стрѣлцомъ въ городъ и никуды сбору не было и умыслу никакаго къ бунту и въ с. Преображенское къ приходу не бывало, толко посланы были стрѣлцы для розвѣдыванья за Красную слободу стремяннаго полку на лошадяхъ Ѳедка Турка, Ив. Троецкой, Мишка Ѳеоктистовъ съ товарищи, а кого имяны, того не упомнитъ и по утру часу въ другомъ дни пріѣхавъ они къ нему Ѳедкѣ на дворъ сказали, что в. государь Петръ изволилъ идти изъ Преображенскаго въ ночи скорымъ походомъ въ. с. Алексѣевское, а послѣ того съ часъ спустя пришолъ приставъ Родіонова полку Остаѳьева и сказалъ, что в. государь изволилъ итти въ Тонинское, а что де въ извѣтѣ капитана Ѳ. Сапогова о гранатахъ написано, чтобъ ручные гранаты на пути бросить или въ сани положить какъ изволитъ в. государь итти въ походъ, и онъ Ѳедка такихъ словъ ему Ѳилипу не приказывалъ и непристойныхъ словъ никакихъ не говаривалъ, такъ же и про мать его в. государыню Наталью Кириловну и чтобъ еѣ государиню постричь, никакихъ словъ не говаривалъ и не пристойныхъ же словъ Василья Сапогова, Ѳедки Турки, Ивашки Троецкаго не говаривалъ же, а Оброскѣ де Петрову такіе слова говорилъ: что государя къ Троицѣ иттить, чаять наговорилъ бояринъ Л. К. Нарышкинъ да кравчей кн. Б. А. Голицынъ, и велѣлъ ему послать провѣдать въ Троицкой монастырь о государскомъ пришествіи и что въ монастырѣ чинитца, а такихъ словъ, что имъ дѣлать не говаривалъ, а говорилъ ему Обросkѣ и иныхъ полковъ пятисотнымъ, а приставамъ, чтобъ они въ полкѣхъ своихъ смотрили на крѣпко, чтобъ въ такой в. государя скорой походъ отъ какихъ людей словами ли или писмами не учинилося какіе шатости и замѣшанины, а что Обpоска въ извѣтѣ сказалъ, что будто онъ Ѳедка ему говорилъ, что будто авг. противъ 8 числа

изволитъ быть съ потѣшными в. г. государь, и онъ Ѳедка такихъ словъ не говаривалъ, а говорилъ что будутъ къ Москвѣ потѣшные конюхи.

А на очной ставкѣ *Ѳ. Сапоговъ* съ нимъ Ѳедкою говорилъ, что такіе гранаты велѣлъ ему бросить, какъ у него въ извѣтѣ его написано имянно, а Ѳедка въ томъ во всемъ запирался. Ѳилипъ же на очной ставкѣ говорилъ, что де онъ Ѳедка про государское здоровье говорилъ многіе непристойные слова, а Ѳедка сказалъ что никакихъ словъ не говаривалъ. „На очной ставкѣ съ *О. Петровымъ* запирался. А капитанъ *В. Сапоговъ* сказалъ про непростойные слова о царѣ Петрѣ и его матери,“ а говорилъ у него Ѳедки въ домѣ въ маленкой его комнаткѣ;“ — Не говаривалъ. Тоже показали *Ѳ. Турка* и *Ив. Троецкій*; — Не говаривалъ. „Об. Петровъ на очной ставкѣ сказалъ: Ѳедка де Шакловитой такіе слова говорилъ, чтобъ въ с. Преображенскомъ зажечь гдѣ нибудь, и въ то бы время убить в. государыню Наталью Кириловну и к. Бориса Алексѣевича и Лва Кириловича съ братьями; а Ѳедка сказалъ: такихъ онъ словъ никакихъ не говаривалъ.“ *Кузка Чермной:* говорилъ про царицу Наталю Кириловну — известь; не говаривалъ. *О. Петровъ* говорилъ: какова она въ Смоленску была; — неговаривалъ. „Да Ѳ. же Сапоговъ на очной ставкѣ, сказалъ: во 196 г. лѣтомъ какъ приходила в. государиня Софія Ал. къ брату в. государю въ с. Преображенское, и въ то де время онъ Ѳедка імалъ съ собой многихъ стрѣлцовъ разныхъ полковъ, чтобъ убить в. государыню Наталью Кириловну и ближнихъ бояръ и комнатныхъ людей и выходилъ онъ Ѳедка къ нимъ на кормовой дворецъ и говорилъ ему Ѳилипу: слушайте де, какъ учинитца въ хоромахъ крикъ, и вы де будте готовы всѣ и которыхъ вамъ изъ хоромъ станутъ давать, и вы ихъ бейте; а Ѳедка сказалъ: стрѣльцовъ де въ то время въ с. Преображенскомъ розныхъ полковъ человѣкъ съ 50 или съ 60 было, а такихъ словъ, что у него Ѳилипа написано въ извѣтѣ, не приказывалъ. А Мишка Чечетка на очной ставкѣ сказалъ: Ѳ. де Шакловитой, такіе слова, что св. патріарха перемѣнить, а взять бы изо властей, или и простого старца, говорилъ (346), и *бояръ отпадшими зяблыми деревьи называлъ,* развѣ де до коихъ мѣстъ постоитъ бояринъ кн. Василей Голицынъ, и челобитную о перемѣнѣ патріарха на одномъ столпцѣ мѣлкимъ писмомъ онъ Ѳедка ему казалъ, а было де ихъ человѣкъ съ 20; а Ѳедка сказалъ: челобнтную де имъ чолъ о венчаніи в. г. царевны, а о патріаршей перемѣнѣ челобитной у него Ѳедки не было и имъ такой челобитной не читалъ. Да ему жъ очная ставка дана *съ Ѳ. Сапоговымъ:* такіе де слова, что онъ въ роспросѣ своемъ сказалъ, что онъ Ѳедка съ старцемъ Селиверсткомъ съ товарыщи, св. патріярха убить умышляли, а Ѳедка де такихъ словъ не говаривалъ и до Селиверстка де ему дѣла нѣтъ.“ *Ив. Муромцевъ* о перемѣнѣ св. патріарха. — Не говаривалъ. *О. Петровъ:*“ во 196 г. на Богоявленьевъ день о убиеніи св. патріарха говорилъ, а Ѳ. Шакловитой сказалъ, что такихъ словъ ему Оброскѣ не говаривалъ. Ѳедка жъ сказалъ, что де онъ спрошенъ про подьячего, которой говорилъ на боярина на Ив. М. Милославскаго, будто на него Ѳедку, и тотъ подьячей на... Милославскаго что говорилъ, того не упомнитъ, а его де Ѳедку въ то время тотъ подьячей толко въ застѣнкѣ назвалъ ему боярину собесѣдникомъ, а иного ничего на него Ѳедку не говорилъ, а нынѣ де тотъ подьячей гдѣ того онъ не вѣдаетъ, п. ч. то дѣло толко началося у него, а послѣ было въ разрядѣ, а разыскивали бояря, и сидѣлъ

тотъ подъячей за приставомъ у думнаго дьяка В. Семенова, и писма у того подъячего какіе были-ль и выняты-ль, того не вѣдаетъ."

349. „Въ застѣнкѣ у пытки Ѳ. Шакловитой сверхъ прежнихъ своихъ рѣчей сказалъ: про пожаръ де чтобъ зажечь въ с. Преображенскомъ, и такіе де слова помнитца, что онъ говорилъ, а про государское многолѣтное здоровье, онъ не умышливалъ, развѣ де про в. государыню Н. Кириловну, и то де приставалъ къ ихъ стрѣлецкимъ словамъ. Да онъ же Ѳедка сказалъ: на государское де многолѣтное здоровье ничего онъ не помышливалъ, а прихаживали къ г. царевнѣ царицыны постелницы Нелидова да Сенюкова и извѣщали, что про нее государыню въ тамошней комнатѣ, гдѣ они говорятъ многіе непристойные и бранные слова и здоровье еѣ государыни не желаютъ, а про Лва Кириловича и про кн. Бориса Ал. говаривали имянно, и какъ де Софія Ал. печалилася, и онъ де Ѳедка ей, в. государынѣ говорилъ утѣшая еѣ, чѣмъ де ей, не быть, ино де лутче царицу Наталію Кириловну известь."

О. Петровъ подыманъ и говорилъ съ пытки прежніе слова. Куземка Черной въ застѣнкѣ — тоже.

„А Ѳ. Шакловитой съ пытки говорилъ: в. де государыню Наталію Кириловну, чтобъ ее убить Куземкѣ Черному и Оброскѣ П. говарилъ, и что въ роспросѣхъ Куземкинѣ и Обросквнѣ написано, и то все онъ говорилъ же, а опроча де ихъ Оброски съ товарыщи пяти человѣкъ о томъ убиеніи царицы Натальи не говаривалъ.

351. А про бунты де онъ *говорилъ съ стрѣльцами розговоромъ*. А противъ роспросныхъ рѣчей Ивашки Муромцева во всемъ онъ Ѳедка винился, и такіе слова и о в. государѣ и о патріархѣ и о пріемѣ бояръ, въ томъ онъ винился. А про в. государыню царицу и по многіе времена съ нимъ Оброскою съ товарищи пятью человѣки умышлялъ убить до смерти и съ иными опричь ихъ ни съ кѣмъ не говаривалъ и не помышлялъ, развѣ де они Оброска съ товарыщи съ кѣмъ говорили.

352. Онъ же Ѳ. Шакловитой сказалъ, какъ де кн. Ив. Хованскаго казнили, и у него де писемъ никакихъ онъ не вынимывалъ и не видалъ. ....Да онъ же Ѳедка сказалъ про..... взятъ де онъ по извѣту А. Стрижева, будто онъ ходитъ по многимъ домамъ и говаривалъ про государское здоровье, сколко кому жить и какъ умереть."....

356. „*Демка Лаврентьевъ* подыманъ и роспрашиванъ, а въ роспросѣ говорилъ прежніе рѣчи: а стрѣлцомъ де онъ Демка говорилъ толко одному человѣку, чтобъ въ походъ въ Троецкой монастырь не иттить, а стрѣлецкимъ бабамъ говорить такіе слова, чтобъ мужья ихъ сбѣжали изъ походу изъ Троецкаго монастыря, и то де ему велѣлъ имъ стрѣлецкимъ женамъ говорить Ѳ. Шакловитой и далъ ему отъ того денегъ 5 р. и въ Троецкой де монастырь не поѣхалъ онъ за страхомъ, да и для того, что ѣздить ему не велѣлъ Ѳ. Шакловитой."

355. *М. Чечетка* съ пытки говорилъ прежніе рѣчи, а было ему на пыткѣ 5 ударовъ. Егорка Романовъ въ застѣнкѣ говорилъ тоже, „а Лва де Кириловича съ братьями онъ Ѳ. Шакловитой велѣлъ ему Егоркѣ убить, толко онъ на то дѣло не помышлялъ и своей братьѣ не сказывалъ."

356. „Ѳедка жъ сказалъ, какъ де во 198 г. сент. въ 1 числѣ присланы къ Москвѣ в. государя грамоты изъ Троецкаго объѣзду и въ то де время в. государыня Софія А. указала написать сказку всякихъ чиновъ людемъ на боярина на Лва К. Нарышкина о непочитаніи къ нимъ в. го-

сударемъ и что де въ грамотахъ написано изъ Троецкаго объѣзду про извѣтъ пятидесятника Л. Елизарьева съ товарыщи, и въ той сказкѣ написано, что въ тѣхъ грамотахъ тѣ дѣла написаны напрасно и чтобъ они тому не вѣрили. И та де сказка написана и поднесена в. государынѣ царевнѣ, а никому та сказка не чтена, для того что намѣрено послать къ в. государю въ Троецкой объѣздъ духовника; да въ той же де сказкѣ написанъ былъ столникъ и полковникъ Иванъ Елисѣевъ сынъ Цыклеръ, да извѣтчики Л. Елизарьевъ съ товарыщи, и написаны они были въ сказкѣ, что они стакався съ ними затѣяли напрасно; а про Лва де Кириловича въ той сказкѣ написано было, что онъ къ нимъ государемъ никогда не являлся и къ рукѣ не хаживалъ, что христіанской вѣнецъ изломалъ Ѳед. К. Нарышкинъ; а тое сказку писалъ онъ по велѣнью царевны.

358. „Думной дьякъ Любимъ Олферьевъ сынъ Домнинъ сказалъ: Спаскаго де монастыря, что за иконнымъ рядомъ, строитель Селивестръ ему былъ знакомецъ, для того что онъ съ нимъ Любимомъ родиною одного г. Курска и знакомство давнее, а во 197 г. былъ Селивестръ у него Любима въ великой постъ и послѣ того не бывалъ и никакой келейной рухледи у него не ставливалъ и нимало ничего не давывалъ и о поѣздѣ его никуды не вѣдаетъ же и лошади ему никакой не давывалъ."

360—2. 198 г. сент. 8. *Ермолка Григорьевъ* сказалъ, что взялъ его братъ Арсенка въ Спаской монастырь и жилъ онъ у строителя старца Селиверстка и „училъ его грамотѣ," а иконного писма учился у московскаго иконника Ѳѳима Ивановича. А куда поѣхалъ братъ его съ Селиверсткомъ, того не вѣдаетъ. А оставилъ его братъ Арсеній псалтырь, часословъ да Миръ съ Богомъ, и велѣлъ отнесть въ церковь.

363. Во 188 году сент. 9. Доставили въ Троецкой мон. ссыльнаго стрѣлца *Мишку Шапошникова*, что онъ приходилъ на Москвѣ въ слободу, возмущалъ стрѣлецкихъ женъ, чтобъ мужья ихъ изъ Троецкаго походу збѣжали, и съ пытки говорилъ на него воръ Демка Лаврентьевъ, а какъ его поймали и Мишка у нихъ изъ рукъ отбивался и кричалъ караулъ.

364. 198 г. сент. 11. *М. Шапошникъ* въ роспросѣ сказалъ: во 198 году сент. 2 жилъ онъ на Москвѣ, и какъ де онъ шелъ изъ двора своего въ городъ на Арбацкой ул. и его де стрѣлцы пятидесятникъ Микиф. Анисимовъ да А. Савостьяновъ съ товарыщи поймали и поймавъ привезли съ Москвы въ Троецкой Сергіевъ мон. сковавъ, а прежъ де сего онъ былъ въ стрѣлцахъ, а во 197 г. сосланъ былъ онъ въ ссылку въ Ярославль съ женою и съ дѣтми за то, что извѣщалъ на пятидесятного на В. Бурмистра да на пристава Ек. Васильева съ товарыщи въ томъ, что они Василей съ товарыщи государево жалованье—столы и погребы продавали, а что де они за тѣ столы и погребы брали денегъ, и тѣхъ денегъ ему Мишкѣ и инымъ стрѣлцамъ не давали, а билъ де челомъ на нихъ онъ одинъ, а иныхъ никого съ нимъ въ челобитьѣ и отвѣтѣ не было. А какъ де онъ про тѣ столы и погребы сталъ ему Василью говорить у съѣзжей избы, и онъ Мишку билъ и на чепь сажалъ и руку переломилъ, и онъ де не стерпя побой, сказалъ за собою государево дѣло, а государево де дѣло то за нимъ, что Микифоръ Анисимовъ, Т. Чернавкинъ, А. Мурзенокъ, Е. Мартыновъ кабаки откупаютъ и табакомъ торгуютъ, и то де дѣло было въ стрѣлецкомъ полку, и по тому дѣлу про него Мишку розыскивано, а про нихъ Микифора съ товарыщи не розыскивали, а по розыску вины

его никакъ не сказали, а сосланъ де онъ въ Ярославль по челобитью Бурмистра, а онъ Василей билъ челомъ ото всего полку, а полчане де всѣ того не вѣдають, а жилъ де онъ въ Ярославлѣ 6 дней, и безъ него де на Москвѣ в. государыня Софія А. спросила про него и указала послать по него грамоту, и по той грамотѣ къ Москвѣ онъ взятъ и пріѣхалъ авг. 7 и жилъ въ своемъ полку недѣли съ двѣ и Софія Ал. указала ему быть въ Романовѣ полку Еѳимьева въ рядовыхъ стрѣлцахъ.

366. А во 197 г. авг. противъ 8 числа въ ночи въ г. Кремлѣ онъ не бывалъ и въ слободахъ непристойныхъ словъ ни съ кѣмъ не говаривалъ и не возмущалъ, и стрѣлецкимъ женамъ, у которыхъ мужья были въ Тр. Сергіевѣ монастырѣ, чтобъ мужья ихъ изъ походу збѣжали къ Москвѣ, не говаривалъ. А у Ѳ. де Шакловитова взялъ онъ денегъ 10 р., а далъ де онъ Ѳедка ему тѣ денги у себя въ хоромахъ, а сказалъ, что для его... да при немъ же далъ онъ стрѣльцу Демкѣ Лаврентьеву бумагу денегъ, а сколко того не вѣдаетъ и говорилъ Ѳедка Демкѣ: мочноль де тебѣ сдѣлать, отъ стрѣлецкихъ жонъ отписать грамотъ къ ихъ мужьямъ въ Троецкой мон., чтобъ они збѣжали къ Москвѣ, то де онъ Мишка слышалъ у него Ѳедки; а ему говорилъ Ѳедка провѣдать про достолныхъ стрѣлцовъ Сухарева полку: пошли ль де они въ Троецкой мон. или нѣтъ, и онъ де провѣдавъ сказалъ, что досталные стрѣлцы на Москвѣ. Да тѣхъ же де стрѣлцовъ для провѣдыванья посылалъ его и Оброска Петровъ; а какъ де его поимавъ повели въ Троецкой мон. и онъ де на Москвѣ караулъ не кричалъ и отъ нихъ не отбивался.“

367—197 сент. 10. Десятникъ полку Жукова *Ѳ. А. Можеитиновъ* словесно извѣщалъ, что его послали для поимки А. Стрижева и Ег. Романова, и какъ онъ, Ѳедоръ съ товарыщи поймалъ ихъ воровъ сент. 1, и хотѣлъ посадить у съѣзжіе избы за караулъ и увести въ Троецкой монастырь, и стрѣлецъ Ив. Якимовъ съ товарыщи, Стрижева и Романова отбили и побѣжали въ городъ; а Ив. Якимовъ говорилъ, что тогда указъ писанъ за Марьиною рощею „да и полковникъ де Дм. Жуковъ съ Москвы съѣхалъ безъ указу в. государей.“

369—198 Сент. 11. *Екимовъ* въ роспросѣ сказалъ: Стрижова и Романова не отбивалъ, и какъ де в. государей указъ чли на съѣзжей избѣ, непристойныхъ словъ не говаривалъ, и нынѣ де А. Стрижовъ гдѣ, того онъ не вѣдаетъ.

370. Во 198 г. сент. 11 дьякъ *Кирило Алексѣевъ* сказалъ, что грамоту у Ив. Нечаева „принялъ на Красномъ крылцѣ подъ шатромъ, и не роспечатавъ внесъ въ верхъ для того, до той де в. государя грамоты, дни за 2 или за 3, в. государыня Софія Ал. изволила сама имъ сказать ихъ в. государей указъ: буде изъ походу изъ Тр. Сергіева монастыря присланы будутъ отъ в. государя грамоты или иные какіе писма, указала взносить къ себѣ въ верхъ, а въ приказѣхъ роспечатывать не указала, а изволила имъ она, Софія Ал., сказать сама, что идетъ къ в. государю Петру Ал. въ Тр. Сергіевъ монастырь и тѣмъ указомъ тое грамоту роспечатать не посмѣлъ.“

372. 198 г. сент. 11. Въ мастерской полатѣ полку Ив. Кобылскаго пятидесятникъ *Климъ Ѳедотовъ* извѣщалъ: въ сентябрѣ стрѣлецъ Ив. Як. Слоевъ говорилъ Климу въ домѣ своемъ, „чтобъ выдать дву человѣкъ стрѣлцовъ, а куды выдать и для чего выдать и кого имянемъ, того не сказалъ, потому что Иванъ въ то время былъ пьянъ. Посыланъ

былъ онъ для сыску Ѳ. Шакловитаго съ 10 стрѣлцами изъ Троецкаго походу, и какъ они приѣхали, дано имъ было в. государей жалованье погребъ, и взявъ же съ погреба вина крушку домовъ, и то вино пилъ и былъ пьянъ, и что говорилъ Климу, не помнитъ, а прежде ни въ какомъ воровствѣ не бывалъ. *Отдать за караулъ въ полкъ.*

374. Сент. 11 солдатъ *Елисейко Ивановъ* доставилъ въ Троецкій монастырь чернеца, который будто говорилъ про С. Медвѣдева, что знаетъ, гдѣ онъ живетъ и его не сыщутъ. Во всемъ заперся и сказалъ на поймавшаго: „прошалъ де у него крушки вина.“

376. Показаніе *Архипки Алексѣева*: Стрижева и Романова не отбивалъ у съѣзжей избы; они стали тащить присланныхъ въ стрѣлецкій приказъ: „есть де в. государя Іоанна и царевны Софіи указъ, что имъ въ походъ безъ указу ѣхать не велѣно.“ И пошли въ Москву въ верхъ въ мастерскую полату; а Архипка остался ждать.

378. Тоже запирался Аѳонка Ив. Барабанщикъ, „а въ Кремлѣ авг. противъ 8 числа не бывалъ же, толко де ему Е. Романовъ далъ денегъ рубль въ вечеру въ часъ ночи, а за что, того онъ не сказалъ, и гдѣ онъ Алешка нынѣ, того онъ не вѣдаетъ.“

379. (Тоже сказалъ Дмитріева Жукова полку стрѣлецъ, далъ рубль *Никитка Васильевъ*). 380. Стрѣлецъ *Исачка Григорьевъ* сказалъ тоже: Романовъ далъ рубль... „и для чего были они собраны на Лыковѣ дворѣ, того онъ не вѣдаетъ,“ и проч.

382—3. Капитанъ московскихъ стрѣлцовъ *Андрей Григ. Аносовъ:* вытребовалъ его въ Троецкой монастырь полковникъ Родіонъ Остаѳьевъ, который приказалъ ему у рундука ожидать кравчего кн. Б. А. Голицына, и кравчей де вышедъ изволилъ просить у него имени и прозванія и изволилъ говорить: былъ ли де онъ въ Воскресенскомъ монастырѣ? и онъ не бывалъ тамъ. И Лаврентей Сухаревъ приказалъ послать его за караулъ тому 8 день, а воровства за собой не вѣдаетъ.

384—6. Сент. 12. Слободчикъ *Мартынка Ѳилиповъ* сказалъ: посланъ онъ съ полковникомъ Ив. Нечаевымъ для сыску Ѳ. Шакловитова съ товарыщи; и какъ грамоту стрѣльцы прочли, сказали: „что де они за воровъ не стоятъ и сыскивать ихъ готовы,“ и 40 чел. пошли искать Ѳ. Шакловитова и старца Селиверстка; а онъ остался на Москвѣ для ихъ сыску, для того что они, онъ Мартынка и иныхъ полковъ, стрѣльцы для того сыску посланы за его в. государя жестокимъ указомъ и не сыскавъ ихъ воровъ, въ Тр. Сергіевъ монастырь имъ ѣздить не велѣно.“ А Нечаеву являлся по вся дни.

387. Капитанъ Д. Родичевъ привезъ въ Троецкой м. стремяннаго полку сотеннаго Сенку Долматова, а сказалъ: „привезъ де его по приказу полковника Ив. Цыклера, что били челомъ ему полковнику на Сенку сотенные жъ въ побранкѣ.“

388. Сент. десятникъ полка Цыклера Ив. Суворовъ сказалъ: во 198 говорилъ своей братьѣ 3 сент. на Покровкѣ объ указѣ государя „о присылкѣ воровъ и крестопреступниковъ, Ѳ. Шакловитомъ съ товарыщи, и онъ де Ивашко говорилъ, что за такихъ воровъ намъ стоять нѣ за что, воля ихъ государская.“ И Семенъ Долматовъ „учалъ говорить, что де вы слыхали?“— Богъ далъ здорово.— И Долматовъ съ товарыщи учалъ Суворова бранить матерны „и вывевъ изъ ноженъ ножъ свой оправной серебромъ великой и почалъ въ скамью у лавошника на Покровкѣ тѣмъ своимъ ножемъ колоть и за ними Ивашкомъ съ товарыщи съ тѣмъ но-

жемъ гонялся и говорилъ: всѣхъ де тѣхъ воровъ перевѣшаютъ, которые въ Тр. Сергіевъ м. ушли Ларіона Елизарьева, Ипата Улѳова со всѣми ихъ товарыщи, а есть ли бы они попались ему Сенкѣ, и онъ де бы имъ не спустилъ; а имъ де Ивашкѣ съ товарыщи говорилъ: а вы де воры такіе-жъ что и Ларко съ товарыщи, ждите на себя ночью, что вамъ будетъ. И они де Ивашко съ товарыщи того числа въ домахъ своихъ не ночевали, а сент. 4 вышли на Лубянку, и имъ де Ив. Суворову съ товарыщи пятидесятникъ Артемей Коврешкинъ сталъ говорить, что де на васъ Семенъ Романовъ извѣщалъ въ словахъ въ такихъ, что какъ у него Ивашки написано на него Семена, сказано выше сего, и по тому де его извѣту велѣно по васъ послать,— и онъ де Ивашко съ товарыщи не вѣря ему Арт. Коврешкину пошли въ городъ и на встрѣчю де имъ того жъ полку пятидес. Лука Степановъ и сталъ де имъ говорить про извѣтъ С. Долматова и по присылку по нихъ тѣ жъ рѣчи, велѣлъ имъ прикрытца для того де, что присылка скоро будетъ, и они де Ивашко отъ того въ Тр. Сергіевъ мон. уѣхали извѣщать на него Семена.“

289. Сенка Долматовъ показалъ: „съ Ѳ. де Шакловитымъ съ товарыщи и ни съ кѣмъ умыслу у него на государское здоровье и къ бунту никакого не бывало и въ Кремлѣ авг. противъ 8 числа не былъ, и денегъ никакихъ ни у кого не бирывалъ и замысловъ никакихъ къ воровству ни у кого не слыхалъ, а въ сентябрѣ де мѣсяцѣ тогожъ полку стрѣлцы Ив. Суворовъ, Кирьякъ Семеновъ говорили, что Л. Елизарьевъ съ товарыщи и воровство ихъ сказывали, и онъ де Сенка имъ говорилъ, что и всѣхъ де ихъ хвалить нечего, естьли бы де въ такіе годы надъ нимъ в. государемъ какое злое дѣло учинилось, и они-бъ де всего государства стрѣлцы пропали....

454—476. *Письма.* Иванъ Елисѣевичь, государь здравствуй на вѣки; прошу г. твоего жалованья, донеси государю моему князю Борису Алексѣевичю, какъ в. государи пойдутъ въ Троецкой монастырь, а мнѣ ѣхать или не ѣхать въ Троец. монастырь, что укажетъ; да еще милости у тебя прошу, умираю съ печали, какъ такое дѣло наложили, что нести не могу, да доложи милостивой мой, какъ государи пойдутъ дворъ Ѳетки Шакловитова печатать или и караулъ къ нему приставливать ли и келью Селиверсткову печатать ли, пожалуста.... чтобъ на мнѣ это не легло; да слышалъ я государь гнѣвъ есть государя, что бутто я нерадѣю, а я бѣдной сна себѣ не имѣю и ночь.... дворомъ ночюю для того, что пріѣзжаютъ ко двору и ночью испрашиваютъ, а про Ѳетку Шекловитово слухъ есть, что въ верху и товарыщи его, а Селиверстко ушелъ до нашего пріѣзду. Пожалуй милостивой мой прикажи хотя строчку отписать, лошади и борошняшко въ монастырѣ будутъ мнѣ не долго жить я бы не.... бы пріѣхать, а будетъ мнѣ залитца, такъ пожалуй государь прикажи тое... ко мнѣ; да послалъ стрѣлцовъ сотниковъ своего полку отповеди мнѣ никакой и указу про отписки нѣтъ, пожалуй государь отпиши хоша строчку. За семъ Ивашко Нечаевъ челомъ бьетъ....

455. Милостивый государь кн. Борисъ Алексѣевичь! извѣстно тебѣ буди для которыхъ я воровъ и измѣнниковъ посланъ, чтобъ ихъ переймавъ привезть къ в. государю въ походъ въ Троецкой Сергіевъ монастырь, и мнѣ указано быть предъ царемъ Іоанномъ Алекс. съ конными, а онъ идетъ въ монастырь Живоначальные Троицы къ брату своему в. государю, а про тѣхъ воровъ, гдѣ они, вѣдомости нѣтъ, а я государь про тѣхъ воровъ

и измѣнниковъ провѣдывалъ безпрестанно, а царевна Софія Алексѣевна изволила выходить къ стрѣлцамъ, которые присланы по его государеву указу со мною для поимки тѣхъ воровъ и измѣнниковъ, изволила имъ сказать, что идетъ она съ братомъ своимъ в. государемъ Іоанномъ Алекс. и съ государынями царевнами въ монастырь Живоначальные Троицы къ брату своему, и про тѣхъ воровъ изволила сказать, что привезенъ будетъ государынею, а Ивану Нечаеву указали быть на Москвѣ. О семъ написавъ, рабъ твой Ивашка Спиридоновъ челомъ бьетъ.

456. Государямъ нашимъ милостивымъ Ларіону Елизарьевичю, Ипату Григорьевичю, Дмитрею Алексѣевичю, Якову Петровичю, Ѳедору Михайловичю, Михаилу Ѳеоктистовичю, Ивану Ѳедоровичю, искатели милости вашей Кирюшка Семеновъ, Нестерко Григорьевъ челомъ бьютъ. Подай Господь Богъ вамъ государямъ нашимъ многолѣтное здравіе, далъ Богъ живы, сент. по 1 число. Да вѣдомо вамъ буди, которыхъ по указу в. государя велѣно съ Москвы взять по наказнымъ памятямъ, и тѣхъ нынѣ не даютъ, приличаютъ ихъ будто напраслинѣ и оговорены не дѣломъ ненавидятъ ихъ, бутто они люди добрые и вездѣ послушны и работники, и государыня всѣхъ полковъ пятидесятниковъ и десятниковъ призывала и о томъ изволила говорить, чтобъ тѣхъ людей не выдавать, а естьли бы де выдать, и васъ по одному и всѣхъ розберутъ; да пожалуйте государи, не положите насъ въ забвеніи, а мы надѣяся на вашу милость про все писали. Кирьяшко Семеновъ челомъ бьетъ, Кононко Ивановъ челомъ бью.

457. Государю милостивому Лаврентью Кондратьевичю; твоего полку стрѣлцы пятидесятникъ Самошко Ѳедоровъ съ товарыщи рабски челомъ бьютъ. Вѣдомо.... г. Лаврентей Панкратьевичь буди, царевна Софія Алексѣевна насъ съ Москвы не отпущаетъ, велѣла намъ жить на Москвѣ, и мы ей били челомъ, что изъ насъ отпустить хотя по 1 человѣку съ полку, и она указала съ полку по 1-му человѣку, отпустить въ походъ въ Троецкой Сергіевъ монастырь, и сказала намъ на насъ де не пеняйте, а Дементей Лаврентьевъ у насъ сидитъ за карауломъ и весть его боимся для того, что на Лыковѣ дворѣ Семеновъ полкъ стоитъ съ копми и знамены и съ барабаны, а Ѳ. Шекловитова в. государь не отдаетъ, О. Петрова, А. Стрижева отбили ихъ полчаня, а О. Петрова отбилъ И. Аѳонасьевъ съ товарыщи, а Ѳ. Шекловитой въ дому своемъ сказываютъ не жилъ, а живетъ въ верху. Пожалуй Лаврентей Панкратьевичь и Ив. Борисовичь и Вас. Герасимовичь (458), отпишите къ намъ, какъ намъ быть, а мы безъ вѣдома вашего Лав. Панкратьевичь ѣхать однѣ не смѣемъ.

А сентября въ 1 числѣ всѣхъ полковъ пятидесятники и десят. призываны въ верхъ и в. государыня сказала имъ: просятъ де у насъ Ѳедора Шекловитово съ товарыщи и онѣ пятидесятники и десятники сказали: воля ваша, а болше того ничего не сказали и многія наша братья на тѣхъ ропту-ютъ, которые отъ Троицы пріѣхали на тѣхъ, которые отбили Стрижева, Егорка Романова, Обр. Петрова съ товарыщи.

459. Государю моему батьку Ларіону Елизарьевичю съ товарыщи.... челомъ бьетъ.... въ нынѣшнемъ во 19 году лѣто начатца сент.... присланы в. государя грамоты и по тѣмъ грамотамъ и по указу у насъ въ полку перехватали Андрюшку Семенова.... а болши того никого взять и хватать не велѣла, а что я вамъ сказалъ, что привезть Ст. Тимоѳеева, а онъ и на Москвѣ нигдѣ не явился, а что ты Ларіонъ Ели-

зарьевичь писалъ грамоту къ Лукѣ Степанову, и ему тое грамотки не точно бы у себя держать потому что.... принесена.... обѣщался, что вора Никитку.... привезть.

Государю милостивому нашему и милосердому Ивану Елисѣевичу, подай тебѣ государю моему Господь Богъ многолѣтнее здравіе, твоего полку пятидесятникъ Ива. Телкинъ, Кир. Семеновъ челомъ бьютъ: вѣдомо тебѣ буди в. государя нынѣшей указъ, что присланъ изъ походу у съѣзжей избы предъ всѣмъ полкомъ чтенъ и твоего полку стрѣлцы пятидесятники и десятники и редовые сказали, что рады служить и тѣхъ воровъ и измѣнниковъ сыскивать, и пошли изъ съѣзжей избы по разнымъ дорогамъ сыскивать; а воръ Анд. Сергеевъ изъ за караула съѣзжей избы ушолъ, а на караулѣ у него были десятники Иванъ Голой, Ѳедотъ Тулалаевъ, а шолъ въ то число, какъ учинился пожаръ на Москвѣ за Яузою ночью въ 7-мъ часу ночи. Да вѣдомо тебѣ буди, бояры и околничіе и думные дворяня приговаривали вора Ѳ. Шекловитова и товарыщевъ его отдать къ в. государю въ Троецкой, паче и по воротамъ о тѣхъ ворахъ наказано накрѣпко, чтобъ ихъ ловили и отвозили къ Троицѣ, а я Кир. во 2-мъ часу ночи приходилъ къ съѣзжей избѣ и десят. Ѳедотку Тололаева сказалъ, чтобъ того Сергеева берегъ и смотрилъ на крѣпко и Ѳедотъ сказалъ, что буду беречь его накрѣпко. Сентяб. въ 3 день.

461. Столнику и полковн. стремяннаго полку Ив. Елисѣевичу Цыклерову пятидесятникъ Стен. Воротниковъ, да Ив. Воротниковъ челомъ бьютъ. Здраствуй государь нашъ Иванъ Елисѣевичь на множество лѣтъ со всѣми пріятели...., да вѣдомо тебѣ буди, что изъ походу отъ государя прислана грамота, и ту грамоту чли и то всѣ люди слышали, заговорили, что мы за тѣхъ людей не стоимъ—воля государева, пошли Ан. Сергева взяли, посадили за караулъ, а ходили по Микиту и по Андр. Кондратьева и они домой дня съ 4 не ночюютъ, а ночюютъ въ верху, да пріятелю моему Лар. Елизарьеву и Ипату Григорьевичю, Матв. Григорьевичю, Дмит. Алексѣевичю, Мих. Ѳеоктистовичю, Ѳед. Михайловичю, Ив. Ѳедоровичю, Ѳилипу Ѳедоровичю и всѣмъ нашимъ пріятелемъ здраствуйте.... наши пріятели. Ст. Воротниковъ челомъ бьетъ да Ивашка Воротниковъ челомъ бьютъ; пріятель нашъ Лар. Елизарьевичь доложи Ив. Елизарьевичу чтобы побилъ челомъ Иванъ Елисѣевичь царю Петру Алексѣевичю об Малышкинѣ, объ Лепешкинѣ о Полетаѣ, а сидятъ они въ темномъ мѣстѣ, что проходятъ отъ Миколы Теплова по розну, чтобъ указъ государевъ прислали, а государыня призывала петидесятники и десятники и говорила, что я еще съ государемъ грамотами перешлюсь и вы до указу не отдавайте тѣхъ людей, тѣ люди добрыя, этакъ и всѣхъ васъ поберетъ. Лар. Елизарьевичь пожалуй посмотри грамотки, тако негодитца показать Ив. Елисѣевичу и ты не кажи, что худо написана неразумно, раздери грамотки раздери.....

Государю милостивому и милосердому Ив. Елисѣевичу, подай тебѣ Господь Богъ многолѣтнее здравіе. Ст. Воротниковъ, Кир. Семеновъ премножественно челомъ бьютъ, а мы на Москвѣ въ суетахъ своихъ и въ печалѣхъ пребываемъ и въ домахъ своихъ не ночюемъ. Вѣдомо тебѣ буди, на Москвѣ на Лыковѣ дворѣ прибылой караулъ и ставятъ полные полку тысячные знамены съ копьи и съ ружьемъ и съ барабаны, да рѣчь носитца и поговариваютъ тутъ, государыня и государь изволятъ итти въ Троецкой походъ вскорѣ, а котораго числа того вподлинно невѣдомо, а по которыхъ в. государей грамоты

были посланы, и тѣ воры въ полкахъ не явятца, знатно, что живутъ въ прикрытьѣ, и старца въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ живалъ, нѣтъ, а меня Кирьюшку, Семенъ Долматовъ хотѣлъ ножемъ зарѣзать, такожъ де и Конона Иванова и Ив. Суворова, и ножъ наголо вынималъ и впредь ножемъ рѣзать меня хвалитца и пристращиваетъ ночною порою, а чѣмъ хвалитца ночью, того невѣдомо, и называетъ ворами измѣнниками, и которые довотчики де у Троицы, такіе-жь де воры и кричитъ во весь народъ безопасно и съ ножомъ наголо по Покровкѣ ходитъ, и Степана Асамитова также воромъ называлъ и ножемъ рѣзать кидался на всѣхъ, и набравъ каменья хотѣлъ бросать въ насъ, и всякіе непристойные слова во весь народъ говорилъ, и мы стали его унимать, чтобъ онъ Семенъ отъ дурныхъ словъ унялся и онъ бранилъ, и мы на твою государскую милость надежны: пожалуй объ насъ пособствуй и призри, чтобъ намъ живучи на Москвѣ опасенія не было. Сентяб. 3 день.

463. Государю милостивому и милосердому Ивану Елисѣевичу! Подай тебѣ государю Господь Богъ многолѣтнее здравіе. Ст. Воротниковъ, Кир. Семеновъ премножественно челомъ бьютъ, а мы на Москвѣ въ суетахъ своихъ и въ печаляхъ пребываемъ и въ домахъ своихъ не ночуемъ, вѣдомо тебѣ буди: на Москвѣ на Лыковѣ дворѣ поставленъ прибылой караулъ и стоятъ полные полку тысячные съ знамены съ копьи, съ ружьемъ и съ борабаны, да рѣчь носитца, поговариваютъ, и государь изволятъ итти въ Троецкой походъ вскорѣ, а котораго числа, того вподлинно не вѣдомо, а которыхъ в. государей грамоты были присланы и тѣ воры въ полкахъ не явятца, знатно то, что живутъ въ прикрытьѣ и старца въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ живалъ, нѣтъ; а меня Семенъ Далматовъ хотѣлъ ножемъ зарѣзать, такожде и Кон. Иванова и Ивана Суворова и ножъ наголо вынималъ и впредь ножемъ рѣзать меня хвалитца и пристращиваетъ ночною порою, а чѣмъ хвалитца ночною, того не вѣдомо и называетъ ворами и измѣнники, а которые де доводчики у Троицы, такіе жъ воры и кричитъ во весь народъ безопасно и съ ножемъ наголо по Покровкѣ ходитъ и Степ. Асамитова также воромъ называлъ и ножемъ рѣзать кидался на всѣхъ, и набравъ каменья, хотѣлъ бросать въ насъ и всякіе непристойные слова во весь народъ говорилъ, и мы стали унимать, чтобъ онъ Семенъ отъ дурныхъ словъ унялся, и онъ бранилъ и мы на твою государеву милость надежны пожалуй насъ, пособствуй и призри (464), чтобъ намъ живучи на Москвѣ опасенія небыло, а въ верху сидѣнье было, а про что, того невѣдомо, а къ сидѣнью посылали по столниковъ и по дворянъ и по боярскихъ стряпчихъ, кои постарѣе.

465. Милостивый Государь Илья Ивановичь, твоего полку пятисотной Исачка Борисовъ челомъ бьетъ. Здравствуй Илья Ивановичь на многія лѣта, да вѣдомо тебѣ Илья Ивановичь буди, что которой указъ отъ Троицы Сергеева монастыря присланъ твоего жь полку съ пятидесятники съ Иваномъ Киреевымъ съ товарыщи съ десятки человѣки и тотъ в. государя указъ у съѣзжей избы пятидесятникамъ и десятникамъ и рядовымъ стрѣлцомъ вслухъ вычтенъ всѣмъ въ слухъ, и пятидесятники и десятники и рядовые стрѣлцы сказали: будь ихъ в. государей воля, что они ни producerполятъ, а тѣхъ Илья Ивановичь пятидесятниковъ, которые съ указомъ пріѣхали, не отпускаютъ и указъ у нихъ пятидесятниковъ въ верхъ взяли, а въ дому Илья Ивановичь твоемъ далъ Господь же здорово и въ слободѣ твоего полку, далъ Господь Богъ все смирно, да сотенной, И. Ивановичь, твоего полку Юдка Ѳедоровъ пришелъ изъ полону къ Москвѣ, а въ полонъ его взяли отъ Переко-

па отошедъ на первомъ стану. Писано сіе писаніе сент. въ 2 день. За симъ писавый Исачка Борисовъ челомъ бьетъ.

Милостивый Государь пріятель Θил. Михайловичь, пожалуй умилися надо мною убогимъ, возми за меня ихъ в. государей жалованье сукно, а росписатца въ мое мѣсто, кому пожалуешь ни прикажежь, потому что... надеженъ на милость и любовь твою къ себѣ убогому. Писавый Ив. Елбузинъ челомъ бьетъ, слезно милости твоей проситъ.

467. Государь милостивый Θед. Леонтьевичъ! бьетъ челомъ бѣдная и безпомощная до конца разоренная вдова Стеθанида, сама пята съ робятишками, изволеніемъ Божіемъ погорѣла я бѣдная, и пріютитца бѣдной съ робятишки не гдѣ, и я бѣдная опродавши.... , а иное собравши Христовымъ именемъ, а иное и одолжася взяла избенку и поставила, а печенки сбить не чѣмъ, умилостивися государь милостивый Θед. Леонтьевичь, для всемилостиваго Спаса и пречистыя Богородицы для многолѣтняго своего здравія, пожалуй мнѣ бѣдной на печенку чѣмъ сбить, укупи душѣ своей спасенья, заставь вѣчно Бога молить Θед Леонтьевичь, смилуйся пожалуй.

469. По указу в. государей поиманы воры Лаврентьева полку Сухарева Демка Лаврентьевъ, Семенова полку Краθкова Ив. Муромцовъ, Романова полку Еθимьева, пятидесят. Ильюшка да Васка, которые отбили Об. Петрова, и тѣхъ послалъ въ Троецкой монастырь, а для чего не писалъ опасался, чтобъ на дорогѣ ихъ и писемъ не отбили. А воровъ государевыхъ измѣнниковъ вѣдомость носитца въ Троецкой монаст. посылать не изволятъ.

Сент., въ 4 числѣ взятъ изъ Спаскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ старца Селиверстка Медвѣдева донской козакъ Θомко Савостьяновъ и тотъ козакъ Θомка посланъ со стрѣлцами Еθтиθіемъ Ламовцомъ Семенова полку Резанова съ товарищи (472) на Троецкой монастырь; того жъ сент. противъ 3-го числа въ 8-и часу ночи съ съѣзжіе избы Иванова полку Цыклера ушолъ его жъ полку стрѣлецъ Анд. Сергеевъ, а на караулѣ стояли десятники Ив. Голой, Θед. Ивановъ, на часахъ стоялъ Галка Яковлевъ, и тѣ десятники посланы въ Троецкой монастырь.

473. В. государямъ и в. государынямъ цесаревнамъ походу въ Троецкой Сергіевъ монастырь сего числа не чаетъ, а вѣдомость есть, что походъ будетъ завтра сент. въ 5 день.

Государю Анд. Ивановичу пятидесятники Панθилко Карповъ (474) съ товарыщи челомъ бьютъ, здравствуй государь на множество лѣтъ, вѣдомо тебѣ буди въ домѣ твоемъ и у Ивана Θедоровича, далъ Богъ здорово, да просили милости у в. государей и указъ намъ сказанъ объ измѣнникахъ и ворахъ о Θеткѣ Шакловитомъ и объ Ондрюшкѣ Кондратьевѣ съ товарищи (475), которые не сысканы, а онъ Θ. Шакловитой у нихъ в. государей въ вѣдомѣ и какъ будетъ изъ походу бояринъ кн. Пет. Иван. Прозоровской и онъ Θедка будетъ у нихъ въ рукахъ, а изъ стрѣлцовъ (476) Анд. Кондратьева у нихъ въ дому нѣтъ, а велѣно искать, а указъ сказывалъ Борисъ Гавриловичь Юшковъ, и о томъ тебѣ обо всемъ подлинная вѣдомость будетъ. (Л. 871—74).

497. Царю Петру *челобитье Ив. Нечаева:* ....„Какъ былъ я, холопъ вашъ въ дорогѣ, и вѣдомо на Москвѣ учинилось и сестра твоя в. государыня Софія Ал. изволила призвать подполк. Р. Агустова и приказывать, чтобъ ему ѣхать на встрѣчу, взявъ съ собою стрѣлцовъ 200 человѣкъ, и меня и стрѣлцовъ переимать и твой, в. г., указъ отнять, чтобъ въ полкахъ

тѣхъ указовъ не объявить и для увѣренія приводила ко хресту его Родіона и стрѣлцовъ, чтобъ мнѣ не поноровилъ, и я, холопъ вашъ, объѣхалъ иною дорогою и стрѣлцовъ распустилъ по полкамъ. И какъ стрѣлцы пріѣхали въ слободы свои и указъ прочли, и я пріѣхалъ въ городъ и грамоту въ приказѣ дьякамъ Кирилу Алексѣеву съ товарищи отдалъ, и дьяки не роспечатавъ тое грамоту подали въ верхъ, а меня Данило Полянской роспрашивалъ, „по что де ты пріѣхалъ?“ Велѣно мнѣ взять воровъ. И вышедъ сказалъ: до указу в. государей не уѣзжай. А Айгустовъ искалъ меня и бѣгалъ, и твой указъ взялъ у стрѣлцовъ и отвезъ въ верхъ. И велѣно взять всѣ указы вверхъ. И какъ пришли стрѣлцы, в. государыня Софія Ал. „изволила вытти и сказать, что де братъ нашъ в. государь Петръ Алексѣевичь, указалъвамъ взять Ѳедора Шакловитого да Оброску Петрова и иныхъ, и они люди добрые и безвинно нынѣ де возмете ихъ, а въ иное де время и иныхъ такъ де всѣхъ переберутъ. И вы де безъ нашего указу никого не берите и сами съ Москвы не съѣзжайте.“ И они стрѣлцы назавтрея приходили, которые присланы отъ тебя, и били челомъ, чтобъ ихъ отпустить хоша по человѣку съ полку; и государыня Софія Алекс. изволила вытти и отпустить не поволила, „и будутъ кто поѣдетъ, и у васъ де жены и дѣти останутца, а вора Ѳ. Шакловитого и жены и дѣтей въ домѣ нѣтъ;“ а носитца рѣчь, что въ верху, и тутъ его взять не возможно, Селиверстка не нашли. (500) Да и въ полкахъ, государь, не согласно: какъ стрѣлцы пріѣхали по полкамъ и въ Романовѣ полку Еѳимьева на съѣзжей избѣ застали О. Петрова, и стрѣлецъ прибѣжалъ Семенова полку Огибалова Якишко Ивановъ, чтобъ его Оброску взять, и О. Петровъ почалъ его бить, а были въ то время пятидесятники Илья Аѳонасьевъ да Василей Мясникъ и многіе стрѣлцы, и его Оброску отпустили, и А. Стрижева, и Е. Романова также не дали. А стремяннаго полку сказали, что пойманъ де у нихъ Андрюшка Сергѣевъ и сидитъ на съѣжей избѣ, а въ полку Краѳкова сидитъ пойманъ Ив. Муромцовъ, а въ полку Сухарева пойманъ Д. Лаврентьевъ, и о тѣхъ пойманныхъ что ты, в. государь, укажешь? А меня, холопа вашего, хотятъ поймать тайнымъ обычаемъ, и я въ домишку своемъ не ночюю, сент. противъ 2 числа въ полночь приходили ко мнѣ и спрашиваютъ де меня въ верхъ, а сказался подъячей, и съ нимъ было многолюдно; а я въ то время не ночевалъ дома, а безъ твоего в. государя указу въ Троецкой монастырь ѣхать не смѣю, и о томъ, что ты в. государь укажешь?“

501—504. (Сент. 4 велѣно ѣхать полковнику Сергѣеву помогать Нечаеву и Спиридонову въ поимкѣ воровъ. Письмо Нечаева получено 3 сент. за нерадѣнье и оплошку быть Сергѣеву въ смертной казни безо всякіе пощады, а стрѣльцовъ съ нимъ послано 20 чел).

516—532. Въ нынѣшнемъ во 197 г. авг. въ разныхъ числѣхъ царю Петру Ал. въ с. Преображенскомъ извѣщали и въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ въ роспросѣхъ порознь сказали: московскихъ стрѣлецкихъ полковъ капитаны и пятисотные и пятидесятники и десятники и рядовые стрѣлцы разныхъ полковъ на Ѳедку Шакловитаго и на единомышленниковъ его воровство и умыслъ какъ они умышляли на его государево здоровье и на мать его царицу Наталію Кириловну и на ближнихъ его людей смертное убивство и составливали бунты. . . . . Августа противъ 8 числа ночи Никольскія ворота заперты, а приставлены у тѣхъ воротъ для пропуску стрѣлцы, которые безпрестанно у Шакловитаго, а въ Кремлѣ де на

Лыковѣ дворѣ собрано было стрѣлцовъ съ ружьемъ (517) многое число и того жъ де числа отъ в. государя изъ походу изъ с. Преображенскаго пріѣхалъ спалникъ Ѳ. Плещеевъ и караулщики его съ лошади стащили и повели въ верхъ къ Ѳ. Шакловитому, а онъ де Ѳедка тое ночи былъ въ верху и по приказу Ѳедкину Ник. Гладковъ говорилъ у Спаскаго де набату веревка привязана и велѣлъ сбиратца стрѣлцамъ съ ружьемъ многимъ людемъ, а какъ учнутъ бить въ набатъ и имъ велѣлъ итти въ Кремль, а тое ночи во всѣ часы для того умысла смотрилъ онъ Ѳедка изъ золотой палаты и то они вѣдаютъ подлинно, что онъ Ѳедка тое ночи хотѣлъ учинить тайной бунтъ, а прежде того тому года съ 2, онъ жъ Ѳедка говорилъ про нихъ в. государей и про мать его многіе неистовые слова, которыхъ имъ словъ и говорить невозможно и умышлялъ онъ мать его постричь, а стрѣлцы Мик. Гладкой (518) и Куз. Чермной съ товарыщами говорили: надобно де имъ убить старую царицу Наталію Кириловну, а иные стрѣлцы въ то время говорили вступитца де за нее сынъ ее в. государь Петръ Алексѣевичъ, и стрѣлецъ де Куска Ивановъ говорилъ: чего де и ему спускать, за чѣмъ стало.... да онъ же Ѳ. Шакловитой говорилъ имъ прежь сего тому съ годъ или болши, чтобъ имъ умысломъ своимъ въ то время какъ будетъ ему государю походъ, бросить на пути передъ нимъ ручные гранаты или-бъ какимъ тайнымъ обычаемъ въ походные или въ потѣшные его сани подъ мѣсто положить бы гранаты жъ, и чтобъ тѣми гранатами его убить, да иные многіе неистовые слова про него государя онъ Ѳедка говорилъ же, которыхъ словъ имъ и говорить невозможно, а въ нынѣшнемъ де во 197 году (519) ѣдучи изъ Коломенского онъ Ѳедка говорилъ, в. де государь меня къ рукѣ не пожаловалъ и Никитка Гладкой говорилъ: кто де тебя не пожаловалъ и кто не допустилъ и тѣхъ онъ бранилъ матерны, и пора де опять за дѣло принятца, а Ѳедка смѣялся и говорилъ: то де дѣло сдѣлаетца, и августа противъ 8 числа послалъ ихъ Ѳедка въ с. Преображенское провѣдать, тутъ ли де государь и будетъ ли де къ Москвѣ, и государя де они въ Преображенскомъ не застали, а пріѣхали за полчаса до свѣту къ Ѳедкѣ на дворъ и сказали ему, что благочестиваго царя изъ Преображенскаго согнали, ушолъ де онъ босъ, толко въ одной сорочкѣ, а куды того невѣдомо и онъ Ѳедка молвилъ: волно де ему сбѣсясь бѣгать, да во 197 году какъ де приходила в. государыня въ с. Преображенское къ брату своему в. государю и въ то де время (520) онъ Ѳедка ималъ съ собою стрѣлцовъ изъ розныхъ полковъ многихъ людей, чтобъ побить бояръ такъ же бы и убить царицу и выходилъ де Ѳедка въ то время на кормовой дворецъ и говорилъ: слушайте де какъ учинитца въ хоромѣхъ шумъ и будте де вы готовы и которыхъ вамъ изъ хоромъ станутъ давать: и вы ихъ бейте, да онъ же Ѳедка умышлялъ со старцемъ Селиверсткомъ и съ Микиткою Гладкимъ съ товарыщи, чтобъ убить до смерти св. патріарха и нынѣ де надъ нимъ умышляютъ тожъ, и во 197 году, въ день св. Богоявленія приказывалъ Ѳедка стрѣлцомъ Ал. Стрижову съ товарыщи: мочно ли де патріарха какъ онъ пойдетъ на воду убить, и стрѣлцы ему сказали того де учинить ни которыми дѣлы нелзя и онъ Ѳедка имъ сказалъ, хотябъ де его патріарха оборвать и оборвавъ бы припрятать къ мѣсту, да онъ Шакловитой съ единомышленники своими умышлялъ и имъ стрѣлцомъ (521) приказывалъ по многіе времена, чтобъ побить бояръ Кир. Поліехтовича, Лва Кириловича съ братьями и всѣхъ Нарышкиныхъ до одного человѣка и кравчего

кн. Бориса Алексѣевича Голицына да Лопухиныхъ всѣхъ до одного человѣка развѣ де оставить одного Василья Аврамовича будетъ онъ не попадетца а буде попадетца.... и его убить да Опраксиныхъ всѣхъ 3-хъ да Викулу Ѳедотовича Изволского, да Ѳед. Тих. Зыкова, а какъ де ихъ побьютъ и кто что въ домѣхъ ихъ возметъ и то передъ ними, а роззыску де о томъ никакого не будетъ. И они де стрѣлцы въ томъ во всемъ ему отказали безъ позволенія де того ничего они дѣлать не будутъ, какъ де в.государь въ нынѣшнемъ году изъ Коломенскаго приходилъ къ Москвѣ въ день ангела царевны Анны Михайловны, нынѣ де Ѳедка имъ стрѣлцомъ велѣлъ быть въ Кремлѣ на площади съ саблями въ скрытѣ, по близко (522) Краснова крылца и велѣлъ имъ слушать вѣстового колоколца, которой для вѣсти болшаго набату учиненъ у церки Ризположенія, а какъ де въ болшой набатъ учнутъ бить, и вы де дѣлайте то, что вамъ велѣлъ. И по иные по многіе времена Ѳедка изыскивалъ, чтобъ тѣхъ выше писанныхъ бояръ побить, да имъ же де говорилъ Никитка Гладкой нынѣ де терпите, да ужъ де вдругъ дастъ Богъ будетъ ярмонка, станемъ де боярскіе дворы и торговыхъ людей лавки грабить..... а воры и бунтовщики по розыску явились съ Шакловитымъ старецъ Селиверстко Медвѣдевъ да стрѣлцы стремянного полку Анд. Кондратьевъ, Ник. Гладкой, Анд. Сергѣевъ,—Романова полку Еѳимьева, Абр. Петровъ, Дмитреева полку Жукова, Ал. Стрижовъ, Ег. Романовъ, Лаврентьева полку Сухарева—Демка Лаврентьевъ, Борисова полку Дементьева стрѣлцы Куска Чермной да слободчикъ Мик. Евдокимовъ да десятникъ Миш. Чечотка.... Да августа въ 31 день въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ передъ бояры Борисова полку Дементьева (523) стрѣлецъ Кус. Чермной, да слободчикъ М. Евдокимовъ да десятникъ Мишка Чечотка въ роспросѣхъ сказали: въ нынѣшн. де во 197 году послѣ святой недѣли Шакловитой призвалъ ихъ къ себѣ въ домъ и говорилъ: многіе де плевелы въ мірѣ, а межь государей чинитца великая ссора что де вы слышите и что у васъ ведетца, и вы де слушайте какіе слова и какіе кто плевелы сѣетъ ко мнѣ де приносите и они ему сказали, будетъ де какіе непристойные слова услышать къ нему де Ѳедкѣ приносить станутъ, да онъ же Ѳедка говорилъ имъ, хотятъ де ихъ перевесть, а его Ѳедку изъ приказу вонъ высадить, а ихъ де, которые къ нему Ѳедкѣ въ домъ вхожи, всѣхъ разослать по городамъ, а мутитъ де всѣмъ царица Наталья Кириловна, и авг. въ 1-хъ числѣхъ ночью приходили къ нимъ ко дворамъ ихъ съ стѣнного караула стрѣлцы Андрѣева полку Нармацкого и велѣли приготовить стрѣлцовъ ему Кускѣ человѣкъ 60, а Миш. Евдокимову человѣкъ съ 20 и болши, и велѣли имъ (524) дожидатца на двору на 2 или 3 вѣдомости, а безъ вѣдомости имъ и никуды ходить не велѣли, а съ чѣмъ имъ итти потому имъ будетъ другая вѣдомость; и того де числа вѣдомости имъ небывало и никуды они не ходили; и поутру, М. Евдокимовъ для подлинной вѣдомости приходилъ къ Ѳедкѣ и ему сказывалъ, что тѣ стрѣлцы приходили по его ль велѣнью и Ѳедка сказалъ: посылалъ де ихъ къ нимъ; да К. Чермной сказалъ: такіе де слова онъ говорилъ, что ни изъ коего полку людей толко не выйдетъ что и изъ ихъ и въ слободѣ по окнамъ ходилъ и собралъ стрѣлцовъ 20 человѣкъ и царицу Наталью Кириловну медвѣдицею называлъ и чтобъ ее убить говорилъ, а про государя Петра Алекс. такихъ словъ, буде онъ вступитца за мать свою, чтобъ и ему не спускать, не говаривалъ, да М. Чечотка говорилъ (525) прежде того съ годъ или болши: призывалъ Шакловитой ихъ къ себѣ на загородной дворъ,

да съ нимъ разныхъ стрѣлцовъ Лар. Елизарьева, Ив. Шестакова, пристава Об. Петрова, Ал. Стрижова, Ел. Романова, Семенова полку Капустина, пристава Кандрашку, а иныхъ имянъ не упомнитъ, было ихъ человѣкъ съ 20 и при нихъ имъ Ѳедка говорилъ: имъ мочно де патріарха перемѣнить и взять изъ властей, которые на ихъ руку для того, что отъ него многое преніе бываетъ,—и они де задумались и говорили вѣдаютъ ли де про то в. государи и бояря и Ѳедка имъ сказалъ, вѣдаетъ де одинъ в. государь, а другой въ малыхъ лѣтѣхъ, а про бояръ сказалъ: всѣ де отпадшее зяблое дерево и они де спросили про боярина кн. Василья Васильевича и онъ имъ сказалъ.... и они де ему сказали твоя де воля, а ихъ разуму нѣтъ и того числа вынялъ Ѳедка изъ кармана челобитную, а въ той челобитной имена стрѣлецкихъ и салдацкихъ полковъ и гостей (526) и гостинные сотни, чтобъ в. государи указали св. патріарха перемѣнить за то, что онъ не ихъ рука и они де ему говорили, кого де на его мѣсто быть и онъ де имъ сказалъ изо властей, буде изо властей не похотятъ, мощно де и простого старца и учинятъ ему такую честь—тотъ же де будетъ патріархъ и про челобитную сказалъ: я де напишу и бѣлую челобитную и велѣлъ домовъ итти и далъ имъ по бумашкѣ денегъ, а по сколко, не упомнитъ.

527. Да въ нынѣш. во 198 г. сент. въ 30 день полковникъ С. Резановъ въ распросѣхъ сказалъ: въ прошломъ де во 197 г. авг. противъ 8-го числа въ ночи велѣлъ онъ Семенъ полку своего сто человѣкъ стрѣлцовъ привесть къ нему и стать имъ у Житного двора, и приставъ де сто человѣкъ стрѣлцовъ къ нему привелъ и поставилъ у Житного двора,постоявъ онъ же Семенъ сказалъ: тѣхъ де стрѣлцовъ отъ съѣзжей избы въ Кремль привелъ Ѳил. Сапоговъ, (528) а сколь человѣкъ привелъ, того онъ не вѣдаетъ, а приказалъ де ему Семенъ привесть явнымъ лицемъ, а собраны де тѣ стрѣлцы въ то время для того, шатаются де потѣшные конюхи и чтобъ де чего не учинили, а пришедъ де стрѣлцы къ Семену и сказали ему, что имъ всѣмъ дано по 1 рублю, и говорилъ Семенъ имъ стрѣлцомъ, есть ли де какая хитрость будетъ, и вы де господа ради поберегите и то де Семенъ имъ стрѣлцомъ говорилъ же, что Ѳ. Шакловитой ихъ жалуетъ и за ихъ службу предъ лице в. г. ихъ ставитъ, а постоявъ Семенъ же сказалъ: тѣхъ де (530) стрѣлцовъ сто человѣкъ велелъ онъ Ѳил. Сапогову поставить на Житномъ дворѣ, а что де онъ выше сего сказалъ; что велѣлъ поставить у Житного двора, а не на Житномъ и то де онъ сказалъ безпамятствомъ и въ той де его винѣ волны в. государи. (531) Пятидесятникъ Мик. Ѳроловъ говорилъ, буде умыслу Шакловитова никакого не вѣдаете и вы де милости у государя попросите чтобъ его пожаловалъ, а Ѳедка сказывалъ: стрѣлцы де его поклепали, будто онъ хочетъ известь в. государя Петра Алексѣевича и царицу Наталію Кириловну и будто де онъ собрався съ стрѣлцами для такого умыслу хотѣлъ итти къ нимъ в. государямъ въ с. Преображенское, тѣ де слова Ѳедка сказывалъ ему Семену въ дому его авг.. въ 27 числѣ 197 г., да онъ же Сенка сказалъ и про царской вѣнецъ, велѣлъ для возмущенія сказывать онъ же Ѳедка.

541. (Сент. велѣно поставить караулъ на дворахъ у Резанова и другихъ воровъ, которые явились по розыску).

542. Челомъ бьетъ *С. Сергѣевъ:* 5 сент. пріѣхалъ къ Москвѣ и доносилъ брату твоему в. государю Іоанну Ал. чрезъ боярина Ѳед. Петр. Салтыкова, „и по то вышелъ бояринъ Б. Гавр. Юшковъ и сказалъ: воръ

де и измѣнникъ Ѳ. Шакловитой у насъ на вѣдомѣ, а С. де Медвѣдева съ товарыщи сыскивайте сами, а о Ѳ. де Шакловитомъ подождите указу сент. до 6 числа, докудова пріѣдетъ бояринъ кн. Ив. Прозоровской изъ походу отъ царя Петра Ал., а что 6-е число явитца, и о томъ тебѣ, в. г. будетъ извѣстно. Да моего жъ полку полковой приставъ Гришка Савельевъ, которой держалъ тайно у себя комнатнаго сторожа Мишку, да ему Гришкѣ въ авг. мѣсяцѣ въ послѣднихъ числахъ воръ и измѣнникъ Ѳ. Шакловитой далъ денегъ 5 р., а про денги мнѣ сказывалъ моего полку пятисотной М. Булоховъ, а нынѣ Мишка въ походѣ за тобою в. государь въ Троецкомъ монастырѣ."

543. Сент. указъ капитану *Мих. Данилову* ѣхать въ Донской монастырь и узнать, что бывшій архим. Никонъ отпущенъ въ Сѣвскъ по обѣщанію помолитца и съ нимъ поѣхалъ С. Медвѣдевъ. Если поѣхали калужской дорогой, ѣхать ему въ погоню до Сѣвска наскоро, „и дорогою про нихъ розвѣдывать всякими мѣрами, гдѣ кто ихъ видалъ и сколь давно проѣхали" и „чтобъ ихъ кончае въ даль не упустить" и послано съ нимъ 10 стрѣлцовъ.

546. „Ему же ѣхать и до Болхова и до Карачева и до Сѣвска," а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безотмѣны, чей кто ни будь, что есть давали капитану 2 подводы да 10 моск. стрѣлцамъ по 1 подводѣ человѣку верховыхъ, и назадъ давали бы. Сент. 198.

Свитокъ № 6.

Столбцы 1—58. *Показаніе С. Медвѣдева.* „Сентября въ 24 день старецъ Селиверстко Медвѣдевъ передъ бояры распрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: на государское здоровье, и о святой церквѣ о возмущеніи, Федка де Шакловитой о государскомъ здоровѣ и о убивствѣ никакихъ словъ ему не говаривалъ, а сказывалъ ему, Селиверстку, пятисотной Ларіонъ Елизаревъ, и пришедъ къ нему, плакалъ: бѣда де на нихъ пришла великая, не знаютъ де какъ быть, призывалъ де ихъ Ѳедка Шакловитой его, Ларку да Ондрюшку Кондратева, Олешку Стрижова, Обровску Петрова, и говорилъ, чтобъ имъ тайно въ ночи послать по боярина Лва Кириловича Нарышкина да кравчего князя Бориса Алексѣевича и иныхъ, а кого, то онъ не знаетъ, и чтобъ ему, Селиверстку, про тѣ ихъ слова ему, Федкѣ, не сказывать. И онъ, Селиверстко имъ, Ларіону съ товарыщи, сказалъ: „есть-ли де вы такъ сдѣлаете, пропадете и съ Ѳедоромъ здѣсь и въ вѣчное душами, хотя де вы тѣ его Селиверстковы слова ему, Ѳедкѣ и скажете, онъ де ему и въ лицо тожъ скажетъ. И они де, Ларіонъ съ товарыщи ему, Селиверстку, говорили: какъ же имъ быть и отъ того дѣла отговориться, потому что за то непослушаніе боятся они смерти. И онъ, Селиверстко, имъ сказалъ: скажите ему, Ѳедкѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ никоими мѣры невозможно, а инымъ говорить они о томъ не смѣютъ, говорилъ бы онъ самъ имъ, а есть-ли то дѣло имъ и учинить, и имъ всѣмъ пропасть; а онъ де Ѳедка въ то время отопрется, и ихъ всѣхъ напрасно погубитъ (3). И онъ Ларіонъ, тѣ слова слыша отъ него, и привелъ къ нему, Селиверстку, товарыщевъ своихъ, которые сказаны выше сего. И онъ, Селиверстко, имъ о томъ, чтобъ имъ не дѣлать, запрещалъ-же, и гово-

рилъ имъ: „есть-ли де вы то учините, пропадете.“ И они, Ларіонъ съ товарыщи, ему Федкѣ отказали, и того дѣлать не стали. И многажды ему Селиверстку, онъ, Ларіонъ, говаривалъ: „есть-ли-бъ“ де „онъ,“ Селиверстко, ихъ не укрѣпилъ, и имъ де было то сдѣлать. А о здоровьѣ де в. государя и матери его государыни Наталіи Кирыловны, онъ Федко, съ нимъ не умышливалъ. А говорилъ де онъ Федко, дважды ему, Селиверстку, на одинѣ тому съ годъ или менше въ розныхъ числехъ: „какъ бы де не было царицы Натальи Кириловны, такъ-бы де у в. Софіи Алексѣевны съ в. государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, было совѣтно. А говорилъ де онъ, Федка, для того, великій де государь ей, сестрѣ своей, во владенѣ возбраняетъ и владѣть ей допустить не хочетъ. И онъ, Селиверстко, ему Федкѣ сказалъ: „кто кому чего желаетъ, тотъ и самъ отъ Бога то пріиметъ.“ А о церквѣ онъ Селиверстко, сказалъ: „церкви де святой никакимъ смущеніемъ онъ не смущалъ; а которые де тетратки писалъ дьяконъ Афонасей, что былъ у Спаса на дворцѣ о пресущественіи тѣла и крови Хрыстовы, и ту тетратку принесъ къ нему показать онъ, дьяконъ (5). И онъ, Селиверстко, съ той тетратки списалъ себѣ двѣ тетрати; и нынѣ тѣ тетратки у него, Селиверстка, въ кельѣ. А писали де тѣ тетратки наемные робята, а какъ ихъ зовутъ, того онъ не вѣдаетъ, потому что нанималъ ихъ писать онъ, дьяконъ Афонасей; а писаны де тѣ тетратки на греческую книгу, что писали на Москвѣ Греки, и одну де такую тетратку далъ онъ Микиткѣ Гладкому почесть; и онъ де Микитка ему не отдавалъ. А на святѣйшаго де патріарха въ той тетратѣ ничего не писано, а писано на Греки; а на святѣйшаго де патріарха умыслу никакого у него не бывало, и ни отъ кого, чтобъ его убить, или перемѣнить, не слыхалъ, и роспись, какая отъ Федки Шакловитова, чтобъ кого послать была-ль, или нѣтъ, того не слыхалъ. А книгу де онъ „О маннѣ хлѣба животнаго“ написалъ по указу и закрѣпя своего рукою, поднесъ ей, в. государынѣ, тому другой годъ; и та книга посылана къ гетману къ Ивану Степановичу, къ кіевскимъ властямъ, къ свидѣтельству; и съ нею о томъ же греческая другая книга посылана жъ. И въ Кіевъ отъ всеа кіевскіе церкви на обличеніе греческой книги написана обличительная книга греческой неправдѣ, и прислана къ Москвѣ къ великимъ государемъ. А прислалъ де тое книгу князь Василей Голицынъ въ то время, какъ въ 197 году былъ на службѣ. А тое книгу отдалъ ему гетманъ, а святейшему патріарху о той книгѣ онъ не докладывалъ, потому что писана по указу в. государыни. А что де въ извѣтѣ Ѳилипа Сапогова написано, бутто онъ, Селиверстко съ Федкою Шакловитымъ и соединомышленики его, умышлялъ убить святѣйшаго патріарха, и такого де умыслу у него Селиверстка не бывало, и ни съ кѣмъ не говаривалъ, и его Ѳилипа, и брата его Василя о такомъ умыслѣ не приказывалъ. А Олешка Стрижовъ къ нему, Селиверстку, хаживалъ по часту и говаривалъ съ нимъ, Селиверсткомъ, о томъ же, о чемъ и Ларка Елизарьевъ говорилъ; а иныхъ де никакихъ тайностей онъ Олешка, съ нимъ Селиверсткомъ, не говаривалъ. А караулъ де у него Селиверстка, былъ отъ велика дни, для того, чтобъ святѣйшій патріархъ тайно его, Селиверстка, не сослалъ. А такіе де слова Олешка Стрижовъ, будетъ де пришлетъ святѣйшій патріархъ, и чтобъ его не дать, а сказать, что до него государево дѣло есть, онъ Олешка, говорилъ-ли, того онъ, Селиверстко, не слыхалъ. (8). И Филипу Сапогову съ Селиверсткомъ Медвѣдевымъ дана очная

ставка; а на очной ставкѣ Филипъ Сапоговъ говорилъ, что онъ, Селиверстко, съ Федкою Шакловитымъ святѣйшаго патріарха убить умышляли. А какъ де тѣ слова были, и въ то время онъ, Селиверстко, у себя въ кельѣ ему, Филипу, поднесъ двѣ чарки вина и говорилъ: „нѣтъ де друга моего Микитки Глаткова." И Селиверстко на очной ставкѣ, въ томъ, что убить святѣйшаго патріарха, запирался жъ, а сказалъ, что такихъ словъ не говаривалъ; а вино де ему, Филипу, подносилъ. Да въ распросѣ жъ онъ же, Селиверстко, сказалъ, что де въ распросѣ Ивашка Галахтіонова написано, чтобъ Олешку Стрижова и Егорка Романова ему, Ивашкѣ Галахтіонову, искать у него, Селиверстка, въ то время, какъ онъ, Ивашка, провѣдавъ въ Троецкомъ монастырѣ, и пришедъ къ Москвѣ, и въ тѣхъ де числехъ они, Алешка и Юрко къ нему, Селиверстку, прихаживали для того, что опасали его отъ святѣйшаго патріарха, а разговоровъ никакихъ съ нимъ, Селиверсткомъ, не бывало (9). А къ Федкѣ Шакловитому онъ, Селиверстка, пріѣзживалъ, и въ полаткѣ съ нимъ тайно говаривалъ о рацеехъ, и что печатанъ орелъ на листахъ, и подпис.... было именованіе в. государыни и седмь добродѣтелей и вирши; а знаменили тотъ листъ украинцы, которыхъ присылалъ ахтырской полковникъ Перехрестъ. А ему Федка Шакловитой велѣлъ подписать именованіе и вирши и седмь добродѣтелей, также и другіе латинскіе вирши на другомъ листу переводилъ же на словенской языкъ, и иные многіе подобные тому-жъ. Да онъ-же, Федка, ему-жъ, Селиверстку, сказывалъ у себя въ дому канунъ Семенова дни, тому другой или третей годъ; „завтра де в. государыню короновать; и онъ де Селиверстко, ему Федкѣ, сказалъ: „Святѣйшій де патріархъ того дѣлать не станетъ (10). И онъ, Федка, ему, Селиверстку, сказалъ: „Станетъ де патріархъ короновать и за неволю." А стрѣлцы де ей ничего о томъ не говаривали; а стрѣлцы де Демкѣ Лаврентьеву въ то время, какъ в. государь изволилъ быть въ Троецкомъ монастырѣ, такіе слова: „молитесь де Богу, чтобъ Богъ далъ утишеніе," говорилъ. А Ондрюшка Сергѣевъ у него, Селиверстка бывалъ, и многажды, и въ августѣ мѣсяцѣ 197 году былъ же, и такіе слова ему, Ондрюшкѣ: „хотя де в. государя Петра Алексѣевича сторона и повезетъ, и много де будетъ денъ на десять, а то де опять силна будетъ рука в. государыни Софіи Алексѣевны," онъ, Селиверстко, говорилъ, потому, сказывалъ ему, Селиверстку, Федка Шакловитой: „въ великій де постъ, на вербной недѣли приходилъ де къ в. государыни царевнѣ изъ Ниловы пустыни юродъ Ивашко, а чей словетъ, того ему не сказалъ, а грамотѣ де онъ умѣетъ, и такіе де слова, которые онъ, Селиверстко, ему Ондрюшкѣ, говорилъ, извѣщалъ, Ивашко, ей в. государынѣ. И онъ де, Ивашко сосланъ въ Нилову пустыню, а за что сосланъ, того онъ не вѣдаетъ. А онъ де Ивашко, у него, Селиверстка, ночевалъ, а присланъ былъ сверху къ нему, Селиверстку, для свидѣтельства юродства. А отъ Федки Шакловитова слышалъ онъ, Селиверстко, бутто его прислали съ тѣми словами Нилъ и нехтореи чудотворцы. А что де Егорка Романовъ сказалъ, что Микиткѣ Глаткому, онъ Селиверстко, далъ тетратки, и тетратки де ему Микиткѣ, онъ Селиверстко, далъ и о томъ у него сказано выше сего, а челобитной никакой не бывало. А Левонтей Неплюевъ знакомецъ ему давней, а пріѣзжалъ къ нему не по часту (12). А какъ были полскіе послы о вѣчномъ миру, и въ то время писалъ къ нему изъ Полотцка изъ Богоявленскаго монастыря старецъ,

а какъ его зовутъ, того онъ не упомнитъ, толко рядовой старецъ: пошли де къ Москвѣ полскіе послы, и буде станутъ договориваться о вѣчномъ миру, и ты де о томъ вѣдай, что полскіе послы хотятъ Москву обмануть, городовъ поступиться, и съ крымскимъ ханомъ миръ разорвать и войну учинить, и тою войною государство московское привесть въ нищету; и о томъ де ты, кому знаешь, донеси. И какъ де Левонтей Неплюевъ къ нему, Селиверстку, въ Спаской монастырь пришелъ, и онъ де, Селиверстко, то писмо ему объявлялъ; и послѣ того онъ, Левонтей, того писмо пріѣзжалъ къ нему, Селиверстку, отъ князь Василя Голицына, и то писмоималъ къ нему, князь Василю; а князь Василей то писмо вверху объявлялъ, и прислалъ то писмо къ нему, Селиверстку (15). А промышлялъ де о томъ миру онъ, Левонтей; а ему де, Селиверстку, онъ, Левонтей, сказалъ: князь Василей де за то писмо на него гнѣвался: какое де дѣло старцу писма принимать, а то де писмо и нынѣ у него въ полаткѣ. Да у него жъ де, Селиверстка, бывали разговоры съ нимъ же, Леонтьемъ, о Пашкѣ Негребецкомъ, что онъ, Пашка, вывелъ съ собою изъ Полши писма, тайные разговоры полскаго короля съ сенаторы, съ пятю человѣки о управленіи своего государства, и о храненіи отъ турскова и отъ московскова царства; а тѣ де писма въ посолской приказъ присланы отъ розыдента отъ Василя Тяпкина. А таковы жъ писма Пашка Негребецкой далъ ему, Селиверстку, и тѣ писма и нынѣ у него, Селиверстка, въ полаткѣ; и говорилъ де онъ, Селиверстко, ему, Леонтью: тотъ де вамъ нынѣшней миръ съ Поляки государству московскому будетъ убыточенъ, а полскому королю прибыленъ; потому какъ нынѣ съ Поляками миръ учинится, и съ Крымцы розорвется, и война съ ними учинится, и Крыму ни которымъ образомъ ни разорите, а государству московскому податми и иными поборы великое учините разореніе; а когда Поляки увидятъ наше безсиліе, а свою силу, и они миру не додержатъ. И Леонтей Неплюевъ сказалъ: то де все неправда, Крымъ де мы возмемъ вскорѣ, и миръ нынѣшней будетъ крѣпокъ, и государству московскому прибыленъ. Да онъ же, Селиверстко сказалъ: августа де противъ осмаго числа 197 году въ ночи, часу въ другомъ или въ третемъ пришелъ къ нему Ондрюшка Кондратевъ и сказалъ: былъ де онъ, Ондрюшка, въ слободѣ, и приказалъ, чтобъ сто человѣкъ съ ружемъ шли въ Кремль да изъ Ефимьева де и изъ Жукова полковъ указала в. государыня быть по сту жъ человѣкъ съ ружемъ. А сказываютъ де, что в. государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ быть тое ночи къ Москвѣ и в. государынѣ Софіи Алексѣевнѣ хочетъ отъ владѣня отказать. И онъ де, Селиверстко, ничего имъ не сказалъ. Да въ тое жъ ночи къ нему, Селиверстку, въ монастырь заходили стрѣлцы: Федоръ Турка, Михайло Феклистовъ, и сказали, что Ондрюшка Кондратевъ смутилъ, сказалъ де онъ бутто въ Кремлѣ стрѣлцы съ ружемъ, а въ Кремлѣ де стрѣлцовъ никого нѣтъ; а говорили де для того, что ходили къ нему почасту. А какъ де присланы были грамоты изъ походу, и Олешка де Стрижовъ сказывалъ ему, Селиверстку, что онъ въ походъ итти хотѣлъ, да не указала де в. государыня имъ ходить, а съ Федкою де Шакловитымъ видѣлся онъ, Селиверстко, вверху у в. г. царевны; а приходилъ де онъ вверхъ по присылкѣ отъ в. государыни; и изволила де в. г. ему объявить, бутто онъ писалъ писма на Донъ о возмущеніи, о томъ де приходилъ къ ней и доносилъ святѣйшій патріархъ. И онъ де, Селиверстко, ей в. государынѣ сказалъ—воля де святѣйшаго патріарха, а писемъ де онъ никакихъ не посылывалъ, а

съ Федкою Шакловитымъ никакихъ словъ онъ, Селиверстко, не говаривалъ. А съ Москвы де онъ, Селиверстко, побѣжалъ августа противъ тритцать перваго числа отъ страха, опосался того, что свят. патріархъ также бы в. государю на него какихъ словъ не принесъ. А какъ де онъ ѣхать сбирался съ вечера, и въ то де время пришли къ нему, Селиверстку: Алешка Стрижовъ да Микитка Глаткой, и спросили его Селиверстка: куды де ты сбираешся; и онъ, Селиверстко, имъ сказалъ, хочетъ де онъ съ Москвы ѣхать, и они де спросили: для чего? и онъ сказалъ. „отъ страха св. патріарха;" и они де ему сказали: „и мы де поѣдем съ тобою." И поѣхали съ нимъ оба, Олешка и Микитка, да зять егъ Михайло Гулской, да пѣвчей Гаврилъ Кузминъ, да братъ его Ондрѣйо да два челядника, одинъ его, Селиверстковъ, Ивашко, а другой Ондрѣя, Наумова Олешка; а намѣреніе де у нихъ было такое, что было имъ жить въ деревнѣ Новодѣвича монастыря отъ Москвы семь верстъ. И на Семеновъ де день Олешка Стрижовъ поѣхалъ къ Москвѣ, а сказалъ ему, что поѣхалъ въ строй, ихъ де приказу велѣно быть у дѣйства, и не бывалъ (18). И сентября въ 2 день приѣхалъ къ нему, Селиверстку съ Москвы старецъ Арсеней, и сказалъ, что въ монастырѣ зело отъ всѣхъ стало шумно, и въ монастырѣ ему стало жить не можно, и для того онъ приѣхалъ къ нему. И сентября де въ 3 день поѣхали они въ Бизюковъ монастырь, что въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, къ игумену Варѳаломѣю по знакомству, что онъ прежъ того жилъ у него, Селиверстка, въ монастырѣ, и отъ него изъ монастыря и въ игумены взятъ; и учили въ томъ монастырѣ четыре дни; и изъ Дорогобужа де въ тотъ монастырь приѣхалъ Дорогобужской подячей, и взявъ, привезли его въ Троицкой Сергіевъ монастырь; а до тѣхъ мѣстъ, какъ бы утишилось жить было имъ въ томъ монастырѣ; а въ Можаескомъ онъ не заѣзжалъ и ѣхалъ на Вятку прямо изъ Вереи; а игумену де онъ въ Дорогобужѣ, что онъ бѣжалъ отъ бѣды, не сказалъ. А прежде того, въ 191 году, до приѣзду кн. Василя Голицына, билъ челомъ онъ, Селиверстко, в. г. царевнѣ, и подносилъ челобитную объ отпускѣ съ Москвы въ который монастырь они вв. гг. укажутъ: въ Соловецкой, или въ Пустоозеро, или въ иной въ которой. И она де, в. государыня, изволила сказать: до тѣхъ де мѣстъ, какъ будетъ кн. Василей съ службы, его не отпустить. А келейникъ де его про тѣ вышеписанные его рѣчи ни про что не вѣдаетъ (20). А комнатной истопникъ Стенка Евдокимовъ, для провѣдываня вѣстей, отъ Федки Шакловитова прихаживалъ, и такіе слова, онъ, Селиверстко, ему, Стенкѣ, что в. государя Петра Алексѣевича рука высока, говорилъ, а того, что де надобно перетерпѣть, говорилъ ли или нѣтъ, того не упомнитъ; а говорилъ де онъ тѣ слова потому, что всѣ люди нынѣ преклонились къ в. государю, а прежъ сего, за страхомъ еѣ в. государыни, къ нему, в. государю, преклониться не смѣли. Да ему жъ, Селиверстку, чтено писмо, каково писалъ Олешка Стрижовъ и Митка Глаткой, и онъ, Селиверстко, сказалъ, что такое писмо къ нему, Селиверстку, они, Олешка и Микитка, писали, и того дни у него Селиверстка обѣдали.

21. Пречистый отче Силвестре, желая тебѣ спасенія и здравія, Алешка Стрижовъ, Никитка Гладковъ премного челомъ бьютъ. Вчерашней нощи Федора Леонтьевича проводили часу въ четвертомъ, а отъ него пошли въ пятомъ, да у Андрѣя сидѣли, и отъ Андрѣя пошли за два

часа до свѣта и стояли утреннюю у Екатерины мученицы близъ церкви, и розошлись въ домишки за полчаса до свѣта, и въ домишкахъ своихъ мы спали долго и ѣли мало. Пожалуй, государь, накорми насъ, чѣмъ Богъ тебѣ по тому положитъ: меня, Алешку, хоть крупенею, а желаю и отъ рыбки, а меня, Никитку, рыбкою жъ почему ль какъ Христа ради накорми, а не отказывай. Писалъ де Никитка Гладковъ челомъ бью. Желая противъ сего писаня, Алешка Стрижовъ челомъ бьетъ. (22) Старецъ Арсеней, который привезенъ вмѣстѣ съ старцемъ Селиверсткомъ Медвѣдевымъ, сказалъ: умыслу де онъ, Арсеней, отъ Федки Шакловитова и отъ старца Селиверстка Медвѣдева никакого на государское здорове не слыхалъ, и самъ не умышлялъ; а о церквѣ де Божіи онъ, Селиверстко, говорилъ многажды: напрасно де смутили душу св. патріарха, пріѣхавъ, греки „а онъ де святѣйшій человѣкъ бодрой и доброй; а учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ. Также де и на св. патріарха умыслу никакого не бывало, и не слыхалъ. А Федка де Шакловитой пріѣзжалъ къ нему, Селиверстку, и говаривалъ съ нимъ, Селиверсткомъ, тайно, а что говаривалъ, того онъ не вѣдаетъ. А Ѳѳонасей де дьяконъ тетратки писалъ съ греческіе книги, которую книгу Греки написали; а писалъ онъ тетратокъ съ сорокъ или болше, а на бѣло переписывали гулящіе люди, одного Ивашкомъ зовутъ, а другаго имени не паметуетъ; а писали у него, Селиверстка, въ трапезной кельѣ; а роздавалъ де тѣ тетратки старецъ Семіонъ, что былъ въ мірѣ попъ Сава; а кому роздавалъ, того онъ не вѣдаетъ. А августа де противъ осмаго числа, часу въ другомъ или въ третемъ ночи, стрѣлцы Ларіонъ Елизаревъ и Микитка Глаткой, Федоръ Турка, Михайло Фектистовъ, къ нему, Селиверстку, приходили и говорили: тое де ночи в. государь будетъ изъ села Преображенскаго къ Москвѣ, а имъ де велѣлъ сбираться въ городъ, а многимъ ли человѣкомъ и изъ которыхъ приказовъ, того онъ не вѣдаетъ. А Селиверстко де Медвѣдевъ что имъ говорилъ, того онъ не слыхалъ, толко онъ то слышалъ отъ него, Селиверстка: имъ стрѣлцамъ говорилъ: „что де вы дѣлаете? чтобъ ваши души не пропали;“ а съ Селиверсткомъ де Медвѣдевымъ побѣжалъ съ Москвы опасаясь св. патріарха гнѣву, для того что у Селиверстка противность церкви и св. патріарху, а какая, про то онъ вѣдаетъ, онъ, Селиверстко, а онъ, Арсенко, никакой противности не вѣдаетъ; да и для того, онъ, Арсенко съ нимъ, Селиверсткомъ, поѣхалъ опасаясь всенароднаго возмущенія; всѣ де люди съ Москвы поѣхали. А Олешка де Стрижовъ и Микитка Глаткой съ Москвы въ то жъ время побѣжали съ ними жъ вмѣстѣ; и на Семеновъ день пошелъ онъ къ Москвѣ, и не бывалъ; а они де съ Москвы ѣхали на Верею, а въ Можаескъ не заѣзжали, а Вязму проѣхали ввечеру, и ѣдучи де ни съ кѣмъ никакихъ словъ не говаривали. А въ Бизюковѣ монастырѣ были четыре дни, а изъ Бизюкова монастыря хотѣли ѣхать по монастырскимъ деревнямъ и къ смоленской шляхтѣ; и въ Бизюковѣ де монастырѣ игумену они сказали, что пошли съ Москвы, опасаясь св. патріарха; а о иныхъ причинахъ сказывалъ ли ему игумену, Селиверстко, того онъ не вѣдаетъ, а на св. де патріарха у него, Арсенка, умыслу никакого жъ не бывало жъ и не слыхалъ.

26. Стрѣлецъ пятидесятникъ Микитка Глаткой передъ бояры роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: Федка де Шакловитой призывалъ его, Микитку Глоткова, да Ларіонку Елизарева, Андрюшку Кондратева,

Оброску Петрова, Егорку Романова, и говорилъ имъ онъ, Федка Шакловитой: в. де государыня приказывала, чтобъ боярина Лва Кириловича Нарышкина и кравчего к. Бориса Алексѣевича Голицына побить, и итти бы имъ для того великимъ собраніемъ къ в. государю въ походъ въ село Преображенское, и въ Преображенскомъ бы ихъ и побить; и говорилъ имъ онъ Федка Шакловитой, чтобъ приготовить стрѣлцовъ сто или двѣсти человѣкъ, а буде мочно хотя-бы кто и весь полкъ привелъ; для того, какъ де в. государь изволитъ къ Москвѣ быть, и въ то число побить бояръ, Лва Кириловича съ братями, кн. Бориса Алексѣевича Голицына, будто они хотятъ известь в. государыню Софію Алексѣевну: да въ тожъ число велѣлъ онъ, Федка, побить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человѣка, и Лопухиныхъ, Опраксиныхъ, Василя Изволскаго, Федора Зыкова. А августа де противъ осмаго числа въ ночи, велѣлъ ему, Микиткѣ, приставъ Ондрюшка Кондратевъ нарядить сто человѣкъ стрѣлцовъ; и онъ де, Микитка пришедъ на Лубянку къ Ларіонову двору Елизарева съ Ондрюшкою Сергѣевымъ и говорили ему, Ларіону, что приставъ Ондрюшка прислалъ, велѣлъ сто человѣкъ собравъ съ ружемъ, итти въ городъ; и онъ де Микитка, наряжалъ и говорилъ: въ городѣ де всѣ готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ. И такіе де слова онъ Микитка стрѣлцамъ, что отъ Спаского набату языкъ привязалъ онъ Микитка, говорилъ и велѣлъ имъ слушать набату, а по набату велѣлъ имъ итти, Егору, и изъ полку ихъ кликалъ триста человѣкъ съ ружемъ, и на Федора де Турка съ товарыщи, для чего они въ городъ долго не ѣдутъ кричалъ и говорилъ: для чего де люди не готовы, и въ городъ не ѣдутъ? И Федоръ де Турка ему Микиткѣ сказалъ, что де они его не слушаютъ и Михайла де Капранова для провѣдываня въ городъ посылалъ. И онъ де Микитка въ Кремлѣ стрѣлцовъ указывалъ, и говорилъ: всѣ де готовы, а вашихъ никого нѣтъ; и такіе слова, что ужъ в. государя Петра Алексѣевича спалника съ лошади стащили было, говорилъ, а комнатнаго истопника Ивана Овдокимова сынъ его приказывалъ имъ: буде кто изъ походу поѣдутъ, и тѣхъ бы людей ловить и приводить въ верхъ. И ѣдучи въ городъ подъ переходы, указывали на патріарши полаты, и съ нимъ, Михайломъ Капрановымъ говорили: тутъ де живетъ ризничей Акинфъ, и имъ будетъ денегъ много; а такихъ де словъ, чтобъ въ полатѣ у св. патріарха закричать, и патріархъ де мѣста не найдетъ, онъ Мишко, не говорилъ. А какъ онъ Мишко былъ за Федкою Шакловитымъ въ Коломенскомъ, для отпуску къ князь Василю Голицыну, такихъ словъ: „кто къ рукѣ не пожаловалъ, и кто не допустилъ,“ и чтобъ бранить матерны, и „пора де опять за дѣло приняться,“ такихъ словъ не говаривалъ; а Федка Шакловитой такіе слова ему, Микиткѣ: „мочно ль де на васъ надѣяться? Левъ де Нарышкинъ и к. Борисъ Голицынъ изгоняютъ и чтобъ съ ними управиться, и учинить надъ ними смертное убивство,“ говаривалъ, и многажды. Да ему жъ де, Микиткѣ, да Ларіону Елизареву, да Ипату Улфову, да Ондрюшкѣ Кондратеву, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ 197 году, в. государыня Софія Алексѣевна, у церкви Ризъ Положенія въ полаткѣ изволила говорить: „долго-ль де намъ терпѣть? ужъ де житья нашего не стало де отъ к. Бориса да отъ Лва брата ихъ в. государя Іоанна Алексѣевича, комнату дровами заклали и хотятъ де князь Василя Василевича Голицына голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ (31). Полское де перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не бывало, а его де

промысломъ изъ Дону выдаютъ, да на него-жъ де все несутъ: братъ де ему кн. Борисъ несетъ де на него, и вы де насъ не покинте, мочно-ль де на васъ надѣятся и кн. Бориса и Льва взять. И они де ей, в. государынѣ сказали: „воля де въ томъ ваша, государская,“—и велѣла комнатному истопнику Евдокимову дать имъ сто рублевъ денегъ, и тѣ де денги имъ даны. А опричь де Стенки Евдокимова иныхъ никого не было; а съ Федора де Плещѣева саблю сорвали и понесли вверхъ, а на свят. де патріарха, чтобъ его убить, умыслу у него, Микитки, никакого не бывало; а отъ Федки Шакловитова слыхалъ онъ, Микитка, поносные слова, а въ ночномъ де бунтѣ съ двору его толко что приставъ посылалъ его для сбору стрѣлцовъ, и на Лыковѣ де дворѣ съ ружемъ тое ночи былъ; а Ондрюшкѣ де Сергѣеву такіе слова, чтобъ онъ приготовилъ копье и слушалъ бы, какъ забьютъ въ набатъ, „у насъ де будетъ ярмонка, побіеніе будетъ бояръ противъ прежняго смутного времени, и ты де того смотри и его не отставай.“ Такіе слова говорилъ денегъ пять рублевъ далъ. Да онъ же де Микитка говорилъ ему-жъ Ондрюшкѣ: „в. государя Іоанна Алексѣевича, близкіе къ в. государю Петру Алексѣевичу, двери закидали дровами.“ Да онъ же Микитка говорилъ: „царской вѣнецъ изломали, а кому де ломать.... сторону?“ А про в. де государя Петра Алексѣевича не пристойные слова такіе, что „его, в. государя съ ума споили; да и того де смотри, государыня наша непрестанно Бога молитъ, а у нихъ де толко на органахъ да на скрипицахъ играютъ съ нимъ,“ онъ, Андрюшко, говорилъ; а слышалъ де тѣ слова про в. государя отъ в. государыни Софіи Алексѣевны; а отъ старца де Селиверстка такіе де слова: „не бойтесь, хотя де сторона ц. Петра Алексѣевича и повезетъ, и много де будетъ, денъ на десять,“ а то де опять будетъ рука силна стороны ц. Софіи Алексѣевны, онъ Микитка, слышалъ. А къ старцу де Селиверстку прихаживалъ на караулъ. А противъ Оброскиныхъ рѣчей у руки онъ, Микитка, не былъ. А первое знакомство учинилось съ нимъ, старцемъ Селиверсткомъ,—прихаживалъ онъ къ нему съ Ларіономъ и пилъ пиво; да и во 197 году, противъ извѣту Егорки Романова, Алешка Стрижовъ обѣдать ихъ призывалъ и чтобъ со Львомъ Нарышкинымъ и съ князь Борисомъ Голицынымъ управиться, и мочно-ль на нихъ надѣятъся, и свою бы братю призывать, такіе, которые понадежнѣе, такіе слова говорилъ, и та де рѣчь въ то время не совершилась, замяли иными словами, и своей братѣ онъ не сказывалъ. А такіе де слова, что нынѣ у нихъ новые учители завелись, и въ слова, какъ поется „аминь“ кланяться не велѣлъ, такіе слова онъ, Микитка, говорилъ, а слышалъ де онъ тѣ слова отъ Селиверстка Медвѣдева, а того чѣмъ уличать, тетратки есть и про челобитную не говаривалъ, а тетратку де ему далъ Ларіонъ Елизаревъ. А противъ извѣту Дмитрея Мелнова такіе слова Дмитрею Мелнову и Якову Ладогину: „нынѣ терпите, да ѣште въ долгъ; дастъ Богъ будетъ ярмонка,“ что приказывалъ Федка Шакловитой бояръ побивать, и домы грабить, онъ Микитка такіе слова говорилъ; а про лавки и боярина Ивана Василевича гремячіе чепи и про ограду церкви Божіи такихъ словъ не говаривалъ; а Селиверсткова де племянника Ивашко и столника бить онъ его хотѣлъ за то, что онъ его, Микитку, бранилъ, а чтобъ его Иларіона убить, не говоривалъ. (36) Да тому де года съ два, или болше сказывалъ ему того-жъ стремяннаго полку стрѣлецъ Митюшка Воротниковъ; „вѣдаешь-ли де ты, на Семеновъ де день в. царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ, и никому де ты не сказы-

вай." И за то де далъ ему Ларіонъ Елизаревъ полтора рубли денегъ, да ему-жъ, Микиткѣ, къ празднику, великому дни, подячей Огапко Петровъ далъ рубль тому другой годъ, да Олешко Стрижовъ ему-жъ Микиткѣ далъ пять рублевъ, и давалъ и инымъ. А какъ де августа восмаго числа в. государь изволилъ быть въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ и Федка де Шакловитой призывалъ его, Микитку да Ондрюшку Кондратева, да Олешку Стрижова, и говорилъ тѣ-жъ рѣчи. „отъ князя Бориса де и отъ Лва житя нѣтъ;" а болши того не слыхалъ; а о побѣгѣ своемъ онъ Микитка сказалъ: „пришелъ де онъ къ старцу, Селиверстку, и онъ де, Селиверстко, сбирается ѣхать въ Бизюковъ монастырь, а сказалъ ему, Микиткѣ, ѣдетъ де онъ для того, что изгоняетъ его св. патріархъ. И онъ де, Микитка, ему сказалъ: и онъ де Микитка хочетъ ѣхать въ Троицкой монастырь, и съ Москвы де не отпускаютъ, а свѣдомивъ какъ жить, и онъ де поѣдетъ съ нимъ и пострижется. И онъ де, Селиверстко, его Микитку, взялъ съ собою, и приѣхали въ селцо Микулино Новодѣвича монастыря, отъ Москвы семь верстъ, а изъ деревни поѣхали и были ли въ Бизюковѣ монастырѣ. Комнатной истопникъ Стенка Евдокимовъ въ роспросѣ сказалъ: прежде сего тому лѣтъ съ семь, былъ онъ, Стенка въ стрѣлцахъ въ полку Ивана Полтева и въ комнатные де истопники взятъ послѣ смутнаго времени. А о государскомъ здоровѣ и матери его государевы, умыслу у него никакого ни съ кѣмъ не бывало, и ни отъ кого не слыхалъ. Также о св. патріархѣ умыслу никакого не бывало-жъ и не слыхалъ. А въ Семеновъ де день прибѣжали вверхъ стрѣлцы, Олешка Стрижовъ да Ондрюшка Кондратевъ, и говорили ему Стенкѣ, чтобъ онъ доложилъ в. государынѣ, гдѣ бы имъ укрыться. И онъ де имъ сказалъ: „Микиткѣ" де самому стало до себя, и ихъ де Олешку и Ондрюшку взялъ ризничей Антонъ Муромцевъ, и заперъ ихъ въ церквѣ у креста; и въ церквѣ де они были до вечера, и в. государыня указала ихъ вывесть въ нижнюю полату подъ хоромы, и съ тѣхъ де мѣстъ его не пускивали, и ихъ не видалъ. (39) И сентября де въ 21 день, въ воскресене, Осипко Осиповъ истопникъ говорилъ съ нимъ, Стенкою; въ разговорѣ про старца Селиверстка, сталъ ему, Оскѣ, говорить, что везу старца Селиверстка, и Алешку Стрижова, и Ондрюшку Кондратева, и Микитку Глаткова." И онъ де, Оско ему, Стенкѣ, сказалъ: Олешку де Стрижова и Ондрюшку Кондратева знаетъ онъ Оска, гдѣ они сидятъ: посылала де его верховая дѣвушка по кулганъ для кислыхъ штей; и онъ де кислыхъ штей взялъ и къ нимъ подалъ. И онъ де, Стенко, ему Оскѣ говорилъ, чтобъ о томъ в. государемъ извѣстить, и звалъ его съ собою въ походъ; и онъ де, Оско, въ походъ не пошолъ. А что де въ извѣтѣ Федора Турки съ товарыщи написано, чтобъ имъ на Ивановской площади ночевать, и какъ де прибѣжитъ онъ, Стенко, и велитъ дѣлать, и его-бъ слушали во всемъ, и куды посылать ихъ станетъ, повелѣніе его исправляли; и о томъ де Стенкѣ приказу ни отъ кого никакого не бывало. А съ Ивановской де площади для стрѣлцовъ, какъ укажетъ имъ в. царевна быть имъ вверхъ, онъ, Стенка, хаживалъ; а буде его въ которое время не прилучится, хаживалъ истопникъ Оска Осиповъ, и стрѣлцовъ съ Ивановской площади: Ларіона Елизарева и Ипата Улфова вверхъ прихаживалъ къ воскресеню. Да и многажды онъ, Стенка, въ розные времена стрѣлцовъ вверхъ къ в. государынѣ прихаживалъ, а кого имяны, того не упомнитъ; да и Осипъ Осиповъ стрѣлцовъ

вверхъ прихаживалъ же; а какіе де слова имъ стрѣлцамъ отъ в. государыни бывали, того онъ не вѣдаетъ, для того, что ихъ отсылали, а подячего Ивашка Попова, Федка Шакловитой къ нему, Стенкѣ, присылалъ, и говорилъ ему, Стенкѣ, что онъ, Федка ѣдетъ къ Москвѣ, чтобъ онъ о томъ извѣстилъ в. г. царевнѣ. И онъ де Стенка о томъ, в. государынѣ черезъ верхнею дѣвку Федору извѣщалъ. А что онъ, Федко свобоженъ изъ-за караула, то ему онъ, Ивашко, не сказывалъ; а что де въ извѣтѣ Нифонта Чулошникова написано—съ Грановитой полаты бросали де полѣнемъ, и стрѣлецъ, который стоялъ на караулѣ, ему, Стенкѣ, про тѣ полѣня сказывалъ. И онъ де Стенка, тѣхъ полѣневъ до дни собирать не велѣлъ, и чтобъ увидѣли бояре, такихъ рѣчей онъ, Стенка, не говаривалъ, и полѣня не видалъ. И что де въ извѣтѣ-жъ на него, Федку, Григорей Языковъ сказалъ, бутто приходилъ онъ, Стенка, къ Мишкѣ Шеншину на дворъ и сказалъ ему, Григорю, государевъ указъ, чтобъ онъ того, куды воженъ, и чего у него спрашивано, никому не сказывалъ, а есть-ли де скажетъ, и за то кажненъ будетъ смертно. (42). И къ нему де, Григорю Языкову, на дворъ, въ приходъ у церквѣ Іоанна Богослова, что за Тверскими вороты, Федка Шакловитой посылалъ, а что ему, Григорю, онъ, Стенка говорилъ, того онъ Стенка, не упомнитъ; толко онъ Григорей Языковъ далъ ему сафьянъ, а за что не помнитъ же; а къ *Микиткѣ* Шеншину на дворъ не хаживалъ. А что де на него жъ, Стенку, говорилъ Юрка Лѣсникъ, бутто онъ, Стенка, Микиткѣ Глаткому, Олешкѣ Стрижову, Оброскѣ Петрову, о походѣ въ Троецкой монастырь вѣдомости ждать, и какъ будетъ вѣдомость, и они-бъ по той вѣдомости въ Троецкой монастрырь ѣхали,—и такихъ де словъ онъ, Стенка, не говаривалъ; толко онъ, Стенка, говорилъ Юркѣ Левкину, чтобъ онъ ѣхалъ въ Троецкой монастырь и в. государю билъ челомъ виною своею. И августа де противъ осмаго числа, какъ в. г. царевна изволила быть у Казанской Богородицы, и онъ де, Стенка, къ церкви Казанскіе Богородицы, по присылкѣ истопника Оски Осипова, пришелъ за полчаса до отдачи ношныхъ часовъ. И истопникъ де Осипъ Осиповъ принесъ три мѣшка денегъ, а взялъ тѣ денги въ хоромехъ у в. г. царевны и роздавалъ тѣ денги околничей Василей Савичь Нарбѣковъ стрѣлцомъ, съ нимъ, Осипомъ; про то сказывалъ ему онъ, Осипъ. А онъ де, Стенка, толко у Казанской Богородицы съ нимъ, Оскою, отчелъ денегъ три рубли, а кому даны, того онъ не вѣдаетъ, а стрѣлцомъ никому онъ въ то время денегъ не давывалъ. А четвертое де сто рублевъ денегъ онъ же, Оска, вынесъ послѣ, а кому отдалъ, про то самъ онъ, Оска, скажетъ. А что Оброска Петровъ въ роспросѣ сказалъ: какъ де в. государыня изволила притти и Троецкаго монастыря къ Москвѣ, и его де, Оброску, Имошку Аѳонасьева, Мишку Обросимова, Васку Тулу призывалъ вверхъ онъ Стенка. А посылала по нихъ в. г. царевна и крестъ вынесла, и ко кресту приводила она сама, в. государыня, и держала крестъ она сама. А изволила имъ говорить: мало де вамъ она довѣриваетъ? и они де сказали: ради де имъ, в. государемъ, служить. А опричь де его Стенки въ то время никого не было. А окно де у мовной лѣсницы Оброскѣ Петрову съ товарыщи указалъ онъ, Стенка, а ему, Стенкѣ, то окно велѣлъ указать онъ, Федка Шакловитой; и прежъ того окно ему, Стенкѣ, указывалъ онъ, Федка. И онъ Стенка спросилъ его, Федку: для чего де то окно указать? и онъ, Федка, сказалъ: подъ тое де окно приходятъ жонки и дѣвки, и го-

ворятъ непристойные слова. А противъ извѣту Кондрашки Софонова и Данилка Артемева о царскомъ вѣнцѣ Стенка запирался, и съ отказомъ не выхаживалъ (45). А сынъ де его, Стенкинъ, стрелѣцкаго приказу подячей Федка Степановъ августа противъ восмаго числа къ московскимъ воротамъ приходилъ, и чтобъ никого въ ворота не пропускать говорилъ; а посылалъ де его Федка Шакловитой; а былъ де онъ у ихъ въ то время дневалныхъ подячихъ три человѣка: Агапко Петровъ, Ивашко Истоминъ; а какъ де Федка Шакловиитой былъ у ихъ вверху за карауломъ, и хотѣлъ де утти, а куды, про то вѣдаетъ приказу болшіе казны подячей Семенъ Надѣинъ; и четыри де лошади къ дворцовой лѣсницѣ приводилъ приказу-жъ болшіе казны подячей Иванъ Сергѣевъ. А онъ де, Федка, сидѣлъ за карауломъ у него, Стенки, въ полатѣ позадъ болшихъ хоромъ в. государыни Софіи Алексѣевны, и былъ у него за карауломъ два дни; и о томъ Сенка Надѣинъ ему, Стенкѣ, говорилъ, чтобъ сказалъ Федкѣ Шакловитому, что лошади готовые. И онъ, Стенка, его, Сенку, отслалъ прочь, а ему, Федкѣ, не сказывалъ (46). И послѣ его на караулѣ, по его, Федкину, челобитью велѣно быть Оскѣ Осипову, и былъ онъ, Оска, на караулѣ, а много-ль дней, про то онъ самъ скажетъ. И ему де Оскѣ, онъ, Стенка, сказывалъ же, что онъ, Федка, хочетъ утти; и онъ де Оска, его, Федку, о томъ остерегался. А къ старцу де Селиверстку Медвѣдеву посылалъ его, Стенку, провѣдывать вѣстей Федка Шакловитой. И онъ де, Стенка, для провѣдываня вѣстей, къ нему, Селиверстку, хаживалъ, и Селиверстко де Медвѣдевъ къ нему, Федкѣ, съ нимъ, Стенкою, приказывалъ: „нынѣ де высока рука в. государя Петра Алексѣевича, надобно де перетерпѣть.“ А ходилъ онъ, Стенка, къ нему, Селиверстку, до Семенова дни денъ за пять, и тѣ де слова онъ, Стенка ему Федкѣ пришедъ отъ него, Селиверстка, сказывалъ.

47. Сентября въ 25 день въ Троецкомъ Сергеевѣ монастырѣ пѣвчей Лаврентей Козминъ Бурмистровъ передъ бояры роспрашиванъ; а въ роспросѣ сказалъ, съ старцемъ де Селиверсткомъ Медвѣдевымъ знакомство у него такое: отецъ его, Лаврентьевъ, отдавалъ ему, Селиверстку, учить лотыни тому лѣтъ съ пять назатъ, а послѣ того потому знакомству прихаживалъ по часту. А говаривалъ онъ съ нимъ, Селиверсткомъ, отъ книжнаго ученія, а на государское здоровье умыслу у него, Селиверстка, никакого не вѣдалъ, и самъ не умышлялъ. А къ нему де, Селиверстку, пріѣзживали многіе знатные люди и гостиные сотни; а по часту къ нему пріѣзживалъ Федка Шакловитой и стрѣлцы многіе прихаживали; а розговоры де у нихъ бывали о словахъ Христовыхъ, и иные многіе слова онъ, Федка, съ нимъ, Селиверсткомъ, разговоривалъ тайно; а что они говаривали, того онъ не вѣдаетъ, для того что его высылали; а Селиверстка де старецъ посылывалъ его къ нему, Федкѣ, съ писмами, а съ какими, того онъ не вѣдаетъ, для того, что тѣ писма посылывалъ запечатаны, а иные де писма посылывалъ не запечатаны; а въ тѣхъ де незапечатаныхъ писмахъ писалъ онъ, Селиверстко къ нему, Федкѣ, о заступѣ челобитчиковъ. А сказывалъ де ему, Лаврушкѣ, дьячекъ Ивашко, который писалъ у него, Селиверстка, книгу: „что де ты ходишь, Селиверстка де спрашиваютъ, да и тѣхъ де, которые къ нему, Селиверстку прихаживали, спрашиваютъ же.“ И онъ де, Лаврушка, испужався того, что онъ къ нему, Селиверстку, былъ вхожъ, побѣжалъ съ Москвы, и его, Селиверстка, съѣхалъ въ монастырской деревнѣ, отъ Москвы семь верстъ, и изъ той деревни побѣжали

верстъ съ пять съ нимъ вмѣстѣ къ Смоленску, и остановились ночевать въ Бизюковѣ монастырѣ, что въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, а изъ того де монастыря никуды они бѣжать не умышляли. А ѣдучи де онъ Селиверстко съ ними, говорилъ: бѣжитъ де онъ для того, вѣдая государскій гнѣвъ, что написанъ съ Федкою Шакловитымъ вмѣстѣ. А августа де противъ осмаго числа 197 году, какъ сбираны въ Кремль стрѣлцы, ночевалъ онъ, Лаврушка, дома. А дворъ де его на Лубянкѣ; и услышалъ той ночи, что сбираются стрѣлцы, „сшодъ съ своего двора и пришелъ на Лубянку; а на Лубянкѣ де у церкви стоятъ стрѣлцы Ларіонъ Елизарьевъ, да Троицкой, да Турка; и пришедъ де къ нимъ онъ, Лаврушка, спросилъ ихъ, для чего они сбираются, и они ему сказали: „велѣно де имъ итти въ городъ;" и онъ де, Лаврушка, болши того съ ними ничего не говорилъ и побѣжалъ въ монастырь къ старцу Селиверстку, сказать ему, какая бѣда чинится; а то де слово онъ: „какая бѣда чинится," ему, Селиверстко, онъ, Лаврушка, сказалъ потому, какъ онъ, Лаврушка, къ нему, Селиверстку, бѣжалъ, и въ то де время, на дорогѣ стрѣлецъ Мишка Ѳектистовъ ему, Лаврушкѣ, говорилъ: какую де бѣду Микитка Гладкой сдѣлалъ-было, велѣлъ стрѣлцомъ итти въ городъ съ ружемъ; а для чего съ ружемъ имъ, стрѣлцомъ итти въ городъ, того не сказалъ. А знакомство у него съ нимъ, Мишкою, учинилось потому, что онъ, Мишка, прихаживалъ къ нему, Селиверстку, въ монастырь. А какъ де онъ, Лаврушка, къ нему, Селиверстку, въ монастырь прибѣжалъ въ пятомъ часу ночи, и ему, Селиверстку, сказалъ, и онъ де, Селиверстко, выбѣжавъ къ нему, Лаврушкѣ, изъ чюлана и сказалъ: „вотъ де какая бѣда, что бѣшеной Микитка Гладкой вѣдаетъ." А Мишки де Ѳектистова, для чего имъ въ городъ итти, онъ, Лаврушка, не спрашивалъ (53). И побылъ де онъ у него, Селиверстка, съ четверть часа, пошелъ домой; а на встрѣчу де ему тое жъ ночи, въ сѣняхъ у него, Селиверстка, попалъ Ондрюшка Кондратьевъ, да съ нимъ другой стрѣлецъ, а имени не знаетъ; а для чего приходили къ нему, того онъ не вѣдаетъ. И пришедъ де онъ домой, и былъ до утра, и пошелъ вверхъ; а вверху де ему Воскресенскіе пономари сказывали, что в. государыня царевна тое ночи была у церкви Казанскіе Богородицы. А на государское здоровье умыслу и на святѣйшаго патріарха умыслу-жъ никакого онъ, отъ него, Селиверстка, не слыхалъ, и самъ не умышлялъ; а въ розговорахъ онъ, Селиверстко, говаривалъ на справщика Евфимія, да на ризничего Акинфа: „они де святую душу патріарха возмущаютъ, и наговориваютъ о поклонехъ въ слова Христова; а и ему де, Лаврушкѣ, дьяконъ Аѳонасей о словахъ Христовыхъ тетратки давалъ; и посмотря де, онъ отдалъ ему Ѳоѳонасю; а братъ де его Ондрюшка ему, Селиверстку, знакомъ по немъ, Лаврушкѣ. А съ Москвы де онъ въ Литву и никуда не бѣживалъ; а въ Троецкой де монастырь онъ не явился для того, испужался отъ того, что его спрашивали, и въ той де его винѣ вольны в. государи.

А братъ его, Лаврушкинъ родной, Ондрюшка Бурмистровъ, въ роспросѣ сказалъ: Селиверстко де Медвѣдевъ ему знакомецъ потому, какъ онъ, Ондрюшка, пріѣхалъ изъ Полши, жилъ все у него, Селиверстка. А умыслу де онъ на государское здоровье, и умыслу жъ на св. патріарха никакого ни отъ кого не вѣдаетъ, и самъ не умышлялъ, а говаривалъ онъ, Селиверстко, что св. патріархъ на него, Селиверстка, гнѣвенъ за книгу, что писалъ онъ, Селиверстко, о пресущественіи. А стрѣл-

цы де: Микитко Гладкой, Олешка Стрижовъ, Оброска Петровъ, Ондрюшка Кондратевъ, прихаживали къ нему, Селиверстку, по часту, и съ Селиверсткомъ говаривали тайно, а что, того онъ не вѣдаетъ; а Федка де Шакловитой къ нему приѣзживалъ также, и онъ, Селиверстко, къ нему, Федкѣ, ѣздилъ же, а что говаривалъ, того онъ не вѣдаетъ же, для того, что ихъ высылали. А августа де противъ осмаго числа 191 году стрѣлцы въ Кремлѣ были ль, того онъ не вѣдаетъ, потому что не былъ на Москвѣ, а заѣхалъ съ службы въ Кіевъ, а писма отъ него, Селиверстка, къ Федкѣ Шакловитому нашивалъ онъ такіе, буде стрѣлцы, или иной кто о чемъ бьетъ челомъ, и онъ съ тѣмъ къ нему и хаживалъ. (56) А съ Москвы де онъ ни отъ чего не бѣгивалъ, а поѣхалъ для старца Селиверстка до Бизюкова монастыря, что въ Дорогубужскомъ уѣздѣ, а изъ того монастыря хотѣли ѣхать къ Москвѣ. Мишка Гулской иноземецъ въ роспросѣ сказалъ: Селиверстко де Медвѣдевъ ему, Мишкѣ, свой, потому что сестра де его, Селиверсткова, родная за нимъ Мишкою. Федка де Шакловитой и стрѣлцы: Оброска Петровъ, Олешка Стрижовъ, Ондрюшка Кондратевъ, Микитка Гладкой, къ нему, Селиверстку, прихаживали по часту и говаривали съ нимъ по часту, а что говорили, того онъ не вѣдаетъ, для того что его таились. (57) А умыслу де никакого на государское здорове и на св. патріарха ни отъ кого не слыхалъ, и самъ не умышлялъ, а говаривалъ онъ, Селиверстко, что на него св. патріархъ гнѣвенъ за книгу о пресущественіи, а иного ничего не вѣдаетъ. И съ Москвы де онъ поѣхалъ съ старцомъ Селиверсткомъ въ Бизюковъ монастырь по свойству; а Селиверстко де Медвѣдевъ побѣжалъ съ Москвы для того, услыша то, что Федка убирается. А животовъ Селиверстковыхъ и Федки Шакловитова у него никакихъ нѣтъ. (*Л. 374—81*).

59. Работникъ *Ив. Володимеровъ Иконниковъ* сказалъ: работалъ у М. Гулскаго изъ найму; какъ побѣжалъ С. Медвѣдевъ, и съ нимъ Гулской, Стрижевъ и Гладкой въ полночь; а изъ деревни дѣвичья мон. Стрижевъ поѣхалъ назадъ къ Москвѣ. Про воровскіе замыслы не вѣдаетъ. „А работалъ Мишка и держался при немъ для того, что онъ умѣетъ готовить ѣсть по полску, а онъ у него тому приучивался, п. ч. онъ Ивашка живалъ у Грека, и ѣсть варить по гречески помалу умѣетъ. А Мишка де Силверстку свой, сестра его за Мишкою, и живалъ онъ у Селиверстка непрестанно.“ А когда говорили, его не пускали. (60) Работникъ *Алешка Гр. Полтавецъ* выѣхалъ года съ 3 къ Москвѣ съ Черкасами, потому что у него въ пушкаряхъ дядя родной *Петръ Ивановъ*; а жилъ по найму у А. Бурмистрова съ годъ; воровскихъ словъ не слыхалъ.

61. Сент. 26. Псаломщика *Онтошку Алексѣева Муромцева* велѣлъ поймать полковникъ Бутурлинъ. Стрѣлцы сказали, что его „дядя родной Серешка Ивановъ слободчикъ приходилъ къ матери Ивашки Чернова и возмущалъ: сыну де твоему струбъ и плаха готовы.“ А Антошка бывалъ у него по часту, и дорогой на вопросъ стрѣлцовъ, что будто пятисотному Мик. Фролову, приставу Ондрѣю Павлову да пятидесятнику Гавр. Давыдову дано по 10 р., какъ государь уѣхалъ въ Троицкой мон., Онтошка сказалъ: имъ дано и инымъ, человѣку десятку по 10 р. дано... дано де имъ „отъ него Онтошки, а за что, того не сказалъ.“ Онъ заперъ въ церковь Стрижева и Кондратьева, и ключь отдалъ Ст. Евдокимову.

64. А псаломщикъ *Онтонъ Муромцовъ* передъ бояры въ распросѣ сказалъ: воровства де онъ и умыслу за Федкою Шакловитымъ никакого онъ не вѣдаетъ, для того что онъ Федка былъ къ нему не добръ, а на государское здорове онъ, Федка, умышлялъ ли, того онъ не вѣдаетъ же, и самъ не умышлялъ. А какъ де присланы в. государя грамоты изъ Троецкаго Сергіева монастыря, велѣно Федку Шакловитова съ товарыщи прислать въ Троецкой Сергіевъ монастырь. И въ то де число Олешку Стрижова, да Ондрюшку Кондратева невѣдомо кто привелъ ихъ вверхъ лѣсницею, что отъ Ризъположенія межъ церквѣ Воскресенія и Іоанна Предтечи. И отъ комнатныхъ дверей в. государыни царевны Софіи Алексѣевны пришелъ комнатной истопникъ Стенка Овдокимовъ, и велѣлъ ему, Онтошкѣ, тѣхъ людей схоронить въ церковь Распятія Господа Бога; а сказалъ онъ, Стенка, ему, Онтошкѣ, что ихъ, Олешку и Ондрюшку, въ тое церковь указала схоронить госуд. царевна; а тое церкви ключь въ то время былъ въ Воскресенской церквѣ. И онъ, Онтошка, въ той Воскресенской церквѣ взялъ ключь, и по тому указу тое церковь отомкнулъ, и тѣхъ стрѣлцовъ Олешку и Ондрюшку въ тое церковь ихъ пустилъ, и церковь заперъ, а ключь тое церкви отдалъ ему, Стенкѣ Овдокимову, и сказалъ ему, Стенкѣ, что онъ ихъ Олешку и Ондрюшку въ той церквѣ заперъ, а ключь отдалъ для того, видя то, что они люди надобные, и какъ о поимкѣ ихъ изъ походу прислано. И были они въ той церквѣ день, и Стенка де Овдокимовъ говорилъ ему, Онтошкѣ, чтобъ тѣхъ людей выпустить; и онъ, Онтошка, ему, Стенкѣ, сказалъ „ключь де тое церкви у него Стенки.“ 66. И онъ де, Стенка, ключь взялъ у сторожа и отдалъ ему, Онтошкѣ; и онъ де ихъ, Олешку и Ондрюшку, изъ церквѣ выпустилъ; а взялъ ихъ онъ, Стенка Овдокимовъ, а гдѣ ихъ дѣлъ, того онъ не вѣдаетъ. А Стенка де Овдокимовъ съ Федкою Шакловитымъ единомышленникъ, потому что онъ, Федка Шакловитый, по многіе времена приводилъ стрѣлцовъ вверхъ, а съ нимъ тѣхъ стрѣлцовъ—Ондрюшку Кондратева, Олешку Стрижова, Оброску Петрова съ товарыщи взводилъ вверхъ на площадку къ Воскресеню къ комнатѣ в. государыни Софіи Алексѣевны. А бывало де стрѣлцовъ человѣкъ по десятку и болши; а видалъ де онъ ихъ чрезъ недѣлю, а иное недѣли въ три и въ четыре; и изъ комнатъ де отъ в. государыни выхаживали околничіе Алексѣй Ивановичъ Ржевской, и Василей Савичъ Нарбѣковъ, и Семенъ Федоровичъ Толочановъ; а то прилучится время и у комнатныхъ сѣней стаивали и отсылывали, а Федка де ихъ бивалъ и въ шею; а при ней в. государынѣ въ то время бывалъ кн. Василей Голицынъ да Федка Шакловитой. А онъ, Онтошка, сматривалъ изъ церкви, какъ пойдутъ; и они де идучи изъ хоромъ, говаривали: дай Боже, в. государемъ здравствовать, и перекрестяся противъ церкви сверху пойдутъ, и какая имъ была дача, или приказъ какой, того онъ не вѣдаетъ. Онъ же, Онтошка, ходилъ, какъ кн. Василей Голицынъ посыланъ на службу въ прошломъ во 197 году; и в. де, государыня царевна изволила ходить по всея ночи въ соборы и въ монастыри и по церквамъ пѣшимъ походомъ. И въ то время съ священникомъ съ Иваномъ Поборскимъ за нею, в. государынею, хаживалъ для молебнаго пѣнія и чтенія псалмовъ; а за нею, в. государынею бывалъ Федка Шакловитой съ стрѣлцами розныхъ полковъ съ стѣнного караулу, да въ прибавку Алешка Стрижовъ съ стрѣлцами человѣкъ по дватцати. И околничей Василей Савичъ Нар-

бѣковъ посылывалъ къ Олексѣю Ржевскому подячихъ мастерскіе полаты, которые прилучатся; и денги отъ Алексѣя принашивали подячіе, а по сколку, того не вѣдаетъ, толко видалъ, въ бумажки расчиталъ Василей Нарбѣковъ съ подячими и съ истопниками; а давалъ тѣ денги по церквамъ священникомъ и стрѣлцамъ Василей Нарбѣковъ; а прибылымъ стрѣлцамъ тайно Федка Шакловитой приказывалъ Василю давать стрѣлцомъ в. государыни во всѣ походы, а къ матери де и къ дядѣ къ Серешкѣ Муромцову въ Борисовъ полкъ Батурина, что бывалъ Сенкп Резанова, явно и тайно года съ два не прихаживалъ и не пріѣзживалъ; а дядя де его Серешка Ивановъ слободчикъ, и матерь Ивашки Чернова приходили, и какіе слова ей говаривалъ-ли, того онъ не вѣдаетъ, для того что онъ пьяница. А противъ роспросныхъ рѣчей стрѣлецкихъ, которые его везли, о дачѣ денегъ стрѣлцомъ и камокъ, и онъ сказалъ: такихъ де денегъ онъ, Онтошка, стрѣлцамъ не давывалъ, а слышалъ онъ отъ стрѣлцовъ, Борисова полку Батурина, отъ Мишки Оксенова, отъ Банки Давидова, какъ у него были, Онтошка, въ дому и говорили: „дай Господь в. государемъ здравствовать.“ И дано де имъ денегъ по 10 р. и сказали имъ, чтобъ они служили вѣрно. А дано де стрѣлцомъ десяти человѣковъ, а кто имъ денги роздавалъ и приказывалъ о вѣрной службѣ, того онъ не вѣдаетъ. А какъ де в. государь изволилъ итти изъ села Преображенскаго скорымъ походомъ, и той ночи Лаврентьева полку Сухарева пятидесятникъ Алексей Савостьяновъ въ слободѣ ночевали, и по утру въ той слободѣ почели кликать остаточныхъ и спусковыхъ стрѣлцовъ, чтобъ шли, въ походъ. И онъ де Алексѣй посылалъ провѣдывать сына своего, названаго Степана Алексѣева на съѣзжую избу, для чего „кличютъ стрѣлцовъ въ походъ, и десятникъ ему, Стенкѣ, сказалъ: для того де кличютъ, что в. государю походъ въ Троецкой монастырь, да тихонко ему сказалъ, что де в. государь изволилъ на Преображенское итти скорымъ походомъ въ одной сорочкѣ.“ И онъ, Стенка, пришедъ, ему, Алексѣю, сказалъ, что де в. государю походъ въ Троецкой монастырь, а того ему не сказалъ, что скорымъ обычаемъ походъ учинился. (70) Онъ сказалъ послѣ бабкѣ своей, и та бабка, вышедъ въ городъ, сказала своимъ сестрамъ, и отъ нихъ де услышелъ погребщикъ, а какъ его зовутъ и какого чину, того онъ не вѣдаетъ. И погребщикъ де извѣщалъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Федкѣ Шакловитому; и Федка де тое бабку, и его Стенку, взялъ въ стрѣлецкой приказъ, и десятника, который ему Стенкѣ сказывалъ, взялъ и распрашивалъ. А къ нему Антошкѣ пришли изъ Сухарева полку и сказали, что по посылкѣ Федки Шакловитова, та баба и стрѣлцы взяты, и хочетъ де имъ, выведъ на площадь, головы отсѣчь. И онъ Онтошка пришедъ вверхъ, Федкѣ Шакловитому говорилъ, чтобъ онъ надъ ними показалъ милость для того, что походъ в. государей учинился явенъ всему государству. И онъ де, Федка, ему сказалъ: „и тебѣ де тутъ же доведется голову отсѣчь.“ И послѣ того билъ челомъ онъ царевнѣ, и послѣ де челобитью тѣ вышеписанные люди изъ приказу свобожены, и никакого наказанья имъ не учинено. А какъ августа противъ 8 числа изволила въ ночи царевна быть въ соборѣ Пресвятые Богородицы Казанскіе и той ночи за часъ до свѣту пріѣхалъ къ Николаевскимъ воротамъ и стрѣлцы де его спрашивали: „куды де ѣдешъ;“ и онъ де, Онтошка, сказалъ имъ, что ѣдетъ въ верхъ къ заутренѣ. И они де ему съ лошади слѣзть велѣли и сказали, что царевна у Казанскіе Богородицы.

И онъ Онтошка пришедъ въ паперть помолясь, в. государинѣ поклонился; а въ то время протопопъ читалъ молитву по акаѳистѣ. И в. государыня изволила его послать вверхъ и приказала: „поди де къ заутрени вверхъ, и вели де начинать полунощницу;“ а къ заутрени велѣла ожидать себя. И онъ вверхъ пришедъ, приказалъ начинать полунощницу. А какъ онъ шелъ вверхъ и въ Кремлѣ де никакихъ стрѣлцовъ невидалъ, толко де видѣлъ стрѣлцовъ у Казанскіе Богородицы, и изъ нихъ де Семенова полку Резанова пятидесятникъ Устинко Самсоновъ, подшедъ къ нему, сказалъ: мы де молимся здѣсь у всенощной, и в. де государыня пожаловала насъ по рублю. А за государыней де были: Василей Нарбѣковъ, Федка Шакловитой, а иныхъ никого не видалъ, а ему Антошкѣ, съ стрѣлцами, которые привезли его въ Троецкой монастырь, дана очная ставка, а на очной ставкѣ тѣ стрѣлцы говорили прежніе свои рѣчи, что онъ, Онтошка, въ слободѣ къ нимъ, къ матери и къ дядѣ, пріѣзживалъ въ прошломъ во 197 году передъ Троицкимъ походомъ; а Онтошка сказалъ прежніе свои рѣчи, что онъ въ той слободѣ не бывалъ тому года съ два; а про денги стрѣлцы сказали прежніе жъ свои рѣчи, а онъ Онтошка сказалъ прежніе-жъ свои рѣчи; да съ нимъ же, Онтошкою дана очная ставка съ истопникомъ съ Стенкою Евдокимовымъ. А на очной ставкѣ Стенка противъ роспросныхъ его, Антошкиныхъ, рѣчей запирался, стрѣлцовъ де Алешки Стрижева и Алешки Кондратева ему, Онтошкѣ, въ церковь запирать не велѣвалъ, и указу в. государыни царевны, что ихъ запирать, не сказывалъ, и ключа онъ, Онтошко, ему Стенкѣ, не давывалъ, а заперъ де ихъ въ церкви онъ, Онтошка; а изъ церкви де ихъ Алешку и Андрюшку вывелъ и отдалъ ему онъ Антошка, а Антошка сказалъ прежніе свои рѣчи. Да на очной же ставкѣ Стенка Евдокимовъ сказалъ, что де въ роспросѣ Онтошки Муромцова написано: какъ де стрѣлцы прихаживали къ Воскресеню на площадку ночми, и онъ де Стенка и товарыщи его истопники и сгорожи комнатные въ то время были, а стрѣлцы де прихаживали ночми человѣкъ по десяти, и по дватцати и по тритцати розныхъ полковъ: Ипатъ Улфовъ Алешка Стрижевъ, Андрюшка Кондратьевъ, Оброска Петровъ съ товарыщи. А бывали де въ тѣ времена, кн. Василей Голицынъ, Федка Шакловитой, Василей Нарбѣковъ, а Семенъ де Толочановъ и Алексѣй Ржевской бывали-ль, того онъ не упомнитъ. Да Алешкѣ жъ Стрижеву соизволила в. государыня пожаловать въ прошломъ во 197 году въ августѣ лѣтомъ, какъ его спрашивали въ Преображенской походъ, денегъ пятьдесятъ рублевъ. А былъ онъ у него, Стенки, за карауломъ въ ихъ, истопникѣ избушкѣ, чтобъ его не увезли въ походъ. (74) Да стрѣлцамъ же дано Андрѣева полку Нормацкаго по пол..... да пятисотнаго Нифонта Чулошникова съ товарыщи посылалъ онъ, Федка, его Стенку, на Колымажные ворота въ башню, и взявъ ихъ, человѣкъ съ пять, привелъ къ хоромамъ въ сѣни; и в. де государыня изволила взять ихъ передъ себя; и какъ они пошли изъ хоромъ и по указу де государыни царевны, онъ Стенка, далъ имъ пол..... денегъ сто рублевъ, и за что тѣ денги имъ даны, того онъ не вѣдаетъ. Да въ прошломъ же де году лѣтомъ, приведены были по приказу Федки Шакловитова, Семенова полку Резанова бывшей пятисотной, Микитка съ товарыщи человѣкъ съ пять, и были въ тѣхъ же хоромехъ. И по указу де царевны далъ онъ Стенка имъ, Микиткѣ съ товарыщи, денегъ въ мѣшечкѣ, а сколко счетомъ, того не вѣдаетъ. Да

Иванова полку Цыклера стрѣлцу Лучкѣ Степанову съ товарыщи двумъ человѣкомъ изволила государыня царевна пожаловать денегъ въ мѣшечкѣ, а сколко счетомъ, того не вѣдаетъ же. Да Алешка де Стрижевъ, какъ его спрашивали въ Преображенское, былъ за карауломъ у комнатнаго истопника, у Дмитрея Иванова, и былъ у него на дворѣ денъ съ пять; да и Мишка жъ де Евдокимовъ съ товарыщи прихаживали и были въ хоромехъ, и дача денежная бывала; да Ефимьева полку стрѣлцы Стенка Татарченокъ съ товарыщи, четыре человѣка въ хоромы прихожены-жъ, и дача денежная имъ была.

76. *Допросъ Медвѣдева.* Въ застѣнкѣ Сенка Медвѣдевъ *по 1-ой статѣ* сказалъ: о томъ де онъ стрѣлцамъ говорилъ для того, чтобъ тому дѣлу не быть, и чтобъ то дѣло разорить. *По 2.ой статѣ:* сказалъ свои прежніе рѣчи, а умыслу де никакого не бывало. *По 3-й статѣ:* сказалъ прежніе свои рѣчи. А въ тѣхъ де тетратехъ противности церкви никакой нѣтъ; писана противъ греческой книги. *По 4-й статѣ:* о убіеніи и премѣненіи св. патріарха умыслу никакого не бывало. *По 5-й*: у Федки Шакловитова роспись была-ли, того онъ не вѣдаетъ; а Ларіонъ Елизаревъ сказывалъ, что у него, Федки, роспись, кого послать, была и хотѣлъ имъ дать. *По 6-й:* сказалъ прежніе-жъ свои рѣчи, и съ стрѣлцами де знакомства, до того числа, какъ учали стоять на караулѣ, не бывало. *По 7-й:* сказалъ прежніе свои рѣчи. А съ Федкою де Шакловитымъ говаривалъ, и была у нихъ написана книга лѣтописная, начата съ девяностого году, съ правленія в. государыни, и что было съ того году; и та де книга у него, Сенки, въ полатѣ, а писана та книга съ писма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ, Сенка, а переписывалъ для чисту Ивашко.

78. *По 8-й:* говорилъ прежніе свои рѣчи; а не извѣщалъ в. государемъ за страхомъ. *По 9-й*: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. А Ондрюшкѣ говорилъ онъ разговоромъ для того, что онъ, Ондрюшко, говорилъ ему, что будетъ послѣ Семенова дни бунтъ. И онъ Сенка ему говорилъ. Федка де Шакловитой сказывалъ ему, Сенкѣ, тѣ вышеписанные слова, которые онъ сказалъ въ роспросѣ къ пророчеству государева имени, а самъ не гадалъ. А юродъ былъ прямой-ли, того онъ не знаетъ; а Федка де Шакловитой сказывалъ, что онъ юродъ отъ роду таковъ. *По 10-й*: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ. (79) *По 11-й:* прежніе жъ свои рѣчи, а на Донъ писемъ никакихъ не посылалъ. *По 12-й*: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. А гдѣ Ондрюшка Кондратевъ и Олешка Стрижевъ, того онъ не вѣдаетъ. *По 13-й*: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ. А перетерпя де, опричь худа имъ, которые были на сторожѣ в. государыни царевны, ждать нечего. А говорилъ онъ, стрѣлцомъ, которые при ней бываютъ. *По 14-й:* Такіе слова про св. патріарха, что учился мало и отъ богословскихъ рѣчей не знаетъ, онъ, Сенка, говорилъ. Про книгу отъ таинствъ онъ сказалъ, что такой книги у него Сенки не бывало. А на пыткѣ было ему 15 ударовъ.

81. А къ св. патріарху онъ не прихаживалъ и какъ патріархъ былъ въ ходахъ, онъ не выхаживалъ, боясь его. А Федка де Шакловитой ему, Сенкѣ, говаривалъ: „не бойся де, царевна Софія Алексѣевна тебя не выдастъ.“ (82) А какъ де онъ вверху бывалъ, и въ то время при в. государынѣ царевнѣ былъ кн. Василей и Алексѣй Голицыны.

83. *Допросъ Гладкаго.* Микитка Гладкой въ застѣнкѣ съ пытки говорилъ: *По 1-й статѣ,* прежніе свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ; а на государское здорове онъ не мыслилъ. *По 2-й,* такіе слова говорилъ съ Миткою Капрановымъ разговоромъ про св. патріарха и про взятье у ризничего денегъ, и чтобъ у св. патріарха въ полатѣ закричать, „онъ де и мѣста не найдетъ,"— говорилъ съ пьяна. (84) *По 3-й,* Федка Шакловитый въ то время, какъ онъ Федка, ѣхалъ изъ Коломенского, такіе слова: „кто къ рукѣ его не пожаловалъ и кто не допустилъ," говорилъ и матерны бранилъ. А въ роспросѣ де онъ того не сказалъ безпаметствомъ; и чтобъ „за дѣло приниматься" — говорилъ, а дѣлу де опричь бунта быть нечего. *По 4-й,* о убіеніи и о премѣненіи св. патріарха запирался. *По 5-й,* такіе слова, что „у в. государя двери дровами забросали," говорилъ, и въ распросѣ — де онъ про то сказалъ имянно. А о непристойныхъ словахъ сказалъ, прежніе жъ свои рѣчи, да и Федка Шакловитой такіе непристойные слова говорилъ же. (85) *По 6-й статѣ,* а постоявъ, онъ же, Микитка сказалъ, про св. патріарха говорилъ такими словами: что доберется де онъ до пестрой ризы, говорилъ; а умыслу не бывало. Да онъ же, Микитка сказалъ, Селиверстко де Медвѣдевъ ему, Микиткѣ, далъ денегъ 5 р., Ларіону Елизареву 10 р., Федору Туркѣ, Михайлу Фектистову, Ивану Троицкому, далъ по пяти рублевъ. А Сенка Медвѣдевъ на очной ставкѣ, въ застѣнкѣ съ Микиткою Гладкимъ сказалъ: такіе де денги стрѣлцомъ онъ давалъ; а велѣлъ де ему роздать Федка Шакловитой въ то время, какъ поѣхалъ къ гетману, для того что стрѣлцы погорѣли. *По 6-й,* про грабежъ винился. *По 7-й,* сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. *По 8-й,* къ устюжскому архіепископу прихаживалъ, а не подговаривалъ и словъ къ бунту не говаривалъ, и ничѣмъ не грозилъ. *По 9-й,* къ Колмогорскому не прихаживалъ и не..... *А на пыткѣ было ему 10 ударовъ.* (87). Да онъ же, Микитко, на пыткѣ кричалъ: „то де все Богъ взыщетъ на в. государынѣ царевнѣ, отъ нее — де кровь проливается: то велѣла имъ дѣлать она, в. государыня.

88. *Стенка Овдокимовъ* въ роспросѣ въ застѣнкѣ и съ пытки: *По 1-й,* во всемъ запирался, что умыслу на государское здорове не бывало, и ни отъ кого не слыхалъ. *По 2-й,* запирался, говорилъ прежніе свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ. *По 3-й,* прежніе-жъ свои рѣчи. *По 4-й,* запирался жъ и сказалъ прежніе свои рѣчи, что и въ роспросѣ. *По 5-й,* сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. *По 6-й,* сказалъ прежніе свои рѣчи; а свойства де съ Федкою Шакловитымъ никакого не бывало. (89) А воръ де Олешка Стрижевъ и нынѣ вверху. А на пыткѣ было ему 15 ударовъ.

90—94. (Сент. 30 патріархъ представилъ листы, на которыхъ изображена была царевна Софія, къ слѣдственному дѣлу. *См. Москвит. 1843 года, N. 10).*

95. „Онъ же *Сенка* (*Медвѣдевъ*) сказалъ: стрѣлцовъ-де в. государыня царевна призывала въ верхъ во 197 г. съ полгода.... и говорила, чтобъ за нее постояли, измѣны (?) не вѣдали, и давала имъ денги по 25 р. человѣку, а инымъ и менши; а сказывалъ де ему про то Ларіонъ Елизарьевъ; а что стрѣлцы въ призывѣ были, то вѣдаетъ онъ же, Ларіонъ,— и Лва бы Кириловича, и кн. Бориса Ал., и иныхъ ближнихъ людей побили."

96. Подъячей *Агапка Петровъ* въ приказѣ стрѣлецкомъ находится съ 187 по 195 г., а во 195 г. велѣлъ ему быть во дворѣ Ѳ. Шаклови-

той и писать грамотки боярамъ, а Голицыну писалъ въ походъ своею рукою и особымъ писмомъ. Во 197 г. отецъ Агапки билъ челомъ, чтобы ему почты не держать, когда пошли во 2-й крымскій походъ, и Ѳ. Шакловитый „отца его бранилъ и хотѣлъ съ Москвы сослать невѣдомо куды и на дворъ къ себѣ ходить ему не велѣлъ." И онъ не ходилъ. А Голицыну писалъ писма два или три, толко гдѣ царевна Софія Ал. бывала въ монастырехъ или у церкви для моленія, а инаго кромѣ того ничего не писалъ." Какъ Голицынъ пріѣхалъ со службы, Шакловитой записные тетради взялъ къ себѣ. Во 196 и 197 г., по его приказу, Агапка раздавалъ пятисотнымъ и приставамъ р. по 2 и по 1 р. къ праздникамъ рождества и пасхи; „а сказывалъ Ф. Шакловитой, что бываютъ они у дѣлъ," а денги бралъ изъ стрѣлецкаго приказу, а иные давалъ съ двора. Да во 197 г. авг. 7 приходилъ Агапка къ Шакловитому въ день и онъ не велѣлъ ему уходить съ двора. „И часу де въ другомъ ночи поѣхалъ Ф. Шакловитой въ верхъ, а съ собою взялъ его Агапку, да подъячихъ же Ф. Степанова, Ив. Истомина. И какъ де пришли они за нимъ вверхъ и онъ позвалъ ихъ всѣхъ и велѣлъ имъ спать въ Грановитой полатѣ, и самъ онъ спалъ на Грановитой же полатѣ, да съ нимъ спалъ полковникъ А. Нормоцкій. И часа за 2 до свѣту Фед. Шакловитой взбудя ихъ, велѣлъ итить за государынею къ церкви Казанскіе Богородицы; и какъ начали пѣть молебенъ, Агапка взошедъ въ монастырь, легъ спать; и какъ де почали молебенъ отпѣвать, и его де невѣдомо кто разбудилъ. И онъ де вставъ съ монастыря пошелъ съ пятисотнымъ съ Л. Елизарьевымъ за монастырь и сидѣлъ на скамьѣ. А у той де церкви было стрѣлцовъ человѣкъ со сто или болши. И онъ де Агапка говорилъ Л. Елизарьеву, что стрѣлцовъ многолюдно, и Ларіонъ де ему сказалъ, что развѣ де велѣно столко нарядить? а напередъ де сего такъ не бывало. (97). Да въ августѣ жъ м. Ф. Шакловитой у себя на дворѣ въ полатахъ далъ ему въ бумагѣ денегъ и велѣлъ отдать капитану Ф. Сапогову 19 р., а для чего, того не вѣдаетъ. Да въ августѣ же м., увидя у себя на дворѣ стрѣлца Ив. Чернаго, далъ ему Агапку денегъ въ бумагѣ и велѣлъ отдать Черному, и онъ отдалъ на крылцѣ, а сколько, того не вѣдаетъ. И послѣ того Агапка не ходилъ къ Ѳ. Шакловитому на дворъ съ недѣлю; и онъ его ругалъ и говорилъ, что съ Москвы его зашлетъ невѣдомо куды." Авг. 15 отъ всеношной Ѳ. Шакловитой послалъ его въ стрѣлецкой приказъ; тамъ въ казенкѣ Петръ Ивановъ разспрашивалъ человѣка К. Пол. Нарышкина, а Агапка переписывалъ на бѣло; и той же ночи Ѳ. Шакловитой распрашивалъ того человѣка самъ. Да авг. въ 30 пришелъ Агапка къ подъячему приказу большой казны къ Сенкѣ Надѣину, Ф. Шакловитаго къ свойственнику,—и у него сидѣлъ П. Ляпина человѣкъ Мишка и обѣдалъ, и послѣ обѣда Надѣинъ пошелъ изъ двора невѣдомо куды, и пришедъ къ себѣ велѣлъ Агапку сходить къ старцу Селиверстку и сказать, чтобъ онъ изъ монастыря сошелъ. И онъ тѣ слова старцу сказалъ, и у Надѣина ночевалъ. И авг. 31 былъ... Сенки на дворъ. И сент. противъ 1 въ ночи позвалъ его С. Надѣинъ съ собою въ городъ; и онъ де съ нимъ пошелъ и пришелъ въ верхъ и къ нимъ де вышелъ комнатный истопникъ С. Евдокимовъ, и Надѣинъ, стоя на деревянномъ крылцѣ, говорилъ съ истопникомъ невѣдомо что, и истопникъ пошелъ въ верхъ; а Агапку на крылцѣ говорилъ Надѣинъ, чтобъ онъ поѣхалъ съ нимъ съ Москвы. И онъ сказалъ, что ѣхать съ нимъ

не для чего. И С. де Надѣинъ говорилъ, что пришло имъ жить худо; и Агапка сказалъ, что съ нимъ поѣдетъ. И Сенка де Надѣинъ, вынявъ крестъ, велѣлъ ему цѣловать, что ему съ нимъ ѣхать, а не солгать, и онъ крестъ цѣловалъ, стоя на томъ же крылцѣ. И Надѣинъ сказалъ ему, чтобъ имъ увесть съ Москвы Ф. Шакловитаго, а его де сверху къ нимъ сведутъ, и чтобъ подождать съ нимъ въ верху; и онъ съ Сенкою былъ у мастерской полаты часу до 4-го ночи, и С. Евдокимовъ вышедъ сказалъ, что того дѣла учинить не мочно. А говорилъ Надѣинъ, что имъ ѣхать съ Москвы толко 8 верстъ въ дер. П. Ляпина... И поутру приходилъ съ верху невѣдомо кто къ С. Надѣину и велѣлъ имъ итить въ верхъ, и они пришли, и С. Евдокимовъ вынесъ къ нимъ писмо и велѣлъ имъ переписать; и пришли на дворъ къ Надѣину и вмѣстѣ съ подъячимъ болшой казны К. Борисовымъ, то писмо писали вмѣстѣ. А то де писмо было руки Ф. Шакловитаго, и писана розныхъ чиновъ людемъ сказка, а что подлинно, сказать не упомнитъ, и тое де сказку Надѣинъ отнесъ вверхъ, а сказывалъ, что отдалъ истопнику С. Евдокимову. И тогожъ числа часу въ 4-мъ дни взялъ Агапку, подячихъ С. Михайлова, К. Борисова, Надѣинъ, и въ приказѣ большой казны переписывали, кто въ какомъ дѣлѣ колодники въ стрѣл. приказѣ сидятъ, и тоѣ де роспись подклея подъ сказку, что писали они, сказывалъ, что С. Надѣинъ отдалъ истопнику С. Евдокимову а онъ гдѣ дѣвалъ, того не вѣдаетъ. И ночевалъ Агапка у Надѣина. Поутру пошли они на загородной дворъ Надѣина подъ Новодѣвичь монастыремъ да съ ними Ляпина человѣкъ Мишка, и на дворѣ де стояла у него коляска черкаская; и С. де Надѣинъ написалъ писмо, что будто лошади стоятъ у дворцовой лѣстницы, а коляска подъ Новодѣвичемъ монаст., и отдалъ кому невѣдаетъ. И подъ вечеръ сталъ ему Агапко говорить, что они затѣяли дурно и ѣхать съ нимъ не хочетъ," и ушелъ въ Москву, сидѣлъ на Житномъ дворѣ; а въ Троицкой итить боялся, чтобъ на дорогѣ не ухватили и не привезли къ Москвѣ и не учинили какого дурна. И билъ челомъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Ив. Б. Троекурову, чтобъ его послали въ Троецкой монастырь." А М. де Фролову 10 р. онъ не давалъ, а М. Гладкому рубь далъ Агапко развѣ въ то время, какъ давалъ пятисотнымъ и приставамъ къ празднику воскресенія."

99. Сент. 26 явился въ Троицкой смоленскій шляхтичь *Ф. Ив. Маневской*, для своего челобитья, „чтобъ ему быть въ смоленскомъ у .въ с. Зверои прикащикомъ." Былъ у царя Іоанна во псаломщикахъ, а въ походъ крымской на службѣ былъ. „Се писмо подалъ къ розыскному дѣлу полковникъ Ив. Цыклеръ."

100. ...Окт. 2. *Ѳ. Степановъ* сказалъ: „къ Ф. де Шакловитому почалъ приходить со 194 г., и приходя пѣвалъ у приходской церкви, гдѣ онъ Федка прихожъ и у него у крестовъ. И авг. 7 пошелъ онъ на дворъ отца своего Ст. Овдокимова и на встрѣчу ему попался Ѳ. Шакловитой и велѣлъ идти за собою, былъ онъ у него во дворѣ часа полтора и на послѣдней четверти 1-го поѣхалъ въ верхъ и велѣлъ ночевать; „а какъ де онъ ѣхалъ въ городъ, и Предтеченскіе ворота карауланымъ стрѣлцамъ велѣлъ запереть." Потомъ послалъ его на Лыковъ дворъ сказать О. Петрову: „буде кто изъ походу пріѣдетъ, и ихъ велѣлъ стрѣлцамъ имать и приводить на Грановитую полату къ себѣ мимо полковника"—и велѣлъ ему идти спать, а на другой день, какъ ударили въ колоколъ къ зау-

трени, Нармацкой разбудилъ ихъ съ Агапкой и Истоминымъ и они провожали царевну къ Казанской церкви.

106—108. А *Янка Степановъ* и *Ивашка Степановъ* сказали, что воровства за Ѳ. Шакловитымъ не вѣдаютъ. А по розыскному дѣлу воровства за ними не объявилось.

109—112. Сент. 30. Спасскаго монастыря архим. Игнатій въ Троицкомъ мон. разспрашивалъ Воскресенс. собора въ верху *дьякона Якова Семенова*, который показалъ, что 7 сент. поѣхалъ съ Москвы къ матери своей вдовѣ въ г. Опошной; въ черкаскіе городы; а поѣхалъ не бѣгомъ,— в. г. царевна на челобитье объ отпускѣ изволила сказать: „какъ де хочешь, намъ де нынѣ самимъ до себя.“ И я поѣхалъ съ племянникомъ и 3-мя челядинами и архим. Никонъ поѣхалъ съ нимъ. А лошади 2 были свои, а 2 государевы, даны ему во 192 г. Стрѣлцы взяли ихъ у Жиздринскаго мон., оборвали платье, взяли перстень золотъ съ яшмовой печатью, гребень слоновой прорѣзной, 40 р. да 16 золотыхъ, а ему отдали 5 р., „а досталные раздѣлили они по себѣ. Про воровство не слыхалъ. Патріахъ ко 190 г. не велѣлъ ему дьяконствовать, и онъ стоялъ съ пѣвчими, а жалованье получалъ дьяконское; а поѣхавъ жену и сына оставилъ на Москвѣ.

122. Окт. 3. *С. Медвѣдевъ* сказалъ, что А. Стрижевъ поставилъ свои животы въ Спаскомъ монастырѣ въ амбарѣ, спросясь у него, въ то время, какъ во 197 году загорѣлось въ Никицкомъ мон., и поставилъ въ полатѣ иконостасъ и „образы окладные для береженія отъ пожару“ и не окладные да шапку женскую, по его велѣнью; а знакомство съ нимъ Алешкою „съ того числа, какъ почали стоять у него на караулѣ.“ А про замыслы его не слыхалъ.

123. Извѣты въ августѣ на Микитку Глаткова. „Стремяннаго полку пятисотной Л. Елизарьевъ: Ф. де Шакловитой призывалъ М. Глаткова, да его Ларіона, да пристава А. Кондратьева, Е. Романова, и говорилъ имъ, чтобъ приготовить стрѣлцовъ 100 или 200 чел., а буде мочно, хотябъ кто и весь полкъ привелъ для того, какъ в. государь Петръ ...самодержецъ изволитъ къ Москвѣ быть, и въ то число побить бояръ Лва К. Нарышкина съ братями да кравчего кн. Б. А. Голицына, бутто они хотятъ известь в. государыню Софію Ал. Да въ тожъ число велѣлъ онъ, Федка, побить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человѣка, и Лопухиныхъ, да Апраксиныхъ всѣхъ троихъ, Вакулу Изволскаго, Федора Зыкова.“

125. О *Н. Гладкомъ*. Да у него-жъ де, Ларіона Елизарева, были въ дому того жъ стремяннаго полку десятники, Федоръ Турка, Михайло Феоктистовъ, Иванъ Троицкой, Яковъ Ладогинъ. И въ то де число прибѣжалъ на Лубянку къ съѣзжей избѣ онъ же, Микитка Гладкой, да Андрюшко Сергѣевъ; и отъ съѣзжей избы прислали по него, Ларіона, его, Андрюшку Сергѣева, чтобъ онъ, Ларіонъ, шелъ къ съѣзжей избѣ. И онъ де Ларіонъ и вышеписанные десятники, которые были у него въ дому, пошли съ нимъ, и пришли на Лубянку, и у святыхъ воротъ онъ Микитка Гладкой говорилъ имъ, чтобъ стрѣлцы взяли сто—другое съ ружемъ шли въ городъ, всѣ де готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ. Да онъ же де, Микитка, въ то время про себя говорилъ: у Спаского де набату языкъ онъ привязалъ; а людей де присылайте въ городъ, а сами де слушайте набату; и велѣлъ изъ полку ихъ онъ, Микитка, кликать 300 человѣкъ

стрѣлцовъ въ городъ съ ружемъ. На него жъ, Никитку, въ извѣтѣ Федоръ Турка съ товарыщи сказалъ: онъ же де, Микитка, прибѣжалъ на Лубянку, и на нихъ, Федора Турку съ товарыщи, кричалъ: „для чего де вы по се время не ѣдетя, а Кремль де заперли,“ и велѣлъ на съѣзжей избѣ караулнымъ пятидесятникомъ кликать въ строевыхъ кафтанахъ съ ружемъ 300 человѣкъ, и приказывалъ строевымъ, собрався, итить по набату въ городъ, не мѣшкавъ, а имъ де, Федору Туркѣ съ товарыщи ѣхать по заставамъ для вѣстей. И Микитка де Гладкой учалъ на нихъ кричать, для чего не поѣхали, и для чего люди не готовы и въ городъ не идутъ. И онъ де, Турка съ товарыщи, говорилъ ему, Микиткѣ: „по какому де указу имъ итить въ городъ? а люди де у нихъ готовы.“

127. И послали де съ нимъ, Микиткою, Михайла Капранова, что въ Кремлѣ дѣлается? и какъ де дошли въ Кремль, и онъ де, Микитка, указывалъ на люди и на копьи, и говорилъ: „уже де царя Петра Алексѣевича спалника съ лошади стащили, и били, и идучи де подъ переходы мимо патріаршихъ палатъ, указывалъ онъ, Микитка, ему, Михайлу, гдѣ живетъ ризничей Акинфей. „Тутъ де намъ будетъ двѣсти рублевъ.“

128. И Михайло де ему говорилъ: „какъ де къ нему пойдешь, испужаешь св. патріарха.“ И онъ де, Микитка, говорилъ: „какъ де я пойду къ патріарху въ полату и закричу, и онъ де у меня отъ страха мѣста не найдетъ. Въ ызвѣтѣ на него жъ, Микитку, Федора Турки, Михайла Капранова, Ивана Троицкого написано: какъ онъ, Микитка, былъ за Федкою Шакловитымъ въ Коломенскомъ для отпуску на встрѣчу кн. Василья Голицына, и онъ де, Федка, идучи съ дворца и дорогою говорилъ имъ, что его, Федку, в. государь къ рукѣ не пожаловалъ. И онъ, Микитка, говорилъ: кто де тебя не пожаловалъ, и кто не допустилъ, тѣхъ бранилъ матерно, и пора де опять за дѣло приниматься.

129. На него жъ, Микитку, *Ипатъ Улфовъ* въ ызвѣтѣ сказалъ: Говорилъ де ему, Ипату, да Ларіону Елизарьеву, да Андрюшкѣ Кондратьеву и Микиткѣ Гладкому, Федка Шакловитой: „мочно-ль на васъ надѣяться? Голицынъ съ товарыщи изгоняютъ и поругаются, и вѣнецъ царской изломали. Мочно-ль де вамъ ихъ взять, и учинить надъ ними смертное убивство?“ И въ то де время далъ онъ, Федка, имъ четверымъ: ему, Ипату, и Ларіону и Андрюшкѣ, и Микиткѣ Гладкому, государева жалованя 100 рублевъ, по 25 рублевъ человѣку, для того, чтобъ они на такое дурно были готовы.

Онъ же де, Микитка, имъ говорилъ: перваго де человѣка спалника Плещѣева въ руки имъ Богъ далъ въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ, ухвотя оборвали, и саблю его имъ казалъ; а его де оборвавъ, послали въ верхъ.

На него жъ, Микитку, капитанъ Василей, да Филипъ Сапоговъ въ ызвѣтѣ сказали: онъ де, Микитка, съ Федкою Шакловитымъ, да съ старцомъ Селиверсткомъ и съ стрѣлцами, съ Аброскою Петровымъ съ товарыщи, умышляли убить св. патріарха. А въ ночномъ бунтѣ заводчики были: онъ же, Микитка Гладкой съ товарыщи. И какъ де спалника Федора Плещѣева съ лошади сорвали, и въ то де время человѣка его, да дву потѣшныхъ конюховъ взяли и посадили за караулъ на Лыковѣ дворѣ.

Въ ызвѣтѣ-жъ Филка Федоровъ, Федка Кобылинъ, Гришка Силинъ, Петрушка Секетовъ, на него-жъ, Микитку, сказали: августа де противъ 8 числа 197 году въ ночи, у съѣзжей избы услышали они отъ своей

братьи, что в. государь изъ с. Преображенскаго невременно пошелъ въ Троецкой монастырь; и Микитка де Гладкой велѣлъ кликать 300 человѣкъ съ ружемъ.

Въ роспросныхъ рѣчахъ *Юрки Лесника* на него-жъ, Микитку, написано: По приказу пятидесятника Оброски Петрова, нарежен онъ, Юрка, августа противъ 8 числа въ ночи, и иные того-жъ полку стрѣлцы съ ружемъ, человѣкъ со 100 выборомъ, а иттить имъ велѣли въ Кремль.

131. И по тому его, Оброскину приказу, они собрався съ ружемъ, въ Кремль пришли, и поставилъ ихъ онъ, Оброска, на Лыковѣ дворѣ, да съ ними стремянного полку Микитка Гладкой съ товарыщи.

На него-жъ, Микитку, въ ызвѣтѣ *Андрюшка Сергѣевъ* сказалъ: въ прошломъ де, во 197 году, въ розныхъ мѣсяцахъ и числехъ призывалъ его, Андрюшку, онъ Микитка Гладкой и говорилъ ему, чтобъ онъ приготовилъ копье, и былъ готовъ, какъ онъ, Микитка, спроситъ и слушалъ бы, какъ забьють въ набатъ. А у насъ де будетъ ярмонка, побіеніе будетъ на бояръ на многихъ людей противъ прежнего смутнаго времени. И ты де того смотри, и отъ меня не отставай; и далъ ему денегъ пять рублевъ. Да онъ же, Микитка, ему Андрюшкѣ говорилъ, что де в. государя Іоанна Ал. отъ в. государя Петра Ал. двери дровами и полѣны закидали. Да онъ же, Микитка, говорилъ: царскій вѣнецъ изломали; а кому де ломать? толко въ ту сторону.

132. Да онъ же, Микитка, говорилъ про в. государя Петра Алексѣевича непристойные слова такіе: (что его в. государя съ ума споили, да и того де ты смотри: государыня наша непрестанно Бога молитъ, а тамъ де толко на органехъ да на скрыпицехъ играютъ).

Да Андрюшка жъ Сергѣевъ въ ызвѣтѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 198 году былъ онъ, Андрюшка, съ Микиткою Гладкимъ у старца Селиверстка; и онъ де, Селиверстко, говорилъ: „не бойтесь де хотя ц. Петра Алексѣевича сторона и повезетъ, и много де будетъ денъ на десять, а то де опять будетъ рука силна стороны царевны Софіи Алексѣевны.

133. На негожъ, Микитку, *Оброска Петровъ* говорилъ: Федка де Шакловитой по многіе дни говорилъ ему: „какъ де в. государь изволилъ изъ с. Преображенскаго итить скорымъ походомъ въ Троецкой Сергіевъ монастырь, а все де его подбили кравчей кн. Борисъ Алексѣевичъ да бояринъ Левъ Кириловичъ. И говорилъ ему онъ Федка: „какъ де намъ быть, и что намъ дѣлать?“ (154) А въ то де время было ихъ стрѣлцовъ, изо всѣхъ полковъ пятисотные и приставы, да стремянного Жукова Резанова Ефимьева полковъ были выборомъ изъ редовыхъ и изъ пятидесятниковъ и десятниковъ человѣкъ по десяти стремянного полку онъ, Микитка Гладкой съ товарыщи. А какъ де изволила в. государыня итить въ Троецкой монастырь августа въ 29 день, и на выходѣ въ то время былъ онъ, Оброска и Микитка Гладкой и Алешка Стрижовъ, и за землянымъ городомъ ихъ, Оброску и Микитку, и Олешку, жаловала.

На него-жъ, Никитку, въ роспросѣ Ивашка Замошниковъ говорилъ: къ старцу де Селиверстку прихаживали стрѣлцы, Микитка Гладкой съ товарыщи.

155. На него-жъ, Микитку, *Егорка Романовъ* говорилъ: Во 195 году Алешка Стрижовъ его, Егорку, да Микитку Гладково съ товарыщи призывалъ къ себѣ обѣдать; а послѣ обѣда думали, что де то дѣло, что Федка Шакловитой намъ говорилъ, чтобъ со Львомъ Кириловичемъ

съ братеми и съ кн. Борисомъ Алексѣевичемъ управиться; и имъ де на загородномъ дворѣ говорилъ же: „мочно-ль де на всѣхъ надѣяться? и своей братьѣ, которые поразумнѣй сказывайте." Онъ же Егорка у Микитки Гладкова съ товарыщи слышалъ не по одно время: „новые де у насъ учители завелись;" „ужъ де въ слова какъ поется: *аминь*, кланяться не велятъ; есть де у меня, Микитки, чѣмъ уличать; намъ де далъ тетратки Селиверстъ строитель, и челобитная де у насъ будетъ изготовлена.

136. На него-жъ, Микитку, въ извѣтѣ *Дмитрея Мелнова, Якова Ладогина*, написано: говорилъ де онъ Микитка ему, Дмитрею и Якову: „нынѣ де терпитѣ да ѣжте въ домъ; дастъ де Богъ будетъ ярмонка, станемъ де барскіе дворы и торговыхъ людей лавки грабить и сносить въ дуваны. А онъ де, Микитка, вѣдаетъ, близко своего двора на Резанскомъ подвори, у боярина Ивана Василевича Бутурлина, гремячихъ серебренныхъ шездесятъ чепей; и то де раздѣлимъ, а иные отдадимъ на ограду къ церкви и на церковные главы.

137. На негожъ Микитку подячей *Ивашка Истоминъ* въ роспросѣ сказалъ: Прихаживалъ де онъ, Микитка, за Федкою Шакловитымъ къ дядѣ его къ Селиверстку Медвѣдеву по часту и вмѣстѣ де съ нимъ, Селиверсткомъ, онъ Федка и Микитка и иные стрѣлцы говаривали межъ собою тайно, выславъ всѣхъ; а что де они межъ себя говоривали тайно, того онъ, Ивашко, не вѣдаетъ. И Микитка де Гладкой и Оброска Петровъ, и Алешка Стрижевъ и иные къ нему, Селиверстку, прихаживали и говоривали, а что говаривали, того онъ Ивашко не вѣдаетъ же, и въ келью де его, Ивашку въ то число не пускали, для того, что онъ слова ихъ вывѣдывалъ у келейника его Селиверсткова, которой у него жилъ, Стенкою звали, и справщику Каріону сказывалъ, и хотѣлъ де онъ, Микитка Гладкой, его Ивашку и старца Каріона убить (Листы 393—95).

138. *О Медвѣдевѣ.* На старца Селиверстка Медвѣдева, въ извѣтѣ *Филиппа Сапогова* написано: Умышлялъ онъ Селиверстко, съ Федкою Шакловитымъ, да съ стрѣлцами съ Микиткою Гладкимъ, съ Аброскою Петровымъ съ Андрюшкою Кондратьевымъ, съ Алешкою Стрижевымъ, св. патріарха убить; и нынѣ подъ нимъ умышляютъ же; и его Филиппа и брата его къ тому дѣлу призывали.

Въ роспросѣ *Ивашко Замощиковъ* говорилъ: къ нему де, Селиверстку, Алешка Стрижевъ хаживалъ, и его Ивашку съ собою имывалъ, и одинъ де на одинъ съ нимъ Селиверсткомъ говоривалъ, а о чемъ совѣтывалъ, того онъ не знаетъ. И у него де Селиверстка въ кельѣ на караулѣ, онъ Алешка, своего полку стрѣлцовъ поперемѣнно ставили, толко де приказывали караулить, какъ де придутъ отъ св. патріарха; и его Селиверстка отдавать не велѣлъ, а велѣлъ сказывать, что за нимъ, Селиверсткомъ, есть государево дѣло. (140) А ставилъ де онъ на караулъ у него, Селиверстка, у кельи человѣкъ по 5 и по 10, и на караулъ-де ихъ нарежалъ, выбравъ изъ полку человѣкъ съ 30 и болши, и посылалъ ихъ къ нему, Селиверстку, втай; а въ полку де ихъ стрѣлцы про тотъ караулъ не знали, и сказывать не велѣлъ.

На негожъ, Селиверстка, въ роспросѣ *Куземка Елисѣевъ* говорилъ: къ нему де старцу, Селиверстку, онъ Куземка на караулъ хаживалъ, а посылалъ его Алешка Стрижевъ.

141. На него-жъ, Селиверстку, въ роспросѣ *Ивашка Голохтіоновъ* говорилъ: августа де въ 30 числѣ посылалъ его Ивашку, въ Троецкой монастырь того жъ полку приставъ Алешка Стрижевъ да пятидесятникъ Егорка Романовъ для провѣдываня вѣстей. Да они жъ приказывали: будетъ де станутъ спрашивать про Федку Шакловитова или про нихъ, Алешку съ товарыщи, и ему де велѣли вѣдомости чинить въскорѣ; а будетъ де ихъ, Алешки и Егорки, въ домехъ не застанешь, и они велѣли ему себя искать у старца Селиверстки, что въ Спаскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ.

На него жъ Селиверстка подполковникъ *Мишка Шеншинъ* въ роспросѣ говорилъ, что онъ Селиверстко, по многіе времена къ Федкѣ Шакловитому приѣзживалъ, и въ полаткѣ съ нимъ онъ, Федка, говаривалъ тайно, а что—того онъ не вѣдаетъ. На него-жъ, Селиверстка, Демка Лаврентьевъ въ роспросѣ говорилъ, что онъ его, Селиверстка, видѣлъ до взятя въ Троицкой монастырь съ недѣлю; а ѣхалъ Селиверстко верхомъ въ ветошномъ ряду и говорилъ ему, Демкѣ: „молитесь Богу, чтобъ далъ Богъ утишеніе.“

143. Да въ сказкѣ *Андрюшки Сергѣева*, на него-жъ Селиверстка написано: въ нынѣшнемъ де, во 198 году былъ онъ, Андрюшка, съ Микиткою Гладкимъ у старца Селиверстка, и говорилъ онъ, Селиверстко, „не бойтесь де хотя царя Петра Алексѣевича сторона и повезетъ, и много де будетъ денъ на десять, а то де опять будетъ рука силна съ стороны в. государыни Софіи Алексѣевны.“ На него-жъ, Селиверстка, въ роспросѣ Егорка Романовъ говорилъ: слышалъ де онъ, Егорко, у Микитки Гладкова съ товарыщи не по одно время: „новые де у насъ учители завелись; ужъ де въ слова, какъ поется *аминъ*, кланяться не велятъ; есть де у меня, Микитки, чѣмъ уличать, намъ де далъ тетратки Селиверстъ строитель, и челобитная у насъ будетъ приготовлена.

144. На него-жъ, Селиверстка, въ роспросѣ стрѣлецкаго приказу подячей *Ивашка Истоминъ* говорилъ: Онъ, Селиверстка, былъ ему Ивашкѣ, дядя родной по матерѣ, и къ нему Селиверстку прихаживалъ онъ по часту; а напередъ сего у него и живалъ. И Федка де Шакловитой къ нему Селиверстку приѣзживалъ по часту одинъ, и вмѣстѣ съ Микиткою Гладкимъ и съ иными стрѣлцами, и говоривали межъ собою тайно, выславъ всѣхъ; а что они межъ себя тайно говарывали, того онъ Ивашка не вѣдаетъ. И Микитка де Гладкой, Оброска Петровъ, Алешка Стрижевъ и иные къ нему, Селиверстку, прихаживали и говаривали, а что говаривали, того онъ Ивашка не вѣдаетъ же, и въ келью де его Ивашка, въ то число не пускивали для того, бутто онъ слова ихъ вывѣдывалъ у келейника его Селиверсткова, которой у него жилъ, Стенкою звали, и справщику Каріону сказывалъ; а Каріонъ де тѣ слова бутто доносилъ къ св. патріарху, и отъ св. патріарха гнѣвъ былъ на Селиверстка отъ него, Каріона, и хотѣлъ его Ивашку онъ Микитка Гладкой, и старца Каріона убить. И онъ де въ то число какъ приѣзживалъ къ нему Федка Шакловитой, и какъ прихаживали стрѣлцы, для того къ нему Селиверстку не хаживалъ (Л. 395—6).

146. *О С. Евдокимовѣ.* На Стенку Евдокимова въ извѣтѣ стремянного полку стрѣлцовъ *Федора Турки*, *Михайла Капранова*, *Ивана Троецкова*, написано: Федка де Шакловитой по многіе ночи велѣлъ имъ ночевать на Ивановской площади, и приказывалъ имъ: какъ де къ нимъ прибѣ-

житъ истопникъ Стенко Евдокимовъ, и что станетъ имъ приказывать, и они бъ де его слушали; и куды учнетъ посылать, туды бъ ходили, и по велѣнью его исправляли.

Да онъ же де, Федка, какъ ѣхалъ изъ Измайлова въ день ангела в. г. царицы Евдокѣи Федоровны, и не доѣхавъ Покровского, послалъ къ нему, Стенкѣ, съ дороги Ивана Троецкого, да подячего мастерскіе полаты Ивана попова сына, которой попъ служитъ у него, Федки. (147) И приказалъ имъ, чтобъ онъ, Стенка, извѣстилъ в. г. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ о томъ, что онъ, Федка, въ Измайловѣ изъ за караулу свобоженъ, и ѣдетъ въ добромъ здоровьѣ. Въ извѣтѣ жъ Нифонта Чулошникова написано: какъ де полѣньемъ бросалъ сверху съ Грановитые полаты, и просто бросанье сказалъ караульной стрѣлецъ, которой стоялъ на Грановитой полатѣ, а въ которомъ числѣ, и кто караулной стрѣлецъ, того не упомнитъ; а истопникъ, Стенко Евдокимовъ, тѣхъ полѣнъ собирать не велѣлъ до дни „пускай де поѣдутъ бояре и увидятъ.“

148. На негожъ, Стенку, въ извѣтѣ *Григорья Языкова* написано: По нападку де Федки Шакловитова сидѣлъ онъ за карауломъ у подполковника у Мишки Шеншина, и приѣхавъ къ нему, онъ, Стенко Евдокимовъ, и сказалъ ему, бутто государской указъ, чтобъ онъ, Григорей, того всего, куды воженъ, и чего у него спрошивано, никому не сказывалъ; а есть-ли де скажетъ, и за то кажненъ будетъ смертью, а велѣлъ ему сказывать, что былъ въ деревнѣ, и отвезъ его онъ, Стенко, къ брату его, Григореву, къ Ивану Языкову на дворъ и поставилъ у него четырехъ человѣкъ стрѣлцовъ и съ двора его, Григоря, спускать не велѣлъ; и тѣ де стрѣлцы у него, Григоря, жили недѣлю.

149. На него жъ, Стенку, *Юрка Лѣсникъ* въ роспросѣ сказалъ: Стенка де Овдокимовъ Микиткѣ Гладкому, Алешкѣ Стрижеву, Оброскѣ Петрову велѣлъ вѣдомости ждать отъ себя: „какъ де вамъ будетъ вѣдомость, и вы де въ то время поѣзжайте въ Троицкой Сергіевъ монастырь.“ На него жъ, Стенку, *Егорка Романовъ* сказалъ: Какъ де изволила в. государыня Софія Алексѣевна быть у Казанской Богородицы, и въ то де время было ихъ, стрѣлцовъ, на Лыковѣ дворѣ полку ихъ человѣкъ съ 60 съ саблями и иныхъ розныхъ полковъ да Дементѣева и Резанскова полку съ копи. И околничей де Василей Савичъ Нарбѣковъ, призвавъ его Егорку къ церкви Пресвятые Богородицы Казанскіе на рундукъ, велѣлъ ему иныхъ полковъ дать росписи, сколко котораго полку въ Кремлѣ въ сборѣ стрѣлцовъ. (150) И онъ де Егорка взялъ на сорокъ человѣкъ по рублю; а съ тремя иного полку Андрюшка Кондратьевъ на 60 человѣкъ, Ефимьева полку Родіонъ Боровковъ на 100 человѣкъ; а на иные полки, на сколко человѣкъ взято, того онъ не вѣдаетъ; а денги де роздавалъ истопникъ Стенка Овдокимовъ.

151. На него жъ, Стенку, въ роспросѣ *Оброска Петровъ* сказалъ: Какъ де в. государыня изволила притти изъ Троицкаго Сергіева монастыря къ Москвѣ, и ихъ де Оброску и пятидесятниковъ Имошку Афонасева, Мишку Обросимова, Васку Тулу комнатной истопникъ, Стенка Овдокимовъ, призвалъ къ ней, царевнѣ въ сѣни; и в. де государыня изволила къ нимъ вытти и вынесла изъ хоромъ животворящей крестъ, и приводила ихъ ко кресту. Онъ же Оброска сказалъ: у мовной де лѣсницы окно велѣлъ ему, Оброскѣ, выломать Федка Шакловитой, а указалъ ему то окно комнатной истопникъ Стенка Евдокимовъ. И онъ де, Оброска, да съ нимъ

Васка Тула, да Ивашка Вологда, да Трофимъ Холуховецъ то окно выломали ночью; а для чего Федка Шакловитой то окно велѣлъ имъ выломать, того онъ, Оброска, не вѣдаетъ.

На него-жъ, Стенку, *Кондрашка Сафоновъ* да *Данилка Артемевъ* въ роспросѣ сказали: (152) Федка де Шакловитой на загородномъ дворѣ, что подъ Дѣвичимъ монастыремъ, далъ имъ денегъ по пяти рублевъ, и говорилъ имъ, что во 197 году на Семень день, в. г. царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ. И въ томъ же году на Семень же день, онъ же, Федка Шакловитой, ссылалъ къ нимъ, Кондрашкѣ Сафонову съ товарыщи и ко всѣмъ розныхъ полковъ стрѣлцамъ, истопника Стенку Евдокимова, и велѣлъ имъ сказать, что имъ въ то время того дѣла не учинить.

Да въ сказкѣ *Андрѣя Нормацкого* написано: Какъ де онъ, Андрѣй, стоялъ на Москвѣ на стѣнномъ караулѣ, и пришелъ де къ нему, Андрѣю, приставъ Андрюшка Кондратьевъ и сказалъ: привели де отъ Николскихъ воротъ стремянного ихъ полку стрѣлцы спалника Федора Плещѣева для того, приходилъ де къ нимъ сверху комнатного истопника Стенки Евдокимова сынъ, а какъ его зовутъ, того онъ не вѣдаетъ, и приказалъ имъ, чтобъ въ Кремль никого не пропускать (Л. 396—7).

153. Извѣтъ В. Сапогова на *Гапку Петрова*: въ ночи на 8 авг. давалъ онъ стрѣльцамъ по рублю, а другимъ послѣ рублей по 10. Ив. Черной сказалъ, что черезъ недѣлю послѣ 8-го авг. Агапка далъ ему 5 руб., когда онъ „пришелъ поклониться" на дворъ къ Шакловитому, а за что далъ, не вѣдаетъ. А М. Фролову и инымъ дано по 10 руб. М. Глаткой сказалъ, что къ великому дню Агапка далъ ему рубль.

154—5. Мелновъ и Ладогинъ въ извѣтѣ написали на *Ф. Степанова* подъячаго; говорилъ на 8 авг: „ кого де станутъ имать въ Николаевскихъ воротехъ, которые поѣдуть изъ походу, и тѣхъ де людей Ѳ. Шакловитой велѣлъ водить во дворецъ на каменную лѣстницу мимо дневалного полковника къ себѣ въ золотую полату;" тоже показалъ Глаткой и А. Нармацкой.

156. На Сенку Надѣина *Ст. Евдокимовъ* сказалъ „какъ де Ф. Шакловитой былъ у нихъ въ верху за карауломъ, и хотѣлъ уйти," и Степкѣ говорилъ, что лошади готовы, и онъ Федкѣ не сказывалъ. „И Сенка Надѣинъ не сысканъ, а взятъ человѣкъ его Митка Кожуховъ и роспрашиванъ."

244. *Отвѣты Медвѣдева.* И сентября въ 30 день, по указу в. государей Іоанна Петра Ал., Сенка Медвѣдевъ, что былъ старецъ Селиверстко, и Микитка Гладкой, и Стенка Евдокимовъ, про которые стати противъ извѣтовъ, въ роспросехъ своихъ запирались, а про иные сказали не имянно, передъ бояры у пытки распрашиваны-жъ и пытаны, а въ роспросѣ и съ пытки говорили: На здравіе де в. государя Петра, и на матерь его, в. государыню Наталію Кириловну, умыслу и на в. господина св. киръ Іоакима московскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, чтобъ его убить или перемѣнить, не было. А какъ де ему говорилъ Федка Шакловитой на одинѣ дважды: какъ бы де не было в. государыни Наталіи Кириловны и боярина Лва Кириловича, такъ бы де у царевны Софіи Ал. съ царемъ Петромъ было совѣтно; и онъ де, Сенка, о томъ, что ей, в. государынѣ, не быть съ нимъ, Федкою, не мыслилъ. А у Федки де Шакловитаго роспись кого побить была-ль, того онъ не вѣдаетъ; а Ларіонъ де Елизарьевъ сказывалъ, что у него, Федки, роспись, кого побитъ была, и хотѣлъ имъ дать.

А что де онъ, Сенка, Ларіону Елизареву съ товарыщи, какъ имъ говорилъ Федка Шакловитой о побіеніи боярина Лва Кириловича и иныхъ, говорилъ, что имъ того дѣла учинить не возможно; и то де онъ, Сенка, говорилъ для того, чтобъ тому дѣлу не быть и чтобъ то дѣло разорилось.

А въ тетратехъ де, которые писалъ дьяконъ Аѳонасей на святую церковь, противности и росколу, и на св. де патріарха ничего нѣтъ; писана противъ греческой книги.

А съ стрѣлцами де съ Микиткою Гладкимъ, съ Алешкою Стрижевымъ, съ Андрюшкою Кондратевымъ, знакомства у него, Сенки, до того числа, какъ учали у него стоять на караулѣ, не бывало. А что де онъ съ Федкою Шакловитымъ у себя въ кельѣ и у него говаривалъ тайно, и то де онъ съ нимъ, Федкою, говаривалъ о рацѣехъ. (246) И была де у него написана книга лѣтописная, начета съ девяностого году, о правленіи в. государыни, и что было съ того году, и та де книга у него, Сенки, въ полатѣ, а писана та книга съ писма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ, Сенка, а переписывалъ дьячокъ Ивашка.

А какъ де ему, Сенкѣ, говорилъ Федка Шакловитой, что короновать благовѣрную царевну, и что св. патріархъ станетъ короновать и за неволю, о томъ онъ, Сенка, слышалъ отъ него, Федки. В. государемъ не извѣщалъ за страхомъ.

А что де онъ же, Сенка, Андрюшкѣ Сергѣеву говорилъ: „хотя де царя Петра сторона и повезетъ, и много де будетъ денъ на десять, а то де опять силна будетъ рука в. государыни Софіи Ал.“ А сказывалъ де ему про то Федка Шакловитой; а онъ де, Федка, слышалъ отъ юрода, которой былъ изъ Ниловой пустыни. И того де юрода онъ, Федка, присылалъ къ нему, Селиверстку, для свидѣтельства юродства. А про то про все онъ, Сенка, сказалъ тѣ жъ свои прежніе жъ рѣчи; и про то де говорилъ онъ Андрюшкѣ Сергѣеву розговоромъ, для того, что онъ, Андрюшка, говорилъ ему, что будетъ послѣ Семенова дни бунтъ. И онъ, Сенка, ему говорилъ: Федка де Шакловитой сказывалъ ему, Сенкѣ, тѣ вышеписанные слова, которые онъ сказалъ въ роспросѣ къ пророчеству государева имяни, а самъ не гадалъ. А юродъ былъ прямой-ли, того онъ не знаетъ; а Федка Шакловитой сказывалъ, что онъ юродъ отъ роду таковъ.

А какъ де августа противъ 8 числа, во 2-мъ часу ночи приходилъ къ нему Андрюшка Кондратевъ и сказывалъ ему, что онъ, Андрюшка, былъ въ слободѣ и приказалъ, чтобъ сто человѣкъ стрѣлцовъ съ ружемъ въ Кремль; а послѣ того, въ тѣхъ же часехъ приходили къ нему, Сенкѣ, Федоръ Турка, Михайло Феоктистовъ и сказали, что Андрюшка смутилъ, а въ Кремлѣ де стрѣлцовъ нѣтъ. И про то про все сказалъ онъ прежніе-жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ.

А о писмахъ на Донъ къ казакомъ о возмущеніи, сказалъ прежніе-жъ свои рѣчи, что никакихъ писемъ на Донъ не посылалъ.

А какъ онъ, Сенка, съ Москвы побѣжалъ, и въ то де число взялъ онъ съ собою Алешку Стрижова и Микитку Гладкова, а въ роспросѣ онъ про нихъ сказалъ... де онъ, Сенка, съ Москвы ѣхать сбирался, и въ то де время пришли къ нему, Сенкѣ, они, Алешка Стрижевъ и Микитка Гладкой, и спросили его: „куда де ты сбираешься“? и онъ де, Сенка, имъ сказалъ, что хочетъ ѣхать съ Москвы, и они де спросили: „для чего?“ и онъ де имъ сказалъ: „отъ страха св. патріарха.“ И они де ему сказали: „и мы де поѣдемъ съ тобою;“ и съ нимъ поѣхали оба. И на Се-

меновъ де день Алешка Стрижовъ поѣхалъ въ строй, ихъ де приказу велѣно быть у дѣйства. И про то про все сказалъ онъ прежніе-жъ свои рѣчи. А гдѣ де Андрюшка Кондратевъ и Алешка Стрижовъ, того онъ не вѣдаетъ.

А что де онъ же, Сенка, въ роспросѣ говорилъ, что къ нему, Селиверстку, отъ Федки Шакловитова прихаживалъ Стенка Евдокимовъ для провѣдываня вѣстей, и онъ де, Сенко, ему, Стенкѣ, говорилъ, что царя Петра Ал. рука высока, и что де надобно перетерпѣть, онъ, Сенко, говорилъ съ пытки прежніе жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ; (249) да сверхъ роспросныхъ рѣчей сказалъ: „а перетерпя де, опричь худа, имъ, которые были на сторонѣ царевны, ждать нечего; а говорилъ онъ стрѣлцомъ, которые при ней, в. государынѣ бываютъ.

А что де про него, Сенку, старецъ Арсеней сказалъ, что онъ, Сенка, говорилъ про св. патріарха, что онъ учился мало, и рѣчей богословскихъ не знаетъ, онъ, Сенка, говорилъ.

А про книгу отъ тайныхъ дѣлъ сказалъ, что такой книги у него, Стенки, не бывало. А на пыткѣ было ему 15 ударовъ.

На него жъ, Сенку, Микитка Гладкой съ пытки говорилъ: Сенка де Медвѣдевъ далъ ему, Микиткѣ, пять рублевъ денегъ, да Ларіону Елизареву десять рублевъ, Федору Туркѣ, Михайлу Феоктистову, Ивану Троицкому по пяти рублевъ человѣку.

А Сенка Медвѣдевъ на очной ставкѣ въ застѣнкѣ съ Микиткою Гладкимъ сказалъ: такіе де денги имъ, стрѣлцамъ, онъ давалъ, а велѣлъ де ему роздать Федка Шакловитой въ то время, какъ поѣхалъ къ гетману, для того, что они погорѣли.

250. А къ св. патріарху онъ не прихаживалъ. И какъ св. патріархъ бывалъ въ ходахъ, онъ не выхаживалъ, боясь его. А Федка де Шакловитой ему, Сенкѣ, говоривалъ: „не бойся де, царевна Софія Ал. тебя не выдастъ.“ А какъ де онъ въ верху бывалъ, и въ то время при великой государынѣ бывали, кн. Василей и кн. Алексѣй Голицыны (*Л 402—3*).

251—254. *Отвѣты Н. Гладкаго.* На здорове де великого государя... Петра Ал..... и матери его, государыни благовѣрные царицы Натальи Кириловны онъ Микитка не мыслилъ. А что у в. государя Іоанна Ал. двери дровами забросали, и царскій вѣнецъ изломали, и въ непристойныхъ словахъ про государя Петра Ал. противъ своихъ роспросныхъ рѣчей винился. А что онъ же, Микитка, противъ извѣту въ роспросѣ запирался, кто въ Коломенскомъ Федку Шакловитова къ рукѣ не пожаловалъ, и кто не допустилъ, и тѣхъ бранилъ матерно; и „пора де опять за дѣло приниматься,“ и такіе де слова онъ Микитка „кто къ рукѣ Федку не пожаловалъ, и кто не допустилъ, говорилъ, и матерны бранилъ. А въ роспросѣ де того онъ не сказалъ безпаметствомъ, и чтобъ „за дѣло приниматься,“ говорилъ, а дѣло де опричь бунта, быть нечего.

252. А что де въ извѣтѣ Федора Турки на него Микитку написано, что идучи подъ переходы, мимо патріаршихъ палатъ онъ, Микитка, Михаилу Капранову указывалъ, гдѣ живетъ ризничей Акинфей, тутъ де и будетъ двѣсте рублевъ. И какъ де онъ, Микитка, пойдетъ къ патріарху въ полату и закричитъ, и онъ де, у него отъ страха мѣста не найдетъ. А въ роспросѣ, онъ, въ томъ указыванѣ на полату, и въ денгахъ, не запирался, а что въ полатѣ у святѣйшаго патріарха закричать и патріархъ

де мѣста не найдетъ, запирался. И тѣ де всѣ слова онъ, Микитка, говорилъ съ Михайломъ Капрановымъ розговоромъ съ пьяна.

А о убіеніи святѣйшаго патріарха, съ пытки, онъ Микитка, запирался-жъ. А постоявъ, сказалъ, про святѣйшаго де патріарха говорилъ такіе слова, что „доберется де онъ до пестрой ризы,“ а умыслу де не бывало.

Онъ же Микитка, въ роспросныхъ своихъ рѣчахъ про грабежъ боярскихъ дворовъ винился, а про грабежъ же лавокъ торговыхъ людей и чепей боярина Ивана Василевича, запирался, а съ пытки въ томъ во всемъ винился жъ. А о убивствѣ подячего Ивашка Истомина и старца Каріона, противъ прежнихъ роспросныхъ рѣчей, запирался жъ.

253. Въ подговорѣ у устюжского архіепископа подяка, и съ тѣмъ подякомъ въ блудномъ дѣлѣ и въ словахъ, что де онъ, архіепископъ, на него бьетъ челомъ в. государынѣ Софіи Ал. и Федкѣ Шакловитому, и его де голова первая де на площади будетъ волятца, съ пытки запирался. А къ колмогорскому де архіепископу онъ не прихаживалъ же, и къ возмущенію словъ не говаривалъ.

254. Да онъ же, Микитка, на пыткѣ кричалъ: „то де все Богъ взыщетъ на великой государынѣ благовѣрной царевнѣ; отъ нее „де кровь проливается; то велѣла имъ дѣлать она, великая государыня.“ *Было ему десять ударовъ* (Л. 403—4).

255. *Отвѣты Стеньки Евдокимова.* Въ роспросѣ и съ пытки сказалъ, что де умыслу у него на государское здорове, и матери его царицы, такъ же и на св. патріарха, никакого ни съ кѣмъ не бывало, и ни отъ кого не слыхалъ.

А что де въ извѣтѣ на него, Стенку, Федора Турки съ товарыщи написано, что де имъ Федка Шакловитой по многіе ночи велѣлъ ночевать (256) на Ивановской площади, и приказывалъ имъ, какъ прибѣжитъ къ нимъ онъ, Стенка, и что велитъ дѣлать, и они бъ его слушали во всемъ; и куды онъ посылать ихъ станетъ, повелѣніе его исправляли. И что въ извѣтѣ жъ Григорья Языкова о приходѣ его, Стенкинѣ, къ Мишкѣ Шеншину на дворъ, а о сказкѣ ему Григорью государева указу, чтобъ онъ того, куда воженъ, и чего у него спрашивано, никому не сказывалъ; а есть-ли де, скажетъ, и за то кажненъ будетъ смертью; и что говорилъ на него Юрка Лесникъ, что де онъ, Стенка, Микиткѣ Глаткому, Алешкѣ Стрижову, Оброскѣ Петрову, о походѣ въ Троицкой монастырь ѣхали и что на него жъ говорилъ псаломщикъ Антошка Муромцевъ, въ роспросѣ сказалъ: въ запорѣ въ церковь Алешки Стрижова и Андрюшки Кондратева, и про то про все онъ Стенка, въ роспросѣ и съ пытки запирался, и сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. (257) А что на него жъ, Стенку, въ роспросѣ Сенка Медвѣдевъ сказалъ, что онъ Стенка отъ Федки Шакловитова, для провѣдыванія вѣстей, къ нему Сенкѣ, прихаживалъ, и онъ де Сенка ему Стенкѣ говорилъ, что „в. де государя Петра Алексѣевича, рука высока,“ а того что де „надобно перетерпѣть“, говорилъ ли или нѣтъ того онъ Сенка не упомнитъ. А говорилъ де онъ тѣ слова потому, что всѣ нынѣ люди приклонились къ нему, великому государю, а прежде сего за страхомъ еѣ, великіе государыни, приклониться не смѣли. И въ томъ онъ, Стенка, противъ прежнихъ своихъ роспросныхъ рѣчей винился жъ. А ходилъ де онъ, Стенка, къ нему, Сенкѣ, до Семенова дни денъ за пять, и тѣ де слова онъ Стенка ему Федкѣ, пришодъ отъ него Сенки, сказывалъ.

258. А воръ де Алешка Стрижовъ и нынѣ въ верху. *А на пыткѣ ему было 15 ударовъ* (Л. 404).

259—262. Сент. 13 явился въ Троицкомъ С. монастырѣ собою С. Медвѣдева родной племянникъ по матери, стрѣлецкаго приказу подъячей *Ив. Истоминъ*, и въ роспросѣ сказалъ: жилъ у вотчима своего иноземца М. Гулскаго, „а къ дядѣ своему прихаживалъ по часту, а напередъ сего у него живалъ, какъ былъ въ малыхъ лѣтехъ; и Ѳ. де Шакловитой къ нему Сенкѣ приѣзживалъ по часту жъ одинъ и вмѣстѣ съ М. Гладкимъ и съ иными стрѣлцами и говаривали промежъ собою тайно, выславъ всѣхъ"…. Ѳ. Петровъ, А. Стрижевъ и иные къ нему прихаживали и говаривали; и въ келью де его, Ивашка, въ то число не пускивали, для того бутто, онъ слова ихъ вывѣдывалъ у келейника его Сенки, которой у него жилъ, Стенкою звали, а справщику Каріону сказывалъ; а Каріонъ де тѣ слова бутто доносилъ св. патріарху, и отъ св. патріарха гнѣвъ былъ на С. Медвѣдева отъ него Каріона, и хотѣлъ его М. Гладкой и старца Каріона убить. И онъ де въ то число, какъ приѣзживалъ къ нему Ф. Шакловитому и какъ прихаживали стрѣлцы, для того къ Сенкѣ и не хаживалъ; къ Ф. Шакловитому прихаживалъ по часту „для того, что онъ Федка посадилъ его въ стрѣл. приказъ въ подячіе." А Гулской уѣхалъ въ тотъ день, какъ и С. Медвѣдевъ. А у Медвѣдева и Шакловитого Гулской бывалъ же по часту. А съ послѣднихъ чиселъ августа жилъ въ Ивановскомъ монастырѣ у бабки своей старицы Ел. Истомины. И Ивашка спрашивался съ Каріономъ — ѣхать ли ему въ Троецкой монастырь „чтобъ впредь за нихъ Сенку и за вотчима своего не понести какого государскаго гнѣву." И Каріонъ велѣлъ ему ѣхать и 12 сент. поѣхалъ, а Каріонъ ему дядя родной.

279—80. Приказу болшой казны подячего С. Надѣина человѣкъ *Митка Кожуховъ* въ роспросѣ сказалъ: служитъ онъ по кабалному холопству лѣтъ съ 5; и въ сентябрѣ, тому 4-я недѣля, приѣхалъ въ Троецкій С. монастырь съ Ив. Надѣйнымъ, а сказывалъ Ивашка, „что приѣзжалъ для моленія." И Митку взялъ Гр. Ив. Кайсаровъ съ постоялаго двора за караулъ; Ив. Надѣинъ ушелъ пѣшъ, а С. Надѣинъ былъ дома, и про лошади, куда бѣжать Ѳ. Шакловитому, того онъ не вѣдаетъ.

283. Сент. 27 привезли стрѣльцы дьякона Воскрес. собору *Якова Семеноеа*.

284. „Сказывали про него дьякона: ѣхалъ онъ, надѣвъ на себя иноческое плате, и сказывалъ себѣ иноческое имя — Іосифъ и у литоріи въ Тихоновѣ пустынѣ стоялъ въ иноческомъ платѣ." „Жиздринскаго монастыря намѣстникъ учалъ кричать: *разбой!* для того что они про того старца Селиверстка у монастыря спрашивали и государской указъ показывали. И онъ де того государскаго указу не смотрилъ. А на гостинѣ де дворѣ бывшей Донскаго монастыря архимандритъ и дьяконъ Іяковъ ихъ Мишку съ товарищи (стрѣльцовъ) противъ того монастыря били и изъпистолей стрѣляли и кричали: *разбой!*" Архимандрита они оставили въ Тихвинѣ пустыни до указу, а дьякона привезли.

286. Сент. 30 архимандритъ Новаго Спас. монастыря Игнатей разспрашивалъ дьякона Якова *(см. выше столб.* 109—112). Тутъ добавлено: родился Яковъ въ Каменцѣ Подольскомъ, отецъ его былъ шляхтичь Семенъ Яблонской, и переселился на сю сторону Днѣпра, женился въ Смоленскѣ и посвященъ въ дьякона смоленскимъ митропол. Семіономъ. Вызванъ въ Москву по

указу царя Θедора Ал., тому лѣтъ съ 12. На св. патріарха умыслу никакого не было и съ Шакловитымъ не было знакомства и на дворѣ не бывалъ, „для того что была у него съ нимъ ссора," а съ Москвы сошелъ съ Никономъ, „для того что де въ народѣ говорятъ о возмущеніи къ бунту." А денегъ взялъ съ собой, какъ поѣхалъ, 140 р. да въ карманѣ 16 золотыхъ и изъ нихъ далъ 100 р. на постриганіе племянника Леонтья Игнатьева на вкладъ въ Кіевопечерскій монастырь; а черное платье надѣвалъ дорогой по наученію архим. Никона. А дворъ купилъ за р. Москвою въ набережныхъ Садовникахъ у стряпчего Ив. Колоба за 2,000 р., а денги далъ свои 1500 р. и въ прибавку ему дано изъ казны по указу царя Іоанна и царевны Софіи 500 р.

304—5. Писмо Ив. Троекурова Стрѣшневу 18 сент. при посылкѣ разспросовъ и извѣстій о Москвѣ, что тамъ все тихо. „А прибылой караулъ съ Лыкова двора по указу в. государя свелъ."

322—332. О поимкѣ Медвѣдева и много подорожныхъ. (333) Въ августѣ 29 сент. сысканъ въ Курскѣ братъ родной Сильвестра, Борисъ Медвѣдевъ и въ роспросѣ сказалъ, о Сильвестрѣ не знаетъ ничего; а Бориска живетъ дворишкомъ въ ниществѣ (340). Ноябр. 11 велѣно изъ-за караула освободить.

341. *Челобитье Каріона Истомина:* Отдалъ во 192 г. Медвѣдеву для береженья 75 р. „которые денги даваны были мнѣ за трудъ мой и работу па печатаномъ дѣлѣ, ваше государское жалованье," и мнѣ ихъ не отдалъ, и гдѣ онъ ихъ дѣлъ, не вѣдомо. А нынѣ онъ въ Троицкомъ монастырѣ за карауломъ, и спросить у него безъ вашего государскаго указу не возможно, а вещи его, книги и келейная рухледь и все—въ Спаскомъ монастырѣ осталось. А тѣ мои денги были въ мешечку, и на мое имя мѣшечикъ той подписанъ былъ,— и взять ихъ негдѣ, пропадаютъ напрасно." Милосердые государи.... Петръ и Іоаннъ, „ради вашея государскія премногія милости," велите у него взять сказку, чтобы мои денги „напрасно не пропали." В. г. смилуйтесь.

342—3. Взять сказку у старца Селиверста за рукою насчетъ денегъ „печатнаго книжнаго двора справщика іеродіакона Каріона." Въ ноябрѣ.

345. Ноября 22 сказка Медвѣдева: „Тому лѣтъ съ 6 и болши, положилъ у меня, Сенки, Каріонъ на сбережъ 75 р. и тѣ денги лежали у меня въ земли въ погребѣ съ моими денгами въ Спаскомъ монастырѣ, и мешки всѣ погнили, и Каріоновъ мешокъ сгнилъ же.... И я тѣ денги пересыпалъ въ новые мешки и положилъ въ тувезокъ (?) и поставилъ въ томъ же погребѣ, въ землю. А было моихъ Сенкиныхъ денегъ, кромѣ Каріоновыхъ 75 р., болши 800 р., а гдѣ тѣ денги, тутъ ли нынѣ стоятъ или кто взялъ, того не вѣдаю. *Къ сей сказкѣ Сенка Медвѣдевъ, что былъ монахъ Селивестръ, руку приложилъ.*"

389—91. Сент. 14 во 2 часу ночи пришли стрѣлцы Рагозинъ, Бурнашевъ, Дороѳѣевъ, были въ с. Красномъ въ гостяхъ съ стрѣльцомъ Θ. Аѳанасьевымъ у посадскаго Ив. Микифорова и къ Басманной слободѣ ѣхалъ воръ М. Глаткой, и они стали его ловить, и онъ на лошади уѣхалъ. „И невѣдомо де какаго чину человѣкъ, ѣдучи за тѣмъ Микиткою, говорилъ Рагозину и товарищемъ его: для чего де они Микитку ловятъ? а онъ де человѣкъ доброй, — и учалъ его невѣдомо за что рубать по рукѣ." И они поймали его и привели въ Басманную слободу, а онъ за-

кричалъ ясакомъ: *басманъ*; и выскочили многіе люди и у нихъ его отбили и ихъ били, и Аѳанасьевъ живъ ли, того не вѣдають.

397. Нояб. 18. Допросъ *Н. Глаткову* и его показанія: „во 198 г. сент. 14 онъ Никитка отъ Краснаго села къ Басманной слободѣ верхомъ не ѣзживалъ и никто де за нимъ не хаживалъ; а побѣжалъ онъ съ С. Медвѣдевымъ съ Москвы авг. 30 и поиманы въ Бизюковѣ монастырѣ, подъ Дорогобужемъ, сент. 13 и посажены въ Дорогобужѣ въ тюрму сент. 14, а на Москвѣ онъ не былъ.“

405. Окт. 30. Допросъ *юрода Ивашки*: „родился онъ Осташковецъ посадскаго человѣка Гришкина сынъ серебряника, Ивашкомъ зовутъ; отецъ де его и донынѣ живетъ въ Осташковѣ, а мать де его потонула; и онъ де, Ивашко, послѣ смерти матери своей, съ кручины ходилъ нагъ съ полгода, и пришелъ въ Нилову пустыню тому лѣтъ съ 7, и живетъ съ того времени въ пустынѣ въ хлѣбнѣ. А во 197 году въ в. постъ былъ въ Москвѣ по обѣщанію моск. чудотворцамъ. И на Москвѣ де часу въ другомъ ночи встрѣтился съ нимъ противъ Чюдова монастыря у церкви, невѣдомо какой человѣкъ съ фонаремъ; и онъ Ивашко тому человѣку говорилъ, чтобъ онъ извѣстилъ в. государемъ и в. г. царевнѣ: видѣлъ де онъ, Ивашко, видѣніе во снѣ, человѣка стояща съ мечемъ круглымъ, образомъ млада, зѣло прекрасенъ. И тотъ де человѣкъ велѣлъ ему: извѣсти де в. государемъ, не убойся; болшой-де, которой въ полку будетъ, измѣнитъ! — И его-де Ивашка тотъ же человѣкъ съ фонаремъ привелъ въ полату, которая у Ивановскіе колоколни, и тутъ де его и допрашивали. И онъ де Ивашко ничего тутъ не сказалъ. И изъ той де полатки повели его невѣдомо къ какому человѣку на дворъ, а на дворѣ де у того человѣка каменные полаты; и приведчи де его, о томъ допрашивали жъ, и онъ-де о томъ не сказалъ же. И послѣ де того водили его въ Спаской монастырь къ чернцу, къ С. Медвѣдеву, и тотъ де чернецъ о томъ его спрашивалъ же, и онъ де ему о томъ не сказалъ же, а сказалъ имъ всѣмъ, что де онъ о томъ скажетъ в. государынѣ царевнѣ. И его де, Ивашка, взвели на верхъ, и передъ нею в. государынею говорилъ, что въ полкѣхъ болшой измѣнитъ, и отъ того будетъ худо; не попуститъ де его Богъ, что онъ за св. церковь не станетъ.—И такіе де слова: „хотя де царя Петра сторона повезетъ, и много-де того будетъ— денъ на 10, а то де опять будетъ сторона силна руки царевны Софіи Ал.“,—онъ Ивашка говорилъ же.—А болши того и что его прислали къ Москвѣ, о томъ имъ извѣститъ Нилъ и некоторіи чюдотворцы, не говаривалъ. А сверху де его отвели въ Новомѣщанскую слободу, послали съ стрѣлцами въ Ниловъ монастырь и съ того времени жилъ въ Ниловѣ монастырѣ.“

408—415. (С. Медвѣдева ссылка на слова Шакловитаго, который говорилъ ему о словахъ юродиваго).—Былъ на вербной недѣли и жилъ въ Москвѣ недѣли 2, „кормился черною своею работою, а по иные дни наймовался болшого Успенскаго собору у звонарей на Ивановской колоколнѣ благовѣстить и звонить. А стоялъ де онъ въ Китаѣ г. на дворѣ, Варварскаго попа у наемщика у Ф. Спиридонова изъ постоялаго.“

416. Дек. 3. Супоневъ прислалъ сказку игумена Пахомія съ братіею: „по иноческому обѣщанію юродъ Ивашка учалъ у нихъ жить со 191 г., а падучей болѣзни на немъ они не видали, а бываетъ онъ во иступленіи ума по часту; ходитъ безъ ума недѣли по 2 и болши.“

417. Дек. 10 во 198 г. указъ: „Ивашкѣ Григорьеву, которой присланъ изъ Ниловы пустыни за его воровство, что онъ во 197 г. будучи на Москвѣ, говорилъ непристойные слова, учинить наказане, и послать его подъ началъ въ Нилову пустыню по прежнему, и держать тамъ подъ крѣпкимъ началомъ, и отпускать его никуды не в(елѣть); и для той ссылки послать его въ приказъ большаго дворца съ памятью.“ *Битъ батоги того жъ числа и отосланъ.*

429. О *Гладкомъ*. А въ непристойныхъ словахъ, что онъ говорилъ про в. государя, въ селѣ Коломенскомъ съ Федкою Шакловитымъ и о приходѣ въ полаты къ святѣйшему патріарху, и чтобъ на него закричать, и о грабежѣ торговыхъ людей лавокъ, и о вѣдомости, и о взятѣ чепей боярина Ивана Василевича Бутурлина, и про тетратки, какъ поется „аминь,“ о поклонехъ, чѣмъ уличать въ роспросѣ—онъ, Микитка, запирался, а съ пытки, въ томъ во всемъ винился. А о приходѣ де къ святѣйшему патріарху въ полаты, и чтобъ на него закричать, говорилъ онъ съ Михаиломъ Капрановымъ розговоромъ съ-пьяна. А что де онъ же въ роспросѣ не сказалъ, кто Федку къ рукѣ не пожаловалъ, а кто не допустилъ, и матерны бранилъ, и того де онъ не сказалъ безпамятствомъ; и чтобъ за дѣло приниматься, говорилъ же; а дѣло де опричь бунту ничего. А о убіеніи святѣйшаго патріарха, въ роспросѣ и съ пытки запирался жъ. А постоявъ, сказалъ: про святѣйшаго патріарха говорилъ такіе слова, что „доберется де онъ до пестрой ризы,“ а умыслу де не было.

430. А о побіеніи боярина Лва Кириловича съ братями и князя Бориса Алексѣевича, и Лопухиныхъ, и Опраксиныхъ, Вакулу Изволскаго, Федора Зыкова, и августа противъ 8 числа о возмущеніи къ бунту и о собраніи стрѣлцовъ съ ружемъ въ городъ, и о привязывани у Спаского набата языка, и о поимки и о бою столника Семена Плещѣева, и о указыванѣ на патріарши полаты, гдѣ живетъ ризничей Акинѳей, и о денгахъ, что тутъ будетъ имъ денегъ много, и о заметываньѣ великого государя царя и великого князя Іоанна Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, комнатныхъ дверей дровами, и о царскомъ вѣнцѣ, что изломали съ ту сторону, и о убіеніи-жъ бояръ противъ прежняго смутнаго времяни, и о дачѣ Андрюшкѣ Сергѣеву денегъ, пяти рублевъ, и о приходѣ къ старцу Селиверстки Медвѣдеву, и въ словахъ, которые они говорили у Алешки Стрижова, о возмущеніи бунта, и о учителяхъ, что во время литургіи поется „аминь,“ кланяться не велятъ, въ роспросѣ и съ пытки онъ, Микитка, во всемъ винился. А о убіеніи подячего Ивашки Истомина и.... Каріона, и въ подговорѣ, и въ блудномъ дѣлѣ съ подякомъ устюжского архіепископа, и о приходѣ ко колмогорскому архіепископу, и о возмущеныхъ бунту словъ, въ роспросѣ и съ пытки запирался.

431. *198 г. октября въ 5 день, великіе государи, слушавъ сего списка, указали, бояре приговорили: стрѣльца Микитку Глаткова, за многой его умыслъ и воровство, казнить смертью.* (Л. 436).

433—443. О *Медвѣдевѣ*. На Сенку Медвѣдева, что былъ старецъ Селиверстка, въ ызвѣтѣ написано: умышлялъ де онъ, Сенка, съ Федкою Шакловитымъ да съ стрѣльцами: съ Никиткою Гладкимъ съ товарыщи великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима московского и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха убить или перемѣнить. Да къ не-

му-жъ де, Сенкѣ, прихаживали А. Стрижовъ съ товарыщи и говаривали тайно, и на караулъ де у него онъ, Ал... къ кельѣ его ставилъ стрѣлцовъ въ тайнѣ и сказывалъ имъ: какъ придутъ отъ святѣйшаго патріарха по него, Сенку, чтобъ его не отда...., и сказать, что за нимъ есть государево дѣло. Да какъ де Алешка Стрижевъ, да Егорка Романовъ посылали въ Троецкой монастырь Ивашка Галахтіонова для провѣдыванія вѣстей, и приказывали ему, Ивашку: будутъ де станутъ спрашивать про Федку Шакловитова и про нихъ, и чтобъ онъ Ивашка, о томъ чинилъ вѣдомость; а буде онъ ихъ долго не застанетъ, и онъ бы искалъ ихъ у него, Сенки, въ Спаскомъ монастырѣ.

Да къ нему жъ, Сенкѣ, пріѣзживалъ Федка Шакловитой съ стрѣлцами съ Микиткою Гладкимъ, съ Алешкою Стрижевымъ, и съ иными по многіе времена, и онъ де Сенка къ нему, Федкѣ, пріѣзживалъ и говаривалъ тайно, а что говаривалъ, того не вѣдаютъ. А въ роспросѣ онъ, Сенка, противъ вышеписанныхъ извѣтовъ сказалъ: на здорове де великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и на матерь его, государеву, великую государыню благовѣрную царицу и в. кнагиню Наталію Кириловну умыслу, и на в. господина святѣйшаго киръ Іоакима московского и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, чтобъ его убить, или перемѣнить, не было. И Федка де Шакловитой о государскомъ здоровѣ и о убивствѣ, ему никакихъ словъ не говаривалъ; а съ пытки онъ, Сенка, и на очной ставкѣ съ Филипомъ Сапоговымъ въ томъ запирался жъ. А что про него, Сенку, старецъ Арсеній сказалъ, что онъ, Сенка, говорилъ про св. патріарха, что онъ учился мало, и рѣчей богословскихъ не знаетъ, и такіе де слова про святѣйшаго патріарха, что „учился мало и богословскихъ рѣчей не знаетъ,“ онъ, Сенка, говорилъ. А какъ де ему Федка Шакловитой говорилъ дважды на одинъ, тому съ годъ или меньше, въ разныхъ числехъ: „какъ бы де не было благовѣрные государыни царицы и великой княгини Натальи Кириловны и боярина Лва Кириловича, такъ-бы де у великой государыни Софіи Ал. съ в. государемъ Петромъ Ал., было совѣтно.“ А говорилъ де онъ, Федка, для того, что де великій государь ей, сестрѣ своей, во владѣньѣ возбраняетъ, и владѣть ей допустить не хочетъ. (434) А онъ, Сенка, ему, Федкѣ, сказалъ: „кто кому чего желаетъ, то де самъ отъ Бога приметъ.“ А съ пытки онъ, Сенка, про то про все говорилъ, а о томъ де, что ей великой государынѣ..... онъ Сенка, съ нимъ, Федкою, не мыслилъ.

А какъ де приходилъ къ нему Ларіонъ Елизаревъ, и сказывалъ ему, что его, Ларіона, да Андрюшку Кондратева, да Алешку Стрижева, да Оброску Петрова призывалъ Федка Шакловитой, и говорилъ чтобъ имъ тайно въ ночи побить бояръ Лва Кириловича Нарышкина да кравчего князя Бориса Алексѣевича и иныхъ. И онъ де, Сенка, имъ о томъ, чтобъ имъ того не дѣлать, запрещалъ, и Ларіонъ ему, Сенкѣ, говорилъ многажды: есть ли бы де онъ, Сенка, ихъ не укрѣпилъ, и имъ де было то сдѣлать. А съ пытки, про то про все говорилъ тѣжъ рѣчи. А что де онъ-же, Сенка, Ларіону Елизареву съ товарыщи говорилъ, чтобъ они сказали Федкѣ Шакловитому, что имъ того дѣла учинить никоими мѣры невозможно, и то де онъ, Сенка, говорилъ, для того, чтобы тому дѣлу не быть, и чтобъ то дѣло разорилось.

А у Федки Шакловитова роспись, кого побить бояръ была ль, того онъ не вѣдаетъ. А съ пытки сказалъ, что де Ларіонъ Елизаревъ сказывалъ, что у него, Федки, роспись кого побить была и хотѣлъ имъ дать.

А тетрати де, которые онъ далъ Микиткѣ Гладкому, и тѣ де тетрати писалъ дьяконъ Аѳонасей, что былъ у Спаса на дворцѣ, о пресущественіи тѣла и крови Христовы; и ту де тетратку принесъ къ нему показать онъ, дьяконъ. И онъ, Сенка, списалъ себѣ съ той тетратки двѣ тетратки, (435) и нынѣ де тѣ тетратки съ книгами у него, Сенки, въ кельѣ; а писаны тѣ тетрати на греческую книгу, что писали на Москвѣ греки, и одну де такую тетратку далъ онъ Микиткѣ Гладкому почесть, и де, Микитка, ему не отдавалъ; а на святѣйшаго де патріарха въ той тетраткѣ ничего не написано. А съ пытки онъ, Сенка, про тѣ тетратки сказалъ прежніе жъ свои рѣчи; а въ тѣхъ де тетратехъ на святую церковь противности и росколу нѣтъ. Да онъ же де, Сенка, писалъ книгу: „О маннѣ хлѣба животнаго,“ по указу великой государыни, благовѣрной царевны и великіе княжны (436), Софіи Алексѣевны, и доскрѣп.... своею рукою, поднесъ ей, великой государынѣ, тому другой годъ; и та де книга посылана была къ гетману къ Ивану Степановичу, къ кіевскимъ властемъ къ свидѣтельству; а святѣйшему патріарху о той книгѣ онъ не докладывалъ...

Свитокъ № 7-й.

Столбцы 16—33. *Показаніе М. Шошина 1690 г.* Окт. въ 21 день приказу болшіе казны подячей Матюшка Шошинъ, въ роспросѣ сказалъ: Ѳ. де Шакловитой Матюшкѣ знакомецъ, потому что онъ съ нимъ уроженецъ одного города Брянска, и потому знакомству прихаживалъ къ нему въ домъ, а о тайностяхъ учалъ онъ, Ѳедка, съ нимъ говорить со 195 г., о тайныхъ прошлѣхъ годѣхъ. Тому года съ 2 или болши посылалъ его, Матюшку, Ѳедка по Земляному городу къ стретенскимъ и къ месницкимъ воротамъ, гдѣ стоятъ стрѣлцы на караулехъ, да съ нимъ же посылалъ капитановъ московскихъ стрѣлцовъ Василя да Ѳилипа Сапоговыхъ, да стрѣлцовъ Ваську Тулу да Ивашку, того жъ Еѳимьева полку, а чей сынъ и слыветъ, того онъ не вѣдаетъ. А велѣлъ имъ Ѳедка бить стрѣлцовъ на караулехъ и называться Матюшкѣ имянемъ боярина Лва Кириловича Нарышкина (17); а имъ капитаномъ и стрѣлцамъ приказалъ Матюшку называть именемъ его жъ боярина Нарышкина. И Матюшка съ ними капитаны и съ стрѣлцами на тѣхъ караулехъ стрѣлцовъ били плетми; а стрѣлцы, которые съ нимъ были посланы, тѣхъ караулныхъ стрѣлцовъ били обухами. А какъ де они тѣхъ караулныхъ стрѣлцовъ били, и въ то де время капитаны В. и Ѳ. Сапоговы и стрѣлцы, которые съ нимъ посланы, называли его по приказу Шакловитова именемъ боярина Лва Нарышкина. А били они тѣхъ стрѣлцовъ, вызвавъ изъ караулныхъ избъ за земленой валъ. А какъ де они ихъ стрѣлцовъ, изъ караулныхъ избъ вызывали за земленой валъ, и они де имъ говорили, что знаетъ ихъ бояринъ Левъ Кириловичъ. (18) И какъ они вышли, и они стали у тѣхъ стрѣлцовъ спрашивать часовъ, которой часъ ночи, и спрошавъ почали ихъ бить, и бьючи приговаривали Сапоговы: „Л. Кириловичъ полно де

имъ и того." И Матюшка, имъ капитанамъ и стрѣлцамъ, которые съ нимъ были, говорилъ: „бейте де гораздо, не то де имъ будетъ, заплачю де смерть братьевъ своихъ; увидите де вы всѣ, что вамъ будетъ." А ѣздилъ де онъ на тѣ караулы, и дѣлалъ все по его Ѳедкиному велѣнью, въ его отласномъ или въ тафтаномъ кафтанѣ; а лошади де подъ Матюшкою и подъ капитанами были свои, а подъ стрѣлцами чьи лошади были, того не вѣдаетъ. А послѣ де того слышалъ онъ отъ капитана В. Сапогова, что тѣ стрѣлцы въ стрѣлецкомъ приказу приваживаны, и бои и раны записываны, а.... тѣхъ битыхъ стрѣлцовъ, велѣлъ-ли или нѣтъ, того не вѣдаетъ. А посылалъ Матюшку и капитановъ В. Ѳ. Сапоговыхъ и стрѣлцовъ (19) на тѣ караулы Ѳедка, знатно что для возмущенія. Да и послѣ де того Ѳедка у себя въ домѣ, во время утренняго пѣнія во 197 г., а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того не упомнитъ, говорилъ Матюшкѣ: „нынѣ де у насъ не тѣ диковинки чинятъ," Левъ де Кириловичъ приходилъ къ комнатѣ в. г..... Іоанна Алексѣевича и ломился въ двери: знатно надъ нимъ, в. государемъ, хотѣлъ учинить дурно. „И говорилъ Ѳедка ни что де имъ неймется, братья де ихъ побиты, а они де того не памятуютъ. А нынѣ де у Ѳедки ссора за здорове его в. государя за то, что онъ приходилъ къ хоромамъ его в. государя. Да Матюшку Ѳедка посылывалъ въ оба крымскіе походы къ кн. В. Голицыну (20) съ грамотами и съ своими писмами, а съ какими писмами, того онъ не вѣдаетъ. А ѣздилъ де онъ черезъ почту во 195 г. трижды, а во 197 г. дважды. А словесного приказу никакого съ Матюшкою не бывало. А писма де, которые съ нимъ посыланы къ В. Голицыну во всѣ посылки, писывали подячіе Сенка Надѣинъ, Ал. Петровъ. И въ первую де крымскую посылку 195 г., Шакловитой посылалъ съ Матюшкою Голицыну 1000 золотыхъ за государскою печатью, а печаталъ тою государскою печатью и Матюшкѣ тѣ золотые отдавалъ у себя на дворѣ. А въ другую посылку того-жъ году къ Василю ничего не посылывали. А въ 3-ю посылку посланы-жъ съ Матюшкою золотые на дачю ратнымъ людемъ; а прималъ де онъ тѣ золотые на денежномъ дворѣ приказу болшіе казны у подъячего у Тим. Севостьянова. (21) А въ прошломъ де во 197 г. въ первую посылку посылалъ съ Матюшкою Шакловитой, къ кн. Василью 2000 золотыхъ да 2 сорока соболей, запечатавъ въ чемоданѣ тою жъ печатю. А печаталъ де тѣ золотые и соболи у него жъ на дворѣ подячей Аг. Петровъ при Ѳедкѣ. И тѣ золотые и соболи привезъ къ кн. Василю въ Сумы, и принелъ тѣ золотые и соболи у Матюшки Василей самъ. А иныхъ никого въ то время не было. А кн. Голицынъ изъ полковъ къ Москвѣ съ Матюшкою писма посылывалъ, запечатавъ сургучомъ въ мѣшкѣ и въ переметныхъ сумкахъ своею печатью; а на Москвѣ велѣлъ тѣ писма отдавать Шакловитому на отпускахъ де, и по пріѣздѣ изъ полковъ къ Москвѣ, (22) бывалъ онъ у руки... Софіи Алексѣевны, бывалъ на площади въ верху у церкви Воскресенія Христова; а ставилъ де его къ рукѣ Алексѣй Голицынъ. А какъ де во 197 г. маія 4 числа посланъ Матюшка къ кн. В. Голицыну въ полки съ денщикомъ стремяннаго полку съ стрѣлцомъ съ Пафомкомъ; а съ ними Ф. Шакловитой послалъ трои сумки переметные; а сказалъ Федка, что въ тѣхъ сумкахъ государевы грамоты и иные писма грамотки. И на Самару де пріѣхалъ онъ въ 8-й день, а съ Самары столникъ и воевода В. Вердеревскій отпустилъ его съ почтаремъ съ стрѣлцомъ Гришкою, съ писаремъ да съ провожа-

тыми съ рейтары съ Гарасимомъ Кузмищевымъ съ товарыщи съ 4-мя человѣки; да козаковъ было ахтырского полку 4 человѣка. И съ Самары де онъ прибѣжалъ въ Запороже къ Каменскому затону, гдѣ оставлены были государевы хлѣбные запасы. И въ Каменскомъ де затонѣ началной человѣкъ иноземецъ; а какъ зовутъ, того не помнитъ, сказалъ ему: *боярскимъ де шляхомъ* ѣхать тебѣ опасно, для того что Осламъ и иные городки, которые по сю сторону Перекопи, кн. В. Голицынъ съ ратными людми прошелъ, не чиня надъ ними никакаго промыслу. И въ Каменскомъ де затонѣ съ провожатыми стоялъ онъ 3 дни для провѣдываня изъ полковъ и вѣдомости никакой ему не учинилось. И онъ де, Матюшка, нанявъ вожа, запорожскаго козака Микишку Матвѣева, и съ нимъ пошолъ въ полки мимо кн. Василева шляху, и тѣхъ крымскихъ городковъ лѣвою стороною, и ночью—де не узнавъ полковъ, приѣхали близь Перекопи къ Гнилому морю въ ночи маія противъ 2-го числа, и стояли въ долинѣ. И какъ де почало развсѣтать, и они де поѣхали искать боярскаго шляху, и увидѣли дымъ и огонь болшой въ Перекопи у городка, и они де чаяли то, что государевы ратные люди взяли Перекопь, и поѣхали къ Перекопи прямо. И на встрѣчю де, прибѣжавъ отъ Перекопи верстахъ въ трехъ, татаръ человѣкъ съ 10, а изъ нихъ говорилъ одинъ по руски, и сказали про себя, будто они, государевы люди—калмыки, а поставлены де они отъ кн. В. Голицына для опасенія полковъ. А про кн. В. Голицына сказали, что онъ вступилъ въ Перекопь и городокъ взялъ. И съ тѣми де татары поѣхали они къ Перекопи, и отъѣхали они съ полверсты, и къ нимъ де прибѣжали татаровя многіе люди и его Матюшку ранили по головѣ, по рукамъ саблею, да застрѣлили изъ лука въ правой бокъ подлѣ пояса,—и взяли ихъ въ полонъ, и привели его въ Перекопь. А крымской де ханъ стоялъ въ Перекопи. А въ то де число въ Перекопи горѣли посады. И привели его, Матюшку, передъ крымскаго хана, и передъ нимъ роспрашиванъ онъ чрезъ толмача, кто въ полкѣхъ бояръ и воеводъ и сколко ратныхъ людей; и онъ де бояръ и воеводъ сказалъ по имянамъ, а ратныхъ людей и нарядовъ сказалъ безчисленное множество. И они де говорили ему для чего де в. государи съ ними миръ разорвали, и съ королемъ полскимъ для чего помирились?—и онъ, Матюшка, сказалъ имъ: то—де учинено за ихъ многое непостоянство, для того что за перемиремъ на украинные городы многажды приходи... А съ полскимъ королемъ де помирились для того, что они одной вѣры, и по его королевскому многому прошенію, и для того, что король полской уступилъ в. государемъ Кіевъ и Смоленскъ съ надлежащими городами. (26) И они де его, Матюшку, бранили и говорили: тѣми городами — Кіевымъ и Смоленскимъ и иными—давно владѣютъ в. государи, и уступать де было полскому королю не для чего; и коли де у васъ бояре и ближніе люди не смыслятъ, и у васъ есть ученые люди, старцы и попы, и для чего де они в. государемъ не говорили, что учинили неправду и миръ розорвали. А про полского де короля говорили: знайте де ихъ постоянство, какъ де во 197 г. государевы ратные люди пошли на Крымъ, и полскій де король присылалъ къ нимъ, чтобъ они поляковъ не боялись и чинили бъ отъ московскихъ силъ отпоръ. Да и нынѣ де у нихъ есть полской посолъ; и прошаютъ де они поляки у нихъ перемирья, чтобъ имъ соединясь, идти на государевы украинскіе городы подъ Кіевъ и подъ иные.—А послѣ тѣхъ словъ, заставили его Матюш-

ку честь государевыхъ грамотъ, которые съ нимъ посланы были съ Москвы, а въ тѣхъ грамотахъ писано къ кн. Ва̀силю съ милостивымъ словомъ противъ разныхъ отписокъ и о воинскомъ промыслѣ. А тѣхъ де грамотъ послано съ нимъ было изъ розряду 3, да изъ посолскаго одна; да съ тѣми жъ грамотами въ сумкѣ запечатано было писмо столбцовъ съ 5 или болше, писано особымъ невѣдомо какимъ писмомъ. И тѣ грамоты и писма и нынѣ у нихъ. И то писмо заставливали его честь, и онъ де сказалъ имъ, что того писма честь не знаетъ,—и они де за то его били; и послѣ де того велѣли его сковать въ кандалы; и сидѣлъ въ тюрмѣ двѣ недѣли. А какъ де кн. В. Голицынъ стоялъ подъ Перекопью, а онъ, Матюшка, его человѣкъ, сидѣлъ скованъ въ тюрмѣ. А слышалъ де онъ, Матюшка, отъ татаръ, которые прихаживали къ тюрмѣ, и говорили, что о перемирѣ съ кн. Васильемъ есть присылка. А отъ невольниковъ де слышалъ онъ: въ ту де ночь, въ которую стоялъ подъ Перекопью кн. В. Голицынъ, ходилъ къ нему кн. Василью, самъ ханъ крымской; а говаривали, что пошелъ просить перемиря. А стоялъ де онъ, кн. Василей, подъ Перекопью одни сутки; а промыслу де отъ него никакого не было, а въ Крыму де про него, кн. Василья, какъ онъ отъ Перекопи отступилъ, поносили словами и смѣялись, и говорили, что будто онъ побѣжалъ. А какъ де ханъ съ дороги отъ государевыхъ полковъ поворотился, и его де, Матюшку, изъ Перекопи привели къ нему въ степь на кошь, а съ кошь послалъ его съ везиремъ своимъ съ Датыръ-агою къ турскому салтану; да съ нимъ же де послалъ полоняниковъ дву человѣкъ боярскихъ людей, да трехъ человѣкъ козаковъ. (29) А турской де салтанъ въ то время выступилъ войною противъ цесаря римского и стоялъ въ своихъ мѣстахъ у города Софіи. А грамоты, которые съ нимъ взяты, посланы были съ тѣмъ везиремъ къ турскому салтану; и у турскаго салтана тѣ грамоты передъ везиремъ его, салтанскимъ, онъ Матюшка челъ же, и переводили греки на ихъ турецкой языкъ. И былъ де онъ у турского салтана дней съ 10; и повезъ его тотъ же везирь въ Крымъ; и не доходя до Крыма, сталъ въ Бѣлогородской ордѣ на полѣ выше Бѣлагорода, близь воложскаго городка Тегни; а говорилъ съ нимъ Матюшкою: что де Голицыну вашему будетъ?—И онъ де Матюшка ему сказалъ, что де отъ в. государей будетъ ему казнь. (30) А послѣ де того почасту онъ же крымской везирь Матюшкѣ поносными словами говаривалъ: кн. Василей де Голицынъ, не ходя къ Москвѣ, побѣжалъ въ Кіевъ и хочетъ постричца для того, в. де государи за нынѣшнею его службу хотятъ его казнить. И въ тожъ время на кошу писарь визиревъ, татаринъ Амирка, говорилъ Матюшкѣ: сказываешься де ты человѣкъ малой, а ты де человѣкъ знатной; и кн. Василей де Голицынъ, какъ видѣлся съ ханомъ, прошалъ де тебя самъ у хана; и ханъ де ему сказалъ, что за ранами Матюшки отпустить нельзе.— А тѣ де слова были при товарыщѣ его, которой съ нимъ вышелъ, при Петровѣ человѣкѣ Воейкова, Авдюшкѣ Груздовцовѣ. И ожидалъ де тотъ везирь хана изъ Крыму, въ бѣлогородцкую орду; а при Матюшкѣ къ везирю собраны бѣлогороцкой орды человѣкъ съ 500; а собрався съ бѣлогороцкою ордою, хотѣли идти на Мултаны и на Венгоры, которые подъ державою цесаря римского. А ихъ де Матюшку на томъ кошу, съ тѣмъ человѣкомъ, которой съ нимъ вышелъ на ночь (*провожатымъ?*), ковали ихъ въ желѣза. И авг. де противъ 9 числа въ ночь съ того коша они, Матюшка и Авдюшка, разломавъ желѣза, ушли, и шли степью 17 дней

и ночей съ великими нуждами черезъ рѣки и болота, ѣли траву и полевой горохъ, и пришли къ Переяславлю авг. въ 24 день, и въ Переяславлѣ лежали болны 8 дней. А какъ обмоглись, и думной де дворянинъ и воевода, распросивъ ихъ и давъ отписку, отпустилъ ихъ. И они де по обѣщанію зашли въ Брянескъ въ Свинской монастырь и жили съ недѣлю. А и то имъ было слышно жъ, что Ф. Шакловитой казненъ. А какъ Матюшка былъ въ Крыму, и въ то де время, какъ государевы люди приходили къ Перекопи и крымцы де зело желали съ в. государи помириться, и такого повелѣнія в. государей у Матюшки спрашивали по многажды, чтобъ съ ними помириться. И какъ де государевы ратные люди отъ Перекопи отступили, и они де въ то время учали говорить всякіе поносные слова. А умыслу де у него на государское здорове и матери его... царицы Наталіи Кириловны не бывало и съ Ф. Шакловитымъ не мыслилъ, и ни отъ кого не слыхалъ. А про св. де патріарха въ дому своемъ поносные слова почасту и при многихъ людехъ говаривалъ. А что де онъ, Матюшка, по посылкѣ его, Федкинѣ, съ капитаны и съ стрѣлцами по карауламъ ѣздили и стрѣлцовъ били, и о томъ в. государемъ не извѣщали, и въ той де его винѣ волны в. государи; и извѣщать де было имъ за страхомъ невозможно для того, что онъ Федка грозилъ имъ смертною казнью. И чтобъ в. государи пожаловали его для своего государскаго многолѣтняго здоровья, и за его, Матюшкино полонное терпѣнье и за раны, велѣли ту его *страдничью* вину отдать. Къ сему допросу Матюшка Шошинъ руку приложилъ." (Л. 498—500).

34. Окт. 16 комнатной истопникъ *Оска Осиповъ* въ роспросѣ сказалъ: авг. противъ 8 какъ изволила быть царевна у Казанской Богородицѣ, и ему указала быть за собою. А пошла она на 1 часу дни, и посылалъ онъ сторожа по окольничаго В. С. Нарбѣкова, и онъ пришелъ и сказалъ, что Боровицкіе ворота заперты. „И Федка де Шакловитой послалъ его съ стрѣлцомъ, и велѣлъ его пропустить." Нарбѣковъ пріѣхалъ къ Казанской церкви. „И отъ церкви — де Ф. Шакловитой посылалъ его въ верхъ и велѣлъ ему взять въ хоромѣхъ въ передней у в. г. царевны денегъ 300 р., онъ взялъ и отдалъ денги В. С. Нарбѣкову, а взявъ 200 р. В. Савичь отдалъ стрѣлцу, а 100 р. отдалъ держать ему, Оскѣ и велѣлъ вычесть 20 р. а 80 отдать тому же стрѣлцу; а изъ 20 р. 3 р. отдалъ капитану; того де часа В. Савичь сказалъ стрѣлцомъ, что в. государыня жалуетъ ихъ по рублю человѣку, „а досталные 7 р. Оска вынесъ въ верхъ." А какъ де отъ церкви пришли, и отъ Ф. Шакловитова прибѣжалъ къ нему, Оскѣ, Филипъ Сапоговъ, и велѣлъ ему дать четвертое 100 р. и онъ де Оска, доложа.... царевны, взялъ въ хоромѣхъ еѣ 100 р. денегъ и отдалъ Сапогову." Оска взваживалъ къ царевнѣ стрѣлцовъ во 195 г. а во 196 г. передъ походомъ царевна жаловала къ рукѣ стрѣлцовъ 200, во 2-мъ или 3-мъ часу ночи, и отпускала ихъ на службу. Авг. послѣ 19, Ст. Евдокимовъ ходилъ ночью и часу въ 8 пришелъ въ верхъ и въ сѣнцахъ говорилъ, чтобы Оска сходилъ по стрѣлцовъ, которые стоятъ на колмажныхъ воротахъ, и онъ привелъ въ верхъ 5 человѣкъ. Верховая дѣвка Ѳедора Калушкина по указу царевны велѣла отнести кислые шти А. Стрижеву и Кондратьеву," а они де сидятъ въ мылнѣ... царевны подъ болшою комнатою, гдѣ живутъ боярыни," а многоль дней сидѣли, не вѣдаетъ, а сидѣли за замкомъ. А Ф. Шакловитой сидѣлъ въ комнатѣ за карауломъ 3 дни въ комнатѣ

крайней отъ царицы Марѳы Матв.; посылалъ Оску по Сенку Надѣина и онъ не пошелъ, опасался, какъ бы онъ Федка не ушолъ.

41—49. „Окт. 24 *Сенка Надѣинъ* объявился въ розрядѣ собою,“ въ роспросѣ сказалъ: Ф. Шакловитой былъ ему братъ двоюродной, жилъ своимъ домомъ на Знаменкѣ, къ Федкѣ прихаживалъ и умыслу ни на кого съ нимъ не имѣлъ. Федкѣ по свойству писывалъ грамотки словесные въ полки разныхъ чиновъ людемъ, а къ Голицыну не писалъ, а писывалъ подъячій Агапка Петровъ. Сумки печатывалъ онъ Сенка, когда въ 1-й и 2-й крымскіи походы посылали Шошина. Авг. 195 г. послано съ Шошинымъ къ Голицыну сорока съ два соболей, а въ иныя посылки обвитые въ полотнѣ, иные въ сукнахъ, знатно — камки или обяри; а золотые на жалованье ратнымъ людямъ. Авг. 30 былъ Сенка съ Агапкою на дворѣ Шакловитаго, „и съ того де двора сослали ихъ его, Федкины люди,“ и онъ Агапку взялъ къ себѣ на дворъ;“ и того де дни присылалъ къ нему Шакловитой съ верху сторожа велѣлъ ему быть въ верхъ и Евдокимовъ послалъ его сказать Медвѣдеву, чтобъ онъ укрылся, и онъ посылалъ съ двора своего Агапку. И хотѣлъ онъ Федка жить въ деревнѣ у Ляпина, „покамѣстъ объ—немъ упросятъ у в. государей сестры ихъ,“ хотѣлъ тамъ поставить келью; а Мишка человѣкъ Ляпина сказалъ что тамъ лѣсу мало, а прожить мочно. И онъ сказалъ Федкѣ чрезъ Евдокимова, а Федка велѣлъ купить черкасскую лошадь и повозку; авг. 31 сказалъ ему Ив. Сергѣевъ, и сент. 1 рано приходилъ отъ него съ верху человѣкъ и велѣлъ ему быть съ Агапкой въ верхъ и Евдокимовъ снесъ имъ сказку Федкиной руки „на трехъ столбцахъ, какъ было сказать всякихъ чиновъ людемъ о непочитаніи и изгонѣ в. г. . . . Іоанна самодержца и сестры его в. г. царевны Софіи Ал. отъ боярина отъ Лва К. съ братями и собесѣдники, будто они къ в. государю къ рукѣ не хаживали, и в. государя у комнаты двери полѣньемъ забросали.“ Сказку переписали Сенка, Агапка и Борисовъ и внесли въ верхъ, и за тѣмъ велѣно было наклеить роспись, кто имяны и на кого извѣщали о непристойныхъ словахъ и изломаніи церковнаго вѣнца. (*Во всемъ сознался, что показалъ на него Агапка*). У дворцовой лѣстницы стоялъ съ осѣдланной лошадью Ив. Сергѣевъ, ждалъ. А какъ почали Федку называть измѣнникомъ, онъ жилъ въ хоромахъ своихъ на загородномъ дворцѣ и у Агапки, а съ женою не видался со 2 сент.

51—52. Извѣтъ капитана *Ф. Сапогова* на Шошина: „Ф. де Шакловитой посылалъ его Василя и брата его Филипа по Земляному городу по карауломъ, гдѣ стоятъ стрѣлцы, и велѣлъ ихъ бить, чтобъ учинить возмущеніе, будто бьетъ ихъ бояринъ Л. К. Нарышкинъ. А въ тѣ де времена бывали съ ними стрѣлцы Ефимьева полку Васка Тула, Ив. Володинъ, а вмѣсто боярина Лва Кириловича учиненъ болшой казны подячей М. Шошинъ, а чинилъ де онъ для того, чтобъ на него, боярина Лва Кир. съ братеми отъ нихъ, стрѣлцовъ, было возмущеніе, и по карауламъ стрѣлцовъ били, а приговаривая: заплачу де вамъ смерть братевъ своихъ, увидите де вы всѣ, что вамъ будетъ. И тѣ де стрѣлцы въ стрѣлецкомъ приказѣ записаны, и онъ де Федка ихъ смотрилъ, и многимъ людемъ являлъ, и о томъ докладывалъ в. государей, и велѣлъ лечить въ оптекѣ. А стрѣлцы де, которыхъ били полку Сухарева, а имянъ ихъ не упомнитъ.“

Тоже показалъ пятидесятникъ Ефимьева полку Васка Тула (Л. 504—5).

136—140. Ноября 11 во 198 г. приговоръ; а ноября 13 измѣненъ: *М. Шошина* и *С. Надъина* смертью казнить не велѣли, бить на козлѣ кнутомъ нещадно и сослать съ женами и дѣтми въ Сибирь на вѣчное житье. А *К. Борисову* и *О. Осипову*, учиня наказанье, бивъ Кирюшку кнутомъ, а Оску — батоги, сослать Кирюшку въ Каргополь, Оску — въ Чаронду на вѣчное житье.

177. Декабря 9. *Агапкъ Петрову* и *Борисову* быть въ Каргополѣ въ приказной избѣ въ приставахъ.

Свитокъ № 8.

Столбцы 57—58. *Допросъ Нарбѣкова.* А въ распросѣ Василей Савичь сказалъ: какъ де авг. противъ 8-го числа 197 г. въ ночи в. государыня Софія Ал. изволила быть у церкви Казанскіе Богородицы, и онъ де въ то время за нею былъ, и стрѣлцовъ сколко ихъ человѣкъ у церкви спрашивалъ, и денегъ истопнику Осипу Осипову тѣмъ стрѣлцамъ по 1 руб., человѣку дать велѣлъ, и капитану жъ 3 руб. дано жъ. Да и прежде жъ того, мая съ 3 числа, какъ изволила в. государыня ходить по монастыремъ и по церквамъ авг. 8 числа и послѣ 8 числа, онъ Василей за государынею Софіею Ал. бывалъ же и денги изъ дворца, и изъ приказу болшіе казны по 1 руб. и по полтинѣ человѣку давать велѣлъ, и стрѣлцовъ де онъ въ верху, кромѣ святой и сырной недѣли, ни въ которое время не видалъ; толко де видалъ онъ, Ѳ. Шакловитой приваживалъ стрѣлцовъ къ рукѣ человѣкъ по 5 и болши, а сказывалъ про нихъ, что изъ посылки, а иные челобитчики или... Да онъ же де далъ стрѣлцомъ денегъ 280 руб., а кому имян..... о росписи (58) де имъ стрѣлцомъ не спрашивалъ и стрѣлца Ег. Романова онъ не знаетъ, развѣ въ лицо, и денегъ опрочь того, что велѣлъ роздать у церкви Казанской Богородицы 280 руб. или 260 руб., не давалъ, и такихъ словъ, что за тотъ ихъ сборъ в. государыня жалуетъ ихъ по рублю не говаривалъ, а по денги де онъ къ окольничему къ Ал. Иван. Ржевскому и къ Сем. Ѳ. Толочанову, какъ бывали выходы, посылывалъ, — и денги раздавалъ попомъ и церковникомъ и стрѣлцомъ, никому денегъ самъ не дававалъ, а приказывалъ давать тѣмъ людемъ, кто изъ приказу денегъ принесетъ. А сент. 1-го де нынѣшн. 198 г. дьякъ Г. Сандыревъ, чтобъ стрѣлцы шли въ городъ, приказывалъ для того, что того числа быть было выходу на Лобное мѣсто. А что де Ан. Муромцовъ сказалъ: какъ С. Евдокимовъ, стрѣлцовъ А. Стрижева и Ан. Кондратьева приваживали вверхъ, и будто де изъ комнаты в. государыни, я, выхаживалъ, кн. Голицынъ, и онъ де ихъ Алешку и Андрюшку не знаетъ и изъ комнаты къ нимъ не выхаживалъ. А такихъ де словъ, что поѣхалъ въ Тушино В. Савичь, думному дворянину Ѳедору Тихоновичу Зыкову и иныхъ, къ поношенію ихъ государскаго имени не говаривалъ. И при немъ, думномъ дворянинѣ Ѳ. Тихоновичѣ въ тѣхъ словахъ онъ Василей.... (Л. 64—5).

69—75. *Допросъ Кропоткина.* Столникъ кн. *М. Кропоткинъ* въ распросѣ сказалъ: въ сент. де мѣсяцѣ нынѣшн. 198 г. а въ которомъ числѣ того не упомнитъ, билъ челомъ в. государемъ, чтобъ его отпустить въ

дальнюю его деревню на 6 недѣль, и государь Іоаннъ Ал. пожаловалъ, велѣлъ его въ деревню на 6 недѣль отпустить; и у руки у него в. государя на отпускѣ былъ, потомъ де извѣстно боярину кн. П. Ив. Прозоровскому. И того жъ числа сестра его (70) князь Мих. Александрова жена Зюзина Парасковья, говорила ему, что спрашиваетъ его в. государыня Софія Ал. И по тѣмъ де словамъ онъ кн. Михайло къ Воскресенской церкви къ дверямъ пришелъ, а она изволила въ то время быть у обѣдни, и изволила де она въ церковныхъ дверехъ его кн. Михайло спросить: ѣдешь ты въ деревню, и гдѣ у него далняя деревня? И Михайло ей извѣстилъ, что у него деревни въ 2-хъ городѣхъ: на Вологдѣ да на Резани. И она изволила ему сказать: поѣзжай де ты въ Вологоцкую дер.; а ѣдучи будетъ мочно, посмотри какъ везутъ В. Голицына; а вѣдомо де ей в. государынѣ учинилось, что везутъ его скована въ телѣгѣ, и сказываютъ де, которая у него была рухледь, и то де взято на в. государя. И изволила ему говорить: отвези де ему милостыню. (71) И онъ кн. Михайло ей в. государынѣ билъ челомъ, чтобъ его отъ того свободить: опасенъ де онъ ихъ государскаго гнѣву. И она де изволила ему сказать: „если де ты непослушанъ учинишся, и за Сибирью де мѣста не сыщешь; ты де въ комнат... у брата нашего в. государя Іоанна Ал., и братъ де нашъ съ нами во всякомъ согласіи—воля наша, и о чемъ мы станемъ бить ему челомъ, и онъ де слушаетъ. Какъ де тебѣ насъ не послушать.“ — И онъ Михайло опасался ея царевны гнѣву и всякой себѣ напасти; потому что и напередъ того многажды же отъ в. государыни всякое бѣдство терпѣлъ и изъ комнаты былъ отставленъ, и велѣно было наказанье учинить безвинно; сказалъ ей:“ воля де твоя, в. государыня, и билъ челомъ ей, чтобъ ему какого бѣдства не было.“ И она де изволила ему сказать: не опасайся де, ничего не будетъ и переговоритъ-де о томъ она съ братомъ своимъ Іоанномъ Ал.. . И изволила она въ мѣшкѣ отдать ему кн. Михайлу золотыхъ, а много-ль—того не вѣдаетъ. А по смѣтѣ золотыхъ, ста съ два или 3 въ сотномъ мѣшкѣ менше половины мѣшка запечатавъ. И изволила ему Михайлу приказать тѣ золотые отдать въ милостыну В. Голицыну. И скажи ему, чтобъ онъ не оскорблялся. Какъ она изволитъ видѣтся съ братомъ своимъ.... Петромъ Ал., и она де станетъ ему челомъ бить, чтобъ онъ надъ нимъ милость показалъ. И онъ кн. Михайло взявъ тѣ золотые, съ Москвы, поѣхалъ сент. 15 или 16, и его де кн. Василья доѣхалъ на Вологдѣ. (73) Стоитъ на соловецкомъ монаст. подворьѣ. И не доходя де его Васильева двора, на дорогѣ попался Михайлу кн. Васильева человѣкъ, а сказался Миткою или Микишкою, того не упомнитъ. И тотъ де человѣкъ спросилъ его Михайла въ отдачу дневныхъ часовъ: кто де ѣдетъ? И онъ сказался именемъ своимъ и спросилъ его: къ кн. Василью можно-ль ему дойти? И онъ ему сказалъ, что къ кн. Василью ходятъ многіе люди, и Михайла къ Василью проводилъ черезъ огородъ и черезъ дворъ къ палатамъ; а пристава, капитановъ и стрѣлцовъ онъ не видалъ. А какъ де его проводилъ тотъ человѣкъ къ палатамъ, Василей Голицынъ вошелъ къ нему Михайлу на крыльцо и тѣ золотые у него принялъ. (74) И что Михайлу изволила в. государыня приказать, чтобъ онъ не печалился, и что станетъ объ немъ брату своему бить челомъ ему, Василью сказалъ. И Василей Михайлу говорилъ, чтобъ она в. государыня съ сестрами своими, съ братомъ своимъ... Іоанномъ Ал. объ немъ Васильѣ у брата своего милости упросила, чтобъ его пожаловалъ, велѣлъ взять

или остановить на Вологдѣ или на Устюгѣ, а Ерenескъ —де городъ безлюдный, съ голоду—де умретъ; и отпустилъ его. И онъ Михайло поѣхалъ въ вологоцкую деревню и жилъ недѣлю и приѣхалъ къ Москвѣ собою. А какъ де онъ ѣхалъ къ Москвѣ и за Угличемъ на большой дорогѣ встрѣтилъ капитана Степанова, и сказалъ ему государевъ указъ, что велѣно его осмотрить. И осматривалъ и писемъ у него никакихъ не было, и сказалъ ему капитанъ указъ, чтобъ онъ ѣхалъ къ Москвѣ. И кн. Михайла приѣхалъ къ Москвѣ и явился къ Прозоровскому и онъ былъ у в. государя Іоанна Алекс. у руки. (75) А бояринъ кн. И. Б. Троекуровъ, по приѣздѣ его, ни о чемъ не спрашивалъ. А у в. государыни Софьи Ал. не бывалъ, и о приѣздѣ его ей кто извѣстилъ, того онъ не вѣдаетъ. Толко какъ была въ Дѣвичѣ монастырѣ у ней сестра ея в. государыня Марія Ал., а за нею была сестра его Порасковья Зюзина, и она де в. государыня приказывала съ нею Порасковею: слышала де я, что приѣхалъ кн. Михайло, и чтобъ онъ побывалъ у ней. И онъ де Михайло отказалъ: воля де ея и такъ за то ея повелѣніе бѣдствовалъ. И у ней не бывалъ. А писемъ съ Москвы Голицыну и отъ Голицына къ Москвѣ съ Михайломъ никакихъ не было. (76) Да ноября въ 7 день онъ же Михайло сверхъ прежнихъ своихъ распросныхъ рѣчей въ распросѣ сказалъ: съ Москвы де къ кн. В. Голицыну никакихъ писемъ ни отъ кого не послано, а въ мѣшкѣ съ золотыми были ль писма или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, для того что мѣшокъ былъ запечатанъ. А отъ В. Голицына писмо съ нимъ было послано, а писалъ онъ Василей то писмо крюками, а что писалъ того онъ не вѣдаетъ. А того де писма столбецъ. А какъ де то писмо кн. Василей писалъ онъ Михайло въ то время сидѣлъ съ женою и снохою его Васильевою въ особомъ чуланѣ; толко то письмо печаталъ онъ сургучемъ, при немъ Михайлѣ, а подписано было то письмо крюками жъ. А велѣлъ кн. Василей то писмо поднесть в. государынѣ Софьѣ Ал., и приказывалъ словами, чтобъ пристава перемѣнить, для того что къ нему не добръ. (77) И тѣ де письма на дорогѣ, по сю сторону Вологды, не доѣзжая Углеча, кн. Михайло бросилъ въ огонь для того, везть къ Москвѣ опасался. А видѣлъ де то писмо, какъ бросилъ его въ огонь, стряпчій Ив. Якимовъ, который живетъ у него. А то де письмо сжегъ онъ въ томъ селѣ, гдѣ его встрѣтилъ капитанъ и осматривалъ, а въ то время, какъ его капитанъ осматривалъ, то писмо лежало у него на постояломъ дворѣ, за подголовкомъ; а капитанъ де осмотривалъ у него писемъ въ подголовкѣ, а того письма за подголовкомъ не осмотрилъ; и отпустя де капитана, то письмо тогожъ числа бросилъ онъ въ огонь. А что де онъ въ прежнемъ роспросѣ про то посланное письмо не сказалъ, и въ томъ де онъ предъ в. государи виноватъ: то де онъ учинилъ безпамятствомъ (Л. 65—67).

123—126. *Мишка Шапошниковъ* въ роспросѣ сказалъ: сосланъ — де былъ онъ въ ссылку съ женою и съ дѣтьми въ Ерославль за то, что онъ извѣщалъ того жъ полку на пятисотнаго на Василья бурмистра, да на пристава Ак. Васильева съ товарыщи въ томъ, что онъ Василей съ товарыщи государево жалованье, когда бываетъ имъ столы и погребы, продавали. А денегъ-де ему Мишкѣ и инымъ стрѣлцомъ не давали. (124) А какъ де онъ про тѣ столы и погребы сталъ ему Василью говорить у съѣзжей избы и онъ его Мишку билъ и на чепь сажалъ и руку выломилъ; и онъ де не стерпя тѣхъ побой, сказалъ за собой государево дѣло; а дѣло то за

нимъ—М. Анисимовъ, И. Петровъ, В. Мурзенокъ, А. Мартыновъ кабаки открываютъ и табакомъ торгуютъ. И то де дѣло было въ стрѣлецкомъ приказѣ и по тому дѣлу про него, Мишку, розыскивано, а по розыску про него Мишку вины не сказали. А сосланъ де онъ въ Ерославль по Васильеву челобитью бурмистра и в. г. Софія указала ему быть въ Ромавовѣ полку Еѳимова въ рядовыхъ стрѣлцахъ. И августа де противъ 8 числа въ ночи въ Кремлѣ не бывалъ и непристойныхъ словъ ни съ кѣмъ никакихъ не говаривалъ, и не возмущалъ, и стрѣлецкимъ женамъ, у которыхъ мужья были въ Троецкомъ монастырѣ, чтобъ ихъ мужья изъ походу сбѣжали къ Москвѣ, не говаривалъ. (125) А у Ѳедки де Шакловитова взялъ онъ денегъ 10 руб., а далъ-де онъ Ѳедка тѣ денги у себя въ хоромахъ, а сказалъ что для его разоренья. Да при немъ же де Мишкѣ далъ онъ Ѳедка стрѣлцу Д. Лаврентьеву бумагу денегъ, а сколко—того не вѣдано, и говорилъ Ѳедка Демкѣ: мочно ли тебѣ сдѣлать отъ стрѣлецкихъ женъ отписать грамотка къ мужьямъ въ Троицкой монастырь чтобъ они сбѣжали къ Москвѣ, то де онъ Мишка слышалъ отъ него Ѳедки, а его де Мишка Ѳ. Шакловитой посылалъ по досталныхъ стрѣлцовъ Сухарева полку, пошли ли де въ Троецкой монастырь. И онъ де провѣдавъ ему Ѳедкѣ сказалъ, что тѣ досталные стрѣлцы на Москвѣ, да для тѣхъ же стрѣлцовъ, для провѣдыванья посылалъ его и Оброска Петровъ. А какъ де его поймавъ, повезли въ Троецкой монастырь, и онъ де на поимкѣ караулъ не кричалъ и не отбивался. *Сослать съ жестокимъ наказаньемъ*

126. Дмитріева полку Жукова стрѣлецъ *Аѳонка Ларіоновъ* въ Троицкомъ монастырѣ явился собою. А въ извѣтѣ пятисотнаго Ларіона Елизарьева на него Аѳонку написано: во 195 г. авг. въ 18 числѣ призывалъ его Аѳонку Шакловитой на загородной дворъ, да Бориску Дмитріева съ товарыщи, и говорилъ, чтобъ имъ сент. де 1-го числа 197 г. какъ изволятъ в. государи въ вообновленіе новаго лѣта выдти къ дѣйству изъ тѣхъ полковъ приготовить стрѣлцовъ человѣкъ по 50 и по 60, и побрать де боярина Лва Кириловича съ братьями и посадить за караулъ; а сухаревскимъ стрѣлцомъ приказалъ, чтобъ въ то время для того дѣла Кремль они заперли, а прежь сего за день Ѳедка его призывалъ и сказалъ ему государеву милость и службу ихъ похвалилъ. И дано-де имъ было за то денегъ по 5 руб., а денги давалъ Ѳедка и въ тѣхъ де полкѣхъ, которые къ тому были призваны, своей братьѣ велѣлъ сказывать и давали имъ по 2 руб. человѣку (Л. 74—6).

Свитокъ № 9-й.

Столбцы 9—10. *Челобитье Неплюева.* В. государемъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алекс... бьетъ челомъ холопко вашъ Левка Неплюевъ. Служилъ, холопъ вашъ, отцу вашему блаженной памяти... Алексѣю Мих.... и Ѳедору Ал.... и вамъ в. государемъ со 162 г. въ редовыхъ и въ городѣхъ, въ осадѣхъ и съ полками въ воеводахъ ваши, в. государей, многіе службы чистою моею душою и незазорною совѣстью всеусердно. И въ тѣ вышепомянутые годы моею, холопа вашего, службою въ полковыхъ и въ осадныхъ, и въ посолскихъ дѣлехъ, и съ гетманы вашему... имяни къ повышенію, и вашей державѣ къ приращенію и къ расширенію мно-

гіе учинилъ дѣла, и малороссійскаго народу все духовенство царствующаго града Москвы ко благословенію св. патріарха прилучилъ. А во 190 г., когда ты в. государь, Петръ Алексѣевичъ... по пресѣленіи брата своего блаженной памяти Θеодора Алексѣевича воспріялъ московс. царствія скипетръ, и въ то время будучи де въ Сѣвску, по подлиннымъ вѣдомостямъ къ гетману писалъ, чтобы они старшина и полковникъ съ московскими стрѣлцы, тебѣ в. государю цѣловали крестъ немедленно, потому что на Москвѣ почалось смятеніе. И по моемъ, холопа вашего, писму, гетманъ и старшина, и столникъ и полковникъ Максимъ Лупандинъ съ пятидесятники, къ тебѣ в. государю... Петру Алексѣевичу.... крестъ цѣловали, и о томъ писано въ приказѣ Малыя Россіи. Да во 191 г., по общему совѣту съ гетманомъ, будучи я на Москвѣ, вамъ в. государемъ и сестрѣ вашей доносилъ, которые во 190 г. разграблены и посланы въ ссылки и паки во царствующій градъ Москву возвращены-бъ и пожитки ихъ отданы-бъ были; да къ тому жъ и излишнею вашею государскою милостію наградились, потому что то разграбленіе изъ ссылки воспріяли безвинно, и послѣ того изъ ссылки многіе взяты къ Москвѣ. А со 190 г. въ Сѣвску и на вашихъ в. государя службахъ и на Москвѣ, будучи вамъ и всему вашему государскому дому, служилъ съ великимъ моимъ усердіемъ, безо всякого и въ мыслѣ моей подозрѣнія и претыканія; и въ малороссійскихъ городѣхъ, гетмановъ и старшину отъ плевелосѣятельныхъ словъ отводилъ и подъ вашу в. государей самодержавную руку передъ прежнимъ покорныхъ и послушливыхъ, и подобострастныхъ привелъ. И сент. въ 9 день нынѣшнаго 198 г. по вашему... указу, отнята у меня честь и посланъ въ Пусто-озерской острогъ; а деревни и выслуга отца Романа Ив. и мои помѣсные и вотчинные указано отписать на васъ, в. государей, а за то, что бутто я, будучи на вашей службѣ, въ Сѣвску, обиды и налоги чинилъ; и въ Сѣвску будучи въ полковыхъ и въ грацкихъ дѣлахъ, многіе учинилъ прибыли и вновь построилъ посадъ; да при мнѣ жъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ прибыли передъ прежнимъ близко тысячи дворовъ. И хлѣбомъ, и лошадми, и скотиною сѣвскіе и уѣздные жители при моемъ бытіи передъ прежнимъ изобилство имѣютъ премногое; а обидъ и налогъ я, холопъ вашъ, тамъ отнюдь никому не чинилъ.—Милосердые в. государи... пожалуйте меня для своего в. государей, и для всего своего государскаго дому, многолѣтного здравія за мои сиротскіе премногія службы, не велите дворишка моего и пожитковъ, и деревнишекъ у меня отписывать, и велите женишкѣ моей Манкѣ жить на моемъ московс. дворѣ, и укажите выслуженными отца моего Романа Ив. и моими деревнями ей бѣдной владѣть, а меня въ тотъ самой далный и всякою скудостію и глодомъ и немѣрною стужою преумноженной городъ, не велите посылать и велите мнѣ быть, гдѣ вы укажете въ иномъ городѣ, чтобъ мнѣ въ подошлые мои лѣта къ старости и на вашихъ службахъ, отъ усердія моего утружденному, въ той далной и всякими недостатками преизобилной сторонѣ, невинну безгодною смертію не умереть, а женишкѣ моей бѣдной паче всякіе вдовы горко осиротѣлой, и при ней будучи съ людишками моими, голодною и нужною и бездомною не умереть смертію! Или велите в. государи... послать меня на вашу службу въ тѣ мѣста, въ которыхъ мнѣ, холопу вашему, за Божіе и за ваше государское достоинство, излить мою кровь и положить мою голову. В. государи, смилуйтеся, пожалуйте! (Л. 745—6).

80—86. В. государемъ... Іоанну и Петру Алекс.... бьетъ челомъ холопъ вашъ бѣдной и сирой, беззаступной и безплемянной Л. Неплюевъ. Служилъ я отцу вашему.... и брату вашему.. 37 лѣтъ, былъ на вашихъ службахъ въ диву литовскихъ да въ нѣмецкомъ походѣ; а со 195 г., въ Сѣвску, въ Переяславлѣ, въ Кіевѣ, и въ иныхъ многихъ малороссійскихъ и бѣлогородцкого полку, въ городѣхъ воеводою; въ осадахъ и въ полкахъ служилъ ваши многіе службы, чистою моею душею и незазорною совѣстію, преспѣвая сверстникъ моихъ, излично и всеусердно. И въ тѣ вышепомянутые годы моею службою изъ подъ Турка взяты городъ Ржищевъ съ осмью городами, и Заднебръская сторона безъ остатку (81) запустошено, для котораго запустошенія въ малороссійскомъ краю и воднесь имѣется тишина; да и въ иныхъ многихъ полковыхъ и въ осадныхъ и посольскихъ дѣлехъ, и съ гетманы на съѣздѣхъ вашему в. государя имени къ повышенію, и в. государемъ державѣ къ приращенію, и къ разщиренію прибылные многіе учинилъ дѣла, и малороссійскаго краю все духовенство, гетмана и старшину, и посполство многочисленный народъ отлученныхъ съ 460 лѣтъ царствующаго града Москвы, св. патріарха подъ благословеніе прилучилъ его 190 г. когда ты, в. государь... Петръ Ал.... по преселеніи брата своего... воспріялъ московс. царствія скипетръ. И то время, будучи на службѣ въ Сѣвску по подлинной вѣдомости, о воспріятіи твоего царства въ Батуринъ къ гетману писалъ, чтобъ онъ старшина и полковникъ съ московскими стрѣлцами, тебѣ цѣловали крестъ немедленно, потому что на Москвѣ почалось смѣтеніе, и по моему писму, гетманъ и старшина, и столникъ, и полковникъ М. Лупандинъ, и стрѣлцы тебѣ в. государю... крестъ цѣловали, о томъ писано въ приказъ Малыя Россіи. Да во 191 г., по общему совѣту съ гетманомъ, будучи я холопъ вашъ на Москвѣ, вамъ и сестрѣ вашей доносилъ: которые во 190 г. розграблены и посланы въ ссылки, и паки во царствующій градъ Москву возвращены пожитки ихъ отданы; да къ тому жъ и излишнею вашею милостію награжены-бъ были, потому что розграбленіе и ссылки имяли безвинно, и послѣ того многіе къ Москвѣ взяты. А со 190 г., въ Сѣвску и на службахъ и на Москвѣ будучи, я вамъ и всему вашему государскому, святому и высокому и препочтенному дому служилъ, съ великимъ моимъ тщаніемъ безо всякаго ни во снѣ, въ мыслѣ моей подозрѣнія и претыканія; и въ малороссійскихъ городахъ, гетмановъ и старшину, отъ плевелосѣятельныхъ словъ самою истинною увѣщевая,— отводилъ; и подъ вашу самодержавную руку передъ прежнихъ покорныхъ и послушливыхъ, и подобострастныхъ привелъ, и въ Сѣвску, въ полковыхъ и градцкихъ дѣлехъ, и въ отпускахъ хлѣбныхъ и денежныхъ зборѣхъ, и въ полковыхъ припасѣхъ многотысечныя учинилъ прибыли; и вновь построилъ посадъ. Да при мнѣ жъ въ сѣвскомъ уѣздѣ предъ прежнимъ прибыло близко 1000 дворовъ, и хлѣбомъ, и лошадми, и скотиною, сѣвскія и уѣздныя жители, и всякими домовыми пожитками передъ прежнимъ имѣютъ изобилство премногое. Да во 195 г., на в. государей... службѣ въ крымскомъ походѣ, отъ Крыму въ ближнихъ мѣстехъ, съ солтаны крымскими имѣлъ два боя, на которыхъ тѣ бусорманскія силы збиты, и съ убыткомъ срамнымъ поворотились во свои жилища. Да въ томъ же походѣ запорожцевъ и городовыхъ отъ смѣтенія унялъ, и старшину съ рядовыми, которые вамъ служили, отъ убойства бунтувскаго охранилъ, и весь малороссійской край успокоилъ. Да во

196 г. по вашему указу, близко вратъ крымскихъ построилъ я гор. Новобогородицкой. И сент. въ 9 день 198 г. отнята у меня честь и посланъ въ Пустоозерской острогъ; а деревни и выслуга отца моего Ром. Ивановича, и мои помѣстные и вотчинные указано отписать на васъ в. государей за то, что бутто я въ Сѣвску тамошнимъ жителямъ обиды и налоги чинилъ. Да сентября-жъ въ 25 день прислана ваша грамота къ столнику Б. Д. Нетесову. А по той вашей грамотѣ велѣно меня ему Борису въ ссылку весть въ Колу, а рухлядишку мою, которая со мною, отписать на васъ в. государей. И по вашему указу на Вологдѣ рухлядишка вся, которая была со мною, на васъ отписано, а мнѣ, бѣдному и *всякого* нищаго худѣйшему, по вашей в. государей... милости, на пропитаніе толко дано изъ той моей рухляди по немалой цѣнѣ 300 рублевъ. И нояб. въ 13 день привезенъ, да со мною людишекъ моихъ 5 человѣкъ, въ Колу и отданъ за караулъ, умирая голодною и всякою нужною въ горести думы моей нищетою; потому которая мнѣ, холопу вашему, дана рухлядишка продать и заложить въ томъ городѣ, ни самою малою цѣною—некому, а Христовымъ имянемъ въ такомъ далномъ и безхлѣбномъ мѣстѣ пропитаться не возможно. Милосердые, в. государи.... пожалуйте меня, холопа своего, для своего и всего государскаго превысокого дому, многолѣтнаго здравія и за мои сиротскія и многотрудныя, и вашей державѣ прибыточныя службы, велите быть женишкѣ моей Манкѣ на Москвѣ, и жить на моемъ дворишкѣ, и выслуженными отца моего Романа Ивановича, и моими деревнями ей бѣдной съ людишками для прокормленія владѣть; а меня изъ столь дального и всякою скудостію, преумноженного города взять и перевезть ближе ко царствующему граду Москвѣ въ иной городъ, чтобъ мнѣ въ подошлые мои лѣта къ старости, и на службахъ утружденному, и не малыя болѣзни имѣющему, въ той далней и всякими недостатками преизболной сторонѣ нужною и голодною, паче всего отъ вашего государскаго лица отдаленному, безгодною и напрасною не умереть смертью; (86) а женишкѣ моей бѣдной, паче всякіе вдовы горко осиротѣлой, и при ней съ будучими людишками голодною и нужною и бездомною не умереть смертію-жъ; или укажите, в. государи, меня послать на свою службу не токмо началнымъ и въ самомъ низкомъ чинѣ, въ тѣ мѣста, въ которыхъ за имя Божіе и за ваше государское достоинство, излить кровь и положить голову. А я, холопъ вашъ, кромѣ самого Бога, къ вамъ помощника не имѣю. В. государи, смилуйтеся! (Л. 770—72).

Столбцы перемѣшанные. *Листы 87—92.* Великимъ государемъ царемъ и в. княземъ Іоанну Ал., Петру Ал. самодержцемъ, холопи ваши *Ивашка Чаадаевъ* съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государи, въ 199 году февраля въ 8-й день, по вашему в. государей указу, и по наказу изъ приказу розыскныхъ дѣлъ, велѣно намъ, холопемъ вашимъ, въ Еренску князя Василья Голицына противъ распросныхъ рѣчей чернца Іосиѳа, что нынѣ растрига Ивашка, и противъ извѣту капитана московскихъ стрѣльцовъ Василья Сапогова, и по писму вора и измѣнника Ѳедки Шакловитова, и по роспроснымъ же рѣчамъ единомышленниковъ его Ѳедкиныхъ, Оброски Петрова съ товарищи, и иныхъ разныхъ чиновъ людей, которые говорили на него князь Василья о измѣнныхъ дѣлехъ многіе стати, сказавъ ему, по наказу, вашъ в. государей указъ по всѣмъ статямъ, каковы написаны въ наказѣ, и про грамотки его князь Василье-

вы, каковы онъ писалъ изъ крымскаго походу къ Ѳедкѣ Шакловитому, также и сына его князь Васильева, князь Алексѣя, противъ писма, каково писалъ онъ къ нему отцу своему, князь Василью, и скрытно распросить, а животы ихъ для вѣдома переписать. А буде они вѣдая въ томъ вину свою, учнутъ запираться, и той вины своей къ вамъ великимъ государемъ не принесутъ, и по вашему великихъ государей указу велѣно ихъ и растригу Ивашку распросить съ пристрастіемъ, а людей ихъ, которые по тому дѣлу приличатся, и пытать, также и Павла Скрябина и капитановъ и караулщиковъ, у которыхъ онъ князь Василей за сторожею, распросить же, да о томъ къ вамъ в. государемъ писать, и тому всему учиня статейной списокъ со всякою подлинною вѣдомостію, за дьячьею подписью, прислать къ вамъ в. государемъ къ Москвѣ; и потому вашему в. государей самодержцевъ указу, въ Еренской, мы холопи ваши, пріѣхали февраля въ 12, и того жъ часа, котораго мы, холопи ваши, пріѣхали, князь Василья и сына его князь Алексѣя Голицыныхъ, взявъ ихъ въ приказную избу къ сказкѣ и къ распросу, и къ розыску. И въ то время, какъ они взяты въ приказную избу, животы ихъ и письма пересмотрили и переписали, а ихъ, князь Василья и князь Алексѣя, сказавъ имъ вашъ в. государей указъ, и Павла Скрябина, и капитановъ, и караулщиковъ, которые въ то время у нихъ, князь Василья и князь Алексѣя, стояли на караулѣ, распрашивали порознь и очныя ставки давали и разыскивали всякими розыски, и тѣ распросныя рѣчи и очныя ставки за ихъ руками, и изъ нихъ выписку и животамъ роспись въ тетратехъ послали мы холопи ваши, къ вамъ в. государемъ... самодержцемъ, столника и полковника Семенова полку Кровкова съ пятисотнымъ съ Мишкою Петровымъ февраля въ 26, и велѣли подать въ приказѣ розыскныхъ дѣлъ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарыщи.

199 году февраля въ 23 день, по указу вел. государей самодержцевъ, и по наказу изъ приказу розыскныхъ дѣлъ въ Еренску въ приказной избѣ передъ околничимъ Ив. Ив. Чаадаевымъ, передъ думнымъ дьякомъ Автамономъ Ив. Ивановымъ, да передъ дьякомъ Григоріемъ Молчановымъ, князь Василей и сынъ его князь Алексѣй Голицыны роспрашиваны по статьямъ, каковы статьи написаны въ наказѣ порознь; а въ распросѣ сказали: князь Василей сказалъ. Старецъ де Іосифъ, что нынѣ растрига Ивашко, у него князь Василья въ Еренску въ прошломъ во 198 и въ ыннѣшнемъ во 199 году не былъ, и не толко чтобы у него былъ, и имени его на Москвѣ не слыхалъ, и такихъ словъ, которые на него онъ Ивашка въ распросѣ сказалъ, не говаривалъ, и ни кому не приказывалъ, и въ мысль де его такова дѣла не вмѣщалось, и на передъ сего, онъ князь Василей ни кого ни съ чѣмъ съ письмами и словеснымъ приказомъ изъ Еренска ни къ кому не посылывалъ. И растригѣ Ивашкѣ съ княземъ Васильемъ, дана очная ставка. А на очной ставкѣ растрига говорилъ ему князь Василью въ лицо прежнія рѣчи, что и въ распросѣ сказалъ, что онъ у него, князь Василья, въ Еренску былъ передъ Покровомъ; и такія де слова онъ князь Василей съ нимъ Ивашкомъ къ боярину ко князю Борису Алексѣевичу Голицыну, чтобъ его князь Василья поберегъ съ годъ, и что в. государю царю Петру Алексѣевичу жить годъ, приказывалъ, и денегъ ему Ивашку, онъ князь, Василей сорокъ алтынъ далъ. А привелъ де его растригу, къ нему князь Василью, чело-

вѣкъ его, сказался Ивашка; а сшелся де съ нимъ у церкви; и того человѣка, который его приводилъ къ нему, князь Василью, и дву человѣкъ, которыхъ онъ князь Василей изъ избы передъ себя выслалъ, онъ растрига въ лицо узнаетъ, и дворъ, на которомъ онъ въ Еренску ночевалъ, и хозяина въ лицо жъ узнаетъ; а имени де того хозяина не помнитъ. А къ церкви де пришелъ онъ къ вечерни въ холодную. А князь Василей на очной ставкѣ говорилъ прежнія свои рѣчи, что тотъ старецъ у него князь Василья въ Еренску не бывалъ, и человѣка своего по него не посылалъ, и призывать къ себѣ не велѣлъ, и словъ съ нимъ къ Москвѣ ни къ кому никакихъ не приказывалъ, и денегъ ему не давалъ.

И билъ челомъ в. государемъ, онъ князь Василей, чтобы в. государи пожаловали его, велѣли о томъ милостиво розыскать еренскими городскими жители и священниками и церковники, которые въ то число въ той церкви у вечерни были и хозяиномъ, у котораго онъ сказалъ ночевалъ, и велѣли бъ его старца распросить, откуды онъ въ Еренской пришелъ, и которою дорогою; и у Соли Вычегоцкой онъ былъ ли, и у кого онъ у той Соли ночевалъ, и отъ Соли какимъ путемъ, сухимъ ли или водою шелъ, и кто въ томъ пути его видѣлъ. А растрига сказалъ: къ Соли де Вычегоцкой пришелъ онъ съ Устюгу Великаго, а у Соли онъ не ночевалъ, и ни къ кому дорогою идучи до Еренска не приставалъ, и въ Еренской де шелъ онъ сухимъ путемъ деревнями и лѣсомъ, а на Устюгъ де онъ пришелъ изъ Кевролскаго уѣзду отъ Ортемія Верколскаго чудотворца и хотѣлъ идти къ Соли Камской. И околничій Иванъ Ивановичъ съ товарищи его растригу распрашивали въ Еренску дворы, гдѣ онъ стоялъ и хозяина, и на который дворъ сказалъ, приводили его къ князь Василью, узнаетъ ли. И онъ растрига сказалъ, что тѣ дворы, на которыхъ онъ стоялъ и хозяина, и на который дворъ приводили къ князь Василью узнаетъ. И для узнаванья тѣхъ дворовъ, онъ растрига посыланъ съ столникомъ и полковникомъ съ Семеномъ Кровковымъ, да съ подъячимъ съ Аристархомъ Кузминымъ, да полку его Семенова съ стрѣлцами съ Петрушкою Андрѣевымъ, съ Васкою Микитинымъ, съ Васкою Михайловымъ, съ Ивашкою Тихоновымъ. И полковникъ, и подъячей, и стрѣлцы, пришедъ, къ околничему Ивану Ивановичу съ товарищи сказали: что тотъ растрига указалъ дворъ воеводскій, гдѣ стоитъ Павелъ Скрябинъ, а не тотъ, гдѣ стоитъ князь Василей Голицынъ; а что сказалъ хозяйскій дворъ, и на томъ дворѣ стоятъ капитаны съ караулщиками, а хозяина не указалъ. А полковникъ сказалъ ему, что на томъ дворѣ караульные капитаны Смирной, Апушкинъ да Лазарь Восалтановъ, и караулщики сказали, что де тотъ дворъ караулный, и стоятъ на томъ дворѣ они съ того времени, какъ привезенъ князь Василей Голицынъ безперемѣнно, а хозяина де на томъ дворѣ нѣтъ, толко живетъ одна баба слѣпая издавна, и стоялщики никто не ставятся. И та баба съ того двора взята въ приказную избу, а въ распросѣ сказала: вдова Мареица Дѣевская, жена Григорьева, а мужъ де ея умре тому лѣтъ съ шесть, а иного де хозяина на томъ дворѣ не было, а чернецъ де на томъ дворѣ у нее не бывалъ и не ночевалъ, а стоятъ де на томъ дворѣ капитаны и караулщики тому другой годъ.

И околничей Иванъ Ивановичь съ товарищи того растригу распрашивали. Сказалъ онъ въ распросѣ своемъ, что онъ у князь Василья былъ, и дворъ его знаетъ, также и стоялый дворъ, гдѣ онъ расртига стоялъ,

хозяина узнаетъ и тѣ дворы укажетъ. А указалъ онъ дворъ воеводскій, и хозяйскій дворъ, гдѣ стоятъ капитаны и караулщики. И растрига Ивашка сказалъ: двора де онъ князь Васильева не узналъ, а воеводскій дворъ указалъ, для того, что былъ у князь Василья поздно, а про хозяйскій дворъ сказалъ, что онъ совершенно на томъ дворѣ ночевалъ, и хозяинъ де на томъ дворѣ съ женою и съ дѣтьми былъ самъ третей, а постоявъ сказалъ: сказалъ де онъ про то безпамятно, для того что онъ растрига иступаетъ ума. И билъ челомъ в. государемъ князь Василей Голицынъ, чтобъ государи пожаловали, не велѣли тому растригѣ воровскому составу повѣрить, потому что его затѣйка стала знатна. Сказалъ де онъ растрига, что на дворѣ у него былъ, и дворъ знаетъ, а привелъ къ воеводскому двору, а воеводскій де дворъ отъ его князь Васильева постоялагс двора въ не маломъ разстояніи на берегу рѣки Кижмы, и стоитъ де онъ на томъ дворѣ съ пріѣзду безпеременно. Также и хозяйскаго двора не узналъ и привелъ гдѣ, стоялцы не ставятся, а стоитъ караулъ. И съ бабою Марѳицею дана ему очная ставка. А на очной ставкѣ баба его уличала, что онъ, старецъ, у ней не бывалъ, и хозяина на томъ дворѣ иного не бывало, и вѣдаютъ де про то всѣмъ городомъ, что тотъ дворъ ея, а мужа ея не стало шесть лѣтъ; а стоятъ де на томъ дворѣ караулщики другой годъ. А растрига говорилъ свои прежнія рѣчи, что онъ былъ на томъ дворѣ, и хозяинъ у неё былъ. Да растригѣ же Ивашкѣ князь Васильевы люди Голицына, которые съ нимъ въ Еренску сысканы, всѣ до одного человѣка, и предъ растригою, для опознаванія тѣхъ людей, которые его привели и которые передъ нимъ стояли ставлены, и онъ растрига, смотря на тѣхъ людей много, указалъ изъ нихъ на одного человѣка, и сказалъ, что де на дорогѣ стрѣтился съ нимъ и къ князь Василью Голицыну привелъ его тотъ человѣкъ, котораго онъ указалъ, а дву человѣкъ, которые стояли передъ князь Васильемъ и высланы вонъ, смотря на людей сказалъ, что онъ тѣхъ двухъ человѣкъ узнать не можетъ. И тотъ человѣкъ, на котораго тотъ старецъ указалъ, принятъ и распрашиванъ, и въ распросахъ сказался Серешкою зовутъ, Евтиѳѣевъ сынъ онъ Боевъ, и Ивашки де растриги, который на него указалъ, онъ не знаетъ, и старца никакого онъ передъ Покровомъ и послѣ Покрова не видалъ и къ князь Василью не прихаживалъ, и отъ князь Василья де ему такого приказу, чтобъ къ нему кого приводить, не бывало. И тому человѣку съ растригою дана очная ставка; а на очной ставкѣ растрига того человѣка уличалъ, что де съ нимъ растригою за церковью на площади стрѣтился и къ князь Василью звалъ тотъ человѣкъ; а сказалъ де ему Ивашкою зовутъ. А человѣкъ Серешка сказалъ прежнія свои рѣчи, что онъ такого старца въ Еренску не видалъ и не встрѣчался, и къ князь Василью его не приводилъ. И растрига Ивашка, и князь Васильевъ человѣкъ Серешка, отданы полковнику Семену Кровкову, и велѣно ихъ держать за карауломъ порознь.

Да того жъ числа воевода Павелъ Скрябинъ и капитаны и караулщики распрашиваны порознь, а въ распросѣ сказали:

Павелъ Скрябинъ: по указу де вел. государей велѣно ему быть у князь Василья въ приставѣхъ, и къ князь Василью де никакихъ людей пропускать не велѣно, и онъ де Павелъ по наказу капитаномъ московскихъ стрѣлцовъ, Смирному, Апушкину, да Лазарю Босолтанову и караулщикомъ приказывалъ, чтобы они къ нему, князь Василью, ни-

кого не пропускали, а которые де люди для продажи съѣстныхъ запасовъ къ нему князь Василью прихаживали, и тѣхъ де людей приказывалъ онъ пропускать и расплату чинить при капитанахъ и при караулщикахъ, а безъ капитановъ и караулщиковъ никого пропускать не велѣлъ, да и самъ де онъ Павелъ надъ ними подсматривалъ по часту. Да и по рѣкѣ по Вычегдѣ поставлены у него отхожіе караулы въ четырехъ мѣстахъ, чтобъ безъ вѣдома его никого не пропускать, и въ лѣтнее время, опричь водянаго пути, сухимъ путемъ никто не ѣздятъ и не ходятъ и такого сухаго пути ни откуды къ Еренску нѣтъ, и отъ Соли-Вычегодской къ Соли-Камской черезъ Еренскъ прохожимъ людемъ не дорога, потому де, кому лучится идти изъ Еренска къ Соли-Камской, и они ходятъ черезъ Вычегодскую же Соль и черезъ Кай городокъ и такого прохожева чернца до Покрова и послѣ Покрова 199 году и николи онъ Павелъ не видалъ, а естьлибъ онъ явился и мірскому какому прохожему человѣку, и онъ бы де въ Еренску ему Павлу явился, или бы того прохожаго поймавъ, его къ нему привели, для того что поставлены караулы, и утаиться де прихожему человѣку и пройти къ князь Василью Голицыну за тѣми кароулы ни которыми дѣлы невозможно.

Капитаны Смирной и Апушкинъ сказали: того де чернца они въ Еренску не видали и къ князь Василью не пропускивали, а отъ Павла де Скрябина такой приказъ, чтобъ никакихъ людей къ князь Василью не пропускать—былъ, а съѣстной всякій запасъ велѣно покупать при нихъ, а не объявляя на караулѣ, ни съ какимъ харчемъ не пропускивали. А Лазарь Болсотановъ сказалъ тѣжъ рѣчи, что такого чернца онъ въ Еренску не видалъ, и къ князь Василью не пропускалъ, и приказъ ему отъ Павла Скрябина, чтобъ никого къ князь Василью безъ ихъ вѣдома не пропускать-былъ.

А кароулщики: Томилко Лукьяновъ, Ивашко Андрѣевъ, Ѳомка Коршуновъ, Левка Дементьевъ, Кондрашко Петровъ, Нестерка Ананьинъ, Ивашка Максимовъ, Емелка Григорьевъ, Сенка Петровъ, Ивашко Петровъ, Ивашка Власовъ, Елѳимка Анцыѳоровъ, Петрушка Павловъ, Оска Лукинъ, Пашка Комаровъ, Ивашка Сергѣевъ, Васка Костинъ, Мишка Гурьевъ, Пашка Емельяновъ, Левка Андрѣевъ, Оска Осиповъ, Гришка Бабьевъ, Ивашка Осиповъ, всего двадцать три человѣка, которые стоятъ на караулѣ сентября съ 1-го числа нынѣшняго 199 году, распрашиваны порознь, а въ распросѣ сказали: стоятъ де они на караулѣ у князь Василья Голицына сентября съ 1 числа нынѣшняго 199 году, и по приказу де Павла Скрябина, къ нему князь Василью пропускать имъ никакихъ людей не велѣно, а прихожева де чернца они до Покрова и послѣ Покрова нынѣшняго 199 году и николи не видали, и къ нему князь Василью не пропускали и растригѣ Ивашкѣ съ Павломъ Скрябинымъ и съ капитаны и съ вышеписанными кароулщики даны очныя ставки. А на очныхъ ставкахъ растрига Ивашка говорилъ, что де онъ у князь Василья былъ, а капитановъ и караулщиковъ не видалъ, а провелъ де его тотъ человѣкъ, котораго онъ опозналъ, а Павелъ Скрябинъ, и капитаны и караулщики сказали, что они того чернца въ Еренску николи не видали и къ князь Василью не пропускали, и на дворѣ де, гдѣ онъ растрига сказалъ-ночевалъ, стоятъ они капитаны и караулщики другой годъ денно и нощно, а на томъ де дворѣ одна баба, а хозяина нѣтъ, и быть де

было ему въ томъ дворѣ и ночевать не возможно, потому что стоятъ въ немъ они капитаны и караулщики.

И февраля въ 24 день по указу в. государей и по приказу околничаго Ив. Ив. Чаадаева съ товарищи, того растригу Ивашку и князь Васильева четовѣка Голицына Серешку, на котораго растрига указалъ, велено для распросу привесть въ застѣнокъ, и какъ ихъ въ застѣнокъ повели, и полковникъ Семенъ Кравковъ, пришелъ въ приказную избу, околничему Ивану Ивановичу съ товарищи сказалъ, какъ де того растригу вели къ застѣнку, и онъ говорилъ ему Семену: гдѣ де околничей Иванъ Ивановичъ да думный дьякъ Автамонъ Ивановичъ? и онъ де Семенъ у него Ивашки растриги спросилъ, для чего ты ихъ спрашиваешь, и онъ де ему сказалъ: „извѣсти де имъ, что вину свою в. государемъ онъ растрига приноситъ; въ Еренску де онъ не былъ и князь Василья не видалъ." А тѣ де слова говорилъ онъ растрига ему полковнику при капитанехъ и стрѣлцахъ. А капитанъ Иванъ Бордодатой и стрѣлцы: пятисотной Михайло Петровъ, Исайка Карповъ, Васка Михайловъ, Ивашка Гарасимовъ, Петрушка Ивановъ, сказали, что растрига Ивашка вину свою в. государемъ приносилъ и къ околничему къ Ивану Ивановичу съ товарыщи, что онъ растрига въ Еренску не былъ и князь Василья Голицына не видалъ, съ полковникомъ съ Семеномъ Кравковымъ, приказывалъ при нихъ, и по тѣмъ ихъ сказкамъ онъ Ивашка взятъ въ приказную избу и распрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: „Виноватъ де онъ предъ в. государи, что де онъ на Москвѣ въ распросѣ и передъ бояры въ застѣнкѣ у пытки и въ Еренску на очныхъ ставкахъ сказалъ, что будто онъ въ Еренску у князь Василья Голицына былъ, и будто князь Василей послалъ его къ князь Борису Алексѣевичу, и велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ его поберегъ съ годъ, а в. государю Петру Алексѣевичу самодержцу толко годъ жить. И то де всѣ и слова сказалъ онъ боярину князь Борису Алексѣевичу на него князь Василья, затѣявъ отъ безумства своего, а что онъ на опознаваемыхъ людей князь Васильевыхъ указалъ, на человѣка его Серешку, и то де онъ на него сказалъ напрасно жъ, потому что онъ въ Еренску не бывалъ и князь Василья Голицына не видалъ и словъ отъ него никакихъ не слыхалъ и денегъ у него не имывалъ. А жилъ онъ растрига въ каргополскомъ уѣздѣ въ Крестномъ монастырѣ лѣтъ при архимандритѣ Іосифѣ, и въ прошломъ де въ 198 году, въ Филиповъ постъ, архимандритъ Іосифъ для монастырскихъ дѣлъ поѣхалъ къ Москвѣ, а въ томъ де монастырѣ остались-келарь Памва да казначей черной попъ Парѳеней. И онъ растрига съ ихъ келарскаго и казначейскаго вѣдома, въ прошломъ въ 198 году въ августѣ до Успенья Пресвятыя Богородицы за два дни изъ того монастыря пошолъ къ городу Архангельскому возлѣ моря, и у Архангельскаго города жилъ на Кириловскомъ подворѣ; а дворникъ на томъ подворѣ бѣлецъ, лѣтъ въ 50, а какъ его зовутъ, того не упомнитъ. А отъ Архангельскаго де города пошолъ проходомъ колмогорскаго жъ уѣзду въ Онтоньевъ Сійской монастырь; и того де монастыря игуменъ Варѳоломей велѣлъ ему быть въ кельѣ у уставшика Тихона; а изъ того де монастыря пошолъ онъ того жъ монастыря съ старцемъ Саватіемъ въ кевролской уѣздъ къ Ортемію Верхолскому чудотворцу; а изъ того монастыря пошли съ тѣмъ старцемъ къ Устюгу Великому, и не дошедъ до Устога верстъ за 10, тотъ старецъ Саватій отъ него отсталъ, а сказалъ, что пошолъ въ новгородскіе предѣлы, а онъ де Ивашка пошолъ къ Устюгу, а на

Устюгѣ де онъ ни у кого не останавливался и не дневалъ, шолъ проходомъ. А съ Устюга де пошелъ онъ въ важской уѣздъ, въ монастырь препод. отца Варламія, отъ Шенкурскаго верстъ съ 8, и бывъ въ томъ монастырѣ у игумена въ кельѣ, а помниться де, что того игумена Іоною зовутъ. А изъ того монастыря пошолъ черезъ Шенкурской же къ Вологдѣ, и на Вологдѣ нанявъ подводу пріѣхалъ въ Ярославль, и въ томъ городѣ стоялъ на постояломъ дворѣ у посадскаго человѣка у Ивана Зилантьева, и въ праздникъ де Рождества Христова въ Ярославлѣ въ Спасскомъ монастырѣ у архимандрита Гаврила взялъ хлѣба и рыбы, и нанявъ подводу поѣхалъ къ Москвѣ, и пріѣхалъ канунъ Богоявленіева дни и пришелъ къ боярину ко князю Борису Алексѣевичу Голицыну на дворъ, и сказывалъ ему, князь Борису Алексѣевичу, вышеписанные слова, что онъ въ Еренску былъ и князь Василья Голицына видѣлъ, ему князь Борису Алексѣевичу сказывалъ затѣевъ.—И растрига Ивашка распрашиванъ, въ первомъ своемъ распросѣ и на очныхъ ставкахъ въ Еренску говорилъ, что онъ въ Еренску не былъ и князь Василья не видалъ, и тѣ свои рѣчи для чего онъ перемѣнилъ, не по подсылкѣ-ль отъ кого и не по наученью-ль чьему, и чтобъ онъ про то подлинно сказалъ, какъ было. И растрига сказалъ: „вину де свою къ Богу и къ нимъ вел. государемъ приноситъ, памятуя Бога и смертный часъ, что онъ въ Еренску не бывалъ, и на князь Василья Голицына затѣялъ напрасно, а подсылки де къ нему ни отъ кого и наученья ничьего не было.“ И привоженъ онъ роспопа къ пыткѣ и въ застѣнкѣ у пытки распрашиванъ съ пристрастіемъ; а въ распросѣ сказалъ, что въ Еренску не бывалъ и на князь Василья затѣялъ напрасно, а что де онъ и на Москвѣ въ застѣнкѣ передъ бояры говорилъ, что будто въ Еренску былъ и князь Василья видѣлъ, и то де онъ клепалъ напрасно-жъ, и въ той де его винѣ волны великіе государи. И послѣ распросу подыманъ и на вискѣ распрашиванъ же впрямь, не было-ль къ нему отъ кого какой подсылки и наученья, что онъ тѣ свои рѣчи перемѣнилъ. И онъ Ивашка на вискѣ говорилъ, что де подсылки и наученья къ нему ни отъ кого не было, а приноситъ де онъ вину свою къ вел. государемъ, помня смертный часъ, что онъ въ Еренску не бывалъ и князь Василья не видалъ, а къ боярину, ко князю Борису Алексѣевичу, на Москвѣ онъ приходилъ, и такіе слова ему сказывалъ, затѣявъ собою, чтобъ онъ былъ къ нему добръ. А и человѣка де его, князь Васильева, котораго онъ указалъ, поклепалъ напрасно-жъ. А не пытали его растриги для того, что онъ худъ; и въ наказѣ написано-распросить его съ пристрастіемъ, а пытать не указано. И отданъ онъ, до указу вел. государей за караулъ.

97.—98. *В. О Голицынѣ.* Въ прошломъ во 197 году, какъ онъ былъ на ихъ в. государей службѣ въ крымскомъ походѣ подъ Перекопомъ и у него съ крымскимъ ханомъ и съ его ближними людми пересылка была такая: отъ нихъ Крымцовъ въ его князь Васильевъ полкъ перестрѣлено было писмо татарское, чтобъ кровоabsразлитіе унять на обѣ стороны и говорить бы о миру. И по тому писму мыслилъ онъ, князь Василей, со всѣми товарыщи и съ гетманомъ, и написавъ писмо послали съ толмочами и велѣли къ нимъ перестрѣлить, чтобъ для договору прислали отъ себя къ нему князь Василью въ обозъ; и они прислали Кеманъ-мурзу Сулешева. И въ то время, какъ Кеманъ говорилъ о миру, были бояря, ивоеводы и генералы, и ротмистры, и столники, и полковники, и многихъ

чиповъ люди; и о томъ де писано въ отпискахъ его князь Васильевыхъ А окольничаго де Венедихта Андрѣевича Змѣева никуда не для чего онъ не посылалъ, и посылать было не для чего. А воинскаго промысла подъ Перекопомъ не чинилъ онъ для того, какъ пошли отъ самой Коирки и шли по самый Колончакъ 4 дни безъ воды, и отъ того люди отъ безводицы, также и лошади, истощали. И отъ Колончака до Перекопа шли два дни безъ воды жъ; но и болши людемъ и лошадямъ тягость учинилась. А у Перекопу стояли у самаго Чернаго и у Гнилаго моря и воды прѣсной никакой не было; и отъ того безводья люди и лошади многіе померли; а колодезей нѣтъ, а и въ Перекопи, по распросомъ татарскимъ, толко одинъ колодезь. Такое во всѣхъ полкѣхъ у конныхъ и у пѣхоты и у рейтаръ и у солдатъ хлѣба оскудѣніе и ходили по міру, а подъемныя лошади подъ нарядами и подъ полковыми припасы многія повалялись и люди обезсилѣли. И о томъ всѣ бояря и воеводы совѣтовали и призывали всѣхъ полковъ ротмистровъ и генераловъ и полковниковъ и иныхъ чиновъ, и рейтаръ также и пѣхотныхъ солдатскихъ и стрѣлецкихъ урядниковъ и пятидесятниковъ, и ту мысль свою имъ объявляли и про безводицу съ ними говорили и о промыслу надъ Перекопомъ и о приступѣ, для чего и туры и мѣшки съ землею были готовы, и тѣ вышеписанные чины всѣ единогласно говорили, что имъ великимъ государемъ служить и крови свои проливать готовы, а отъ безводья и отъ безхлѣбья изнурились и промышлять надъ Перекопью нелзя и отступить бы прочь; и если де намъ со всѣми полками перестоять у Перекопи два дни, также бы учинилось надъ нами, какъ и надъ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ съ товарыщи, и наряду бы и всякихъ полковыхъ припасовъ везти было не на чемъ, а отходъ далней и которые припасы отъ упалыхъ лошадей остались, и тѣ везли столники и стряпчіе и рейтары на своихъ лошадяхъ.... Перекопу шли до Богородицкаго четыре недѣли и четыре дни, и жары пришли великія и травы Татаровя кругомъ обоза почали ожигать, для того и отступили, и о томъ писано въ отпискахъ ихъ; а въ отходѣ бои были непрестанные, да и подъ самою Самарою у Богородицкаго города былъ бой съ ними. Татаръ которыхъ милостію Божіею и счастіемъ в. государей побили и языки и знамена многіе побрали, а Кармашка Татарина и Ивашка Тинбаева и переводчиковъ и толмачей съ писмомъ, онъ князь Василей, посылалъ и велѣлъ къ нимъ то писмо перестрѣлить противъ ихъ писма, о которомъ писано выше сего. А въ томъ писмѣ написано было, чтобъ они противъ своего писма прислали къ нимъ въ обозъ кого для договору, а человѣка своего Ивашка Тинбаева посылалъ онъ съ Татариномъ Кармашкомъ для того, что онъ умѣетъ татарскаго языка; а иныхъ писемъ къ хану и инымъ никому ни о чемъ не писывалъ и отъ нихъ никакихъ писемъ опричь тѣхъ не о чемъ не присылано жъ; а тѣ де писма, которыя перестрѣлены отъ Крымцовъ въ дѣлахъ, или у толмачей, того не упомнитъ, а умыслу его князь Васильева никакого не было, кромѣ того какъ въ душѣ его и въ сердцѣ, какъ самому Богу, такъ и имъ вел. государемъ служить и крови свои разливать всегда былъ готовъ, какъ и служилъ во всѣхъ дѣлехъ воинскихъ и въ посолскихъ и въ иныхъ всякихъ и въ приказныхъ, па что явное свидѣтельство въ разрядѣ и въ посолскомъ и въ малороссійскомъ и въ иноземномъ и въ пушкарскомъ приказахъ, а наипаче имъ, вел. государемъ самимъ извѣстно. И припадая къ ихъ государскимъ ногамъ, прося милостыни, дабы его

призрили милостиво на него безпомощнаго, какъ имъ в. государемъ, всемилосердный Богъ вліяетъ въ сердце ихъ государское объ немъ, князь Васильѣ.

Столбецъ 47. *Отвѣты Голицына о письмахъ* (напечат. въ Ист. Устрялова I пр. № VII. „Писмо писалъ и съ писмомъ посылаю. Донеси.“

Отвѣтъ. То де писмо онъ писалъ къ в. государынѣ для того, какъ онъ князь Василей пошолъ на службу, велѣно гетману, также и съ духовными кіевскими говорить и черезъ Левонтія Неплюева, чтобъ выписать изъ книгъ о святой евхаристіи, какъ достойно быть совершенно и тѣ писма бралъ у гетмана и черезъ Левонтія Неплюева и у духовныхъ, посылалъ къ в. государынѣ, и что въ иныхъ грамоткахъ явилось, что писма посылалъ, и то посылалъ въ тѣхъ грамоткахъ о томъ же писма розные.

2. „Чтобъ изъ памяти твоей дѣла тѣ не выходили, а кто въ сидѣньи радостенъ былъ, и тому не дивись, ежели не дано было свыше, то бъ такъ и дѣлать не дерзалъ. Писмо посылаю; изволь донести.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о служивыхъ дѣлехъ, а кто де въ сидѣньи радостенъ былъ, и то де писалъ къ нему Ѳедка Шакловитой о бояринѣ князь Михайлѣ Алегуковичѣ Черкаскомъ; для того что онъ князь Михайло Алегуковичь дѣла его порочилъ, а у него была съ нимъ ссора.

48. 3. „Отпиши, нѣтъ ли какихъ дьявольскихъ препонъ отъ тѣхъ.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ опасаясь непріятелей; а друзей и недрузей у него было много.

4. „А что ты писалъ ко мнѣ о Плохомъ. . . . и я о томъ писалъ причиною, и что станетъ чиниться, отпиши, а о Башевѣ какъ пріѣду, даромъ того не покину.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о непослушаніи, которые въ полку были непослушны, а о Башевѣ писалъ для того, что на Москвѣ его кн. Василья поносилъ.

6. „Что мой пріятель о мнѣ глаголетъ, нѣтъ-ли чего посторонняго.“

Отвѣтъ. Писалъ де онъ о тѣхъ, съ которыми у него въ то время была ссора.

7. О Иванѣ Дуниковѣи о Скобелцынѣ, время послать одного на струги кіевскіе, а другаго въ Запороги къ лодочному дѣлу, а нынѣ они въ Сумахъ вездѣ ходя бунтуютъ Ч. держалника и Борятинскаго К. Ѳ. Да отпиши, поѣхалъ-ли куда бо. К. Ѳ. на Москвѣ его не держите.“ А въ концѣ той грамотки написано: „азбуку принялъ и учиться буду.“

Отвѣтъ. То де писалъ онъ о держалникахъ боярина князь Михайла Алегуковича Черкаскаго и о князь Ѳедорѣ Борятинскомъ, а о азбукѣ де у него сказано выше сего.

8. „Цыдулки твои челъ. Удураковъ нечего хотѣть, кромѣ дурости. Естьли бъ воли было не дано и того бъ не было. Чтобъ сказки были крѣпки, которыя состоялись. Надежда въ Бозѣ, что поговоря и покинутъ.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о ротмистрахъ. А чтобъ сказки были крѣпки, и то писано о ратныхъ людехъ, которымъ велѣно быть по наряду на службѣ, чтобъ ихъ не отставливали.

9. „Для Бога, о Черкаскомъ какъ тебя Богъ наставитъ, старайся, а мнится мнѣ Ѳ. Зы. онъ такъ отходитъ, то также и Полибину, чтобъ

крѣпилъ Родіона; и отпиши, тако-ль при помощи Божіей Г. въ добромъ здоровьѣ. Да при томъ же объявляю, былъ у насъ столникъ съ наказомъ, и я обрадовался милости государской, его звалъ къ себѣ, и полчанъ ѣло 8 человѣкъ слишкомъ, и всѣ ради пили про государское здоровье. А послѣ обѣда чаша была государева, и я говорилъ о здоровьи государыни цса... и собшилъ имя ея вмѣстѣ съ государи. И ты по пріѣздѣ его столника провѣдай, что будетъ о томъ и объ иномъ словъ и отпиши."

Отвѣтъ. Написано де въ той грамоткѣ имянно, а *Ѳита* и *Зы* про околничаго Ѳедора Тихоновича Зыкова; а мнѣніе де его было, что онъ его ссорилъ съ бояриномъ со княземъ М. А. Черкаскимъ; а къ Полибину, и то де онъ писалъ къ околничему къ Богдану Ѳедоровичу, чтобъ къ нему князь Василью пріятствовалъ бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрешневъ. А что написанъ глаголь и то де про в. государей, таки-ль при помощи Божіей они в. государи въ добромъ здоровьѣ; а долгъ де всѣхъ нашъ, что всегда просить у Господа Бога и вѣдать о ихъ государскомъ здоровьѣ. А что въ поданіи чаши о собшеніи имя ея великіе государыни, и то де онъ писалъ опосаясь в. государей гнѣву, чтобъ на него чего не нанесли, естьлибъ не сообщить ей в. государыни.

10 „Что ты писалъ объ Волконскомъ державникѣ, и то зѣло добро. Мню, что про все они вѣдаютъ, и про подметные писма."

Отвѣтъ. То де онъ писалъ околничего князь Ѳедора Волконскаго о державникѣ, что онъ дѣлалъ Черкасомъ разореніе и налоги великіе, а про подметные писма, о тѣхъ, которые явились на Левонтья Неплюева отъ Камырицкихъ солдатъ.

11. „Вздорные бъ и воровскіе писма кончились, гдѣ не сумнѣваюсь, что за помазанцовъ Божіихъ тѣмъ ворамъ мѣста не будетъ, и Богъ ихъ обезглавитъ."

51. *Отвѣтъ.* То де писалъ онъ, желая имъ в. государямъ здоровья и счастья; для того писалъ къ нему Ѳедка Шакловитой про подмѣтные писма, а про какіе, про то сказать не упомнитъ. А извѣстно о тѣхъ писмахъ имъ в. государемъ самимъ.

12. Для Бога поступай, какъ тебѣ прежъ сего говорилъ, и ко мнѣ пиши. Для Бога смотри недреманнымъ окомъ, Ч. и чтобъ его въ то не допустить, хотя бъ патріархомъ или цам. или цтм отбивать.

Отвѣтъ. „То де онъ писалъ къ нему о полковыхъ дѣлехъ, что для Бога поступай, какъ онъ ему прежъ сего говорилъ. А „смотри не дреманнымъ окомъ" и написанъ червь, и чтобъ его въ то не допустить, хотя бъ в. государынями болшими царевнами и патріархомъ, и то де онъ писалъ о бояринѣ о кн. Михайлѣ Алегуковичѣ Черкаскомъ, въ то время, какъ у него съ нимъ бояриномъ была ссора. А носилось въ то время, что быть было ему боярина на Родіоново мѣсто Матвѣевича Стрешнева.

13. „О патріаршей дурости подивляюсь, отпиши, что порокъ на тѣ ризы и какимъ подобіемъ: то де дѣлаетъ все воля. Какъ бы менши имѣлъ входъ, тогда бъ лучше было."

52. *Отвѣтъ.* Писалъ де онъ для того, что патріархъ побралъ изъ Барашей ризы и кафтаны и служить въ нихъ не велѣлъ, а тѣ де ризы церковному чину не противны.

14. „О патріархѣ выразумѣлъ,“ и отъ того писма писано крюками строки съ двѣ.

Отвѣтъ. Что писано крюками и то де онъ писалъ съ азбуки, а безъ азбуки прочесть не возможно, потому что на той азбукѣ надъ всякимъ словомъ подписано было словенскимъ писмомъ. А и въ посолскомъ приказѣ пишутъ и переводятъ съ азбуки, подписной русскимъ писмомъ. А писать де онъ кн. Василей нынѣ такихъ словъ, и перевесть безъ азбуки не умѣетъ, а память де ему, князь Василью по той грамоткѣ, что то писмо о явленіи Пресвятой Богородицы Донскія, какъ она явилась того жъ монастыря архимандриту.

15. „Нѣтъ ли какого воровства отъ бунтовщиковъ?“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о тѣхъ бунтовщикахъ, которые остались со 190 году изъ стрѣлцовъ противными.

16. „Написано 10 словъ крюками, а послѣ того, то ни отъ чего учинилось, толко отъ того пріѣхали изъ Бѣлагорода ѣздоки до Москвы, кн. Юрья Щербатаго человѣкъ; слышали де тамъ тотъ на Москвѣ бунтъ,—то такъ на Москвѣ сказано.“

Отвѣтъ. Которые слова писаны по азбукѣ, и тѣхъ словъ ему безъ азбуки написать и прочесть не возможно; а мниться ему, что писано тожъ что и русскимъ писмомъ въ той-же грамоткѣ писано учинилось вѣдомо, что пріѣхали изъ Бѣлагорода и съ Москвы, что на Москвѣ шатость.

17. „О всемъ выразумѣешь изъ отписки моей, чтобъ тое отписку изволила в. государыня слушать не со всѣми бояры, но съ самыми вѣрными.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о шатости малороссійскаго краю.

18. Написано крюками 17 строкъ, да ниже того, въ трехъ мѣстахъ писано крюками же.

Отвѣтъ. Которыя де строки писаны крюками, и тѣхъ де словъ перевесть и прочесть ему безъ азбуки не возможно; а писано де то о гетманской шатости.

19. „Чрезъ почту отъ милости твоей писмо принялъ, изъ котораго увѣдомился, что милость твоя къ намъ ѣдетъ, за что Богу благодарствую, и тебѣ челомъ бью. А при томъ о дву статяхъ зело печалію болѣзную: первое, что съ твоимъ писмомъ нѣтъ писма изъ хоромъ; а для чего нѣтъ, и то въ писмѣ твоемъ не написано, а другое, что ты ѣдешь, а вѣдаешь самъ, что тамъ остался, и на кого въ чемъ положиться, я къ тебѣ о томъ и писалъ, чтобъ ты самъ не ѣздилъ. Велика Богу будетъ слава, что тамъ безъ тебя чего отъ воровъ не учинится.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ для того, что онъ Ѳедка сидѣлъ въ стрѣлецкомъ приказѣ, чтобъ шатости не учинилось отъ воровъ, тѣхъ которые подъ его властью.

20. „Научите меня, что съ тѣми дѣлать, которые имена у тебя въ памятцѣ написаны, какъ будутъ поступать.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о полчанехъ своихъ, которые его поносили, и товарищей его бояръ и воеводъ, чрезъ грамотки свои на Москвѣ.

21. „Пункты бъ государыня изволила прочесть у себя, а въ полатѣ бъ до меня не честь.“

Отвѣтъ. Для того не честь, что тѣ пункты писаны передъ прежними къ ихъ государской волѣ, и къ прибытку, а не къ ихъ малороссійскихъ городовъ самоволству.

22. „А о гетманѣ какъ учинилось, и о томъ писалъ я въ отпускахъ своихъ и въ грамоткахъ, изъ которыхъ о всемъ можешь выразумѣть; а пристойнѣе того и болши учинить не возможно; а что про него розыскивать, и такого образца николи не бывало. Изволте посмотрить въ старыхъ дѣлехъ, каковы они были противъ нынѣшныхъ поступокъ, и каково съ нынѣшнимъ нашимъ дѣломъ. А что отъ котораго лица какое злословіе, и то Богу вручаю, онъ то можетъ разсудить, какая въ томъ наша правда. Мы чаяли, что тѣ лица воздадутъ хвалу господу Богу и намъ милость, какъ то учинилось безо всякія помѣшки и кровопролитія и замѣшанія, коли ужъ то разсудить не могутъ. И они бъ взяли себѣ въ примѣръ турского салтана, который то учинилъ назадъ тому 2 года: однимъ лѣтомъ перемѣнилъ двухъ хановъ, по татарскому челобитью, не розыскивая, толко тому радъ былъ, что они у него въ послушаніи, и бунта какого не учинили. Не мудро-бъ и намъ не перемѣнить, толко бъ посмотрили, что изъ того родилось."

Отвѣтъ. „То де писалъ онъ по его Ѳедкину писму, что многіе о томъ не хотя его видѣть у нихъ в. государей въ милости, говорили: напрасно де стараго гетмана сняли, а новаго наставили.

23. Писано крюками 4 строки.

Отвѣтъ. То де писано о полчанехъ, а о комъ—не упомнитъ; а безъ азбуки прочесть не возможно.

24. „А объ Агѣѣ и о Борисовѣ дивлюся, кто врагъ то слово вмѣстилъ."

Отвѣтъ. То де писано объ Агѣѣ Шепелевѣ, и о Микиткѣ Борисовѣ, о томъ что затѣяно на него, бутто онъ Агѣя дралъ за бороду, а Микитку билъ.

25. „Отповѣди не могу тебѣ учинить, и ума на то собрать; гдѣ добро, тутъ зло, гдѣ невинно, тутъ винно; и многому подивляюсь, что не могутъ лучшаго изыскать."

Отвѣтъ. То де онъ писалъ по писму Ѳедки Шакловитова къ тѣмъ людямъ, которые службу его порочатъ.

26. Написано 8 словъ крюками, а послѣ того: „всегда безстрашіе являетъ дерзость, отъ чего происходитъ и воровство." А подъ тѣмъ написано шесть строкъ крюками, а по краю столбца 15 строчекъ.

Отвѣтъ. Писалъ о томъ же, что службу порочатъ, а крюками что писано, про то сказать не упомнитъ, а чаетъ что писано о томъ же, что службу порочатъ, а безъ азбуки прочесть неумѣетъ.

27. О писмѣ, какое перестрѣлили Крымцы на бою, и то писмо такое: „пишетъ нѣкакой человѣкъ безымянный, къ малороссійскимъ жителемъ, чтобъ пребывали съ ними въ миру. А Москва вамъ не вѣритъ и болшаго вашего хотятъ убить."

Отвѣтъ. То де писмо писано на имя гетманское и на всѣхъ старшинъ и посполство о соединеніи съ ними Крымцы, Черкесомъ и обше бы воевать государскія рати. А то де писмо въ приказѣ Малыя Россіи.

28. „Для Бога, донеси государынѣ, чтобъ не печалилась, изволила-бъ положить разсужденіе; а я о томъ доносилъ чрезъ писмо."

Отвѣтъ. То де писмо писано по его жъ Ѳедкину писму, что вѣдомо в. государямъ учинилось по отпускамъ околничего кн. Ѳедора Ивановича Шаховскаго и думнаго дворянина Василья Даниловича Мясного, что во всѣхъ черкаскихъ городѣхъ будто учинилось смятеніе, чего не бывало.

29. „Симъ писмомъ изволь донести, и что увѣдомилъ меня о вѣдомостяхъ московскихъ, о которыхъ ни отъ кого по се писмо не увѣдомился."

Отвѣтъ. Писмо де верховое было о животахъ гетманскихъ, чтобъ половина взять на в. государей, а другая отдать Черкасомъ. И то уволено, и онъ писалъ о томъ же.

30. „Писмо принялъ и посылаю писмо жъ, изволь донести. Изъ писма твоего выразумѣлъ зело. Изволилъ ты вымыслить то добре, толко бы то приложить въ сказкѣ, что для подлиннаго увѣдомленія посланы тѣ посылные стрѣлцы, о чемъ подлинно они видѣли и свидѣтелствуютъ, что такъ то учинилось, и имъ то надобно приказать, чтобъ они тожъ сказали согласно."

Отвѣтъ. То де писано объ ожженіи степей, и о томъ, которые стрѣлцы присланы въ полки; и то де они видѣли, и чтобъ они о томъ сказали согласно, что то такъ учинилось.

Да кн. Алексѣя Голицына велѣно распросить.

Столбецъ 61. Въ грамоткѣ своей къ отцу своему князь Василью въ крымскомъ походѣ, что де „ветры у насъ тихи, дай Богъ и впредь такъ, онъ князь Алексѣй писать приказывалъ и для чего, и почему онъ о тѣхъ вѣтрехъ дознавался, и какимъ гаданіемъ и съ котораго числа по которое число такіе тихіе ветры были, и что въ тѣхъ вѣтрехъ какихъ причинъ было.

Отвѣтъ. Такую де грамотку онъ къ отцу своему писалъ-ли, или нѣтъ, того онъ не упомнитъ. И то писмо ему казано; а смотря того писма сказалъ, что де то писмо не его руки. А возь буде такое писмо онъ къ отцу своему написать и велѣлъ въ то время, какъ отецъ его былъ въ крымскомъ походѣ, для того, что въ то время, поносныхъ словъ ни отъ кого про отца его не было, а хитрости онъ никакіе не знаетъ и гадателства не умѣетъ. А по осмотру то писмо съ писмами его кн. Алексѣевы руки не сходно.

Листы 112—114. О Миткѣ Силинѣ. Воръ и измѣнникъ Алешка Стрижевъ на товарища своего на вора жъ и богоотступника и волхва *Васку Иконника* говорилъ: какъ де онъ Алешка съ товарищемъ своимъ Андрюшкою Кондратьевымъ были въ хоромкѣ подъ Новодѣвичьемъ монастыремъ у распопы у Гришки Павлова, и къ нимъ де тотъ Васка, приходя похвалялся, что онъ богоотступникъ и самимъ сатаною владѣетъ; есть ли де государыня царевна дастъ ему пять тысячь рублевъ, и онъ сдѣлаетъ по прежнему; а хотя и не дастъ, и онъ де учинитъ для Сенки Медвѣдева, что имъ учинить то, какъ у ихъ обѣщано, что Сенкѣ быть въ московскомъ государствѣ царемъ, а царевнѣ за нимъ Сенкою быть неволею, а государи оба въ одну недѣлю умрутъ порчею. Да онъ же де Васка сказывалъ, что у Сенки Медвѣдева призванъ былъ изъ Полши волхвъ, будто лечить очи вел. государю царю и вел. князю Іоанну Алексѣевичу всея Россіи самодержцу, и жилъ у Сенки Медвѣдева. А распопа Гришка сказалъ: Сенка де Медвѣдевъ сказывалъ,

что у него былъ полской породы человѣкъ и сматривалъ на солнце, и видѣлъ въ немъ, отъ Бога назначено великое дѣло надъ московскимъ государствомъ, великое разореніе и смущеніе приближается на царствѣ, великіе де государи недолговѣчны, перво де одинъ къ Богу отъ идетъ, а послѣ его и другой; а послѣ ихъ будетъ великое смущеніе, какое еще на московское государство прежъ сего и не бывало, другъ друга станутъ убивать, всякъ захочетъ большой быть, и такъ де смятеніемъ бояръ и думныхъ и до послѣднихъ подъячихъ всѣхъ переберутъ, такъ что и хватиться будетъ не за кого, и тогда встанутъ народомъ и выберутъ себѣ царя изъ народа. Тогда де будетъ благоденствіе веліе. А сказываетъ де тотъ мужикъ, что царемъ выберутъ его Сенку, а Сенка Медвѣдевъ сказалъ, что у него иноземецъ полякъ изъ-за полскаго рубежа былъ, Миткою зовутъ Силинъ, и такіе слова ему, что государыня царевна послѣ великихъ государей будетъ владѣтельница и чернеческое платье съ него сниметъ и поидетъ за него Сенку, говорилъ.

И тотъ Митка, по посылкѣ изъ стрѣлецкаго приказу изъ за полскаго рубежа вызванъ на Луки Великія заводомъ, а съ Лукъ Великихъ привезенъ къ Москвѣ въ стрѣлецкой приказъ и распрашиванъ, и въ распросѣ межъ иными дѣлы сказалъ: тому шесть лѣтъ призванъ былъ изъ-за рубежа на Луки Великія и привезенъ къ Москвѣ въ Спасской монастырь, что за иконнымъ рядомъ, къ бывшему строителю къ Сенкѣ Медвѣдеву, и жилъ у него въ кельѣ три года; и въ разговорѣ де онъ Митка ему Сенкѣ говорилъ, что къ нему Миткѣ пріѣжзивали изъ Смоленска, изъ Полоцка, изъ Витебска многіе люди для того, что онъ Митка узнаваетъ въ животѣ болѣзнь, отъ кого какая болѣзнь прилучится. И онъ де животъ у многихъ щупалъ; да и въ солнце де онъ смотритъ и узнаваетъ въ солнцѣ, кому что будетъ. Да онъ же Митка у младенцовъ уговариваетъ грыжи, и отъ ускопу, или будетъ межъ мужа и жены совѣта не будетъ, пособляетъ. И Сенка де Медвѣдевъ велѣлъ ему Миткѣ посмотрить въ солнце, каковъ де будетъ князь Василей Голицынъ, и будетъ ли онъ на Москвѣ царемъ, также и Ѳедка Шакловитой какимъ чиномъ будетъ, и будетъ ли онъ великимъ княземъ, а онъ Сенка патріархомъ. А князь Василей де Голицынъ и Ѳедка Шакловитой ему Сенкѣ говорятъ: у нихъ де мышлено то, что въ московскомъ государствѣ учинить бунтъ, великаго государя, царя и вел. князя Петра Алексѣевича всея Россіи самодержца и государыню царицу и вел. княгиню Наталью Кириловну и весь родъ ихъ изгубить, а царь и вел. князь Іоаннъ Алексѣевичъ имъ и даромъ, а царевна де Софія Алексѣевна за князь Василья хотѣла идтить за мужъ; а Ѳедкѣ бъ быть подъ царемъ первымъ княземъ, а патріархомъ бы быть ему Сенкѣ, а патріарха бъ Іоакима сослать въ ссылку. А онъ де Сенка смотрилъ по звѣздамъ, и звѣзды де значатъ, что быть на Москвѣ кровопролитію великому. Бояря де за вел. государей не стоятъ, а сложились они съ князь Васильемъ за одно, а стрѣлцы де стоятъ за вел. государей. И онъ де Митка по тѣмъ Сенкинымъ словамъ ходилъ на Ивановскую колокольню великого съ чернцемъ Арсеньемъ, а въ третье съ Андрюшкою Бурмистровымъ, и въ солнце сматривалъ: и въ солнцѣ де онъ видѣлъ на вел. государехъ вѣнцы по обыкновенію на главахъ, а у князь Василья де Голицына вѣнецъ мотался около грудей и назади и съ сторонъ; а онъ стоялъ теменъ и ходилъ колесомъ, а царевна де Софья Алексѣевна была печална и смутна, Сенка

де Медвѣдевъ теменъ, а Ѳедка де Шакловитой стоялъ повѣся голову; и значило ему, что будетъ ему скорая смерть прежъ и Голицына. И смотря въ солнце, пришедъ къ Сенкѣ Медвѣдеву, сказывалъ, что по ихъ замыслу не станется, чтобъ они спасались. И онъ де ему говорилъ, что бредитъ. И для того де замыслу, у Сенки Медвѣдева князь Василей былъ дважды, а Ѳедка Шакловитой бывалъ не много не по всякую ночь, а отъ Сенки де ѣзживалъ передъ утромъ; и о томъ о всемъ мыслили, и межъ себя о томъ зломъ умыслѣ говаривали; то онъ Митка слыхалъ; а сиживалъ въ то время у Сенки въ кельѣ межъ чулана и печи, и про государское здоровье какъ говаривали, о убійствѣ слышалъ же.

Сенка де Медвѣдевъ съ Андрюшкою Бурмистровымъ посылалъ его къ князь Василью Голицыну, будто смотрить въ животѣ болѣзни. И онъ де къ князь Василью пришелъ, и князь Василей де спрашивалъ: будетъ ли де онъ на Москвѣ великимъ человѣкомъ, и онъ де Митка ему сказалъ: „что ни затѣялъ и тому не сбыться, болши де того ничего не будетъ." И князь Василей де, пожався, покачалъ головою и сказалъ ему, „что де ты дѣдъ бредишь." И смотря и говоря тѣ слова отъ него пошелъ прочь. И живучи де у Сенки Медвѣдева у князь Василья въ домѣ онъ Митка былъ дважды, смотрѣлъ у него въ животѣ болѣзни, щупалъ и сказалъ, что у него въ животѣ болѣзни никакой нѣтъ, а любитъ де онъ князь Василей чужбину, а своей жены не любитъ. И онъ де ему сказалъ: „правда де, дѣдушко, будешь де ты за то пожалованъ." Какъ въ первой крымской походъ князь Василей пошелъ, и Сенка де Медвѣдевъ велѣлъ ему Миткѣ посмотрить въ солнце и гадать: въ томъ походѣ князь Василью будетъ-ли счастіе или нѣтъ. И онъ де Митка въ солнце смотрилъ съ молитвою, а въ той молитвѣ говорилъ: „Боже мой и премилостивый, Мати Божія Богородица и Троица Живоначальная и Михайло архангелъ и вся силы небесныя, явите мнѣ, что я задумалъ, надъ князь Васильемъ Голицынымъ что будетъ, будетъ ли ему какое добро, или нѣтъ, и въ дѣлѣ его будетъ ли какое счастье или нѣтъ." И въ солнцѣ значило, что князь Василью въ томъ счастья никакого не будетъ, только что онъ государскую казну истратитъ и людей изомнетъ. Про то де онъ Сенкѣ Медвѣдеву сказывалъ же. А князь Василей Голицынъ и Ѳедка Шакловитой и Сенка Медвѣдевъ всѣ троя хотѣли московскимъ государствомъ завладѣть, и того желали.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. . . . . I.

I. Обзоръ сочиненій, касающихся правленія царевны Софіи Алексѣевны . . . . 1—56.

Медвѣдевъ 2. Розенбушъ и П. Гордонъ 4. Корбъ 7. Польскіе писатели 8. Шлейзингъ и Крѣль 10. Нёвиль 12. Желябужскій 16. Гюйсенъ и Манкіевъ 17. Драма „Стефанотокосъ“ 18. Перри 19. Страленбергъ и Веберъ 20. Ѳ. Прокоповичъ и Шафировъ 21. А. А. Матвѣевъ 22. Рабенеръ, Руссе и Катифоръ 26. Мовильонъ 29. Татищевъ 29. Ломоносовъ 30. Крекшинъ 31. Ал. Гордонъ и Штелинъ 33. Вольтеръ 34. Сумароковъ 35. Эминъ 36. Миллеръ 37. Ѳеодози 40. Щербатовъ 40. Левекъ и Коксъ 41. Болтинъ 41. „Мысли о Россіи“ 1792 г. 44. Карамзинъ 44. Голиковъ 45. Галемъ, Схельтма, Бергманъ, Сегюръ, Вилліамсъ и Пельцъ 47. Берхъ и „Исторія соцарствія въ Россіи“ 48. Долгоруковъ и Сахаровъ 49. Н. Полевой 50. П. Щебальскій 51. Н. Устряловъ 53. С. Соловьевъ 55.

II. Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи . . . . 57—70.

Волненія въ XVII в. и связь ихъ съ смутами времени правленія Софіи 58. Придворныя партіи 59. Уничтоженіе мѣстничества 60. Злоупотребленія правителей 61. Состояніе разныхъ классовъ общества въ царствованіе Ѳеодора Ал. 64. Избраніе Петра на царство 66. Торжество Нарышкиныхъ 67. Недовольство стрѣльцовъ на своихъ полковниковъ 67. Молва о правительствѣ Нарышкиныхъ 69.

III. Стрѣлецкій бунтъ 1682 г. . . . . 71—86.

Убійства въ Кремлѣ 15 мая 73. Происшествія *16* и *17* мая 74. Новые государственные правители 77. Причины возмущенія стрѣльцовъ 78. Попытка стрѣльцовъ освободить холоповъ 80. Награды стрѣльцамъ 81. Мнѣнія о проискахъ Софіи 82. Положеніе стрѣльцовъ послѣ бунта 84.

стр.

IV. Волненія раскольниковъ . . . . 87—96.

Московская власть свѣтская и духовная XVII в. 87. Общественное положеніе раскольниковъ 89. Коронованіе царей 91. Союзъ стрѣльцовъ съ раскольниками 92. Споры въ Грановитой палатѣ между раскольниками и православными 93. Казнь расколоучителей и значеніе мятежа раскольниковъ 95.

V. Ив. А. Хованскій и бунтъ стрѣльцовъ, послѣ его казни. 97—116.

Подозрительныя дѣйствія Хованскаго 97. Смутное настроеніе и боязнь народа въ Москвѣ 99. Отъѣздъ царскаго семейства изъ Москвы 100. Улики Хованскаго въ измѣнѣ и смертный приговоръ 101. Казнь Хованскаго съ сыномъ 102. Волненія стрѣльцовъ 103. Уничтоженія льготъ, данныхъ стрѣльцамъ 104. Преслѣдованіе прелѣстныхъ и смутныхъ словъ 108. Волненія на Украйнѣ и на Дону 109. Преслѣдованіе бѣглыхъ, разбойниковъ и раскольниковъ 112.

VI. Заговоръ Шакловитаго и паденіе Софіи. . . . . . 117—149.

Борьба партій въ правленіе царевны 118. Неудовольствія противъ ея сторонниковъ 119. Смутныя вѣсти и мѣры противъ нихъ 120. Усиленіе бояръ, враждебныхъ правительницѣ 122. Положеніе духовенства во враждѣ двухъ партій 125. Поводы къ столкновенію Петра и Софіи 126. Бѣгство Петра въ Троицкую лавру 127. Замыслы Шакловитаго 129. Взглядъ Софіи на ссору ея съ Петромъ 132. Участіе Медвѣдева въ бунтѣ 137. Положеніе В. В. Голицына 141. Дѣло Безобразова 144. Значеніе бунта Шакловитаго 147.

VII. Неудовольствія противъ царя Петра. . . . . 150—158.

Связь волненій въ правленіе Софіи съ послѣдующими смутами 150. Отношенія приверженцевъ царевны къ партіи Нарышкиныхъ 150. Заговоръ Цыклера 151. Движенія стрѣльцовъ въ *1698 г.* 153. Участіе царевны въ этомъ движеніи 155.

VIII. Примѣчанія. . . . . I—XLVII.

IX. Приложеніе . . . . 1—99.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

50-00

50-00

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Aristov, Nikolaj Jakovlevič,

Moskovskija smuty v pravlenie Carevny Sofii Aleksěevny

Varšava 1871

Russ. 276 n
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784082-4